

INDIANENSIS UNIVERSITATIS SIGILLUM
LUX
ET VERITAS
MDCCCXX

Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ XIX.

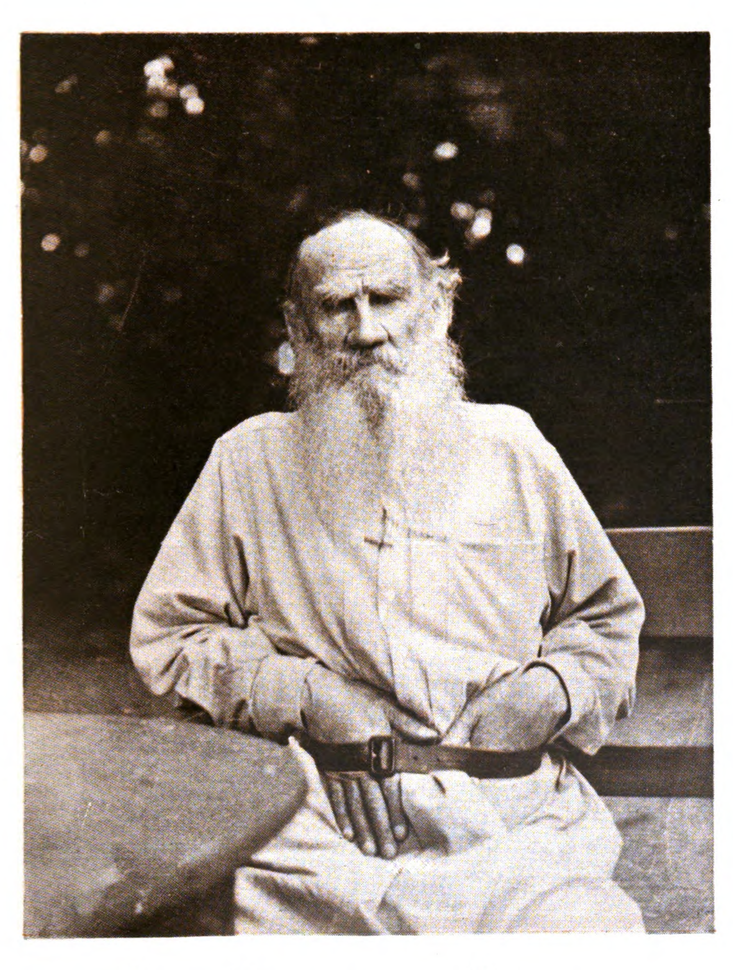
Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Изображеніе Л. Н. Толстого на переплетѣ скопировано съ медальона работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА.—1913.

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1905 г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ПОСМЕРТНАГО ИЗДАНІЯ.

ХАДЖИ-МУРАТЪ.

Я возвращался домой полями. Была самая середина лѣта. Луга убрали, и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подборъ цвѣтовъ этого времени года: красныя, бѣлыя, розовыя душистыя, пушистыя кашки; молочнобѣлыя, съ яркой желтой серединой «любишь не любишь», съ своей пріятной пряной вонью; желтая сурѣпка, съ своимъ медовымъ запахомъ; высоко стоящіе лиловые и бѣлые тюльпановидные колокольчики; ползучіе горошки; желтыя, красныя, розовыя скобіозы; лиловый, аккуратный, съ чуть розовымъ пухомъ и чуть слышнымъ пріятнымъ запахомъ подорожникъ; васильки— ярко-синіе на солнцѣ и въ молодости и голубые и краснѣющіе вечеромъ и подъ старость; и нѣжные, съ миндальнымъ запахомъ тотчасъ же вянущіе цвѣты повилики.

Я набралъ большой букетъ разныхъ цвѣтовъ и шелъ домой, когда замѣтилъ въ канавѣ чудный малиновый, въ полномъ цвѣту репей того сорта, который у насъ называется «татарникомъ» и который старательно окашиваютъ, а когда онъ нечаянно скошенъ, выкидываютъ изъ сѣна покосники, чтобы не колоть на него рукъ. Мнѣ вздумалось сорвать этотъ репей и положить его въ середину букета. Я слѣзъ въ канаву и, согнавъ впившагося въ середину цвѣтка и сладко и вяло заснувшаго тамъ мохнатаго шмеля, принялся срывать цвѣтокъ. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всѣхъ сторонъ, даже черезъ платокъ, которымъ я завернулъ руку,—онъ былъ такъ страшно крѣпокъ, что я бился съ нимъ минутъ пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконецъ, оторвалъ цвѣтокъ, стебель уже былъ весь въ лохмотьяхъ, да и цвѣтокъ уже не казался такъ свѣжъ и красивъ. Кромѣ того, онъ, по своей грубости и аляповатости, не подходилъ къ нѣжнымъ цвѣтамъ букета. Я пожалѣлъ, что напрасно погубилъ цвѣтокъ, который былъ хорошъ въ своемъ мѣстѣ, и бросилъ его. «Какая, однако,

энергія и сила жизни», подумалъ я, вспоминая тѣ усилія, съ которыми я отрывалъ цвѣтокъ. «Какъ онъ усиленно защищалъ и дорого продалъ свою жизнь».

Дорога къ дому шла паровыми, только что вспаханными черноземными полями. Я шелъ наизволокъ по пыльной черноземной дорогѣ. Вспаханное поле было помѣщичье, очень большое, такъ что съ обѣихъ сторонъ и впередъ въ гору ничего не было видно, кромѣ чернаго, ровно взбороржденнаго, еще не скороженнаго пара. Пахота была хорошая, и нигдѣ по полю не виднѣлось ни одного растенія, ни одной травки,—все было черно. «Экое разрушительное существо — человѣкъ, сколько уничтожилъ разнообразныхъ живыхъ существъ, растеній, для поддержанія своей жизни», думалъ я, невольно отыскивая что-нибудь живое среди этого мертваго, чернаго поля. Впереди меня, вправо отъ дороги, виднѣлся какой-то кустикъ. Когда я подошелъ ближе, я узналъ въ кустикѣ такого же «татарника», котораго цвѣтокъ я напрасно сорвалъ и бросилъ.

Кустъ «татарника» состоялъ изъ трехъ отростковъ. Одинъ былъ оторванъ, и, какъ отрубленная рука, торчалъ остатокъ вѣтки. На другихъ двухъ было на каждомъ по цвѣтку. Цвѣтки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Одинъ стебель былъ сломанъ, и половина его, съ грязнымъ цвѣткомъ на концѣ, висѣла книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчалъ кверху. Видно было, что весь кустикъ былъ переѣханъ колесомъ и уже послѣ поднялся и потому стоялъ бокомъ, но все-таки стоялъ,—точно вырвали у него кусокъ тѣла, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глазъ, но онъ все стоитъ и не сдается человѣку, уничтожившему всѣхъ его братьевъ кругомъ него.

«Экая энергія,—подумалъ я,—все побѣдилъ человѣкъ, милліоны травъ уничтожилъ, а этотъ все не сдается».

И мнѣ вспомнилась одна давнишняя кавказская исторія, часть которой я видѣлъ, часть слышалъ отъ очевидцевъ и часть вообразилъ себѣ. Эта исторія, какъ она сложилась въ моемъ воспоминаніи и воображеніи, вотъ какая.

I.

Это было въ концѣ 1851 года. Въ холодный ноябрьскій вечеръ Хаджи-Муратъ въѣзжалъ въ курившійся душистымъ кизячнымъ дымомъ чеченскій немирный аулъ Махкетъ, отстоящій верстъ двадцать отъ русскихъ владѣній.

Только что затихло напряженное пѣніе муэдзина [1]), и въ чистомъ горномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ кизячнаго дыма, отчетливо слышны были, изъ-за мычанія коровъ и блеянія овецъ, разбиравшихся по тѣснымъ, какъ соты слѣпленныхъ другъ съ другомъ, саклямъ аула, гортанные звуки спорящихъ мужскихъ голосовъ, женскіе и дѣтскіе голоса внизу отъ фонтана.

Хаджи-Муратъ этотъ былъ знаменитый своими подвигами наибъ Шамиля, не выѣзжавшій иначе, какъ съ своимъ значкомъ, въ сопровожденіи десятковъ мюридовъ, джигитовавшихъ вокругъ него. Теперь, закутанный въ башлыкъ и бурку, изъ-подъ которой торчала винтовка, онъ ѣхалъ съ однимъ мюридомъ, стараясь быть какъ можно меньше замѣченнымъ, вглядываясь своими быстрыми черными глазами въ лица попадавшихся ему по дорогѣ жителей.

Въѣхавъ въ середину аула, Хаджи-Муратъ поѣхалъ не по улицѣ, ведшей къ площади, а повернулъ влѣво въ узенькій проулочекъ. Подъѣхавъ ко второй въ проулочкѣ, врытой въ полугорѣ саклѣ, онъ остановился, оглядываясь. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, никого не было, на крышѣ же, за свѣже смазанной глиняной трубой, лежалъ человѣкъ, укрытый тулупомъ. Хаджи-Муратъ тронулъ лежавшаго на крышѣ человѣка рукояткой плетки и цокнулъ языкомъ. Изъ-подъ тулупа поднялся старикъ въ ночной шапкѣ и лоснящемся, старомъ бешметѣ. Глаза старика, безъ рѣсницъ, были красны и влажны, и онъ, чтобы разлѣпить ихъ, мигалъ ими. Хаджи-Муратъ проговорилъ обычное: «Селямъ алейкумъ», и открылъ лицо.

— Алейкумъ селямъ,—улыбаясь беззубымъ ртомъ, проговорилъ старикъ, узнавъ Хаджи-Мурата, и, поднявшись на свои худыя ноги, сталъ попадать ими въ стоявшія подлѣ трубы туфли съ деревянными каблуками. Обувшись, онъ не торопясь надѣлъ въ рукава нагольный, сморщенный тулупъ и полѣзъ задомъ внизъ по лѣстницѣ, приставленной къ крышѣ. И одѣваясь и слѣзая, старикъ покачивалъ головой на тонкой, сморщенной, загорѣлой шеѣ и не переставая шамкалъ беззубымъ ртомъ. Сойдя на землю, онъ гостепріимно взялся за поводъ лошади Хаджи-Мурата и правое стремя, но быстро слѣзшій съ своей лошади, ловкій, сильный мюридъ Хаджи-Мурата, отстранивъ старика, замѣнилъ его.

Хаджи-Муратъ слѣзъ съ лошади и, слегка прихрамывая, вошелъ подъ навѣсъ. Навстрѣчу ему изъ двери быстро вышелъ

---

[1]) Въ концѣ тома приложенъ краткій словарь нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ повѣсти «Хаджи-Муратъ» восточныхъ и народныхъ словъ и спеціальныхъ терминовъ.

лѣтъ пятнадцати мальчикъ и удивленно уставился черными, какъ спѣлая смородина, блестящими глазами на пріѣхавшихъ.

— Бѣги въ мечеть, зови отца,—приказалъ ему старикъ и, опередивъ Хаджи-Мурата, отворилъ ему легкую, скрипѣвшую дверь въ саклю. Въ то время, какъ Хаджи-Муратъ входилъ, изъ внутренней двери вышла немолодая, тонкая, худая женщина, въ красномъ бешметѣ на желтой рубахѣ и синихъ шароварахъ, неся подушки.

— Приходъ твой къ счастью,—сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стѣны для сидѣнія гостя.

— Сыновья твои чтобы живы были,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ, снявъ съ себя бурку, винтовку и шашку, и отдалъ ихъ старику.

Старикъ осторожно повѣсилъ на гвоздь винтовку и шашку подлѣ висѣвшаго оружія хозяина, между двумя большими тазами, блестящими на гладко вымазанной и чисто выбѣленной стѣнѣ. Хаджи-Муратъ, оправивъ на себѣ пистолетъ за спиною, подошелъ къ разложеннымъ подушкамъ и, запахивая черкеску, сѣлъ на нихъ. Старикъ сѣлъ подлѣ него на свои голыя пятки, закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху. Хаджи-Муратъ сдѣлалъ то же. Потомъ они оба, прочтя молитву, огладили себѣ лица руками, соединивъ ихъ въ концѣ бороды.

— Не хабаръ?—спросилъ Хаджи-Муратъ старика (т.-е. что новаго?).

— Хабаръ іокъ (нѣтъ новаго),—отвѣчалъ старикъ, глядя не въ лицо, а на грудь Хаджи-Мурата своими красными, безжизненными глазами.—Я на пчельникѣ живу, нынче только пришелъ сына провѣдать. Онъ знаетъ.

Хаджи-Муратъ понялъ, что старикъ не хочетъ говорить того, что̀ знаетъ и что̀ нужно было знать Хаджи-Мурату, и, слегка кивнувъ головой, не сталъ больше спрашивать.

— Хорошаго новаго ничего нѣтъ,—заговорилъ старикъ.—Только и новаго, что все зайцы совѣщаются, какъ имъ орловъ прогнать. А орлы все рвутъ то одного, то другого. На прошлой недѣлѣ русскія собаки у Мичицкихъ сѣно сожгли, раздерись ихъ лицо,—злобно прохрипѣлъ старикъ.

Вошелъ мюридъ Хаджи-Мурата и, мягко ступая большими шагами своихъ сильныхъ ногъ по земляному полу, такъ же, какъ Хаджи-Муратъ, снялъ бурку, винтовку и шашку и, оставивъ на себѣ только кинжалъ и пистолетъ, самъ повѣсилъ ихъ на тѣ же гвозди, на которыхъ висѣло оружіе Хаджи-Мурата.

— Онъ кто?—спросилъ старикъ у Хаджи-Мурата, указывая на вошедшаго.

— Мюридъ мой. Элдаръ имя ему,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Хорошо,—сказалъ старикъ и указалъ Элдару мѣсто на войлокѣ, подлѣ Хаджи-Мурата.

Элдаръ сѣлъ, скрестивъ ноги, и молча уставился своими красивыми, бараньими глазами на лицо разговорившагося старика. Старикъ разсказывалъ, какъ ихніе молодцы на прошлой недѣлѣ поймали двухъ солдатъ, одного убили, а другого послали въ Ведено къ Шамилю. Хаджи-Муратъ разсѣянно слушалъ, поглядывая на дверь и прислушиваясь къ наружнымъ звукамъ. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, послышались шаги, дверь скрипнула, и вошелъ хозяинъ.

Хозяинъ сакли, Садо, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ маленькой бородкой, длиннымъ носомъ и такими же черными, хотя и не столь блестящими глазами, какъ у пятнадцатилѣтняго мальчика, его сына, который бѣгалъ за нимъ и вмѣстѣ съ отцомъ вошелъ въ саклю и сѣлъ у двери. Снявъ у двери деревянные башмаки, хозяинъ сдвинулъ на затылокъ давно не бритой, зарастающей чернымъ волосомъ головы старую, истертую папаху и тотчасъ же сѣлъ противъ Хаджи-Мурата на корточки.

Такъ же, какъ и старикъ, онъ закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху, прочелъ молитву, отеръ руками лицо и только тогда началъ говорить. Онъ разсказалъ, что отъ Шамиля былъ приказъ задержать Хаджи-Мурата, живого или мертваго, что вчера только уѣхали посланные Шамиля, и что народъ боится ослушаться Шамиля, и что поэтому надо быть осторожнымъ.

— У меня въ домѣ,—сказалъ Садо,—моему кунаку, пока я живъ, никто ничего не сдѣлаетъ. А вотъ въ полѣ какъ? Думать надо.

Хаджи-Муратъ внимательно слушалъ и одобрительно кивалъ головой и, когда Садо кончилъ, онъ сказалъ:

— Хорошо. Теперь надо послать къ русскимъ человѣка съ письмомъ. Мой мюридъ поѣдетъ, только проводника надо.

— Брата Бату пошлю,—сказалъ Садо.—Позови Бату,—обратился онъ къ сыну.

Мальчикъ, какъ на пружинахъ, вскочилъ на рѣзвыя ноги и быстро, махая руками, вышелъ изъ сакли. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ чернозагорѣлымъ, жилистымъ, коротконогимъ чеченцемъ въ разлѣзающейся желтой черкескѣ, съ оборванными—бахромой—рукавами и [въ] спущенныхъ черныхъ ноговицахъ. Хаджи-Муратъ поздоровался съ вновь пришедшимъ и тотчасъ же, также не теряя лишнихъ словъ, сказалъ:

— Можешь свести моего мюрида къ русскимъ?

— Можно,—весело отвѣчалъ Бата.—Все можно. Противъ меня ни одинъ чеченецъ не сумѣетъ пройти. А то другой пойдетъ, все обѣщаетъ, да ничего не сдѣлаетъ. А я могу.

— Ладно,—сказалъ Хаджи-Муратъ.—За труды получишь три,—сказалъ онъ, выставляя три пальца.

Бата кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ, но прибавилъ, что ему дороги не деньги, а онъ изъ чести готовъ служить Хаджи-Мурату. Всѣ въ горахъ знаютъ Хаджи-Мурата, какъ онъ русскихъ свиней билъ.

— Хорошо,—сказалъ Хаджи-Муратъ.—Веревка хороша длинная, а рѣчь короткая.

— Ну, молчать буду,—сказалъ Бата.

— Гдѣ Аргунъ заворачиваетъ, противъ кручи, поляна въ лѣсу, два стога стоятъ. Знаешь?

— Знаю.

— Тамъ мои три конныхъ меня ждутъ,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Айя,—кивая головой, говорилъ Бата.

— Спросишь Ханъ-Магому. Ханъ-Магома знаетъ, что дѣлать и что говорить. Его свести къ русскому начальнику, къ Воронцову, князю. Можешь?

— Сведу.

— Свести и назадъ привести. Можешь?

— Можно.

— Сведешь, вернешься въ лѣсъ. И я тамъ буду.

— Все сдѣлаю,—сказалъ Бата, поднялся и, приложивъ руки къ груди, вышелъ.

— Еще человѣка въ Гехи послать надо,—сказалъ Хаджи-Муратъ хозяину, когда Бата вышелъ.—Въ Гехахъ надо вотъ что,—началъ было онъ, взявшись за одинъ изъ хозырей черкески, но тотчасъ же опустилъ руку и замолчалъ, увидавъ входившихъ въ саклю двухъ женщинъ.

Одна была жена Садо, та самая немолодая, худая женщина, которая укладывала подушки. Другая была совсѣмъ молодая дѣвочка въ красныхъ шароварахъ и зеленомъ бешметѣ, съ закрывавшей всю грудь занавѣской изъ серебряныхъ монетъ. На концѣ ея не длинной, но толстой, жесткой черной косы, лежавшей между плечъ худой спины, былъ привѣшенъ серебряный рубль; такіе же черные, смородинные глаза такъ же, какъ у отца и брата, весело блестѣли на молодомъ, старавшемся быть строгимъ лицѣ. Она не смотрѣла на гостей, но видно было, что чувствовала ихъ присутствіе.

Жена Садо несла низкій, круглый столикъ, на которомъ были чай, пильгиши, блины въ маслѣ, сыръ, чурéкъ (тонко раскатанный хлѣбъ) и медъ. Дѣвочка несла тазъ, кумганъ и полотенце.

Садо и Хаджи-Муратъ—оба молчали во все время, пока женщины, тихо двигаясь въ своихъ красныхъ мягкихъ, безподошвенныхъ чувякахъ, устанавливали принесенное передъ гостями. Элдаръ, устремивъ свои бараньи глаза на скрещенныя ноги, былъ неподвиженъ, какъ статуя, во все время, пока женщины были въ саклѣ. Только когда женщины вышли и совершенно затихли за дверью ихъ мягкіе шаги, Элдаръ облегченно вздохнулъ, а Хаджи-Муратъ досталъ одинъ изъ хозырей черкески, вынулъ пулю, затыкающую его, и изъ-подъ пули свернутую трубочкой записку.

— Сыну отдать,—сказалъ онъ, показывая записку.

— Куда отвѣтъ?—спросилъ Садо.

— Тебѣ, а ты мнѣ доставишь.

— Будетъ сдѣлано,—сказалъ Садо и переложилъ записку въ хозырь своей черкески. Потомъ, взявъ въ руки кумганъ, онъ придвинулъ къ Хаджи-Мурату тазъ. Хаджи-Муратъ засучилъ рукава бешмета на мускулистыхъ, бѣлыхъ выше кистей рукахъ и подставилъ ихъ подъ струю холодной, прозрачной воды, которую лилъ изъ кумгана Садо. Вытеревъ руки суровымъ чистымъ полотенцемъ, Хаджи-Муратъ подвинулся къ ѣдѣ. То же сдѣлалъ Элдаръ. Пока гости ѣли, Садо сидѣлъ противъ нихъ и нѣсколько разъ благодарилъ за посѣщеніе. Сидѣвшій у двери мальчикъ, не спуская своихъ блестящихъ черныхъ глазъ съ Хаджи-Мурата, улыбался, какъ бы подтверждая своей улыбкой слова отца.

Несмотря на то, что Хаджи-Муратъ болѣе сутокъ ничего не ѣлъ, онъ съѣлъ только немного хлѣба, сыра и, доставъ изъ-подъ кинжала ножичекъ, набралъ меду и намазалъ его на хлѣбъ.

— Нашъ медъ хорошій. Нынѣшній годъ изо всѣхъ годовъ медъ: и много и хорошъ,—сказалъ старикъ, видимо довольный тѣмъ, что Хаджи-Муратъ ѣлъ его медъ.

— Спасибо, — сказалъ Хаджи-Муратъ и отстранился отъ ѣды. Элдару хотѣлось еще ѣсть, но онъ такъ же, какъ и его мюршидъ, отодвинулся отъ стола и подалъ Хаджи-Мурату тазъ и кумганъ.

Садо зналъ, что, принимая Хаджи-Мурата, онъ рисковалъ жизнью, такъ какъ послѣ ссоры Шамиля съ Хаджи-Муратомъ было объявлено всѣмъ жителямъ Чечни, подъ угрозой казни, не принимать Хаджи-Мурата. Онъ зналъ, что жители аула вся-

кую минуту могли узнать про присутствіе Хажди-Мурата въ его домѣ и могли потребовать его выдачи. Но это не только не смущало, но радовало Садо. Садо считалъ своимъ долгомъ защищать гостя, хотя бы это стоило ему жизни, и онъ радовался на себя, гордился собой за то, что поступаетъ такъ, какъ должно.

— Пока ты въ моемъ домѣ и голова моя на плечахъ, никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ,—повторилъ онъ Хаджи-Мурату.

Хаджи-Муратъ посмотрѣлъ въ его блестящіе глаза, и, понявъ, что это была правда, нѣсколько торжественно сказалъ:

— Да получишь ты радость и жизнь.

Садо молча прижалъ руки къ груди въ знакъ благодарности за доброе слово.

Закрывъ ставни сакли и заготовя сучья въ каминѣ, Садо въ особенно веселомъ и возбужденномъ состояніи вышелъ изъ кунацкой и вошелъ въ то отдѣленіе сакли, гдѣ жило все его семейство. Женщины еще не спали и говорили объ опасныхъ гостяхъ, которые ночевали у нихъ въ кунацкой.

II.

Въ эту самую ночь изъ передовой крѣпости Воздвиженской, въ двадцати верстахъ отъ аула, въ которомъ ночевалъ Хаджи-Муратъ, вышли изъ укрѣпленія за шахгиринскія ворота три солдата съ унтеръ-офицеромъ. Солдаты были въ полушубкахъ и папахахъ, съ скатанными шинелями черезъ плечо и [въ] большихъ сапогахъ выше колѣна, какъ тогда ходили кавказскіе солдаты. Солдаты съ ружьями на плечахъ шли сначала по дорогѣ, потомъ, пройдя шаговъ пятьсотъ, свернули съ нея и, шурша сапогами по сухимъ листьямъ, прошли шаговъ двадцать вправо и остановились у сломанной чинары, черный стволъ которой виднѣлся и въ темнотѣ. Къ этой чинарѣ высылался обыкновенно секретъ.

Яркія звѣзды, которыя какъ бы бѣжали по макушкамъ деревъ, пока солдаты шли лѣсомъ, теперь остановились, ярко блестя между оголенныхъ вѣтвей деревъ.

— Спасибо, сухо,—сказалъ унтеръ-офицеръ Пановъ, снимая съ плеча длинное, съ штыкомъ ружье и, брякнувъ имъ, прислонилъ его къ стволу дерева. Три солдата сдѣлали то же.

— А вѣдь и есть — потерялъ, — сердито проворчалъ Пановъ,—либо забылъ, либо выскочила дорогой.

— Чего ищешь-то?—спросилъ одинъ изъ солдатъ бодрымъ, веселымъ голосомъ.

— Трубку,—чортъ ее знаетъ куда запропала.
— Чубукъ-то цѣлъ?—спросилъ бодрый голосъ.
— Чубукъ—вотъ онъ.
— А въ землю прямо?
— Ну, гдѣ тамъ.
— Это мы наладимъ живо.

Курить въ секретѣ запрещалось, но секретъ этотъ былъ почти не секретъ, а скорѣе передовой караулъ, который высылался затѣмъ, чтобы горцы не могли незамѣтно подвезти, какъ они дѣлали прежде, орудіе и стрѣлять по укрѣпленію, и Пановъ не считалъ нужнымъ лишать себя куренія и потому согласился на предложеніе веселаго солдата. Веселый солдатъ досталъ изъ кармана ножикъ и сталъ копать землю. Выкопавъ ямку, онъ обгладилъ ее, приладилъ къ ней чубучокъ, потомъ наложилъ табаку въ ямку, прижалъ его—и трубка была готова. Сѣрничокъ загорѣлся, освѣтивъ на мгновенье скуластое лицо лежавшаго на брюхѣ солдата. Въ чубукѣ засвистѣло, и Пановъ почуялъ пріятный запахъ загорѣвшейся махорки.

— Наладилъ? — сказалъ онъ, поднимаясь на ноги.
— А то какъ же.
— Эка молодчина Авдеевъ, прокуратъ малый. Ну-ка?

Авдеевъ отвалился на бокъ, давая мѣсто Панову и выпуская дымъ изо рта.

Пановъ легъ на брюхо и, обтеревъ чубучокъ рукавомъ, сталъ затягиваться.

Накурившись, между солдатами завязался разговоръ.

— А сказывали, ротный-то опять въ ящикъ залѣзъ, проигрался вишь, — сказалъ одинъ изъ солдатъ лѣнивымъ голосомъ.
— Отдастъ, — сказалъ Пановъ.
— Извѣстно, офицеръ хорошій, — подтвердилъ Авдеевъ.
— Хорошій, хорошій, — мрачно продолжалъ начавшій разговоръ, — по моему совѣту надо ротѣ поговорить съ нимъ; коли взялъ, такъ скажи, сколько и когда отдашь.
— Какъ рота разсудитъ, — сказалъ Пановъ, отрываясь отъ трубки.
— Извѣстное дѣло, міръ — большой человѣкъ, — подтвердилъ Авдеевъ.
— Надо вѣдь овса купить да сапоги къ веснѣ справить, денежки нужны, а какъ онъ ихъ забралъ... — настаивалъ недовольный.
— Говорю, какъ рота хочетъ, — повторилъ Пановъ. — Не въ первый разъ, — возьметъ и отдастъ.

Въ тѣ времена на Кавказѣ каждая рота завѣдывала черезъ своихъ выборныхъ всѣмъ хозяйствомъ. Она получала деньги отъ казны по 6 рублей 50 копеекъ на человѣка и сама себя продовольствовала: сажала капусту, косила сѣно, держала свои повозки, щеголяла сытыми ротными лошадьми. Деньги же ротныя находились въ ящикѣ, ключи отъ котораго были у ротнаго командира, и случалось часто, что ротный командиръ бралъ взаймы изъ ящика. Такъ было и теперь, и про это-то и говорили солдаты. Мрачный солдатъ Никитинъ хотѣлъ потребовать отчетъ отъ ротнаго, а Пановъ и Авдеевъ считали, что этого не нужно было.

Послѣ Панова покурилъ и Никитинъ и, подстеливъ подъ себя шинель, сѣлъ, прислонясь къ дереву. Солдаты затихли. Только слышно было, какъ вѣтеръ шевелилъ высоко надъ головами макушки деревъ. Вдругъ изъ-за этого не перестающаго тихаго шелеста послышался вой, визгъ, плачъ, хохотъ шакаловъ.

— Вишь, проклятые, какъ заливаются, — сказалъ Авдеевъ.

— Это они съ тебя смѣются, что у тебя рожа на боку, — сказалъ тонкій хохлацкій голосъ четвертаго солдата.

Опять все затихло, только вѣтеръ шевелилъ сучья деревъ, то открывая, то закрывая звѣзды.

— А что, Антонычъ, — вдругъ спросилъ веселый Авдеевъ Панова, — бываетъ тебѣ, когда скучно.

— Какая же скука, — неохотно отвѣчалъ Пановъ.

— А мнѣ другой разъ такъ-то скучно, такъ скучно, что, кажись, и самъ не знаю, что бы надъ собою сдѣлалъ.

— Вишь ты! — сказалъ Пановъ.

— Я тогда деньги-то пропилъ, вѣдь это все отъ скуки. Накатило, накатило на меня. Думаю: дай, пьянъ нарѣжусь.

— А бываетъ, съ вина еще хуже.

— И это было, да куда дѣнешься.

— Да съ чего же скучаешь-то?

— Я-то? Да по дому скучаю?

— Что жъ, богато жили?

— Не то, что богачи, а жили справно. Хорошо жили.

И Авдеевъ сталъ разсказывать то, что онъ уже много разъ разсказывалъ тому же Панову.

— Вѣдь я охотой за брата пошелъ, — разсказывалъ Авдеевъ. — У него ребята самъ-пятъ, а меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мнѣ, авось, попомнятъ мое добро. Сходилъ къ барину. Баринъ у насъ хорошій, говоритъ, молодецъ, ступай. Такъ и пошелъ за брата.

— Что жъ, это хорошо, — сказалъ Пановъ.

— А вотъ вѣришь ли, Антонычъ, теперь скучаю. И больше съ того и скучаю, что зачѣмъ, молъ, ты за брата пошелъ. Онъ, молъ, теперь царствуетъ, а ты вотъ мучаешься. И что больше думаю, то хуже. Такой грѣхъ, видно.

Авдеевъ помолчалъ.

— Аль покуримъ опять? — спросилъ Авдеевъ.

— Ну что жъ, налаживай.

Но курить солдатамъ не пришлось. Только что Авдеевъ всталъ и хотѣлъ налаживать опять трубку, какъ изъ-за шелеста вѣтра послышались шаги по дорогѣ. Пановъ взялъ ружье и толкнулъ ногой Никитина. Никитинъ всталъ на ноги и поднялъ шинель. Поднялся и третій — Бондаренко.

— А я, братцы, какой сонъ видѣлъ...

Авдеевъ шикнулъ на Бондаренко, и солдаты замерли, прислушиваясь. Мягкіе шаги людей, обутыхъ не въ сапоги, приближались. Все явственнѣе и явственнѣе слышалось въ темнотѣ хрустѣніе листьевъ и сухихъ вѣтокъ. Потомъ послышался говоръ на томъ особенномъ, гортанномъ языкѣ, которымъ говорятъ чеченцы. Солдаты теперь не только слышали, но и увидали двѣ тѣни, проходившія въ просвѣтѣ между деревьями. Одна тѣнь была пониже, другая — повыше. Когда тѣни поравнялись съ солдатами, Пановъ, съ ружьемъ на руку, вмѣстѣ съ своими двумя товарищами выступилъ на дорогу.

— Кто идетъ? — крикнулъ онъ.

— Чеченъ мирная, — заговорилъ тотъ, который былъ пониже. Это былъ Бата. — Ружье іокъ, шашка іокъ, — говорилъ онъ, показывая на себя. — Кинезъ надо.

Тотъ, который былъ повыше, молча стоялъ подлѣ своего товарища. На немъ тоже не было оружія.

— Лазутчикъ, значитъ, — къ полковому, — сказалъ Пановъ, объясняя своимъ товарищамъ.

— Кинезъ Воронцовъ крѣпко надо, большой дѣло надо, — говорилъ Бата.

— Ладно, ладно, сведемъ, — сказалъ Пановъ. — Что жъ, веди, что ли, ты съ Бондаренкой,—обратился онъ къ Авдееву, — а сдашь дежурному, приходи опять. Смотри,—сказалъ Пановъ, — осторожнѣе, впереди себя вели идти.

— А это что? — сказалъ Авдеевъ, сдѣлавъ движеніе ружьемъ съ штыкомъ, какъ будто онъ закалываетъ. — Пырну разокъ — и паръ вонъ.

— Куда же онъ годится, коли заколешь, — сказалъ Бондаренко.

— Ну, маршъ?

Когда затихли шаги двухъ солдатъ съ лазутчиками, Пановъ и Никитинъ вернулись на свое мѣсто.

— И чортъ ихъ носитъ по ночамъ, — сказалъ Никитинъ.

— Стало быть, нужно,—сказалъ Пановъ.—А свѣжо стало,— прибавилъ онъ и, раскатавъ шинель, надѣлъ и сѣлъ къ дереву.

Часа черезъ два вернулся и Авдеевъ съ Бондаренкой.

— Что жъ, сдалъ? — спросилъ Пановъ.

— Сдали. У полкового еще не спятъ. Прямо къ нему свели. И какіе эти, братецъ ты мой, гололобые ребята хорошіе, — продолжалъ Авдеевъ. — Ей-Богу. Я съ ними какъ разговорился.

— Ты, извѣстно, разговоришься, — недовольно сказалъ Никитинъ.

— Право, совсѣмъ какъ россійскіе. Одинъ женатый. Марушка, говорю, баръ? — Баръ, говоритъ.—Баранчукъ, говорю, баръ? — Баръ, много. — Парочка? — Парочка, говоритъ. — Такъ разговорились хорошо. Хорошіе ребята.

— Какъ же, хорошіе,—сказалъ Никитинъ,—попадись ему только одинъ на одинъ, онъ тебѣ требуху выпуститъ.

— Должно, скоро свѣтать будетъ, — сказалъ Пановъ.

— Да ужъ звѣздочки потухать стали, — сказалъ Авдеевъ, усаживаясь.

И солдаты опять затихли.

III.

Въ окнахъ казармъ и солдатскихъ домиковъ давно уже было темно, но въ одномъ изъ лучшихъ домовъ крѣпости свѣтились еще всѣ окна. Домъ этотъ занималъ полковой командиръ Куринскаго полка, сынъ главнокомандующаго, флигель-адъютантъ, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. Воронцовъ жилъ съ женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жилъ въ маленькой кавказской крѣпости роскошно, какъ никто никогда не жилъ здѣсь. Воронцову и въ особенности его женѣ казалось, что они живутъ здѣсь не только скромной, но исполненной лишеній жизнью; здѣшнихъ же жителей жизнь эта удивляла своей необыкновенной роскошью.

Теперь, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ большой гостиной, съ ковромъ во всю комнату, съ опущенными тяжелыми портьерами, за ломбернымъ столомъ, освѣщеннымъ четырьмя свѣчами, сидѣли хозяева съ гостями и играли въ карты. Одинъ изъ играю-

щихъ былъ самъ хозяинъ, длиннолицый, бѣлокурый полковникъ съ флигель-адъютантскими вензелями и аксельбантами, Воронцовъ; партнеромъ его былъ кандидатъ Петербургскаго университета, недавно выписанный княгиней Воронцовой учитель для ея маленькаго сына отъ перваго мужа, лохматый юноша угрюмаго вида. Противъ нихъ играли два офицера: одинъ—широколицый, румяный, перешедшій изъ гвардіи, ротный командиръ Полторацкій, и очень прямо сидѣвшій, съ холоднымъ выраженіемъ красиваго лица, полковой адъютантъ. Сама княгиня Марья Васильевна, крупная, большеглазая, чернобровая красавица, сидѣла подлѣ Полторацкаго, касаясь его ногъ своимъ криналиномъ и заглядывая ему въ карты. И въ ея словахъ, и въ ея взглядахъ, и улыбкѣ, и во всѣхъ движеніяхъ ея тѣла, и въ духахъ, которыми отъ нея пахло, было то, что доводило Полторацкаго до забвенія всего, кромѣ сознанія ея близости, и онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, все болѣе и болѣе раздражая своего партнера.

— Нѣтъ, это невозможно! Опять просолилъ туза,—весь покраснѣвъ, проговорилъ адъютантъ, когда Полторацкій скинулъ туза.

Полторацкій, точно проснувшись, не понимая глядѣлъ своими добрыми, широко разставленными черными глазами на недовольнаго адъютанта.

— Ну, простите его,—улыбаясь сказала Марья Васильевна.—Видите, я вамъ говорила,—обратилась она къ Полторацкому.

— Да вы совсѣмъ не то говорили,—улыбаясь сказалъ Полторацкій.

— Развѣ не то,—сказала она и также улыбнулась. И эта отвѣтная улыбка такъ страшно взволновала и обрадовала Полторацкаго, что онъ багрово покраснѣлъ и, схвативъ карты, сталъ мѣшать ихъ.

— Не тебѣ мѣшать,—строго сказалъ адъютантъ и сталъ своей бѣлой, съ перстнемъ рукой сдавать карты такъ, какъ будто онъ только хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ нихъ.

Въ гостиную вошелъ камердинеръ князя и доложилъ, что князя требуетъ дежурный.

— Извините, господа,—сказалъ князь, съ аглицкимъ акцентомъ говоря по-русски.—Ты за меня, Marie, сядешь.

— Согласны?—спросила княгиня, быстро и легко вставая во весь свой высокій ростъ, шурша шелкомъ и улыбаясь своей сіяющей улыбкой счастливой женщины.

— Я всегда на все согласенъ,—сказалъ адъютантъ, очень довольный тѣмъ, что противъ него играетъ теперь совершенно не умѣющая играть княгиня. Полторацкій же только развелъ руками улыбаясь.

Робберъ кончался, когда князь вернулся въ гостиную. Онъ пришелъ особенно возбужденный и веселый.

— Знаете, что я вамъ предложу?

— Ну?

— Выпьемте шампанскаго.

— На это я всегда готовъ, — сказалъ Полторацкій.

— Что же, это очень пріятно, — сказалъ адъютантъ.

— Василій, подайте, — сказалъ князь.

— Зачѣмъ тебя звали? — спросила Марья Васильевна.

— Былъ дежурный и еще одинъ человѣкъ.

— Кто? Что? — поспѣшно спросила Марья Васильевна.

— Не могу сказать, — пожавъ плечами, сказалъ Воронцовъ.

— Не можешь сказать, — повторила Марья Васильевна. — Это мы увидимъ.

Принесли шампанское. Гости выпили по стакану и, окончивъ игру и разочтясь, стали прощаться.

— Ваша рота завтра назначена въ лѣсъ?—спросилъ князь Полторацкаго.

— Моя. А что?

Такъ мы увидимся завтра съ вами, — сказалъ князь, слегка улыбаясь.

— Очень радъ, — сказалъ Полторацкій, хорошенько не понимая того, что ему говорилъ Воронцовъ, и озабоченный только тѣмъ, какъ онъ сейчасъ пожметъ руку Марьи Васильевны.

Марья Васильевна, какъ всегда, не только крѣпко пожала, но и сильно тряхнула руку Полторацкаго. И еще разъ напомнивъ ему его ошибку, когда онъ пошелъ съ бубенъ, она улыбнулась ему, какъ показалось Полторацкому, прелестной, ласковой и значительной улыбкой.

Полторацкій шелъ домой въ томъ восторженномъ настроеніи, которое могутъ понимать только люди, какъ онъ, выросшіе и воспитанные въ свѣтѣ, когда они, послѣ мѣсяцевъ уединенной военной жизни, вновь встрѣчаютъ женщину изъ своего прежняго круга, да еще такую женщину, какъ княгиня Воронцова.

Подойдя къ домику, въ которомъ онъ жилъ съ товарищемъ, онъ толкнулъ входную дверь, но дверь была заперта. Онъ стукнулъ, — дверь не отворилась. Ему стало досадно, и онъ

сталъ барабанить въ запертую дверь ногой и шашкой. За дверью послышались шаги, и Вавила, крѣпостной, дворовый человѣкъ Полторацкаго, откинулъ крючокъ.

— Съ чего вздумалъ запирать? Болванъ.

— Да развѣ можно, Алексѣй Владимір...

— Опять пьянъ! Вотъ я тебѣ покажу, какъ можно...

Полторацкій хотѣлъ ударить Вавилу, но раздумалъ.

— Ну, чортъ съ тобой. Свѣчу зажги

— Сію минутую.

Вавила былъ дѣйствительно выпивши, а выпилъ онъ потому, что былъ на именинахъ у каптенармуса. Вернувшись домой, онъ задумался о своей жизни въ сравненіи съ жизнью Ивана Матвѣевича, каптенармуса. Иванъ Матвѣевичъ имѣлъ доходы, былъ женатъ и надѣялся черезъ годъ выйти въ чистую. Вавила же былъ мальчикомъ взятъ вверхъ, т.-е. въ услуженіе господамъ, и вотъ уже ему было сорокъ съ лишкомъ лѣтъ, а онъ не женился и жилъ походной жизнью при своемъ безалаберномъ баринѣ. Баринъ былъ хорошій, дрался мало, — но какая же эта была жизнь! «Обѣщалъ дать вольную, когда вернется съ Кавказа,— да куда же мнѣ идти съ вольной... Собачья жизнь», думалъ Вавила. И ему такъ захотѣлось спать, что онъ, боясь, чтобы кто-нибудь не вошелъ и не унесъ что-нибудь, закинулъ крючокъ и заснулъ.

Полторацкій вошелъ въ комнату, гдѣ онъ спалъ вмѣстѣ съ товарищемъ Тихоновымъ.

— Ну, что, проигрался?—сказалъ проснувшійся Тихоновъ.

— Анъ нѣтъ, семнадцать рублей выигралъ, и клико бутылочку роспили.

— И на Марью Васильевну смотрѣлъ?

— И на Марью Васильевну смотрѣлъ, — повторилъ Полторацкій.

— Скоро уже вставать,—сказалъ Тихоновъ,—въ шесть надо уже выступать.

— Вавила, — крикнулъ Полторацкій.—Смотри, хорошенько буди меня завтра въ пять.

— Какъ же васъ будить, когда вы деретесь.

— Я говорю, чтобы разбудить. Слышалъ?

— Слушаю.

Вавила ушелъ, унося сапоги и платье, а Полторацкій легъ въ постель и, улыбаясь, закурилъ папироску и потушилъ свѣчу. Онъ въ темнотѣ видѣлъ передъ собою улыбающееся лицо Марьи Васильевны.

У Воронцовыхъ не сейчасъ заснули. Когда гости ушли, Марья Васильевна подошла къ мужу и, остановившись передъ нимъ, строго сказала:

— Eh bien, vous allez me dire ce que c'est?

— Mais, ma chère...

— Pas de ma chère! C'est un émissaire, n'est-ce pas?

— Quand même je ne puis pas vous le dire.

— Vous ne pouvez pas? Alors c'est moi qui vais vous le dire.

— Vous? [1])

— Хаджи-Муратъ, да?—сказала княгиня, слышавшая уже нѣсколько дней о переговорахъ съ Хаджи-Муратомъ и предполагавшая, что у ея мужа былъ самъ Хаджи-Муратъ.

Воронцовъ не могъ отрицать, но разочаровалъ жену въ томъ, что былъ не самъ Хаджи-Муратъ, а только лазутчикъ, объявившій, что Хаджи-Муратъ завтра выйдетъ къ нему въ то мѣсто, гдѣ назначена рубка лѣса.

Среди однообразія жизни въ крѣпости молодые Воронцовы— и мужъ и жена — были рады этому событію. Поговоривъ о томъ, какъ пріятно будетъ это извѣстіе его отцу, мужъ съ женой въ третьемъ часу легли спать.

IV.

Послѣ тѣхъ трехъ безсонныхъ ночей, которыя онъ провелъ убѣгая отъ высланныхъ противъ него мюридовъ Шамиля, Хаджи-Муратъ заснулъ тотчасъ же, какъ только Садо вышелъ изъ сакли, пожелавъ ему спокойной ночи. Онъ спалъ не раздѣваясь, облокотившись на руку, утонувшую локтемъ въ подложенныя ему хозяиномъ пуховыя красныя подушки. Недалеко отъ него, у стѣны, спалъ Элдаръ. Элдаръ лежалъ на спинѣ, раскинувъ широко свои сильные, молодые члены, такъ что высокая грудь его, съ черными хозырями на бѣлой черкескѣ, была выше откинувшейся, свѣже бритой, синей головы, свалившейся съ подушки. Оттопыренная, какъ у дѣтей, съ чуть покрывавшимъ ее пушкомъ, верхняя губа его точно прихлебывала, сжимаясь и распускаясь. Онъ спалъ такъ же, какъ и Хаджи-Муратъ: одѣтый, съ пистолетомъ за поясомъ и кинжаломъ. Въ каминѣ сакли догорали сучья, и въ печуркѣ чуть свѣтился ночникъ.

---

[1]) — Ну, ты сейчасъ скажешь мнѣ, въ чемъ дѣло?..
— Но, моя милая...
— Вовсе не милая!.. Это—лазутчикъ, не правда ли?
— Ну, если бы это и былъ лазутчикъ, я все-таки не могу сказать.
— Не можешь, такъ я тебѣ скажу.
— Ну?

Въ серединѣ ночи скрипнула дверь въ кунацкую, и Хаджи-Муратъ тотчасъ же поднялся и взялся за пистолетъ. Въ комнату, мягко ступая по земляному полу, вошелъ Садо.

— Что надо? — спросилъ Хаджи-Муратъ, какъ будто никогда не спавшій.

— Думать надо,—сказалъ Садо, усаживаясь передъ Хаджи-Муратомъ.—Женщина съ крыши видѣла, какъ ты проѣхалъ,—сказалъ онъ,—и разсказала мужу, а теперь весь аулъ знаетъ. Сейчасъ прибѣгала къ женѣ сосѣдка, сказывала, что старики собрались въ мечети и хотятъ остановить тебя.

— Ѣхать надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Кони готовы, — сказалъ Садо и быстро вышелъ изъ сакли.

— Элдаръ,—прошепталъ Хаджи-Муратъ, и Элдаръ, услыхавъ свое имя и, главное, голосъ своего мюршида, вскочилъ на сильныя ноги, оправляя папаху. Хаджи-Муратъ надѣлъ оружіе и бурку. Элдаръ сдѣлалъ то же, и оба молча вышли изъ сакли подъ навѣсъ. Черноглазый мальчикъ подвелъ лошадей. На стукъ копытъ по убитой дорогѣ улицы чья-то голова высунулась изъ двери сосѣдней сакли, и, стуча деревянными башмаками, пробѣжалъ какой-то человѣкъ въ гору къ мечети.

Мѣсяца не было, только звѣзды ярко свѣтили въ черномъ небѣ, и въ темнотѣ видны были очертанія крышъ саклей и больше другихъ зданіе мечети съ минаретомъ въ верхней части аула. Отъ мечети доносился гулъ голосовъ.

Хаджи-Муратъ, быстро прихвативъ ружье, вложилъ ногу въ узкое стремя и, беззвучно, незамѣтно перекинувъ тѣло, сѣлъ на высокую подушку сѣдла.

— Богъ да воздастъ вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, отыскивая привычнымъ движеніемъ правой ноги другое стремя, и чуть-чуть тронулъ мальчика, державшаго лошадь, плетью, въ знакъ того, чтобы онъ посторонился. Мальчикъ посторонился, и лошадь, какъ будто сама зная, что ей надо дѣлать, бодрымъ шагомъ тронулась изъ проулка на главную дорогу. Элдаръ ѣхалъ сзади; Садо, въ шубѣ, быстро размахивая руками, почти бѣжалъ за ними, перебѣгая то на одну, то на другую сторону узкой улицы. У выѣзда, черезъ дорогу, показалась движущаяся тѣнь, потомъ—другая.

— Стой! Кто ѣдетъ? Остановись!—крикнулъ голосъ, и нѣсколько людей загородили дорогу.

Вмѣсто того, чтобы остановиться, Хаджи-Муратъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса и прибавилъ хода, направляя лошадь прямо на заграждавшихъ дорогу людей. Люди, стоявшіе на дорогѣ разошлись, и Хаджи-Муратъ, не оглядываясь, большой

иноходью пустился внизъ по дорогѣ. Элдаръ большой рысью ѣхалъ за нимъ. Позади ихъ щелкнули два выстрѣла, просвистѣли двѣ пули, не задѣвшія ни его, ни Элдара. Хаджи-Муратъ продолжалъ ѣхать тѣмъ же ходомъ. Отъѣхавъ шаговъ триста, онъ остановилъ слегка запыхавшуюся лошадь и сталъ прислушиваться. Впереди, внизу, шумѣла быстрая вода. Сзади слышны были перекликающіеся пѣтухи въ аулѣ. Изъ-за этихъ звуковъ послышался приближавшійся лошадиный топотъ и говоръ позади Хаджи-Мурата. Хаджи-Муратъ тронулъ лошадь и поѣхалъ тѣмъ же ровнымъ проѣздомъ.

Ѣхавшіе сзади скакали и скоро догнали Хаджи-Мурата. Ихъ было человѣкъ двадцать верховыхъ. Это были жители аула, рѣшившіе задержать Хаджи-Мурата или, по крайней мѣрѣ, для очистки себя передъ Шамилемъ, сдѣлать видъ, что они хотятъ задержать его. Когда они приблизились настолько, что стали видны въ темнотѣ, Хаджи-Муратъ остановился, бросивъ поводья и, привычнымъ движеніемъ лѣвой руки отстегнувъ чехолъ винтовки, правой рукой вынулъ ее. Элдаръ сдѣлалъ то же.

— Чего надо? — крикнулъ Хаджи-Муратъ. — Взять хотите? Ну, берите.

И онъ поднялъ винтовку.

Жители аула остановились. Хаджи-Муратъ, держа винтовку въ рукѣ, сталъ спускаться въ лощину. Конные, не приближаясь, ѣхали за нимъ. Когда Хаджи-Муратъ переѣхалъ на другую сторону лощины, ѣхавшіе за нимъ верховые закричали ему, чтобы онъ выслушалъ то, что они хотятъ сказать. Въ отвѣтъ на это Хаджи-Муратъ выстрѣлилъ изъ винтовки и пустилъ свою лошадь вскачь. Когда онъ остановилъ ее, погони за нимъ уже не слышно было; не слышно было и пѣтуховъ, а только яснѣе слышалось въ лѣсу журчаніе воды и изрѣдка плачъ филина. Черная стѣна лѣса была совсѣмъ близко. Это былъ тотъ самый лѣсъ, въ которомъ дожидались его его мюриды. Подъѣхавъ къ лѣсу, Хаджи-Муратъ остановился и, забравъ много воздуха въ легкія, засвисталъ и потомъ затихъ, прислушиваясь. Черезъ минуту такой же свистъ послышался изъ лѣсу. Хаджи-Муратъ свернулъ съ дороги и поѣхалъ въ лѣсъ. Проѣхавъ шаговъ сто, Хаджи-Муратъ увидалъ сквозь стволы деревьевъ костеръ, тѣни людей, сидѣвшихъ у костра и до половины освѣщенную огнемъ стреноженную лошадь въ сѣдлѣ. У костра сидѣло четыре человѣка.

Одинъ изъ сидѣвшихъ у костра людей быстро всталъ и подошелъ къ Хаджи-Мурату, взявшись за поводъ и за стремя.

Это былъ названый братъ Хаджи-Мурата, завѣдующій его хозяйствомъ.

— Огонь потушить! — сказалъ Хаджи-Муратъ, слѣзая съ лошади.

Люди стали раскидывать костеръ и топтать горѣвшіе сучья.

— Былъ здѣсь Бата? — спросилъ Хаджи-Муратъ, подходя къ разстеленной буркѣ.

— Былъ, давно ушли съ Ханъ-Магомой.

— По какой дорогѣ пошли?

— По этой, — отвѣчалъ Ханефи, указывая на противоположную сторону той, по которой пріѣхалъ Хаджи-Муратъ.

— Ладно, — сказалъ Хаджи-Муратъ и, снявъ винтовку, сталъ заряжать ее.—Поберечься надо, гнались за мной,—сказалъ Хаджи-Муратъ, обращаясь къ человѣку, тушившему огонь.

Это былъ чеченецъ Гамзало. Гамзало подошелъ къ буркѣ, взялъ лежавшую на ней въ чехлѣ винтовку и молча пошелъ на край поляны, къ тому мѣсту, изъ котораго подъѣхалъ Хаджи-Муратъ. Элдаръ, слѣзши съ лошади, взялъ лошадь Хаджи-Мурата и, высоко подтянувъ обѣимъ головы, привязалъ ихъ къ деревьямъ; потомъ такъ же, какъ Гамзало, съ винтовкой на плечахъ сталъ на другой край поляны. Костеръ былъ потушенъ, и лѣсъ не казался уже такимъ чернымъ, какъ прежде, и на небѣ, хотя и слабо, но свѣтились звѣзды.

Поглядѣвъ на звѣзды, на Стожары, поднявшіеся уже на половину неба, Хаджи-Муратъ разсчиталъ, что было далеко за полночь, и что давно уже была пора ночной молитвы. Онъ спросилъ у Ханефи кумганъ, всегда возимый съ собой въ сумахъ, и, надѣвъ бурку, пошелъ къ водѣ.

Разувшись и совершивъ омовеніе, Хаджи-Муратъ сталъ босыми ногами на бурку, потомъ сѣлъ на икры, и сначала заткнувъ пальцами уши и закрывъ глаза, произнесъ, обращаясь на востокъ, обычную молитву.

Окончивъ молитву, онъ вернулся на свое мѣсто, гдѣ были переметныя сумы, и, сѣвъ на бурку, облокотилъ руки на колѣни и, опустивъ голову, задумался.

Хаджи-Муратъ всегда вѣрилъ въ свое счастье. Затѣвая что-нибудь, онъ былъ впередъ твердо увѣренъ въ удачѣ,—и все улыбалось ему. Такъ это было за рѣдкими исключеніями во все продолженіе его бурной военной жизни. Такъ, онъ надѣялся, что будетъ и теперь. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ съ войскомъ, которое дастъ ему Воронцовъ, пойдетъ на Шамиля и захватитъ его въ плѣнъ и отомститъ ему, и какъ русскій царь

наградить его, и онъ опять будетъ управлять не только Аваріей, но и всей Чечней, которая покорится ему. Съ этими мыслями онъ не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, какъ онъ съ своими молодцами, съ пѣсныо и крикомъ «Хаджи-Муратъ идетъ!», летитъ на Шамиля и захватываетъ его съ его женами, и слышитъ, какъ плачутъ и рыдаютъ его жены. Онъ проснулся. Пѣсня «Ля илляхъ» и крики «Хаджи-Муратъ идетъ!» и плачъ женъ Шамиля былъ вой, плачъ и хохотъ шакаловъ, который разбудилъ его. Хаджи-Муратъ поднялъ голову, взглянулъ на свѣтившееся уже сквозь стволы деревьевъ небо на востокѣ и спросилъ у сидѣвшаго поодаль отъ него мюрида о Ханъ-Магомѣ. Узнавъ, что Ханъ-Магома еще не возвращался, Хаджи-Муратъ опустилъ голову и тотчасъ же опять задремалъ.

Разбудилъ его веселый голосъ Ханъ-Магомы, возвращавшагося съ Батою изъ своего посольства. Ханъ-Магома тотчасъ же подсѣлъ къ Хаджи-Мурату и сталъ разсказывать, какъ солдаты встрѣтили ихъ и проводили къ самому князю, какъ онъ говорилъ съ самимъ княземъ, какъ князь радовался и обѣщалъ утромъ встрѣтить ихъ тамъ, гдѣ русскіе будутъ рубить лѣсъ— за Мичикомъ, на Шалинской полянѣ. Бата перебивалъ рѣчь своего сотоварища, вставляя свои подробности.

Хаджи-Муратъ разспросилъ подробно о томъ, какими именно словами отвѣчалъ Воронцовъ на предложеніе Хаджи-Мурата выйти къ русскимъ. И Ханъ-Магома и Бата въ одинъ голосъ говорили, что князь обѣщалъ принять Хаджи-Мурата, какъ гостя, и дѣлать такъ, чтобы ему было хорошо. Хаджи-Муратъ разспросилъ еще про дорогу, и когда Ханъ-Магома завѣрилъ его, что онъ хорошо знаетъ дорогу и прямо приведетъ туда, Хаджи-Муратъ досталъ деньги и отдалъ Батѣ обѣщанные три рубля; своимъ же велѣлъ достать изъ переметныхъ сумъ свое съ золотой насѣчкой оружіе и папаху съ чалмой, самимъ же мюридамъ почиститься, чтобы пріѣхать къ русскимъ въ хорошемъ видѣ. Пока чистили оружіе, сѣдла, сбрую и коней, звѣзды померкли, стало совсѣмъ свѣтло, и потянулъ предразсвѣтный вѣтерокъ.

V.

Рано утромъ еще въ темнотѣ, двѣ роты съ топорами, подъ командой Полторацкаго, вышли за десять верстъ за Шахгиринскія ворота и, разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ, какъ только стало свѣтать, принялись за рубку лѣса. Къ восьми часамъ

туманъ, сливавшійся съ душистымъ дымомъ шипящихъ и трещащихъ на кострахъ сырыхъ сучьевъ, началъ подниматься кверху, и рубившіе лѣсъ, прежде за пять шаговъ не видавшіе, а только слышавшіе другъ друга, стали видѣть и костры и заваленную деревьями дорогу, шедшую черезъ лѣсъ. Солнце то показывалось свѣтлымъ пятномъ въ туманѣ, то опять скрывалось. На полянкѣ, поодаль отъ дороги, сидѣли на барабанахъ: Полторацкій съ своимъ субалтернъ-офицеромъ Тихоновымъ, два офицера третьей роты и бывшій кавалергардъ, разжалованный за дуэль, товарищъ Полторацкаго по Пажескому корпусу, баронъ Фрезе. Вокругъ барабановъ валялись бумажки отъ закусокъ, окурки и пустыя бутылки. Офицеры выпили водки, закусили и пили портеръ. Барабанщикъ откупоривалъ третью бутылку. Полторацкій, несмотря на то, что не выспался, былъ въ томъ особенномъ настроеніи подъема душевныхъ силъ и добраго, беззаботнаго веселья, въ которомъ онъ чувствовалъ себя всегда среди своихъ солдатъ и товарищей тамъ, гдѣ могла быть опасность.

Между офицерами шелъ оживленный разговоръ о послѣдней новости—смерти генерала Слѣпцова. Въ этой смерти никто не видѣлъ того важнѣйшаго въ жизни момента окончанія ея и возвращенія къ тому источнику, изъ котораго она вышла, а видѣлось только молодечество лихого офицера, бросившагося съ шашкой на горцевъ и отчаянно рубившаго ихъ.

Хотя всѣ, въ особенности побывавшіе въ дѣлахъ офицеры знали и могли знать, что на войнѣ тогда на Кавказѣ, да и никогда и нигдѣ не бываетъ той рубки врукопашную шашками, которая всегда предполагается и описывается, а если и бываетъ такая рукопашная шашками и штыками, то рубятъ и колютъ всегда только бѣгущихъ, — эта фикція рукопашной признавалась офицерами и придавала имъ ту спокойную гордость и веселость, съ которой они, одни въ молодецкихъ, другіе, напротивъ, въ самыхъ скромныхъ позахъ сидѣли на барабанахъ, курили, пили и шутили, не заботясь о смерти, которая такъ же, какъ Слѣпцова, могла всякую минуту постигнуть каждаго изъ нихъ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ ожиданія, въ серединѣ ихъ разговора влѣво отъ дороги послышался бодрящій, красивый звукъ винтовочнаго, рѣзко щелкнувшаго выстрѣла, и пулька, весело посвистывая, пролетѣла гдѣ-то въ туманномъ воздухѣ и щелкнулась въ дерево. Нѣсколько грузно-громкихъ выстрѣловъ солдатскихъ ружей отвѣтило на непріятельскій выстрѣлъ.

— Эге! — крикнулъ веселымъ голосомъ Полторацкій,—вѣдь это въ цѣпи. Ну, братъ, Костя,—обратился онъ къ Фрезе,—

твое счастье. Иди къ ротѣ Мы сейчасъ такое устроимъ сраженье, что прелесть. И представленіе сдѣлаемъ.

Разжалованный баронъ вскочилъ на ноги и быстрымъ шагомъ пошелъ въ область дыма, гдѣ была его рота. Полторацкому подали его маленькаго караковаго кабардинца, онъ сѣлъ на него и, выстроивъ роту, повелъ ее къ цѣпи по направленію выстрѣловъ. Цѣпь стояла на опушкѣ лѣса передъ спускающейся голой балкой. Вѣтеръ тянулъ на лѣсъ, и не только спускъ балки, но и та сторона ея были ясно видны.

Когда Полторацкій подъѣхалъ къ цѣпи, солнце выглянуло изъ-за тумана, и на противоположной сторонѣ балки, у другого начинавшагося тамъ мелкаго лѣса, саженъ за сто, виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Чеченцы эти были тѣ, которые преслѣдовали Хаджи-Мурата и хотѣли видѣть его пріѣздъ къ русскимъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по цѣпи. Нѣсколько солдатъ отвѣтили имъ изъ цѣпи. Чеченцы отъѣхали назадъ, и стрѣльба прекратилась; но когда Полторацкій подошелъ съ ротой, онъ велѣлъ стрѣлять, и только что была передана команда, по всей линіи цѣпи послышался непрерывный веселый, бодрящій трескъ ружей, сопровождаемый красиво расходившимися дымками. Солдаты, радуясь развлеченію, торопились заряжать и выпускали зарядъ за зарядомъ. Чеченцы, очевидно, почувствовали задоръ и, выскакивая впередъ, одинъ за другимъ выпустили нѣсколько выстрѣловъ по солдатамъ. Одинъ изъ ихъ выстрѣловъ ранилъ солдата. Солдатъ этотъ былъ тотъ самый Авдеевъ, который былъ въ секретѣ. Когда товарищи подошли къ нему, онъ лежалъ вверхъ спиной, держа обѣими руками рану въ животѣ, и, равномѣрно покачиваясь, тихо стоналъ.

— Только сталъ ружье заряжать, слышу, чикнуло,—говорилъ солдатъ, бывшій съ нимъ въ парѣ.—Смотрю, а онъ ружье выпустилъ.

Авдеевъ былъ изъ роты Полторацкаго. Увидавъ собравшуюся кучку солдатъ, Полторацкій подъѣхалъ къ нимъ.

— Что, братъ, попало?—сказалъ онъ.—Куда?

Авдеевъ не отвѣчалъ.

— Только сталъ заряжать, ваше благородіе,—заговорилъ солдатъ, бывшій въ парѣ съ Авдеевымъ,—слышу, чикнуло, смотрю,—онъ ружье выпустилъ.

— Те-те, — пощелкалъ языкомъ Полторацкій. — Что жъ, больно, Авдеевъ?

— Не больно, а идти не даетъ. Винца бы, ваше благородіе.

Водка, т.-е. спиртъ, который пили солдаты на Кавказѣ, нашелся, и Пановъ, строго нахмурившись, поднесъ Авдееву крышку спирта. Авдеевъ началъ пить, но тотчасъ же отстранилъ крышку рукою.

— Не принимаетъ душа,—сказалъ онъ,—пей самъ.

Пановъ допилъ спиртъ. Авдеевъ опять попытался подняться и опять опустился. Разстелили шинель и положили на нее Авдеева.

— Ваше благородіе, полковникъ ѣдетъ,—сказалъ фельдфебель Полторацкому.

— Ну, ладно, распорядись ты,—сказалъ Полторацкій и, взмахнувъ плетью, поѣхалъ большой рысью навстрѣчу Воронцову.

Воронцовъ ѣхалъ на своемъ аглицкомъ, кровномъ, рыжемъ жеребцѣ, сопутствуемый адъютантомъ полка, казакомъ и чеченцемъ-переводчикомъ.

— Что это у васъ?—спросилъ онъ Полторацкаго.

— Да вотъ выѣхала партія, напала на цѣпь,—отвѣчалъ ему Полторацкій.

— Ну, ну, и все вы затѣяли.

— Да не я, князь,—улыбаясь сказалъ Полторацкій,—сами лѣзли.

— Я слышалъ, солдата ранили?

— Да, очень жаль. Солдатъ хорошій.

— Тяжело?

— Кажется, тяжело,—въ животъ

— А я, вы знаете, куда ѣду?—спросилъ Воронцовъ.

— Не знаю.

— Неужели не догадываетесь?..

— Нѣтъ.

— Хаджи-Муратъ вышелъ и сейчасъ встрѣтитъ насъ.

— Не можетъ быть!

— Вчера лазутчикъ отъ него былъ,—сказалъ Воронцовъ, съ трудомъ сдерживая улыбку радости.—Сейчасъ долженъ ждать меня на Шалинской полянѣ, такъ вы разсыпьте стрѣлковъ до поляны и потомъ пріѣзжайте ко мнѣ.

— Слушаю,—сказалъ Полторацкій, приложивъ руку къ папахѣ, и поѣхалъ къ своей ротѣ. Самъ онъ свелъ цѣпь на правую сторону, съ лѣвой же стороны велѣлъ это сдѣлать фельдфебелю. Раненаго Авдеева между тѣмъ солдаты понесли въ крѣпость.

Полторацкій уже возвращался къ Воронцову, когда увидалъ сзади себя догоняющихъ его верховыхъ. Онъ остановился и подождалъ ихъ.

Впереди всѣхъ ѣхалъ на бѣлогривомъ конѣ, въ бѣлой черкескѣ, въ чалмѣ на папахѣ и въ отдѣланномъ золотомъ оружіи человѣкъ внушительнаго вида. Человѣкъ этотъ былъ Хаджи-Муратъ. Онъ подъѣхалъ къ Полторацкому и сказалъ ему что-то по-татарски. Полторацкій, поднявъ брови, развелъ руками въ знакъ того, что не понимаетъ, и улыбнулся. Хаджи-Муратъ отвѣтилъ улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкаго своимъ дѣтскимъ добродушіемъ. Полторацкій никакъ не ожидалъ видѣть такимъ этого страшнаго горца. Онъ ожидалъ мрачнаго, сухого, чуждаго человѣка, а передъ нимъ былъ самый простой человѣкъ, улыбающійся такой доброй улыбкой, что онъ казался давно знакомымъ пріятелемъ. Только одно было въ немъ особенное: это были его широко разставленные глаза, которые внимательно, проницательно и спокойно смотрѣли въ глаза другимъ людямъ.

Свита Хаджи-Мурата состояла изъ четырехъ человѣкъ. Былъ въ этой свитѣ тотъ Ханъ-Магома, который нынче ночью ходилъ къ Воронцову. Это былъ румяный, съ черными, безъ вѣкъ, яркими глазами, круглолицый человѣкъ, сіяющій жизнерадостнымъ выраженіемъ. Былъ еще коренастый, волосатый человѣкъ съ сросшимися бровями. Этотъ былъ тавлинецъ Ханефи, завѣдующій всѣмъ имуществомъ Хаджи-Мурата. Онъ велъ съ собой заводную лошадь съ туго наполненными переметными сумками. Особенно же выдѣлялись изъ свиты два человѣка: одинъ молодой, тонкій, какъ женщина, въ поясѣ и широкій въ плечахъ, съ чуть пробивающейся русой бородкой, красавецъ, съ бараньими глазами,—это былъ Элдаръ,—и другой—кривой на одинъ глазъ, безъ бровей и безъ рѣсницъ, съ рыжей подстриженной бородой и шрамомъ черезъ носъ и лицо,—чеченецъ Гамзало.

Полторацкій указалъ Хаджи-Мурату на показавшагося по дорогѣ Воронцова. Хаджи-Муратъ направился къ нему и, подъѣхавъ, приложилъ правую руку къ груди и сказалъ что-то по-татарски и остановился. Чеченецъ-переводчикъ перевелъ:

— Отдаюсь, говоритъ, на волю русскаго царя, хочу, говоритъ, послужить ему. Давно хотѣлъ, Шамиль не пускалъ.

Выслушавъ переводчика, Воронцовъ протянулъ руку въ замшевой перчаткѣ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ взглянулъ на эту руку, секунду помедлилъ, но потомъ крѣпко сжалъ ее и еще сказалъ что-то, глядя то на переводчика, то на Воронцова.

— Онъ говоритъ, ни къ кому не хотѣлъ выходить и только къ тебѣ, потому ты сынъ сардаря. Тебя уважаетъ крѣпко.

Воронцовъ кивнулъ головой въ знакъ того, что благодаритъ. Хаджи-Муратъ еще сказалъ что-то, указывая на свою свиту.

— Онъ говоритъ, что люди эти, его мюриды, будутъ такъ же, какъ и онъ, служить русскимъ.

Воронцовъ оглянулся на нихъ, кивнулъ и имъ головой.

Веселый, черноглазый, безъ вѣкъ, чеченецъ Ханъ-Магома, также кивая головой, что-то, должно быть, смѣшное проговорилъ Воронцову, потому что волосатый аварецъ оскалилъ улыбкой свои ярко-бѣлые зубы. Рыжій же Гамзало только блеснулъ на мгновеніе однимъ своимъ краснымъ глазомъ на Воронцова и опять уставился на уши своей лошади.

Когда Воронцовъ и Хаджи-Муратъ, сопутствуемые свитой, проѣзжали назадъ къ крѣпости, солдаты, снятые съ цѣпи, собравшись кучкой, дѣлали свои замѣчанія:

— Сколько душъ загубилъ, проклятый! Теперь, поди, какъ его ублаготворятъ будутъ,— сказалъ одинъ.

— А то какъ же. Первый камандеръ у Шмеля былъ. Теперь, небось.

— А молодчина, что говорить, джигитъ.

— А рыжій-то, рыжій,—какъ звѣрь, косится.

— Ухъ, собака, должно быть.

Всѣ особенно замѣтили рыжаго.

Тамъ, гдѣ шла рубка, солдаты, бывшіе ближе къ дорогѣ, выбѣгали смотрѣть. Офицеръ крикнулъ на нихъ, но Воронцовъ остановилъ его.

— Пускай посмотрятъ своего стараго знакомаго. Ты знаешь, кто это?—спросилъ Воронцовъ у ближе стоявшаго солдата, медленно выговаривая слова своимъ аглицкимъ акцентомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство.

— Хаджи-Муратъ,—слыхалъ?

— Какъ не слыхать, ваше сіятельство, били его много разъ.

— Ну, и отъ него доставалось.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—отвѣчалъ солдатъ, довольный тѣмъ, что удалось поговорить съ начальникомъ.

Хаджи-Муратъ понималъ, что говорятъ про него, и веселая улыбка свѣтилась въ его глазахъ. Воронцовъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа вернулся въ крѣпость

VI.

Воронцовъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему, именно ему, удалось выманить и принять главнаго, могущественнѣйшаго, второго послѣ Шамиля врага Россіи. Одно было непріятно: командующимъ войсками въ Воздвиженской былъ гене-

ралъ Меллеръ-Закомельскій, и по настоящему надо было черезъ него вести все дѣло. Воронцовъ же все сдѣлалъ самъ, не донося ему, такъ что могла выйти непріятность. И эта мысль отравляла немного удовольствіе Воронцова.

Подъѣхавъ къ своему дому, Воронцовъ поручилъ полковому адъютанту мюридовъ Хаджи-Мурата, а самъ ввелъ его къ себѣ въ домъ.

Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся, вмѣстѣ съ сыномъ, шестилѣтнимъ красавцемъ, кудрявымъ мальчикомъ, встрѣтила Хаджи-Мурата въ гостиной, и Хаджи-Муратъ, приложивъ свои руки къ груди, нѣсколько торжественно сказалъ черезъ переводчика, который вошелъ съ нимъ, что онъ считаетъ себя кунакомъ князя, такъ какъ онъ принялъ его къ себѣ, а что вся семья кунака такъ же священна для кунака, какъ и онъ самъ. И наружность и манеры Хаджи-Мурата понравились Марьѣ Васильевнѣ. То же, что онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ, когда она подала ему свою большую бѣлую руку, еще болѣе расположило ее въ его пользу. Она предложила ему сѣсть и, спросивъ его, пьетъ ли онъ кофей, велѣла подать. Хаджи-Муратъ, однако, отказался отъ кофея, когда ему подали его. Онъ немного понималъ по-русски, но не могъ говорить, и когда не понималъ, улыбался, и улыбка его понравилась Марьѣ Васильевнѣ такъ же, какъ и Полторацкому. Кудрявый же, востроглазый сынокъ Марьи Васильевны, котораго мать называла Булькой, стоя подлѣ матери, не спускалъ глазъ съ Хаджи-Мурата, про котораго онъ слышалъ, какъ про необыкновеннаго воина.

Оставивъ Хаджи-Мурата у жены, Воронцовъ пошелъ въ канцелярію, чтобы сдѣлать распоряженіе объ извѣщеніи начальства о выходѣ Хаджи-Мурата. Написавъ донесеніе начальнику лѣваго фланга, генералу Козловскому, въ Грозную, и письмо отцу, Воронцовъ поспѣшилъ домой, боясь недовольства жены за то, что навязалъ ей чужого, страшнаго человѣка, съ которымъ надо было обходиться такъ, чтобъ и не обидѣть и не слишкомъ приласкать. Но страхъ его былъ напрасенъ. Хаджи-Муратъ сидѣлъ на креслѣ, держа на колѣнѣ Бульку, пасынка Воронцова, и, склонивъ голову, внимательно слушалъ то, что ему говорилъ переводчикъ, передавая слова смѣющейся Марьи Васильевны. Марья Васильевна говорила ему, что если онъ будетъ отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунакъ этотъ похвалитъ, то ему скоро придется ходить, какъ Адаму...

Хаджи-Муратъ при входѣ князя снялъ съ колѣна удивленнаго и обиженнаго этимъ Бульку и всталъ, тотчасъ же перемѣ-

нивъ игривое выраженіе лица на строгое и серьезное. Онъ сѣлъ только тогда, когда сѣлъ Воронцовъ. Продолжая разговоръ, онъ отвѣтилъ на слова Марьи Васильевны тѣмъ, что таковъ ихъ законъ, что все, что̀ понравится кунаку, то надо отдать кунаку.

— Твоя сынъ кунакъ,—сказалъ онъ по-русски, гладя по курчавымъ волосамъ Бульку, влѣзшаго ему опять на колѣни.

— Онъ прелестенъ, твой разбойникъ,—по-французски сказала Марья Васильевна мужу.—Булька сталъ любоваться его кинжаломъ, онъ подарилъ его ему.

Булька показалъ кинжалъ отчиму.

— C'est un objet de prix [1]),—сказала Марья Васильевна.

— Il faudra trouver l'occasion de lui faire cadeau [2]),—сказалъ Воронцовъ.

Хаджи-Муратъ сидѣлъ, опустивъ глаза, и, гладя мальчика по курчавой головѣ, приговаривалъ:

— Джигитъ, джигитъ.

— Прекрасный, прекрасный кинжалъ,—сказалъ Воронцовъ, вынувъ до половины отточенный булатный клинокъ съ дорожкой посрединѣ.—Благодарствуй.

— Спроси его, чѣмъ я могу услужить ему,—сказалъ Воронцовъ переводчику.

Переводчикъ передалъ, и Хаджи-Муратъ тотчасъ же отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, но что онъ проситъ, чтобы его теперь отвели въ мѣсто, гдѣ бы онъ могъ помолиться. Воронцовъ позвалъ камердинера и велѣлъ ему исполнить желаніе Хаджи-Мурата.

Какъ только Хаджи-Муратъ остался одинъ въ отведенной ему комнатѣ, лицо его измѣнилось: исчезло выраженіе удовольствія— то ласковости, то торжественности, и выступило выраженіе озабоченности.

Пріемъ, сдѣланный ему Воронцовымъ, былъ гораздо лучше того, что онъ ожидалъ. Но чѣмъ лучше былъ этотъ пріемъ, тѣмъ меньше довѣрялъ Хаджи-Муратъ Воронцову и его офицерамъ. Онъ боялся всего: и того, что его схватятъ, закуютъ и сошлютъ въ Сибирь или просто убьютъ, и потому былъ насторожѣ.

Онъ спросилъ у пришедшаго Элдара, гдѣ помѣстили мюридовъ, гдѣ лошади, и не отобрали ли у нихъ оружіе.

Элдаръ донесъ, что лошади въ княжеской конюшнѣ, людей помѣстили въ сараѣ, оружіе оставили при нихъ, и переводчикъ угощаетъ ихъ ѣдой и чаемъ.

---

[1]) Это цѣнная вещь.
[2]) Надо будетъ найти случай отдарить его.

Хаджи-Муратъ, недоумѣвая, покачалъ головой и раздѣвшись, сталъ на молитву. Окончивъ ее, онъ велѣлъ принести себѣ серебряный кинжалъ и, одѣвшись и подпоясавшись, сѣлъ съ ногами на тахту, дожидаясь того, что̀ будетъ.

Въ пятомъ часу его позвали обѣдать къ князю.

За обѣдомъ Хаджи-Муратъ ничего не ѣлъ, кромѣ плова, котораго онъ взялъ себѣ на тарелку изъ того самаго мѣста, изъ котораго взяла себѣ Марья Васильевна.

— Онъ боится, чтобы мы не отравили его,—сказала Марья Васильевна мужу.—Онъ взялъ, гдѣ я взяла. — И тотчасъ же обратилась къ Хаджи-Мурату черезъ переводчика, спрашивая, когда онъ теперь опять будетъ молиться. Хаджи-Муратъ поднялъ пять пальцевъ и показалъ на солнце.

— Стало быть, скоро.

Воронцовъ вынулъ брегетъ и прижалъ пружинку,—часы пробили четыре и одну четверть. Хаджи-Мурата, очевидно, удивилъ этотъ звонъ, и онъ попросилъ позвонить еще и посмотрѣть часы.

— Voilà l'occasion! Donnez-lui la montre [1]),—сказала Марья Васильевна мужу.

Воронцовъ тотчасъ предложилъ часы Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ приложилъ руку къ груди и взялъ часы. Нѣсколько разъ онъ нажималъ пружинку, слушалъ и одобрительно покачивалъ головой.

Послѣ обѣда князю доложили объ адъютантѣ Меллера-Закомельскаго.

Адъютантъ передалъ князю, что генералъ, узнавъ объ выходѣ Хаджи-Мурата, очень недоволенъ тѣмъ, что ему не было доложено объ этомъ, и что онъ требуетъ, чтобы Хаджи-Муратъ сейчасъ же былъ доставленъ къ нему. Воронцовъ сказалъ, что приказаніе генерала будетъ исполнено, и, черезъ переводчика передавъ Хаджи-Мурату требованіе генерала, попросилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ къ Меллеру.

Марья Васильевна, узнавъ о томъ, зачѣмъ приходилъ адъютантъ, тотчасъ же поняла, что между ея мужемъ и генераломъ можетъ произойти непріятность, и, несмотря на всѣ отговоры мужа, собралась вмѣстѣ съ нимъ и Хаджи - Муратомъ къ генералу.

— Vous feriez bien mieux de rester; c'est mon affaire, non pas la vôtre [2]).

---

[1]) Вотъ случай! Подари ему часы.

[2]) Ты бы гораздо лучше сдѣлала, если бы осталась; это мое дѣло, а не твое.

— Vous ne pouvez pas m'empêcher d'aller voir madame la générale [1]).

— Можно бы въ другое время.

— А я хочу теперь.

Дѣлать было нечего. Воронцовъ согласился, и они пошли всѣ трое.

Когда они вошли, Меллеръ съ мрачной учтивостью проводилъ Марью Васильевну къ женѣ, адъютанту же приказалъ проводить Хаджи-Мурата въ пріемную и не выпускать никуда до его приказанія.

— Прошу,—сказалъ онъ Воронцову, отворяя дверь въ кабинетъ и пропуская въ нее князя впередъ себя.

Войдя въ кабинетъ, онъ остановился передъ княземъ и, не прося его сѣсть, сказалъ:

— Я здѣсь воинскій начальникъ, и потому всѣ переговоры съ непріятелемъ должны быть ведены черезъ меня. Почему вы не донесли мнѣ о выходѣ Хаджи-Мурата?

— Ко мнѣ пришелъ лазутчикъ и объявилъ желаніе Хаджи-Мурата отдаться мнѣ,—отвѣчалъ Воронцовъ, блѣднѣя отъ волненія ожиданія грубой выходки разгнѣваннаго генерала и вмѣстѣ съ тѣмъ заражаясь его гнѣвомъ.

— Я спрашиваю, почему не донесли мнѣ?

— Я намѣревался сдѣлать это, баронъ, но...

— Я вамъ не баронъ, а ваше превосходительство.

И тутъ вдругъ прорвалось долго сдерживаемое раздраженіе барона. Онъ высказалъ все, что давно накипѣло у него въ душѣ.

— Я не затѣмъ двадцать семь лѣтъ служу своему государю, чтобы люди, со вчерашняго дня начавшіе служить, пользуясь своими родственными связями, у меня подъ носомъ распоряжались тѣмъ, что ихъ не касается.

— Ваше превосходительство, я прошу васъ не говорить того, что несправедливо,—перебилъ его Воронцовъ.

— Я говорю правду и не позволю...—еще раздражительнѣе заговорилъ генералъ.

Въ это время, шурша юбками, вошла Марья Васильевна и за ней невысокая, скромная дама, жена Меллера-Закомельскаго.

— Ну, полноте, баронъ, Simon не хотѣлъ вамъ сдѣлать непріятности,—заговорила Марья Васильевна.

— Я, княгиня, не про то говорю...

— Ну, знаете, лучше оставимъ это. Знаете: худой споръ лучше доброй ссоры. Что я говорю...—Она засмѣялась.

---

[1]) Ты не можешь мнѣ препятствовать навѣстить генеральшу.

И сердитый генералъ покорился обворожительной улыбкѣ красавицы. Подъ усами его мелькнула улыбка.

— Я признаюсь, что я былъ неправъ,—сказалъ Воронцовъ,—но...

— Ну, и я погорячился,—сказалъ Меллеръ и подалъ руку князю.

Миръ былъ установленъ, и рѣшено было на время оставить Хаджи-Мурата у Меллера, а потомъ отослать къ начальнику лѣваго фланга.

Хаджи-Муратъ сидѣлъ рядомъ въ комнатѣ и, хотя не понималъ того, что говорили, понялъ то, что ему нужно было понять: что они спорили о немъ, и что его выходъ отъ Шамиля есть дѣло огромной важности для русскихъ, и что поэтому, если только его не сошлютъ и не убьютъ, ему много можно будетъ требовать отъ нихъ. Кромѣ того, понялъ онъ и то, что Меллеръ-Закомельскій, хоть и начальникъ, не имѣетъ того значенія, которое имѣетъ Воронцовъ, его подчиненный, и что важенъ Воронцовъ, а не важенъ Меллеръ-Закомельскій. И поэтому, когда Меллеръ-Закомельскій позвалъ къ себѣ Хаджи-Мурата и сталъ разспрашивать его, Хаджи-Муратъ держалъ себя гордо и торжественно, говоря, что вышелъ изъ горъ, чтобы служить Бѣлому царю и обо всемъ дастъ отчетъ только его сардарю, т.-е. главнокомандующему, князю Воронцову, въ Тифлисѣ.

VII

Раненаго Авдеева снесли въ госпиталь, помѣщавшійся въ небольшомъ, крытомъ тесомъ домѣ, на выѣздѣ изъ крѣпости, и положили въ общую палату на одну изъ пустыхъ коекъ. Въ палатѣ было четверо больныхъ: одинъ—метавшійся въ жару тифозный, другой—блѣдный, съ синевой подъ глазами, лихорадочный, дожидавшійся пароксизма и непрестанно зѣвавшій, и еще два, въ набѣгѣ три недѣли тому назадъ раненыхъ,—одинъ въ кисть руки (этотъ былъ на ногахъ), другой въ плечо (этотъ сидѣлъ на койкѣ). Всѣ, кромѣ тифознаго, окружили принесеннаго и разспрашивали принесшихъ.

— Другой разъ палятъ, какъ горохомъ осыпаютъ,—и ничего, а тутъ всего разъ пятокъ выстрѣлили,—разсказывалъ одинъ изъ принесшихъ.

— Кому что назначено.

— Охъ!—громко крякнулъ, сдерживая боль, Авдеевъ, когда его стали класть на койку. Когда же его положили, онъ нахмурился и не стоналъ больше. но только не переставая шеве-

лилъ ступнями. Онъ держалъ рану руками и неподвижно смотрѣлъ передъ собою. Пришелъ докторъ и велѣлъ перевернуть раненаго, чтобы посмотрѣть, не вышла ли пуля сзади.

— Это что же?—спросилъ докторъ, указывая на большіе, перекрещивающіеся бѣлые рубцы на спинѣ и заду.

— Это старое, ваше высокоблагородіе,—кряхтя проговорилъ Авдеевъ.

Это были слѣды его наказанія за пропитыя деньги.

Авдеева опять повернули, и докторъ долго ковырялъ зондомъ въ животѣ и нащупалъ пулю, но не могъ достать ее. Перевязавъ рану и заклеивъ ее липкимъ пластыремъ, докторъ ушелъ. Во все время ковырянія раны и перевязыванія ея Авдеевъ лежалъ съ стиснутыми зубами и закрытыми глазами. Когда же докторъ ушелъ, онъ открылъ глаза и удивленно оглянулся вокругъ себя. Глаза его были направлены на больныхъ и фельдшера, но онъ какъ будто не видѣлъ ихъ, а видѣлъ что-то другое, удивлявшее его.

Пришли товарищи Авдеева—Пановъ и Серегинъ. Авдеевъ все такъ же лежалъ, удивленно глядя передъ собой. Онъ долго не могъ узнать товарищей, несмотря на то, что глаза его смотрѣли прямо на нихъ.

— Ты, Пётра, чего домой приказать не хочешь ли?—сказалъ Пановъ.

Авдеевъ не отвѣчалъ, хотя и смотрѣлъ въ лицо Панова.

— Я говорю, домой приказать не хочешь ли чего,—опять спросилъ Пановъ, трогая его за холодную ширококостную руку.

Авдеевъ какъ будто очнулся.

— А, Антонычъ!

— Да, вотъ пришелъ. Не прикажешь ли чего домой? Серегинъ напишетъ.

— Серегинъ,—сказалъ Авдеевъ, съ трудомъ переводя глаза на Серегина,—напишешь?.. Такъ вотъ и пиши: сынъ, молъ, вашъ Петруха долго жить приказалъ... Завиствовалъ брату. Я тебѣ нонче сказывалъ. А теперь, значитъ, самъ радъ. Не замай живетъ. Дай Богъ ему, я радъ. Такъ и пропиши.

Сказавъ это, онъ долго молчалъ, уставившись глазами на Панова.

— Ну, а трубку нашелъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Пановъ не отвѣчалъ.

— Трубку, трубку, говорю, нашелъ?—повторилъ Авдеевъ.

— Въ сумкѣ была.

– То-то. Ну, а теперь свѣчку мнѣ дайте, я сейчасъ помирать буду,—сказалъ Авдеевъ.

Въ это время пришелъ Полторацкій провѣдать своего солдата.

— Что, братъ, плохо?—сказалъ онъ.

Авдеевъ закрылъ глаза и отрицательно покачалъ головой. Скуластое лицо его было блѣдно и строго. Онъ ничего не отвѣтилъ и только опять повторилъ, обращаясь къ Панову:

— Свѣчку дай, помирать буду.

Ему дали свѣчу въ руки, но пальцы не сгибались, и ее вложили между пальцевъ и придерживали. Полторацкій ушелъ, и пять минутъ послѣ его ухода фельдшеръ приложилъ ухо къ сердцу Авдеева и сказалъ, что онъ кончился.

Смерть Авдеева въ реляціи, которая была послана въ Тифлисъ, описывалась слѣдующимъ образомъ: «23 ноября двѣ роты Куринскаго полка выступили изъ крѣпости для рубки лѣса. Въ серединѣ дня значительное скопище горцевъ внезапно атаковало рубщиковъ. Цѣпь начала отступать, и въ это время вторая рота ударила въ штыки и опрокинула горцевъ. Въ дѣлѣ легко ранены два рядовыхъ и убитъ одинъ. Горцы же потеряли около ста человѣкъ убитыми и ранеными».

VIII.

Въ тотъ самый день, когда Петруха Авдеевъ кончался въ воздвиженскомъ госпиталѣ, его старикъ-отецъ, жена брата, за котораго онъ пошелъ въ солдаты, и дочь старшаго брата, дѣвка-невѣста, молотили овесъ на морозномъ току. Наканунѣ выпалъ глубокій снѣгъ, и къ утру сильно заморозило. Старикъ проснулся еще съ третьими пѣтухами и, увидавъ въ замерзшемъ окнѣ яркій свѣтъ мѣсяца, слѣзъ съ печи, обулся, надѣлъ шубу, шапку и пошелъ на гумно. Поработавъ тамъ часа два, старикъ вернулся въ избу и разбудилъ сына и бабъ. Когда бабы и дѣвка пришли на гумно, токъ былъ расчищенъ, деревянная лопата стояла воткнутая въ бѣлый сыпучій снѣгъ и рядомъ съ нею метла прутьями вверхъ, и овсяные снопы были разостланы въ два ряда, волоть съ волотью, длинной веревкой по чистому току. Разобрали цѣпы и стали молотить, равномѣрно ладя тремя ударами. Старикъ крѣпко билъ тяжелымъ цѣпомъ, разбивая солому, дѣвка ровнымъ ударомъ била сверху, сноха отворачивала.

Мѣсяцъ зашелъ, и начинало свѣтать; и уже кончали веревку, когда старшій сынъ, Акимъ, въ полушубкѣ и шапкѣ вышелъ къ работающимъ.

— Ты чего тамъ лодырничалъ?—крикнулъ на него отецъ, останавливаясь молотить и опираясь на цѣпъ.

— Лошадей убрать надо же.

— Лошадей убрать,—передразнилъ отецъ.—Старуха уберетъ. Бери цѣпъ. Больно жиренъ сталъ, пьяница.

— Ты, что ли, меня поилъ?—пробурчалъ сынъ.

— Чаго?—нахмурившись и пропуская ударъ, грозно спросилъ старикъ.

Сынъ молча взялъ цѣпъ, и работа пошла въ четыре цѣпа: трапъ-та-па-тапъ, трапъ-та-па-тапъ... Трапъ,—ударялъ послѣ трехъ разъ тяжелый цѣпъ старика.

— Загривокъ-то, глянь, какъ у барана добраго. Вотъ у меня такъ портки не держатся,—проговорилъ старикъ, пропуская свой ударъ и только, чтобы не потерять тактъ, переворачивая въ воздухѣ цѣпинкой.

Веревку кончили, и бабы граблями стали снимать солому.

— Дуракъ Петруха, что за тебя пошелъ. Изъ тебя бы въ солдатахъ дурь-то повыбили бы, а онъ-то дома пятерыхъ такихъ, какъ ты, стоилъ.

— Ну, будетъ, батюшка,—сказала сноха, откидывая разбитыя свясла.

— Да, корми васъ самъ-шостъ, а работы и отъ одного нѣту. Петруха, бывало, за двоихъ одинъ работаетъ, а не то что...

По протоптанной изъ двора тропинкѣ, скрипя по снѣгу новыми лаптями на туго обвязанныхъ шерстяныхъ онучахъ, подошла старуха. Мужики сгребали невѣянное зерно въ ворохъ, бабы и дѣвка заметали.

— Выборный заходилъ. На барщину, всѣми кирпичъ возить,—сказала старуха.—Я завтракать собрала. Идите, что ль.

— Ладно. Чалаго запряги и ступай,—сказалъ старикъ Акимъ.—Да смотри, чтобъ не такъ, какъ намедни, отвѣчать за тебя. Попомнишь Петруху.

— Какъ онъ былъ дома, его ругалъ,—огрызнулся теперь Акимъ на отца,—а нѣтъ его, меня глодаешь.

— Значитъ, стоишь,—такъ же сердито сказала мать.—Не съ Петрухой тебя смѣнять.

— Ну, ладно,—сказалъ сынъ.

— То-то и ладно. Муку пропилъ, а теперь говоришь: ладно.

— Про старыя дрожди [не] поминать двожды,—сказала сноха.

И всѣ, положивъ цѣпы, пошли къ дому.

Нелады между отцомъ и сыномъ начались уже давно, почти со времени отдачи Петра въ солдаты. Уже тогда старикъ почувствовалъ, что онъ промѣнялъ кукушку на ястреба. Правда, что по закону, какъ разумѣлъ его старикъ, надо было бездѣтному идти за семейнаго. У Акима было четверо дѣтей, у Петра—никого, но работникъ Петръ былъ такой же, какъ и отецъ: ловкій,

смѣтливый, сильный, выносливый и, главное, трудолюбивый. Онъ всегда работалъ. Если онъ проходилъ мимо работающихъ, такъ же, какъ и дѣлывалъ старикъ, онъ тотчасъ же брался помогать: или пройдетъ ряда два съ косой, или навьетъ возъ, или срубитъ дерево, или порубитъ дровъ. Старикъ жалѣлъ его, но дѣлать было нечего. Солдатство было какъ смерть. Солдатъ былъ отрѣзанный ломоть, и поминать о немъ, душу бередить, не зачѣмъ было. Только изрѣдка, чтобы уколоть старшаго сына, старикъ, какъ нынче, вспоминалъ его. Мать же часто поминала меньшого сына и уже давно, второй годъ, просила старика, чтобы онъ послалъ Петрухѣ деньжонокъ. Но старикъ отмалчивался.

Дворъ Авдеевыхъ былъ богатый, и у старика были припрятаны деньжонки, но онъ ни за что не рѣшился бы тронуть отложенное. Теперь, когда старуха услыхала, что онъ поминаетъ меньшого сына, она рѣшила опять просить его, чтобы при продажѣ овса послать сыну хоть рубликъ. Такъ она и сдѣлала. Оставшись вдвоемъ съ старикомъ послѣ того, какъ молодые ушли на барщину, она уговорила мужа изъ овсяныхъ денегъ послать рубль Петрухѣ. Такъ что, когда изъ провѣянныхъ вороховъ двѣнадцать четвертей овса были насыпаны на веретья въ трое саней, и веретья аккуратно зашпилены деревянными шпильками, она дала старику написанное подъ ея слова дьячкомъ письмо, и старикъ обѣщалъ въ городѣ приложить къ письму рубль и послать по адресу.

Старикъ, одѣтый въ новую шубу и кафтанъ и въ чистыхъ бѣлыхъ шерстяныхъ онучахъ, взялъ письмо, уложилъ его въ кошель и, помолившись Богу, сѣлъ на переднія сани и поѣхалъ въ городъ. На заднихъ саняхъ ѣхалъ внукъ. Въ городѣ старикъ велѣлъ дворнику прочесть себѣ письмо и внимательно и одобрительно слушалъ его.

Въ письмѣ Петрухиной матери было писано, во-первыхъ, благословеніе, во-вторыхъ, поклоны всѣхъ, извѣстіе о смерти крестнаго и подъ конецъ извѣстіе о томъ, что Аксинья (жена Петра) не захотѣла съ нами жить и пошла въ люди. Слышно, что живетъ хорошо и честно. Упоминалось о гостинцѣ, о рублѣ, и прибавлялось то, что уже прямо отъ себя и слово въ слово пригорюнившаяся старуха, со слезами на глазахъ, велѣла написать дьячку:

«А еще, милое мое дитятко, голубокъ ты мой Петрушенька, выплакала я свои глазушки, о тебѣ сокрушаючись. Солнышко мое ненаглядное, на кого ты меня оставилъ...» На этомъ мѣстѣ старуха завыла, заплакала и сказала:

— Такъ и будетъ.

Такъ это и осталось въ письмѣ, но Петрухѣ не суждено было получить ни извѣстія о томъ, что жена его ушла изъ дому, ни рубля, ни послѣднихъ словъ матери. Письмо это и деньги вернулись назадъ съ извѣстіемъ, что Петруха убитъ на войнѣ, защищая царя, отечество и вѣру православную. Такъ написалъ военный писарь.

Старуха, получивъ это извѣстіе, повыла, покуда было время, а потомъ взялась за работу. Въ первое же воскресенье она пошла въ церковь, отслужила панихидку, вписала Петра въ поминовеніе покойниковъ и раздала кусочки просвирокъ добрымъ людямъ для поминанія раба Божья Петра.

Солдатка Аксинья тоже повыла, узнавъ о смерти любимаго мужа, съ которымъ она прожила только одинъ годочекъ. Она жалѣла и мужа и всю свою погубленную жизнь, и въ своемъ вытьѣ поминала и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житье съ сиротой Ванькою, и горько упрекала Петрушу за то, что онъ пожалѣлъ брата, а не пожалѣлъ ее, горькую, по чужимъ людямъ скитающуюся.

Въ глубинѣ же души Аксинья была рада смерти Петра. Она была вновь брюхата отъ приказчика, у котораго она жила, и теперь никто уже не могъ ругать ее, и приказчикъ могъ взять ее замужъ, какъ онъ и говорилъ ей, когда склонялъ ее къ любви.

IX.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, воспитанный въ Англіи, сынъ русскаго посла, былъ среди русскихъ высшихъ чиновниковъ человѣкъ рѣдкаго въ то время европейскаго образованія, честолюбивый, мягкій, ласковый въ обращеніи съ низшими и тонкій придворный въ отношеніяхъ съ высшими. Онъ не понималъ жизни безъ власти и безъ покорности. Онъ имѣлъ всѣ высшіе чины и ордена и считался искуснымъ военнымъ, даже побѣдителемъ Наполеона подъ Краснымъ. Ему въ 52-мъ году было за семьдесятъ лѣтъ, но онъ еще былъ совсѣмъ свѣжъ, бодро двигался и, главное, вполнѣ обладалъ всей ловкостью тонкаго и пріятнаго ума, направленнаго на поддержаніе своей власти и утвержденіе и распространеніе своей популярности. Онъ владѣлъ большимъ богатствомъ—и своимъ и своей жены, графини Браницкой,—и огромнымъ получаемымъ содержаніемъ въ качествѣ намѣстника и тратилъ большую часть своихъ средствъ на устройство дворца и сада на южномъ берегу Крыма.

Вечеромъ 4-го декабря 1852 года къ дворцу его въ Тифлисѣ подъѣхала курьерская тройка. Усталый, весь черный отъ пыли

офицеръ, привезшій отъ генерала Козловскаго извѣстіе о выходѣ къ русскимъ Хаджи-Мурата, разминая ноги, вошелъ мимо часовыхъ въ широкое крыльцо намѣстническаго дворца. Было шесть часовъ вечера, и Воронцовъ шелъ къ обѣду, когда ему доложили о пріѣздѣ курьера. Воронцовъ принялъ курьера не откладывая и потому на нѣсколько минутъ опоздалъ къ обѣду. Когда онъ вошелъ въ гостиную, приглашенные къ столу, человѣкъ тридцать, сидѣвшіе около княгини Елизаветы Ксаверьевны и стоявшіе группами у оконъ, встали, повернулись лицомъ къ вошедшему. Воронцовъ былъ въ своемъ обычномъ черномъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ полупогончиками и бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Лисье бритое лицо его пріятно улыбалось, и глаза щурились, оглядывая всѣхъ собравшихся.

Войдя мягкими, поспѣшными шагами, онъ извинился передъ дамами за то, что опоздалъ, поздоровался съ мужчинами и, подойдя къ грузинской княгинѣ Мананѣ Орбеліани, 45-лѣтней, восточнаго склада, полной, высокой красавицѣ, подалъ ей руку, чтобы вести ее къ столу. Княгиня Елизавета Ксаверьевна сама подала руку пріѣзжему рыжеватому генералу съ щетинистыми усами. Грузинскій князь подалъ руку графинѣ Шаузель, пріятельницѣ княгини. Докторъ Андреевскій, адъютанты и другіе, кто съ дамами, кто безъ дамъ, пошли вслѣдъ за двумя парами. Лакеи въ кафтанахъ, чулкахъ и башмакахъ отодвигали и придвигали стулья садящимся; метръ-д'отель торжественно разливалъ дымящійся супъ изъ серебряной миски.

Воронцовъ сѣлъ въ серединѣ длиннаго стола. Напротивъ него сѣла княгиня, его жена, съ генераломъ. Напротивъ отъ него была его дама, красавица Орбеліани, налѣво—стройная, черная, румяная, въ блестящихъ украшеніяхъ княжна-грузинка, не переставая улыбавшаяся.

— Excellentes, chère amie [1]),—отвѣчалъ онъ на вопросъ княгини о томъ, какія онъ получилъ извѣстія съ курьеромъ.— Simon a eu dela chance [2]).

И онъ сталъ разсказывать такъ, чтобы могли слушать всѣ сидящіе за столомъ, поразительную новость—для него одного это не было вполнѣ новостью, потому что переговоры велись уже давно—о томъ, что знаменитый, храбрѣйшій помощникъ Шамиля Хаджи-Муратъ передался русскимъ и нынче-завтра будетъ привезенъ въ Тифлисъ.

---

1) Прекресныя, милый другъ.
2) Семену повезло.

Всѣ обѣдавшіе, даже молодежь, адъютанты и чиновники, сидѣвшіе на длинныхъ концахъ стола и передъ этимъ о чемъ-то тихо смѣявшіеся, всѣ затихли и слушали.

— А вы, генералъ, встрѣчали этого Хаджи-Мурата?—спросила княгиня у своего сосѣда, рыжаго генерала съ щетинистыми усами, когда князь пересталъ говорить.

— И не разъ, княгиня.

И генералъ разсказалъ про то, какъ Хаджи-Муратъ въ 43-мъ году, послѣ взятія горцами Гергебиля, наткнулся на отрядъ генерала Пассека, и какъ онъ на ихъ глазахъ почти убилъ полковника Золотухина.

Воронцовъ слушалъ генерала съ пріятной улыбкой, очевидно, довольный тѣмъ, что генералъ разговорился. Но вдругъ лицо Воронцова приняло разсѣянное и унылое выраженіе.

Разговорившійся генералъ сталъ разсказывать про то, гдѣ онъ въ другой разъ столкнулся съ Хаджи-Муратомъ.

— Вѣдь это онъ,—говорилъ генералъ,—вы изволите помнить, ваше сіятельство?—устроилъ въ сухарную экспедицію засаду на выручкѣ.

— Гдѣ?—переспросилъ Воронцовъ, щуря глаза.

Дѣло было въ томъ, что храбрый генералъ называлъ «выручкой» то дѣло въ несчастномъ Даргинскомъ походѣ, въ которомъ дѣйствительно погибъ бы весь отрядъ съ княземъ Воронцовымъ, командовавшимъ имъ, если бы его не выручили вновь подошедшія войска. Всѣмъ было извѣстно, что весь Даргинскій походъ, подъ начальствомъ Воронцова, въ которомъ русскіе потеряли много убитыхъ и раненыхъ и нѣсколько пушекъ, былъ постыднымъ событіемъ, и потому, если кто и говорилъ про этотъ походъ при Воронцовѣ, то говорилъ только въ томъ смыслѣ, въ которомъ Воронцовъ написалъ донесеніе царю, т.-е. что это былъ блестящій подвигъ русскихъ войскъ. Словомъ же *выручка* прямо указывалось на то, что это былъ не блестящій подвигъ, а ошибка, погубившая много людей. Всѣ поняли это, и одни дѣлали видъ, что не замѣчаютъ значенія словъ генерала, другіе испуганно ожидали, что̀ будетъ дальше; нѣкоторые, улыбаясь, переглянулись. Одинъ только рыжій генералъ съ щетинистыми усами ничего не замѣчалъ и, увлеченный своимъ разсказомъ, спокойно отвѣтилъ:

— На выручкѣ, ваше сіятельство.

И разъ заведенный на любимую тему, генералъ подробно разсказалъ, какъ «этотъ Хаджи-Муратъ такъ ловко разрѣзалъ отрядъ пополамъ, что не приди намъ на выручку,—онъ какъ

будто съ особенной любовью повторялъ слово «выручка»,—тутъ бы всѣ и остались, потому»...

Генералъ не успѣлъ досказать все, потому что Манана Орбеліани, понявъ, въ чемъ дѣло, перебила рѣчь генерала, разспрашивая его объ удобствахъ его помѣщенія въ Тифлисѣ. Генералъ удивился, оглянулся на всѣхъ и на своего адъютанта въ концѣ стола, упорнымъ и значительнымъ взглядомъ смотрѣвшаго на него,—и вдругъ понялъ. Не отвѣчая княгинѣ, онъ нахмурился, замолчалъ и сталъ поспѣшно ѣсть, не жуя, лежавшее у него на тарелкѣ утонченное кушанье непонятнаго для него вида и даже вкуса.

Всѣмъ стало неловко, но неловкость положенія исправилъ грузинскій князь, очень глупый, но необыкновенно тонкій и искусный льстецъ и придворный, сидѣвшій по другую сторону княгини Воронцовой. Онъ, какъ будто ничего не замѣчая, громкимъ голосомъ сталъ разсказывать про похищеніе Хаджи-Муратомъ вдовы Ахметъ-хана мехтулинскаго:

— Ночью вошелъ въ селенье, схватилъ, что ему нужно было, и ускакалъ со всей партіей.

— Зачѣмъ же ему нужна была именно эта женщина?—спросила княгиня.

— А онъ былъ врагъ съ мужемъ, преслѣдовалъ его, но нигдѣ до самой смерти хана не могъ встрѣтить, такъ вотъ онъ отмстилъ на вдовѣ.

Княгиня перевела это по-французски своей старой пріятельницѣ, графинѣ Шуазель, сидѣвшей подлѣ грузинскаго князя.

— Quelle horreur! [1])—сказала графиня, закрывая глаза и покачивая головой.

— О, нѣтъ,—сказалъ Воронцовъ, улыбаясь,—мнѣ говорили, что онъ съ рыцарскимъ уваженіемъ обращался съ плѣнницей и потомъ отпустилъ ее.

— Да, за выкупъ.

— Ну, разумѣется, но все-таки онъ благородно поступилъ.

Эти слова князя дали тонъ дальнѣйшимъ разсказамъ про Хаджи-Мурата. Придворные поняли, что чѣмъ больше приписывать значенія Хаджи-Мурату, тѣмъ пріятнѣе будетъ князю Воронцову.

— Удивительная смѣлость у этого человѣка! Замѣчательный человѣкъ!

— Какъ же, въ 49-мъ году онъ среди бѣла дня ворвался въ Темиръ-Ханъ-Шуру и разграбилъ лавки.

---

1) Какой ужасъ!

Сидѣвшій на концѣ стола армянинъ, бывшій въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, разсказалъ про подробности этого подвига Хаджи-Мурата. Вообще весь обѣдъ прошелъ въ разсказахъ о Хаджи-Муратѣ. Всѣ наперерывъ хвалили его храбрость, умъ, великодушіе. Кто-то разсказалъ про то, какъ онъ велѣлъ убить двадцать шесть плѣнныхъ; но и на это было обычное возраженіе:

— Что дѣлать, à la guerre comme à la guerre [1]).

— Это большой человѣкъ.

— Если бы онъ родился въ Европѣ, это, можетъ быть, былъ бы новый Наполеонъ,—сказалъ глупый грузинскій князь, имѣвшій даръ лести.

Онъ зналъ, что всякое упоминаніе о Наполеонѣ, за побѣду надъ которымъ Воронцовъ носилъ бѣлый крестъ на шеѣ, было пріятно ему.

— Ну, хоть не Наполеонъ, но лихой кавалерійскій генералъ—да,—сказалъ Воронцовъ.

— Если не Наполеонъ, то Мюратъ.

— И имя ему Хаджи-*Муратъ*.

— Хаджи-Муратъ вышелъ, теперь конецъ и Шамилю, — сказалъ кто-то.

— Они чувствуютъ, что имъ теперь (это *теперь* значило при Воронцовѣ) не выдержать, — сказалъ другой.

— Tout cela est grâce à vous [2]), — сказала Манана Орбеліани.

Князь Воронцовъ старался умѣрить волны лести, которыя начинали уже заливать его. Но ему было пріятно, и онъ повелъ отъ стола свою даму въ гостиную въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Послѣ обѣда, когда въ гостиной обнесли кофе, князь особенно ласковъ былъ со всѣми и, подойдя къ генералу съ рыжими щетинистыми усами, старался показать ему, что онъ не замѣтилъ его неловкости.

Обойдя всѣхъ гостей, князь сѣлъ за карты. Онъ игралъ только въ старинную игру *ломберъ*. Партнерами князя были: грузинскій князь, потомъ армянскій генералъ, выучившійся у камердинера князя играть въ ломберъ, и четвертый — знаменитый по своей власти докторъ Андреевскій.

Поставивъ подлѣ себя золотую табакерку съ портретомъ Александра I, Воронцовъ разодралъ атласныя карты и хотѣлъ разо-

---

1) На войнѣ, какъ на войнѣ.

2) Все это благодаря вамъ.

стлать ихъ, когда вошелъ камердинеръ, итальянецъ Джовани, съ письмомъ на серебряномъ подносѣ.

— Еще курьеръ, ваше сіятельство.

Воронцовъ положилъ карты и, извинившись, распечаталъ [конвертъ] и сталъ читать.

Письмо было отъ сына. Онъ описывалъ выходъ Хаджи-Мурата и столкновеніе съ Меллеръ-Закомельскимъ.

Княгиня подошла и спросила, что пишетъ сынъ.

— Все о томъ же. Il a eu quelques désagréments avec le commandant de la place. Simon a eu tort. But all is well that ends well [1]),—сказалъ онъ, передавая женѣ письмо, и, обращаясь къ почтительно дожидавшимся партнерамъ, попросилъ брать карты.

Когда сдали первую сдачу, Воронцовъ открылъ табакерку и сдѣлалъ то, что онъ дѣлывалъ, когда былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа: досталъ старчески сморщенными бѣлыми руками щепотку французскаго табаку, поднесъ ее къ носу и высыпалъ.

X.

Когда на другой день Хаджи-Муратъ явился къ Воронцову, пріемная князя была полна народа. Тутъ былъ и вчерашній генералъ съ щетинистыми усами, въ полной формѣ и орденахъ, пріѣхавшій откланяться; тутъ былъ и полковой командиръ, которому угрожали судомъ за злоупотребленія по продовольствованію полка. Тутъ былъ армянинъ-богачъ, покровительствуемый докторомъ Андреевскимъ, который держалъ на откупѣ водку и теперь хлопоталъ о возобновленіи контракта. Тутъ была — вся въ черномъ—вдова убитаго офицера, пріѣхавшая просить о пенсіи или о помѣщеніи дѣтей на казенный счетъ. Тутъ былъ разорившійся грузинскій князь въ великолѣпномъ грузинскомъ костюмѣ, выхлопатывавшій себѣ упраздненное церковное помѣстье. Тутъ былъ приставъ съ большимъ сверткомъ, въ которомъ былъ проектъ о новомъ способѣ покоренія Кавказа. Тутъ былъ одинъ ханъ, явившійся только затѣмъ, чтобы разсказать дома, что онъ былъ у князя.

Всѣ дожидались очереди и одинъ за другимъ были вводимы красивымъ бѣлокурымъ юношей-адъютантомъ въ кабинетъ князя.

Когда въ пріемную вошелъ бодрымъ шагомъ, прихрамывая, Хаджи-Муратъ, всѣ глаза обратились на него, и онъ слышалъ въ разныхъ концахъ шопотомъ произносимое его имя.

---

[1]) У него были нѣкоторыя непріятности съ комендантомъ крѣпости. Семенъ былъ неправъ. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Хаджи-Муратъ былъ одѣтъ въ длинную бѣлую черкеску, на коричневомъ, съ тонкимъ серебрянымъ галуномъ на воротникѣ, бешметѣ. На ногахъ его были черныя ноговицы и такіе же чуваки, какъ перчатки обтягивающіе ступни; на головѣ—папаха съ чалмой, той самой чалмой, за которую онъ по доносу Ахметъ-Хана, былъ арестованъ генераломъ Клюгенау и которая была причиной его перехода къ Шамилю. Хаджи-Муратъ шелъ, быстро ступая по паркету пріемной, покачиваясь всѣмъ тонкимъ станомъ отъ легкой хромоты на одну, болѣе короткую, чѣмъ другая, ногу. Широко разставленные глаза его спокойно глядѣли впередъ и, казалось, никого не видѣли.

Красивый адъютантъ, поздоровавшись, попросилъ Хаджи-Мурата сѣсть, пока онъ доложитъ князю. Но Хаджи-Муратъ отказался сѣсть и, заложивъ руку за кинжалъ и отставивъ ногу, продолжалъ стоять, презрительно оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

Переводчикъ, князь Тархановъ, подошелъ къ Хаджи-Мурату и заговорилъ съ нимъ. Хаджи-Муратъ неохотно и отрывисто отвѣчалъ. Изъ кабинета вышелъ кумыцкій князь, жаловавшійся на пристава, и вслѣдъ за нимъ адъютантъ позвалъ Хаджи-Мурата, подвелъ его къ двери кабинета и пропустилъ въ нее.

Воронцовъ принялъ Хаджи-Мурата, стоя у края стола. Старое бѣлое лицо главнокомандующаго было не такое улыбающееся, какъ вчера, а скорѣе строгое и торжественное.

Войдя въ большую комнату съ огромнымъ столомъ и большими окнами съ зелеными жалузи, Хаджи-Муратъ приложилъ свои небольшія, загорѣлыя руки къ тому мѣсту груди, гдѣ перекрещивалась бѣлая черкеска, и неторопливо, внятно и почтительно, на кумыцкомъ нарѣчіи, на которомъ онъ хорошо говорилъ, опустивъ глаза, сказалъ:

— Отдаюсь подъ высокое покровительство великаго царя и ваше. Обѣщаюсь вѣрно, до послѣдней капли крови служить Бѣлому царю и надѣюсь быть полезнымъ въ войнѣ съ Шамилемъ, врагомъ моимъ и вашимъ.

Выслушавъ переводчика, Воронцовъ взглянулъ на Хаджи-Мурата, и Хаджи-Муратъ взглянулъ въ лицо Воронцова.

Глаза этихъ двухъ людей встрѣтились и говорили другъ другу многое, невыразимое словами, и уже совсѣмъ не то, что говорилъ переводчикъ. Они прямо, безъ словъ, высказывали другъ другу всю истину. Глаза Воронцова говорили, что онъ не вѣритъ ни одному слову изъ всего того, что говорилъ Хаджи-Муратъ, что онъ знаетъ, что онъ врагъ всему русскому, всегда останется такимъ и что теперь покоряется только потому, что

принужденъ къ этому. И Хаджи-Муратъ понималъ это и все-таки увѣрялъ въ своей преданности. Глаза же Хаджи-Мурата говорили, что старику этому надо бы думать о смерти, а не о войнѣ, но что онъ, хоть и старъ, но хитеръ, и надо быть осторожнымъ. И Воронцовъ понималъ это и все-таки говорилъ Хаджи-Мурату то, что считалъ нужнымъ для успѣха войны.

— Скажи ему, — сказалъ Воронцовъ переводчику (онъ говорилъ *ты* молодымъ офицерамъ),—что нашъ государь такъ же милостивъ, какъ и могущественъ, и, вѣроятно, по моей просьбѣ, проститъ его и приметъ на свою службу. Передалъ?—спросилъ онъ, глядя на Хаджи-Мурата.—До тѣхъ же поръ, пока получу милостивое рѣшеніе моего повелителя, скажи ему, что я беру на себя принять его и сдѣлать ему пребываніе у насъ пріятнымъ.

Хаджи-Муратъ еще разъ прижалъ руку къ серединѣ груди и что-то оживленно заговорилъ.

Онъ говорилъ, какъ передалъ переводчикъ, что и прежде, когда онъ управлялъ Аваріей, въ 39-мъ году, онъ вѣрно служилъ русскимъ и никогда не измѣнилъ бы имъ, если бы не врагъ его, Ахметъ-Ханъ, который хотѣлъ погубить его и оклеветалъ передъ генераломъ Клюгенау.

— Знаю, знаю,—сказалъ Воронцовъ (хотя онъ если и зналъ, то давно забылъ все это).—Знаю,—сказалъ онъ, садясь и указывая Хаджи-Мурату на тахту, стоявшую у стѣны. Но Хаджи-Муратъ не сѣлъ, пожавъ сильными плечами въ знакъ того, что онъ не рѣшается сѣсть въ присутствіи такого важнаго человѣка.

— И Ахметъ-Ханъ и Шамиль, оба—враги мои,—продолжалъ онъ, обращаясь къ переводчику.—Скажи князю, Ахметъ-Ханъ умеръ, я не могъ отомстить ему, но Шамиль еще живъ, и я не умру, не отплативъ ему,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови и крѣпко сжавъ челюсти.

— Да, да,—спокойно проговорилъ Воронцовъ.—Какъ же онъ хочетъ отплатить Шамилю?—сказалъ онъ переводчику. — Да скажи ему, что онъ можетъ сѣсть.

Хаджи-Муратъ опять отказался сѣсть и на переданный ему вопросъ отвѣчалъ, что онъ затѣмъ и вышелъ къ русскимъ, чтобы помочь имъ уничтожить Шамиля.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Воронцовъ.—Что же именно онъ хочетъ дѣлать? Садись, садись.

Хаджи-Муратъ сѣлъ и сказалъ, что если только его пошлютъ на лезгинскую линію и дадутъ ему войско, то онъ ручается, что подниметъ весь Дагестанъ, и Шамилю нельзя будетъ держаться.

— Это хорошо. Это можно,—сказалъ Воронцовъ.—Я подумаю.

Переводчикъ передалъ Хаджи-Мурату слова Воронцова. Хаджи-Муратъ задумался.

— Скажи сардарю, — сказалъ онъ еще, — что моя семья въ рукахъ моего врага, и до тѣхъ поръ, пока семья моя въ горахъ, я связанъ и не могу служить. Онъ убьетъ мою жену, убьетъ мать, убьетъ дѣтей, если я прямо пойду противъ него. Пусть только князь выручитъ мою семью, вымѣняетъ ее на плѣнныхъ, и тогда я или умру или уничтожу Шамиля.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Воронцовъ.—Подумаемъ объ этомъ. Теперь же пусть онъ идетъ къ начальнику штаба и подробно изложитъ ему свое положеніе, свои намѣренія и желанія.

Тѣмъ кончилось первое свиданіе Хаджи-Мурата съ Воронцовымъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ новомъ, въ восточномъ вкусѣ отдѣланномъ театрѣ шла итальянская опера. Воронцовъ былъ въ своей ложѣ, и въ партерѣ появилась замѣтная фигура хромого Хаджи-Мурата въ чалмѣ. Онъ вошелъ съ приставленнымъ къ нему адъютантомъ Воронцова Лорисъ-Меликовымъ и помѣстился въ первомъ ряду. Съ восточнымъ, мусульманскимъ достоинствомъ, не только безъ выраженія удивленія, но съ видомъ равнодушія просидѣвъ первый актъ, Хаджи-Муратъ всталъ и, спокойно оглядывая зрителей, вышелъ, обращая на себя вниманіе всѣхъ зрителей.

На другой день былъ понедѣльникъ, обычный вечеръ у Воронцовыхъ. Въ большой, ярко освѣщенной залѣ играла скрытая въ зимнемъ саду музыка. Молодыя и не совсѣмъ молодыя женщины въ одеждахъ, обнажавшихъ и шеи, и руки, и груди кружились въ объятьяхъ мужчинъ въ яркихъ мундирахъ. У горы буфета лакеи въ красныхъ фракахъ, чулкахъ и башмакахъ разливали шампанское и обносили конфеты дамамъ. Жена «сардаря», тоже, несмотря на свои немолодые года, такъ же полуобнаженная, ходила между гостями, привѣтливо улыбаясь, и сказала черезъ переводчика нѣсколько ласковыхъ словъ Хаджи-Мурату, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ и вчера въ театрѣ, оглядывавшему гостей. За хозяйкой подходили къ Хаджи-Мурату и другія обнаженныя женщины, и всѣ не стыдясь стояли передъ нимъ и улыбаясь спрашивали всѣ одно и то же: какъ ему нравится то, что онъ видитъ. Самъ Воронцовъ, въ золотыхъ эполетахъ и аксельбантахъ, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ и лентой, подошелъ къ нему и спросилъ то же самое, очевидно, увѣренный, какъ и всѣ спрашивающіе, что Хаджи-Мурату не

могло не нравиться все то, что онъ видитъ. И Хаджи-Муратъ отвѣчалъ и Воронцову то, что онъ отвѣчалъ всѣмъ: что у нихъ этого нѣтъ,—не высказывая того, что хорошо или дурно то, что этого нѣтъ у нихъ.

Хаджи-Муратъ попытался было заговорить здѣсь, на балѣ, съ Воронцовымъ о своемъ дѣлѣ выкупа семьи, но Воронцовъ, сдѣлавъ видъ, что не слыхалъ его словъ, отошелъ отъ него. Лорисъ-Меликовъ же сказалъ потомъ Хаджи-Мурату, что здѣсь не мѣсто говорить о дѣлахъ.

Когда пробило одиннадцать часовъ, Хаджи-Муратъ, повѣривъ время на своихъ, подаренныхъ ему Марьей Васильевной, часахъ, спросилъ Лорисъ-Меликова, можно ли уѣхать. Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что можно, но что было бы лучше остаться. Несмотря на это, Хаджи-Муратъ не остался и уѣхалъ на данномъ въ его распоряженіе фаэтонѣ въ отведенную ему квартиру.

XI.

На пятый день пребыванія Хаджи-Мурата въ Тифлисѣ Лорисъ-Меликовъ, адъютантъ намѣстника, пріѣхалъ къ нему по порученію главнокомандующаго.

— И голова и руки рады служить сардарю, — сказалъ Хаджи-Муратъ, съ обычнымъ своимъ дипломатическимъ выраженіемъ наклонивъ голову и прикладывая руку къ груди.—Прикажи,— сказалъ онъ, ласково глядя въ глаза Лорисъ-Меликову.

Лорисъ-Меликовъ сѣлъ на кресло, стоявшее у стола. Хаджи-Муратъ опустился противъ него на низкой тахтѣ и, опершись руками на колѣни, наклонилъ голову и внимательно сталъ слушать то, что Лорисъ-Меликовъ говорилъ ему. Лорисъ-Меликовъ, свободно говорившій по-татарски, сказалъ, что князь, хотя и знаетъ прошедшее Хаджи-Мурата, желаетъ отъ него самого узнать всю его исторію.

— Ты разскажи мнѣ, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ, а я запишу, переведу потомъ по-русски, и князь пошлетъ государю.

Хаджи-Муратъ помолчалъ (онъ не только никогда не перебивалъ рѣчь, но всегда выжидалъ, не скажетъ ли собесѣдникъ еще чего), потомъ поднялъ голову, стряхнувъ папаху назадъ, улыбнулся той особенной, дѣтской улыбкой, которой онъ плѣнилъ еще Марью Васильевну.

— Это можно,—сказалъ онъ, очевидно, польщенный мыслью о томъ, что его исторія будетъ прочтена государю.

— Разскажи мнѣ (по-татарски нѣтъ обращенія на *вы*) все съ начала, не торопясь,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ, доставая изъ кармана записную книжку.

— Это можно, только много, очень много есть чего разсказывать. Много дѣла было,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Не успѣешь въ одинъ день, въ другой день доскажешь,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

— Съ начала начинать?

— Да, съ самаго начала: гдѣ родился, гдѣ жилъ.

Хаджи-Муратъ опустилъ голову и долго просидѣлъ такъ; потомъ взялъ палочку, лежавшую у тахты, досталъ изъ-подъ кинжала съ слоновой ручкой, оправленной золотомъ, острый, какъ бритва, булатный ножикъ и началъ имъ рѣзать палочку и въ одно и то же время разсказывать.

— Пиши: родился въ Цельмесѣ, аулъ небольшой, съ ослиную голову, какъ у насъ говорятъ въ горахъ, — началъ онъ. — Недалеко отъ насъ, выстрѣла за два, Хунзахъ, гдѣ ханы жили. И наше семейство съ ними близко было. Мать моя, когда родила страшаго брата, Османа, кормила старшаго хана, Абунунцалъ-Хана, потомъ кормила другого сына хана, Умма-Хана, и выкормила, но Ахметъ, мой второй братъ, умеръ. И тогда, когда я родился, и ханша родила тоже Булачъ-Хана. Мать не захотѣла опять идти въ кормилицы. Отецъ мой велѣлъ, а мать не хотѣла; она сказала: «Опять заморю своего, — не пойду». Тогда отецъ, — онъ горячъ былъ, — ударилъ ее кинжаломъ и убилъ бы, если бы ее не отняли. Такъ она и не отдала меня и потомъ сложила сама пѣсню... Да это не нужно разсказывать?

— Нѣтъ, нужно, разсказывай все, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

Хаджи-Муратъ задумался. Онъ вспоминалъ свою мать, когда она укладывала его спать съ собою рядомъ, подъ шубой, на крышѣ сакли, и онъ просилъ ее показать ему то мѣсто на боку, гдѣ остался слѣдъ отъ раны.

— Да. Такъ мать не пошла въ кормилицы,—сказалъ онъ, встряхнувъ головой,—ханша взяла другую кормилицу, но все-таки любила мою мать. И мать водила насъ, дѣтей, въ ханскій дворецъ, и мы играли съ дѣтьми ханскими, и ханша любила насъ. Хановъ было трое: Абунунцалъ-Ханъ, молочный братъ моего брата Османа, Умма-Ханъ, мой братъ названый, и Булачъ-Ханъ, меньшой, тотъ, котораго Шамиль бросилъ съ кручи. Да это послѣ. Мнѣ было лѣтъ пятнадцать, когда по ауламъ стали ходить мюриды. Они били по камнямъ деревянными шашками и кричали: «Мусульмане, хазаватъ!» Чеченцы всѣ перешли къ мюридамъ, и аварцы стали переходить къ нимъ. Я жилъ тогда въ дворцѣ. Я былъ какъ братъ хана: что хотѣлъ, то дѣлалъ, и сталъ богатъ. Были у меня и лошади, и оружіе, и деньги

были. Жилъ въ свое удовольствіе и ни о чемъ не думалъ. И жилъ такъ до того времени, когда Кази-Муллу убили, и Гамзатъ сталъ на его мѣсто. Гамзатъ прислалъ ханамъ пословъ сказать, что если они не примутъ хазаватъ, онъ разоритъ Хунзахъ. Тутъ надо было подумать. Ханы боялись русскихъ, боялись принять хазаватъ, и ханша послала меня съ сыномъ со вторымъ, съ Умма-Ханомъ, въ Тифлисъ просить у главнаго русскаго начальника помощи отъ Гамзата. Главный начальникъ былъ Розенъ, баронъ. Онъ не принялъ ни меня, ни Умма-Хана. Велѣлъ сказать, что поможетъ, и ничего не сдѣлалъ. Только его офицеры стали ѣздить къ намъ и играть въ карты съ Умма-Ханомъ. Они поили его виномъ и въ дурныя мѣста возили, и онъ проигралъ имъ въ карты все, что у него было. Онъ былъ тѣломъ сильный, какъ быкъ, и храбрый, какъ левъ, а душой слабый, какъ вода. Онъ бы проигралъ послѣднихъ коней и оружіе, если бы я не увезъ его. Послѣ Тифлиса мысли мои перемѣнились, и я сталъ уговаривать ханшу и молодыхъ хановъ принять хазаватъ.

— Отчего же перемѣнились мысли? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ,—не понравились русскіе?

Хаджи-Муратъ помолчалъ.

— Нѣтъ, не понравились, — рѣшительно сказалъ онъ и закрылъ глаза. — И еще было дѣло такое, что я захотѣлъ принять хазаватъ.

— Какое же дѣло?

— А подъ Цельмесомъ мы съ ханомъ столкнулись съ тремя мюридами, два ушли, а третьяго я убилъ изъ пистолета. Когда я подошелъ къ нему, чтобы снять оружіе, онъ былъ живъ еще. Онъ поглядѣлъ на меня. «Ты,—говоритъ,—убилъ меня. Мнѣ хорошо. А ты мусульманинъ и молодъ и силенъ, прими хазаватъ. Богъ велитъ».

— Что же, и ты принялъ?

— Не принялъ, а сталъ думать, — сказалъ Хаджи-Муратъ и продолжалъ свой разсказъ:

— Когда Гамзатъ подступилъ къ Хунзаху, мы послали къ нему стариковъ и велѣли сказать, что согласны принять хазаватъ, только бы онъ прислалъ ученаго человѣка растолковать, какъ надо держать его. Гамзатъ велѣлъ старикамъ обрить усы, проткнуть ноздри, привѣсить къ ихъ носамъ лепешки и отослалъ ихъ назадъ. Старики сказали, что Гамзатъ готовъ прислать шейха, чтобы научить насъ хазавату, но только съ тѣмъ, чтобы ханша прислала къ нему аманатомъ меньшого сына. Ханша повѣрила и послала Булачъ-Хана къ Гамзату. Гамзатъ принялъ хорошо Булачъ-Хана и прислалъ къ намъ звать

къ себѣ и старшихъ братьевъ. Онъ велѣлъ сказать, что хочетъ служить ханамъ такъ же, какъ его отецъ служилъ ихъ отцу. Ханша была женщина слабая, глупая и дерзкая, какъ и всѣ женщины, когда онѣ живутъ по своей волѣ. Она побоялась послать обоихъ сыновей и послала одного Умма-Хана. Я поѣхалъ съ нимъ. Насъ за версту встрѣтили мюриды и пѣли, и стрѣляли, и джигитовали вокругъ насъ. А когда мы подъѣхали, Гамзатъ вышелъ изъ палатки, подошелъ къ стремени Умма-Хана и принялъ его какъ хана. Онъ сказалъ: «Я не сдѣлалъ вашему дому никакого зла и не хочу дѣлать. Вы только меня не убейте и не мѣшайте мнѣ приводить людей къ хазавату. А я буду служить вамъ со всѣмъ моимъ войскомъ, какъ отецъ мой служилъ вашему отцу. Пустите меня жить въ вашемъ домѣ. Я буду помогать вамъ моими совѣтами, а вы дѣлайте, что хотите».

— Умма-Ханъ былъ тупъ на рѣчи. Онъ не зналъ, что сказать, и молчалъ. Тогда я сказалъ, что если такъ, то пускай Гамзатъ ѣдетъ въ Хунзахъ; ханша и ханъ съ почетомъ примутъ его. Но мнѣ не дали досказать, и тутъ въ первый разъ я столкнулся съ Шамилемъ. Онъ былъ тутъ же, подлѣ имама.

— Не тебя спрашиваютъ, а хана,—сказалъ онъ мнѣ.

— Я замолчалъ, а Гамзатъ проводилъ Умма-Хана въ палатку. Потомъ Гамзатъ позвалъ меня и велѣлъ съ своими послами ѣхать въ Хунзахъ. Я поѣхалъ. Послы стали уговаривать ханшу отпустить къ Гамзату и старшаго хана. Я видѣлъ измѣну и сказалъ ханшѣ, чтобы она не посылала сына. Но у женщины ума въ головѣ столько, сколько на яйцѣ волосъ. Ханша повѣрила и велѣла сыну ѣхать. Абунунцалъ-Ханъ не хотѣлъ. Тогда она сказала: «Видно, ты боишься».—Она, какъ пчела, знала, въ какое мѣсто больнѣе ужалить его. Абунунцалъ-Ханъ загорѣлся, не сталъ больше говорить съ ней и велѣлъ сѣдлать. Я поѣхалъ съ нимъ. Гамзатъ встрѣтилъ насъ еще лучше, чѣмъ Умма-Хана. Онъ самъ за два выстрѣла подъ гору выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. За нимъ ѣхали конные съ значками, пѣли, стрѣляли, джигитовали. Когда мы подъѣхали къ лагерю, Гамзатъ ввелъ хана въ палатку, а я остался съ лошадьми.

— Я былъ подъ горой, когда въ палаткѣ Гамзата стали стрѣлять. Я подбѣжалъ къ палаткѣ. Умма-Ханъ лежалъ ничкомъ въ лужѣ крови, а Абунунцалъ-Ханъ бился съ мюридами. Половина лица у него была отрублена и висѣла. Онъ захватилъ ее одной рукой, а другой рубилъ кинжаломъ всѣхъ, кто подходилъ къ нему. При мнѣ онъ срубилъ брата Гамзата и намѣрнулся на другого, но тутъ мюриды стали стрѣлять въ него, и онъ упалъ.

Хаджи-Муратъ остановился, загорѣлое лицо его буро покраснѣло, и глаза налились кровью.

— На меня нашелъ страхъ, и я убѣжалъ.

— Вотъ какъ? — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — Я думалъ, что ты никогда ничего не боялся.

— Потомъ никогда. Съ тѣхъ поръ я всегда вспоминалъ этотъ стыдъ и когда вспоминалъ, то уже ничего не боялся.

XII.

— А теперь довольно. Молиться надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ, досталъ изъ внутренняго, грудного кармана черкески брегетъ Воронцова, бережно прижалъ пружинку и, склонивъ на бокъ голову, удерживая дѣтскую улыбку, слушалъ. Часы прозвонили двѣнадцать ударовъ и четверть.

— Кунакъ Воронцовъ пешкешъ, — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Да, хорошіе часы,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ.—Такъ ты молись, а я подожду.

— Якши (ладно), — сказалъ Хаджи-Муратъ и ушелъ въ спальню.

Оставшись одинъ, Лорисъ-Меликовъ записалъ въ своей книжечкѣ самое главное изъ того, что разсказалъ ему Хаджи-Муратъ, потомъ закурилъ папиросу и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Подойдя къ двери, противоположной спальнѣ, Лорисъ-Меликовъ, услыхалъ оживленные голоса по-татарски быстро говорившихъ о чемъ-то людей. Онъ догадался, что это были мюриды Хаджи-Мурата, и, отворивъ дверь, вошелъ къ нимъ.

Въ комнатѣ стоялъ тотъ особенный, кислый, кожаный запахъ, который бываетъ у горцевъ. На полу на буркѣ, у окна, сидѣлъ кривой, рыжій Гамзало, въ оборванномъ, засаленномъ бешметѣ, и вязалъ уздечку. Онъ что-то горячо говорилъ своимъ хриплымъ голосомъ, но при входѣ Лорисъ-Меликова тотчасъ же замолчалъ и, не обращая на него вниманія, продолжалъ свое дѣло. Противъ него стоялъ веселый Ханъ-Магома и, скаля бѣлые зубы и блестя черными, безъ рѣсницъ глазами, повторялъ все одно и то же. Красавецъ Элдаръ, засучивъ рукава на своихъ сильныхъ рукахъ, оттиралъ подпруги повѣшеннаго на гвоздѣ сѣдла. Ханефи, главнаго работника и завѣдующаго хозяйствомъ, не было въ комнатѣ. Онъ на кухнѣ варилъ обѣдъ.

— О чемъ же это вы спорили?—спросилъ Лорисъ-Меликовъ у Ханъ-Магомы, поздоровавшись съ нимъ.

— А онъ все Шамиля хвалитъ, — сказалъ Ханъ-Магома, подавая руку Лорису. — Говоритъ, Шамиль — большой человѣкъ. И ученый, и святой, и джигитъ.

— Какъ же онъ отъ него ушелъ, а все хвалитъ?

— Ушелъ, а хвалитъ,—скаля зубы и блестя глазами, проговорилъ Ханъ-Магома.

— Что же, и считаешь его святымъ? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— Кабы не былъ святой, народъ бы не слушалъ его, — быстро проговорилъ Гамзало.

— Святой былъ не Шамиль, а Мансуръ, — сказалъ Ханъ-Магома.—Это былъ настоящій святой. Когда онъ былъ имамомъ, весь народъ былъ другой. Онъ ѣздилъ по ауламъ, и народъ выходилъ къ нему цѣловать полу его черкески и каялся въ грѣхахъ и клялся не дѣлать дурного. Старики говорили: тогда всѣ люди жили, какъ святые, — не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали другъ другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, какъ находили, привязывали на шесты и ставили на дорогахъ. Тогда и Богъ давалъ успѣхъ во всемъ народу, и не такъ, какъ теперь, — говорилъ Хан-Магома.

— И теперь въ горахъ не пьютъ и не курятъ, — сказалъ Гамзало.

— Ламорой твой Шамиль, — сказалъ Ханъ-Магома, подмигивая Лорисъ-Меликову.

«Ламорой» было презрительное названіе горцевъ.

— Ламорой — горецъ, — отвѣчалъ Гамзало. — Въ горахъ-то и живутъ орлы.

— А молодчина, ловко срѣзалъ, — оскаливая зубы, заговорилъ Ханъ-Магома, радуясь на ловкій отвѣтъ своего противника.

Увидавъ серебряную папиросочницу въ рукѣ Лорисъ-Меликова, онъ попросилъ себѣ покурить. И когда Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что имъ вѣдь запрещено курить, онъ подмигнулъ однимъ глазомъ, мотнулъ головой на спальню Хаджи-Мурата и сказалъ, что можно, пока не видятъ. И тотчасъ же сталъ курить, не затягиваясь и неловко складывая свои красныя губы, когда выпускалъ дымъ.

— Нехорошо это, — строго сказалъ Гамзало и вышелъ изъ комнаты. Ханъ-Магома подмигнулъ и на него и, покуривая, сталъ разспрашивать Лорисъ-Меликова, гдѣ лучше купить шелковый бешметъ и папаху бѣлую.

— Что же у тебя развѣ такъ денегъ много?

— Есть, достанетъ, — подмигивая отвѣчалъ Ханъ-Магома.

— Ты спроси у него, откуда у него деньги, — сказалъ Элдаръ, поворачивая свою красивую, улыбающуюся голову къ Лорисъ-Меликову.

— А выигралъ, — быстро проговорилъ Ханъ-Магома.

И онъ разсказалъ, какъ онъ вчера, гуляя по Тифлису, набрелъ на кучку людей, русскихъ и армянъ, игравшихъ въ орлянку. Конъ былъ большой, три золотыхъ и серебра много. Ханъ-Магома тотчасъ же понялъ, въ чемъ игра, и позванивая мѣдными, которыя были у него въ карманѣ, вошелъ въ кругъ и сказалъ, что держитъ на всѣ.

— Какъ же на всѣ? Развѣ у тебя было? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— У меня всего было двѣнадцать копеекъ, — оскаливая зубы, сказалъ Ханъ-Магома.

— Ну, а если бы проигралъ?

— А вотъ.

И Ханъ-Магома указалъ на пистолетъ.

— Что же, отдалъ бы?

— Зачѣмъ отдавать, убѣжалъ бы, а кто бы задержалъ, убилъ бы. И готово.

— Что же, и выигралъ?

— Айя, собралъ всѣ и ушелъ.

Ханъ-Магому и Элдара Лорисъ-Меликовъ вполнѣ понималъ. Ханъ-Магома былъ весельчакъ, кутила, не знавшій, куда дѣть избытокъ жизни, всегда веселый, легкомысленный, играющій своей и чужими жизнями, изъ-за этой игры жизнью вышедшій теперь къ русскимъ и точно такъ же завтра изъ-за этой игры могущій перейти опять назадъ къ Шамилю. Элдаръ былъ тоже вполнѣ понятенъ: это былъ человѣкъ, вполнѣ преданный своему мюршиду, спокойный, сильный и твердый. Непонятенъ былъ для Лорисъ-Меликова только рыжій Гамзало. Лорисъ-Меликовъ видѣлъ, что человѣкъ этотъ не только былъ преданъ Шамилю, но испытывалъ непреодолимое отвращеніе, презрѣніе, гадливость и ненависть ко всѣмъ русскимъ; и потому Лорисъ-Меликовъ не могъ понять, зачѣмъ онъ вышелъ къ русскимъ. Лорисъ-Меликову приходила мысль, раздѣляемая и нѣкоторыми начальствующими лицами, что выходъ Хаджи-Мурата и его разсказы о враждѣ съ Шамилемъ былъ обманъ, что онъ вышелъ только, чтобы высмотрѣть слабыя мѣста русскихъ и, убѣжавъ опять въ горы, направить силы туда, гдѣ русскіе были слабы. И Гамзало всѣмъ своимъ существомъ подтверждалъ это предположеніе. «Тѣ и самъ Хаджи-Муратъ, — думалъ Лорисъ-Меликовъ,—

умѣютъ скрывать свои намѣренія, но этотъ выдаетъ себя своей нескрываемой ненавистью».

Лорисъ-Меликовъ попытался говорить съ нимъ. Онъ спросилъ, скучно ли ему. Но онъ, не оставляя своего занятія, косясь своимъ однимъ глазомъ на Лорисъ-Меликова, хрипло и отрывисто прорычалъ:

— Нѣтъ, не скучно.

И такъ же отвѣчалъ на всѣ другіе вопросы.

Пока Лорисъ-Меликовъ былъ въ комнатѣ нукеровъ, вошелъ и четвертый мюридъ Хаджи-Мурата, аварецъ Ханефи, съ волосатымъ лицомъ и шеей и мохнатой, точно мѣхомъ обросшей, выпуклой грудью. Это былъ неразсуждающій, здоровенный работникъ, всегда поглощенный своимъ дѣломъ, безъ разсужденія, какъ и Элдаръ, повинующійся своему хозяину.

Когда онъ вошелъ въ комнату нукеровъ за рисомъ, Лорисъ-Меликовъ остановилъ его и разспросилъ, откуда онъ и давно ли у Хаджи-Мурата.

— Пять лѣтъ, — отвѣчалъ Ханефи на вопросъ Лорисъ-Меликова. — Я изъ одного аула съ нимъ. Мой отецъ убилъ его дядю, и они хотѣли убить меня, — сказалъ онъ, спокойно изъподъ сросшихся бровей глядя въ лицо Лорисъ-Меликова. — Тогда я попросилъ принять меня братомъ.

— Что значитъ: принять братомъ?

— Я не брилъ два мѣсяца головы, ногтей не стригъ и пришелъ къ нимъ. Они пустили меня къ Патиматъ, къ его матери. Патиматъ дала мнѣ грудь, и я сталъ его братомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ Хаджи-Мурата. Элдаръ тотчасъ же узналъ призывъ хозяина и, отеревъ руки, широко шагая, пошелъ въ гостиную.

— Зоветъ къ себѣ, — сказалъ онъ, возвращаясь. И, давъ еще папироску веселому Ханъ-Магомѣ, Лорисъ-Меликовъ пошелъ въ гостиную.

XIII.

Когда Лорисъ-Меликовъ вошелъ въ гостиную, Хаджи-Муратъ съ веселымъ лицомъ встрѣтилъ его.

— Что же, продолжать? — сказалъ онъ, усаживаясь на тахту.

— Да, непремѣнно, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — А я заходилъ къ твоимъ нукерамъ, поговорилъ съ ними. Одинъ — веселый малый, — прибавилъ Лорисъ-Меликовъ.

— Да, Ханъ Магома — легкій человѣкъ, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— А понравился мнѣ молодой, красивый.

— А, Элдаръ. Этотъ молодъ, а твердъ, желѣзный.

Они помолчали.

— Такъ говорить дальше?

— Да, да.

— Я сказалъ, какъ хановъ убили. Ну, убили ихъ, и Гамзатъ въѣхалъ въ Хунзахъ и сѣлъ въ ханскомъ дворцѣ, — началъ Хаджи-Муратъ. — Оставалась мать ханша. Гамзатъ призвалъ ее къ себѣ. Она стала выговаривать ему. Онъ мигнулъ своему мюриду Асельдеру, и тотъ сзади ударилъ, убилъ ее.

— Зачѣмъ же онъ убилъ ее-то?—спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— А какъ же быть: перелѣзъ передними ногами, перелѣзай и задними. Надо было всю породу покончить. Такъ и сдѣлали. Шамиль меньшого убилъ, сбросилъ съ кручи.

— Вся Аварія покорилась Гамзату, только мы съ братомъ не хотѣли покориться. Намъ надо было кровь его за хановъ. Мы дѣлали видъ, что покорились, а думали только, какъ взять съ него кровь. Мы посовѣтовались съ дѣдомъ и рѣшили выждать время, когда онъ выѣдетъ изъ дворца, и изъ засады убить его. Кто-то подслушалъ насъ, сказалъ Гамзату, и онъ призвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ: «Смотри, если правда, что твои внуки задумываютъ худое противъ меня, висѣть тебѣ съ ними на одной перекладинѣ. Я дѣлаю дѣло Божье, и мнѣ помѣшать нельзя. Иди и помни, что я сказалъ».

— Дѣдъ пришелъ домой и сказалъ намъ. Тогда мы рѣшили не ждать, а сдѣлать дѣло въ первый день праздника въ мечети. Товарищи отказались, — остались мы съ братомъ.

— Мы взяли по два пистолета, надѣли бурки и пошли въ мечеть. Гамзатъ вошелъ съ тридцатью мюридами. Всѣ они держали шашки наголо. Рядомъ съ Гамзатомъ шелъ Асельдеръ, его любимый мюридъ,—тотъ самый, который отрубилъ голову ханшѣ. Увидавъ насъ, онъ крикнулъ, чтобы мы сняли бурки, и подошелъ ко мнѣ. Кинжалъ у меня былъ въ рукѣ, и я убилъ его и бросился къ Гамзату. Но братъ Османъ уже выстрѣлилъ въ него. Гамзатъ еще былъ живъ и съ кинжаломъ бросился на брата, но я добилъ его въ голову. Мюридовъ было тридцать человѣкъ, а насъ двое. Они убили брата Османа, а я отбился, выскочилъ въ окно и ушелъ.

— Когда узнали, что Гамзатъ убитъ, весь народъ поднялся, и мюриды бѣжали, а тѣхъ, какіе не бѣжали, тѣхъ перебили.

Хаджи-Муратъ остановился и тяжело перевелъ духъ.

— Это все было хорошо, — продолжалъ онъ, потомъ все испортилось. Шамиль сталъ на мѣсто Гамзата. Онъ прислалъ

ко мнѣ пословъ сказать, чтобы я шелъ съ нимъ противъ русскихъ; если же я откажусь, то онъ грозилъ, что разоритъ Хунзахъ и убьетъ меня. Я сказалъ, что не пойду къ нему и не пущу его къ себѣ.

— Отчего же ты не пошелъ къ нему? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

Хаджи-Муратъ нахмурился и не сейчасъ отвѣтилъ.

— Нельзя было. На Шамилѣ была кровь и брата Османа и Абунунцалъ-Хана. Я не пошелъ къ нему. Розенъ, генералъ, прислалъ мнѣ чинъ офицера и велѣлъ быть начальникомъ Аваріи. Все бы было хорошо, но Розенъ назначилъ надъ Аваріей сначала хана казикумыхскаго, Магометъ-Мирзу, а потомъ Ахметъ-Хана. Этотъ возненавидѣлъ меня. Онъ сваталъ за сына дочь ханши, Салтанетъ; ее не отдали ему. Онъ думалъ, что я виноватъ въ этомъ. Онъ возненавидѣлъ меня и подсылалъ своихъ нукеровъ убить меня, но я ушелъ отъ нихъ. Тогда онъ наговорилъ на меня генералу Клюгенау, — сказалъ, что я не велю аварцамъ давать дровъ солдатамъ. Онъ сказалъ ему еще, что я надѣлъ чалму, вотъ эту, — сказалъ Хаджи-Муратъ, указывая на чалму на папахѣ, — и что это значитъ, что я передался Шамилю. Генералъ не повѣрилъ и не велѣлъ трогать меня. Но когда генералъ уѣхалъ въ Тифлисъ, Ахметъ-Ханъ сдѣлалъ по-своему: съ ротой солдатъ схватилъ меня, заковалъ въ цѣпи и привязалъ къ пушкѣ.

— Шесть сутокъ держали меня такъ. На седьмыя сутки отвязали и повели въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Вели сорокъ солдатъ съ заряженными ружьями. Руки были связаны, и велѣно было убить меня, если я захочу бѣжать. Я зналъ это. Когда мы стали проходить подлѣ Моксоха, тропка была узкая, направо кручь саженъ пятьдесятъ. Я перешелъ отъ солдата направо, на край кручи. Солдатъ захотѣлъ остановить меня, но я прыгнулъ подъ кручь и потащилъ за собой солдатъ. Солдатъ убился на-смерть, а я вотъ живъ остался. Ребра, голову, руки, ноги, все поломалъ. Поползъ было — и не могъ. Закружилась голова, и заснулъ. Проснулся мокрый, въ крови. Пастухъ увидѣлъ, позвалъ народъ, снесли меня въ аулъ. Ребра, голова зажили, зажила и нога, только стала короткая.

И Хаджи-Муратъ вытянулъ кривую ногу.

— Служитъ, и то хорошо, — сказалъ онъ. — Народъ узналъ, стали ѣздить ко мнѣ. Я выздоровѣлъ, переѣхалъ въ Цельмесъ. Аварцы опять звали меня управлять ими, — съ спокойной, увѣренной гордостью сказалъ Хаджи-Муратъ. — И я согласился.

Хаджи-Муратъ быстро всталъ и, доставъ въ переметныхъ сумахъ портфель, вынулъ оттуда два пожелтѣвшія письма и подалъ ихъ Лорисъ-Меликову. Письма были отъ генерала Клюгенау. Лорисъ-Меликовъ прочелъ ихъ. Въ первомъ письмѣ было:

«Прапорщикъ Хаджи-Муратъ. Ты служилъ у меня, я былъ доволенъ тобою и считалъ тебя добрымъ человѣкомъ. Недавно генералъ-маіоръ Ахметъ-Ханъ увѣдомилъ меня, что ты измѣнникъ, что ты надѣлъ чалму, что ты имѣешь сношенія съ Шамилемъ, что ты научилъ народъ не слушать русскаго начальства. Я приказалъ арестовать тебя и доставить тебя ко мнѣ, — ты бѣжалъ; не знаю, къ лучшему ли это или къ худшему, потому что не знаю, виноватъ ли ты или нѣтъ. Теперь слушай меня. Ежели совѣсть твоя чиста противу великаго царя, если ты не виноватъ ни въ чемъ, явись ко мнѣ. Не бойся никого, я твой защитникъ. Ханъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ, — онъ самъ у меня подъ начальствомъ. Такъ и нечего тебѣ бояться».

Дальше Клюгенау писалъ о томъ, что онъ всегда держалъ свои слова и былъ справедливъ, и еще увѣщавалъ Хаджи-Мурата выйти къ нему.

Когда Лорисъ-Меликовъ кончилъ первое письмо, Хаджи-Муратъ досталъ другое письмо, но, не отдавая его еще въ руки Лорисъ-Меликова, разсказалъ, какъ онъ отвѣчалъ на это первое письмо:

— Я написалъ ему, что чалму я носилъ, но не для Шамиля, а для спасенія души; что къ Шамилю я перейти не хочу и не могу, потому что черезъ него убиты мой отецъ, братья и родственники, но что и къ русскимъ не могу выйти, потому что меня обезчестили. Въ Хунзахѣ, когда я былъ связанъ, одинъ негодяй на..... на меня. И я не могу выйти къ вамъ, пока человѣкъ этотъ не будетъ убитъ. А главное, боюсь обманщика Ахметъ-Хана. Тогда генералъ прислалъ мнѣ это письмо,—сказалъ Хаджи-Муратъ, подавая Лорисъ-Меликову другую пожелтѣвшую бумажку.

«Ты мнѣ отвѣчалъ на мое письмо,—спасибо,—прочиталъ Лорисъ-Меликовъ.—Ты пишешь, что ты не боишься воротиться, но безчестіе, нанесенное тебѣ однимъ гяуромъ, запрещаетъ это; а я тебя увѣряю, что русскій законъ справедливъ, и въ глазахъ твоихъ ты увидишь наказаніе того, кто смѣлъ тебя оскорбить. Я уже приказалъ это изслѣдовать. Послушай, Хаджи-Муратъ. Я имѣю право быть недовольнымъ на тебя, потому что ты не вѣришь мнѣ и моей чести, но я прощаю тебѣ, зная недовѣрчивость характера вообще горцевъ. Ежели ты чистъ совѣстью, если чалму ты надѣвалъ собственно только для спа-

сенія души, то ты правъ и смѣло можешь глядѣть русскому правительству и мнѣ въ глаза, а тотъ, кто тебя обезчестилъ, увѣряю, будетъ наказанъ, *имущество твое будетъ возвращено*, и ты увидишь и узнаешь, что значитъ русскій законъ. Тѣмъ болѣе, что русскіе иначе смотрятъ на все; въ глазахъ ихъ ты не уронилъ себя, что тебя какой-нибудь мерзавецъ обезчестилъ. Я самъ позволилъ гимринцамъ чалму носить и смотрю на ихъ дѣйствія, какъ слѣдуетъ; слѣдовательно, повторяю, тебѣ нечего бояться. Приходи ко мнѣ съ человѣкомъ, котораго я къ тебѣ теперь посылаю; онъ мнѣ вѣренъ, *онъ не рабъ твоихъ враговъ*, а другъ человѣка, который пользуется у правитель ства особеннымъ вниманіемъ».

Дальше Клюгенау опять уговаривалъ Хаджи-Мурата выйти.

— Я не повѣрилъ этому,—сказалъ Хаджи-Муратъ, когда Лорисъ-Меликовъ кончилъ письмо,—и не поѣхалъ къ Клюгенау. Мнѣ, главное, надо было отомстить Ахметъ-Хану, а этого я не могъ сдѣлать черезъ русскихъ. Въ это же время Ахметъ-Ханъ окружилъ Цельмесъ и хотѣлъ схватить или убить меня. У меня было слишкомъ мало народа; я не могъ отбиться отъ него. И вотъ въ это-то время ко мнѣ пріѣхалъ посланный отъ Шамиля съ письмомъ. Онъ обѣщалъ помочь мнѣ отбиться отъ Ахметъ-Хана и убить его и давалъ мнѣ въ управленіе всю Аварію. Я долго думалъ и перешелъ къ Шамилю. И вотъ съ тѣхъ поръ я, не переставая, воевалъ все съ русскими.

Тутъ Хаджи-Муратъ разсказалъ всѣ свои военныя дѣла. Ихъ было очень много, и Лорисъ-Меликовъ отчасти зналъ ихъ. Всѣ походы и набѣги его были поразительны по необыкновенной быстротѣ переходовъ и смѣлости нападеній, всегда увѣнчивавшихся успѣхами.

— Дружбы между мной и Шамилемъ никогда не было,—докончилъ свой разсказъ Хаджи-Муратъ,—но онъ боялся меня, и я былъ ему нуженъ. Но тутъ случилось то, что у меня спросили, кому быть имамомъ послѣ Шамиля. Я сказалъ, что имамомъ будетъ тотъ, у кого шашка востра. Это сказали Шамилю, и онъ захотѣлъ избавиться отъ меня. Онъ послалъ меня въ Табасарань. Я поѣхалъ, отбилъ тысячу барановъ, триста лошадей. Но онъ сказалъ, что я не то сдѣлалъ, и смѣнилъ меня съ наибства и велѣлъ прислать ему всѣ деньги. Я послалъ тысячу золотыхъ. Онъ прислалъ своихъ мюридовъ и отобралъ у меня все мое имѣніе. Онъ требовалъ меня къ себѣ; я зналъ, что онъ хочетъ убить меня, и не поѣхалъ. Онъ прислалъ взять меня, я отбился и вышелъ къ Воронцову. Только семьи я не взялъ.

И мать, и жена, и сынъ у него. Скажи сардарю: пока семья тамъ, я ничего не могу дѣлать.

— Я скажу,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

— Хлопочи, старайся. Что мое, то твое, только помоги у князя. Я связанъ, и конецъ веревки—у Шамиля въ рукѣ.

Этими словами закончилъ Хаджи-Муратъ свой разсказъ Лорисъ-Меликову.

XIV.

Двадцтаго декабря Воронцовъ писалъ слѣдующее военному министру Чернышову (письмо было по-французски):

«Я не писалъ вамъ съ послѣдней почтой, любезный князь, желая сперва рѣшить, что мы сдѣлаемъ съ Хаджи-Муратомъ. Я чувствую себя два-три дня не совсѣмъ здоровымъ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я извѣщалъ васъ о прибытіи сюда Хаджи-Мурата: онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ восьмого; на слѣдующій день я познакомился съ нимъ, и дней восемь или девять я говорилъ съ нимъ и обдумывалъ, что онъ можетъ сдѣлать для насъ впослѣдствіи, а особенно, что намъ дѣлать съ нимъ теперь, такъ какъ онъ очень сильно заботится о судьбѣ своего семейства и говоритъ, со всѣми знаками полной откровенности, что пока его семейство въ рукахъ Шамиля, онъ парализованъ и не въ силахъ услужить намъ и доказать свою благодарность за ласковый пріемъ и прощеніе, которое ему оказали. Неизвѣстность, въ которой онъ находится, насчетъ дорогихъ ему особъ, вызываетъ въ немъ лихорадочное состояніе, и лица, назначенныя мною, чтобы жить съ нимъ здѣсь, увѣряютъ меня, что онъ не спитъ по ночамъ, почти что ничего не ѣстъ, постоянно молится и только проситъ позволенія покататься верхомъ съ нѣсколькими казаками, — единственно для него возможное развлеченіе и движеніе, необходимое вслѣдствіе долголѣтней привычки. Каждый день онъ приходитъ ко мнѣ узнавать, имѣю ли я какія-нибудь извѣстія о его семействѣ, и проситъ меня, чтобы я велѣлъ собрать на нашихъ различныхъ линіяхъ всѣхъ плѣнныхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, чтобы предложить ихъ Шамилю для обмѣна, къ чему онъ прибавитъ немного денегъ. Есть люди, которые ему дадутъ ихъ для этого. Онъ мнѣ все повторялъ: «Спасите мое семейство и потомъ дайте мнѣ возможность услужить вамъ (лучше всего на лезгинской линіи, по его мнѣнію), и если по истеченіи мѣсяца я не окажу вамъ большой услуги, накажите меня, какъ сочтете нужнымъ».

«Я ему отвѣтилъ, что все это кажется мнѣ весьма справедливымъ, и что у насъ найдется даже много лицъ, которыя не

повѣрили бы ему, если бы его семейство оставалось въ горахъ, а не у насъ въ качествѣ залога; что я сдѣлаю все возможное для сбора на нашихъ границахъ плѣнныхъ и что, не имѣя права, по нашимъ уставамъ, дать ему денегъ для выкупа въ прибавку къ тѣмъ, которыя онъ достанетъ самъ, я, можетъ быть, найду другія средства помочь ему. Послѣ этого я ему сказалъ откровенно мое мнѣніе о томъ, что Шамиль ни въ какомъ случаѣ не выдастъ ему семейства, что онъ, можетъ быть, прямо объявитъ ему это, обѣщаетъ ему полное прощеніе и прежнія должности, погрозитъ, если онъ не вернется, погубить его мать, жену и шестерыхъ дѣтей. Я спросилъ его, можетъ ли онъ сказать откровенно, что бы онъ сдѣлалъ, если бы получилъ такое объявленіе Шамиля. Хаджи-Муратъ поднялъ глаза и руки къ небу и сказалъ мнѣ, что все въ рукахъ Бога, но что онъ никогда не отдастся своему врагу, потому что онъ вполнѣ увѣренъ, что Шамиль его не проститъ, и что онъ бы тогда недолго остался въ живыхъ. Что касается истребленія его семейства, то онъ не думаетъ, что Шамиль поступитъ такъ легкомысленно: 1) чтобы не сдѣлать его врагомъ еще отчаяннѣе и опаснѣе; 2) есть въ Дагестанѣ множество лицъ очень даже вліятельныхъ, которыя отговорятъ его отъ этого. Наконецъ, онъ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что какая бы ни была воля Бога для будущаго, но что его теперь занимаетъ только мысль о выкупѣ семейства; что онъ умоляетъ меня, во имя Бога, помочь ему и позволить ему вернуться въ окрестности Чечни, гдѣ бы онъ, черезъ посредство и съ дозволенія нашихъ начальниковъ, могъ имѣть сношенія съ своимъ семействомъ, постоянныя извѣстія о его настоящемъ положеніи и о средствахъ освободить его; что многія лица и даже нѣкоторыя наибы въ этой части непріятельской страны болѣе или менѣе привязаны къ нему; что во всемъ этомъ населеніи, уже покоренномъ русскими или нейтральномъ, ему легко будетъ имѣть, съ нашей помощью, сношенія, очень полезныя для достиженія цѣли, преслѣдовавшей его днемъ и ночью, исполненіе которой такъ его успокоитъ и дастъ ему возможность дѣйствовать для нашей пользы и заслужить наше довѣріе. Онъ проситъ отослать его опять въ Грозную съ конвоемъ изъ двадцати или тридцати отважныхъ казаковъ, которые бы служили ему для защиты отъ враговъ, а намъ—для ручательства въ истинѣ высказанныхъ имъ намѣреній.

«Вы поймете, любезный князь, что все это озадачило меня, такъ какъ, что ни сдѣлай, большая отвѣтственность лежитъ на мнѣ. Было бы въ высшей степени неосторожно вполнѣ довѣрять ему; но если бы мы хотѣли отнять у него средства для

бѣгства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнѣнію, было бы и несправедливо и неполитично. Такая мѣра, извѣстіе о которой скоро распространилось бы по всему Дагестану, очень повредила бы намъ тамъ, отнимая охоту у всѣхъ тѣхъ (а ихъ много), которые готовы идти болѣе или менѣе открыто противъ Шамиля и которые такъ интересуются положеніемъ у насъ самаго храбраго и предпріимчиваго помощника имама, увидѣвшаго себя принужденнымъ отдаться въ наши руки. Разъ что мы поступили бы съ Хаджи-Муратомъ, какъ съ плѣннымъ, весь благопріятный эффектъ его измѣны Шамилю пропалъ бы для насъ.

«Поэтому я думаю, что не могъ поступить иначе, какъ я поступилъ, чувствуя, однако, что можно будетъ обвинить меня въ большой ошибкѣ, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. Въ службѣ и въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ трудно, чтобы не сказать: невозможно, идти по одной прямой дорогѣ, не рискуя ошибиться и не принимая на себя отвѣтственности; но разъ, что дорога кажется прямою, надо идти по ней,—будь, что будетъ.

«Прошу васъ, любезный князь, повергнуть это на разсмотрѣніе Его Величеству Государю Императору, и я буду счастливъ, если Августѣйшій нашъ повелитель соизволитъ одобрить мой поступокъ. Все, что я вамъ писалъ выше, я также написалъ генераламъ Завадовскому и Козловскому, для непосредственныхъ сношеній Козловскаго съ Хаджи-Муратомъ, котораго я предупредилъ о томъ, что онъ безъ одобренія послѣдняго ничего сдѣлать и никуда выѣхать не можетъ. Я ему объявилъ, что для насъ еще лучше, если онъ будетъ выѣзжать съ нашимъ конвоемъ, а то Шамиль станетъ разглашать, что мы держимъ Хаджи-Мурата взаперти; но при этомъ я взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никогда не поѣдетъ въ Воздвиженское, такъ какъ мой сынъ, которому онъ сперва сдался и котораго онъ считаетъ своимъ кунакомъ (пріятелемъ), не начальникъ этого мѣста, и могли бы произойти недоразумѣнія (непріятности). Впрочемъ, Воздвиженское слишкомъ близко отъ многочисленнаго враждебнаго намъ селенія, между тѣмъ какъ для сношеній, которыя онъ желаетъ имѣть съ своими повѣренными, Грозная удобна во всѣхъ отношеніяхъ.

«Кромѣ двадцати избранныхъ казаковъ, которые, по его же просьбѣ, ни на шагъ не отстанутъ отъ него, я послалъ ротмистра Лорисъ-Меликова [1]). достойнаго, отличнаго и очень ум-

---

[1]) Графъ Михаилъ Таріеловичъ.

наго офицера, говорящаго по-татарски, знающаго хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполнѣ довѣряетъ ему. Десять дней, которые Хаджи-Муратъ провелъ здѣсь, онъ, впрочемъ, жилъ въ одномъ домѣ съ подполковникомъ княземъ Тархановымъ, начальникомъ Шушинскаго уѣзда, находящимся здѣсь по дѣламъ; это—истинно-достойный человѣкъ, и я ему вполнѣ довѣряю. Онъ также заслужилъ довѣріе Хаджи-Мурата, и черезъ него одного, такъ какъ онъ отлично говоритъ по-татарски, мы разсуждали о самыхъ деликатныхъ и секретныхъ дѣлахъ.

«Я совѣтовался съ Тархановымъ насчетъ Хаджи-Мурата, и онъ совершенно согласился со мной въ томъ, что или слѣдовало поступить, какъ я поступилъ, или заключить Хаджи-Мурата въ тюрьму и сторожить его со всѣми возможными строгими мѣрами,—потому что ужъ разъ обращаться съ нимъ худо, его не легко стеречь,—или же удалить его совсѣмъ изъ страны. Но эти двѣ послѣднія мѣры не только уничтожили бы всю выгоду, вытекающую для насъ изъ ссоры между Хаджи-Муратомъ и Шамилемъ, но пріостановили бы неизбѣжно всякое развитіе ропота и возможность возмущенія горцевъ противъ власти Шамиля. Князь Тархановъ мнѣ сказалъ, что самъ увѣренъ въ правдивости Хаджи-Мурата, и что Хаджи-Муратъ не сомнѣвается въ томъ, что Шамиль никогда его не проститъ и велитъ казнить, несмотря на обѣщанное прощеніе. Единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова въ его сношеніяхъ съ Хаджи-Муратомъ, это—его привязанность къ своей религіи, и онъ не скрываетъ, что Шамилю можно будетъ дѣйствовать на него съ этой стороны. Но, какъ я уже говорилъ выше, онъ никогда не убѣдитъ Хаджи-Мурата въ томъ, что не лишитъ его жизни или сейчасъ или спустя нѣсколько времени послѣ его возвращенія.

«Вотъ все, любезный князь, что я хотѣлъ сказать вамъ насчетъ этого эпизода здѣшнихъ дѣлъ».

XV.

Донесеніе это было отправлено изъ Тифлиса 24-го декабря. Наканунѣ же новаго, 52-го года, фельдъегерь, загнавъ десятокъ лошадей и избивъ въ кровь десятокъ ямщиковъ, доставилъ его къ князю Чернышову, тогдашнему военному министру, и 1-го января 1852 года Чернышовъ повезъ къ императору Николаю, въ числѣ другихъ дѣлъ и это донесеніе Воронцова.

Чернышовъ не любилъ Воронцова и за всеобщее уваженіе, которымъ пользовался Воронцовъ, и за его огромное богатство, и за то, что Воронцовъ былъ настоящій баринъ, а Чернышовъ

все-таки parvenu [1]), главное, за особенное расположеніе императора къ Воронцову; и потому Чернышовъ пользовался всякимъ случаемъ, насколько могъ, вредить Воронцову. Въ прошломъ докладѣ о кавказскихъ дѣлахъ Чернышову удалось вызвать неудовольствіе Николая на Воронцова за то, что по небрежности начальства былъ горцами почти весь истребленъ небольшой кавказскій отрядъ. Теперь онъ намѣревался представить съ невыгодной стороны распоряженіе Воронцова о Хаджи-Муратѣ. Онъ хотѣлъ внушить государю, что Воронцовъ, всегда въ ущербъ русскимъ оказывающій покровительство и даже послабленіе туземцамъ, оставивъ Хаджи-Мурата на Кавказѣ, поступилъ неблагоразумно; что, по всей вѣроятности, Хаджи-Муратъ только для того, чтобы высмотрѣть наши средства обороны, вышелъ къ намъ, и что поэтому лучше отправить Хаджи-Мурата въ центръ Россіи и воспользоваться имъ уже тогда, когда его семья будетъ выручена изъ горъ и можно будетъ увѣриться въ его преданности.

Но планъ этотъ не удался Чернышову . . . .
. . . .
. . . .

Была половина десятаго, когда въ туманѣ двадцатиградуснаго мороза толстый, бородатый кучеръ Чернышова, въ лазоревой бархатной шапкѣ съ острыми концами, сидя на козлахъ маленькихъ саней, такихъ же, какъ тѣ, въ которыхъ катался Николай Павловичъ, подкатилъ къ подъѣзду Зимняго дворца и дружески кивнулъ своему пріятелю, кучеру князя Долгорукова, который, ссадивъ барина уже давно, стоялъ у дворцоваго подъѣзда, подложивъ подъ толстый ваточный задъ вожжи, и потиралъ озябшія руки.

Чернышовъ былъ въ шинели съ пушистымъ, сѣдымъ бобровымъ воротникомъ и въ треугольной шляпѣ съ пѣтушиными перьями, надѣтой по формѣ. Откинувъ медвѣжью полость, онъ осторожно выпросталъ изъ саней свои озябшія ноги безъ калошъ (онъ гордился тѣмъ, что не зналъ калошъ) и, бодрясь, позванивая шпорами, прошелъ по ковру въ почтительно отворенную передъ нимъ швейцаромъ дверь въ сѣни. Скинувъ въ передней на руки подбѣжавшаго стараго камеръ-лакея шинель, Чернышовъ подошелъ къ зеркалу и осторожно снялъ шляпу съ завитого парика. Поглядѣвъ на себя въ зеркало, онъ привычнымъ движеніемъ старческихъ рукъ подвилъ виски и хохолъ и поправилъ крестъ, аксельбанты и большіе съ вензелями эполеты

---

[1]) Выскочка.

и, слабо шагая плохо повинующимися старческими ногами, сталъ подниматься вверхъ по ковру отлогой лѣстницы.

Пройдя мимо стоявшихъ въ парадной формѣ у дверей и подобострастно кланявшихся ему камеръ-лакеевъ, Чернышовъ вошелъ въ пріемную. Дежурный, вновь назначенный флигель-адъютантъ, сіяющій новымъ мундиромъ, эполетами, аксельбантами и румянымъ, еще не истасканнымъ лицомъ съ черными усиками и височками, зачесанными къ глазамъ такъ же, какъ ихъ зачесывалъ Николай Павловичъ, почтительно встрѣтилъ его. Князь Василій Долгорукій, товарищъ военнаго министра, съ скучающимъ выраженіемъ тупого лица, украшеннаго такими же бакенбардами, усами и висками, какіе носилъ Николай, поздоровался съ нимъ.

— L'empereur? [1],—обратился Чернышовъ къ флигель-адъютанту, вопросительно указывая глазами на дверь кабинета.

— Sa Majesté vient de rentrer [2],—очевидно, съ удовольствіемъ слушая звукъ своего голоса, сказалъ флигель-адъютантъ и, мягко ступая, такъ плавно, что полный стаканъ воды, поставленный ему на голову, не пролился бы, подошелъ къ беззвучно отворявшейся двери и, всѣмъ существомъ своимъ выказывая почтеніе къ тому мѣсту, въ которое онъ вступалъ, исчезъ за дверью. Долгорукій между тѣмъ раскрылъ свой портфель, провѣряя находящіяся въ немъ бумаги. Чернышовъ же, нахмурившись, прохаживался, разминая ноги и вспоминая все то, что надо было доложить императору. Чернышовъ былъ подлѣ двери кабинета, когда она опять отворилась и изъ нея вышелъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сіяющій и почтительный флигель-адъютантъ и жестомъ пригласилъ министра и его товарища къ государю.

Зимній дворецъ послѣ пожара былъ давно уже отстроенъ, и Николай жилъ въ немъ еще въ верхнемъ этажѣ. Кабинетъ, въ которомъ онъ принималъ съ докладами министровъ и высшихъ начальниковъ, была очень высокая комната съ четырьмя большими окнами. Большой портретъ императора Александра I висѣлъ на главной стѣнѣ. Между окнами стояли два бюро. По стѣнамъ стояло нѣсколько стульевъ, въ серединѣ комнаты—огромный письменный столъ, передъ столомъ—кресло Николая, стулья для принимаемыхъ. Николай въ черномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ полупогончиками, сидѣлъ у стола . . . . .
. . . .

---

[1] Императоръ?
[2] Его величество только что вернулись.

. . . .

. . . .

Перваго онъ принялъ Чернышова. Чернышовъ тотчасъ же по лицу и, главное, глазамъ Николая понялъ, что онъ нынче былъ особенно не въ духѣ. . . . .

. . . .

. . . .

Первымъ дѣломъ въ докладѣ Чернышова было дѣло объ открывшемся воровствѣ интендантскихъ чиновниковъ, потомъ было дѣло о перемѣщеніи войскъ на прусской границѣ, потомъ назначеніе нѣкоторымъ лицамъ, пропущеннымъ въ первомъ спискѣ, наградъ къ Новому году, потомъ было донесеніе Воронцова о выходѣ Хаджи-Мурата и, наконецъ, непріятное дѣло о студентѣ медицинской академіи, покушавшемся на жизнь профессора.

Николай молча, сжавъ губы, поглаживалъ своими большими бѣлыми руками, съ однимъ золотымъ кольцомъ на безыменномъ пальцѣ, листы бумаги и слушалъ докладъ о воровствѣ, не спуская глазъ со лба и хохла Чернышова.

Николай былъ увѣренъ, что воруютъ всѣ. Онъ зналъ, что надо будетъ наказать теперь интендантскихъ чиновниковъ, и рѣшилъ отдать ихъ всѣхъ въ солдаты, но зналъ тоже, что это не помѣшаетъ тѣмъ, которые займутъ мѣсто уволенныхъ, дѣлать то же самое. Свойство чиновниковъ состояло въ томъ, чтобы красть, его же обязанность состояла въ томъ, чтобы наказывать ихъ и, какъ ни надоѣло это ему, онъ добросовѣстно исполнялъ эту обязанность.

— Видно, у насъ въ Россіи одинъ только честный человѣкъ,—сказалъ онъ.

Чернышовъ тотчасъ же понялъ, что этотъ единственный честный человѣкъ въ Россіи былъ самъ Николай, и одобрительно улыбнулся.

— Должно быть, такъ, ваше величество,—сказалъ онъ.

— Оставь, я положу резолюцію,—сказалъ Николай, взявъ бумагу и переложивъ ее на лѣвую сторону стола.

Послѣ этого Чернышовъ сталъ докладывать о наградахъ и о перемѣщеніи войскъ. Николай посмотрѣлъ списокъ, вычеркнулъ нѣсколько именъ и потомъ кратко и рѣшительно распорядился о передвиженіи двухъ дивизій къ прусской границѣ.

. . . .

. . . .

— Ну, что еще?—сказалъ онъ.

— Фельдъегерь съ Кавказа,—сказалъ Чернышовъ и сталъ докладывать то, что писалъ Воронцовъ о выходѣ Хаджи-Мурата.

— Вотъ какъ,—сказалъ Николай.—Хорошее начало.

— Очевидно, планъ, составленный вашимъ величествомъ, начинаетъ приносить свои плоды,—сказалъ Чернышовъ.

. . . .
. . . .

— Ты какъ же понимаешь? — спросилъ онъ.

— Понимаю такъ, что если бы давно слѣдовали плану вашего величества: постепенно, хотя и медленно, подвигаться впередъ, вырубая лѣса, истребляя запасы, то Кавказъ давно бы ужъ былъ покоренъ. Выходъ Хаджи-Мурата я отношу только къ этому. Онъ понялъ, что держаться имъ уже нельзя.

— Правда,—сказалъ Николай.

. . . .
. . . .
. . . .

— Такъ какъ прикажете написать Михаилу Семеновичу?

— Твердо держаться моей системы разоренія жилищъ, уничтоженія продовольствія въ Чечнѣ и тревожить ихъ набѣгами,—сказалъ Николай.

— О Хаджи-Муратѣ что прикажете?—спросилъ Чернышовъ.

— Да вѣдь Воронцовъ пишетъ, что хочетъ употребить его на Кавказѣ.

— Не рискованно ли это?—сказалъ Чернышовъ, избѣгая взгляда Николая.—Михаилъ Семеновичъ, боюсь, слишкомъ довѣрчивъ.

— А ты что думалъ бы?—рѣзко переспросилъ Николай, подмѣтивъ намѣреніе Чернышова выставить въ дурномъ свѣтѣ распоряженіе Воронцова.

— Да я думалъ бы безопаснѣе отправить его въ Россію.

— Ты думалъ,—насмѣшливо сказалъ Николай.—А я не думаю и согласенъ съ Воронцовымъ. Такъ и напиши ему.

— Слушаю,—сказалъ Чернышовъ и, вставъ, сталъ откланиваться.

Откланялся и Долгорукій, который во все время доклада сказалъ только нѣсколько словъ о перемѣщеніи войскъ на вопросы Николая.

. . . .
. . . .
. . . .

На другой день при докладѣ Чернышова Николай еще разъ подтвердилъ свое распоряженіе Воронцову о томъ, чтобы теперь, когда вышелъ Хаджи-Муратъ, усиленно тревожить Чечню и сжимать ее кордонной линіей.

Чернышовъ написалъ въ этомъ смыслѣ Воронцову, и другой фельдъегерь, загоняя лошадей и разбивая лица ямщиковъ, поскакалъ въ Тифлисъ.

XVI.

Въ исполненіе этого предписанія Николая Павловича, тотчасъ же, въ январѣ 1852 года, былъ предпринятъ набѣгъ въ Чечню.

Отрядъ, назначенный въ набѣгъ, состоялъ изъ четырехъ батальоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и восьми орудій. Колонна шла дорогой. По обѣимъ же сторонамъ колонны непрерывной цѣпью, спускаясь и поднимаясь по балкамъ, шли егеря въ высокихъ сапогахъ, полушубкахъ и папахахъ, съ ружьями на плечахъ и патронами на перевязи. Какъ всегда, отрядъ двигался по непріятельской землѣ, соблюдая возможную тишину. Только изрѣдка позвякивали на канавкахъ встряхнутыя орудія или не понимающая приказа о тишинѣ фыркала или ржала артиллерійская лошадь, или хриплымъ, сдержаннымъ голосомъ кричалъ разсерженный начальникъ на своихъ подчиненныхъ за то, что цѣпь слишкомъ растянулась или слишкомъ близко или далеко идетъ отъ колонны. Одинъ разъ только тишина нарушилась тѣмъ, что изъ куртинки колючки, находившейся между цѣпью и колонной, выскочила коза съ бѣлымъ брюшкомъ и сѣрой спинкой и такой же козелъ съ небольшими, на спину загнутыми рогами. Красивыя, пугливыя животныя большими прыжками, поджимая переднія ноги, налетѣли на колонну такъ близко, что нѣкоторые солдаты съ крикомъ и хохотомъ побѣжали за ними, намѣреваясь штыками заколоть ихъ; но козы поворотили назадъ, проскочили сквозь цѣпь и, преслѣдуемыя нѣсколькими конными [солдатами] и ротными собаками, какъ птицы, умчались въ горы.

Еще была зима, но солнце начинало ходить выше и въ полдень, когда вышедшій рано утромъ отрядъ прошелъ уже версты четыре, пригрѣвало такъ, что становилось жарко, и лучи его были такъ ярки, что больно было смотрѣть на сталь штыковъ и на блестки, которыя вдругъ вспыхивали на мѣди пушекъ, какъ маленькія солнца.

Позади была только что перейденная отрядомъ быстрая, чистая рѣчка: впереди — обработанныя поля и луга въ неглубокихъ балкахъ; еще впереди — таинственныя, черныя горы, покрытыя лѣсомъ; за черными горами — еще выступающія скалы, и на высокомъ горизонтѣ—вѣчно прелестныя, вѣчно измѣняющіяся, играющія свѣтомъ, какъ алмазы, снѣговыя горы.

Впереди пятой роты шелъ въ черномъ сюртукѣ и папахѣ и съ шашкой черезъ плечо недавно перешедшій изъ гвардіи высо-

кій, красивый офицеръ Бутлеръ, испытывая бодрое чувство радости жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ опасности смерти и желанія дѣятельности и сознанія причастности къ огромному, управляемому одной волей цѣлому. Бутлеръ нынче во второй разъ выходилъ въ дѣло, и онъ думалъ, что вотъ сейчасъ начнутъ стрѣлять по нимъ, и что онъ не только не согнетъ головы подъ пролетающимъ ядромъ или не обратитъ вниманія на свистъ пуль, но, какъ это было уже съ нимъ, выше подниметъ голову и съ улыбкой въ глазахъ будетъ оглядывать товарищей и солдатъ и заговоритъ самымъ равнодушнымъ голосомъ о чемъ-нибудь постороннемъ. Отрядъ свернулъ съ хорошей дороги и повернулъ на малоѣзженную, шедшую среди кукурузнаго жнивья, и сталъ подходить къ лѣсу, когда — не видно было, откуда — съ зловѣщимъ свистомъ пролетѣло ядро и ударилось въ серединѣ обоза подлѣ дороги, въ кукурузномъ полѣ, взрывъ на немъ землю.

— Начинается,—весело улыбаясь, сказалъ Бутлеръ шедшему съ нимъ товарищу.

И дѣйствительно, вслѣдъ за ядромъ показалась изъ-за лѣса густая толпа конныхъ чеченцевъ съ значками. Въ серединѣ партіи былъ большой зеленый значокъ, и старый фельдфебель роты, очень дальнозоркій, сообщилъ близорукому Бутлеру, что это, должно быть, самъ Шамиль. Партія спускалась подъ гору и показалась на вершинѣ ближайшей балки справа и стала спускаться внизъ. Маленькій генералъ въ тепломъ черномъ сюртукѣ и папахѣ съ большимъ бѣлымъ [верхомъ] подъѣхалъ на своей иноходкѣ къ ротѣ Бутлера и приказалъ ему идти вправо противъ спускавшейся конницы. Бутлеръ быстро повелъ по указанному направленію свою роту, но не успѣлъ спуститься къ балкѣ, какъ услышалъ сзади себя одинъ за другимъ два орудійныхъ выстрѣла. Онъ оглянулся: два облака сизаго дыма поднялись надъ двумя орудіями и потянулись вдоль балки. Партія, очевидно, не ожидавшая артиллеріи пошла назадъ. Рота Бутлера стала стрѣлять [по] горцамъ, и вся лощина закрылась пороховымъ дымомъ. Только выше лощины видно было, какъ горцы поспѣшно отступали, отстрѣливаясь отъ преслѣдующихъ ихъ казаковъ. Отрядъ пошелъ дальше вслѣдъ за горцами, и на склонѣ второй балки открылся аулъ.

Бутлеръ съ своей ротой бѣгомъ, вслѣдъ за казаками, вошелъ въ аулъ. Жителей никого не было. Солдатамъ было велѣно жечь хлѣбъ, сѣно и самыя сакли. По всему аулу стелился ѣдкій дымъ, и въ дыму этомъ шныряли солдаты, вытаскивая изъ саклей, что находили, главное же, ловили и стрѣляли куръ, которыхъ не могли увезти горцы. Офицеры сѣли подальше отъ дыма и по-

завтракали, и выпили. Фельдфебель принесъ имъ на доскѣ нѣсколько сотовъ меда. Чеченцевъ не было слышно. Немного послѣ полдня велѣно было выступать. Рота построилась за ауломъ въ колонну, и Бутлеру пришлось быть въ арьергардѣ. Какъ только тронулись, появились чеченцы и, слѣдуя за отрядомъ, провожали его выстрѣлами.

Когда отрядъ вышелъ на открытое мѣсто, горцы отстали. У Бутлера никого не ранило, и онъ возвращался въ самомъ веселомъ и бодромъ расположеніи духа. Когда отрядъ, перейдя назадъ вбродъ перейденную утромъ рѣчку, растянулся по кукурузнымъ полямъ и лугамъ, пѣсенники по ротамъ выступили впередъ, и раздались пѣсни. Вѣтра не было, воздухъ былъ свѣжій, чистый и такой прозрачный, что снѣговыя горы, отстоявшія на сотню верстъ, казались совсѣмъ близкими, и что, когда пѣсенники замолкали, слышался равномѣрный топотъ ногъ и побрякиваніе орудій, какъ фонъ, на которомъ зачиналась и останавливалась пѣсня. Пѣсня, которую пѣли въ пятой ротѣ Бутлера, была сочинена юнкеромъ во славу полка и пѣлась на плясовой мотивъ съ припѣвомъ: «То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!»

Бутлеръ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ, майоромъ Петровымъ, съ которымъ онъ и жилъ вмѣстѣ, и не могъ нарадоваться на свое рѣшеніе выйти изъ гвардіи и уйти на Кавказъ. Главная причина его перехода изъ гвардіи была та, что онъ проигрался въ карты въ Петербургѣ, такъ что у него ничего не осталось. Онъ боялся, что не будетъ въ силахъ удержаться отъ игры, оставаясь въ гвардіи, а проигрывать уже нечего было. Теперь все это было кончено, была другая жизнь, и такая хорошая, молодецкая. Онъ забылъ теперь и про свое разореніе, и свои неоплатные долги. И Кавказъ, война солдаты, офицеры, пьяные и добродушные храбрецы, майоръ Петровъ,—все это казалось ему такъ хорошо, что онъ иногда не вѣрилъ себѣ, что онъ не въ Петербургѣ, не въ накуренныхъ комнатахъ загибаетъ углы и понтируетъ, ненавидя банкомета и чувствуя давящую боль въ головѣ, а здѣсь, въ этомъ чудномъ краѣ, среди молодцовъ кавказцевъ.

«То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!» пѣли его пѣсенники. Лошадь его веселымъ шагомъ шагала подъ эту музыку. Ротный мохнатый, сѣрый Трезорка, точно начальникъ, закрутивъ хвостъ, съ озабоченнымъ видомъ бѣжалъ передъ ротой Бутлера. На душѣ было бодро, спокойно и весело. Война представлялась ему только въ томъ, что онъ подвергалъ себя опасности, возможности смерти и этимъ заслуживалъ и награды и уваженіе здѣшнихъ товарищей и своихъ русскихъ друзей. Другая сторона войны: смерть,

раны солдатъ, офицеровъ, горцевъ, какъ ни странно это сказать, и не представлялась его воображенію. Онъ даже безсознательно, чтобы удержать свое поэтическое представленіе о войнѣ, никогда не смотрѣлъ на убитыхъ и раненыхъ. Такъ и нынче. У насъ было три убитыхъ и двѣнадцать раненыхъ. Онъ прошелъ мимо трупа, лежащаго на спинѣ, и только однимъ глазомъ видѣлъ какое-то странное положеніе восковой руки и темно-красное пятно на головѣ и не сталъ разсматривать. Горцы представлялись ему только конными джигитами, отъ которыхъ надо было защищаться.

— Такъ вотъ какъ-съ, батюшка,—говорилъ майоръ въ промежуткѣ между пѣсней.—Не такъ-съ, какъ у васъ въ Питерѣ: равненіе направо, равненіе налѣво. А вотъ потрудились—и домой. Машурка намъ теперь пирогъ подастъ, щи хорошія. Жизнь! Такъ ли? Ну-ка, «Какъ вознялась заря»,—скомандовалъ онъ любимую пѣсню.

Майоръ жилъ супружески съ дочерью фельдшера, сначала Машкой, а потомъ Марьей Дмитріевной. Марья Дмитріевна была красивая, бѣлокурая, вся въ веснушкахъ, тридцатилѣтняя бездѣтная женщина. Каково бы ни было ея прошедшее, теперь она была вѣрной подругой майора, ухаживала за нимъ, какъ нянька,—это было нужно майору, часто напивавшемуся до потери сознанія.

Когда пришли въ крѣпость, все было, какъ предвидѣлъ майоръ. Марья Дмитріевна накормила его и Бутлера, и еще приглашенныхъ изъ отряда двухъ офицеровъ своимъ сытнымъ, вкуснымъ обѣдомъ, и майоръ наѣлся и напился такъ, что не могъ уже говорить, и пошелъ къ себѣ спать. Бутлеръ, также усталый, но довольный и немного выпившій лишняго чихиря, пошелъ въ свою комнату и едва успѣлъ раздѣться, какъ, подложивъ ладонь подъ красивую курчавую голову, заснулъ крѣпкимъ сномъ, безъ сновидѣній и просыпаній.

XVII.

Аулъ, разоренный набѣгомъ, былъ тотъ самый, въ которомъ Хаджи-Муратъ провелъ ночь передъ выходомъ своимъ къ русскимъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XVIII.

На другой день послѣ набѣга Бутлеръ вышелъ уже не рано утромъ съ задняго крыльца на улицу, намѣреваясь пройтись и подышать воздухомъ до утренняго чая, который онъ пилъ обыкновенно вмѣстѣ съ Петровымъ. Солнце уже вышло изъ-за горъ, и больно было смотрѣть на освѣщенныя имъ бѣлыя мазанки правой стороны улицы, но зато, какъ всегда, весело и успокоительно было смотрѣть налѣво, на удаляющіяся и возвышающіяся, покрытыя лѣсомъ черныя горы и на матовую цѣпь снѣговыхъ горъ, какъ всегда, старавшихся притвориться облаками.

Бутлеръ смотрѣлъ на эти горы, дышалъ во всѣ легкія и радовался тому, что онъ живетъ, и живетъ именно онъ, и на этомъ прекрасномъ мѣстѣ. Радовался онъ немножко и тому, что онъ такъ хорошо вчера велъ себя въ дѣлѣ и при наступленіи и въ особенности при отступленіи, когда дѣло было довольно жаркое; радовался и воспоминанію о томъ, какъ вчера, по возвращеніи ихъ изъ похода, Маша, или Марья Дмитріевна, сожительница Петрова, угощала ихъ и была особенно проста и мила со всѣми, но въ особенности, какъ ему казалось, была къ нему ласкова. Марья Дмитріевна, съ ея толстой косой, широкими плечами, высокой грудью и сіяющей улыбкой покрытаго веснушками добраго лица, невольно влекла Бутлера, какъ сильнаго, молодого холостого человѣка, и ему казалось даже, что она желаетъ его. Но онъ считалъ, что это было бы дурно по отношенію добраго, простодушнаго товарища, и держался съ Марьей Дмитріевной самаго простого, почтительнаго обращенія, и радовался на себя за это. Сейчасъ онъ думалъ объ этомъ.

Мысли его развлекъ услышанный имъ передъ собой частый топотъ многихъ лошадиныхъ копытъ по пыльной дорогѣ, точно скакало нѣсколько человѣкъ. Онъ поднялъ голову и увидалъ въ концѣ улицы подъѣзжавшую шагомъ кучку всадниковъ. Впереди десятковъ двухъ казаковъ ѣхали два человѣка: одинъ—въ бѣлой черкескѣ и высокой папахѣ съ чалмой, другой—офицеръ русской службы, черный, горбоносый, съ изобиліемъ серебра на одеждѣ и на оружіи. Подъ всадникомъ съ чалмой былъ рыжеигреневый красавецъ конь съ маленькой головой, прекрасными глазами; подъ офицеромъ была высокая, щеголеватая карабахская лошадь. Бутлеръ, охотникъ до лошадей, тотчасъ же оцѣнилъ бодрую силу первой лошади и остановился, чтобы узнать, кто были эти люди. Офицеръ обратился къ Бутлеру.

— Это воинскій начальникъ домъ?—спросилъ онъ, выдавая несклоняемой рѣчью и выговоромъ свое нерусское происхожденіе. Бутлеръ сказалъ, что этотъ самый.

А это кто же?—спросилъ Бутлеръ, ближе подходя къ офицеру и указывая глазами на человѣка въ чалмѣ.

— Хаджи-Муратъ это. Сюда ѣхалъ, тутъ гостить будетъ у воинскій начальникъ,—сказалъ офицеръ.

Бутлеръ зналъ про Хаджи-Мурата и про выходъ его къ русскимъ, но никакъ не ожидалъ увидать его здѣсь, въ этомъ маленькомъ укрѣпленіи.

Хаджи-Муратъ дружелюбно смотрѣлъ на него.

— Здравствуй, кошкильды,—сказалъ онъ выученное имъ привѣтствіе по-татарски.

— Саубулъ,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ, кивая головой. Онъ подъѣхалъ къ Бутлеру и подалъ руку, на двухъ пальцахъ которой висѣла плеть.

— Начальникъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, начальникъ здѣсь, пойду, позову его,—сказалъ Бутлеръ, обращаясь къ офицеру, входя на ступеньки и толкая дверь.

Но дверь параднаго крыльца, какъ его называла Марья Дмитріевна, была заперта. Бутлеръ постучалъ, но, не получивъ отвѣта, пошелъ кругомъ черезъ задній ходъ. Крикнувъ своего денщика и не получивъ отвѣта, и не найдя ни одного изъ двухъ денщиковъ, онъ зашелъ въ кухню. Марья Дмитріевна, повязанная платкомъ и раскраснѣвшаяся, съ засученными рукавами надъ бѣлыми полными руками, рѣзала скатанное тѣсто, такое же бѣлое, какъ ея руки, на маленькіе кусочки для пирожковъ.

— Куда денщики подѣвались? — сказалъ Бутлеръ.

— Пьянствовать ушли, — сказала Марья Дмитріевна. — Да вамъ что?

— Дверь отпереть; у васъ передъ домомъ цѣлая орава горцевъ. Хаджи-Муратъ пріѣхалъ.

— Еще выдумайте что-нибудь, — сказала Марья Дмитріевна, улыбаясь.

— Я не шучу, правда. Стоятъ у крыльца.

— Да неужели вправду? — сказала Марья Дмитріевна.

— Что же мнѣ вамъ выдумывать. Подите, посмотрите, онъ у крыльца стоитъ.

— Вотъ такъ оказія, — сказала Марья Дмитріевна, опустивъ рукава и ощупывая рукой шпильки въ своей толстой косѣ.— Такъ я пойду, разбужу Ивана Матвѣевича, — сказала она.

— Нѣтъ, я самъ пойду, — сказалъ Бутлеръ.

— Ну, и то хорошо, — сказала Марья Дмитріевна и опять взялась за свое дѣло.

Узнавъ, что къ нему пріѣхалъ Хаджи-Муратъ, Иванъ Матвѣевичъ, уже слышавшій о томъ, что Хажди-Муратъ въ Грозной, нисколько не удивился этому, а, приподнявшись, скрутилъ папироску, закурилъ и сталъ одѣваться, громко откашливаясь и ворча на начальство, которое прислало къ нему этого чорта. Одѣвшись, онъ потребовалъ отъ денщика лѣкарство. И денщикъ, зная, что лѣкарствомъ называется водка, подалъ ему.

— Нѣтъ хуже смѣси, — проворчалъ онъ, выпивши водку и закусывая чернымъ хлѣбомъ. — Вотъ вчера выпилъ чихиря, и болитъ голова. Ну, теперь готовъ, — закончилъ онъ и пошелъ въ гостиную, куда Бутлеръ уже провелъ Хаджи-Мурата и сопутствующаго ему офицера.

Офицеръ, провожавшій Хаджи-Мурата, передалъ Ивану Матвѣевичу приказаніе начальника лѣваго фланга принять Хаджи-Мурата и, дозволяя ему имѣть сообщеніе съ горцами черезъ лазутчиковъ, отнюдь не выпускать его изъ крѣпости иначе, какъ съ конвоемъ казаковъ.

Прочтя бумагу, Иванъ Матвѣевичъ поглядѣлъ пристально на Хаджи-Мурата и опять сталъ вникать въ бумагу. Нѣсколько разъ переведя такимъ образомъ глаза съ бумаги на Хаджи-Мурата, онъ остановилъ, наконецъ, свои глаза на Хаджи-Муратѣ и сказалъ:

— Якши, бекъ, якши. Пускай живетъ. Такъ и скажи ему, что мнѣ приказано не выпускать его. А что приказано, то свято. А помѣстимъ его — какъ думаешь, Бутлеръ? — помѣстимъ въ канцеляріи?

Бутлеръ не успѣлъ отвѣтить, какъ Марья Дмитріевна, пришедшая изъ кухни и стоявшая въ дверяхъ, обратилась къ Ивану Матвѣевичу:

— Зачѣмъ? Помѣстите здѣсь. Кунацкую отдадимъ да кладовую. По крайней мѣрѣ, на глазахъ будетъ, — сказала она и взглянула на Хаджи-Мурата и, встрѣтившись съ нимъ глазами, поспѣшно отвернулась.

— Что же, я думаю, что Марья Дмитріевна права, — сказалъ Бутлеръ.

— Ну, ну, ступай, бабамъ здѣсь нечего дѣлать, — хмурясь сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Во все время разговора Хаджи-Муратъ сидѣлъ, заложивъ руку за рукоять кинжала и чуть-чуть презрительно улыбаясь. Онъ сказалъ, что ему все равно, гдѣ жить. Одно, что ему нужно, что разрѣшено ему сардаремъ, это то, чтобы имѣть сношенія съ горцами, и потому онъ желаетъ, чтобы ихъ допускали къ нему.

Иванъ Матвѣевичъ сказалъ, что это будетъ сдѣлано, и попросилъ Бутлера занять гостя, пока принесутъ имъ закусить и приготовятъ комнаты, самъ же онъ пойдетъ въ канцелярію написать нужныя бумаги и сдѣлать нужныя распоряженія.

Отношеніе Хаджи-Мурата къ его новымъ знакомымъ сейчасъ же очень ясно опредѣлилось. Къ Ивану Матвѣевичу Хаджи-Муратъ съ перваго знакомства съ нимъ почувствовалъ отвращеніе и презрѣніе и всегда высокомѣрно обращался съ нимъ. Марья Дмитріевна, которая готовила и приносила ему пищу, особенно нравилась ему. Ему нравилась и ея простота, и особенная красота чуждой ему народности, и безсознательно передававшееся ему ея влеченіе къ нему. Онъ старался не смотрѣть на нее, не говорить съ ней, но глаза его невольно обращались къ ней и слѣдили за ея движеніями.

Съ Бутлеромъ же онъ тотчасъ же, съ перваго знакомства, дружески сошелся и много и охотно говорилъ съ нимъ, разспрашивая его про его жизнь и разсказывая ему про свою и сообщая о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя приносили ему лазутчики о положеніи его семьи, и даже совѣтуясь съ нимъ о томъ, что ему дѣлать.

Извѣстія, передаваемыя ему лазутчиками, были нехороши. Въ продолженіе четырехъ дней, которые онъ провелъ въ крѣпости, они два раза приходили къ нему, и оба раза извѣстія были дурныя.

XIX.

Семья Хаджи-Мурата вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ къ русскимъ, была привезена въ аулъ Ведено и содержалась тамъ подъ стражей, ожидая рѣшенія Шамиля. Женщины—старуха Патиматъ и двѣ жены Хаджи-Мурата и ихъ пятеро малыхъ дѣтей жили подъ карауломъ въ саклѣ сотеннаго Ибрагима Рашида; сынъ же Хаджи-Мурата, 18-лѣтній юноша Юсуфъ, сидѣлъ въ темницѣ, т.-е. въ глубокой, болѣе сажени, ямѣ вмѣстѣ съ семью преступниками, ожидавшими такъ же, какъ и онъ, рѣшенія своей участи.

Рѣшеніе не выходило, потому что Шамиль былъ въ отъѣздѣ. Онъ былъ въ походѣ противъ русскихъ.

6-го января 1852 года Шамиль возвращался домой въ Ведено послѣ сраженія съ русскими, въ которомъ, по мнѣнію русскихъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Ведено, по его же мнѣнію и мнѣнію всѣхъ мюридовъ, одержалъ побѣду и прогналъ русскихъ. Въ сраженіи этомъ, что бывало очень рѣдко, онъ самъ выстрѣлилъ изъ винтовки и, выхватя шашку, пустилъ было свою лошадь

прямо на русскихъ, но сопутствующіе ему мюриды удержали его. Два изъ нихъ тутъ же, подлѣ Шамиля, были убиты.

Былъ полдень, когда Шамиль, окруженный партіей мюридовъ, джигитовавшихъ вокругъ него, стрѣлявшихъ изъ винтовокъ и пистолетовъ и не переставая поющихъ: «Ля илляхъ иль Алла», подъѣхалъ къ своему мѣстопребыванію.

Весь народъ большого аула Ведено стоялъ на улицѣ и на крышахъ, встрѣчая своего повелителя, и въ знакъ торжества также стрѣлялъ изъ ружей и пистолетовъ. Шамиль ѣхалъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, весело попрашивавшемъ поводья при приближеніи къ дому. Убранство коня было самое простое, безъ украшеній золота и серебра: тонко выдѣланная, съ дорожкой по серединѣ, красная ременная уздечка, металлическими стаканчиками стремена и красный чепракъ, виднѣвшійся изъ-подъ сѣдла. На имамѣ была покрытая коричневымъ сукномъ шуба, съ виднѣвшимся около шеи и рукавовъ черным мѣхомъ, стянутая на тонкомъ и длинномъ станѣ чернымъ ремнемъ съ кинжаломъ. На головѣ была надѣта высокая, съ плоскимъ верхомъ папаха съ черной кистью, обвитая бѣлой чалмой, отъ которой конецъ спускался за шею. Ступни ногъ въ зеленыхъ чувякахъ и икры обтянуты черными ноговицами, обшитыми простымъ шнуркомъ.

Вообще на имамѣ не было ничего блестящаго, золотого или серебрянаго, и высокая, прямая, могучая фигура его, въ одеждѣ безъ украшеній, окруженная мюридами съ золотыми и серебряными украшеніями на одеждѣ и оружіи, производила то самое впечатлѣніе величія, которое онъ желалъ и умѣлъ производить въ народѣ. Блѣдное, окаймленное подстриженной рыжей бородой лицо его, съ постоянно сощуренными маленькими глазами, было, какъ каменное, совершенно неподвижно. Проѣзжая по аулу, онъ чувствовалъ на себѣ тысячи устремленныхъ глазъ, но его глаза не смотрѣли ни на кого. Жены Хаджи-Мурата тоже, со всѣми обитателями сакли, вышли на галлерею смотрѣть въѣздъ имама. Одна старуха Патиматъ, мать Хаджи-Мурата, не вышла, а осталась сидѣть, какъ она сидѣла, съ распущенными сѣдыми волосами на полу сакли, охвативъ длинными руками свои худыя колѣни, и, мигая своими жгучими черными глазами, смотрѣла на догорающія вѣтки въ каминѣ. Она такъ же, какъ и сынъ ея, всегда ненавидѣла Шамиля, теперь же еще больше, чѣмъ прежде, и не хотѣла видѣть его.

Не видалъ также торжественнаго въѣзда Шамиля и сынъ Хаджи-Мурата. Онъ только слышалъ изъ своей темной, вонючей ямы выстрѣлы и пѣніе и мучился, какъ только мучаются молодые, полные жизни люди, лишенные свободы. Сидя въ вонючей

ямѣ и видя все однихъ и тѣхъ же несчастныхъ, грязныхъ, изможденныхъ, съ нимъ вмѣстѣ заключенныхъ злыхъ, большей частью ненавидящихъ другъ друга людей, онъ страстно завидовалъ теперь тѣмъ людямъ, которые, пользуясь воздухомъ, свѣтомъ, свободой, гарцовали теперь на лихихъ коняхъ вокругъ повелителя, стрѣляли и дружно пѣли: «Ля илляхъ иль Алла».

Проѣхавъ аулъ, Шамиль въѣхалъ въ большой дворъ, примыкавшій къ внутреннему, въ которомъ находился сераль Шамиля. Два вооруженныхъ лезгина встрѣтили Шамиля у отворенныхъ воротъ перваго двора. Дворъ этотъ былъ полонъ народа. Тутъ были люди, пришедшіе изъ далекихъ мѣстъ по своимъ дѣламъ, были и просители, были и вытребованные самимъ Шамилемъ для суда и рѣшенія. При въѣздѣ Шамиля всѣ находившіеся во дворѣ встали и почтительно привѣтствовали имама, прикладывая руки къ груди. Нѣкоторые стали на колѣни и стояли такъ все время, пока Шамиль проѣзжалъ дворъ отъ однихъ—внѣшнихъ—воротъ до другихъ—внутреннихъ. Хотя Шамиль и узналъ среди дожидавшихся его много непріятныхъ ему лицъ и много скучныхъ просителей, требующихъ заботы о нихъ, онъ, съ тѣмъ же неизмѣнно каменнымъ лицомъ, проѣхалъ мимо нихъ и, въѣхавъ во внутренній дворъ, слѣзъ у галлереи своего помѣщенія, при въѣздѣ въ ворота налѣво. Послѣ напряженія похода не столько физическаго, сколько духовнаго, потому что Шамиль, несмотря на гласное признаніе своего похода побѣдой, зналъ, что походъ его былъ неудаченъ, что много ауловъ чеченскихъ сожжены и разорены, и перемѣнчивый, легкомысленный народъ, чеченцы, колеблются, и нѣкоторые изъ нихъ, ближайшіе къ русскимъ, уже готовы перейти къ нимъ.

Все это было тяжело, противъ этого надо было принять мѣры, но въ эту минуту Шамилю ничего не хотѣлось думать. Онъ теперь хотѣлъ только одного: отдыха и прелести семейной ласки любимѣйшей изъ женъ своихъ, 18-лѣтней черноглазой, быстроногой кистинки Аминетъ.

Но не только нельзя было думать о томъ, чтобы видѣть теперь Аминетъ, которая была тутъ же, за заборомъ, отдѣлявшимъ во внутреннемъ дворѣ помѣщеніе женъ отъ мужского отдѣленія (Шамиль былъ увѣренъ, что даже теперь, пока онъ слѣзалъ съ лошади, Аминетъ съ другими женами смотрѣла въ щель забора), но нельзя было не только пойти къ ней,—нельзя было просто лечь на пуховикахъ и отдохнуть отъ усталости. Надо было прежде всего совершить полуденный намазъ, къ которому онъ не имѣлъ теперь ни малѣйшаго расположенія, но неисполненіе котораго было не только невозможно въ его положеніи религіознаго руко-

водителя народа, но и было для него самого такъ же необходимо, какъ ежедневная пища. И онъ совершилъ омовеніе и молитву. Окончивъ молитву, онъ позвалъ дожидавшихся его.

Первый вошелъ въ нему его тесть и учитель, высокій, сѣдой, благообразный старецъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой и краснорумянымъ лицомъ, Джемалъ-Эдинъ, и, помолившись Богу, сталъ разспрашивать Шамиля о событіяхъ похода и разсказывать о томъ, что произошло въ горахъ во время его отсутствія.

Въ числѣ всякаго рода событій—объ убійствахъ по кровомщенію, о покражахъ скота, объ обвиненныхъ въ несоблюденіи предписаній тариката: куреньи табаку, питьѣ вина,—Джемалъ-Эдинъ сообщилъ о томъ, что Хаджи-Муратъ выслалъ людей для того, чтобы вывести къ русскимъ его семью, но что это было обнаружено, и семья привезена въ Ведено, гдѣ и находится подъ стражей, ожидая рѣшенія имама. Въ сосѣдней кунацкой были собраны старики для обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ, и Джемалъ-Эдинъ совѣтовалъ Шамилю нынче же отпустить ихъ, такъ какъ они уже три дня дожидались его.

Поѣвъ у себя обѣдъ, который принесла ему остроносая, черная, непріятная лицомъ и нелюбимая, но старшая жена его Зайдетъ, Шамиль пошелъ въ кунацкую.

Шесть человѣкъ, составляющіе совѣтъ его, старики съ сѣдыми, сѣрыми и рыжими бородами, въ чалмахъ и безъ чалмъ, въ высокихъ папахахъ и новыхъ бешметахъ и черкескахъ, подпоясанные ремнями съ кинжалами, встали ему навстрѣчу. Шамиль былъ головой выше всѣхъ ихъ. Всѣ они такъ же, какъ и онъ, подняли руки ладонями вверхъ и, закрывъ глаза, прочли молитву, потомъ отерли лица руками, спуская ихъ по бородамъ и соединяя одну съ другой. Окончивъ это, всѣ сѣли, Шамиль—посрединѣ, на болѣе высокой подушкѣ, и началось обсужденіе всѣхъ предстоящихъ дѣлъ.

Дѣла обвиняемыхъ въ преступленіяхъ лицъ рѣшали по шаріату; двухъ людей приговорили за воровство къ отрубленію руки, одного къ отрубленію головы за убійство, троихъ помиловали. Потомъ приступили къ главному дѣлу: къ обдумыванію мѣръ противъ перехода чеченцевъ къ русскимъ. Для противодѣйствія этимъ переходамъ Джемалъ-Эдиномъ было составлено слѣдующее провозглашеніе:

«Желаю вамъ вѣчный миръ съ Богомъ всемогущимъ. Слышу я, что русскіе ласкаютъ васъ и призываютъ къ покорности. Не вѣрьте имъ и не покоряйтесь, и терпите. Если не будете вознаграждены за это въ этой жизни, то получите награду въ будущей. Вспомните, что было прежде, когда у васъ отбирали ору-

жіе. Если бы не вразумилъ васъ тогда, въ 1840 году, Богъ, вы бы уже были солдатами, а жены ваши ходили бы безъ шароваръ и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущемъ. Лучше умереть во враждѣ съ русскими, чѣмъ жить съ невѣрными. Потерпите, а я съ Кораномъ и шашкой приду къ вамъ и поведу васъ противъ русскихъ. Теперь же строго повелѣваю не имѣть не только намѣренія, но и помышленія покоряться русскимъ».

Шамиль одобрилъ это провозглашеніе и, подписавъ его, рѣшилъ разослать его.

Послѣ этихъ дѣлъ было обсуждаемо и дѣло Хаджи-Мурата. Дѣло это было очень важное для Шамиля. Хотя онъ и не хотѣлъ признаться въ этомъ,—онъ зналъ, что будь съ нимъ Хаджи-Муратъ съ своей ловкостью, смѣлостью и храбростью, не случилось бы того, что случилось теперь въ Чечнѣ. Помириться съ Хаджи-Муратомъ и опять пользоваться его услугами было хорошо; если же этого нельзя было, все-таки нельзя было допустить того, чтобы онъ помогалъ русскимъ. И потому во всякомъ случаѣ надо было вызвать его и, вызвавъ, убить его. Средство къ этому было или то, чтобы подослать въ Тифлисъ такого человѣка, который бы убилъ его тамъ, или вызвать его сюда и здѣсь покончить съ нимъ. Средство для этого было одно—его семья и, главное, его сынъ, къ которому, Шамиль зналъ, что Хаджи-Муратъ имѣлъ страстную любовь. И потому надо было дѣйствовать черезъ сына.

Когда совѣтчики переговорили объ этомъ, Шамиль закрылъ глаза и умолкъ.

Совѣтчики знали, что это значитъ то, что онъ слушаетъ теперь говорящій ему голосъ пророка, указывающій то, что должно быть сдѣлано. Послѣ пятиминутнаго торжественнаго молчанія Шамиль открылъ глаза, еще болѣе прищурилъ ихъ и сказалъ:

— Приведите ко мнѣ сына Хаджи-Мурата.

— Онъ здѣсь,—сказалъ Джемалъ-Эдинъ.

И дѣйствительно, Юсуфъ, сынъ Хаджи-Мурата, худой, блѣдный, оборванный и вонючій, но все еще красивый своимъ тѣломъ и лицомъ, съ такими же жгучими, какъ у бабки Патиматъ, черными глазами, уже стоялъ у воротъ внѣшняго двора, ожидая призыва.

Юсуфъ не раздѣлялъ чувствъ отца къ Шамилю. Онъ не зналъ всего прошедшаго, или зналъ, но, не переживъ его, не понималъ, зачѣмъ отецъ его такъ упорно враждуетъ съ Шамилемъ. Ему, желающему только одного: продолженія той легкой, разгульной жизни, какую онъ, какъ сынъ наиба, велъ въ

Хунзахѣ, казалось совершенно ненужнымъ враждовать съ Шамилемъ. Въ отпоръ и противорѣчіе отцу онъ особенно восхищался Шамилемъ и питалъ къ нему распространенное въ горахъ восторженное поклоненіе. Онъ теперь съ особеннымъ чувствомъ трепетнаго благоговѣнія къ имаму вошелъ въ кунацкую и, остановившись у дверей, встрѣтился съ упорнымъ, сощуреннымъ взглядомъ Шамиля. Онъ постоялъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ Шамилю и поцѣловалъ его большую, съ длинными пальцами бѣлую руку.

— Ты сынъ Хаджи-Мурата?

— Я, имамъ.

— Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ?

— Знаю, имамъ, и жалѣю объ этомъ.

— Умѣешь писать?

— Я готовился быть муллой.

— Такъ напиши отцу, что если онъ выйдетъ назадъ ко мнѣ теперь, до Байрама, я прощу его, и все будетъ по-старому. Если же нѣтъ, и онъ останется у русскихъ, то—Шамиль грозно нахмурился—я отдамъ твою бабку, твою мать по ауламъ, а тебѣ отрублю голову.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Юсуфа. Онъ наклонилъ голову въ знакъ того, что понялъ слова Шамиля.

— Напиши такъ и отдай моему посланнику.

Шамиль замолчалъ и долго смотрѣлъ на Юсуфа.

— Напиши, что я пожалѣлъ тебя и не убью, а выколю глаза, какъ я дѣлаю всѣмъ измѣнникамъ. Иди.

Юсуфъ казался спокойнымъ въ присутствіи Шамиля, но когда его вывели изъ кунацкой, онъ бросился на того, кто велъ его, и, выхвативъ у него изъ ноженъ кинжалъ, хотѣлъ имъ зарѣзаться, но его схватили за руки, связали ихъ и отвели опять въ яму.

Въ этотъ вечеръ, когда кончилась вечерняя молитва и смерклось, Шамиль надѣлъ бѣлую шубу и вышелъ за заборъ, въ ту часть двора, гдѣ помѣщались его жены, и направился къ комнатѣ Аминетъ. Но Аминетъ не было тамъ. Она была у старшихъ женъ. Тогда Шамиль, стараясь быть незамѣтнымъ, сталъ за дверь комнаты, дожидаясь ее. Но Аминетъ была сердита на Шамиля за то, что онъ подарилъ шелковую матерію не ей, а Зайдетъ. Она видѣла, какъ онъ вышелъ и какъ входилъ въ ея комнату, отыскивая ее, и нарочно не пошла къ себѣ. Она долго стояла въ двери комнаты Зайдетъ и, тихо смѣясь, глядѣла на бѣлую фигуру то входившаго, то выходившаго изъ ея комнаты Шамиля. Тщетно прождавъ ее, Шамиль вернулся къ себѣ уже ко времени полуночной молитвы.

XX.

Хаджи-Муратъ прожилъ недѣлю въ укрѣпленіи въ домѣ Ивана Матвѣевича. Несмотря на то, что Марья Дмитріевна ссорилась съ мохнатымъ Ханефи (Хаджи-Муратъ взялъ съ собой только двухъ—Ханефи и Элдара) и вытолкала его разъ изъ кухни за то, что тотъ чуть не зарѣзалъ ее, она, очевидно, питала особенныя чувства уваженія и симпатіи къ Хаджи-Мурату. Она теперь уже не подавала ему обѣдать, передавъ эту заботу Элдару, но пользовалась всякимъ случаемъ увидать его и угодить ему. Она принимала также самое живое участіе въ переговорахъ объ его семьѣ, знала, сколько у него женъ, дѣтей, какихъ лѣтъ, и всякій разъ послѣ посѣщенія лазутчика допрашивала, кого могла о послѣдствіяхъ переговоровъ.

Бутлеръ же въ эту недѣлю совсѣмъ сдружился съ Хаджи-Муратомъ. Иногда Хаджи-Муратъ приходилъ въ его комнату, иногда Бутлеръ приходилъ къ нему. Иногда они бесѣдовали черезъ переводчика, иногда же собственными средствами, знаками и, главное, улыбками. Хаджи-Муратъ, очевидно, полюбилъ Бутлера. Это видно было по отношенію къ Бутлеру Элдара. Когда Бутлеръ входилъ въ комнату Хаджи-Мурата, Элдаръ встрѣчалъ Бутлера, радостно оскаливая свои блестящіе зубы, и поспѣшно подкладывалъ ему подушки подъ сидѣнье и снималъ съ него шашку, если она была на немъ.

Бутлеръ познакомился и сошелся также и съ мохнатымъ Ханефи, названымъ братомъ Хаджи-Мурата. Ханефи зналъ много горскихъ пѣсенъ и хорошо пѣлъ ихъ. Хаджи-Муратъ, въ угожденіе Бутлеру, призывалъ Ханефи и приказывалъ ему пѣть, называя тѣ пѣсни, которыя онъ считалъ хорошими. Голосъ у Ханефи былъ высокій теноръ, и пѣлъ онъ необыкновенно отчетливо и выразительно. Одна изъ пѣсенъ особенно нравилась Хаджи-Мурату и поразила Бутлера своимъ торжественно-грустнымъ напѣвомъ. Бутлеръ попросилъ переводчика пересказать ея содержаніе.

Пѣсня относилась къ кровомщенію,—тому самому, что было между Ханефи и Хаджи-Муратомъ.

Пѣсня была такая:

«Высохнетъ земля на могилѣ моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастетъ кладбище могильной травой, заглушитъ трава твое горе, мой старый отецъ. Слезы высохнутъ на глазахъ сестры моей, улетитъ и горе изъ сердца ея.

«Но не забудешь меня ты, мой старшій братъ, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня и второй мой братъ, пока не ляжешь рядомъ со мной.

«Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей вѣрной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конемъ топталъ? Холодна ты, смерть, но я былъ твоимъ господиномъ. Мое тѣло возьметъ земля, мою душу приметъ небо».

Хаджи-Муратъ всегда слушалъ эту пѣсню съ закрытыми глазами, и когда она кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорилъ:

— Хорошъ пѣсня, умный пѣсня.

Поэзія особенной, энергической горской жизни, съ пріѣздомъ Хаджи-Мурата и сближеніемъ съ нимъ и его мюридами, еще болѣе охватила Бутлера. Онъ завелъ себѣ бешметъ, черкеску, ноговицы. Ему казалось, что онъ самъ горецъ и что живетъ такою же, какъ и эти люди, жизнью.

Въ день отъѣзда Хаджи-Мурата Иванъ Матвѣевичъ собралъ нѣсколько офицеровъ, чтобы проводить его. Офицеры сидѣли кто у чайнаго стола, гдѣ Марья Дмитріевна разливала чай, кто у другого стола съ водкой, чихиремъ и закуской, когда Хаджи-Муратъ, одѣтый по дорожному, быстрыми, мягкими шагами вошелъ, хромая, въ комнату.

Всѣ встали и по очереди за руку поздоровались съ нимъ. Иванъ Матвѣевичъ пригласилъ его на тахту, но онъ, поблагодаривъ, сѣлъ на стулъ у окна. Молчаніе, воцарившееся при его входѣ, очевидно, нисколько не смущало его. Онъ внимательно оглядѣлъ всѣ лица и остановилъ равнодушный взглядъ на столѣ съ самоваромъ и закусками. Бойкій офицеръ Петроковскій, въ первый разъ видѣвшій Хаджи-Мурата, черезъ переводчика спросилъ его, понравился ли ему Тифлисъ.

— Айя,—сказалъ онъ.

— Онъ говоритъ, что да,—сказалъ переводчикъ.

— Что же понравилось ему?

Хаджи-Муратъ что-то отвѣтилъ.

— Больше всего ему понравился театръ.

— Ну, а на балѣ у главнокомандующаго понравилось ему?

Хаджи-Муратъ нахмурился.

— У каждаго народа свои обычаи. У насъ женщины такъ не одѣваются,—сказалъ онъ, взглянувъ на Марью Дмитріевну.

— Что же, не понравилось ему?

— У насъ пословица есть,—сказалъ онъ переводчику,—собака кормила ишака мясомъ и ишакъ собаку сѣномъ,—оба голодные

остались. — Онъ улыбнулся. — Всякому народу свой обычай хорошъ.

Дальше разговоръ не пошелъ. Офицеры кто сталъ пить чай, кто закусывать. Хаджи-Муратъ взялъ предложенный стаканъ чаю и поставилъ его передъ собой.

— Что же сливокъ, булку?—сказала Марья Дмитріевна, подавая ему.

Хаджи-Муратъ наклонилъ голову.

— Такъ что же, прощай!—сказалъ Бутлеръ, трогая его по колѣну.—Когда увидимся?

— Прощай, прощай,—улыбаясь, по-русски сказалъ Хаджи Муратъ.—Кунакъ булуръ. Крѣпко кунакъ твой. Время айда, пошелъ,—сказалъ онъ, тряхнувъ головой какъ бы тому направленію, куда надо ѣхать.

Въ дверяхъ комнаты показался Элдаръ съ чѣмъ-то большимъ бѣлымъ черезъ плечо и съ шашкой въ рукѣ. Хаджи-Муратъ поманилъ его, и Элдаръ подошелъ своими большими шагами къ Хаджи-Мурату и подалъ ему бѣлую бурку и шашку. Хаджи-Муратъ всталъ, взялъ бурку и, перекинувъ ее черезъ руку, подалъ Марьѣ Дмитріевнѣ, что-то сказавъ переводчику. Переводчикъ сказалъ:

— Онъ говоритъ,—ты похвалила бурку, возьми.

— Зачѣмъ это?—сказала Марья Дмитріевна, покраснѣвъ.

— Такъ надо. Адатъ такъ,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Ну, благодарю,—сказала Марья Дмитріевна, взявъ бурку.—Дай вамъ Богъ сына выручить,—прибавила она.—Уланъ якши,—сказала она,—передайте ему, что желаю ему семью выручить.

Хаджи-Муратъ взглянулъ на Марью Дмитріевну и одобрительно кивнулъ головой. Потомъ онъ взялъ изъ рукъ Элдара шашку и подалъ Ивану Матвѣевичу. Иванъ Матвѣевичъ взялъ шашку и сказалъ переводчику:

— Скажи ему, чтобы мерина моего бураго взялъ, больше нечѣмъ отдарить.

Хаджи-Муратъ помахалъ рукой передъ лицомъ, показывая этимъ, что ему ничего не нужно, и что онъ не возьметъ, и потомъ, показавъ на горы и на свое сердце, пошелъ къ выходу. Всѣ пошли за нимъ. Офицеры, оставшіеся въ комнатахъ, вынувъ шашку, разглядывали клинокъ на ней и рѣшили, что это была настоящая гурда.

Бутлеръ вышелъ вмѣстѣ съ Хаджи-Муратомъ на крыльцо. Но тутъ случилось то, чего никто не ожидалъ, и что могло кон-

читься смертью Хаджи-Мурата, если бы не его смѣтливость, рѣшительность и ловкость.

Жители кумыцкаго аула Таля-Качу, питавшіе большое уваженіе къ Хаджи-Мурату и много разъ пріѣзжавшіе въ укрѣпленіе, чтобы только взглянуть на знаменитаго наиба, за три дня до отъѣзда Хаджи-Мурата послали къ нему пословъ просить его въ пятницу въ ихъ мечеть. Кумыцкіе же князья, жившіе въ Таля-Качу и ненавидѣвшіе Хаджи-Мурата и имѣвшіе съ нимъ кровомщеніе, узнавъ объ этомъ, объявили народу, что они не пустятъ Хаджи-Мурата въ мечеть. Народъ взволновался, и произошла драка народа съ княжескими сторонниками. Русское начальство усмирило горцевъ и послало Хаджи-Мурату сказать, чтобы онъ не пріѣзжалъ въ мечеть. Хаджи-Муратъ не поѣхалъ, и всѣ думали, что дѣло тѣмъ и кончилось.

Но въ самую минуту отъѣзда Хаджи-Мурата, когда онъ вышелъ на крыльцо и лошади стояли у подъѣзда, къ дому Ивана Матвѣевича подъѣхалъ знакомый Бутлеру и Ивану Матвѣевичу кумыцкій князь Арсланъ-Ханъ.

Увидавъ Хаджи-Мурата, онъ, выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ, направилъ его на Хаджи-Мурата. Но не успѣлъ Арсланъ Ханъ выстрѣлить, какъ Хаджи-Муратъ, несмотря на свою хромоту, какъ кошка, быстро бросился съ крыльца къ Арсланъ-Хану. Арсланъ-Ханъ выстрѣлилъ и не попалъ. Хаджи-Муратъ же, подбѣжавъ къ нему, одной рукой схватилъ его лошадь за поводъ, другой выхватилъ кинжалъ и что-то по-татарски крикнулъ ему.

Бутлеръ и Элдаръ въ одно и то же время подбѣжали къ врагамъ и схватили ихъ за руки. На выстрѣлъ вышелъ и Иванъ Матвѣевичъ.

— Что же это ты, Арсланъ, у меня въ домѣ затѣялъ такую гадость?—сказалъ онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло.—Нехорошо это, братъ. Въ полѣ двѣ воли, а что же у меня рѣзню такую затѣвать.

Арсланъ-Ханъ, маленькій человѣчекъ съ черными усами, весь блѣдный и дрожащій, сошелъ съ лошади, злобно поглядѣлъ на Хаджи-Мурата и ушелъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ въ горницу. Хаджи-Муратъ же вернулся къ лошадямъ, тяжело дыша и улыбаясь.

— За что онъ его убить хотѣлъ?—спросилъ Бутлеръ черезъ переводчика.

— Онъ говоритъ, что такой у насъ законъ,—передалъ переводчикъ слова Хаджи-Мурата.—Арсланъ-Ханъ долженъ отомстить ему за кровь,—вотъ онъ и хотѣлъ убить

— Ну, а если онъ догонитъ его дорогой?—спросилъ Бутлеръ.

Хаджи-Муратъ улыбнулся.

– Что же,—убьетъ, значитъ, такъ Алла хочетъ. Ну, прощай,—сказалъ онъ опять по-русски и, взявшись за холку лошади, обвелъ глазами всѣхъ провожавшихъ его и ласково встрѣтился взглядомъ [съ] Марьей Дмитріевной.

— Прощай, матушка,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—спасибо.

— Дай Богъ, дай Богъ семью выручить,—повторила Марья Дмитріевна.

Онъ не понялъ словъ, но понялъ ея участіе къ нему и кивнулъ ей головой.

— Смотри, не забудь кунака,—сказалъ Бутлеръ.

— Скажи, что я вѣрный другъ ему. Никогда не забуду,—отвѣтилъ онъ черезъ переводчика и, несмотря на свою кривую ногу, только что дотронулся до стремени, какъ быстро и легко перенесъ свое тѣло на высокое сѣдло, [и], ощупавъ привычнымъ движеніемъ пистолетъ, оправивъ шашку, съ тѣмъ особеннымъ, гордымъ, единственнымъ видомъ, съ которымъ сидитъ горецъ на лошади, поѣхалъ прочь отъ дома Ивана Матвѣевича. Ханефи и Элдаръ также сѣли на лошадей и, дружелюбно простившись съ хозяевами и офицерами, поѣхали рысью за своимъ мюршидомъ.

Какъ всегда, начались толки объ уѣхавшемъ.

— Молодчина! вѣдь какъ волкъ бросился на Арслана-Хана, совсѣмъ лицо другое стало.

— А надуетъ онъ, плутъ большой, должно быть,—сказалъ Петроковскій.

— Дай Богъ, чтобы побольше русскихъ такихъ плутовъ было,—вдругъ съ досадой вмѣшалась Марья Дмитріевна.—Недѣлю у насъ прожилъ и, кромѣ хорошаго, ничего отъ него не видали,—сказала она.—Обходительный, умный, справедливый.

— Почемъ вы это все узнали?

— Стало быть, узнала.

— Втюрилась,—сказалъ вошедшій Иванъ Матвѣевичъ,—ужъ это какъ есть.

— Ну, и втюрилась. А вамъ что? Только зачѣмъ осуждать, когда человѣкъ хорошій. Онъ татаринъ, а хорошій.

— Правда, Марья Дмитріевна,—сказалъ Бутлеръ.—Молодецъ, что заступились.

XXI.

Жизнь обитателей передовыхъ крѣпостей на чеченской линіи шла постарому. Были съ тѣхъ поръ двѣ тревоги, на которыя выбѣгали роты и скакали милиціонеры, но оба раза горцевъ не могли остановить: они уходили, и одинъ разъ въ Воздвиженской угнали восемь лошадей казачьихъ съ водопоя и и убили казака. Набѣговъ со времени послѣдняго, когда былъ разоренъ аулъ, не было. Только ожидалась большая экспедиція въ Большую Чечню вслѣдствіе назначенія новаго начальника лѣваго фланга, князя Барятинскаго.

Князь Барятинскій, другъ наслѣдника, бывшій командиръ Кабардинскаго полка, теперь, какъ начальникъ всего лѣваго фланга, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Грозную собралъ отрядъ съ тѣмъ, чтобы продолжать исполнять тѣ предначертанія государя, о которыхъ Чернышовъ писалъ Воронцову. Собранный въ Воздвиженской отрядъ вышелъ изъ нея на позицію по направленію къ Куринскому. Войска стояли тамъ и рубили лѣсъ. Молодой Воронцовъ жилъ въ великолѣпной суконной палаткѣ, и жена его, Марья Васильевна, пріѣзжала въ лагерь и часто оставалась ночевать. Ни отъ кого не были секретомъ отношенія Барятинскаго съ Марьей Васильевной, и потому непридворные офицеры и солдаты грубо ругали ее за то, что благодаря ея присутствію въ лагерѣ, ихъ разсылали въ ночные секреты. Обыкновенно горцы подвозили орудія и пускали ядра въ лагерь. Ядра эти большей частью не попадали, и потому въ обыкновенное время противъ этихъ выстрѣловъ не принималось никакихъ мѣръ; но для того, чтобы горцы не могли выдвигать орудія и пугать Марью Васильевну, высылались секреты. Ходить же каждую ночь въ секреты для того, чтобы не напугать барыню, было оскорбительно и противно, и Марью Васильевну нехорошими словами честили солдаты и непринятые въ высшее общество офицеры.

Въ этомъ отрядѣ, чтобы повидать тамъ собравшихся своихъ однокашниковъ по Пажескому корпусу и однополчанъ, служившихъ въ Куринскомъ полку и адъютантами, и ординарцами при начальствѣ, пріѣхалъ въ отпускъ и Бутлеръ изъ своего укрѣпленія. Съ начала его пріѣзда ему было очень весело. Онъ остановился въ палаткѣ Полторацкаго и нашелъ тамъ много радостно встрѣтившихъ его знакомыхъ. Онъ пошелъ и къ Воронцову, котораго зналъ немного, потому что служилъ одно время въ одномъ съ нимъ полку. Воронцовъ принялъ его очень ласково и представилъ князю Барятинскому и пригласилъ его на прощальный

обѣдъ, который онъ давалъ бывшему до Барятинскаго начальнику лѣваго фланга, генералу Козловскому.

Обѣдъ былъ великолѣпный. Были привезены и поставлены ряды палатокъ. Во всю длину ихъ былъ накрытъ столъ, уставленный приборами и бутылками. Все напоминало петербургское гвардейское житье. Въ два часа сѣли за столъ. Посрединѣ стола сидѣли: по одну сторону Козловскій, по другую—Барятинскій. Справа отъ Козловскаго сидѣлъ мужъ, слѣва — жена Воронцовы. Во всю длину съ обѣихъ сторонъ сидѣли офицеры Кабардинскаго и Куринскаго полковъ. Бутлеръ сидѣлъ рядомъ съ Полторацкимъ, оба весело болтали и пили съ сосѣдями-офицерами. Когда дѣло дошло до жаркого, денщики стали разливать по бакаламъ шампанское. Полторацкій съ искреннимъ страхомъ и сожалѣніемъ сказалъ Бутлеру:

— Осрамится нашъ «какъ».

— А что?

— Да вѣдь ему надо рѣчь говорить. А что же онъ можетъ?

— Да, братъ, это не то, что подъ пулями завалы брать. А еще тутъ рядомъ дама, да эти придворные господа. Право, жалко смотрѣть на него,—говорили между собою офицеры.

Но вотъ наступила торжественная минута. Барятинскій всталъ и, поднявъ бокалъ, обратился къ Козловскому съ короткой рѣчью. Когда Барятинскій кончилъ, Козловскій всталъ и довольно твердымъ голосомъ началъ:

— По высочайшей его величества волѣ, какъ, я уѣзжаю отъ васъ, разстаюсь съ вами, господа офицеры,—сказалъ онъ.— Но считайте меня всегда, какъ, съ вами... Вамъ, господа, знакома, какъ, истина—одинъ въ полѣ не воинъ. Поэтому все, чѣмъ я на службѣ моей, какъ, награжденъ, всѣмъ, какъ, чѣмъ осыпанъ, великими щедротами государя императора, какъ, всѣмъ положеніемъ моимъ, какъ, и добрымъ именемъ, всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, какъ...—здѣсь голосъ его задрожалъ,—я, какъ, обязанъ однимъ и однимъ вамъ, друзья мои!—И морщинистое лицо сморщилось еще больше. Онъ всхлипнулъ, и слезы выступили ему на глаза.—Отъ всего сердца приношу вамъ, какъ, мою искреннюю, задушевную признательность...

Козловскій не могъ говорить дальше и, вставъ, сталъ обнимать офицеровъ. Княгиня закрыла лицо платкомъ. Князь Семенъ Михайловичъ, скривя ротъ, моргалъ глазами. Многіе изъ офицеровъ тоже прослезились. Бутлеръ, который очень мало зналъ Козловскаго, тоже не могъ удержаться отъ слезъ. Все это ему чрезвычайно нравилось. Потомъ начались тосты за Барятинскаго за Воронцова, за офицеровъ, за солдатъ, и гости

вышли отъ обѣда опьяненные и выпитымъ виномъ и военнымъ восторгомъ, къ которому и такъ были особенно склонны.

Погода была чудная, солнечная, тихая, съ бодрящимъ свѣжимъ воздухомъ. Со всѣхъ сторонъ трещали костры, слышались пѣсни. Казалось, всѣ праздновали что-то. Бутлеръ въ самомъ счастливомъ, умиленномъ расположеніи духа пошелъ къ Полторацкому. Къ Полторацкому собрались офицеры, раскинули карточный столъ, и адъютантъ заложилъ банкъ въ сто рублей. Раза два Бутлеръ выходилъ изъ палатки, держа въ рукѣ, въ карманѣ панталонъ, свой кошелекъ, но, наконецъ, не выдержалъ и, несмотря на данное себѣ и братьямъ слово не играть, сталъ понтировать.

И не прошло часу, какъ Бутлеръ, весь красный, въ поту, испачканный мѣломъ, сидѣлъ, облокотившись обѣими руками на столъ, и писалъ подъ смятыми на углы и транспорты картами цифры своихъ ставокъ. Онъ проигралъ такъ много, что уже боялся счесть то, что было за нимъ записано. Онъ не считая зналъ, что, отдавъ все жалованье, которое онъ могъ взять впередъ, и цѣну своей лошади, онъ все-таки не могъ заплатить всего, что было за нимъ записано незнакомымъ адъютантомъ. Онъ бы игралъ еще, но адъютантъ съ строгимъ лицомъ положилъ своими бѣлыми, чистыми руками карты и сталъ считать мѣловую колонну записей Бутлера. Бутлеръ сконфуженно просилъ извинить его за то, что не можетъ заплатить сейчасъ всего того, что проигралъ, сказалъ, что онъ пришлетъ изъ дому, и когда онъ сказалъ это, онъ замѣтилъ, что всѣмъ стало жаль его, и что всѣ, даже Полторацкій, избѣгали его взгляда. Это былъ послѣдній его вечеръ. Стоило ему не играть, а пойти къ Воронцову, куда его звали, и все бы было хорошо, думалъ онъ. А теперь было не только не хорошо, но было ужасно.

Простившись съ товарищими и знакомыми, онъ уѣхалъ домой и, пріѣхавъ, тотчасъ же легъ спать и спалъ восемнадцать часовъ сряду, какъ спятъ обыкновенно послѣ проигрыша. Марья Дмитріевна по тому, что онъ попросилъ у нея полтинникъ, чтобы дать на чай провожавшему его казаку, и по его грустному виду и короткимъ отвѣтамъ поняла, что онъ проигрался, и напала на Ивана Матвѣевича, зачѣмъ онъ отпускалъ его.

На другой день Бутлеръ проснулся въ двѣнадцатомъ часу и, вспомнивъ свое положеніе, хотѣлъ бы опять нырнуть въ забвеніе, изъ котораго только что вышелъ, но нельзя было. Надо было принять мѣры, чтобы выплатить 470 рублей, которые онъ остался долженъ незнакомому человѣку. Одна изъ этихъ мѣръ состояла въ томъ, что онъ написалъ письмо брату, каясь

въ своемъ грѣхѣ и умоляя его выслать ему въ послѣдній разъ 500 рублей въ счетъ той мельницы, которая оставалась еще у нихъ въ общемъ владѣніи. Потомъ онъ написалъ своей скупой родственницѣ, прося ее дать ему на какихъ она хочетъ процентахъ тѣ же 500 рублей. Потомъ онъ пошелъ къ Ивану Матвѣевичу, зная, что у него или, скорѣе, у Марьи Дмитріевны есть деньги, прося его дать ему взаймы 500 рублей.

— Я бы далъ,— сказалъ Иванъ Матвѣевичъ,—сейчасъ отдалъ бы, да Машка не дастъ. Онѣ, эти бабы, очень ужъ прижимисты, чортъ ихъ знаетъ. А надо, надо выкрутиться, чортъ его возьми. У того чорта, у маркитанта, нѣтъ ли?

Но у маркитанта нечего было и пробовать занимать. Такъ что спасеніе Бутлера могло прійти только отъ брата или отъ скупой родственницы.

XXII.

Не достигнувъ своей цѣли въ Чечнѣ, Хаджи-Муратъ вернулся въ Тифлисъ и каждый день ходилъ къ Воронцову и, когда его принимали, умолялъ его собрать горскихъ плѣнныхъ и вымѣнять на нихъ его семью. Онъ говорилъ, что безъ этого онъ связанъ и не можетъ, какъ онъ хотѣлъ бы, служить русскимъ и уничтожить Шамиля. Воронцовъ неопредѣленно обѣщалъ сдѣлать, что можетъ, но откладывалъ, говоря, что онъ рѣшитъ дѣло, когда пріѣдетъ въ Тифлисъ генералъ Аргутинскій, и онъ переговоритъ съ нимъ. Тогда Хаджи-Муратъ сталъ просить Воронцова разрѣшить ему съѣздить на время пожить въ Нухѣ, небольшомъ городкѣ Закавказья, гдѣ онъ полагалъ, что ему удобнѣе будетъ вести переговоры съ Шамилемъ и преданными ему людьми о своей семьѣ. Кромѣ того, въ Нухѣ, магометанскомъ городѣ, была мечеть, гдѣ онъ болѣе удобно, могъ бы исполнять требуемыя магометанскимъ закономъ молитвы. Воронцовъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ и между тѣмъ все-таки разрѣшилъ Хаджи-Мурату переѣхать въ Нуху.

Для Воронцова, для петербургскихъ властей, такъ же, какъ и для большинства русскихъ людей, знавшихъ исторію Хаджи-Мурата, исторія эта представлялась счастливымъ оборотомъ въ кавказской войнѣ или просто интереснымъ случаемъ; для Хаджи-Мурата же это былъ, особенно въ послѣднее время, страшный поворотъ въ его жизни. Онъ бѣжалъ изъ горъ, отчасти спасая себя, отчасти изъ ненависти къ Шамилю, и, какъ ни трудно было это бѣгство, онъ достигъ своей цѣли, и въ первое время его радовалъ его успѣхъ, и онъ дѣйствительно обдумывалъ планъ

нападенія на Шамиля. Но оказалось, что выходъ его семьи, который, онъ думалъ, легко устроить, былъ труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Шамиль захватилъ его семью и, держа ее въ плѣну, обѣщалъ раздать женщинъ по ауламъ и ослѣпить или убить сына. Теперь Хаджи-Муратъ переѣзжалъ въ Нуху съ намѣреніемъ попытаться черезъ своихъ приверженцевъ въ Дагестанѣ хитростью или силой вырвать семью отъ Шамиля. Послѣдній лазутчикъ, который былъ у него въ Нухѣ, сообщилъ ему, что преданные ему аварцы собираются похитить его семью и выйти вмѣстѣ съ семьей къ русскимъ, но людей, готовыхъ на это, слишкомъ мало, и что они не рѣшаются сдѣлать это въ мѣстѣ заключенія семьи, въ Ведено, но сдѣлаютъ это только въ томъ случаѣ, если семью переведутъ изъ Ведено въ другое мѣсто, тогда на пути они обѣщаются сдѣлать это. Хаджи-Муратъ велѣлъ сказать своимъ друзьямъ что онъ обѣщаетъ три тысячи рублей за выручку семьи.

Въ Нухѣ Хаджи-Мурату былъ отведенъ небольшой домъ въ пять комнатъ, недалеко отъ мечети и ханскаго дворца. Въ томъ же домѣ жили приставленные къ нему офицеры и переводчикъ и его нукеръ. Жизнь Хаджи-Мурата проходила въ ожиданіи и пріемѣ лазутчиковъ изъ горъ и въ разрѣшенныхъ ему прогулкахъ верхомъ по окрестностямъ...

Вернувшись 8-го апрѣля съ прогулки, Хаджи-Муратъ узналъ, что въ его отсутствіе пріѣхалъ чиновникъ изъ Тифлиса отъ Воронцова. Несмотря на все желаніе узнать, что привезъ ему чиновникъ, Хаджи-Муратъ, прежде чѣмъ идти въ ту комнату, гдѣ его ожидали приставъ съ чиновникомъ, пошелъ къ себѣ и совершилъ полуденную молитву. Окончивъ молитву, онъ вышелъ въ другую комнату, служившую гостиной и пріемной. Пріѣхавшій изъ Тифлиса чиновникъ, статскій совѣтникъ Кирилловъ, передалъ Хаджи-Мурату желаніе Воронцова, чтобы онъ къ 12-му числу пріѣхалъ въ Тифлисъ для свиданія съ Аргутинскимъ.

— Якши,—сердито сказалъ Хаджи-Муратъ.

Чиновникъ Кирилловъ не понравился ему.

— А деньги привезъ?

— Привезъ,—сказалъ Кирилловъ.

— За двѣ недѣли теперь,—сказалъ Хаджи-Муратъ и показалъ десять пальцевъ и еще четыре.—Давай.

— Сейчасъ дадимъ,—сказалъ чиновникъ, доставая кошелекъ изъ своей дорожной сумки.—И на что ему деньги?— сказалъ онъ по-русски, полагая, что Хаджи-Муратъ не понимаетъ, но Хаджи-Муратъ понялъ и сердито взглянулъ на Кириллова. Доставая деньги, Кирилловъ, желая разговориться съ Хаджи-

Муратомъ съ тѣмъ, чтобы имѣть, что передать по возвращеніи своемъ князю Воронцову, спросилъ у него черезъ переводчика, скучно ли ему здѣсь. Хаджи-Муратъ сбоку взглянулъ презрительно на маленькаго, толстаго человѣка въ штатскомъ и безъ оружія и ничего не отвѣтилъ. Переводчикъ повторилъ вопросъ.

— Скажи ему, что я не хочу въ нимъ говорить. Пускай дастъ деньги.

И, сказавъ это, Хаджи-Муратъ опять сѣлъ къ столу, собираясь считать деньги.

Когда Кирилловъ вынулъ золотые и разложилъ семь столбиковъ по десяти золотыхъ (Хаджи-Муратъ получалъ пять золотыхъ въ день), онъ подвинулъ ихъ къ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ ссыпалъ золото въ рукавъ черкески, поднялся и совершенно неожиданно хлопнулъ статскаго совѣтника по плѣши и пошелъ изъ комнаты. Статскій совѣтникъ привскочилъ и велѣлъ переводчику сказать, что онъ не долженъ смѣть этого дѣлать, потому что онъ въ чинѣ полковника. То же подтвердилъ и приставъ. Но Хаджи-Муратъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ знаетъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Что съ нимъ станешь дѣлать,—сказалъ приставъ.—Пырнетъ кинжаломъ, вотъ и все. Съ этими чертями не сговоришь. Я вижу, онъ бѣситься начинаетъ.

Какъ только смерклось, пришли изъ горъ обвязанные до глазъ башлыками два лазутчика. Приставъ провелъ ихъ въ комнату къ Хаджи-Мурату. Одинъ изъ лазутчиковъ былъ мясистый черный тавлинецъ, другой—худой старикъ. Извѣстія, принесенныя ими, были для Хаджи-Мурата нерадостны. Друзья его, взявшіеся выручить семью, теперь прямо отказывались, боясь Шамиля, который угрожалъ самыми страшными казнями тѣмъ, кто будетъ помогать Хаджи-Мурату. Отслушавъ разсказъ лазутчиковъ, Хаджи-Муратъ облокотилъ руки на скрещенныя ноги и, опустивъ голову въ папахѣ, долго молчалъ. Хаджи-Муратъ думалъ, и думалъ рѣшительно. Онъ зналъ, что думаетъ теперь въ послѣдній разъ, и необходимо рѣшеніе. Хаджи-Муратъ поднялъ голову и, доставъ два золотыхъ, отдалъ лазутчикамъ по одному, и сказалъ:

– Идите.

— Какой будетъ отвѣтъ?

– Отвѣтъ будетъ, какой дастъ Богъ. Идите.

Лазутчики встали и ушли, а Хаджи-Муратъ продолжалъ сидѣть на коврѣ, опершись локтями на колѣни Онъ долго сидѣлъ такъ и думалъ.

«Что дѣлать? Повѣрить Шамилю и вернуться къ нему?» думалъ Хаджи-Муратъ. «Онъ—лисица, обманетъ. Если же бы онъ и не обманулъ, то покориться ему, рыжему обманщику, нельзя было. Нельзя было потому, что онъ теперь, послѣ того, какъ я побылъ у русскихъ, не повѣритъ мнѣ», думалъ Хаджи- Муратъ.

И онъ вспомнилъ сказку тавлинскую о соколѣ, который былъ пойманъ, жилъ у людей и потомъ вернулся въ свои горы къ своимъ. Онъ вернулся, но въ путахъ, и на путахъ остались бубенцы. И соколы не приняли его.—Лети,—сказали они,—туда, гдѣ надѣли на тебя серебряные бубенцы. У насъ нѣтъ бубенцовъ, нѣтъ и путъ.—Соколъ не хотѣлъ покидать родины и остался. Но другіе соколы не приняли и заклевали его.

«Такъ заклюютъ и меня», думалъ Хаджи-Муратъ.

«Остаться здѣсь? Покорить русскому царю Кавказъ, заслужить славу, чины, богатство?»

«Это можно», думалъ онъ, вспоминая про свои свиданія съ Воронцовымъ и лестныя слова князя.

«Но надо сейчасъ рѣшить, а то онъ погубитъ семью».

Всю ночь Хаджи-Муратъ не спалъ и думалъ.

XXIII.

Въ серединѣ ночи рѣшеніе его было составлено. Онъ рѣшилъ, что надо бѣжать въ горы и съ преданными аварцами ворваться въ Ведено и или умереть, или освободить семью. Высвободитъ ли онъ семью назадъ къ русскимъ или бѣжитъ съ ней въ Хунзахъ и будетъ бороться съ Шамилемъ,—Хаджи-Муратъ не рѣшилъ; онъ зналъ только то, что сейчасъ надо было бѣжать отъ русскихъ въ горы. И онъ сейчасъ сталъ приводить это рѣшеніе въ исполненіе. Онъ взялъ изъ-подъ подушки свой черный ватный башметъ и пошелъ въ помѣщеніе своихъ нукеровъ. Они жили черезъ сѣни. Какъ только онъ вошелъ въ сѣни съ отворенной дверью, его охватила росистая свѣжесть лунной ночи, и ударили въ уши свистъ и щелканіе сразу нѣсколькихъ соловьевъ изъ сада, примыкавшаго къ дому.

Пройдя сѣни, Хаджи-Муратъ отворилъ дверь въ комнату нукеровъ. Въ комнатѣ этой не было свѣта, только молодой мѣсяцъ первой четверти свѣтилъ въ окно. Столъ и два стула стояли въ сторонѣ, и всѣ четыре нукера лежали на полу на коврахъ и буркахъ. Ханефи спалъ на дворѣ съ лошадьми. Гамзало, услыхавъ скрипъ двери, поднялся, оглянулся на Хаджи-Мурата и, узнавъ его, опять легъ. Элдаръ же, лежавшій подлѣ, вско-

чилъ и сталъ надѣвать бешметъ, ожидая приказаній. Курбанъ и Ханъ-Магома спали. Хаджи-Муратъ положилъ бешметъ на столъ, и бешметъ стукнулъ о доски стола чѣмъ-то крѣпкимъ. Это были зашитые въ немъ золотые.

— Зашей и эти,—сказалъ Хаджи-Муратъ, подавая Элдару полученные нынче золотые. Элдаръ взялъ золотые и тотчасъ же, выйдя на свѣтлое мѣсто, досталъ изъ-подъ кинжала ножичекъ и сталъ пороть подкладку бешмета. Гамзало приподнялся и сѣлъ, скрестивъ ноги.

— А ты, Гамзало, прикажи молодцамъ осмотрѣть ружья, пистолеты, приготовить заряды. Завтра поѣдемъ далеко,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Пули есть, порохъ есть, будетъ готово,—сказалъ Гамзало и зарычалъ что-то непонятное. Гамзало понялъ, для чего Хаджи-Муратъ велѣлъ зарядить ружья. Онъ съ самаго начала и что дальше, то сильнѣе желалъ только одного: побить, порѣзать, сколько можно, русскихъ собакъ и бѣжать въ горы. И теперь онъ видѣлъ, что этого самаго хочетъ и Хаджи-Муратъ, и былъ доволенъ.

Когда Хаджи-Муратъ ушелъ, Гамзало разбудилъ товарищей, и всѣ четверо всю ночь пересматривали винтовки, пистолеты, заправки, кремни, перемѣняли плохіе, подсыпали на полку свѣжаго пороху, затыкали хозыри съ отмѣренными зарядами пороха пулями въ обернутыя масляныя тряпки, точили шашки и кинжалы и мазали клинки саломъ.

Передъ разсвѣтомъ Хаджи-Муратъ опять вышелъ въ сѣни, чтобы взять воды для омовенія. Въ сѣняхъ еще громче и чище, чѣмъ съ вечера, слышны были заливавшіеся передъ свѣтомъ соловьи. Въ комнатѣ же нукеровъ слышно было равномѣрное шипѣніе и свистѣніе желѣза по камню оттачиваемаго кинжала. Хаджи-Муратъ зачерпнулъ воды изъ кадки и подошелъ уже къ своей двери, когда услыхалъ въ комнатѣ мюридовъ, кромѣ звука точенія, еще и тонкій голосъ Ханефи, пѣвшаго знакомую Хаджи-Мурату пѣсню. Хаджи-Муратъ остановился и сталъ слушать.

Въ пѣснѣ говорилось о томъ, какъ джигитъ Гамзатъ угналъ съ своими молодцами съ русской стороны табунъ бѣлыхъ коней, какъ потомъ ихъ настигъ за Терекомъ русскій князь, и какъ онъ окружилъ его своимъ, какъ лѣсъ, большимъ войскомъ. Потомъ пѣлось о томъ, какъ Гамзатъ порѣзалъ лошадей и съ молодцами своими засѣлъ за кровавымъ заваломъ убитыхъ коней и бился съ русскими до тѣхъ поръ, пока были пули въ ружьяхъ и кинжалы на поясахъ и кровь въ жилахъ. Но прежде, чѣмъ умереть, Гамзатъ увидалъ птицъ на небѣ и закричалъ имъ: «Вы,

перелетныя птицы, летите въ наши дома и скажите нашимъ сестрамъ, матерямъ и бѣлымъ дѣвушкамъ, что умерли мы всѣ за хазаватъ. Скажите имъ, что не будутъ наши тѣла лежать въ могилахъ, а растаскаютъ и оглодаютъ наши кости жадные волки и выклюютъ глаза намъ черные вороны».

Этими словами кончалась пѣсня, и къ этимъ послѣднимъ словамъ, пропѣтымъ заунывнымъ напѣвомъ, присоединился бодрый голосъ веселаго Ханъ-Магомы, который при самомъ концѣ пѣсни громко закричалъ: «Ля илляхъ иль Алла» и пронзительно завизжалъ. Потомъ все затихло, и опять слышалось только соловьиное чмоканье и свистъ изъ сада и равномѣрное шипѣнье и изрѣдка свистѣнье скользящаго по камнямъ желѣза изъ-за двери.

Хаджи-Муратъ такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ нагнулъ кувшинъ, и вода лилась изъ него. Онъ покачалъ на себя головой и вошелъ въ свою комнату. Совершивъ утренній намазъ, Хаджи-Муратъ, осмотрѣвъ свое оружіе, сѣлъ на свою постель. Дѣлать было больше нечего. Для того, чтобы выѣхать, надо было спроситься у пристава. А на дворѣ еще было темно, и приставъ спалъ.

Пѣсня Ханефи напомнила ему другую пѣсню, сложенную его матерью. Пѣсня эта разсказывала то, что дѣйствительно было,—было тогда, когда Хаджи-Муратъ только что родился, но про то, что ему разсказывала его мать.

Пѣсня была такая:

«Булатный кинжалъ твой прорвалъ мое бѣлое тѣло, но я приложила мое солнышко, моего мальчика, къ моей ранѣ, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила безъ травъ и кореньевъ, и мальчикъ выросъ джигитомъ».

Слова этой пѣсни обращены были къ отцу Хаджи-Мурата, и смыслъ пѣсни былъ тотъ, что когда родился Хаджи-Муратъ, ханша родила тоже своего другого сына, Умма-Хана, и потребовала къ себѣ въ кормилицы мать Хаджи-Мурата, выкормившую старшаго ея сына, Абунунцалъ-Хана. Но Патиматъ не захотѣла оставить этого сына и сказала, что не пойдетъ. Отецъ Хаджи-Мурата разсердился и приказывалъ. Когда же она опять отказалась, ударилъ ее кинжаломъ и убилъ бы ее, если бы ее не отняли. Такъ она и не отдала его и выкормила, и на это дѣло сложила пѣсню.

Хаджи-Муратъ вспомнилъ свою мать, когда она, укладывая его спать съ собой рядомъ, подъ шубой, на крышѣ сакли, пѣла ему эту пѣсню, и онъ просилъ ее показать ему то мѣсто

на боку, гдѣ остался слѣдъ отъ раны. Какъ живую, онъ видѣлъ передъ собой свою мать—не такой сморщенной, сѣдой, съ рѣшеткой зубовъ, какой онъ оставилъ ее теперь, а молодой, красивой, такой сильной, что она, когда ему было уже лѣтъ пять, и онъ былъ тяжелый, носила его за спиной въ корзинѣ черезъ горы къ дѣду.

И вспомнился ему морщинистый, съ сѣдой бородкой, дѣдъ, какъ онъ чеканилъ серебро своими жилистыми руками и заставлялъ внука говорить молитвы. Вспомнился фонтанъ подъ горою, куда онъ, держась за шаровары матери, ходилъ съ ней за водой. Вспомнилась худая собака, лизавшая его въ лицо, и особенно запахъ дыма и кислаго молока, когда онъ шелъ съ матерью въ сарай, гдѣ она доила коровъ и топила молоко. Вспомнилось, какъ въ первый разъ обрили ему голову, и какъ въ блестящемъ мѣдномъ тазу, висѣвшемъ на стѣнѣ, съ удивленіемъ увидѣлъ свою круглую синѣющую голову.

И, вспомнивъ себя маленькимъ, онъ вспомнилъ и о любимомъ сынѣ Юсуфѣ, которому онъ самъ въ первый разъ обрилъ голову. Теперь ужъ этотъ Юсуфъ былъ молодой красавецъ-джигитъ. Онъ вспомнилъ сына такимъ, какимъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Это было въ тотъ день, какъ онъ выѣзжалъ изъ Цельмеса. Сынъ подалъ ему коня и попросилъ позволенія проводить его. Онъ былъ одѣтъ и вооруженъ и держалъ въ поводу свою лошадь. Румяное, молодое, красивое лицо Юсуфа и вся высокая, тонкая фигура его (онъ былъ выше отца) дышала отвагой, молодостью и радостью жизни. Широкія, несмотря на молодость, плечи, очень широкій, юношескій тазъ и тонкій, длинный станъ, длинныя, сильныя руки и сила, гибкость, ловкость во всѣхъ движеніяхъ всегда радовали отца, и онъ всегда любовался сыномъ.

— Лучше оставайся. Ты одинъ теперь въ домѣ. Береги и мать и бабку,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

И Хаджи-Муратъ помнилъ то выраженіе молодечества и гордости, съ которымъ покраснѣлъ отъ удовольствія Юсуфъ, сказавъ, что пока онъ живъ, никто не сдѣлаетъ худого его матери и бабкѣ. Юсуфъ все-таки сѣлъ верхомъ и проводилъ отца до ручья. Отъ ручья онъ вернулся назадъ и съ тѣхъ поръ Хаджи-Муратъ уже не видалъ ни жены, ни матери, ни сына.

И вотъ этого-то сына хотѣлъ ослѣпить Шамиль! О томъ, что сдѣлаютъ съ его женой, онъ не хотѣлъ и думать.

Мысли эти такъ взволновали Хаджи-Мурата, что онъ не могъ болѣе сидѣть. Онъ вскочилъ и, хромая, быстро подошелъ

къ двери и, отворивъ ее, крикнулъ Элдара. Солнце еще не всходило, но было совсѣмъ свѣтло. Соловьи не замолкали.

— Поди, скажи приставу, что я желаю ѣхать на прогулку, и сѣдлайте коней,—сказалъ онъ.

XXIV.

Единственнымъ утѣшеніемъ Бутлера была все это время воинственная поэзія, которой онъ предавался не только на службѣ, но и въ частной жизни. Онъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ, джигитовалъ верхомъ и ходилъ два раза въ засаду съ Богдановичемъ, хотя въ оба эти раза они никого не подкараулили и никого не убили. Эта близость и дружба съ извѣстнымъ храбрецомъ Богдановичемъ казалась Бутлеру чѣмъ-то пріятнымъ и важнымъ. Долгъ свой онъ уплатилъ, занявъ деньги у еврея на огромные проценты, т.-е. только отсрочилъ и отдалилъ не разрѣшенное положеніе. Онъ старался не думать о своемъ положеніи и, кромѣ воинственной поэзіи, старался забыться еще виномъ. Онъ пилъ все больше и больше и изо дня въ день все больше и больше нравственно слабѣлъ. Онъ уже теперь не былъ прекраснымъ Іосифомъ по отношенію къ Марьѣ Дмитріевнѣ, а, напротивъ, сталъ грубо ухаживать за ней, но, къ удивленію своему, встрѣтилъ рѣшительный, сильный отпоръ, пристыдившій его.

Въ концѣ апрѣля въ укрѣпленіе пришелъ отрядъ, который Барятинскій предназначалъ для новаго движенія черезъ всю считавшуюся непроходимой Чечню. Тутъ были двѣ роты Кабардинскаго полка, и роты эти, по установившемуся на Кавказѣ обычаю, были приняты какъ гости ротами, стоящими въ Куринскомъ. Солдаты разобрались по казармамъ и угащивались не только ужиномъ, кашей, говядиной, но и водкой, и офицеры размѣстились по офицерамъ. И какъ и водилось, здѣшніе офицеры угащивали пришедшихъ.

Угощеніе кончилось попойкой съ пѣсенниками, и Иванъ Матвѣевичъ, очень пьяный, уже не красный, но блѣдно-сѣрый, сидѣлъ верхомъ на стулѣ и, выхвативъ шашку, рубилъ ею воображаемыхъ враговъ и то ругался, то хохоталъ, то обнимался, то плясалъ подъ любимую свою пѣсню: «Шамиль началъ бунтоваться въ прошедшіе годы, трай-рай-ратагай, въ прошедшіе годы». Бутлеръ былъ тутъ же. Онъ старался видѣть и въ этомъ военную поэзію, но въ глубинѣ души ему жалко было Ивана Матвѣевича но остановить его не было никакой возможности.

И Бутлеръ, чувствуя хмель въ головѣ, потихоньку вышелъ и пошелъ домой.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на бѣлые домики и на камни дороги. Было свѣтло такъ, что всякій камушекъ, соломинка, пометъ были видны на дорогѣ. Подходя къ дому, Бутлеръ встрѣтилъ Марью Дмитріевну, въ платкѣ, покрывавшемъ ей голову и шею. Послѣ отпора, даннаго Марьей Дмитріевной Бутлеру, онъ, немного совѣстясь, избѣгалъ встрѣчи съ нею. Теперь же, при лунномъ свѣтѣ и отъ выпитаго вина, Бутлеръ обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ опять приласкаться къ ней.

— Вы куда?—спросилъ онъ.

— Да своего старика провѣдать, — дружелюбно отвѣчала она. Она совершенно искренно и рѣшительно отвергала ухаживаніе Бутлера, но ей непріятно было, что онъ все послѣднее время сторонился ея.

— Что же его провѣдывать, придетъ.

— Да придетъ ли?

– А не придетъ — принесутъ.

– То-то, нехорошо вѣдь это. Такъ не ходить? — сказала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, не ходите А пойдемъ лучше домой.

Марья Дмитріевна повернулась и пошла рядомъ съ Бутлеромъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что около тѣни, двигавшейся подлѣ дороги, двигалось сіяніе вокругъ головы. Бутлеръ смотрѣлъ на это сіяніе и собирался сказать ей, что она все такъ же нравится ему, но не зналъ, какъ начать. Она ждала, чтò онъ скажетъ. Такъ молча они совсѣмъ ужъ подходили къ дому, когда изъ-за угла выѣхали верховые. Ѣхалъ офицеръ съ конвоемъ.

— Это кого Богъ несетъ?—сказала Марья Дмитріевна и посторонилась.

Мѣсяцъ свѣтилъ взадъ пріѣзжему, такъ что Марья Дмитріевна узнала его только тогда, когда онъ почти поравнялся съ ними. Это былъ офицеръ Каменевъ, служившій прежде вмѣстѣ съ Иваномъ Матвѣевичемъ, и потому Марья Дмитріевна знала его.

— Петръ Николаевичъ, вы?—обратилась къ нему Марья Дмитріевна.

— Я самый,—сказалъ Каменевъ.—А, Бутлеръ, здравствуйте. Не спите еще, гуляете съ Марьей Дмитріевной? Смотрите, Иванъ Матвѣевичъ вамъ задастъ. Гдѣ онъ?

— А вотъ слышите, — сказала Марья Дмитріевна, указывая въ ту сторону, откуда неслись звуки музыки тулумбаса и пѣсни. Кутятъ.

— Это что же, ваши кутятъ?

— Нѣтъ, пришли изъ Хасавъ-Юрта, вотъ и угощаются.

— А, это хорошее дѣло. И я поспѣю. Я къ нему вѣдь только на минуту.

— Что же, дѣло есть?—спросилъ Бутлеръ.

— Есть маленькое дѣльце.

— Хорошее или дурное?

— Кому какъ. Для насъ хорошее, кое для кого скверное. И Каменевъ засмѣялся.

Въ это время и пѣшіе и Каменевъ подошли къ дому Ивана Матвѣевича.

— Чихиревъ, — крикнулъ Каменевъ казаку, — подъѣзжай-ка.

Донской казакъ выдвинулся изъ остальныхъ и подъѣхалъ. Казакъ былъ въ обыкновенной донской формѣ, въ сапогахъ, шинели и [съ] переметными сумами за сѣдломъ.

— Ну, достань-ка штуку, — сказалъ Каменевъ, слѣзая съ лошади

Казакъ тоже слѣзъ съ лошади и досталъ изъ переметной сумы мѣшокъ съ чѣмъ-то. Каменевъ взялъ изъ рукъ казака мѣшокъ и опустилъ въ него руку.

— Такъ показать вамъ новость? Вы не испугайтесь,—обратился онъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Чего же бояться,—сказала Марья Дмитріевна.

— Вотъ она, — сказалъ Каменевъ, доставая человѣческую голову и выставляя ее на свѣтъ мѣсяца.—Узнаете?

Это была голова бритая, съ выступами черепа надъ глазами и черной стриженой бородкой и подстриженными усами, съ однимъ открытымъ, другимъ полуоткрытымъ глазомъ, съ окровавленнымъ, разрубленнымъ и недорубленнымъ бритымъ черепомъ, съ запекшейся черной кровью въ носу. Шея была замотана окровавленнымъ полотенцемъ. Несмотря на всѣ раны головы, въ складѣ посинѣвшихъ губъ было дѣтское, доброе выраженіе.

Марья Дмитріевна посмотрѣла и, ничего не сказавъ, повернулась и быстрыми шагами ушла въ домъ.

Бутлеръ не могъ отвести глазъ отъ страшной головы. Это была голова того самаго Хаджи-Мурата, съ которымъ онъ такъ недавно проводилъ вечера въ такихъ дружескихъ бесѣдахъ.

— Какъ же это? Кто его убилъ? гдѣ?—спросилъ онъ.

— Удрать хотѣлъ, поймали, — сказалъ Каменевъ и отдалъ голову казаку и самъ вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ Бутлеромъ.

— И молодцомъ умеръ, — сказалъ Каменевъ.

— Да какъ же это все случилось?

— А вотъ погодите, Иванъ Матвѣевичъ придетъ, я все подробно разскажу. Вѣдь я затѣмъ посланъ. Развожу по всѣмъ укрѣпленіямъ и ауламъ и показываю.

Было послано за Иваномъ Матвѣевичемъ, и онъ, пьяный, съ двумя также сильно выпившими офицерами, вернулся въ домъ и принялся обнимать Каменева.

— А я вамъ, — сказалъ Каменевъ, — Хаджи Мурата голову привезъ.

— Врешь? Убили?

— Да, бѣжать хотѣлъ.

— Я говорилъ, что надуетъ. Такъ гдѣ же она, голова-то? Покажи-ка.

Крикнули казака, и онъ внесъ мѣшокъ съ головой. Голову вынули, и Иванъ Матвѣевичъ пьяными глазами долго смотрѣлъ на нее.

— А все-таки молодчина былъ, — сказалъ онъ. — Дай, я его поцѣлую.

— Да, правда, лихая была голова, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

Когда всѣ осмотрѣли голову, ее отдали опять казаку. Казакъ положилъ ее въ мѣшокъ, стараясь опустить на полъ такъ, чтобы она какъ можно слабѣе стукнула.

— А что жъ, ты, Каменевъ, приговариваешь что, когда-показываешь?—говорилъ одинъ офицеръ.

— Нѣтъ, дай я его поцѣлую, онъ мнѣ шашку подарилъ, — кричалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Бутлеръ вышелъ на крыльцо. Марья Дмитріевна сидѣла на второй ступенькѣ. Она оглянулась на Бутлера и тотчасъ сердито отвернулась.

— Чего вы, Марья Дмитріевна?—спросилъ Бутлеръ.

— Всѣ вы живорѣзы, терпѣть не могу, живорѣзы, право,— сказала она, вставая.

— То же со всѣми можетъ быть, — сказалъ Бутлеръ, не зная, что говорить. — На то война.

— Война? Какая война? Живорѣзы, — вотъ и все. Мертвое тѣло землѣ предать надо, а они зубоскалятъ. Живорѣзы, право,— повторила она и сошла съ крыльца и ушла въ домъ черезъ задній ходъ.

Бутлеръ вернулся въ горницу и попросилъ Каменева разсказать подробнѣе, какъ было все дѣло.

И Каменевъ разсказалъ.

Дѣло было вотъ какъ.

XXV.

Хаджи-Мурату было разрѣшено кататься верхомъ вблизи города и непремѣнно съ конвоемъ казаковъ. Казаковъ всѣхъ въ Нухѣ была полусотня, изъ которыхъ разобрано было по начальству человѣкъ десять, остальныхъ же, если ихъ посылать, какъ было приказано, по десять человѣкъ, приходилось наряжать черезъ день. И потому въ первый день послали десять казаковъ, а потомъ рѣшили посылать по пяти человѣкъ, прося Хаджи-Мурата не брать съ собой всѣхъ своихъ нукеровъ.

Но 25-го апрѣля Хаджи-Муратъ выѣхалъ на прогулку со всѣми пятью. Въ то время, какъ Хаджи-Муратъ садился на лошадь, воинскій начальникъ замѣтилъ, что всѣ пять нукеровъ собирались ѣхать съ Хаджи-Муратомъ, и сказалъ ему, что ему не позволено брать съ собой всѣхъ, но Хаджи-Муратъ какъ будто не слыхалъ, тронулъ лошадь, и воинскій начальникъ не сталъ настаивать. Съ казаками былъ урядникъ, георгіевскій кавалеръ, въ скобку стриженый, молодой, кровь съ молокомъ, здоровый русый малый Назаровъ. Онъ былъ старшій въ бѣдной старообрядческой семьѣ, выросшій безъ отца и кормившій старую мать съ тремя дочерьми и двумя братьями.

— Смотри, Назаровъ, не пускай далеко, — крикнулъ воинскій начальникъ.

— Слушаю, ваше благородіе, — отвѣтилъ Назаровъ и, поднимаясь на стременахъ, тронулъ рысью, придерживая за плечомъ винтовку, своего добраго, крупнаго рыжаго мерина. Четыре казака ѣхали за нимъ: Ферапонтовъ, длинный, худой, первый воръ и добычникъ,—тотъ самый, который продалъ порохъ Гамзалѣ; Игнатовъ, отслуживающій срокъ, немолодой человѣкъ, здоровый мужикъ, хваставшійся своей силой; Мишкинъ, слабосильный малолѣтокъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, и Петраковъ, молодой, бѣлокурый, единственный сынъ у матери, всегда ласковый и веселый.

Съ утра былъ туманъ, но къ завтраку погода разгулялась, и солнце блестѣло и на только что распустившейся листвѣ и, на молодой, дѣвственной травѣ, и на всходахъ хлѣбовъ, и на ряби быстрой рѣки, виднѣвшейся налѣво отъ дороги. Хаджи-Муратъ ѣхалъ шагомъ; казаки и его нукеры, не отставая, слѣдовали за нимъ. Выѣхали шагомъ по дорогѣ за крѣпостью. Встрѣчались женщины съ корзинами на головахъ, солдаты на повозкахъ и скрипящія арбы на буйволахъ. Отъѣхавъ версты двѣ, Хаджи-Муратъ тронулъ своего бѣлаго кабардинца; онъ

пошелъ проѣздомъ такъ, что его нукеры шли большой рысью. Такъ же ѣхали и казаки.

— Эхъ, лошадь добра подъ нимъ,—сказалъ Ферапонтовъ.— Кабы въ ту пору, какъ онъ не мирной былъ, ссадилъ бы его.

— Да, братъ, за эту лошадку триста рублей давали въ Тифлисѣ.

— А я на своемъ перегоню, — сказалъ Назаровъ.

— Какъ же, перегонишь, — сказалъ Ферапонтовъ.

Хаджи-Муратъ все прибавлялъ хода.

— Эй, кунакъ, нельзя такъ. Потише! — прокричалъ Назаровъ, догоняя Хаджи-Мурата.

Хаджи-Муратъ оглянулся и, ничего не сказавъ, продолжалъ ѣхать тѣмъ же проѣздомъ, не уменьшая хода.

— Смотри, задумали что, черти, — сказалъ Игнатовъ. — Вишь, лупятъ.

Такъ прошли съ версту по направленію къ горамъ.

— Я говорю, нельзя! — закричалъ опять Назаровъ.

Хаджи-Муратъ не отвѣчалъ и не оглядывался, только еще прибавлялъ хода и съ проѣзда перешелъ на скокъ.

— Врешь, не уйдешь! — крикнулъ Назаровъ, задѣтый за живое.

Онъ ударилъ плетью своего крупнаго рыжаго мерина и, привставъ на стременахъ и нагнувшись впередъ, пустилъ его во весь махъ за Хаджи-Муратомъ.

Небо было такъ ясно, воздухъ такъ свѣжъ, силы жизни такъ радостно играли въ душѣ Назарова, когда онъ, слившись въ одно существо съ доброю, сильною лошадью, летѣлъ по ровной дорогѣ за Хаджи-Муратомъ, что ему и въ голову не приходила возможность чего-либо печальнаго или страшнаго. Онъ радовался, что съ каждымъ скокомъ напиралъ на Хаджи-Мурата и приближался къ нему. Хаджи-Муратъ сообразилъ по топоту приближающейся къ нему крупной лошади казака, что онъ накороткѣ долженъ настигнуть его, и, взявшись правой рукой за пистолетъ, лѣвой сталъ слегка сдерживать своего разгорячившагося и слышавшаго за собой лошадиный топотъ кабардинца.

— Нельзя, говорю! — крикнулъ Назаровъ, почти равняясь съ Хаджи-Муратомъ и протягивая руку, чтобы схватить за поводъ его лошадь. Но не успѣлъ охъ схватиться за поводъ, какъ раздался выстрѣлъ.

— Что же это ты дѣлаешь? — закричалъ Назаровъ и схватился за грудь.

— Бей ихъ, ребята, — проговорилъ онъ и, шатаясь, повалился на луку сѣдла.

Но горцы прежде казаковъ взялись за оружіе и били казаковъ изъ пистолетовъ и рубили ихъ шашками. Назаровъ висѣлъ на шеѣ носившей его вокругъ товарищей лошади. Подъ Игнатовымъ упала лошадь, придавивъ ему ногу. Двое горцевъ, выхвативъ шашки, не слѣзая, полосовали его по головѣ и рукамъ. Петраковъ бросился было къ товарищу, но тутъ же два выстрѣла, одинъ въ спину, другой въ бокъ, сожгли его, и онъ, какъ мѣшокъ, кувыркнулся съ лошади.

Мишкинъ повернулъ лошадь назадъ и поскакалъ къ крѣпости. Ханефи съ Ханъ-Магомой бросились за нимъ, но онъ былъ уже далеко впереди, и горцы не могли догнать его.

Увидавъ, что они не могутъ догнать казака, Ханефи съ Ханъ-Магомой вернулись къ своимъ. Гамзало, добивъ кинжаломъ Игнатова, прирѣзалъ и Назарова, сваливъ его съ лошади. Ханъ-Магома снималъ съ убитыхъ сумки съ патронами. Ханефи хотѣлъ взять лошадь Назарова, но Хаджи-Муратъ крикнулъ ему, что не надо, и пустился впередъ по дорогѣ. Мюриды его поскакали за нимъ, отгоняя отъ себя бѣжавшую за ними лошадь Назарова. Они были уже версты за три отъ Нухи среди рисовыхъ полей, когда раздался выстрѣлъ съ башни, означавшій тревогу.

Петраковъ лежалъ навзничь съ взрѣзаннымъ животомъ, и его молодое лицо было обращено къ небу, и онъ, какъ рыба, всхлипывая, умиралъ.

— Батюшки, отцы мои родные, что надѣлали!—вскрикнулъ схватившійся за голову начальникъ крѣпости, когда узналъ о побѣгѣ Хаджи-Мурата.—Голову сняли. Упустили, разбойники!—кричалъ онъ, слушая донесеніе Мишкина.

Тревога была дана вездѣ, и не только всѣ бывшіе въ наличности казаки были посланы за бѣжавшими, но собраны были и всѣ, какихъ можно было собрать, милиціонеры изъ мирныхъ ауловъ. Объявлено было тысячу рублей награды тому, кто привезетъ живого или мертваго Хаджи-Мурата. И черезъ два часа послѣ того, какъ Хаджи-Муратъ съ товарищами ускакали отъ казаковъ, больше двухсотъ человѣкъ конныхъ скакали за приставомъ отыскивать и ловить бѣжавшихъ.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ по большой дорогѣ, Хаджи-Муратъ сдержалъ своего тяжело дышавшаго и посѣрѣвшаго отъ пота бѣлаго коня и остановился. Вправо отъ дороги виднѣлись сакли и минаретъ аула Беларджикъ, налѣво были поля, и въ

концѣ ихъ виднѣлась рѣка. Несмотря на то, что путь въ горы лежалъ направо, Хаджи-Муратъ повернулъ въ противоположную сторону, влѣво, разсчитывая на то, что погоня бросится за нимъ именно направо. Онъ же, безъ дороги переправясь черезъ Алазань, выѣдетъ на большую дорогу, гдѣ его никто не будетъ ожидать, и проѣдетъ по ней до лѣса и тогда уже, вновь переѣхавъ черезъ рѣку, проберется въ горы. Рѣшивъ это, онъ повернулъ влѣво. Но доѣхать до рѣки оказалось невозможнымъ. Рисовое поле, черезъ которое надо было ѣхать, какъ это всегда дѣлается весной, было только что залито водой и превратилось въ трясину, въ которой выше бабки вязли лошади. Хаджи-Муратъ и его нукеры брали направо, налѣво, думая, что найдутъ болѣе сухое мѣсто, но то поле, на которое они попали, было все равномѣрно залито и теперь пропитано водой. Лошади съ звукомъ хлопанія пробки вытаскивали утопающія ноги въ вязкой грязи и, пройдя нѣсколько шаговъ, тяжело дыша, останавливались.

Такъ они бились такъ долго, что начало смеркаться, а они все еще не доѣхали до рѣки. Влѣво былъ островокъ распустившихся кустовъ, и Хаджи-Муратъ рѣшилъ въѣхать въ эти кусты и тамъ, давъ отдыхъ измученнымъ лошадямъ, пробыть до ночи. Въѣхавъ въ кусты, Хаджи-Муратъ и его нукеры слѣзли съ лошадей и, стреноживъ ихъ, пустили кормиться, сами же поѣли взятаго съ собой хлѣба и сыра. Молодой мѣсяцъ, свѣтившій сначала, зашелъ за горы, и ночь была темная. Соловьевъ въ Нухѣ было особенно много. Два было и въ этихъ кустахъ. Пока Хаджи-Муратъ съ своими людьми шумѣлъ, въѣзжая въ кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, они опять защелкали, перекликаясь. Хаджи-Муратъ, прислушиваясь къ звукамъ ночи, невольно слушалъ ихъ.

И ихъ свистъ напомнилъ ему ту пѣсню о Гамзатѣ, которую онъ слушалъ нынче ночью, когда выходилъ за водой. Онъ всякую минуту теперь могъ быть въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ Гамзатъ. Ему подумалось, что это такъ и будетъ, и ему вдругъ стало серьезно на душѣ. Онъ разостлалъ бурку и совершилъ намазъ. И едва только окончилъ его, какъ послышались приближающіеся къ кустамъ звуки. Это были звуки большого количества лошадиныхъ ногъ, шлепавшихъ по трясинѣ. Быстроглазый Ханъ-Магома, выбѣжавъ на одинъ край кустовъ, высмотрѣлъ въ темнотѣ черныя тѣни конныхъ и пѣшихъ. Ханефи увидалъ такую же толпу съ другой стороны. Это былъ Каргановъ, уѣздный воинскій начальникъ, съ своими милиціонерами.

— «Что жъ, будемъ биться, какъ Гамзатъ», подумалъ Хаджи-Муратъ.

Послѣ того, какъ дана была тревога, Каргановъ съ сотней милиціонеровъ и казаковъ бросился въ догоню Хаджи-Мурата, но нигдѣ не нашелъ ни его, ни слѣдовъ его. Каргановъ уже возвращался безнадежно домой, когда передъ вечеромъ ему встрѣтился старикъ. Каргановъ спросилъ у старика, не видалъ ли онъ конныхъ. Старикъ отвѣчалъ, что видѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ шесть конныхъ кружились по рисовому полю и въѣхали въ кусты, въ которыхъ онъ собиралъ дрова. Каргановъ, захвативъ съ собою старика, вернулся назадъ и, по виду стреноженныхъ лошадей увѣрившись, что Хаджи-Муратъ тутъ, ночью уже окружилъ кусты и сталъ дожидаться утра, чтобы взять Хаджи-Мурата, живого или мертваго.

Понявъ, что онъ окруженъ, Хаджи Муратъ, высмотрѣвъ въ серединѣ кустовъ старую канаву, рѣшилъ засѣсть въ ней и отбиваться, пока будутъ заряды и силы. Онъ сказалъ это своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ дѣлать завалъ на канавѣ. И нукеры тотчасъ же взялись рубить вѣтки, копать кинжалами землю и дѣлать насыпь. Хаджи-Муратъ работалъ вмѣстѣ съ ними.

Какъ только стало свѣтать, такъ къ кустамъ близко подъѣхалъ сотенный командиръ милиціи и закричалъ:

— Эй, Хаджи-Муратъ, сдавайся! Насъ много, а васъ мало.

Въ отвѣтъ на это изъ канавы показался дымокъ, щелкнула винтовка, и пуля попала въ лошадь милиціонера, которая шарахнулась подъ нимъ и стала падать. Вслѣдъ за этимъ затрещали винтовки милиціонеровъ, стоявшихъ на опушкѣ кустовъ, и пули ихъ, свистя и жужжа, обивали листья и сучья и попадали въ завалъ, но не попадали въ людей, сидѣвшихъ за заваломъ. Только одна отбившаяся лошадь Гамзалы была подбита ими. Лошадь была ранена въ голову. Она не упала, но, разорвавъ треногу, треща по кустамъ, бросилась къ другимъ лошадямъ и прижалась къ нимъ, поливая кровью молодую траву. Хаджи-Муратъ и его люди стрѣляли только тогда, когда кто-либо изъ милиціонеровъ выдавался впередъ, и рѣдко миновали цѣли. Три человѣка изъ милиціонеровъ были ранены, и [остальные] не только не рѣшались броситься на Хаджи-Мурата и его людей, но все болѣе отдалялись отъ нихъ и стрѣляли только издалека, наобумъ.

Такъ продолжалось болѣе часа. Солнце вошло въ полдерева, и Хаджи-Муратъ уже думалъ сѣсть на лошадей и попытаться пробиться къ рѣкѣ, когда послышались крики вновь прибывшей

большой партіи. Это былъ Хаджи-Ага мехтулинскій съ своими людьми. Ихъ было человѣкъ двѣсти. Хаджи-Ага былъ когда-то кунакъ Хаджи-Мурата и жилъ съ нимъ въ горахъ, но потомъ перешелъ къ русскимъ. Съ ними же былъ Ахметъ-Ханъ, сынъ врага Хаджи-Мурата. Хаджи-Ага такъ же, какъ Каргановъ, началъ съ того, что закричалъ Хаджи-Мурату, чтобы онъ сдавался, но такъ же, какъ и въ первый разъ, Хаджи-Муратъ отвѣтилъ выстрѣломъ.

— Въ шашки, ребята!—крикнулъ Хаджи-Ага, выхвативъ свою, и послышались сотни голосовъ людей, съ визгомъ бросившихся въ кусты.

Милиціонеры вбѣжали въ кусты, но изъ-за завала затрещало одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Человѣка три упали, и нападавшіе остановились на опушкѣ кустовъ и тоже стали стрѣлять. Они стрѣляли, вмѣстѣ съ тѣмъ понемногу приближались къ завалу, перебѣгая отъ куста къ кусту. Нѣкоторые успѣвали перебѣгать, нѣкоторые попадали подъ пули Хаджи-Мурата и его людей. Хаджи-Муратъ билъ безъ промаха; точно такъ же рѣдко выпускалъ выстрѣлъ задаромъ Гамзало и всякій разъ радостно визжалъ, когда видѣлъ, что пули его попадали. Курбанъ сидѣлъ съ краю канавы и пѣлъ: «Ля илляхъ иль Алла» и, не торопясь, стрѣлялъ, но попадалъ рѣдко. Элдаръ же дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ нетерпѣнія броситься на враговъ съ кинжаломъ и стрѣлялъ часто и какъ попало, безпрестанно оглядываясь на Хаджи-Мурата и высовываясь изъ-за завала. Волосатый Ханефи съ засученными рукавами и тутъ исполнялъ должность слуги. Онъ заряжалъ ружья, которыя ему передавали Хаджи-Муратъ и Курбанъ, старательно загоняя желѣзнымъ шомполомъ обернутыя въ намасленные хлюсты пульки и подсыпая изъ натруски сухой порохъ на полки. Ханъ-Магома же не сидѣлъ, какъ другіе, въ канавѣ, а перебѣгалъ изъ канавы къ лошадямъ, загоняя ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, и не переставая визжалъ и стрѣлялъ съ руки, безъ подсошекъ. Его перваго ранили. Пуля попала ему въ шею, и онъ сѣлъ на задъ, плюя кровью и ругаясь. Потомъ раненъ былъ Хаджи-Муратъ. Пуля пробила ему плечо. Хаджи-Муратъ вырвалъ вату изъ бешмета, заткнулъ себѣ рану и продолжалъ стрѣлять.

— Бросимся въ шашки,—въ третій разъ говорилъ Элдаръ.

Онъ высунулся изъ-за завала, готовый броситься на враговъ, но въ ту же минуту пуля ударила въ него, и онъ зашатался и упалъ навзничь, на ногу Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ взглянулъ на него. Бараньи, прекрасные глаза пристально

и серьезно смотрѣли на Хаджи-Мурата. Ротъ, съ выдающейся, какъ у дѣтей, верхней губой дергался не раскрываясь. Хаджи-Муратъ выпросталъ изъ-подъ него ногу и продолжалъ цѣлиться. Ханефи нагнулся надъ убитымъ Элдаромъ и сталъ выбирать не разстрѣлянные заряды изъ его черкески. Курбанъ между тѣмъ все пѣлъ, медленно заряжая и цѣлясь.

Враги, перебѣгая отъ куста къ кусту съ гиканьемъ и визгомъ, все ближе и ближе придвигались. Еще пуля попала Хаджи-Мурату въ лѣвый бокъ. Онъ легъ въ канаву и опять, вырвавъ изъ бешмета кусокъ ваты, заткнулъ рану. Рана въ бокъ была смертельна, и онъ чувствовалъ, что умираетъ. Воспоминанія и образы съ необыкновенной быстротой смѣнялись въ его воображеніи одно другимъ. То онъ видѣлъ передъ собой силача Абунунцалъ-Хана, какъ онъ, придерживая рукою отрубленную, висящую щеку, съ кинжаломъ въ рукѣ бросился на врага; то видѣлъ слабаго, безкровнаго старика Воронцова съ его хитрымъ бѣлымъ лицомъ и слышалъ его мягкій голосъ; то видѣлъ сына Юсуфа, то жену Софіатъ, то блѣдное, съ рыжей бородой и прищуренными глазами лицо врага своего Шамиля.

И всѣ эти воспоминанія пробѣгали въ его воображеніи, не вызывая въ немъ никакого чувства, ни жалости, ни злобы, ни какого-либо желанія. Все это казалось такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что начиналось и уже началось для него. А между тѣмъ его сильное тѣло продолжало дѣлать начатое. Онъ собралъ послѣднія силы, поднялся изъ-за завала и выстрѣлилъ изъ пистолета въ подбѣгавшаго человѣка и попалъ въ него. Человѣкъ упалъ. Потомъ онъ совсѣмъ вылѣзъ изъ канавы и съ кинжаломъ пошелъ прямо, тяжело хромая, навстрѣчу врагамъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, онъ зашатался и упалъ. Нѣсколько человѣкъ милиціонеровъ съ торжествующимъ визгомъ бросились къ упавшему тѣлу. Но то, что казалось имъ мертвымъ тѣломъ, вдругъ зашевелилось. Сначала поднялась окровавленная, безъ папахи, бритая голова, потомъ туловище и, ухватившись за дерево, онъ поднялся весь. Онъ такъ казался страшенъ, что подбѣгавшіе остановились. Но вдругъ онъ дрогнулъ, отшатнулся отъ дерева и со всего роста, какъ подкошенный репей, упалъ на лицо и уже не двигался.

Онъ не двигался, но еще чувствовалъ. Когда первый подбѣжавшій къ нему Хаджи-Ага ударилъ его большимъ кинжаломъ по головѣ, ему казалось, что его молоткомъ бьютъ по головѣ, и онъ не могъ понять, кто это дѣлаетъ и зачѣмъ. Это было послѣднее сознаніе его связи съ своимъ тѣломъ. Больше онъ уже

ничего не чувствовалъ, и враги топтали и рѣзали то, что не имѣло уже ничего общаго съ нимъ. Хаджи-Ага наступилъ ногой на спину тѣла и съ двухъ ударовъ отсѣкъ голову и осторожно чтобы не запачкать въ кровь чувяки, откатилъ ее ногой. Алая кровь хлынула изъ артерій шеи и черная изъ головы и залила траву.

И Каргановъ, и Хаджи-Ага, и Ахметъ-Ханъ, и всѣ милиціонеры, какъ охотникъ надъ убитымъ звѣремъ, собрались надъ тѣлами Хаджи-Мурата и его людей (Ханефи, Курбана и Гамзалу связали) и, въ пороховомъ дыму стоявшіе въ кустахъ, весело разговаривая, торжествовали свою побѣду.

Соловьи, смолкнувшіе во время стрѣльбы, опять защелкали, сперва одинъ близко и потомъ другіе на дальнемъ концѣ.

Вотъ эту-то смерть и напомнилъ мнѣ раздавленный репей среди вспаханнаго поля.

1896—1898; 1901—1904 гг.

ОТЕЦЪ СЕРГІЙ.

I.

Въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ случилось удивившее всѣхъ событіе: красавецъ князь, командиръ лейбъ-эскадрона кирасирскаго полка, которому всѣ предсказывали флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императорѣ Николаѣ I, за мѣсяцъ до свадьбы съ красавицей фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подалъ въ отставку, разорвалъ свою связь съ невѣстой, отдалъ небольшое имѣніе свое сестрѣ и уѣхалъ въ монастырь съ намѣреніемъ поступить въ него монахомъ.

Событіе казалось необыкновеннымъ и необъяснимымъ для людей, не знавшихъ внутреннихъ причинъ его; для самого же князя Степана Касатскаго все это сдѣлалось такъ естественно, что онъ не могъ и представить себѣ, какъ бы онъ могъ поступить иначе.

Отецъ Степана Касатскаго, отставной полковникъ гвардіи, умеръ, когда сыну было двѣнадцать лѣтъ. Какъ ни жаль было матери отдавать сына изъ дома, она не рѣшилась не исполнить воли покойнаго мужа, который, въ случаѣ своей смерти, завѣщалъ не держать сына дома, а отдать въ корпусъ,— и отдала его въ корпусъ. Сама же вдова съ дочерью Варварой переѣхала въ Петербургъ, чтобы жить тамъ же, гдѣ сынъ, и брать его на праздники.

Мальчикъ выдавался блестящими способностями и огромнымъ самолюбіемъ, вслѣдствіе чего онъ былъ первымъ и по наукамъ, въ особенности по математикѣ, къ которой онъ имѣлъ особенное пристрастіе, и по фронту, и верховой ѣздѣ. Несмотря на свой выше обыкновеннаго ростъ, онъ былъ красивъ и ловокъ. Кромѣ того, и по поведенію онъ былъ бы образцовымъ кадетомъ, если бы не его вспыльчивость. Онъ не пилъ, не распутничалъ и былъ замѣчательно правдивъ. Одно, что мѣшало ему быть образцовымъ,

были находившія на него вспышки гнѣва, во время которыхъ онъ совершенно терялъ самообладаніе и дѣлался звѣремъ. Одинъ разъ онъ чуть не выкинулъ изъ окна кадета, начавшаго трунить надъ его коллекціей минераловъ. Другой разъ онъ чуть было не погибъ: цѣлымъ блюдомъ котлетъ пустилъ въ эконома, бросился на офицера, и говорили, что ударилъ его за то, что тотъ отрекся отъ своихъ словъ и прямо въ лицо солгалъ. Его навѣрно бы разжаловали въ солдаты, если бы директоръ корпуса не скрылъ все дѣло и не выгналъ эконома.

Восемнадцати лѣтъ онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій аристократическій полкъ. Императоръ Николай Павловичъ зналъ его еще въ корпусѣ и отличалъ его и послѣ въ полку, такъ что ему пророчили флигель-адъютантство. И Касатскій сильно желалъ этого не только изъ честолюбія, но, главное, потому, что еще со временъ корпуса страстно, именно страстно любилъ Николая Павловича. Всякій пріѣздъ Николая Павловича въ корпусъ, — а онъ часто ѣзжалъ къ нимъ, — когда входила бодрымъ шагомъ эта высокая. . . . .

. . . .

фигура въ военномъ сюртукѣ и могучимъ голосомъ здоровалась съ кадетами,—Касатскій испытывалъ восторгъ влюбленнаго, такой же, какой онъ испытывалъ послѣ, когда онъ встрѣчалъ предметъ любви. Только влюбленный восторгъ къ Николаю Павловичу былъ сильнѣе: хотѣлось показать ему свою безпредѣльную преданность, пожертвовать чѣмъ-нибудь, всѣмъ — собою — ему. И Николай Павловичъ зналъ, что возбуждаетъ этотъ восторгъ, и умышленно вызывалъ его. Онъ игралъ съ кадетами, окружалъ себя ими, то ребячески просто, то дружески, то торжественно-величественно обращаясь съ ними. Послѣ послѣдней исторіи Касатскаго съ офицеромъ, Николай Павловичъ ничего не сказалъ Касатскому, но, когда тотъ близко подошелъ къ нему, онъ театрально отстранилъ его, и, нахмурившись, погрозилъ пальцемъ и потомъ уѣзжая, сказалъ:

— Знайте, что мнѣ все извѣстно, но нѣкоторыя вещи я не хочу знать. Но онѣ здѣсь.

Онъ показалъ на сердце.

Когда же выпущенные кадеты являлись къ нему, онъ уже не поминалъ объ этомъ, сказалъ, какъ всегда, что они всѣ могутъ прямо обращаться къ нему, чтобы они вѣрно служили ему и отечеству, а онъ всегда останется ихъ первымъ другомъ. Всѣ, какъ всегда, были тронуты, а Касатскій, помня прошедшее, плакалъ слезами и далъ обѣтъ служить любимому царю всѣми своими силами.

Когда Касатскій вышелъ въ полкъ, мать его переѣхала съ дочерью сначала въ Москву, а потомъ въ деревню. Касатскій отдалъ сестрѣ половину состоянія, и то, что оставалось у него, было только достаточно для того, чтобы содержать себя въ томъ роскошномъ полку, въ которомъ онъ служилъ.

Съ внѣшней стороны Касатскій казался самымъ обыкновеннымъ молодымъ, блестящимъ гвардейцемъ, дѣлающимъ карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа съ самаго его дѣтства шла, повидимому, самая разнообразная, но въ сущности все одна и та же, состоящая въ томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, представлявшихся ему на пути, достигать совершенства и успѣха, вызывающаго похвалы и удивленіе людей. Было ли это ученье, науки — онъ брался за нихъ и работалъ до тѣхъ поръ, пока его хвалили и ставили въ примѣръ другимъ. Добившись одного, онъ брался за другое. Такъ онъ добился перваго мѣста по наукамъ; такъ онъ, еще будучи въ корпусѣ, замѣтивъ разъ за собой неловкость въ разговорѣ по-французски, добился того, чтобы овладѣть французскимъ, какъ русскимъ; такъ онъ потомъ, занявшись шахматами, добился того, что, еще будучи въ корпусѣ, сталъ отлично играть.

Всегда, кромѣ общаго призванія жизни, которое состояло въ служеніи царю и отечеству, у него всегда была поставлена какая-нибудь цѣль, и какъ бы ничтожна она ни была, онъ отдавался ей весь и жилъ только для нея до тѣхъ поръ, пока не достигалъ ея. Но какъ только онъ достигалъ назначенной цѣли, такъ другая тотчасъ вырастала въ его сознаніи и смѣняла прежнюю. Это-то стремленіе отличиться и для того, чтобы отличиться, достигнуть поставленной цѣли, наполняло его жизнь. Такъ, по выходѣ въ офицеры, онъ задался цѣлью наивозможнѣйшаго совершенства въ знаніи службы и очень скоро сталъ образцовымъ офицеромъ, хотя и опять съ тѣмъ недостаткомъ неудержимой вспыльчивости, которая и на службѣ вовлекла его въ дурные и вредные для успѣха поступки. Потомъ, почувствовавъ разъ въ свѣтскомъ разговорѣ свой недостатокъ общаго образованія, задался мыслью пополнить его и засѣлъ за книги, и добился того, чего хотѣлъ. Потомъ онъ задался мыслью достигнуть блестящаго положенія въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, выучился отлично танцовать и очень скоро достигъ того, что былъ званъ на всѣ великосвѣтскіе балы и на нѣкоторые вечера. Но это положеніе не удовлетворяло его. Онъ привыкъ быть первымъ, а въ этомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ имъ.

Высшее общество тогда состояло да, я думаю, всегда и вездѣ состоитъ изъ четырехъ сортовъ людей: изъ 1) людей богатыхъ и

придворныхъ; изъ 2) небогатыхъ людей, но родившихся и выросшихъ при дворѣ; 3) изъ богатыхъ людей, поддѣлывающихся къ придворнымъ, и 4) изъ небогатыхъ и непридворныхъ людей, поддѣлывающихся къ первымъ и вторымъ. Касатскій не принадлежалъ къ первымъ: онъ былъ охотно принимаемъ въ послѣдніе два круга. Даже вступая въ свѣтъ, онъ задалъ себѣ цѣлью связь съ женщиной свѣта и, неожиданно для себя, скоро достигъ этого. Но очень скоро онъ увидалъ, что тѣ круги, въ которыхъ онъ вращался, были круги низшіе, а что были высшіе круги, и что въ этихъ высшихъ придворныхъ кругахъ, хотя его и принимали, онъ былъ чужой; съ нимъ были учтивы, но все обращеніе показывало, что есть свои, и онъ не свой. И Касатскій захотѣлъ быть тамъ своимъ. Для этого надо было быть или флигель-адъютантомъ,—и онъ дожидался этого,—или жениться въ этомъ кругу. И онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ это. И онъ избралъ дѣвушку красавицу, придворную, не только свою въ томъ обществѣ, въ которое онъ хотѣлъ вступить, но такую, съ которой старались сближаться всѣ самые высоко и твердо поставленные въ высшемъ кругу люди. Это была графиня Короткова. Касатскій не для одной карьеры сталъ ухаживать за Коротковой—она была необыкновенно привлекательна, и онъ скоро влюбился въ нее. Сначала она была особенно холодна къ нему, но потомъ вдругъ все измѣнилось, и она стала ласкова, и ея мать особенно усиленно приглашала его къ себѣ.

Касатскій сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. Онъ былъ удивленъ легкостью, съ которой онъ достигъ такого счастья, и чѣмъ-то особеннымъ, страннымъ въ обращеніи и матери и дочери. Онъ былъ очень влюбленъ и ослѣпленъ, и потому не замѣтилъ того, что знали почти всѣ въ городѣ: что его невѣста была за годъ тому назадъ любовницей Николая Павловича.

II.

За двѣ недѣли до назначеннаго дня свадьбы Касатскій сидѣлъ въ Царскомъ Селѣ на дачѣ у своей невѣсты. Былъ жаркій майскій день. Женихъ съ невѣстой походили по саду и сѣли на лавочкѣ въ тѣнистой липовой аллеѣ. Мэри была особенно хороша въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Она казалась олицетвореніемъ невинности и любви. Она сидѣла, то опустивъ голову, то взглядывая на огромнаго красавца, который съ особенной нѣжностью, осторожностью говорилъ съ ней, каждымъ своимъ жестомъ, словомъ боясь оскорбить, осквернить ангельскую чистоту невѣсты. Касатскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ сороковыхъ

годовъ, которыхъ уже нѣтъ нынче,—къ людямъ, которые, сознательно допуская для себя и внутренно не осуждая нечистоту въ половомъ отношенiи, требовали отъ жены идеальной, небесной чистоты, и эту самую небесную чистоту признавали въ каждой дѣвушкѣ своего круга, и такъ относились къ нимъ.

Въ такомъ взглядѣ было много невѣрнаго и вреднаго въ той распущенности, которую позволяли себѣ мужчины; но по отношенiю женщинъ такой взглядъ, рѣзко отличающiйся отъ взгляда теперешнихъ молодыхъ людей, видящихъ въ каждой женщинѣ—дѣвушкѣ ищущую себѣ дружку самку,—такой взглядъ былъ, я думаю, полезенъ. Дѣвушки, видя такое обоготворенiе, старались и быть болѣе или менѣе богинями. Такого взгляда на женщинъ держался и Касатскiй и такъ смотрѣлъ на свою невѣсту. Онъ былъ особенно влюбленъ въ этотъ день и не испытывалъ ни малѣйшей чувственности къ невѣстѣ,—напротивъ, съ умиленiемъ смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто недосягаемое.

Онъ всталъ во весь свой большой ростъ и сталъ передъ нею, опершись обѣими руками на саблю.

— Я только теперь узналъ все то счастье, которое можетъ испытать человѣкъ! И это вы, это ты,—сказалъ онъ, робко улыбаясь,—дала мнѣ это!

Онъ былъ въ томъ перiодѣ, когда «ты» еще не сдѣлалось привычно, и ему, смотря нравственно снизу вверхъ на нее, страшно было говорить «ты» этому ангелу.

— Я себя узналъ благодаря... тебя, узналъ, что я лучше, чѣмъ думалъ.

— Я давно это знаю. Я за то-то и полюбила васъ.

Соловей защелкалъ вблизи, свѣжая листва зашевелилась отъ набѣжавшаго вѣтерка.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее, и слезы выступили ему на глаза. Она поняла, что онъ благодаритъ ее за то, что она сказала, что полюбила его. Онъ прошелся, помолчалъ, потомъ подошелъ, сѣлъ.

— Вы знаете, ты знаешь... Ну, все равно. Я сблизился съ тобой не безкорыстно, я хотѣлъ установить связи съ свѣтомъ, но потомъ... какъ ничтожно стало это въ сравненiи съ тобой, когда я узналъ тебя. Ты не сердишься на меня за это?

Она не отвѣчала и только тронула рукой его руку.

Онъ понялъ, что это значило: «нѣтъ, не сержусь».

— Да ты вотъ сказала,—онъ замялся, ему показалось это слишкомъ дерзко,—ты сказала, что полюбила меня, но—прости меня, я вѣрю, но что-то, кромѣ этого, есть, что тебя тревожитъ и мѣшаетъ. Что это?

«Да, теперь или никогда,—подумала она;—все равно онъ узнаетъ. Но теперь онъ не уйдетъ. Ахъ, если бы онъ ушелъ, это было бы ужасно!»

И она любовнымъ взглядомъ окинула всю его большую, благородную, могучую фигуру. Она любила его теперь больше . . . . не промѣняла бы этого на того.

— Послушайте, я не могу быть неправдива. Я должна сказать все. Вы спрашиваете—что̀? То̀, что я любила.

Она положила свою руку на его умоляющимъ жестомъ.

Онъ молчалъ.

— Вы хотите знать — кого? Да его . . . .

— Мы всѣ любимъ его; я воображаю, вы въ институтѣ...

— Нѣтъ, послѣ. Это было увлеченье, но потомъ прошло... Но я должна сказать...

— Ну, такъ что же?

— Нѣтъ, я не просто..

Она закрыла лицо руками.

— Какъ? Вы отдались ему?

Она молчала.

— Любовницей?

Она молчала.

Онъ вскочилъ и блѣдный, какъ смерть, съ трясущимися скулами, стоялъ передъ нею. Онъ вспомнилъ теперь, какъ . . . .

— Боже мой! Что я сдѣлала! Стива!

— Не трогайте, не трогайте меня. О, какъ больно!

Онъ повернулся и пошелъ къ дому.

Въ домѣ онъ встрѣтилъ мать.

— Вы что, князь? Я...

Она замолчала, увидавъ его лицо. Кровь вдругъ ударила ему въ лицо.

— Вы знали это и мной хотѣли прикрыть ихъ. Если бы вы не были женщины!—вскрикнулъ онъ, поднявъ огромный кулакъ надъ нею и, повернувшись убѣжалъ. . . . .

На другой же день онъ подалъ въ отпускъ и отставку и сказался больнымъ, чтобы никого не видѣть, и поѣхалъ въ деревню.

Лѣто онъ провелъ въ своей деревнѣ, устраивая свои дѣла. Когда же кончилось лѣто, онъ не вернулся въ Петербургъ, а поѣхалъ въ монастырь и поступилъ [въ] него монахомъ.

Мать писала ему, отговаривая отъ такого рѣшительнаго шага. Онъ отвѣчалъ ей, что призваніе Бога выше всѣхъ другихъ соображеній, а онъ чувствуетъ его. Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, какъ и братъ, понимала его. Она понимала, что онъ сталъ монахомъ, чтобы стать выше тѣхъ, которые хотѣли показать ему, что они стоятъ выше его.

И она понимала его вѣрно. Поступая въ монахи, онъ показывалъ, что презираетъ все то, что казалось столь важнымъ другимъ и ему самому въ то время, какъ онъ служилъ, и становился на новую такую высоту, съ которой онъ могъ сверху внизъ смотрѣть на тѣхъ людей, которымъ онъ прежде завидовалъ. Но не одно это чувство, какъ думала сестра его Варенька, руководило имъ. Въ немъ было и другое: истинно-религіозное чувство, котораго не знала Варенька, которое переплеталось съ чувствомъ гордости и желаніемъ первенства, руководило имъ. Разочарованіе въ Мэри (невѣстѣ), которую онъ представлялъ себѣ такимъ ангеломъ, и оскорбленіе были такъ сильны, что привели его къ отчаянію, а отчаяніе куда?—къ Богу, къ вѣрѣ дѣтской, которая никогда не нарушалась въ немъ

III.

Въ день Покрова Касатскій поступилъ въ монастырь.

Игуменъ монастыря былъ дворянинъ, ученый писатель и старецъ, т.-е. принадлежалъ къ той преемственности, ведущейся изъ Валахіи, монаховъ, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игуменъ былъ ученикъ извѣстнаго старца Амвросія, ученика Макарія, ученика старца Леонида, ученика Паисія Величковскаго. Этому игумну подчинился, какъ своему старцу, Касатскій.

Кромѣ того чувства сознанія своего превосходства надъ другими, которое испытывалъ Касатскій въ монастырѣ, Касатскій такъ же, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ дѣлалъ, и въ монастырѣ находилъ радость въ достиженіи наибольшаго какъ внѣшняго, такъ и внутренняго совершенства. Какъ въ полку онъ былъ не только безукоризненнымъ офицеромъ, но такимъ, который дѣлалъ больше того, что требовалось, и расширялъ рамки совершенства, такъ и монахомъ онъ старался быть совершеннымъ: трудящимся всегда, воздержнымъ, смиреннымъ, кроткимъ, чистымъ не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ, и послушнымъ. Въ особенности послѣднее качество, или совершенство, облегчало ему жизнь. Если многія требованія монашеской жизни въ монастырѣ, много посѣщаемомъ, не нрави-

лись ему, соблазняли его, все это уничтожалось послушаніемъ: не мое дѣло разсуждать, мое дѣло нести назначенное послушаніе,—будетъ ли то стояніе у мощей, пѣніе на клиросѣ или веденіе счетовъ по гостиницѣ. Всякая возможность сомнѣній въ чемъ бы то ни было устранялась тѣмъ же послушаніемъ старцу. Не будь послушанія, онъ бы тяготился и продолжительностью и однообразіемъ церковныхъ службъ, и суетой посѣтителей, и дурными свойствами братіи. Но теперь все это не только радостно переносилось, но составляло въ жизни утѣшеніе и поддержку. «Не знаю, зачѣмъ надо слышать нѣсколько разъ въ день тѣ же молитвы, но знаю, что это нужно. А зная, что это нужно, нахожу радость въ нихъ». Старецъ сказалъ ему, что какъ нужна матеріальная пища для поддержанія жизни, такъ нужна духовная пища—молитва церковная—для поддержанія духовной жизни. Онъ вѣрилъ въ это, и дѣйствительно, служба церковная, на которую онъ съ трудомъ поднимался иногда поутру, давала ему несомнѣнное успокоеніе и радость. Радость давало сознаніе смиренія и несомнѣнности поступковъ, всѣхъ опредѣленныхъ старцемъ. Интересъ же жизни состоялъ не только во все большемъ и большемъ покореніи своей воли, во все большемъ и большемъ смиреніи, но и въ достиженіи всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, которыя въ первое время казались ему легко достижимыми. Имѣніе свое онъ все отдалъ сестрѣ— и не жалѣлъ его; лѣности у него не было; смиреніе передъ низшими было не только легко ему, но доставляло ему радость. Даже побѣда надъ грѣхомъ похоти, какъ жадности, такъ и блуда, легко далась ему. Старецъ въ особенности предостерегалъ его отъ этого грѣха, но Касатскій радовался, что былъ свободенъ отъ него.

Мучило его только воспоминаніе о невѣстѣ. И не только воспоминаніе, но представленіе живое о томъ, что могло бы быть. Невольно представлялась ему знакомая . . . . вышедшая потомъ замужъ и ставшая прекрасной женой, матерью семейства. Мужъ же имѣлъ важное назначеніе, имѣлъ и власть, и почетъ, и хорошую, покаявшуюся жену.

Въ хорошія минуты Касатскаго не смущали эти мысли. Когда онъ вспоминалъ про это въ хорошія минуты, онъ радовался, что избавился отъ этихъ соблазновъ. Но были минуты, когда вдругъ все то, чѣмъ онъ жилъ, тускнѣло передъ нимъ, онъ переставалъ не то что вѣрить въ то, чѣмъ жилъ, но переставалъ видѣть это, не могъ вызвать въ себѣ того, чѣмъ жилъ, а воспоминаніе и — ужасно сказать — раскаяніе въ своемъ обращеніи охватывало его.

Спасенье въ этомъ положеніи было послушаніе—работа—и весь занятой день молитвой. Онъ, какъ обыкновенно, молился, клалъ поклоны, даже больше обыкновеннаго молился, но молился тѣломъ, души не было И это продолжалось день, иногда два и потомъ само проходило. Но день этотъ или два были ужасны. Касатскій чувствовалъ, что онъ не въ своей и не въ Божьей власти, а въ чьей-то чужой. И все, что онъ могъ дѣлать и дѣлалъ въ эти времена, было то что, совѣтовалъ старецъ: чтобы держаться, ничего не предпринимать въ это время и ждать. Вообще за все это время Касатскій жилъ не по своей волѣ, а по волѣ старца, и въ этомъ послушаніи было особенное спокойствіе.

Такъ прожилъ Касатскій въ первомъ монастырѣ, куда поступилъ, семь лѣтъ. Въ концѣ третьяго года [онъ] былъ постриженъ въ іеромонахи съ именемъ Сергія. Постриженіе было важнымъ внутреннимъ событіемъ для Сергія. Онъ и прежде испытывалъ великое утѣшеніе и подъемъ духовный, когда причащался, теперь же, когда ему случилось служить самому, совершеніе проскомидіи приводило его въ восторженное, умиленное состояніе. Но потомъ чувство это все болѣе и болѣе притуплялось, и когда одинъ разъ ему случилось служить въ томъ подавленномъ состояніи духа въ которомъ онъ бывалъ, онъ почувствовалъ, что и это пройдетъ. И дѣйствительно, чувство это ослабѣло, но осталась привычка.

Вообще на седьмой годъ своей жизни въ монастырѣ Сергію стало скучно. Все то, чему надо было учиться, все то, чего надо было достигнуть, онъ достигъ, и больше дѣлать было нечего.

Но зато состояніе усыпленія становилось все сильнѣе и сильнѣе. За это время онъ узналъ о смерти своей матери и о выходѣ замужъ Мэри. Оба извѣстія онъ принялъ равнодушно. Все вниманіе, всѣ интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни.

На четвертомъ году его [іеро]монашества, архіерей особенно обласкалъ его, и старецъ сказалъ ему, что онъ не долженъ будетъ отказываться, если его назначатъ на высшія должности. И тогда монашеское честолюбіе,—то самое, которое такъ противно было въ монахахъ, поднялось въ немъ. Его назначили въ близкій къ столицѣ монастырь. Онъ хотѣлъ отказаться, но старецъ велѣлъ ему принять назначеніе. Онъ принялъ назначеніе, простился съ старцемъ и переѣхалъ въ другой монастырь.

Переходъ этотъ въ столичный монастырь былъ важнымъ событіемъ въ жизни Сергія. Соблазновъ всякаго рода было много, и всѣ силы Сергія были направлены на это.

Въ прежнемъ монастырѣ соблазнъ женскій мало мучилъ Сергія; здѣсь же соблазнъ этотъ поднялся съ страшной силой и дошелъ до того, что получилъ даже опредѣленную форму. Была извѣстная своимъ дурнымъ поведеніемъ барыня, которая начала заискивать въ Сергіи. Она заговорила съ нимъ и просила его посѣтить ее. Сергій отказалъ строго, но ужаснулся опредѣленности своего желанія. Онъ такъ испугался, что написалъ о томъ старцу. Но мало того,—чтобы окоротить себя, призвалъ своего молодого послушника и, покоряя стыдъ, признался ему въ своей слабости, прося его слѣдить за нимъ и не пускать его никуда, кромѣ службъ и послушаній.

Кромѣ того, великій соблазнъ для Сергія состоялъ въ томъ, что игуменъ этого монастыря, свѣтскій, ловкій человѣкъ, дѣлавшій духовную карьеру, былъ въ высшей степени антипатиченъ отцу Сергію. Какъ ни бился съ собой Сергій, онъ не могъ преодолѣть этой антипатіи. Онъ смирялся, но въ глубинѣ души не переставалъ осуждать. И дурное чувство это разразилось.

Это было уже на второй годъ пребыванія его въ новомъ монастырѣ. И случилось это вотъ какъ. Въ Покровъ всенощная шла въ большой церкви. Много было пріѣзжаго народа. Служилъ самъ игуменъ. Отецъ Сергій стоялъ на обычномъ своемъ мѣстѣ и молился, т.-е. находился въ томъ состояніи борьбы, въ которомъ онъ всегда находился во время службъ,—особенно въ большой церкви,—когда онъ не служилъ самъ. Борьба состояла въ томъ, что его раздражали посѣтители, господа, особенно дамы. Онъ старался не видѣть ихъ, не замѣчать всего того, что дѣлалось,—не видѣть того, какъ солдатъ провожалъ ихъ, расталкивая народъ, какъ дамы показывали другъ другу монаховъ, часто его даже и извѣстнаго красавца-монаха. Онъ старался выдвинуть какъ бы шоры своему вниманію, не видѣть ничего, кромѣ блеска свѣчей у иконостаса, иконъ и служащихъ, не слышать ничего, кромѣ пѣтыхъ и произносимыхъ словъ молитвъ, и не испытывать никакого другого чувства, кромѣ того самозабвенія въ сознаніи исполненія должнаго, которое онъ испытывалъ всегда, слушая и повторяя впередъ столько разъ слышанныя молитвы.

Такъ онъ стоялъ, кланялся, крестился тамъ, гдѣ это нужно было, и боролся, отдаваясь то холодному осужденію, то сознательному вызываемому замиранію мыслей и чувствъ, когда ризничій, отецъ Никодимъ, тоже великое искушеніе для отца Сергія,— Никодимъ, котораго онъ невольно упрекалъ въ поддѣлываньи и лести къ игумну,—подошелъ къ нему и, поклонившись перегибающимся надвое поклономъ, сказалъ, что игуменъ зоветъ

его къ себѣ въ алтарь. Отецъ Сергій обдернулъ мантію, надѣлъ клобукъ и пошелъ осторожно черезъ толпу.

— Lise, regardez à droite, c'est lui [1]),—послышался ему женскій голосъ.

— Ou, où? Il n'est pas tellement beau [2]).

Онъ зналъ, что это говорили про него. Онъ слышалъ и, какъ всегда въ минуты искушеній, твердилъ слова: «и не введи насъ во искушеніе» и, опустивъ голову и глаза, прошелъ мимо амвона и, обойдя канонарховъ въ стихаряхъ, проходившихъ въ это время мимо иконостаса, вошелъ въ сѣверныя двери. Войдя въ алтарь, онъ, по обычаю, крестно поклонился, перегибаясь надвое, передъ иконой, потомъ поднялъ голову и взглянулъ на игумна, котораго фигуру, рядомъ съ другой блестящей чѣмъ-то фигурой онъ увидѣлъ угломъ глаза, не обращаясь къ нимъ.

Игуменъ стоялъ въ облаченіи у стѣны, выпроставъ короткія пухлыя ручки изъ-подъ ризы надъ толстымъ тѣломъ и животомъ и, растирая галунъ ризы, улыбаясь, говорилъ что-то съ военнымъ въ генеральскомъ свитскомъ мундирѣ съ вензелями и аксельбантами, которые сейчасъ разсмотрѣлъ отецъ Сергій своимъ привычнымъ военнымъ глазомъ. Генералъ этотъ былъ бывшій полковой командиръ ихъ полка. Теперь онъ, очевидно, занималъ важное положеніе, и отецъ Сергій тотчасъ же замѣтилъ, что игуменъ знаетъ это и радъ этому, и оттого такъ сіяетъ его красное толстое лицо съ лысиной. Это оскорбило и огорчило отца Сергія, и чувство это еще усилилось, когда онъ услыхалъ отъ игумна, что вызовъ его, отца Сергія, ни на что другое не былъ нуженъ, какъ на то, чтобы удовлетворить любопытство генерала,—увидать своего прежняго сослуживца, какъ онъ выразился.

— Очень радъ увидѣть васъ въ ангельскомъ образѣ,—сказалъ генералъ, протягивая руку,—надѣюсь, что вы не забыли стараго товарища.

Все: лицо игумна, среди сѣдинъ красное и улыбающееся, какъ бы одобряющее то, что говорилъ генералъ, выхоленное лицо генерала съ самодовольной улыбкой, запахъ вина изо рта генерала и сигаръ отъ его бакенбардъ,—все это взорвало отца Сергія. Онъ поклонился еще разъ игумну и сказалъ:

— Ваше преподобіе изволили звать меня?

И онъ остановился всѣмъ выраженіемъ лица и глазъ спрашивая: зачѣмъ?

---

[1]) Лиза, посмотри направо, это онъ.
[2]) Гдѣ, гдѣ? Онъ не такъ красивъ.

Игуменъ сказалъ:

— Да, повидаться съ генераломъ.

— Ваше преподобіе, я ушелъ отъ міра, чтобы спастись отъ соблазновъ,—сказалъ онъ, блѣднѣя и съ трясущимися губами.—За что же вы здѣсь подвергаете меня имъ во время молитвы и въ храмѣ Божіемъ?

— Иди, иди,—вспыхнувъ и нахмурившись, сказалъ игуменъ.

На другой день отецъ Сергій просилъ прощенья у игумна и братіи за свою гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ, рѣшилъ, что ему надо оставить этотъ монастырь, и написалъ объ этомъ письмо старцу, умоляя его разрѣшить ему перейти назадъ въ монастырь старца. Онъ писалъ, что чувствуетъ свою слабость и неспособность бороться одинъ противъ соблазновъ безъ помощи старца и каялся въ своемъ грѣхѣ гордости. Съ слѣдующей почтой пришло письмо отъ старца, въ которомъ тотъ писалъ ему, что причиной всему—его гордость. Старецъ разъяснялъ ему, что его вспышка гнѣва произошла оттого, что онъ смирился, отказавшись отъ духовныхъ почестей не ради Бога, а ради своей гордости, что вотъ, молъ, я какой, ни въ чемъ не нуждаюсь. Отъ этого онъ и не могъ перенести поступка игумна. Я всѣмъ пренебрегъ для славы Божьей, а меня показываютъ, какъ звѣря. «Если бы ты пренебрегъ славой для Бога, ты бы снесъ. Еще не потухла въ тебѣ гордость свѣтская. Думалъ я о тебѣ чадо Сергій, и молился, и вотъ что о тебѣ Богъ внушилъ мнѣ. Въ Тамбинскомъ скиту померъ святой жизни затворникъ Илларіонъ. Онъ жилъ тамъ восемнадцать лѣтъ. Игуменъ Тамбинскій спрашивалъ, нѣтъ ли брата, который хотѣлъ бы жить тамъ? А тутъ твое письмо. Ступай въ отцу Паисію въ Тамбинскій монастырь, я напишу ему, а ты просись занять Илларіонову келью. Не то, чтобы ты могъ замѣнить Илларіона, но тебѣ нужно уединеніе, чтобы смирить гордыню. Да благословитъ тебя Богъ».

Сергій послушался старца, показалъ его письмо игумну и, испросивъ его позволенія, отдавъ свою келью и всѣ свои вещи монастырю, уѣхалъ въ Тамбинскую пустынь.

Въ Тамбинской пустыни настоятель, прекрасный хозяинъ, изъ купцовъ, принялъ просто и спокойно Сергія и помѣстилъ его въ кельѣ Илларіона, давъ сначала ему келейника, а потомъ, по желанію Сергія, оставивъ его одного. Келья была пещера, выкопанная въ горѣ. Въ ней былъ и похороненъ Илларіонъ. Въ задней пещерѣ былъ похороненъ Илларіонъ, въ ближней была ниша для спанья, съ соломеннымъ матрацемъ, столикъ и полка

съ иконами и книгами. У двери наружной, которая запиралась, была полка. На эту полку разъ въ день монахъ приносилъ пищу изъ монастыря.

И отецъ Сергій сталъ затворникомъ.

IV.

На масленицѣ шестого года жизни Сергія въ затворѣ, изъ сосѣдняго города, послѣ блиновъ съ виномъ, собралась веселая компанія богатыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, кататься на тройкахъ. Компанія состояла изъ двухъ адвокатовъ, одного богатаго помѣщика, офицера и четырехъ женщинъ. Одна была жена офицера, другая — помѣщика, третья была дѣвица, сестра помѣщика, и четвертая была разводная жена, красавица, богачка и чудачка, удивлявшая и мутившая городъ своими выходками.

Погода была прекрасная, дорога — какъ полъ. Проѣхали верстъ десять за городомъ, остановились и началось совѣщаніе, куда ѣхать: назадъ или дальше.

— Да куда ведетъ эта дорога! — спросила Маковкина, разводная жена, красавица.

— Въ Т[амбино] отсюда двѣнадцать верстъ, — сказалъ адвокатъ, ухаживавшій за Маковкиной.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ на Л. черезъ монастырь.

— Тамъ, гдѣ отецъ Сергій этотъ живетъ?

— Да.

Касатскій? Этотъ красавецъ-пустынникъ?

— Да.

— Медамъ, господа! Ѣдемте къ Касатскому. Въ Т[амбинѣ] отдохнемъ, закусимъ.

— Но мы не поспѣемъ ночевать домой.

— Ничего, ночуемъ у Касатскаго.

— Положимъ, тамъ есть гостиница монастырская, и очень хорошо. Я былъ, когда защищалъ Махина.

— Нѣтъ, я у Касатскаго буду ночевать.

— Ну, ужъ это даже съ вашимъ всемогуществомъ невозможно.

— Невозможно? Пари.

— Идетъ. Если вы ночуете у него, то я что хотитѣ.

— A discretion [1]).

---

[1]) Пари на что угодно.

— А вы тоже?

— Ну да, ѣдемте.

Ямщикамъ поднесли вина. Сами достали ящикъ съ пирожками, виномъ, конфетами, дамы закутались въ бѣлыя собачьи шубы. Ямщики поспорили, кому ѣхать передомъ, и одинъ молодой, повернувшись ухарски бокомъ, повелъ длиннымъ кнутовищемъ, крикнулъ, — и залились колокольчики, и завизжали полозья.

Сани чуть подрагивали и покачивались, пристяжная ровно и весело скакала съ своимъ круто подвязаннымъ хвостомъ надъ наборной шлеей, ровная масляная дорога быстро убѣгала назадъ, ямщикъ ухарски пошевеливалъ вожжами, адвокатъ, офицеръ, сидя напротивъ, что-то врали съ сосѣдкой Маковкиной, а она сама, завернувшись туго въ шубу, сидѣла неподвижно и думала: «все одно и то же, и все гадкое: красныя, глянцевитыя лица съ запахомъ вина и табаку, тѣ же рѣчи, тѣ же мысли, и все вертится около самой гадости. И всѣ они довольны и увѣрены, что такъ надо, и могутъ такъ продолжать жить до смерти. Я не могу. Мнѣ скучно. Мнѣ нужно что-нибудь такое, что бы все это разстроило, перевернуло. Ну, хоть бы какъ тѣ, въ Саратовѣ, кажется, поѣхали замерзли. Ну, что бы наши сдѣлали? какъ бы вели себя? Да навѣрно подло. Каждый бы за себя. Да и я тоже подло вела бы себя. Но я, по крайней мѣрѣ, хороша. Они-то знаютъ это. Ну, а этотъ монахъ? Неужели онъ этого уже не понимаетъ? Неправда. Это одно они понимаютъ. Какъ осенью съ этимъ кадетомъ. И какой онъ дуракъ былъ».

— Иванъ Николаевичъ, — сказала она.

— Что прикажете?

— Да ему сколько лѣтъ?

— Кому?

Да Касатскому.

— Кажется, лѣтъ за сорокъ.

— И что же, онъ принимаетъ всѣхъ.

— Всѣхъ, но не всегда.

— Закройте мнѣ ноги. Не такъ. Какой вы неловкій! Ну, еще, еще, вотъ такъ. А ногъ моихъ жать не нужно.

Такъ они доѣхали до лѣса, гдѣ стояла келья.

Она вышла и велѣла имъ уѣхать. Они отговаривали ее, но она разсердилась, велѣла уѣзжать. Тогда сани уѣхали, а она въ своей бѣлой собачьей шубѣ пошла по дорожкѣ. Адвокатъ слѣзъ и остался смотрѣть.

V.

Отецъ Сергій жилъ шестой годъ въ затворѣ. Ему было сорокъ девять лѣтъ. Жизнь его была трудной, — не трудами поста и молитвы: это были не труды, — а внутренней борьбой, которой онъ никакъ не ожидалъ. Источниковъ борьбы было два: сомнѣнія и плотская похоть, и оба врага всегда поднимались вмѣстѣ. Ему казалось, что это были два разные врага, тогда какъ это былъ одинъ и тотъ же. Какъ только уничтожалось сомнѣніе, такъ уничтожалась похоть. Но онъ думалъ, что это два разные дьявола и боролся съ ними порознь.

—«Боже мой, Боже мой, — думалъ онъ, — за что не даешь Ты мнѣ вѣры? Да, похоть. Да, съ нею боролись святые: Антоній и другіе, но вѣра... Они имѣли ее, а у меня вотъ минуты часы, дни, когда нѣтъ ея. Зачѣмъ весь міръ, вся прелесть его, если онъ грѣховенъ и надо отречься отъ него? Зачѣмъ Ты сдѣлалъ этотъ соблазнъ? Соблазнъ. Но не соблазнъ ли то, что я хочу уйти отъ радостей міра и что-то готовлю тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, можетъ быть?—сказалъ онъ себѣ и ужаснулся, омерзился на самого себя. — Гадина, гадина! Хочешь быть святымъ», началъ онъ бранить себя. И сталъ на молитву. Но только что онъ началъ молиться, какъ ему живо представился онъ самъ, какимъ онъ бывалъ въ монастырѣ: въ клобукѣ, въ мантіи, въ величественномъ видѣ. И онъ покачалъ головой. «Нѣтъ, это не то. Это обманъ. Но другихъ я обману, а не себя и не Бога. Не величественный я человѣкъ, а жалкій, смѣшной». И онъ откинулъ полы рясы и посмотрѣлъ на свои жалкія ноги въ подштанникахъ и улыбнулся.

Потомъ онъ опустилъ полы и сталъ читать молитвы, креститься и кланяться. «Неужели одръ сей мнѣ гробъ будетъ?» читалъ онъ. И какъ бы дьяволъ какой шепнулъ ему: «одръ одинокій и то гробъ. Ложь». И онъ увидалъ въ воображеніи плечи вдовы, съ которой онъ жилъ. Онъ отряхнулся и продолжалъ читать. Прочтя правила, онъ взялъ Евангеліе, раскрылъ его и напалъ на мѣсто, которое онъ часто твердилъ и зналъ наизусть: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!» Онъ убралъ назадъ всѣ выступающія сомнѣнія. Какъ устанавливаютъ предметъ неустойчиваго равновѣсія, онъ установилъ опять свою вѣру на колеблющейся ножкѣ и осторожно отступилъ отъ нея, чтобы не толкнуть и не завалить ея. Шоры выдвинулись опять, и онъ успокоился. Онъ повторилъ свою дѣтскую молитву: «Господи, возьми, возьми меня!» И ему не только легко, но радостно и умиленно стало. Онъ перекрестился и легъ на свою подстилочку

на узенькой скамьѣ, положивъ подъ голову лѣтнюю ряску. И онъ заснулъ.

Въ легкомъ снѣ ему казалось, что онъ слышалъ колокольчики. Онъ не зналъ, наяву ли это было или во снѣ. Но вотъ изъ сна его разбудилъ стукъ въ его двери. Онъ поднялся, не вѣря себѣ. Но стукъ повторился. Да, это былъ стукъ близкій, въ его двери, и женскій голосъ.

«Боже мой! Да неужели правда то, что я читалъ въ житіяхъ, что дьяволъ принимаетъ видъ женщины?.. Да, это голосъ женщины. И голосъ нѣжный, робкій, милый. Тьфу!— онъ плюнулъ.—Нѣтъ, мнѣ кажется», сказалъ онъ и отошелъ къ углу, передъ которымъ стоялъ аналойчикъ, и опустился на колѣни тѣмъ привычнымъ, правильнымъ движеніемъ, въ которомъ, въ движеніи въ самомъ, онъ находилъ утѣшеніе и удовольствіе. Онъ опустился, волосы повисли ему на лицо, и прижалъ оголявшійся уже лобъ къ сырой, холодной полосушкѣ (въ полу дуло).

..... читалъ онъ псаломъ, который, ему говорилъ старичокъ отецъ Пименъ, помогалъ отъ наважденія. Онъ легко поднялъ на сильныхъ, нервныхъ ногахъ свое исхудалое, легкое тѣло и хотѣлъ продолжать читать дальше, но не читалъ, а невольно напрягалъ слухъ, чтобъ слышать. Ему хотѣлось слышать. Было совсѣмъ тихо. Тѣ же капли съ крыши падали въ кадушку, поставленную подъ уголъ. На дворѣ была мгла, туманъ, съѣдавшій снѣгъ. Было тихо, тихо. И вдругъ зашуршало у окна, и явственно голосъ, тотъ же нѣжный, робкій голосъ, такой голосъ, какой могъ принадлежать только привлекательной женщинѣ, проговорилъ:

— Пустите. Ради Христа...

Казалось, вся кровь прилила къ сердцу, остановилась. Онъ не могъ вздохнуть. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази»...

— Да я не дьяволъ...—И слышно было, что улыбались уста, говорившія это.—Я не дьяволъ, я просто грѣшная женщина, заблудилась—не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ (она засмѣялась), измерзла и прошу пріюта...

Онъ приложилъ лицо къ стеклу. Лампадка отсвѣчивала и свѣтилась вездѣ въ стеклѣ. Онъ приставилъ ладони къ обѣимъ сторонамъ лица и глядѣлъ. Туманъ, мгла, дерево, а вотъ направо—она. Да, она, женщина въ шубѣ съ бѣлой длинной шерстью, въ шапкѣ, съ милымъ, милымъ, добрымъ, испуганнымъ лицомъ, тутъ, въ двухъ вершкахъ отъ его лица, пригнувшись къ нему. Глаза ихъ встрѣтились и узнали другъ друга. Не то,

чтобы они видѣли когда другъ друга: они никогда не вида лись, но во взглядѣ, которымъ они обмѣнялись, они (особенно онъ) почувствовали, что они знаютъ другъ друга, понятны другъ другу. Сомнѣваться послѣ этого взгляда въ томъ, что это былъ дьяволъ, а не простая, добрая, милая, робкая женщина, нельзя было.

— Кто вы? Зачѣмъ вы?—сказалъ онъ.

— Да отоприте же! — съ капризнымъ самовластіемъ сказала она.—Я измерзла. Говорю вамъ—заблудилась.

— Да вѣдь я монахъ, отшельникъ.

— Ну такъ и отоприте. А то хотите, чтобъ я замерзла подъ окномъ, пока вы будете молиться.

— Да какъ вы...

— Не съѣмъ же я васъ. Ради Бога пустите. Я озябла, наконецъ.

Ей самой становилось жутко. Она сказала это плачущимъ почти голосомъ.

Онъ отошелъ отъ окна, взглянулъ на икону Христа въ терновомъ вѣнкѣ. «Господи, помоги мнѣ, Господи, помоги мнѣ», проговорилъ онъ, крестясь и кланяясь въ поясъ, и подошелъ къ двери, отворилъ ее въ сѣнцы. Въ сѣняхъ ощупалъ крючокъ и сталъ откидывать его. Съ той стороны онъ слышалъ шаги. Она отъ окна переходила къ двери. «Ай!» вдругъ вскрикнула она. Онъ понялъ, что она ногой попала въ лужу, натекшую у порога. Руки его дрожали, и онъ никакъ не могъ поднять натянутый дверью крючокъ.

— Да что же вы, пустите же. Я вся измокла. Я замерзла. Вы объ спасеніи души думаете, а я замерзла.

Онъ натянулъ дверь къ себѣ, поднялъ крючокъ и, не разсчитавъ толчокъ, сунулъ дверь наружу такъ, что толкнулъ ее.

— Ахъ, извините!—сказалъ онъ, вдругъ совершенно переносясь въ давнишнее, привычное обращеніе съ дамами.

Она улыбнулась, услыхавъ это «извините». «Ну, онъ не такъ еще страшенъ», подумала она.

— Ничего, ничего; вы простите меня,—сказала она, проходя мимо него.—Я бы никогда не рѣшилась, но такой особенный случай.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ, пропуская ее мимо. Сильный запахъ, давно не слышанный имъ, тонкихъ духовъ поразилъ его. Она прошла черезъ сѣни въ горницу. Онъ захлопнулъ наружную дверь, не накидывая крючка, прошелъ сѣни и вошелъ въ горницу.

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, Господи, помилуй мя грѣшнаго», не переставая молился онъ не только внутренно, но и невольно наружно шевеля губами.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ.

Она стояла посреди комнаты, съ нея текло на полъ, и разглядывала его. Глаза ея смѣялись.

— Простите меня, что я нарушила ваше уединеніе. Но видите, въ какомъ я положеніи. Произошло это оттого, что мы изъ города поѣхали кататься, и я побилась объ закладъ, что дойду одна отъ Воробьевки до города, но тутъ сбилась съ дороги и вотъ, если бы не набрела на вашу келью...—начала она лгать. Но лицо его смущало ее, такъ что она не могла продолжать и замолчала. Она ожидала его совсѣмъ не такимъ. Онъ былъ не такой красавецъ, какимъ она воображала его, но онъ былъ прекрасенъ въ ея глазахъ; вьющіеся съ просѣдью волосы головы и бороды, правильный, тонкій носъ и, какъ угли, горящіе глаза, когда онъ прямо взглядывалъ, поразили ее.

Онъ видѣлъ, что она лжетъ.

— Да, такъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на нее и опять опуская глаза,—я пройду сюда, а вы располагайтесь.

И онъ, снявъ лампочку, зажегъ свѣчу и, низко поклонившись ей, вышелъ въ каморочку за перегородкой, и она слышала, какъ онъ что-то сталъ двигать тамъ. «Вѣроятно, запирается чѣмъ-нибудь отъ меня», подумала она, улыбаясь и, скинувъ собачью бѣлую ротонду, стала снимать шапку, зацѣпившуюся за волоса, и вязаный платокъ, бывшій подъ ней. Она вовсе не промокла, когда стояла подъ окномъ, и говорила про это только какъ предлогъ, чтобъ онъ впустилъ ее. Но у двери она точно попала въ лужу, и лѣвая нога была мокра до икры и ботинокъ, и ботикъ полны воды. Она сѣла на его койку,—доску, только покрытую коврикомъ,—и стала разуваться. Келейка эта казалась ей прелестной. Узенькая, аршина въ три горенка, длиной аршина четыре, была чиста, какъ стеклышко. Въ горенкѣ была только койка, на которой она сидѣла, надъ ней полочка съ книгами, въ углу аналойчикъ. У двери гвозди, шуба и ряса. Надъ аналойчикомъ образъ Христа въ терновомъ вѣнкѣ и лампадка. Пахло странно: масломъ, потомъ и землей. Все нравилось ей, даже этотъ запахъ. Мокрыя ноги, особенно одна, безпокоила ее, и она поспѣшно стала разуваться, не переставая улыбаться, радуясь не столько тому, что она достигла своей цѣли, сколько тому, что она видѣла, что смутила его, этого прелестнаго, поразительнаго, страннаго, привлекательнаго мужчину. Ну, не отвѣтилъ, ну, что же за бѣда», сказала она себѣ.

— Отецъ Сергій! Отецъ Сергій! Такъ вѣдь васъ звать?

— Что вамъ надо?—отвѣчалъ тихій голосъ.

— Вы, пожалуйста, простите меня, что я нарушила ваше уединеніе. Но, право, я не могла иначе. Я бы прямо заболѣла. Да и теперь я не знаю. Я вся мокрая, ноги—какъ ледъ.

— Простите меня,—отвѣчалъ тихій голосъ,—я ничѣмъ не могу служить.

— Я бы ни за что не потревожила васъ. Я только до разсвѣта.

Онъ не отвѣчалъ, и она слышала, что онъ шепчетъ что-то, очевидно молится.

— Вы не взойдете сюда?—спросила она, улыбаясь.—А то мнѣ надо раздѣться, чтобы высушиться.

Онъ не отвѣчалъ, продолжая за стѣной ровнымъ голосомъ читать молитвы.

«Да, это человѣкъ», думала она, съ трудомъ стаскивая шлюпающій ботикъ. Она тянула его и не могла, и ей смѣшно это стало. И она чуть слышно смѣялась, но, зная, что онъ слышитъ ея смѣхъ, и что смѣхъ этотъ подѣйствуетъ на него и именно такъ, какъ она этого хотѣла, она засмѣялась громче, и смѣхъ этотъ, веселый, натуральный, добрый, дѣйствительно подѣйствовалъ на него, и именно такъ, какъ она этого хотѣла.

«Да, такого человѣка можно полюбить. Эти глаза и это простое, благородное и—какъ онъ ни бормочи молитвы—и страстное лицо», думала она. «Насъ, женщинъ, не обманешь. Еще когда онъ придвинулъ лицо къ стеклу и увидалъ меня, и понялъ, и узналъ. Въ глазахъ блеснуло и припечаталось. Онъ полюбилъ, пожелалъ меня. Да, пожелалъ», говорила она, снявъ, наконецъ, ботикъ и ботинокъ и принимаясь за чулки. Чтобы снять ихъ, эти длинные чулки на ластикахъ, надо было поднять юбки. Ей совѣстно стало, и она проговорила:

— Не входите.

Но изъ-за стѣны не было никакого отвѣта, продолжалось равномѣрное бормотаніе и еще звуки движенія. «Вѣрно, онъ кланяется въ землю», думала она. «Но не откланяется онъ,—проговорила она.—Онъ обо мнѣ думаетъ такъ же, какъ я объ немъ. Съ тѣмъ же чувствомъ думаетъ онъ объ этихъ ногахъ», говорила она, сдернувъ мокрые чулки и ступая босыми ногами по койкѣ и поджимая ихъ подъ себя. Она посидѣла такъ недолго, обхвативъ колѣни руками и задумчиво глядя передъ собой. «Да, это пустыня, это тишина. И никто никогда не узналъ бы...»

Она встала, снесла чулки къ печкѣ, повѣсила ихъ на отдушникъ,—какой-то особенный былъ отдушникъ. Она повертѣла

его и потомъ, легко ступая босыми ногами, вернулась на койку и опять сѣла на нее съ ногами. За стѣной совсѣмъ затихло. Она посмотрѣла на крошечные часы, висѣвшіе у ней на шеѣ. Было два часа. «Наши должны подъѣхать около трехъ». Оставалось не больше часа.

«Что же, я такъ просижу тутъ одна? что за вздоръ! Не хочу я. Сейчасъ позову его».

— Отецъ Сергій!.. Отецъ Сергій!.. Сергѣй Дмитріевичъ!.. Князь Касатскій!..

За дверью было тихо.

— Послушайте, это жестоко. Я бы не звала васъ, если бы мнѣ не нужно было. Я больна, я не знаю, что со мной,— заговорила она страдающимъ голосомъ. — Охъ, охъ! — застонала она, падая на койку. И, странное дѣло, она точно чувствовала, что она изнемогаетъ, вся изнемогаетъ, что все болитъ у нея, и что ее трясетъ дрожь, лихорадка.

— Послушайте, помогите мнѣ. Я не знаю, что со мною. Охъ, охъ!—Она разстегнула платье, открыла грудь и закинула обнаженныя по локоть руки.—Охъ, охъ!

Все это время онъ стоялъ въ своемъ чуланѣ и молился. Прочтя всѣ вечернія молитвы, онъ теперь стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на кончикъ носа и творилъ «умную молитву», духомъ повторяя: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!»

Но онъ все слышалъ. Онъ слышалъ, какъ она шуршала шелковой тканью, снимая платье, какъ она ступала босыми ногами по полу, онъ слышалъ, какъ она терла себѣ рукой ноги. Онъ чувствовалъ, что онъ слабъ и что всякую минуту можетъ погибнуть, и потому, не переставая, молился. Онъ испытывалъ нѣчто подобное тому, что долженъ испытывать тотъ сказочный герой, который долженъ былъ идти, не оглядываясь. Такъ и Сергій слышалъ, чуялъ, что опасность, погибель тутъ, надъ нимъ, вокругъ него, и онъ можетъ спастись, только ни на минуту не оглядываясь на нее. Но вдругъ желаніе взглянуть охватило его. Въ то же мгновеніе она сказала:

— Послушай, это безчеловѣчно, я могу умереть.

«Да, я пойду, но такъ, какъ дѣлалъ тотъ отецъ, который накладывалъ одну руку на блудницу, а другую клалъ въ жаровню. Но жаровни нѣтъ». Онъ оглянулся. Лампа. Онъ выставилъ палецъ надъ огнемъ и нахмурился, готовясь терпѣть. И довольно долго ему казалось, что онъ не чувствуетъ, но вдругъ— онъ еще не рѣшилъ, больно ли и насколько, какъ онъ сморщился весь и отдернулъ руку, махая ею. «Нѣтъ, я не могу этого».

— Ради Бога! Охъ, подите ко мнѣ! Я умираю! Охъ! «Такъ что же, я погибну? Такъ нѣтъ же».

— Сейчасъ я приду къ вамъ,—проговорилъ онъ и, отворивъ свою дверь, не глядя на нее, прошелъ мимо нея въ дверь въ сѣни, гдѣ онъ рубилъ дрова, ощупалъ чурбанъ, на которомъ онъ рубилъ дрова, и топоръ, прислоненный къ стѣнѣ.

— Сейчасъ,—сказалъ онъ и, взявъ топоръ въ правую руку, положилъ указательный палецъ лѣвой руки на чурбанъ, взмахнулъ топоромъ и ударилъ по немъ ниже второго сустава. Палецъ отскочилъ легче, чѣмъ отскакивали дрова такой же толщины, перевернулся и шлепнулся на край чурбана и потомъ на полъ

Онъ услыхалъ этотъ звукъ прежде, чѣмъ почувствовалъ боль. Но не успѣлъ онъ удивиться тому, что боли нѣтъ, какъ онъ почувствовалъ жгучую боль и тепло полившейся крови. Онъ быстро прихватилъ оставшійся суставъ подоломъ рясы и, прижавъ его къ бедру, вошелъ назадъ въ дверь и, остановившись противъ женщины, опустивъ глаза, тихо спросилъ:

— Что вамъ?

Она взглянула на его поблѣднѣвшее лицо, съ дрожащей лѣвой щекой, и вдругъ ей стало стыдно. Она вскочила, схватила шубу и накинула на себя, закуталась въ нее.

— Да, мнѣ было больно... Я простудилась... Я... Отецъ Сергій!.. Я...

Онъ поднялъ на нее глаза, свѣтившіеся тихимъ, радостнымъ свѣтомъ, и сказалъ:

— Милая сестра, за что ты хотѣла погубить свою безсмертную душу? Соблазны должны войти въ міръ, но горе тому, черезъ кого соблазнъ входитъ... Молись, чтобы Богъ простилъ насъ.

Она слушала его и смотрѣла на него. Вдругъ она услыхала капли падающей жидкости. Она взглянула и увидала, какъ по рясѣ текла изъ руки кровь.

— Что вы сдѣлали съ рукой?—Она вспомнила звукъ, который слышала, и, схвативъ лампаду, выбѣжала въ сѣни и увидала на полу окровавленный палецъ. Блѣднѣе его она вернулась и хотѣла сказать ему, но онъ тихо прошелъ въ чуланъ и заперъ за собой дверь.

— Простите меня,—сказала она.—Чѣмъ выкуплю я грѣхъ свой?

— Уйди.

— Дайте, я перевяжу вамъ рану.

— Уйди отсюда.

Торопливо и молча одѣлась она и, готовая, въ шубѣ, сидѣла ожидая. Съ надворья послышались бубенцы.

— Отецъ Сергій! простите меня.

— Уйди. Богъ проститъ.

— Отецъ Сергій, я перемѣню свою жизнь, не оставляйте меня.

— Уйди.

— Простите и благословите меня.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—послышалось изъ-за перегородки.—Уйди.

Она зарыдала и вышла изъ кельи. Адвокатъ шелъ ей навстрѣчу.

— Ну, проигралъ, нечего дѣлать. Куда же вы сядете?

— Все равно.

Она сѣла и до дома не сказала ни одного слова.

Черезъ годъ она была пострижена малымъ постригомъ и жила строгой жизнью въ монастырѣ, подъ руководительствомъ затворника Арсенія, который изрѣдка писалъ ей письма.

VI.

Въ затворѣ прожилъ отецъ Сергій еще семь лѣтъ. Сначала отецъ Сергій принималъ многое изъ того, что ему приносили— и чай, и сахаръ, и бѣлый хлѣбъ, и молоко, и одежду, и дрова. Но чѣмъ дальше и дальше шло время, тѣмъ строже и строже онъ устанавливалъ свою жизнь, отказываясь отъ всего излишняго, и наконецъ дошелъ до того, что не принималъ больше ничего, кромѣ чернаго хлѣба одинъ разъ въ недѣлю. Все то, что приносили ему, онъ раздавалъ бѣднымъ, приходившимъ къ нему. Все время свое отецъ Сергій проводилъ въ кельѣ на молитвѣ или въ бесѣдѣ съ посѣтителями, которыхъ все становилось больше и больше. Выходилъ отецъ Сергій только въ церковь раза три въ годъ и за водой, и за дровами, когда была въ томъ нужда.

Послѣ пяти лѣтъ такой жизни случилось то ставшее скоро вездѣ извѣстнымъ событіе съ Маковкиной, ея ночное посѣщеніе, совершившаяся въ ней послѣ этого перемѣна и ея поступленіе въ монастырь. Съ тѣхъ поръ слава отца Сергія стала увеличиваться. Посѣтителей стало приходить все больше и больше, и около его кельи поселились монахи, построилась церковь и гостиница. Слава про отца Сергія, какъ всегда, преувеличи-

вая его подвиги, шла все дальше и дальше. Стали стекаться къ нему издалека, и стали приводить къ нему болящихъ, утверждая, что онъ исцѣляетъ ихъ.

Первое исцѣленіе было на восьмой годъ его жизни въ затворѣ. Это было исцѣленіе четырнадцатилѣтняго мальчика, котораго привела мать къ отцу Сергію съ требованіемъ, чтобы онъ наложилъ на него руки. Ему и въ мысль не приходило, чтобы онъ могъ исцѣлять болящихъ. Онъ считалъ бы такую мысль великимъ грѣхомъ гордости; но мать, приведшая мальчика неотступно молила его, валялась въ ногахъ, говорила: за что онъ, исцѣляя другихъ, не хочетъ помочь ея сыну?— просила ради Христа. На утвержденіе отца Сергія, что только Богъ исцѣляетъ, говорила, что она проситъ его только наложить руку и помолиться. Отецъ Сергій отказался и ушелъ въ свою келью. Но на другой день (это было осенью, и уже ночи были холодныя) онъ, выйдя изъ кельи за водой, увидалъ опять ту же мать съ своимъ сыномъ, четырнадцатилѣтнимъ блѣднымъ мальчикомъ, и услыхалъ тѣ же мольбы. Отецъ Сергій вспомнилъ притчу о неправедномъ судьѣ и, прежде не имѣвши сомнѣнія въ томъ, что онъ долженъ отказать, почувствовалъ сомнѣніе, а почувствовавъ сомнѣніе, сталъ на молитву и молился до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его не возникло рѣшеніе. Рѣшеніе было такое, что онъ долженъ исполнить требованіе женщины, что вѣра ея можетъ спасти ея сына, самъ же онъ, отецъ Сергій, въ этомъ случаѣ—ничтожное орудіе, избранное Богомъ.

И, выйдя къ матери, отецъ Сергій исполнилъ ея желаніе положилъ руку на голову мальчика и сталъ молиться.

Мать уѣхала съ сыномъ, и черезъ мѣсяцъ мальчикъ выздоровѣлъ, и по округѣ прошла слава о святой, цѣлебной силѣ старца Сергія, какъ его называли теперь. Съ тѣхъ поръ не проходило недѣли, чтобъ къ отцу Сергію не приходили, не пріѣзжали больные, и, не отказавъ однимъ, онъ не могъ отказывать и другимъ и накладывалъ руку и молился, и исцѣлялись многіе. И слава отца Сергія распространялась дальше и дальше.

Такъ прошло девять лѣтъ въ монастыряхъ и тринадцать въ уединеніи. Отецъ Сергій имѣлъ видъ старца: борода у него была длинная и сѣдая, но волосы, хотя и рѣдкіе, еще черные и курчавые.

VII.

Отецъ Сергій уже нѣсколько недѣль жилъ съ одной неотступною мыслью: хорошо ли онъ дѣлалъ, подчиняясь тому положенію, въ которое онъ не столько самъ сталъ, сколько

поставили его архимандритъ и игуменъ. Началось это послѣ выздоровѣвшаго четырнадцатилѣтняго мальчика. Съ тѣхъ поръ съ каждымъ мѣсяцемъ, недѣлей, днемъ Сергій чувствовалъ, какъ уничтожалась его внутренняя жизнь и замѣнялась внѣшней. Точно его выворачивали наружу.

Сергій видѣлъ, что онъ былъ средствомъ привлеченія посѣтителей и жертвователей къ монастырю, и что потому монастырскія власти обставляли его такими условіями, въ которыхъ бы онъ могъ быть наиболѣе полезенъ. Ему, напримѣръ, не давали уже совсѣмъ возможности трудиться. Ему припасали все, что ему могло быть нужно, и требовали отъ него только того, чтобы онъ не лишалъ своего благословенія тѣхъ посѣтителей, которые приходили къ нему. Для его удобства устроили дни, въ которые онъ принималъ. Устроили пріемную для мужчинъ и мѣсто, огороженное перилами такъ, что его не сбивали съ ногъ бросавшіяся къ нему посѣтительницы,—мѣсто, гдѣ онъ могъ благословлять приходящихъ. Ему говорили, что онъ нуженъ былъ людямъ, что, исполняя законъ Христовъ—любви, онъ не могъ отказывать людямъ въ ихъ требованіи видѣть его, что удаленіе отъ этихъ людей было бы жестокостью. Онъ не могъ не соглашаться съ этимъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ отдавался этой жизни, онъ чувствовалъ, какъ внутреннее переходило во внѣшнее, какъ изсякалъ въ немъ источникъ воды живой, какъ то, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ все больше и больше для людей, а не для Бога.

Говорилъ ли онъ наставленія людямъ, просто благословлялъ ли, молился ли о болящихъ, давалъ ли совѣты людямъ о направленіи ихъ жизни, выслушивалъ ли благодарность людей, которымъ онъ помогъ либо исцѣленіями, какъ ему говорили, либо поученіями, онъ не могъ не радоваться этому, не могъ не заботиться о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, о вліяніи ея на людей. Онъ думалъ о томъ, что онъ былъ свѣтильникъ горящій, и чѣмъ больше онъ чувствовалъ это, тѣмъ больше онъ чувствовалъ ослабленіе, потуханіе божескаго свѣта истины, горящаго въ немъ. «Насколько то, что я дѣлаю, для Бога и насколько для людей?»—вотъ вопросъ, который постоянно мучилъ его и на который онъ никогда не то что не могъ, но не рѣшался отвѣтить себѣ. Онъ чувствовалъ въ глубинѣ души, что дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностью для людей. Онъ чувствовалъ это потому, что какъ прежде ему тяжело было, когда его отрывали отъ его уединенія, такъ [теперь] ему тяжело было его уединеніе. Онъ тяготился посѣтителями, уставалъ отъ нихъ, но въ глубинѣ души онъ радо-

вался имъ, радовался тѣмъ восхваленіямъ, которыми окружали его.

Было даже время, когда онъ рѣшилъ уйти, скрыться. Онъ даже все обдумалъ, какъ это сдѣлать. Онъ приготовилъ себѣ мужицкую рубаху, портки и кафтанъ, и шапку. Онъ объяснилъ, что это нужно ему для того, чтобы давать просящимъ. И онъ держалъ это одѣяніе у себя, придумывая, какъ онъ одѣнется, острижетъ волосы и уйдетъ. Сначала онъ уѣдетъ на поѣздѣ, проѣдетъ триста верстъ, сойдетъ и пойдетъ по деревнямъ. Онъ разспрашивалъ старика солдата, какъ онъ ходитъ, какъ подаютъ и пускаютъ. Солдатъ разсказалъ, какъ и гдѣ лучше подаютъ и пускаютъ, и вотъ такъ и хотѣлъ сдѣлать отецъ Сергій. Онъ даже разъ одѣлся ночью и хотѣлъ идти, но онъ не зналъ, что хорошо: оставаться или бѣжать? Сначала онъ былъ въ нерѣшительности, потомъ нерѣшительность прошла, онъ привыкъ и покорился дьяволу, и одежда мужицкая только напоминала ему его мысли и чувства.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше приходило къ нему людей и все меньше и меньше оставалось времени для духовнаго укрѣпленія и молитвы. Иногда, въ свѣтлыя минуты, онъ думалъ такъ, что онъ сталъ подобенъ мѣсту, гдѣ прежде былъ ключъ. «Былъ слабый ключъ воды живой, который тихо текъ изъ меня, черезъ меня. То была истинная жизнь, когда она (онъ всегда съ восторгомъ вспоминалъ эту ночь и ее, теперь мать Агнію) соблазняла его. Она вкусила той чистой воды, но съ тѣхъ поръ не успѣваетъ набраться вода, какъ жаждущіе приходятъ, тѣснятся, отбиваютъ другъ друга. И они затолкли все, осталась одна грязь». Такъ думалъ онъ въ рѣдкія свѣтлыя минуты; но самое обыкновенное состояніе его было—усталость и умиленіе передъ собой за эту усталость.

Была весна, канунъ праздника Преполовенья. Отецъ Сергій служилъ всенощную въ своей пещерной церкви. Народу было столько, сколько могло помѣститься,—человѣкъ двадцать. Это все были господа и купцы—богатые. Отецъ Сергій пускалъ всѣхъ, но эту выборку дѣлали монахъ, приставленный къ нему, и дежурный, присылаемый ежедневно къ его затвору изъ монастыря. Толпа народа, человѣкъ въ восемьдесятъ странниковъ-мужиковъ, въ особенности бабъ, толпилась наружи, ожидая выхода отца Сергія и его благословенія. Отецъ Сергій служилъ и, когда онъ вышелъ, славя...[1]) къ гробу своего предшествен-

[1]) Многоточіе въ оригиналѣ. *Ред.*

ника, онъ пошатнулся и упалъ бы, если бы стоявшій за нимъ купецъ и за нимъ монахъ, служившій за дьякона, не подхватили его.

— Что съ вами? Батюшка, отецъ Сергій! Голубчикъ! Господи! — заговорили голоса женщинъ.—Какъ платокъ стали.

Но отецъ Сергій тотчасъ же оправился и, хотя и очень блѣдный, отстранилъ отъ себя купца и дьякона и продолжалъ пѣть. Отецъ Серапіонъ, дьяконъ, и причетники, и барыня Софія Ивановна, жившая всегда при затворѣ и ухаживавшая за отцомъ Сергіемъ, стали просить его прекратить службу.

— Ничего, ничего,—улыбаясь чуть замѣтно подъ своими усами, проговорилъ отецъ Сергій.—Не прерывайте службу.— «Да, такъ святые дѣлаютъ», подумалъ онъ.

— Святой, ангелъ Божій,—послышался ему тотчасъ же сзади его голосъ Софьи Ивановны и еще того купца, который поддерживалъ его. Онъ не послушался уговоровъ и продолжалъ служить. Опять тѣснясь, всѣ прошли коридорчиками назадъ къ маленькой церкви, и тамъ, хотя немного и сокративъ ее, отецъ Сергій дослужилъ всенощную.

Тотчасъ послѣ службы отецъ Сергій благословилъ бывшихъ тутъ и вышелъ на лавочку подъ вязъ у входа въ пещеры. Онъ хотѣлъ отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, чувствовалъ, что ему это необходимо, но только что онъ вышелъ, какъ толпа народа бросилась къ нему, прося благословенія и спрашивая совѣтовъ и помощи. Тутъ были странницы, всегда ходящія отъ святого мѣста къ святому мѣсту, отъ старца къ старцу и всегда умиляющіяся передъ всякой святыней и всякимъ старцемъ. Отецъ Сергій зналъ этотъ обычный, самый нерелигіозный, холодный условный типъ. Тутъ были странники, большей частью изъ отставныхъ солдатъ, отбившіеся отъ осѣдлой жизни, бѣдствующіе и большей частью запивающіе старики, шляющіеся изъ монастыря въ монастырь только, чтобы кормиться; тутъ были и сѣрые крестьяне и крестьянки съ свими эгоистическими требованіями исцѣленія или разрѣшенія сомнѣній о самыхъ практическихъ дѣлахъ: о выдачѣ дочери, о наймѣ лавочки, о покупкѣ земли или о снятіи съ себя грѣха заспаннаго или прижитаго ребенка. Все это было давно знакомо и неинтересно отцу Сергію. Онъ зналъ, что отъ этихъ лицъ онъ ничего не узнаетъ новаго, что лица эти не вызовутъ въ немъ никакого религіознаго чувства, но онъ любилъ, видѣть ихъ, какъ толпу, которой онъ, его благословеніе, его слово было нужно и дорого, и потому онъ и тяготился этой толпой, и она вмѣстѣ съ тѣмъ была пріятна ему. Отецъ Серапіонъ сталъ было отгонять ихъ, говоря, что

отецъ Сергій усталъ, но онъ, вспомнивъ при томъ слова Евангелія: «Не мѣшайте имъ (дѣтямъ) приходить ко Мнѣ» и умилившись на себя при этомъ воспоминаніи, сказалъ, чтобы ихъ пустили.

Онъ всталъ, подошелъ къ перильцамъ, около которыхъ они толпились, и сталъ благословлять ихъ и отвѣчать на ихъ вопросы голосомъ, слабости звука котораго онъ самъ умилился. Но, несмотря на желаніе, принять ихъ всѣхъ онъ не могъ; опять у него потемнѣло въ глазахъ, онъ пошатнулся и схватился за перила. Опять онъ почувствовалъ приливъ къ головѣ и сначала поблѣднѣлъ, а потомъ вдругъ вспыхнулъ.

— Да, видно, до завтра. Я не могу нынче,—сказалъ онъ и, благословивъ вообще всѣхъ, пошелъ къ лавочкѣ. Купецъ опять подхватилъ его и повелъ за руку и посадилъ.

— Отецъ!—послышалось въ толпѣ. Отецъ! Батюшка! Не покинь ты насъ. Пропали мы безъ тебя!

Купецъ, усадивъ отца Сергія на лавочку подъ вязомъ, взялъ на себя обязанность полицейскую и очень рѣшительно взялся протонять народъ. Правда, онъ говорилъ тихо, такъ что отецъ Сергій не могъ слышать его, но говорилъ рѣшительно и сердито:

— Убирайтесь, убирайтесь! Благословилъ, ну, чего же вамъ еще? Маршъ! А то, право, шею намну. Ну, ну! Ты, тетка, черныя онучи, ступай, ступай. Ты куда лѣзешь? Сказано,—шабашъ. Что завтра Богъ дастъ, а нынче вся отошла.

— Батюшка, только еще глазкомъ на личико его взглянуть,—говорила старуха.

— Я те взгляну. Куда лѣзешь?

Отецъ Сергій замѣтилъ, что купецъ что-то строго дѣйствуетъ, и слабымъ голосомъ сказалъ келейнику, чтобъ онъ не гналъ народъ. Отецъ Сергій зналъ, что онъ все-таки прогонитъ, и очень желалъ остаться одинъ и отдохнуть, но послалъ келейника сказать, чтобы произвести впечатлѣніе.

— Хорошо, хорошо. Я не гоню, я усовѣщиваю,—отвѣчалъ купецъ.—Вѣдь они рады доконать человѣка. У нихъ жалости вѣдь нѣтъ, они только себя помнятъ. Нельзя, сказано. Иди! Завтра.

И купецъ прогналъ всѣхъ.

Купецъ усердствовалъ и потому, что онъ любилъ порядокъ и любилъ гонять народъ, помыкать имъ и, главное, потому, что отецъ Сергій ему нуженъ былъ. Онъ былъ вдовецъ, и у него была единственная дочь, больная, не шедшая замужъ, и онъ за 1400 верстъ привезъ ее къ отцу Сергію, чтобы отецъ Сергій излѣчилъ ее. Онъ лѣчилъ эту дочь за два года ея болѣзни уже въ разныхъ мѣстахъ. Сначала въ губернскомъ университетскомъ городѣ въ

клиникѣ—не помогли; потомъ возилъ ее къ мужику въ Самарскую губернію—немножко полегчало; потомъ возилъ къ московскому доктору, заплатилъ много денегъ—ничего не помогъ. Теперь ему сказали, что отецъ Сергій излѣчиваетъ, и вотъ онъ привезъ ее. Такъ что, когда купецъ разогналъ весь народъ, онъ подошелъ къ отцу Сергію и, ставъ безъ всякихъ приготовленій на колѣни, громкимъ голосомъ сказалъ:

— Отецъ святой! благослови дщерь мою болящую исцѣлить отъ боли недуга. Дерзаю прибѣгнуть къ святымъ стопамъ твоимъ.

И онъ сложилъ чашечкой руку на руку. Все это онъ сдѣлалъ и сказалъ такъ, какъ будто онъ дѣлалъ нѣчто ясно и твердо опредѣленное закономъ и обычаемъ, какъ будто именно такъ, а не какимъ-либо инымъ способомъ надо и должно просить объ исцѣленіи дочери. Онъ сдѣлалъ это съ такою увѣренностью, что даже и отцу Сергію показалось, что все это именно такъ и должно говорить и дѣлать. Но онъ все-таки велѣлъ ему встать и разсказать, въ чемъ дѣло. Купецъ разсказалъ, что дочь его, дѣвица двадцати двухъ лѣтъ, заболѣла два года тому назадъ послѣ скоропостижной смерти матери, ахнула, какъ онъ говоритъ, и съ тѣхъ поръ повредилась. И вотъ онъ привезъ ее за 1400 верстъ, и она ждетъ въ гостиницѣ, когда отецъ Сергій прикажетъ привесть ее. Днемъ она не ходитъ, боится свѣта, а можетъ выходить только послѣ заката солнца.

— Что же, она очень слаба?—сказалъ отецъ Сергій.

— Нѣтъ, слабости она особой не имѣетъ и корпусна, а только нерастениха, какъ докторъ сказывалъ. Если бы нынче приказалъ отецъ Сергій привесть ее, я бы духомъ слеталъ. Отецъ святый! оживите сердце родителя, возстановите родъ его, молитвами своими спасите болящую дщерь его.

И купецъ опять съ размаха упалъ на колѣни и, склонившись бокомъ головой надъ двумя руками горсточкой, замеръ. Отецъ Сергій опять велѣлъ ему встать и, подумавъ о томъ, какъ тажела его дѣятельность, и какъ, несмотря на то, онъ покорно несетъ ее, тяжело вздохнулъ и, помолчавъ нѣсколько секундъ, сказалъ:

— Хорошо, приведите ее вечеромъ. Я помолюсь о ней, но теперь я усталъ.—И онъ закрылъ глаза.—Я пришлю тогда.

Купецъ, на цыпочкахъ ступая по песку, отчего сапоги только громче скрипѣли, удалился, и отецъ Сергій остался одинъ.

Вся жизнь отца Сергія была полна службами и посѣтителями, но нынче былъ особенно трудный день. Утромъ былъ пріѣзжій важный сановникъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ; послѣ него была барыня съ сыномъ. Сынъ этотъ былъ молодой профессоръ,

невѣрующій, котораго мать, горячо вѣрующая и преданная отцу Сергію, привезла сюда и упросила отца Сергія поговорить съ нимъ. Разговоръ былъ очень тяжелый. Молодой человѣкъ, очевидно, не желалъ вступать въ споръ съ монахомъ, соглашался съ нимъ во всемъ, какъ съ человѣкомъ слабымъ, но отецъ Сергій видѣлъ, что молодой человѣкъ не вѣритъ, и что, несмотря на то, ему хорошо, легко и спокойно. Отецъ Сергій съ неудовольствіемъ вспоминалъ теперь этотъ разговоръ.

— Покушать, батюшка, — сказалъ келейникъ.

— Да, что-нибудь принесите.

Келейникъ ушелъ въ келейку, построенную въ десяти шагахъ отъ входа въ пещеры, а отецъ Сергій остался одинъ.

Давно уже прошло то время, когда отецъ Сергій жилъ одинъ и самъ все дѣлалъ для себя и питался одной просвирой и хлѣбомъ. Уже давно ему доказали, что онъ не имѣетъ права пренебрегать своимъ здоровьемъ, и его питали постными, но здоровыми кушаньями. Онъ употреблялъ ихъ мало, но гораздо больше, чѣмъ прежде, и часто ѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, а не такъ, какъ прежде, съ отвращеніемъ и сознаніемъ грѣха. Такъ это было и теперь. Она поѣлъ кашки, выпилъ чашку чая и съѣлъ половину бѣлаго хлѣба.

Келейникъ ушелъ, и онъ остался одинъ на лавочкѣ подъ вязомъ.

Былъ чудный майскій вечеръ. Листъ только что разлопушился на березахъ, осинахъ, вязахъ, черемухахъ и дубахъ. Черемуховые кусты за вязомъ были въ полномъ цвѣту и еще не осыпались; соловьи—одинъ совсѣмъ близко и другіе два или три внизу, въ кустахъ, у рѣки, щелкали и заливались. Съ рѣки слышалось далеко пѣніе возвращавшихся, вѣрно, съ работы рабочихъ; солнце зашло за лѣсъ и брызгало разбившимися лучами сквозь зелень. Вся сторона эта была свѣтло-зеленая; другая, съ вязомъ, была темная. Жуки летали и хлопались и падали.

Послѣ ужина отецъ Сергій сталъ творить умственную молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», а потомъ сталъ читать псаломъ, и вдругъ, среди псалма, откуда ни возьмись, воробей слетѣлъ съ куста на землю и, чиликая, попрыгивая, подскочилъ къ нему, испугался чего-то и улетѣлъ. Онъ читалъ молитву, въ которой говорилъ о своемъ отреченіи отъ міра, и торопился поскорѣе прочесть ее, чтобы послать за купцомъ съ больною дочерью: она интересовала его. Она интересовала его тѣмъ, что это было развлеченіе, новое лицо,—тѣмъ, что и отецъ ея и она считала его угодникомъ,—такимъ, чья

молитва исполнялась. Онъ отрекался отъ этого, но онъ въ глубинѣ души самъ считалъ себя такимъ.

Онъ часто удивлялся тому, какъ это случилось, что ему, Степану Касатскому, довелось быть такимъ необыкновеннымъ угодникомъ и прямо чудотворцемъ, но [въ] то[мъ], что онъ былъ такой, не было никакого сомнѣнія: онъ не могъ не вѣрить тѣмъ чудесамъ, которыя онъ самъ видѣлъ, начиная съ разслабленнаго мальчика и до послѣдней старушки, получившей зрѣніе по его молитвѣ.

Какъ ни странно это было, это было такъ. Такъ, купцова дочь интересовала его тѣмъ, что она была новое лицо, что она имѣла вѣру въ него, и тѣмъ еще, что предстояло опять на ней подтвердить свою силу исцѣленія и свою славу. «За тысячи верстъ пріѣзжаютъ, въ газетахъ пишутъ, государь знаетъ, въ Европѣ, въ невѣрующей Европѣ знаютъ», думалъ онъ. И вдругъ ему стало совѣстно своего тщеславія, и онъ сталъ опять молиться Богу. «Господи, Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша. — Очисти отъ скверны славы людской, обуревающей меня», повторилъ онъ и вспомнилъ, сколько разъ онъ молился объ этомъ, и какъ тщетны были до сихъ поръ въ этомъ отношеніи его молитвы. Молитва его дѣлала чудеса для другихъ, но для себя онъ не могъ выпросить у Бога освобожденія отъ этой ничтожной страсти.

Онъ вспомнилъ молитвы свои въ первое время затвора, когда онъ молился о дарованіи ему чистоты, смиренія и любви, и о томъ, какъ ему казалось тогда, что Богъ услышалъ его молитвы, онъ былъ чистъ и отрубилъ себѣ палецъ. И онъ поднялъ сморщенный сборками отрѣзокъ пальца и поцѣловалъ его. Ему казалось, что онъ и былъ смирененъ тогда, когда онъ постоянно гадокъ былъ себѣ своей грѣховностью, и ему казалось, что онъ имѣлъ тогда и любовь, когда вспоминалъ, съ какимъ умиленіемъ онъ встрѣчалъ тогда старика, зашедшаго къ нему, пьянаго солдата, требовавшаго денегъ, и ее. Но теперь?.. И онъ спросилъ себя, любитъ ли онъ кого, любитъ ли Софью Ивановну, отца Серапіона, испыталъ ли онъ чувство любви ко всѣмъ этимъ лицамъ, бывшимъ у него нынче,—къ этому ученому юношѣ, съ которымъ онъ такъ поучительно бесѣдовалъ, заботясь только о томъ, чтобы показать ему свой умъ и неотсталость отъ образованія. Ему пріятна, нужна любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ. Не было у него теперь любви, не было и смиренія, не было и чистоты.

Ему было пріятно узнать, что купцовой дочери двадцать два года, и хотѣлось знать, красива ли она. И, спрашивая о ея слабости, онъ именно хотѣлъ знать, имѣетъ ли она женскую прелесть или нѣтъ.

«Неужели я такъ палъ?—подумалъ онъ. Господи, помоги мнѣ, возстанови меня, Господь и Богъ мой!» И онъ сложилъ руки и сталъ молиться. Соловьи заливались; жукъ налетѣлъ на него и поползъ по затылку. Онъ сбросилъ его. «Да есть ли Онъ? Что, какъ я стучусь у запертаго снаружи дома?.. Замокъ на двери, и я могъ бы видѣть его. Замокъ этотъ—соловьи, жуки, природа. Юноша правъ, можетъ быть». И онъ сталъ громко молиться и долго молился, до тѣхъ поръ, пока мысли эти исчезли, и онъ почувствовалъ себя опять спокойнымъ и увѣреннымъ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и вышедшему келейнику сказалъ, что пускай купецъ этотъ съ дочерью придетъ теперь.

Купецъ привелъ подъ руку дочь, провелъ ее въ келью и тотчасъ же ушелъ.

Дочь его была бѣлокурая, чрезвычайно бѣлая, блѣдная, полная, чрезвычайно короткая дѣвушка, съ испуганнымъ, дѣтскимъ лицомъ и очень развитыми женскими формами. Отецъ Сергій остался на лавочкѣ у входа. Когда проходила дѣвушка и остановилась подлѣ него, и онъ благословилъ ее, онъ самъ ужаснулся на себя, какъ онъ осмотрѣлъ ея тѣло. Она прошла, а онъ чувствовалъ себя ужаленнымъ. По лицу ея онъ увидалъ, что она чувственна и слабоумна. Онъ всталъ и вошелъ въ келью. Она сидѣла на табуретѣ, дожидаясь его.

Когда онъ взошелъ, она встала.

— Я къ папашѣ хочу,—сказала она.

— Не бойся,—сказалъ онъ.—Что у тебя болитъ?

— Все у меня болитъ,—сказала она, и вдругъ лицо ея освѣтилось улыбкой.

— Ты будешь здорова,—сказалъ онъ,—молись.

— Что молиться, я молилась, ничего не помогаетъ.—И она все улыбалась.—Вотъ вы помолитесь, да руки на меня наложите. Я во снѣ васъ видѣла.

— Какъ видѣла?

— Видѣла, что вы вотъ такъ ручку наложили мнѣ на грудь. — Она взяла его руку и прижала ее къ своей груди.— Вотъ сюда.

Онъ отдалъ ей свою правую руку.

— Какъ тебя звать? — спросилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и чувствуя, что онъ побѣжденъ, что похоть ушла ужъ изъ-подъ руководства.

— Марья. А что?

Она взяла руку и поцѣловала ее, а потомъ одной рукой обвила его за поясъ и прижимала къ себѣ.

— Что ты?—сказалъ онъ.—Марья, ты —дьяволъ.

— Ну, авось, ничего.

И она, обнимая его, сѣла съ нимъ на кровать.

На разсвѣтѣ онъ вышелъ на крыльцо.

«Неужели все это было? Отецъ придетъ, она разскажетъ. Она—дьяволъ. Да что же я сдѣлаю? Вотъ онъ, тотъ топоръ, которымъ я рубилъ палецъ». Онъ схватилъ топоръ и пошелъ въ келью.

Келейникъ встрѣтилъ его.

— Дровъ прикажете нарубить? Пожалуйте топоръ.

Онъ отдалъ топоръ. Вошелъ въ келью. Она лежала и спала. Съ ужасомъ взглянулъ онъ на нее. Прошелъ [за перегородку], снялъ мужицкое платье, одѣлъ, взялъ ножницы, обстригъ волосы и вышелъ къ тропинкѣ подъ гору къ рѣкѣ, у которой онъ не былъ четыре года.

Вдоль рѣки шла дорога; онъ пошелъ по ней и прошелъ до обѣда. Въ обѣдъ онъ вошелъ въ рожь и легъ въ ней. Къ вечеру онъ пришелъ къ деревнѣ на рѣкѣ. Онъ не пошелъ въ деревню, а къ рѣкѣ, къ обрыву.

Было раннее утро, съ полчаса до восхода солнца. Все было сѣро и мрачно, и тянулъ съ запада холодный предразсвѣтный вѣтеръ. «Да, надо кончить. Нѣтъ Бога. Какъ кончить. Броситься? Умѣю плавать,—не утонешь. Повѣситься? Да, вотъ кушакъ, на суку». Это показалось такъ возможно и близко, что онъ ужаснулся, хотѣлъ, какъ обыкновенно въ минуты отчаянія, помолиться. Но молиться некому было, — Бога не было. Онъ лежалъ, облокотившись на руку, и вдругъ онъ почувствовалъ такую потребность сна, что не могъ держать больше голову рукой, а вытянулъ руку, положилъ на нее голову и тотчасъ же заснулъ. Но сонъ этотъ продолжался только мгновеніе, онъ тотчасъ же просыпается и начинаетъ не то видѣть во снѣ, не то вспоминать.

И вотъ видитъ онъ себя почти ребенкомъ въ домѣ матери въ деревнѣ, и къ нимъ подъѣзжаетъ коляска, и изъ коляски выходятъ: дядя Николай Сергѣевичъ, съ огромной—лопатой—черной бородой и съ нимъ худенькая дѣвочка Пашенька съ большими кроткими глазами и жалкимъ, робкимъ лицомъ. И вотъ имъ, въ ихъ компанію мальчиковъ, приводятъ эту Пашеньку.

И надо съ ней играть, а скучно. Она глупая, кончается тѣмъ, что ее поднимаютъ на-смѣхъ, заставляютъ ее показывать, какъ она умѣетъ плавать. Она ложится на полъ и показываетъ на сухомъ. И всѣ хохочутъ, и дѣлаютъ ее дурой. И она видитъ это и краснѣетъ пятнами, и становится жалкой, такой жалкой, что совѣстно и что никогда забыть нельзя этой ея кривой, доброй, покорной улыбки. И вспоминаетъ Сергій, когда онъ видѣлъ ее послѣ этого. Видѣлъ онъ ее долго потомъ, передъ поступленіемъ его въ монахи. Она была замужемъ за какимъ-то помѣщикомъ, промотавшимъ все ея состояніе и бившимъ ее. У нея было двое дѣтей: сынъ и дочь. Сынъ умеръ маленькимъ.

Сергій вспоминалъ, какъ онъ видѣлъ ее несчастной. Потомъ онъ видѣлъ ее въ монастырѣ вдовой. Она была такая же—не сказать глупая, но безвкусная, ничтожная и жалкая. Она пріѣзжала съ дочерью и ея женихомъ. И они были уже бѣдны. Потомъ онъ слышалъ, что она живетъ гдѣ-то въ уѣздномъ городѣ и что она очень бѣдна. «И зачѣмъ я думаю о ней?» спрашивалъ онъ себя. Но не могъ перестать думать о ней. «Гдѣ она? Что съ ней? Такъ ли она все несчастна, какъ была тогда, когда показывала, какъ плаваютъ, по полу? Да что мнѣ о ней думать? Что я? Кончить надо».

И опять ему страшно стало, и опять, чтобы спастись отъ этой мысли, онъ сталъ думать о Пашенькѣ.

Такъ онъ лежалъ долго, думая то о своемъ необходимомъ концѣ, то о Пашенькѣ. Пашенька представлялась ему спасеніемъ. Наконецъ онъ заснулъ, и во снѣ онъ увидалъ ангела, который пришелъ къ нему и сказалъ: «Иди къ Пашенькѣ и узнай отъ нея, что̀ тебѣ надо дѣлать, и въ чемъ твой грѣхъ, и въ чемъ твое спасеніе».

Онъ проснулся и, рѣшивъ, что это было видѣніе отъ Бога, обрадовался и рѣшилъ сдѣлать то, что ему сказано было въ видѣніи. Онъ зналъ городъ, въ которомъ она живетъ,—это было за триста верстъ,—и пошелъ туда.

VIII.

Пашенька ужъ давно была не Пашенька, а старая, высохшая, сморщенная Прасковья Михайловна, теща неудачника, пьющаго чиновника Маврикьева. Жила она въ томъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ зять имѣлъ послѣднее мѣсто, и тамъ кормила семью: и дочь, и самого больного, неврастеника зятя, и пятерыхъ внучатъ. А кормила она тѣмъ, что давала уроки музыки купцовымъ дочкамъ. Въ день было иногда четыре, иногда пять часовъ, такъ

что въ мѣсяцъ зарабатывалось около шестидесяти рублей. Тѣмъ и жили покамѣстъ, ожидая мѣста. Съ просьбами о мѣстѣ Прасковья Михайловна послала письма ко всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, въ томъ числѣ и къ Сергію. Но письмо это не застало его.

Была суббота, и Прасковья Михайловна сама замѣшивала сдобный хлѣбъ съ изюмомъ, который такъ хорошо дѣлалъ еще крѣпостной поваръ у ея папаши. Прасковья Михайловна хотѣла завтра къ празднику угостить внучатъ.

Маша, дочь ея, няньчилась съ меньшимъ, старшіе, мальчикъ и дѣвочка, были въ школѣ. Самъ зять не спалъ ночь и теперь заснулъ. Прасковья Михайловна долго не спала вчера, стараясь смягчить гнѣвъ дочери на мужа.

Она видѣла, что зять слабое существо, не могъ говорить и жить иначе, и видѣла, что упреки ему отъ жены не помогутъ, и она всѣ силы употребляла, чтобы смягчить ихъ, чтобъ не было упрековъ, не было зла. Она не могла физически почти переносить недобрыя отношенія между людьми. Ей такъ ясно было, что отъ этого ничто не можетъ стать лучше, а все будетъ хуже. Да этого даже она не думала; она просто страдала отъ вида злобы, какъ отъ дурного запаха, рѣзкаго шума, ударовъ по тѣлу.

Она только что самодовольно учила Лукерью, какъ замѣшивать опару, когда Миша, шестилѣтній внукъ, въ фартучкѣ, на кривыхъ ножкахъ, въ штопанныхъ чулочкахъ прибѣжалъ въ кухню съ испуганнымъ лицомъ.

— Бабушка, старикъ страшный тебя ищетъ.

Лукерья выглянула.

— И то, странникъ какой-то, барыня.

Прасковья Михайловна обтерла свои худые локти одинъ о другой и руки объ фартукъ и пошла было въ домъ за кошелькомъ подать пять копеекъ, но потомъ вспомнила, что нѣтъ меньше гривенника, и рѣшила подать хлѣба и вернулась къ шкапу, но вдругъ покраснѣла, вспомнивъ, что она пожалѣла, и, приказавъ Лукерьѣ отрѣзать ломоть, сама пошла сверхъ того за гривенникомъ. «Вотъ тебѣ наказанье,—сказала она себѣ,— вдвое подай».

Она подала, извиняясь, и то и другое страннику, и когда подавала, не только ужъ не гордилась своей щедростью, а, напротивъ, устыдилась, что подаетъ такъ мало. Такой значительный видъ былъ у странника.

Несмотря на то, что онъ триста верстъ прошелъ Христовымъ именемъ и оборвался, и похудѣлъ, и почернѣлъ, волосы у него были острижены, шапка мужицкая и сапоги такіе же, несмотря на то, что онъ смиренно кланялся, у Сергія былъ все тотъ же

значительный видъ, который такъ привлекалъ къ нему. Но Прасковья Михайловна не узнала его. Она и не могла узнать его, не видавъ его почти двадцать лѣтъ.

— Не взыщите, батюшка. Можетъ, поѣсть хотите?

Онъ взялъ хлѣба и деньги, и Прасковья Михайловна удивилась, что онъ не уходитъ, а смотритъ на нее.

— Пашенька, я къ тебѣ пришелъ, прими меня!

И черные прекрасные глаза пристально и просительно смотрѣли на нее и заблестѣли выступившими слезами. И подъ сѣдѣющими усами жалостно дрогнули губы.

Прасковья Михайловна схватилась за высохшую грудь, открыла ротъ и замерла спустившимися зрачками на лицѣ странника.

— Да не можетъ быть! Степа! Сергій! Отецъ Сергій!

— Да, онъ самый,—тихо проговорилъ Сергій.—Только не Сергій, не отецъ Сергій, а великій грѣшникъ Степанъ Касатскій, погибшій, великій грѣшникъ. Прими, помоги мнѣ.

— Да не можетъ быть. Да какъ же вы это такъ смирились? Да пойдемте же.

Она протянула руку, но онъ не взялъ ея и пошелъ за ней.

Но куда вести? Квартирка была маленькая. Сначала была отведена комнатка крошечная, почти чуланчикъ, для нея, но потомъ этотъ чуланчикъ она отдала дочери. И теперь тамъ сидѣла Маша, укачивая грудного.

— Сядьте сюда сейчасъ, — сказала онъ Сергію, указывая на лавку въ кухнѣ.

Сергій тотчасъ же сѣлъ и снялъ, очевидно, уже привычнымъ жестомъ сначала съ одного, потомъ съ другого плеча сумку.

— Боже мой, Боже мой, какъ смирился батюшка. Какая слава и вдругъ такъ...

Сергій не отвѣчалъ и только кротко улыбнулся, укладывая подлѣ себя сумку.

— Маша, это знаешь кто?

И Прасковья Михайловна шопотомъ разсказала дочери, кто былъ Сергій, и онѣ вмѣстѣ вынесли и постель, и люльку изъ чулана, опроставъ его для Сергія.

Прасковья Михайловна провела Сергія въ каморку.

— Вотъ тутъ отдохните. Не взыщите. А мнѣ идти надо.

— Куда?

— Уроки у меня тутъ, совѣстно и говорить — музыкѣ учу.

— Музыкѣ — это хорошо. Только одно, Прасковья Михайловна, я вѣдь къ вамъ за дѣломъ пришелъ. Когда я могу поговорить съ вами?

— За счастье почту. Вечеромъ можно?

— Можно. Только еще просьба; не говорите обо мнѣ, кто я. Я только вамъ открылся. Никто не знаетъ, куда я ушелъ. Такъ надо.

— Ахъ, а я сказала дочери.

— Ну, попросите ее не говорить.

Сергій снялъ сапоги, легъ и тотчасъ же заснулъ послѣ безсонной ночи и сорока верстъ ходу.

Когда Прасковья Михайловна вернулась, Сергій сидѣлъ въ своей каморкѣ и ждалъ ее. Онъ не выходилъ къ обѣду, а поѣлъ супу и каши, которые принесла ему туда Лукерья.

— Что же ты раньше пришла обѣщаннаго? — сказалъ Сергій. — Теперь можно поговорить?

— И за что мнѣ такое счастье, что такой посѣтитель? Я ужъ пропустила урокъ. Послѣ... Я мечтала все съѣздить къ вамъ, писала вамъ и вдругъ такое счастье.

— Пашенька, пожалуйста, слова, которыя я скажу тебѣ сейчасъ, прими какъ исповѣдь, какъ слова, которыя я въ смертный часъ говорю передъ Богомъ. Пашенька, я не святой человѣкъ, даже не простой, рядовой человѣкъ: я грѣшникъ, грязный, гадкій, заблудшій, гордый грѣшникъ, хуже, — не знаю, всѣхъ ли, — но хуже самыхъ худыхъ людей.

Пашенька смотрѣла сначала, выпучивъ глаза; она вѣрила. Потомъ, когда она вполнѣ повѣрила, она тронула рукой его руку и, жалостно улыбаясь, сказала:

— Стива, можетъ быть, ты преувеличиваешь?

— Нѣтъ, Пашенька. Я блудникъ, я убійца, я богохульникъ и обманщикъ.

— Боже мой! Что жъ это?—проговорила Прасковья Михайловна.

— Но надо жить. И я, который думалъ, что все знаю, который училъ другихъ, какъ жить,—я ничего не знаю, и я тебя прошу научить.

— Что ты, Стива. Ты смѣешься. За что вы всегда смѣетесь надо мной?

— Ну, хорошо, я смѣюсь; только скажи мнѣ, какъ ты живешь и какъ прожила жизнь.

— Я? Да я прожила самую гадкую, скверную жизнь, и теперь Богъ наказываетъ меня, и по-дѣломъ, и живу такъ дурно, такъ дурно...

— Какъ же ты вышла замужъ? какъ жила съ мужемъ?

— Все было дурно. Вышла—влюоилась самымъ гадкимъ манеромъ. Папа не желалъ этого. Я ни на что не посмотрѣла, вышла. И замужемъ, вмѣсто того, чтобы помогать мужу, я мучила его ревностью, которую не могла въ себѣ побѣдить.

— Онъ пилъ, я слышалъ?

— Да, но я-то не умѣла успокоить его. Упрекала его. А вѣдь это — болѣзнь. Онъ не могъ удержаться, а я теперь вспоминаю, какъ я не давала ему. И у насъ были ужасныя сцены.

И она смотрѣла прекрасными, страдающими при воспоминаніи глазами на Касатскаго.

Касатскій вспоминалъ, какъ ему разсказывали, что мужъ билъ Пашеньку, и Касатскій видѣлъ теперь, глядя на ея худую, высохшую шею съ выдающимися жилами за ушами и пучкомъ рѣдкихъ полусѣдыхъ, полурусыхъ волосъ, какъ будто видѣлъ, какъ это происходило.

—Потомъ я осталась одна съ двумя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ.

— Да вѣдь у васъ было имѣнье.

— Это еще при Васѣ мы продали и все... прожили. Надо было жить, а я ничего не умѣла, какъ всѣ мы, барышни. Но я особенно плоха, безпомощна была. Такъ проживали послѣднее. Я учила дѣтей, сама немножко подучилась. А тутъ Митя заболѣлъ уже въ четвертомъ классѣ, и Богъ взялъ его. Манечка полюбила Ваню—зятя. И что жъ, онъ хорошій, но только несчастный; онъ больной.

— Мамаша,—перебила ея рѣчь дочь,—возьмите Мишу, не могу я разорваться.

Прасковья Михайловна вздрогнула, встала и, быстро ступая въ своихъ стоптанныхъ башмакахъ, вышла въ дверь и тотчасъ же вернулась съ двухлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ, который валился назадъ и схватился ручонками за ея косынку.

— Да, такъ на чемъ я остановилась? Ну вотъ, было у него мѣсто тутъ хорошее, и начальникъ такой милый, но Ваня не могъ и вышелъ въ отставку.

— Чѣмъ же онъ боленъ?

— Неврастеніей; это—ужасная болѣзнь. Мы совѣтовались, но надо бы ѣхать, но средствъ нѣтъ. Но я все надѣюсь, что такъ пройдетъ. Особенныхъ болей у него нѣтъ, но...

— Лукерья!—послышался его голосъ сердитый и слабый.—Всегда ушлютъ куда-нибудь, когда ее нужно. Мамаша!

— Сейчасъ,—опять перебила себя Прасковья Михайловна.—Онъ не обѣдалъ еще. Онъ не можетъ съ нами.

Она вышла, что-то устроила тамъ и вернулась, обтирая загорѣлыя, худыя руки.

— Такъ вотъ и живу. И все жалуемся, и все недовольны, а слава Богу, внуки все славные, здоровые, и жить еще можно. Да что про меня говорить.

— Ну, чѣмъ же вы живете?

— А немножко я вырабатываю. Вотъ я скучала музыкой, а теперь какъ она мнѣ пригодилась.

Она держала маленькую руку на комодцѣ, у котораго сидѣла, и, какъ упражненія, перебирала худыми пальцами.

— Что жъ вамъ платятъ за уроки?

— Платятъ и рубль, и 50 копеекъ, есть и 30 копеекъ. Они всѣ такіе добрые ко мнѣ.

— И что же, успѣхи дѣлаютъ? — чуть улыбаясь глазами, спросилъ Касатскій.

Прасковья Михайловна не повѣрила сразу серьезности вопроса и вопросительно взглянула ему въ глаза.

— Дѣлаютъ и успѣхи. Одна славная дѣвочка есть, мясника дочь. Добрая, хорошая дѣвочка. Вотъ если бы я была порядочная женщина то, разумѣется, по папашинымъ связямъ я бы могла найти мѣсто зятю. А то я ничего не умѣла и вотъ довела ихъ всѣхъ до этого.

— Да, да, — говорилъ Касатскій, наклоняя голову. — Ну, а какъ вы, Пашенька, въ церковной жизни участвуете? — спросилъ онъ.

— Ахъ, не говорите. Ужъ такъ дурно, такъ запустила. Съ дѣтьми говѣю и бываю въ церкви, а то и по мѣсяцамъ не бываю. Дѣтей посылаю.

— А отчего же не бываете сами?

— Да правду сказать... — она покраснѣла, — да оборванной идти совѣстно передъ дочерью, внучатами, а новенькаго нѣтъ. Да просто лѣнюсь.

— Ну, а дома молитесь?

— Молюсь. Да что за молитва, такъ, машинально. Знаю, что не такъ надо, да нѣтъ настоящаго чувства; только и есть, что знаешь всю свою гадость...

— Да, да, такъ, такъ, — какъ бы одобряя, подговаривалъ Касатскій.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣтила она на зовъ зятя и, поправивъ на головѣ косичку, вышла изъ комнаты.

На этотъ разъ она долго не возвращалась. Когда она вернулась, Касатскій сидѣлъ въ томъ же положеніи, опершись лок-

тями на колѣни и опустивъ голову. Но сумка его была надѣта на спину.

Когда она вошла съ жестяной, безъ колпака, лампочкой, онъ поднялъ на нее свои прекрасные, усталые глаза и глубоко-глубоко вздохнулъ.

— Я имъ не сказала, кто вы, — начала она робко, — а только сказала, что странникъ изъ благородныхъ, и что я знала. Пойдемте въ столовую, чаю.

— Нѣтъ.

— Ну, я сюда принесу.

— Нѣтъ, ничего не надо. Спаси тебя Богъ, Пашенька. Я пойду. Если жалѣешь, не говори никому, что видѣла меня. Богомъ живымъ заклинаю тебя: не говори никому. Спасибо тебѣ. Я бы поклонился тебѣ въ ноги, да знаю, что это смутитъ тебя. Спасибо, прости, Христа ради

— Благословите.

— Богъ благословитъ. Прости Христа ради.

И онъ хотѣлъ идти, но она не пустила его и принесла ему хлѣба, баранокъ и масла. Онъ взялъ все и вышелъ.

Было темно, и не отошелъ онъ двухъ домовъ, какъ она потеряла его изъ вида и узнала, что онъ идетъ, только потому, что протопопова собака залаяла на него.

«Такъ вотъ что значилъ мой сонъ. Пашенька—именно то, что я долженъ былъ быть и чѣмъ я не былъ. Я жилъ для людей подъ предлогомъ Бога, она живетъ для Бога, воображая, что она живетъ для людей».

«Да, одно доброе дѣло, чашка воды, поданная безъ мысли о наградѣ, дороже облагодѣтельствованныхъ мною для людей. Но вѣдь была доля искренняго желанія служить Богу?»—спрашивалъ онъ себя, и отвѣтъ былъ: «Да, но все это было загажено, заросло славой людской. Да, нѣтъ Бога для того, кто жилъ, какъ я, для славы людской. Буду искать Его».

И онъ пошелъ, какъ шелъ до Пашеньки, отъ деревни до деревни, сходясь и расходясь съ странниками и странницами и прося Христа ради хлѣба и ночлега. Изрѣдка его бранила злая хозяйка, ругалъ выпившій мужикъ, но большей частью его кормили, поили, давали даже на дорогу. Его господское обличье располагало нѣкоторыхъ въ его пользу. Нѣкоторые, напротивъ, какъ бы радовались на то, что вотъ господинъ дошелъ также до нищеты. Но кротость его побѣждала всѣхъ.

Онъ часто, находя въ домѣ Евангеліе, читалъ его, и люди всегда, вездѣ всѣ умилялись и удивлялись, какъ новое и вмѣстѣ съ тѣмъ давно знакомое слушали его.

Если удавалось ему послужить людямъ или совѣтомъ, или грамотой, или уговоромъ ссорящихся, онъ не видѣлъ благодарности, потому что уходилъ. И понемногу Богъ сталъ проявляться въ немъ.

Одинъ разъ онъ шелъ съ двумя старушками и солдатомъ. Баринъ съ барыней на шарабанѣ, запряженномъ рысакомъ, и мужчина и дама верховые остановили ихъ. Мужъ барыни ѣхалъ съ дочерью верхами, а въ шарабанѣ ѣхала барыня съ, очевидно, путешественникомъ - французомъ.

Они остановили ихъ, чтобы показать ему les pélérins [1]), которые, по свойственному русскому народу суевѣрію, вмѣсто того, чтобы работать, ходятъ изъ мѣста въ мѣсто.

Они говорили по - французски, думая, что не понимаютъ ихъ.

— Demandez leur,—сказалъ французъ,—s'ils sont bien sûrs de ce que leur pélérinage est agréable à Dieu [2]).

Ихъ спросили. Старушки отвѣчали:

— Какъ Богъ приметъ. Ногами - то были, сердцемъ будемъ ли?

Спросили солдата. Онъ сказалъ, что одинъ,—дѣться некуда.

Спросили Касатскаго, кто онъ.

— Рабъ Божій.

— Qu'est ce qu'il dit? Il ne répond pas [3]).

— Il dit qu'il est un serviteur de Dieu [4]).

— Cela doit être un fils de prêtre. Il a de la race. Avez-vous de la petite monnaie? [5])

У француза нашлась мелочь, и онъ всѣмъ роздалъ по двадцати копеекъ.

— Mais dites leur que ce n'est pas pour les cierges que je leur donne, mais pour qu'ils se régalent de thé [6]); чай, чай, — улыбаясь, — pour vous, mon vieux [7]), — сказалъ онъ, трепля рукой въ перчаткѣ Касатскаго по плечу.

---

1) Пилигримовъ.

2) Спросите ихъ, увѣрены ли они вполнѣ въ томъ, что ихъ паломничество угодно Богу.

3) Что онъ говоритъ? Онъ не отвѣчаетъ.

4) Онъ говоритъ, что онъ—рабъ Божій.

5) Это, должно быть, сынъ священника. Видна порода. Есть у васъ мелочь?

6) Но скажите имъ, что это я имъ даю не на свѣчи, а чтобы они попили чаю.

7) Тебѣ, старичокъ.

— Спаси Христосъ, — отвѣтилъ Касатскій, не надѣвая шапки и кланяясь своей лысой головой.

И Касатскому особенно радостна была эта встрѣча, потому что онъ презрѣлъ людское мнѣніе и сдѣлалъ самое пустое, легкое, — взялъ смиренно двадцать копеекъ и отдалъ ихъ товарищу, слѣпому нищему. Чѣмъ меньше имѣло значенія мнѣніе людей, тѣмъ сильнѣе чувствовался Богъ.

Восемь мѣсяцевъ проходилъ такъ Касатскій, на девятомъ мѣсяцѣ его задержали въ губернскомъ городѣ, въ пріютѣ, въ которомъ онъ ночевалъ съ странниками, и какъ безпаспортнаго взяли въ часть. На вопросы, гдѣ его билетъ и кто онъ, онъ отвѣчалъ, что билета у него нѣтъ, а что онъ—рабъ Божій. Его причислили къ бродягамъ, судили и сослали въ Сибирь.

Въ Сибири онъ поселился на заимкѣ у богатаго мужика и теперь живетъ тамъ. Онъ работаетъ у хозяина въ огородѣ и учитъ дѣтей и ходитъ за больными.

1890, 1891, 1898.

ДЬЯВОЛЪ

I.

«А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.

«Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну.

«И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну».

Мѳ. V, 28, 29, 30.

Евгенія Иртенева ожидала блестящая карьера. Все у него было для этого: прекрасное домашнее воспитаніе, блестящее окончаніе курса на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, связи по недавно умершему отцу съ самымъ высшимъ обществомъ и даже начало службы въ министерствѣ подъ покровительствомъ министра. Было и состояніе; даже большое состояніе, но сомнительное. Отецъ жилъ за границей и въ Петербургѣ, давая по шести тысячъ сыновьямъ — Евгенію и старшему, Андрею, служившему въ кавалергардахъ, и самъ проживалъ съ матерью очень много. Только лѣтомъ онъ пріѣзжалъ на два мѣсяца въ имѣніе, но не занимался хозяйствомъ, предоставляя все заѣвшемуся управляющему, тоже не занимавшемуся имѣніемъ, но къ которому онъ имѣлъ полное довѣріе.

Послѣ смерти отца, когда братья стали дѣлиться, оказалось, что долговъ было такъ много, что повѣренный по дѣламъ совѣтовалъ даже, оставивъ за собой имѣніе бабки, которое цѣнили въ сто тысячъ, отказаться отъ наслѣдства. Но сосѣдъ по имѣнію, помѣ-

щикъ, имѣвшій дѣла со старикомъ Иртеневымъ, т.-е. имѣвшій вексель на него и пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ, говорилъ, что, несмотря на долги, дѣла можно поправить и удержать еще большое состояніе,—стоило только продать лѣсъ, отдѣльные куски пустоши и удержать главное золотое дно—Семеновское съ четырьмя тысячами десятинъ чернозема, сахарнымъ заводомъ и двумя стами десятинъ заливныхъ луговъ, — если посвятить себя этому дѣлу и, поселившись въ деревнѣ, умно и расчетливо хозяйничать.

И вотъ Евгеній, съѣздивъ весною (отецъ умеръ постомъ) въ имѣнія и осмотрѣвъ все, рѣшилъ выйти въ отставку, поселиться съ матерью въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ съ тѣмъ, чтобы удержать главное имѣніе. Съ братомъ, съ которымъ не былъ особенно дружень, онъ сдѣлался такъ: обязался ему платить ежегодно четыре тысячи или единовременно восемьдесятъ тысячъ, за которыя братъ отказывался отъ своей доли наслѣдства.

Такъ онъ и сдѣлалъ и, поселившись съ матерью въ большомъ домѣ, горячо и осторожно вмѣстѣ съ тѣмъ взялся за хозяйство.

Обыкновенно думаютъ, что самые обычные консерваторы это старики, а новаторы это молодые люди. Это не совсѣмъ справедливо. Самые обычные консерваторы это молодые люди. Молодые люди, которымъ хочется жить, но которые не думаютъ и не имѣютъ времени подумать о томъ, какъ надо жить, и которые поэтому избираютъ себѣ за образецъ ту жизнь, которая была.

Такъ было и съ Евгеніемъ. Поселившись теперь въ деревнѣ, его мечта и идеалъ были въ томъ, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отцѣ — отецъ былъ дурной хозяинъ, — но при дѣдѣ. И теперь и въ домѣ, и въ саду, и въ хозяйствѣ онъ, разумѣется, съ измѣненіями, свойственными времени, старался воскресить общій духъ жизни дѣда, — все на широкую ногу — довольство всѣхъ вокругъ и порядокъ и благоустройство; а для того, чтобы устроить эту жизнь, дѣла было очень много. Нужно было и удовлетворять требованіямъ кредиторовъ и банковъ, и для того продавать земли и отсрочивать платежи. Нужно было и добывать деньги для того, чтобы продолжать вести гдѣ наймомъ, гдѣ работниками, огромное хозяйство въ Семеновскомъ съ четырьмя стами десятинъ запашки и сахарнымъ заводомъ; нужно было и въ домѣ, и въ саду дѣлать такъ, чтобы не похоже было на запущеніе и упадокъ.

Работы было много, но и силъ было много у Евгенія — силъ и физическихъ и духовныхъ. Ему было 26 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, сильнаго сложенія съ развитыми гимнастикой мускулами, сангвиникъ съ яркимъ румянцемъ во всю щеку, съ яркими зубами

и губами и съ негустыми, мягкими и вьющимися волосами. Единственный физическій изъянъ его была близорукость, которую онъ самъ развилъ себѣ очками, и теперь уже не могъ ходить безъ пенснэ, которое уже прокладывало черточки на верху горбинки его носа.

Таковъ онъ былъ физически, духовный же обликъ его былъ такой, что чѣмъ больше кто зналъ его, тѣмъ больше любилъ. Мать и всегда любила его больше всѣхъ; теперь же, послѣ смерти мужа, сосредоточила на немъ не только всю свою нѣжность, но всю свою жизнь. Но не одна мать такъ любила его. Товарищи его съ гимназіи и университета всегда особенно не только любили, но уважали его. На всѣхъ постороннихъ онъ всегда дѣйствовалъ такъ же. Нельзя было не вѣрить тому, что онъ говорилъ, нельзя было предполагать обманъ, неправду при такомъ открытомъ, честномъ лицѣ и, главное, глазахъ.

Вообще вся его личность много помогала ему въ его дѣлахъ. Кредиторъ, который отказалъ бы другому, вѣрилъ ему. Приказчикъ, староста, мужикъ, который сдѣлалъ бы гадость, обманулъ бы другого, забывалъ обмануть подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ общенія съ добрымъ, пріятнымъ и, главное, открытымъ человѣкомъ.

Былъ конецъ мая. Кое-какъ Евгеній наладилъ дѣло въ городѣ объ освобожденіи пустоши отъ залога, чтобы продать ее купцу, и занялъ деньги у этого же купца на то, чтобы обновить инвентарь, т.-е. лошадей, быковъ, подводы, и, главное, на то, чтобы начать необходимую постройку хутора. Дѣло наладилось. Возили лѣсъ, плотники уже работали, и навозъ возили на восьмидесяти подводахъ. Но все до сихъ поръ висѣло на ниточкѣ.

II.

Въ срединѣ этихъ заботъ случилось обстоятельство, хотя и не важное, но въ то время помучившее Евгенія. Онъ жилъ свою молодость, какъ живутъ всѣ молодые, здоровые, неженатые люди, т.-е. имѣлъ сношенія съ разнаго рода женщинами. Онъ былъ не развратникъ, но и не былъ, какъ онъ самъ себѣ говорилъ, монахомъ. А предавался этому только настолько, насколько это было необходимо для физическаго здоровья и умственной свободы, какъ онъ говорилъ. Началось это съ шестнадцати лѣтъ и до сихъ поръ шло благополучно. Благополучно въ томъ смыслѣ, что онъ не предался разврату, не увлекся ни разу и не былъ ни разу боленъ. Была у него въ Петербургѣ сначала швея, потомъ она испорти-

лась, и онъ устроился иначе, и эта сторона была такъ обезпечена, что не смущала его.

Но вотъ въ деревнѣ онъ жилъ второй мѣсяцъ и рѣшительно не зналъ, какъ ему быть. Невольное воздержаніе начинало дѣйствовать на него дурно. Неужели ѣхать въ городъ изъ-за этого? И куда? Какъ? Это одно тревожило Евгенія Ивановича, а такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что это необходимо и что ему нужно, ему дѣйствительно становилось нужно, и онъ чувствовалъ, что онъ не свободенъ, и что онъ противъ воли провожаетъ каждую молодую женщину глазами.

Онъ считалъ нехорошимъ у себя, въ своей деревнѣ, сойтись съ женщиной или дѣвкой. Онъ зналъ по разсказамъ, что и отецъ его и дѣдъ въ этомъ отношеніи совершенно отдѣлялись отъ другихъ помѣщиковъ того времени и дома не заводили у себя никогда никакихъ шашенъ съ крѣпостными, и рѣшилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ; но потомъ, все болѣе и болѣе чувствуя себя связаннымъ и съ ужасомъ представляя себѣ то, что съ нимъ можетъ быть въ городишкѣ, и сообразивъ, что теперь не крѣпостные, онъ рѣшилъ, что можно и здѣсь. «Только бы сдѣлать это такъ, чтобы никто не зналъ, и не для разврата, а только для здоровья», — такъ говорилъ онъ себѣ. И когда онъ рѣшилъ это, ему стало еще безпокойнѣе; говоря съ старостой, съ мужиками, съ столяромъ, онъ невольно наводилъ разговоръ на женщинъ и, если разговоръ заходилъ о женщинахъ, то задерживалъ на этомъ. На женщинъ же онъ приглядывался больше и больше.

III.

Но рѣшить дѣло самому съ собой было одно, привести же его въ исполненіе было другое. Самому подойти къ женщинѣ — невозможно. Къ какой? гдѣ? Надо черезъ кого-нибудь. Но къ кому обратиться?

Случилось ему разъ зайти напиться въ лѣсную караулку. Сторожемъ былъ бывшій охотникъ отца. Евгеній Иванычъ разговорился съ нимъ, и сторожъ сталъ разсказывать старинныя исторіи — про кутежи на охотѣ. И Евгенію Иванычу пришло въ голову, что хорошо бы было здѣсь, въ караулкѣ или въ лѣсу, устроить это. Онъ только не зналъ, какъ, и возьмется ли за это старый Данила. «Можетъ быть, онъ ужаснется отъ такого предложенія, и я осрамлюсь, а можетъ — очень просто согласится». Такъ онъ думалъ, слушая разсказы Данилы. Данила разсказывалъ, какъ они стояли въ отъѣзжемъ полѣ у дьячихи, и какъ Пряничникову онъ привелъ бабу.

«Можно», подумалъ Евгеній.

— Вашъ батюшка, царство небесное, этими глупостями не займался.

«Нельзя», подумалъ Евгеній. Но, чтобы изслѣдовать, сказалъ:

— Какъ же ты такими дѣлами нехорошими занимался?

— А что же тутъ худого? И она рада, а мой Ѳедоръ Захарычъ довольны-предовольны. Мнѣ рубль. Вѣдь какъ же и быть ему-то? Тоже живая кость, чай, вино пьетъ.

«Да, можно сказать», подумалъ Евгеній и тотчасъ же приступилъ.

— А знаешь, — онъ почувствовалъ, какъ онъ багрово покраснѣлъ, — знаешь, Данила, я измучился.

Данила улыбнулся.

— Я все-таки не монахъ, — привыкъ.

Онъ чувствовалъ, что глупо все, что онъ говоритъ, но радовался, потому что Данила одобрялъ.

— Что же, вы бы давно сказали, это можно, — сказалъ онъ,— вы только скажите, какую.

— Ахъ, право, мнѣ все равно. Ну, разумѣется, чтобъ не безобразная была и здоровая.

— Понялъ! — откусилъ Данила. Онъ подумалъ. — Охъ, хороша штучка есть, — началъ онъ. Опять Евгеній покраснѣлъ. — Хороша штучка. Изволите видѣть, выдали ее по осени. — Данила сталъ шептать: — а онъ ничего не можетъ сдѣлать. Вѣдь это на охотника, что стоитъ?

Евгеній сморщился даже отъ стыда.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ онъ. — Мнѣ совсѣмъ не то нужно. Мнѣ, напротивъ (что могло быть напротивъ?), мнѣ, напротивъ, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопотъ — солдатка или эдакъ...

— Знаю. Это, значитъ, Степаниду вамъ предоставить. Мужъ въ городу, все равно, какъ солдатка, а бабочка хорошая, чистая. Будете довольны. Я и то ей намесь говорю, — пойди, а она...

— Ну, такъ когда же?

— Да хоть завтра. Я вотъ пойду за табакомъ и зайду, а въ обѣдъ приходите сюда или за огородъ къ банѣ. Никого нѣтъ. Да и въ обѣдъ весь народъ спитъ.

— Ну, хорошо.

Страшное волненіе охватило Евгенія, когда онъ поѣхалъ домой. «Что такое будетъ? Что такое крестьянка? Что-нибудь вдругъ безобразное, ужасное. Нѣтъ, онѣ красивы, — говорилъ онъ себѣ, вспоминая тѣхъ, на которыхъ онъ заглядывался.— Но что я скажу, что я сдѣлаю?»

Цѣлый день онъ былъ не свой; на другой день, въ двѣнадцать часовъ, онъ пошелъ къ караулкѣ. Данила стоялъ въ дверяхъ и молча, значительно кивнулъ головой къ лѣсу. Кровь прилила къ сердцу Евгенія, онъ почувствовалъ его и пошелъ къ огороду. Никого. Подошелъ къ банѣ, — никого, заглянулъ туда, вышелъ и вдругъ услыхалъ трескъ сломленной вѣтки. Онъ оглянулся, она стояла въ чащѣ за овражкомъ. Онъ бросился туда черезъ оврагъ. Въ оврагѣ была крапива, которой онъ не замѣтилъ. Онъ острекался и, потерявъ съ носа пенснэ, вбѣжалъ на противоположный бугоръ. Въ бѣлой вышитой занавѣскѣ, красно-бурой паневѣ, красномъ яркомъ платкѣ, съ босыми ногами, свѣжая, твердая, красивая, она стояла и робко улыбалась.

— Тутъ кругомъ тропочка, обошли бы, — сказала она. — А мы давно. Голомя̀.

Онъ подошелъ къ ней и, оглядываясь, коснулся ея.

Черезъ четверть часа они разошлись; онъ нашелъ пенснэ и зашелъ къ Данилѣ и, въ отвѣтъ на вопросъ его: «Довольны ли, баринъ?» — далъ ему рубль и пошелъ домой.

Онъ былъ доволенъ. Стыдъ былъ только сначала, но потомъ прошелъ. И все было хорошо. Главное, хорошо, что ему теперь легко, спокойно, бодро. Ее онъ хорошенько даже не разсмотрѣлъ. Помнилъ, что чистая, свѣжая, недурная и простая, безъ гримасъ. «Чья, бишь, она?» говорилъ онъ себѣ. «Печникова онъ сказалъ? Какая же это Печникова? Вѣдь ихъ два двора. Должно быть, Михайлы старика сноха. Да, вѣрно, его. У него вѣдь сынъ живетъ въ Москвѣ. Спрошу у Данилы когда-нибудь».

Съ этихъ поръ устранилась эта важная прежде непріятность деревенской жизни — невольное воздержаніе. Свобода мысли Евгенія уже не нарушалась, и онъ могъ свободно заниматься своими дѣлами.

А дѣло, которое взялъ на себя Евгеній, было очень нелегкое: иногда ему казалось, что онъ не выдержитъ, и кончится тѣмъ, что все-таки придется продать имѣніе, всѣ труды его пропадутъ, и, главное, что окажется, что не выдержалъ, не сумѣлъ додѣлать того, за что взялся. Это больше всего тревожило его. Не успѣвалъ онъ заткнуть кое-какъ одной дыры, какъ раскрывалась новая, неожиданная.

Во все это время все оказывались новые и новые, неизвѣстные прежде, долги отца. Видно было, что отецъ въ послѣднее время бралъ, гдѣ попало. Во время раздѣла въ маѣ Евгеній думалъ, что онъ знаетъ, наконецъ, все. Но вдругъ въ серединѣ лѣта онъ получилъ письмо, изъ котораго оказывалось, что былъ еще долгъ вдовѣ Есиповой въ 12 тысячъ. Векселя не было, была

простая расписка, которую можно было, по словамъ повѣреннаго, оспаривать. Но Евгенію и въ голову не могло прійти отказаться отъ уплаты дѣйствительнаго долга отца только потому, что можно было оспаривать документъ. Ему надо было узнать только навѣрное, дѣйствительный ли это былъ долгъ.

— Мама! Что такое Есипова, Калерія Владиміровна! — спросилъ онъ у матери, когда они по обыкновенію сошлись за обѣдомъ.

— Есипова? Да это воспитанница дѣдушки. А что?

Евгеній разсказалъ матери про письмо.

— Удивляюсь, какъ ей не совѣстно. Твой папа ей сколько передавалъ!

— Но должны мы ей?

— Т.-е., какъ тебѣ сказать. Долгу нѣтъ, папа по своей безконечной добротѣ...

— Да, но папа считалъ это долгомъ?

— Не могу я тебѣ сказать. Не знаю. Знаю, что тебѣ и такъ тяжело.

Евгеній видѣлъ, что Марья Павловна сама не знала, какъ сказать, и какъ бы выпытывала его.

— Изъ этого я вижу, что надо платить, — сказалъ сынъ. — Я завтра поѣду къ ней и поговорю, нельзя ли отсрочить.

— Ахъ, какъ мнѣ жалко тебя, но, знаешь, лучше. Ты ей скажи, что она должна подождать, — говорила Марья Павловна, очевидно, успокоенная и гордая рѣшеніемъ сына.

Положеніе Евгенія было особенно трудно оттого еще, что мать, жившая съ нимъ, совсѣмъ не понимала его положенія. Она всю жизнь привыкла жить такъ широко, что не могла представить себѣ даже того положенія, въ которомъ былъ сынъ, т.-е. того, что нынче-завтра дѣла могли устроиться такъ, что у нихъ ничего не останется, и сыну придется все продать и жить и содержать мать одной службой, которая въ его положеніи могла ему дать много-много 2000 рублей. Она не понимала, что спастись отъ этого положенія можно только урѣзкой расходовъ во всемъ, и потому не могла понять, зачѣмъ Евгеній такъ стѣснялся въ мелочахъ: въ расходахъ на садовниковъ, кучеровъ, на прислугу и столъ даже. Кромѣ того, какъ большинство вдовъ, она питала къ памяти покойника чувства благоговѣнія, далеко не похожія на тѣ, которыя она имѣла къ нему, пока онъ былъ живъ, и не допускала мысли о томъ, что то, что дѣлалъ или завелъ покойникъ, могло быть худо и измѣнено.

Евгеній поддерживалъ съ большимъ напряженіемъ и садъ, и оранжерею съ двумя садовниками, и конюшню съ двумя кучерами. Марья же Павловна наивно думала, что, не жалуясь на столъ,

который готовилъ старикъ поваръ, и на то, что дорожки въ паркѣ не всѣ были чищены, и что, вмѣсто лакеевъ, былъ одинъ мальчикъ, что она дѣлаетъ все, что можетъ мать, жертвующая собой для своего сына.

Такъ и въ этомъ новомъ долгѣ, въ которомъ Евгеній видѣлъ для себя почти что добивающій ударъ всѣмъ его предпріятіямъ, Марья Павловна видѣла только случай, выказавшій благородство Евгенія. Марья Павловна не безпокоилась очень о матеріальномъ положеніи Евгенія еще и потому, что она была увѣрена, что онъ сдѣлаетъ блестящую партію, которая поправитъ все. Партію же онъ могъ сдѣлать самую блестящую. Она знала десятокъ семей, которыя счастливы были отдать за него дочь. И она желала какъ можно скорѣе устроить это.

IV.

Евгеній самъ мечталъ о женитьбѣ, но только не такъ, какъ мать: мысль о томъ, чтобы сдѣлать изъ женитьбы средство поправленія своихъ дѣлъ, была отвратительна ему. Жениться онъ хотѣлъ честно, по любви. Онъ и приглядывался къ дѣвушкамъ, которыхъ встрѣчалъ и зналъ, прикидывалъ себя къ нимъ, но судьба его не рѣшалась. Между тѣмъ, чего онъ никакъ не ожидалъ, сношенія его съ Степанидой продолжались и получили даже характеръ чего-то установившагося. Евгеній такъ былъ далекъ отъ распутства, такъ тяжело было ему дѣлать это тайное,—онъ чувствовалъ — нехорошее дѣло, что онъ никакъ не устраивался и даже послѣ перваго свиданія надѣялся совсѣмъ больше не видать Степаниды, но оказалось, что черезъ нѣсколько времени на него опять нашло безпокойство, которое приписывалъ этому. И безпокойство на этотъ разъ уже не было безличное, а ему представлялись именно тѣ самые черные, блестящіе глаза, тотъ же грудной голосъ, говорящій «голомя́», тотъ же запахъ чего-то свѣжаго и сильнаго, и та же высокая грудь, поднимающая занавѣску, — и все это въ той же орѣховой и кленовой чащѣ, облитой яркимъ свѣтомъ.

Какъ ни совѣстно было, онъ опять обратился къ Данилѣ. И опять назначилъ свиданіе въ полдень въ лѣсу. Въ этотъ разъ Евгеній больше разсмотрѣлъ ее, и все показалось ему въ ней привлекательно. Онъ попробовалъ поговорить съ ней, спросилъ о мужѣ. Дѣйствительно, это былъ Михайлинъ сынъ, онъ жилъ въ кучерахъ въ Москвѣ.

— Ну, что же, какъ же ты… — Евгеній хотѣлъ спросить, какъ она измѣняетъ ему.

— Чего какъ же? — спросила она. Она, очевидно, была умна и догадлива.

— Ну, какъ же, — вотъ ты ко мнѣ ходишь?

— Вона, — весело проговорила она. — Онъ, я чай, тамъ гуляе. Что жъ мнѣ-то?

Очевидно, она сама на себя напускала развязность, ухарство. И это показалось мило Евгенію. Но все-таки онъ не назначилъ ей самъ свиданія. Даже, когда она предложила, чтобы сходиться помимо Данилы, къ которому она какъ-то недоброжелательно относилась, Евгеній не согласился. Онъ надѣялся, что это свиданіе было послѣднее. Она ему нравилась. Онъ думалъ, что ему необходимо такое общеніе, и что дурного въ этомъ нѣтъ ничего, но въ глубинѣ души у него былъ судья болѣе строгій, который не одобрялъ этого и надѣялся, что это въ послѣдній разъ, если же не надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ самъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и приготавливать себѣ это въ другой разъ.

Такъ и шло все лѣто, въ продолженіе котораго онъ видѣлся съ ней разъ десять и всякій разъ черезъ Данилу. Было одинъ разъ, что ей нельзя было прійти, потому что пріѣхалъ мужъ, и Данила предложилъ другую. Евгеній съ отвращѣніемъ отказался. Потомъ мужъ уѣхалъ, и свиданія продолжались по-старому, сначала черезъ Данилу, а потомъ уже прямо онъ назначалъ время, и она приходила съ бабой Прохоровой, такъ какъ одной нельзя ходить бабѣ.

Одинъ разъ, въ самое назначенное время свиданія, къ Марьѣ Павловнѣ пріѣхало семейство съ той дѣвушкой, которую она сватала Евгенію, и Евгеній никакъ не могъ вырваться. Какъ только онъ могъ уйти, онъ пошелъ какъ будто на гумно и въ обходъ тропинкой въ лѣсъ, на мѣсто свиданія. Ея не было. Но на обычномъ мѣстѣ все, покуда могла достать рука, все было переломано — черемуха, орѣшень, даже молодой кленокъ въ колъ толщиною. Это она ждала, волновалась и сердилась и, играючи, оставляла ему память. Онъ постоялъ, постоялъ и пошелъ къ Данилѣ просить ее вызвать и на завтра. Она пришла и была такая же, какъ всегда.

Такъ прошло лѣто. Свиданія всегда назначались въ лѣсу и одинъ разъ только, ужъ передъ осенью, въ гуменномъ сараѣ на ихъ задворкахъ.

Евгенію и въ голову не приходило, чтобы эти отношенія его имѣли какое-нибудь для него значеніе. Объ ней же онъ и не думалъ. Давалъ ей деньги, и больше ничего. Онъ не зналъ и не думалъ о томъ, что по всей деревнѣ ужъ знали про это и завидовали ей, что ея домашніе брали у ней деньги и поощряли ее, и что ея представленіе о грѣхѣ, подъ вліяніемъ денегъ и участія

домашнихъ, совсѣмъ уничтожилось. Ей казалось, что если люди завидуютъ, то то, что она дѣлаетъ, хорошо

«Просто для здоровья надо же», думалъ Евгеній. «Положимъ, нехорошо, и, хотя никто не говоритъ, всѣ или многіе знаютъ. Баба, съ которой она ходитъ, знаетъ. А знаетъ, вѣрно, разсказала и другимъ. Но что же дѣлать? Скверно я поступаю, — думалъ Евгеній, — да что дѣлать? Ну, да не надолго».

Главное, что смущало Евгенія, это былъ мужъ. Сначала ему почему-то представлялось, что мужъ ея долженъ быть плохъ, и это какъ бы оправдывало его отчасти. Но онъ увидалъ мужа и былъ пораженъ: это былъ молодчина и щеголь, ужъ никакъ не хуже, а навѣрное лучше его. При первомъ свиданіи онъ сказалъ ей, что видѣлъ ея мужа и что онъ полюбовался имъ, какой онъ молодчина

— Другого такого нѣтъ въ деревнѣ, — съ гордостью сказала она.

Это удивило Евгенія. Мысль о мужѣ съ тѣхъ поръ еще болѣе мучила его. Случилось ему разъ быть у Данилы, и Данила, разговорившись, прямо сказалъ ему:

— А Михайла намедни спрашивалъ меня: правда ли, что баринъ съ моей женой живетъ. Я сказалъ — не знаю. Да и то, говорю, лучше съ бариномъ, чѣмъ съ мужикомъ.

— Ну, что же онъ?

— Да ничего, — говоритъ: погоди жъ, дознаюсь, я ей задамъ.

«Ну да если бы мужъ вернулся, я бы бросилъ», думалъ Евгеній.

Но мужъ жилъ въ городѣ, и отношенія пока продолжались.

«Когда надо будетъ, оборву, и ничего не останется», думалъ онъ.

И ему казалось это несомнѣннымъ, потому что въ продолженіе лѣта много разныхъ вещей очень сильно занимало его: и устройство новаго хутора, и уборка, и постройка, и, главное, уплата долга и продажа пустоши. Все это были предметы, которые поглощали его всего, о которыхъ онъ думалъ, ложась и вставая. Все это была настоящая жизнь. Сношенія же — онъ даже не называлъ это связью — съ Степанидой было нѣчто совсѣмъ незамѣтное. Правда, что когда приступало желаніе видѣть ее, оно приступало съ такой силой, что онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать. Но это продолжалось недолго: устраивалось свиданіе, и онъ опять забывалъ ее на недѣли, иногда на мѣсяцъ.

Осенью Евгеній часто ѣздилъ въ городъ и тамъ сблизился съ семействомъ Анненскихъ. У Анненскихъ была дочь, только что вышедшая институтка. И тутъ, къ великому огорченію

Маріи Павловны, случилось то, что Евгеній, какъ она говорила, продешевилъ себя, влюбился въ Лизу Анненскую и сдѣлалъ ей предложеніе.

Съ тѣхъ поръ сношенія съ Степанидой прекратились,

V.

Почему Евгеній выбралъ Лизу Анненскую, нельзя объяснить, какъ никогда нельзя объяснить, почему мужчина выбираетъ ту, а не другую женщину. Причинъ было пропасть — и положительныхъ и отрицательныхъ. Причиной было и то, что она не была очень богатая невѣста, какихъ сватала ему мать, и то, что она была наивна и жалка въ отношеніяхъ къ своей матери, и то, что она не была красавица, обращающая на себя вниманіе, и не была дурна. Главное же было то, что сближеніе съ нею началось въ такой періодъ, когда Евгеній былъ зрѣлъ къ женитьбѣ. Онъ влюбился потому, что зналъ, что женится.

Лиза Анненская сначала только нравилась Евгенію, но, когда онъ рѣшилъ, что она будетъ его женою, онъ почувствовалъ къ ней чувство гораздо болѣе сильное. Онъ почувствовалъ, что онъ влюбленъ.

Лиза была высокая, тонкая, длинная. Длинное было въ ней все: и лицо и носъ, не впередъ, но вдоль по лицу, и пальцы и ступни. Цвѣтъ лица у ней былъ очень нѣжный, бѣлый, желтоватый, съ нѣжнымъ румянцемъ, волосы длинные, русые, мягкіе и вьющіеся, и прекрасные, ясные, кроткіе и довѣрчивые глаза. Эти глаза особенно поразили Евгенія. И, когда онъ думалъ о Лизѣ, онъ видѣлъ всегда передъ собой эти ясные, кроткіе, довѣрчивые глаза.

Такова она была физически; духовно же онъ ничего не зналъ про нее, а только видѣлъ эти глаза. И эти глаза, казалось, говорили ему все, что ему нужно было знать. Смыслъ же этихъ глазъ былъ такой.

Еще съ института, съ пятнадцати лѣтъ, Лиза постоянно влюблялась во всѣхъ привлекательныхъ мужчинъ и была оживлена и счастлива только тогда, когда была влюблена. Вышедши изъ института, она точно такъ же влюблялась во всѣхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ встрѣчала, и, разумѣется, влюбилась въ Евгенія, какъ только узнала его. Эта-то ея влюбленность и давала ея глазамъ то особенное выраженіе, которое такъ плѣнило Евгенія.

Въ эту же зиму въ одно и то же время она уже была влюблена въ двухъ молодыхъ людей и краснѣла и волновалась не только, когда они входили въ комнату, но когда произносили ихъ имя. Но потомъ, когда ея мать намекнула ей, что Иртеневъ, кажется, имѣетъ серьезные виды, влюбленье ея въ Иртенева усилилось такъ, что она стала почти равнодушной къ двумъ прежнимъ. Но когда Иртеневъ сталъ бывать у нихъ, на балѣ, собраніи танцовалъ съ ней больше, чѣмъ съ другими, и, очевидно, желалъ узнать только, любитъ ли она его, тогда влюбленье ея въ Иртенева сдѣлалось чѣмъ-то болѣзненнымъ; она видѣла его во снѣ и наяву въ темной комнатѣ, и всѣ другіе исчезли для нея. Когда же онъ сдѣлалъ предложеніе, и ихъ благословили, когда они поцѣловались съ нимъ и стали женихъ съ невѣстой, тогда у нея не стало другихъ мыслей, кромѣ него, другихъ желаній, кромѣ того, чтобы быть съ нимъ, чтобы любить его и быть имъ любимой. Она и гордилась имъ, и умилялась передъ нимъ и передъ собой и своей любовью, и вся млѣла и таяла отъ любви къ нему.

Чѣмъ больше онъ узнавалъ ее, тѣмъ больше и онъ любилъ ее. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такую любовь, и эта любовь усиливала еще его чувство.

VI.

Передъ весной онъ пріѣхалъ въ Семеновское посмотрѣть и распорядиться по хозяйству, а главное, по дому, гдѣ шло убранство для женитьбы.

Марья Павловна была недовольна выборомъ сына, но только потому, что партія эта не была такъ блестяща, какъ она могла бы быть, и потому, что Варвара Алексѣевна будущая теща, не нравилась ей. Добрая ли она была или злая, она не знала и не рѣшила, но то, что она была не порядочная женщина, не comme il faut, не лэди, какъ говорила себѣ Марья Павловна, это она увидала съ перваго знакомства, и это огорчало ее; огорчало за то, что она цѣнила эту порядочность по привычкѣ, знала, что Евгеній очень чутокъ на это, и предвидѣла для него много огорченій отъ этого. Дѣвушка же ей нравилась. Нравилась, главное, потому, что она нравилась Евгенію. Надо было любить ее. И Марья Павловна готова была на это, и совершенно искренно.

Евгеній засталъ мать радостной, довольной. Она устраивала все въ домѣ и сама собиралась уѣхать, какъ только онъ привезетъ молодую жену. Евгеній уговаривалъ ее оставаться, и вопросъ оставался нерѣшеннымъ.

Вечеромъ, по обыкновенію, послѣ чая Марья Павловна дѣлала пасьянсъ. Евгеній сидѣлъ, помогая ей. Это было время

самыхъ задушевныхъ разговоровъ. Окончивъ одинъ пасьянсъ и не начиная новый, Марья Павловна, взглянула на Евгенія и, нѣсколько заминаясь, начала такъ:

— А я хотѣла тебѣ сказать, Женя... Разумѣется, я не знаю... но вообще я хотѣла посовѣтовать о томъ, что передъ женитьбой надо непремѣнно покончить всѣ свои холостыя дѣла, такъ чтобы ничего уже не могло безпокоить и тебя и, помилуй Богъ, жену; ты меня понимаешь?

И дѣйствительно, Евгеній сейчасъ же понялъ, что Марья Павловна намекала на его сношенія съ Степанидой, которыя прекратились съ самой осени, и, какъ всегда одинокія женщины, приписывала этимъ сношеніямъ гораздо большее значеніе, чѣмъ то, которое они имѣли. Евгеній покраснѣлъ и не отъ стыда столько, сколько отъ досады, что добрая Марья Павловна суется — правда, любя, но все-таки суется—туда, куда ей не надо и чего она не понимаетъ и не можетъ понимать. Онъ сказалъ, что у него ничего нѣтъ такого, что бы нужно было скрывать и что онъ именно такъ себя велъ всегда, чтобы ничто не могло помѣшать его женитьбѣ.

— Ну и прекрасно, дружокъ. Ты, Геня, не обижайся на меня, — сказала Марья Павловна, конфузясь.

Но Евгеній видѣлъ, что она не кончила и не сказала того, что хотѣла. Такъ и вышло. Немного погодя она стала разсказывать о томъ, какъ безъ него ее просили крестить у... Печниковыхъ.

Теперь Евгеній вспыхнулъ ужъ не отъ досады и даже не отъ стыда, а отъ какого-то страннаго чувства сознанія важности того, что ему сейчасъ скажутъ, сознанія невольнаго, совершенно несогласнаго съ его разсужденіемъ. Такъ и вышло то, чего онъ ожидалъ. Марья Павловна, какъ будто не имѣя никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ разговора, разсказала, что нынѣшній годъ родятся все мальчики, видно, къ войнѣ. И у Васиныхъ и у Печниковыхъ молодая бабочка первымъ — тоже мальчикъ. Марья Павловна хотѣла разсказать это незамѣтно, но ей самой сдѣлалось стыдно, когда она увидала краску на лицѣ сына и его нервное сниманіе, пощелкиваніе и надѣваніе пенснэ и поспѣшное закуриваніе папиросы. Она замолчала. Онъ тоже молчалъ и не могъ придумать, чѣмъ бы перервать это молчаніе. Такъ что оба поняли, что поняли другъ друга.

— Да, главное въ деревнѣ надо справедливость, чтобы не было любимцевъ, какъ у дяди твоего.

— Маменька, — сказалъ вдругъ Евгеній, — я знаю, къ чему вы это говорите. Вы напрасно тревожитесь. Для меня моя будущая семейная жизнь — такая святыня, которой я ни въ какомъ

случаѣ не нарушу. А то, что было въ моей холостой жизни, то все кончено совсѣмъ. И я никогда не входилъ ни въ какія связи, и никто не имѣетъ на меня никакихъ правъ.

— Ну, я рада, — сказала мать, — я знаю твои благородныя мысли.

Евгеній принялъ эти слова матери какъ слѣдующую ему дань и замолчалъ.

На другое утро онъ поѣхалъ въ городъ, думая о невѣстѣ. обо всемъ на свѣтѣ, но только не о Степанидѣ. Но какъ будто нарочно, чтобы напомнить ему, онъ, подъѣзжая къ церкви, сталъ встрѣчать народъ, шедшій и ѣхавшій оттуда. Онъ встрѣтилъ Матвѣя старика съ Семеномъ, ребятъ, молодыхъ дѣвокъ, а вотъ двѣ бабы, одна постарше и одна нарядная въ ярко-красномъ платкѣ и что-то знакомое. Баба идетъ легко, бодро, и на рукѣ ребенокъ. Онъ поравнялся, баба старшая поклонилась, по-старинному остановившись, а молодайка съ ребенкомъ только нагнула голову, и изъ-подъ платка блеснули знакомые, улыбающіеся, веселые глаза.

«Да, это она, но все кончено, и нечего смотрѣть на нее; и ребенокъ, можетъ быть, мой», мелькнуло ему въ головѣ. «Нѣтъ, вздоръ какой. Мужъ былъ, она къ нему ходила». Онъ не сталъ высчитывать даже. Такъ у него рѣшено было, что это было нужно для здоровья, онъ платилъ деньги, и больше ничего; связи какой-нибудь между [н]имъ и ею нѣтъ, не было, не можетъ и не должно быть. Онъ не то, чтобы заминалъ голосъ совѣсти, нѣтъ, — прямо совѣсть ничего не говорила ему. И онъ не вспомнилъ о ней ни разу послѣ разговора матери и встрѣчи. И ни разу послѣ и не встрѣчалъ ея.

На Красную Горку Евгеній обвѣнчался въ городѣ и тотчасъ же съ молодой женой уѣхалъ въ деревню. Домъ былъ устроенъ, какъ обыкновенно устраиваютъ для молодыхъ. Марья Павловна хотѣла уѣхать, но Евгеній, а главное Лиза упросили ее остаться; только она перешла во флигель.

И такъ началась для Евгенія новая жизнь.

VII.

Первый годъ семейной жизни былъ трудный годъ для Евгенія. Труденъ онъ былъ тѣмъ, что дѣла, которыя онъ откладывалъ кое-какъ во время сватовства, теперь, послѣ женитьбы, всѣ вдругъ обрушились на него.

Выпутаться изъ долговъ оказалось невозможнымъ. Дача была продана, самые кричащіе долги покрыты, но все еще оставались

долги, и денегъ не было. Имѣнье принесло хорошій доходъ, но нужно было послать брату и издержать на свадьбу, такъ что денегъ не было, и заводъ не могъ идти, и надо было его остановить. Одно средство выпутаться состояло въ томъ, чтобы употребить деньги жены. Лиза, понявъ положеніе мужа, сама потребовала этого. Евгеній согласился, но только съ тѣмъ, чтобы сдѣлать купчую на половину имѣнія на имя жены; такъ онъ и сдѣлалъ. Разумѣется, не для жены, которую это оскорбляло, а для тещи.

Эти дѣла съ разными перемѣнами, то успѣхъ, то неуспѣхъ, было одно, что отравляло жизнь Евгенія въ этотъ первый годъ. Другое было нездоровье жены. Въ этотъ же первый годъ, семь мѣсяцевъ послѣ женитьбы, осенью, съ Лизой случилась бѣда. Она выѣхала въ шарабанѣ встрѣчать мужа, возвращавшагося изъ города, смирная лошадь заиграла, она испугалась, выпрыгнула. Прыжокъ былъ относительно счастливый, — она могла зацѣпиться за колесо, — но она была уже беременна, и въ ту же ночь у нея начались боли, и она выкинула и долго не могла справиться послѣ выкидыша. Потеря ожидаемаго ребенка, болѣзнь жены, связанное съ этимъ разстройство жизни, и, главное, присутствіе тещи, пріѣхавшей тотчасъ же, какъ заболѣла Лиза, все это сдѣлало для Евгенія годъ этотъ еще болѣе тяжелымъ.

Но, несмотря на эти тяжелыя обстоятельства, къ концу перваго года Евгеній чувствовалъ себя очень хорошо. Во-первыхъ, его задушевная мысль возстановить упавшее состояніе, возобновить дѣдовскую жизнь въ новыхъ формахъ, хотя съ трудомъ и медленно, но приводилась въ исполненіе. Теперь уже рѣчи не могло быть о продажѣ за долги всего имѣнія. Имѣніе главное, хотя и переписанное на имя жены, было спасено, и, если только свекла будетъ выходна и цѣны хороши, то къ будущему году положеніе нужды и напряженія можетъ замѣниться совершеннымъ довольствомъ. Это было одно.

Другое было то, что какъ ни много онъ ожидалъ отъ своей жены, онъ никакъ не ожидалъ найти въ ней то, что онъ нашелъ. Это было не то, чего онъ ожидалъ, но это было гораздо лучше. Умиленій, восторговъ влюбленныхъ, хотя онъ и старался ихъ устраивать, не выходило или выходило очень слабо; но выходило совсѣмъ другое, то, что не только веселѣе, пріятнѣе, но легче стало жить. Онъ не зналъ, отчего это происходило, но это было такъ.

Происходило же это оттого, что ею было рѣшено тотчасъ же послѣ обрученья, что изъ всѣхъ людей въ мірѣ есть одинъ

Евгеній Иртеневъ выше, умнѣе, чище, благороднѣе всѣхъ, и потому обязанность всѣхъ людей служить и дѣлать пріятное этому Иртеневу; но такъ какъ всѣхъ нельзя заставить это дѣлать, то надо по мѣрѣ силъ дѣлать это самой. Такъ она и дѣлала; и потому всѣ ея силы душевныя всегда были направлены на то, чтобы узнать, угадать то, что онъ любитъ, и потомъ дѣлать это самое, что бы это ни было и какъ бы трудно это ни было.

И въ ней было то, что составляетъ главную прелесть общенія съ любящей женщиной: въ ней было, благодаря любви къ мужу, ясновидѣнье его души. Она чуяла — ему казалось, часто лучше его самого — всякое состояніе его души, всякій оттѣнокъ его чувства и соотвѣтственно этому поступала, — стало быть, никогда не оскорбляла его чувства, а всегда умѣряла тяжелыя чувства и усиливала радостныя. Но не только чувства, — мысли его она понимала. Самые чуждые ей предметы по сельскому хозяйству, по заводу, по оцѣнкѣ людей она сразу понимала и не только могла быть ему собесѣдникомъ, но часто, какъ онъ самъ говорилъ ей, полезнымъ, незамѣнимымъ совѣтчикомъ. На вещи, людей, на все въ мірѣ она смотрѣла только его глазами. Она любила свою мать, но, увидавъ, что Евгенію бывало непріятно вмѣшательство въ ихъ жизнь тещи, она сразу стала на сторону мужа, и съ такой рѣшительностью, что онъ долженъ былъ укрощать ее.

Сверхъ всего этого, въ ней было пропасть вкуса, такта и, главное, тишины. Все, что она дѣлала, она дѣлала незамѣтно; замѣтны были только результаты дѣла, т.-е., всегда и во всемъ чистота, порядокъ и изящество. Лиза тотчасъ же поняла, въ чемъ состоялъ идеалъ жизни ея мужа, и старалась достигнуть и достигала въ устройствѣ и порядкѣ дома того самаго, чего онъ желалъ. Надоставало дѣтей, но и на это была надежда. Зимой они съѣздили въ Петербургъ къ акушеру, и онъ увѣрилъ ихъ, что она совсѣмъ здорова и можетъ имѣть дѣтей.

И это желаніе сбылось. Къ концу года она опять забеременѣла.

Одно, что не то, что отравляло, но угрожало ихъ счастью, была ея ревность, — ревность, которую она сдерживала, не показывала, но отъ которой она часто страдала. Не только Евгеній не могъ никого любить, потому что не было на свѣтѣ женщинъ, достойныхъ его (о томъ, что была ли она достойна его или нѣтъ, она никогда не спрашивала себя), [но] и ни одна женщина поэтому не могла смѣть любить его.

VIII.

Жили они такъ: онъ вставалъ, какъ всегда, рано и шелъ по хозяйству, на заводъ, гдѣ производились работы, иногда въ поле. Къ десяти часамъ онъ приходилъ къ кофею; кофе пили на террасѣ Марья Павловна, дядюшка, который жилъ у нихъ, и Лиза. Послѣ разговоровъ, часто очень оживленныхъ, за кофе, расходились до обѣда. Въ два обѣдали, и послѣ ходили гулять или ѣздили кататься. Вечеромъ, когда онъ приходилъ изъ конторы, пили поздно чай, а иногда онъ читалъ вслухъ, она работала, или музицировали или разговаривали, когда бывали гости. Когда онъ уѣзжалъ по дѣламъ, онъ писалъ и получалъ отъ нея письма каждый день. Иногда она сопутствовала ему, и это бывало особенно весело. Въ именины его и ея собирались гости, и ему пріятно было видѣть, какъ она умѣла все устроить такъ, что всѣмъ было хорошо. Онъ видѣлъ, да и слышалъ, что всѣ любуются ею, молодой, милой хозяйкой, и еще больше любилъ ее за это.

Все шло прекрасно. Беременность она носила легко, и они оба, хотя и сами робѣя, начинали загадывать о томъ, какъ они будутъ воспитывать ребенка. Способъ воспитанія, пріемы, все это рѣшалъ Евгеній, и она только желала покорно исполнить его волю. Евгеній же начитался медицинскихъ книгъ и имѣлъ намѣреніе воспитывать ребенка по всѣмъ правиламъ науки. Она, разумѣется, соглашалась на все и готовилась, спивала конверты, теплые и холодные, и устраивала качку. Такъ наступилъ второй годъ ихъ женитьбы и вторая весна.

IX.

Это было подъ Троицынъ день. Лиза была на пятомъ мѣсяцѣ и, хотя и береглась, была весела и подвижна. Обѣ матери, ея и его, жили въ домѣ [и], подъ предлогомъ карауленія и обереганія ея, только тревожили ее своими пикировками. Евгеній занимался особенно горячо хозяйствомъ, новой обработкой въ большихъ размѣрахъ свеклы.

Подъ Троицынъ день Лиза рѣшила, что надо сдѣлать хорошую очистку дома, которой не дѣлали со Святой, и позвала въ помощь прислугѣ двухъ поденныхъ бабъ, чтобы вымыть полы, окна и выбить мебель и ковры и надѣть чехлы. Съ ранняго утра пришли бабы, поставили чугуны воды и принялись за работу. Одна изъ двухъ бабъ была Степанида, которая только что отняла своего мальчика и напросилась черезъ конторщика,

къ которому она бѣгала теперь, въ поломойки. Ей хотѣлось хорошенько разсмотрѣть новую барыню. Степанида жила по-старому, одна, безъ мужа, и шалила, какъ она шалила прежде съ старикомъ Данилой, поймавшимъ ее съ дровами, потомъ съ бариномъ, теперь съ молодымъ малымъ конторщикомъ. Объ баринѣ она вовсе и не думала. «У него теперь жена есть,—думала она.—А лестно посмотрѣть барыню, ея заведеніе: хорошо, говорятъ, убрано».

Евгеній съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ ее съ ребенкомъ, не видалъ ея. На поденную она не ходила, такъ какъ была съ ребенкомъ, а онъ рѣдко проходилъ по деревнѣ. Въ это утро, наканунѣ Троицына дня, Евгеній рано, въ пятомъ часу, всталъ и уѣхалъ на паровое поле, гдѣ должны были разсыпать фосфориты, и вышелъ изъ дома, пока еще бабы не входили въ него, а возились у печи съ котлами.

Веселый, довольный и голодный, Евгеній возвращался къ завтраку. Онъ слѣзъ съ лошади у калитки и, отдавъ [ее] проходившему садовнику, постегивая хлыстомъ высокую траву, повторяя, какъ это часто бываетъ, произнесенную фразу, шелъ къ дому. Фраза, которую онъ повторялъ, была: «фосфориты оправдаютъ», — что, передъ кѣмъ — онъ не зналъ и не думалъ.

На лужку колотили коверъ. Мебель была вынесена.

«Матушки! какую Лиза затѣяла перечистку!.. Фосфориты оправдаютъ... Вотъ такъ хозяйка! Хозяюшка! Да, хозяюшка,— сказалъ онъ самъ себѣ, живо представивъ себѣ ее въ бѣломъ капотѣ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, какое у нея почти всегда было, когда онъ смотрѣлъ на нее.—Да, надо перемѣнить сапоги, а то фосфориты оправдаютъ, то-есть, пахнетъ навозомъ, а хозяюшка-то-съ въ такомъ положеніи. Отчего въ такомъ положеніи? Да растетъ тамъ, въ ней, маленькій Иртеневъ, новый,— подумалъ онъ. — Да, фосфориты оправдаютъ» и, улыбаясь своимъ мыслямъ, ткнулъ рукой дверь въ свою комнату.

Но не успѣлъ онъ надавить на дверь, какъ она сама отворилась, и носъ съ носомъ онъ столкнулся съ шедшей ему навстрѣчу съ ведромъ, подоткнутой, босоногой и съ высоко засученными рукавами бабой. Онъ посторонился, чтобы пропустить бабу, она тоже посторонилась, поправляя верхомъ мокрой руки сбившійся платокъ.

— Иди, иди, я не пойду, коли вы... — началъ было Евгеній и вдругъ, узнавъ ее, остановился.

Она, улыбаясь глазами, весело взглянула на него и, обдернувъ паневу, вышла изъ двери.

«Что за вздоръ?.. Что такое?.. Не можетъ быть», хмурясь и отряхаясь, какъ отъ мухи, говорилъ себѣ Евгеній, недовольный тѣмъ, что онъ замѣтилъ ее. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что замѣтилъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ оторвать глазъ отъ ея покачивающагося ловкой, сильной походкой босыхъ ногъ тѣла, отъ ея рукъ, плечъ, красивыхъ складокъ рубахи и красной паневы, высоко подоткнутой надъ ея бѣлыми икрами.

«Да что же я смотрю?!—сказалъ онъ себѣ, опуская глаза, чтобы не видать ея.—Да, надо взойти все - таки, взять сапоги другіе». И онъ повернулся назадъ къ себѣ въ комнату; но не успѣлъ пройти пяти шаговъ, какъ, самъ не зная, какъ и по чьему приказу, опять оглянулся, чтобы еще разъ увидать ее. Она заходила за уголъ и въ то же мгновенье тоже оглянулась на него.

«Ахъ, что я дѣлаю! — вскрикнулъ онъ въ душѣ. — Она можетъ подумать... Даже навѣрное она уже подумала».

Онъ вошелъ въ свою мокрую комнату. Другая баба, старая, худая, была тамъ и мыла еще; Евгеній прошелъ на цыпочкахъ черезъ грязныя лужи къ стѣнкѣ, гдѣ стояли сапоги, и хотѣлъ выходить, когда баба тоже вышла.

«Эта вышла и придетъ та, Степанида, одна», вдругъ началъ въ немъ разсуждать кто - то.

«Боже мой, что я думаю, что я дѣлаю!» Онъ схватилъ сапоги и побѣжалъ съ ними въ переднюю, тамъ надѣлъ ихъ, обчистился и вышелъ на террасу, гдѣ ужъ сидѣли обѣ мамаши за кофе. Лиза, очевидно, ждала его и вошла на террасу изъ другой двери вмѣстѣ съ нимъ.

«Боже мой! Если бы она, считающая меня такимъ честнымъ, чистымъ, невиннымъ, если бы она знала!» подумалъ онъ.

Лиза, какъ всегда, съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его. Но нынче она что-то особенно показалась ему блѣдной, желтой и длинной, слабой.

X

За кофеемъ, какъ и часто случалось, шелъ тотъ особенный дамскій разговоръ, въ которомъ логической связи не было никакой, но который, очевидно, чѣмъ-то связывался, потому что шелъ безпрерывно.

Обѣ дамы пикировались, и Лиза искусно лавировала между ними.

— Мнѣ такъ досадно, что не успѣли вымыть твою комнату до твоего пріѣзда, — сказала она мужу. — А такъ хочется все перебрать.

— Ну какъ ты, спала послѣ меня?

— Да, я спала, мнѣ хорошо.

— Какъ можетъ быть хорошо женщинѣ въ ея положеніи въ эту невыносимую жару, когда окна на солнце, — сказала Варвара Алексѣевна, ея мать.—И безъ жалузи или маркизъ. У меня всегда маркизы.

— Да вѣдь здѣсь тѣнь съ десяти часовъ, — сказала Марья Павловна.

— Отъ этого и лихорадка, отъ сырости!—сказала Варвара Алексѣевна, не замѣчая того, что она говоритъ прямо противное тому, что говорила сейчасъ.—Мой докторъ говорилъ всегда, что нельзя никогда опредѣлить болѣзнь, не зная характера больной. А ужъ онъ знаетъ, потому что это первый докторъ, и мы платимъ ему сто рублей. Покойный мужъ не признавалъ докторовъ, но для меня никогда онъ ничего не жалѣлъ.

— Какъ же можетъ мужчина жалѣть для женщины, когда жизнь ея и ребенка зависитъ, можетъ быть...

— Да, когда есть средства, то жена можетъ не зависѣть отъ мужа. Хорошая жена покоряется мужу, — сказала Варвара Алексѣевна,—но только Лиза слишкомъ еще слаба послѣ своей болѣзни.

— Да нѣтъ, мама, я себя прекрасно чувствую. Что жъ, кипяченыхъ сливокъ вамъ не подали?

— Мнѣ не надо. Я могу и съ сырыми.

— Я спрашивала у Варвары Алексѣевны, она отказалась,— сказала Марья Павловна, какъ будто оправдываясь.

— Да нѣтъ, я не хочу нынче.—И, какъ будто, чтобы прекратить непріятный разговоръ и великодушно уступая, Варвара Алексѣевна обратилась къ Евгенію. — Ну что, разсыпали фосфорины?

Лиза побѣжала за сливками.

— Да я не хочу, не хочу.

— Лиза, Лиза, тише, — сказала Марья Павловна. — Ей вредны эти быстрыя движенія.

— Ничто не вредно, если есть спокойствіе душевное, — сказала, какъ будто на что-то намекая, Варвара Алексѣевна, хотя и сама знала, что слова ея не могли ни на что намекать.

Лиза вернулась со сливками, Евгеній пилъ свой кофе и угрюмо слушалъ. Онъ привыкъ къ этимъ разговорамъ, но нынче его особенно раздражала безсмысленность его. Ему хотѣлось обдумать то, что случилось съ нимъ, а этотъ лепетъ мѣшалъ ему. Напившись кофе, Варвара Алексѣевна такъ и ушла не въ духѣ. Остались одни—Лиза, Евгеній и М рья Павловна. И разговоръ

шелъ простой и пріятный. Но чуткая любовью Лиза тотчасъ же замѣтила, что что-то мучаетъ Евгенія, и спросила его, не было ли чего непріятнаго. Онъ не приготовился къ этому вопросу и немного замялся, отвѣчая, что ничего. И этотъ отвѣтъ еще больше заставилъ задуматься Лизу. Что что-то мучило и очень мучило его, ей было такъ же очевидно, какъ то, что муха попала въ молоко, но онъ не говорилъ. Что же это такое было?

XI.

Послѣ завтрака всѣ разошлись. Евгеній, по заведенному порядку, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ не сталъ ни читать, ни писать письма, а сѣлъ и сталъ курить одну папиросу за другою, думая. Его страшно удивило и огорчило это неожиданно проявившееся въ немъ скверное чувство, отъ котораго онъ считалъ себя свободнымъ съ тѣхъ поръ, какъ женился. Онъ ни разу съ тѣхъ поръ не испытывалъ этого чувства ни къ ней, ни къ той женщинѣ, которую онъ зналъ, ни къ какой бы то ни было женщинѣ, кромѣ какъ къ своей женѣ. Онъ въ душѣ много разъ радовался этому своему освобожденію, и вотъ вдругъ эта случайность, такая, казалось бы, ничтожная, открыла ему то, что онъ несвободенъ. Его мучило теперь не то, что онъ опять подчинился этому чувству, что онъ желаетъ ее,—этого онъ и думать не хотѣлъ,—а то, что чувство это живо въ немъ, и что надо стоять насторожѣ противъ него. Въ томъ, что онъ подавитъ это чувство, въ душѣ его не было и сомнѣнія.

У него было одно неотвѣченное письмо и бумага, которую надо было составить. Онъ сѣлъ за письменный столъ и взялся за работу. Окончивъ ее и совсѣмъ забывъ то, что его встревожило, онъ вышелъ, чтобы пройти на конюшню. И опять, какъ на бѣду, по несчастной ли случайности или нарочно, только онъ вышелъ на крыльцо, изъ-за угла вышла красная панева и красный платокъ и, махая руками и перекачиваясь, прошла мимо него. Мало того, что прошла, она пробѣжала, миновавъ его, какъ бы играючи, и догнала товарку.

Опять яркій полдень, кр пива, зады даниловой караулки и въ тѣни кленовъ ея улыбающееся лицо, кусающее листья, возстали въ его воображеніи.

— Нѣтъ, это невозможно такъ оставить,—сказалъ онъ себѣ и, подождавъ того, чтобы бабы скрылись изъ виду, пошелъ въ контору.

Былъ самый обѣдъ, и онъ надѣялся застать еще приказчика. Такъ и случилось. Приказчикъ только что проснулся. Онъ

стоялъ въ конторѣ, потягиваясь, зѣвалъ, глядя на скотника, что-то ему говорившаго.

— Василій Николаевичъ!

— Что прикажете?

— Мнѣ поговорить съ вами.

— Что прикажете?

— Да вотъ кончите.

— Развѣ не принесешь? — сказалъ Василій Николаевичъ скотнику.

— Тяжело, Василій Николаевичъ.

— Что это? — спросилъ Евгеній.

— Да отелилась въ полѣ корова. Ну, ладно, я сейчасъ велю запречь лошадь. Вели Николаю Лысуху запречь, хоть въ дроги.

Скотникъ ушелъ.

— Вотъ видите ли, — краснѣя и чувствуя это, началъ Евгеній.—Вотъ видите ли, Василій Николаевичъ. Тутъ, пока я былъ холостой, были у меня грѣхи... Вы, можетъ быть, слышали...

Василій Николаевичъ улыбался глазами и, очевидно, жалѣя барина, сказалъ:

— Это насчетъ Степашки?

— Ну, да. Такъ вотъ что. Пожалуйста, пожалуйста, не берите вы ее на поденную въ домъ. Вы понимаете, непріятно очень мнѣ...

— Да это, видно, Ваня, конторщикъ, распорядился.

— Такъ пожалуйста... Ну такъ какъ же, разсыпятъ остальное?—сказалъ Евгеній, чтобы скрыть свой конфузъ.

— Да вотъ поѣду сейчасъ.

Такъ и кончилось это. И Евгеній успокоился, надѣясь, что какъ онъ прожилъ годъ, не видавъ ея, такъ будетъ и теперь. «Кромѣ того, Василій Николаевичъ скажетъ Ивану конторщику; Иванъ скажетъ ей, и она пойметъ, что я не хочу этого», говорилъ себѣ Евгеній и радовался тому, что онъ взялъ на себя и сказалъ Василію Николаевичу, какъ ни трудно это было ему. «Да, все лучше, все лучше, чѣмъ это сомнѣніе, этотъ стыдъ». Онъ содрогался при одномъ воспоминаніи объ этомъ преступленіи мыслью.

XII.

Нравственное усиліе, которое онъ сдѣлалъ, чтобы, преодолѣвъ стыдъ, сказать Василію Николаевичу, успокоило Евгенія. Ему казалось, что теперь все кончено. И Лиза тотчасъ же замѣтила, что онъ совсѣмъ спокоенъ и даже радостнѣе обыкновеннаго. «Вѣрно, его огорчала эта пикировка между мамашами. Въ самомъ дѣлѣ, тяжело, въ особенности ему, съ его чувстви-

тельностью и благородствомъ, слышать всегда эти недружелюбные и дурного тона намеки на что-то», думала Лиза.

Слѣдующій день былъ Троицынъ. Погода была прекрасная, и бабы, по обыкновенію, проходя въ лѣсъ завивать вѣнки, подошли къ барскому дому и стали пѣть и плясать. Марья Павловна и Варвара Алексѣевна вышли въ нарядныхъ платьяхъ, съ зонтиками, на крыльцо, и подошли къ хороводу. Съ ними же вмѣстѣ вышелъ въ китайскомъ сюртучкѣ обрюзгшій блудникъ и пьяница дядюшка, жившій это лѣто у Евгенія.

Какъ всегда, былъ одинъ пестрый, яркій цвѣтами кружокъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ центромъ всего, а вокругъ него съ разныхъ сторонъ, какъ оторвавшіяся и вращающіяся за нимъ планеты и спутники, то дѣвчаты, держась рука съ рукой, шурша новымъ ситцемъ растегаевъ, то малые ребята, фыркающіе чему-то и бѣгающіе взадъ и впередъ другъ за другомъ, то ребята взрослые, въ синихъ и черныхъ поддевкахъ и картузахъ и красныхъ рубахахъ, съ неперестающимъ плеваньемъ шелухи сѣмечекъ, то дворовые или посторонніе, издалека поглядывающіе на хороводъ. Обѣ барыни подошли къ самому кругу и вслѣдъ за ними и Лиза въ голубомъ платьѣ и такихъ же лентахъ на головѣ, съ широкими рукавами, изъ которыхъ виднѣлись ея длинныя, бѣлыя руки съ угловатыми локтями.

Евгенію не хотѣлось выходить, но смѣшно было скрываться. Онъ вышелъ тоже съ папиросой на крыльцо, раскланялся съ ребятами и мужиками и заговорилъ съ однимъ изъ нихъ. Бабы между тѣмъ орали во всю мочь плясовую и подщелкивали и подхлопывали въ ладони и плясали.

— Барыня зовутъ, — сказалъ малый, подходя къ не слыхавшему зова жены Евгенію. Лиза звала его посмотрѣть на пляску, на одну изъ плясавшихъ бабъ, которая ей особенно нравилась. Это была Степаша. Она была въ желтомъ растегаѣ и въ плисовой безрукавкѣ и въ шелковомъ платкѣ, широкая, энергическая, румяная, веселая. Должно быть, она хорошо плясала. Онъ ничего не видалъ.

— Да, да, — сказалъ онъ, снимая и надѣвая пенснэ.—Да, да,—говорилъ онъ. «Стало быть, нельзя мнѣ избавиться отъ нея», думалъ онъ.

Онъ не смотрѣлъ на нее, потому что боялся ея привлекательности, и именно отъ этого то, что онъ мелькомъ видѣлъ въ ней, казалось ему особенно привлекательнымъ. Кромѣ того, онъ видѣлъ по блеснувшему ея взгляду, что она видитъ его и видитъ то, что онъ любуется ею. Онъ постоялъ, сколько нужно было для приличія, и, увидѣвъ, что Варвара Алексѣевна подо-

звала ее и что-то нескладно, фальшиво называя ее милочкой, говорила съ ней, повернулся и отошелъ. Онъ отошелъ и вернулся въ домъ. Онъ ушелъ, чтобы не видать ея, но, войдя на верхній этажъ, онъ, самъ не зная, какъ и зачѣмъ, подошелъ къ окну и все время, пока бабы были у крыльца, стоялъ у окна и смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее, упивался ею.

Онъ сбѣжалъ, пока никто не могъ его видѣть, и пошелъ тихимъ шагомъ на балконъ и, на балконѣ закуривъ папиросу, какъ будто гуляя, пошелъ въ садъ по тому направленію, по которому она пошла. Онъ не сдѣлалъ двухъ шаговъ въ аллеѣ, какъ за деревьями мелькнула плисовая безрукавка на желтомъ растегаѣ и красный платокъ. Онъ шла куда-то съ другой бабой. «Куда-то онѣ шли?»

И вдругъ страстная похоть обожгла его, какъ рукой схватила за сердце. Евгеній, какъ будто по чьей-то чуждой ему волѣ, оглянулся и пошелъ къ ней.

— Евгеній Ивановичъ, Евгеній Ивановичъ! Я къ вашей милости,—заговорилъ сзади голосъ, и Евгеній, увидавъ старика Самохина, который рылъ у него колодецъ, очнулся и, быстро повернувшись, пошелъ къ Самохину. Разговаривая съ нимъ, онъ повернулся бокомъ и увидалъ, что онѣ съ бабой прошли внизъ, очевидно, къ колодцу, или подъ предлогомъ колодца, и потомъ, побывъ тамъ недолго, побѣжали къ хороводу

XIII.

Поговоривъ съ Самохинымъ, Евгеній вернулся въ домъ убитый, точно совершившій преступленіе. Во-первыхъ, она поняла его, она думала, что онъ хочетъ видѣть ее, и она желаетъ этого. Во-вторыхъ, эта другая баба — эта Анна Прохорова — очевидно, знаетъ про это.

Главное же то, что онъ чувствовалъ, что онъ побѣжденъ, что у него нѣтъ своей воли, есть другая сила, двигающая имъ; что нынче онъ спасся только по счастью, но не нынче, такъ завтра, такъ послѣ завтра онъ все-таки погибнетъ.

«Да, погибнетъ,—онъ иначе не понималъ этого:—измѣнить своей молодой, любящей женѣ, въ деревнѣ съ бабой, на виду у всѣхъ, развѣ это не была погибель, страшная погибель, послѣ которой нельзя было жить больше. Нѣтъ, надо, надо принять мѣры».

«Боже мой, Боже мой! Что же мнѣ дѣлать? Неужели я такъ и погибну?—говорилъ онъ себѣ.—Развѣ нельзя принять мѣры? Да, надо же что-нибудь сдѣлать. Не думать объ ней,—приказы-

валъ онъ себѣ.—Не думать», и тотчасъ же онъ начиналъ думать и видѣлъ ее передъ собой и видѣлъ кленовую тѣнь.

Онъ вспомнилъ, что читалъ про старца, который отъ соблазна передъ женщиной, на которую долженъ былъ наложить руку, чтобы лѣчить ее, положилъ другую руку на жаровню и сжегъ пальцы. Онъ вспомнилъ это. «Да, я готовъ сжечь пальцы лучше, чѣмъ погибнуть». И онъ, оглянувшись, что никого нѣтъ въ комнатѣ, зажегъ спичку и положилъ палецъ въ огонь. «Ну, думай о ней теперь», иронически обратился онъ къ себѣ. Ему стало больно, онъ отдернулъ закопченный палецъ, бросилъ спичку и самъ засмѣялся надъ собой. «Какой вздоръ! Не это надо дѣлать. А надо принять мѣры, чтобы не видать ея—уѣхать самому или ее удалить. Да, удалить! Предложить ея мужу денегъ, чтобы онъ уѣхалъ въ городъ или въ другое село. Узнаютъ, будутъ говорить про это. Ну что же, все лучше, чѣмъ эта опасность. Да, надо сдѣлать это», говорилъ онъ себѣ и все, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. «Куда это она пошла?» вдругъ спросилъ онъ себя. Она, какъ ему показалось, видѣла его у окна и теперь, взглянувъ на него, взялась рука съ рукой съ какой-то бабой, пошла къ саду, бойко размахивая рукой. Самъ не зная, зачѣмъ, почему, все ради своихъ мыслей, онъ пошелъ въ контору.

Василій Николаевичъ въ нарядномъ сюртукѣ, напомаженный, сидѣлъ за чаемъ съ женой и гостьей въ ковровомъ платкѣ.

— Какъ бы мнѣ, Василій Николаевичъ, поговорить.

— Можно, пожалуйте. Мы отпили.

— Нѣтъ, пойдемте со мной лучше.

— Сейчасъ, только дай картузъ возьму. Ты, Таня, самоваръ-то прикрой,—сказалъ Василій Николаевичъ, весело выходя.

Евгенію показалось, что онъ былъ выпивши, но что же дѣлать, можетъ, это къ лучшему, онъ участливѣе войдетъ въ его положеніе.

— Я, Василій Николаевичъ, опять о томъ же, — сказалъ Евгеній:—объ этой женщинѣ.

— Такъ что же? Я приказалъ, чтобы отнюдь не брать.

— Да нѣтъ, я вообще вотъ что думаю и вотъ о чемъ хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Нельзя ли ихъ удалить, все семейство удалить?

— Куда же ихъ удалишь?—недовольно и насмѣшливо, какъ показалось Евгенію, сказалъ Василій.

— Да я такъ думалъ, что дать имъ денегъ или даже земли въ Колтовскомъ, только бы не было ея тутъ.

— Да какъ же удалишь? Куда онъ пойдетъ съ своего кореня? Да и на что вамъ? Что она вамъ мѣшаетъ?

— Ахъ, Василій Николаевичъ, вы поймите, что женѣ это ужасно будетъ узнать.

— Да кто же ей скажетъ?

— Да какъ же жить подъ этимъ страхомъ? Да и вообще это тяжело.

— И чего вы безпокоитесь, право. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. А кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?

— Все-таки лучше бы удалить. Вы не можете поговорить съ мужемъ?

— Да нечего говорить. Эхъ, Евгеній Ивановичъ, что вы это?! И все прошло и забылось. Чего не бываетъ. А кто же теперь про васъ что скажетъ худое? Вѣдь вы въ виду.

— Но вы все-таки скажите.

— Хорошо, я поговорю.

Хотя онъ и зналъ впередъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, разговоръ этотъ нѣсколько успокоилъ Евгенія. Онъ, главное, почувствовалъ, что онъ отъ волненія преувеличилъ опасность.

Развѣ онъ шелъ на свиданіе съ ней? Оно и невозможно. Онъ просто шелъ пройтись по саду, а она случайно выбѣжала туда.

XIV.

Въ этотъ же самый Троицынъ день, послѣ обѣда, Лиза, гуляя по саду и выходя изъ него на лугъ, куда повелъ ее мужъ, чтобы показать клеверъ, переходя маленькую канавку, оступилась и упала. Она упала мягко, на бокъ; но ахнула, и въ лицѣ ея мужъ увидалъ не только испугъ, но боль. Онъ хотѣлъ поднять ее, но она отвела его руку.

— Нѣтъ, погоди немного, Евгеній, — сказала она, слабо улыбаясь и снизу какъ-то, какъ ему показалось, съ виноватымъ видомъ, глядя на него.—Просто нога подвернулась.

— Вотъ я всегда говорю,—заговорила Варвара Алексѣевна.— Развѣ можно въ такомъ положеніи прыгать черезъ канавы.

— Да нѣтъ же, мама, ничего. Я сейчасъ встану.

Она встала съ помощью мужа, но въ ту же минуту она поблѣднѣла, и на лицѣ ея выразился испугъ.

— Да, мнѣ нехорошо,—и она шепнула что-то матери.

— Ахъ, Боже мой, что надѣлали! Я говорила, не ходить,— кричала Варвара Алексѣевна.—Погодите, я пришлю людей. Ей не надо ходить. Ее надо снести.

— Ты не боишься, Лиза, я снесу тебя?—сказалъ Евгеній, обхвативъ ее лѣвой рукой.—Обойми мнѣ шею. Вотъ такъ.

И онъ, нагнувшись, подхватилъ ее подъ ноги правой рукой и поднялъ. Никогда онъ не могъ забыть послѣ то страдальческое и вмѣстѣ блаженное выраженіе, которое было на ея лицѣ.

— Тебѣ тяжело, милый,—говорила она, улыбаясь.—Мама-то бѣжитъ, скажи ей!

И она пригнулась къ нему и поцѣловала. Ей, очевидно, хотѣлось, чтобы и мама видѣла, какъ онъ несетъ ее.

Евгеній крикнулъ Варварѣ Алексѣевнѣ, чтобы она не торопилась, что онъ донесетъ. Варвара Алексѣевна остановилась и начала кричать еще пуще.

— Ты уронишь ее, непремѣнно уронишь. Хочешь погубить ее. Нѣтъ въ тебѣ совѣсти!

— Да я прекрасно несу.

— Не хочу я, не могу я видѣть, какъ ты моришь мою дочь.— И она забѣжала за уголъ аллеи.

— Ничего, это пройдетъ,—говорила Лиза, улыбаясь.

— Да только бы не было послѣдствій, какъ тотъ разъ.

— Нѣтъ, я не объ этомъ. Это ничего, а я о мамà. Ты усталъ, отдохни.

Но хотя ему и тяжело было, Евгеній съ гордой радостью донесъ свою ношу до дому и не передалъ ее горничной и повару, которыхъ нашла и выслала имъ навстрѣчу Варвара Алексѣевна. Онъ донесъ ее до спальни и положилъ на постель.

— Ну, ты поди,—сказала она и, притянувъ къ себѣ его руку, поцѣловала ее.—Мы съ Аннушкой справимся.

Марья Павловна прибѣжала тоже изъ флигеля. Лизу раздѣли и уложили въ постель. Евгеній сидѣлъ въ гостиной съ книгой въ рукѣ, дожидаясь. Варвара Алексѣевна прошла мимо него съ такимъ укоризненнымъ, мрачнымъ видомъ, что ему сдѣлалось страшно.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Что? Что же спрашивать? То самое, чего вы хотѣли, вѣроятно, заставляя жену прыгать черезъ рвы.

— Варвара Алексѣевна!—вскрикнулъ онъ. — Это невыносимо. Если вы хотите мучить людей и отравлять имъ жизнь...— онъ хотѣлъ сказать: то поѣзжайте куда-нибудь въ другое мѣсто, но удержался.—Какъ вамъ не больно это?

— Теперь поздно.

И она, побѣдоносно встряхнувъ чепцомъ, прошла въ дверь.

Паденіе дѣйствительно было дурное, нога подвернулась неловко, и была опасность того, что опять будетъ выкидышъ. Всѣ знали, что дѣлать ничего нельзя, что надо только лежать покойно, но все-таки рѣшили послать за докторомъ.

«Многоуважаемый Николай Семеновичъ,—написалъ Евгеній врачу,—вы такъ всегда добры были къ намъ, что, надѣюсь, не откажете пріѣхать помочь женѣ. Она въ»... и т. д. Написавъ письмо, онъ пошелъ въ конюшню распорядиться лошадьми и экипажемъ. Надо было приготовить однѣхъ лошадей, чтобы привезти, другихъ—увезти. Гдѣ хозяйство не на большую ногу, все это не сразу можно устроить, а надо обдумать. Наладивъ все самъ и отправивъ кучера, онъ вернулся домой въ десятомъ часу. Жена лежала и говорила, что ей прекрасно, и ничего не болитъ. Но Варвара Алексѣевна сидѣла за лампой, заслоненной отъ Лизы нотами, и вязала большое красное одѣяло съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что послѣ того, что было, миру быть не можетъ. А что бы кто ни дѣлалъ, я, по крайней [мѣрѣ], исполнила свою обязанность.

Евгеній видѣлъ это, но, чтобы сдѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ, старался имѣть веселый и безпечный видъ, разсказывалъ, какъ онъ собралъ лошадей и какъ кобыла Кавушка отлично пошла на лѣвой пристяжкѣ.

— Да, разумѣется, самое время выѣзжать лошадей, когда нужна помощь. Вѣроятно, и доктора также свалятъ въ канаву,—сказала Варвара Алексѣевна, изъ-подъ пенснэ взглядывая на вязанье, подводя его подъ самую лампу.

— Да вѣдь надо же было какъ-нибудь послать. А я сдѣлалъ какъ лучше.

— Да, я очень хорошо помню, какъ меня мчали ваши лошади подъ подъѣздъ.

Это была ея давнишняя выдумка, и теперь Евгеній имѣлъ неосторожность сказать, что это не совсѣмъ такъ было.

— Недаромъ я всегда говорю, и князю сколько разъ говорила, что тяжелѣе всего жить съ людьми неправдивыми, неискренними; я все перенесу, но только не это.

— Вѣдь если кому больнѣе всѣхъ, то ужъ вѣрно мнѣ,—сказалъ Евгеній. А вы...

— Да это и видно.

— Что?

— Ничего, я петли считаю.

Евгеній стоялъ въ это время у постели, и Лиза смотрѣла на него и одной изъ влажныхъ рукъ, лежавшихъ сверхъ одѣяла, поймала его руку и пожала. «Переноси ее для меня. Вѣдь она не помѣшаетъ намъ любить другъ друга», говорилъ ея взглядъ.

— Не буду. Это такъ,—прошепталъ онъ и поцѣловалъ ея влажную, длинную руку и потомъ милые глаза, которые закрывались, пока онъ цѣловалъ ихъ.

— Неужели опять то же? — сказалъ онъ. — Какъ ты чувствуешь?

— Страшно сказать, чтобъ не ошибиться, но чувство у меня такое, что онъ живъ и будетъ живъ, — сказала она, глядя на свой животъ.

— Ахъ, страшно, страшно и думать.

Несмотря на настоянія Лизы, чтобы онъ ушелъ, Евгеній провелъ ночь съ нею, засыпая только однимъ глазомъ и готовый служить ей.

Но ночь она провела хорошо и, если бы не было послано за докторомъ, можетъ быть, и встала бы.

Къ обѣду пріѣхалъ докторъ и, разумѣется, сказалъ, что, хотя повторныя явленія и могутъ вызывать опасенія, но, собственно говоря, положительнаго указанія нѣтъ, но такъ какъ нѣтъ и противупоказанія, то можно, съ одной стороны, полагать, съ другой же стороны, тоже можно полагать. И потому надо лежать, и, хотя я и не люблю прописывать, но все-таки это принимайте, и лежать. Кромѣ того, докторъ прочелъ еще Варварѣ Алексѣевнѣ лекцію о женской анатоміи, при чемъ Варвара Алексѣевна значительно кивала головой. Получивъ гонораръ, какъ и обыкновенно, въ самую заднюю часть ладони, докторъ уѣхалъ, а больная осталась лежать на недѣлю.

XV.

Большую часть времени Евгеній проводилъ у постели жены, служилъ ей, говорилъ съ ней, читалъ съ ней и, что было труднѣе всего, безъ ропота переносилъ нападки Варвары Алексѣевны и даже сумѣлъ изъ этихъ нападокъ сдѣлать предметъ шутки.

Но онъ не могъ сидѣть дома. Во-первыхъ, жена посылала его, говоря, что онъ заболѣетъ, если будетъ сидѣть все съ нею; а во-вторыхъ, хозяйство все шло такъ, что на каждомъ шагу требовало его присутствія. Онъ не могъ сидѣть дома, а былъ въ полѣ, въ лѣсу, въ саду, на гумнѣ, и вездѣ не мысль только, а живой образъ Степаниды преслѣдовалъ его такъ, что онъ рѣдко только забывалъ про нее. Но это было бы ничего; онъ, можетъ быть, сумѣлъ бы преодолѣть это чувство, но хуже всего было то, что онъ прежде жилъ мѣсяцами, не видя ея, теперь же безпрестанно видѣлъ и встрѣчалъ ее. Она, очевидно, поняла, что онъ хочетъ возобновить сношенія съ нею, и старалась попадаться ему. Ни имъ, ни ею не было сказано ничего, и оттого и онъ и она не шли прямо на свиданье, а старались только сходиться.

Мѣсто, гдѣ можно было сойтись, это былъ лѣсъ, куда бабы ходили съ мѣшками за травой для коровъ. И Евгеній зналъ это и потому каждый день проходилъ мимо этого лѣса. Каждый день онъ говорилъ себѣ, что онъ не пойдетъ, и каждый день кончалось тѣмъ, что онъ направлялся къ лѣсу и, услыхавъ звукъ голосовъ, останавливаясь за кустомъ, съ замираніемъ сердца выглядывалъ, не она ли это.

Зачѣмъ ему нужно было знать, не она ли это, онъ не зналъ. Если бы это была она и одна, онъ не пошелъ бы къ ней,—такъ онъ думалъ,—онъ убѣжалъ бы; но ему нужно было видѣть ее.

Одинъ разъ онъ встрѣтилъ ее въ то время, какъ онъ входилъ въ лѣсъ,—она выходила изъ него съ другими двумя бабами и тяжелымъ мѣшкомъ, полнымъ травы, на спинѣ. Немного раньше—и онъ бы, можетъ быть, столкнулся съ нею въ лѣсу. Теперь же ей невозможно было на виду другихъ бабъ вернуться къ нему въ лѣсъ. Но, несмотря на сознаваемую имъ эту невозможность, онъ долго, рискуя обратить этимъ на себя вниманіе другихъ бабъ, стоялъ за кустомъ орѣшника. Разумѣется, она не вернулась, но онъ простоялъ здѣсь долго. И, Боже мой, съ какой прелестью рисовало ему ее его воображеніе. И это было не одинъ разъ, а пятый, шестой разъ. И что дальше, то сильнѣе. Никогда она такъ привлекательна не казалась ему. Да и не то, что привлекательна,—никогда она такъ вполнѣ не владѣла имъ.

Онъ чувствовалъ, что терялъ волю надъ собой, становился почти помѣшаннымъ. Строгость его къ себѣ не ослаблялась ни на волосъ; напротивъ, онъ видѣлъ всю мерзость своихъ желаній, даже поступковъ, потому что хожденіе его по лѣсу былъ поступокъ. Онъ зналъ, что стоило ему столкнуться съ ней гдѣ-нибудь близко, въ темнотѣ, если бы можно—прикоснуться къ ней, и онъ отдастся своему чувству. Онъ зналъ, что только стыдъ передъ людьми, передъ ней, должно быть, и передъ собой держалъ его. И онъ зналъ, что онъ искалъ условій, въ которыхъ бы не былъ замѣтенъ этотъ стыдъ: темноты или такого прикосновенія, при которомъ стыдъ этотъ заглушится животной страстью. И потому онъ зналъ, что онъ мерзкій преступникъ, и презиралъ и ненавидѣлъ себя всѣми силами души. Онъ ненавидѣлъ себя потому, что все еще не сдавался: каждый день онъ молился Богу о томъ, чтобы Онъ подкрѣпилъ, спасъ его отъ погибели; каждый день онъ рѣшалъ, что отнынѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного шага, не оглянется на нее, забудетъ ее. Каждый день онъ придумывалъ средства, чтобы избавиться отъ этого наважденія, и употреблялъ эти средства.

Но все было напрасно.

Одно изъ средствъ было постоянное занятіе; другое была усиленная физическая работа и постъ; третье было представленіе себѣ ясное того стыда, который обрушится на его голову, когда всѣ узнаютъ это—жена, теща, люди. Онъ все это дѣлалъ, и ему казалось, что онъ побѣждаетъ, но приходило время, полдень, время прежнихъ свиданій, и время, когда онъ ее встрѣтилъ за травой, и онъ шелъ въ лѣсъ.

Такъ прошли мучительные пять дней. Онъ только видалъ ее издалека, но ни разу не сошелся съ ней.

XVI.

Лиза понемногу поправлялась, ходила и безпокоилась той перемѣной, которая произошла въ ея мужѣ и которой она не понимала.

Варвара Алексѣевна уѣхала на время, и изъ чужихъ гостилъ только дядюшка. Марья Павловна, какъ всегда, была дома.

Въ такомъ полусумасшедшемъ состояніи находился Евгеній, когда случились, какъ это часто бываетъ послѣ іюньскихъ грозъ, іюньскіе проливные дожди, продолжавшіеся два дня. Дожди отбили отъ всѣхъ работъ. Даже навозъ бросили возить отъ сырости и грязи. Народъ сидѣлъ по домамъ. Пастухи мучились со скотиной и, наконецъ, пригнали ее домой. Коровы и овцы ходили по выгону и разбѣгались по усадьбамъ. Бабы, босыя и покрытыя платками, шлепая по грязи, бросились разыскивать разбѣжавшихся коровъ. Ручьи текли вездѣ по дорогамъ, всѣ листья, вся трава были полны водой, изъ желобовъ текли, не умолкая, ручьи въ пузырящіяся лужи.

Евгеній сидѣлъ дома съ женой, которая была особенно скучна нынче. Она нѣсколько разъ допрашивала Евгенія о причинѣ его недовольства; онъ съ досадой отвѣчалъ, что ничего нѣтъ. И она перестала спрашивать, но огорчилась.

Они сидѣли послѣ завтрака въ гостиной. Дядюшка разсказывалъ въ сотый разъ свои выдумки про своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Лиза вязала кофточку и вздыхала, жалуясь на погоду и на боль въ поясницѣ. Дядюшка посовѣтовалъ ей лечь, а самъ попросилъ вина. Въ домѣ Евгенію было ужасно скучно. Все было слабое, скучающее. Онъ читалъ книгу и курилъ, но ничего не понималъ.

— Да, надо пройтись и посмотрѣть терки. вчера привезли.— сказалъ онъ. Онъ всталъ и пошелъ.

— Ты возьми зонтикъ.

— Да нѣтъ, у меня кожанъ. Да и я только до варковъ.

Онъ надѣлъ сапоги, кожанъ и пошелъ къ заводу; но не прошелъ онъ двадцати шаговъ, какъ навстрѣчу ему попалась она въ высоко надъ бѣлыми икрами подоткнутой паневѣ. Она шла, придерживая руками шаль, которой были закутаны ея голова и плечи.

— Что ты?—спросилъ онъ, въ первую минуту не узнавъ ея. Когда онъ узналъ, было уже поздно. Она остановилась и, улыбаясь, долго поглядѣла на него.

— Теленку ищу. Куда же это вы въ ненастье-то? — сказала она, точно каждый день видала его.

— Приходи въ шалашъ, — вдругъ самъ не зная какъ, сказалъ онъ. Точно кто-то другой изъ него сказалъ эти слова.

Она закусила платокъ, кивнула глазами и побѣжала туда, куда шла—въ садъ къ шалашу, а онъ продолжалъ свой путь съ намѣреніемъ завернуть за сиреневымъ кустомъ и идти туда же.

— Баринъ, — послышался ему сзади голосъ. — Барыня зовутъ, на минутку просятъ зайти.

Это былъ Миша, ихъ слуга.

«Боже мой! второй разъ ты спасаешь меня», подумалъ Евгеній и тотчасъ же вернулся. Жена напомнила ему, что онъ обѣщалъ въ обѣдъ снести лѣкарство больной женщинѣ, такъ вотъ она просила его взять его.

Пока собирали лѣкарство, прошло минутъ пять. Потомъ, выйдя съ лѣкарствомъ, онъ не рѣшился идти въ шалашъ, чтобы его не увидали изъ дома, но какъ только вышелъ изъ виду, онъ тотчасъ повернулъ и пошелъ къ шалашу. Онъ уже видѣлъ въ воображеніи своемъ ее посрединѣ шалаша, весело улыбающуюся; но ея не было, и въ шалашѣ ничего не было, чтобы доказывало, что она была.

Онъ уже подумалъ, что она не приходила и не слыхала и не поняла его словъ, — онъ пробурчалъ ихъ себѣ подъ носъ, какъ бы боясь, чтобы она услыхала ихъ, — или, можетъ быть, и не хотѣла прійти. «И съ чего онъ выдумалъ, что она такъ и бросится къ нему? У нея есть свой мужъ; только я одинъ такой мерзавецъ, что у меня жена, и хорошая, а я бѣгаю за чужою». Такъ онъ думалъ, сидя въ шалашѣ, протекшемъ въ одномъ мѣстѣ и капающемъ съ своей соломы. «А что бы за счастье было, если бы она пришла. Одни, здѣсь, въ этотъ дождь. Хоть бы разъ опять обнять ее, а потомъ будь, что будетъ. Ахъ, да, — вспомнилъ онъ,—если была, то по слѣдамъ можно найти». Онъ взглянулъ на землю пробитой къ шалашу и не заросшей травой тропин-

ки, — и свѣжій слѣдъ босой ноги, еще покатившейся, былъ на ней. «Да, она была. Но теперь кончено. Прямо, гдѣ ни увижу, пойду къ ней. Ночью пойду къ ней». Онъ долго сидѣлъ въ шалашѣ и вышелъ изъ него измученный и убитый. Онъ снесъ лѣкарство, вернулся домой и легъ у себя въ комнатѣ, дожидаясь обѣда.

XVII.

Передъ обѣдомъ Лиза пришла къ нему и, все придумывая, что бы могло быть причиною его неудовольствія, стала говорить ему, что она боится, что ему непріятно, что ее хотятъ везти въ Москву родить, и что она рѣшила, что останется здѣсь и ни за что не поѣдетъ въ Москву. Онъ зналъ, какъ она боялась и самыхъ родовъ и того, чтобы не родить хорошаго ребенка, и потому не могъ не умилиться, видя, какъ легко она всѣмъ жертвовала изъ любви къ нему. Все было такъ хорошо, радостно, чисто въ домѣ; а въ душѣ его было грязно, мерзко, ужасно. Весь вечеръ Евгеній мучился тѣмъ, что онъ зналъ, что, несмотря на свое искреннее отвращеніе къ своей слабости, несмотря на твердое намѣреніе перервать, завтра будетъ то же самое.

— Нѣтъ, это невозможно,—говорилъ онъ себѣ, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ.—Вѣдь должно же быть какое-нибудь средство противъ этого. Боже мой, что дѣлать?

Кто-то на иностранный манеръ постучался въ дверь. Это, онъ зналъ, былъ дядюшка.—Взойдите,—сказалъ онъ.

Дядюшка пришелъ самопроизвольно посломъ отъ жены.

— Ты знаешь ли, что, въ самомъ дѣлѣ, я замѣчаю въ тебѣ перемѣну,—сказалъ онъ,—и Лизу, я понимаю, какъ это мучаетъ. Я понимаю, что тебѣ тяжело оставлять все начатое и прекрасное дѣло, но что ты хочешь, que veux tu, я бы совѣтовалъ вамъ ѣхать. Покойнѣе будетъ и тебѣ и ей. И знаешь ли, мой совѣтъ ѣхать въ Крымъ. Климатъ, акушеръ тамъ прекрасный, и въ самый виноградный сезонъ вы попадете.

— Дядюшка, — вдругъ заговорилъ Евгеній. — Можете вы соблюсти мой секретъ? Ужасный для меня секретъ, постыдный секретъ.

— Помилуй, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ?

— Дядюшка, вы можете мнѣ помочь. Не то, что помочь: спасти меня,—сказалъ Евгеній. И мысль о томъ, что онъ откроетъ свою тайну дядюшкѣ, котораго онъ не уважалъ, мысль о томъ, что онъ покажется ему въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, унизится передъ нимъ, была ему пріятна. Онъ чувствовалъ себя мерзкимъ, виноватымъ, и ему хотѣлось наказать себя.

— Говори, мой другъ, ты знаешь, какъ я тебя полюбилъ,— заговорилъ дядюшка, видимо, очень довольный и тѣмъ, что есть секретъ, и что секретъ постыдный, и что секретъ этотъ ему сообщится, и что онъ можетъ быть полезенъ.

— Прежде всего я долженъ сказать, что я мерзавецъ и негодяй, подлецъ, именно подлецъ.

— Ну, что ты,—надуваясь горломъ, началъ дядюшка.

— Да какъ же не мерзавецъ, когда я, Лизинъ мужъ, Лизинъ! Надо вѣдь знать ея чистоту, любовь... Когда я, ея мужъ, хочу измѣнить ей съ бабой.

— То-есть, отчего же ты хочешь, ты не измѣнилъ ей?

— Да, то-есть, все равно, что измѣнилъ, потому что это не отъ меня зависѣло. Я готовъ былъ. Мнѣ помѣшали, а то я теперь бы... теперь бы... Я не знаю, что бы я сдѣлалъ...

— Но позволь, ты объясни мнѣ...

— Ну, да вотъ. Когда я былъ холостымъ, я имѣлъ глупость войти въ сношенія съ женщиной здѣсь, изъ нашей деревни, то-есть, какъ?.. Я встрѣчался съ нею въ лѣсу, въ полѣ...

— И хорошенькая? — сказалъ дядюшка.

Евгеній поморщился отъ этого вопроса, но ему такъ нужна была помощь внѣшняя, что онъ какъ будто не слышалъ его и продолжалъ.

— Ну, я думалъ, что это такъ, что я перерву, и все кончится. Я и перервалъ еще до женитьбы и почти годъ и не видалъ и не думалъ о ней. — Евгенію самому странно было себя слушать, слушать описаніе своего состоянія.—Потомъ вдругъ, ужъ я не знаю, отчего, — право, иногда вѣришь въ привороты, — я увидалъ ее, и червь залѣзъ мнѣ въ сердце, гложетъ меня. Я ругаю себя, понимаю весь ужасъ своего поступка, то-есть того, который я всякую минуту могу сдѣлать, и самъ иду на это, и если не сдѣлалъ, то только Богъ меня спасалъ. Вчера я шелъ къ ней, когда Лиза позвала меня.

— Какъ, въ дождь?

— Да, я измучился, дядюшка, и рѣшилъ открыться вамъ и просить вашей помощи.

— Да, разумѣется, въ своемъ имѣніи это нехорошо. Узнаютъ. Я понимаю, что Лиза слаба, надо жалѣть ее, но зачѣмъ въ своемъ имѣніи?

Опять Евгеній постарался не слыхать того, что говорилъ дядюшка, и приступилъ скорѣе къ сущности дѣла.

— Да вы спасите меня отъ себя. Я васъ вотъ о чемъ прошу. Нынче мнѣ помѣшали случайно. Но завтра, въ другой разъ, мнѣ [не] помѣшаютъ. И она знаетъ теперь. Не пускайте меня одного.

— Да, положимъ,—сказалъ дядюшка,—но неужели ты такъ влюбленъ?

— Ахъ, совсѣмъ не то. Это не то, это какая-то сила ухватила меня и держитъ. Я не знаю, что дѣлать. Можетъ быть, я окрѣпну, тогда...

— Ну, вотъ и выходитъ по-моему,—сказалъ дядюшка. — Поѣдемте-ка въ Крымъ.

— Да, да, поѣдемте, а пока я буду съ вами, буду говорить вамъ.

XVIII.

То, что Евгеній довѣрилъ дядюшкѣ свою тайну, и, главное, тѣ мученія совѣсти и стыда, которыя онъ пережилъ послѣ того дождливаго дня, отрезвили его. Поѣздка въ Ялту была рѣшена черезъ недѣлю. Въ эту недѣлю Евгеній ѣздилъ въ городъ доставать денегъ на поѣздку, распоряжался изъ дома и конторы по хозяйству, опять сталъ веселъ и близокъ съ женою и сталъ нравственно оживать.

Такъ, ни разу послѣ того дождливаго дня не видавъ Степаниду, онъ уѣхалъ съ женою въ Крымъ. Въ Крыму они провели прекрасно два мѣсяца. Евгенію было столько новыхъ впечатлѣній, что все прежнее стерлось, ему казалось, совсѣмъ изъ его воспоминанія. Въ Крыму они встрѣтили прежнихъ знакомыхъ и особенно сблизились съ ними, кромѣ того, сдѣлали новыя знакомства. Жизнь въ Крыму для Евгенія была постояннымъ праздникомъ и, кромѣ того, еще была поучительна и полезна для него. Они сблизились тамъ съ бывшимъ губернскимъ предводителемъ ихъ же губерніи, съ умнымъ, либеральнымъ человѣкомъ, который полюбилъ Евгенія и образовывалъ его и привлекъ на свою сторону.

Въ концѣ августа Лиза родила прекрасную, здоровую дѣвочку, и родила неожиданно очень легко.

Въ сентябрѣ Иртеневы поѣхали домой, уже самъ-четвертъ, съ ребенкомъ и кормилицей, такъ какъ Лиза не могла кормить. Совершенно свободный отъ прежнихъ ужасовъ, Евгеній вернулся къ себѣ совсѣмъ новымъ счастливымъ человѣкомъ. Переживъ все то, что переживаютъ мужья при родахъ, онъ еще сильнѣе полюбилъ жену. Чувство къ ребенку, когда онъ его бралъ на руки, было смѣшное, новое, очень пріятное, точно щекотное чувство. Еще новое въ его жизни теперь было то, что, кромѣ занятія хозяйствомъ, въ его душѣ, благодаря сближенію съ Думчинымъ (бывшій предводитель), возникъ новый интересъ, земскій — отчасти честолюбивый, отчасти сознанія долга. Въ

октябрѣ должно было быть экстренное собраніе, въ которомъ его должны были выбрать. Пріѣхавъ домой, онъ разъ съѣздилъ въ городъ, другой разъ къ Думчину.

О мученіяхъ соблазна и борьбы онъ забылъ и думать и съ трудомъ могъ возстановить ихъ въ своемъ воображеніи. Это представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ припадка сумасшествія, которому онъ подвергся.

До такой степени теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ этого, что онъ даже не побоялся спросить, при первомъ случаѣ, когда они остались одни, у приказчика. Такъ какъ онъ ужъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, ему не совѣстно было спросить.

— Ну что, Печниковъ Сидоръ все не живетъ дома?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, все въ городѣ.

— А баба его?

— Да пустая бабенка. Теперь съ Зиновеемъ путается. Совсѣмъ заболталась.

«Ну и прекрасно,—подумалъ Евгеній.—Какъ удивительно мнѣ все равно, и какъ я измѣнился».

XIX.

Совершилось все, чего желалъ Евгеній. Имѣнье осталось за нимъ, заводъ пошелъ, выходы свекловицы были прекрасные, и доходъ ожидался большой; жена благополучно родила, и теща уѣхала, и его выбрали единогласно.

Евгеній послѣ избранія возвращался домой изъ города. Его поздравляли, онъ долженъ былъ благодарить. И онъ обѣдалъ и выпилъ бокаловъ пять шампанскаго. Совсѣмъ новые планы жизни теперь представились ему. Онъ ѣхалъ домой и думалъ о нихъ. Было бабье лѣто. Прекрасная дорога, яркое солнце. Подъѣзжая къ дому, Евгеній думалъ о томъ, какъ онъ, вслѣдствіе этого избранія, займетъ въ народѣ именно то положеніе, о которомъ онъ всегда мечталъ, то-есть, въ которомъ онъ въ состояніи будетъ служить ему не однимъ производствомъ, которое даетъ работу, но прямымъ вліяніемъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ объ немъ черезъ три года будутъ судить его же и другіе крестьяне. «Вотъ и этотъ», думалъ онъ, проѣзжая въ это время по деревнѣ и глядя на мужика и бабу, которые шли ему поперекъ дороги съ полнымъ ушатомъ. Они остановились, пропуская тарантасъ. Мужикъ былъ старикъ Печниковъ, баба была Степанида. Евгеній взглянулъ на нее, узналъ ее и съ радостью почувствовалъ, что онъ остался совершенно [спокойнымъ]. Она

была все такъ же миловидна, но его это не тронуло нисколько. Онъ пріѣхалъ домой.

Жена встрѣтила на крыльцѣ. Былъ чудный вечеръ.

— Ну что, можно поздравить?—сказалъ дядюшка.

— Да, выбрали.

— Ну и прекрасно. Спрыснуть надо.

На другое утро Евгеній поѣхалъ по хозяйству, которое онъ запустилъ. На хуторѣ молотилка новая работала. Разсматривая ея работу, Евгеній ходилъ между бабъ, стараясь не замѣчать ихъ, но какъ онъ ни старался, онъ раза два замѣтилъ черные глаза и красный платокъ Степаниды, носившей солому. Раза два онъ покосился на нее и почувствовалъ, что опять что-то, но не могъ дать себѣ отчета. Только на другой день, когда онъ опять поѣхалъ на гумно хутора и пробылъ тамъ два часа, чего совсѣмъ не нужно было, не переставая глазами ласкать знакомый, красивый образъ молодой женщины, онъ почувствовалъ, что онъ погибъ, погибъ совсѣмъ, безвозвратно. Опять эти мученія, опять весь этотъ ужасъ и страхъ, и нѣтъ спасенія.

То, чего онъ ожидалъ, то и случилось съ нимъ. На другой день вечеромъ онъ, самъ не зная какъ, очутился у ея задворковъ, противъ ея сѣнного сарая, гдѣ одинъ разъ осенью у нихъ было свиданіе. Онъ, какъ будто гуляя, остановился тутъ, закуривая папироску. Баба-сосѣдка увидала его, и онъ, проходя назадъ, услыхалъ, какъ она говорила кому-то: «Иди, дожидается, сейчасъ умереть, стоитъ. Иди, дура!»

Онъ видѣлъ, какъ баба—она—побѣжала къ сараю, но ему нельзя уже было вернуться, потому что его встрѣтилъ мужикъ, и онъ пошелъ домой.

XX.

Когда онъ пришелъ въ гостиную, все ему показалось дико и неестественно. Утромъ онъ всталъ еще бодрый, съ рѣшеніемъ бросить, забыть, не позволять себѣ думать. Но, самъ не замѣчая какъ, онъ все утро не только не интересовался дѣлами, но старался освобождаться отъ нихъ. То, что прежде важно было, радовало его, было теперь уничтожено. Онъ безсознательно старался освободиться отъ дѣлъ. Ему казалось, что нужно освободиться для того, чтобы обсудить, обдумать. И онъ освободился и остался одинъ. Но какъ только остался одинъ, такъ онъ пошелъ бродить въ садъ, въ лѣсъ. И всѣ мѣста эти были

загажены воспоминаніями, воспоминаніями, захватывающими его. И онъ почувствовалъ, что онъ ходитъ въ саду и говоритъ себѣ, что обдумываетъ что-то, а онъ ничего не обдумываетъ, а безумно, безосновательно ждетъ ее, ждетъ того, что она какимъ-то чудомъ пойметъ, какъ онъ желаетъ ее, и возьметъ и придетъ сюда или куда-нибудь туда, гдѣ никто не увидитъ, или ночью, когда не будетъ луны, и никто, даже она сама, не увидитъ, въ такую ночь она придетъ, и онъ коснется ея тѣла...

«Да, вотъ и перервалъ, когда захотѣлъ,—говорилъ онъ себѣ.—Да, вотъ и для здоровья сошелся съ чистой, здоровой женщиной. Нѣтъ, видно, нельзя такъ играть съ ней. Я думалъ, что я ее взялъ, а она меня взяла, взяла и не пустила. Вѣдь я думалъ, что я свободенъ, а я не былъ свободенъ. Я обманывалъ себя, когда женился. Все было вздоръ, обманъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сошелся съ ней, я испыталъ новое чувство, настоящее чувство мужа. Да, мнѣ надо было жить съ ней».

«Да, двѣ жизни возможны для меня: одна та, которую я началъ съ Лизой: служба, хозяйство, ребенокъ, уваженіе людей. Если эта жизнь, то надо, чтобы ея, Степаниды, не было. Надо услать ее, какъ я говорилъ, или уничтожить ее, чтобы ея не было. А другая жизнь — это тутъ же. Отнять ее у мужа, дать ему денегъ, забыть про стыдъ и позоръ и жить съ ней. Но тогда надо, чтобы Лизы не было и Мими (ребенка). Нѣтъ, что же, ребенокъ не мѣшаетъ, но чтобы Лизы не было, чтобы она уѣхала. Чтобы она узнала, прокляла и уѣхала. Узнала, что я промѣнялъ ее на бабу, что я обманщикъ, подлецъ. Нѣтъ, это слишкомъ ужасно! Этого нельзя. Да, но можетъ и такъ быть,—продолжалъ онъ думать,—можетъ такъ быть: Лиза заболѣетъ, да умретъ. Умретъ, и тогда все будетъ прекрасно».

«Прекрасно! О, негодяй. Нѣтъ, ужъ если умирать, то ей. Кабы она умерла, Степанида, какъ бы хорошо было».

«Да, вотъ какъ отравляютъ или убиваютъ женъ или любовницъ. Взять револьверъ и пойти; вызвать и, вмѣсто объятій, въ грудь — и кончено.

«Вѣдь она — чортъ, прямо чортъ. Вѣдь она противъ воли моей завладѣла мною.

«Убить! да. Только два выхода: убить жену или ее. Потому что такъ жить нельзя [1]). Нельзя. Надо обдумать и предвидѣть. Если остаться такъ, какъ есть, то что будетъ? Будетъ то, что я опять себѣ скажу, что я не хочу, что я брошу, но я только скажу, а буду вечеромъ на задворкахъ,—и она знаетъ, и она

---

[1]) Съ этого мѣста начинается варіантъ конца повѣсти (см. стр. 188)

придетъ. И или люди узнаютъ и скажутъ женѣ, или я самъ скажу ей, потому что не могу я лгать, не могу я такъ жить. Не могу. Узнается. Всѣ узнаютъ — и Параша и кузнецъ. Ну и что же, развѣ можно жить такъ?

«Нельзя. Только два выхода: жену убить или ее. Да еще... Ахъ, да, третій есть: себя,—сказалъ онъ тихо вслухъ, и вдругъ морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. «Да, себя, тогда не нужно ихъ убивать». Ему стало страшно, именно потому, что онъ чувствовалъ, что только этотъ выходъ возможенъ. Револьверъ есть. «Неужели я убью себя? Вотъ чего не думалъ никогда,—какъ это странно будетъ».

Онъ вернулся къ себѣ въ комнату и тотчасъ открылъ шкафъ, гдѣ былъ револьверъ, но не успѣлъ онъ открыть его, какъ вошла жена.

XXI.

Онъ накинулъ газету на револьверъ.

— Опять то же,—съ испугомъ сказала она, взглянувъ на него.

— Чтò то же?

— То же ужасное выраженіе, которое было прежде, когда ты не хотѣлъ мнѣ сказать. Геня, голубчикъ, скажи мнѣ. Я вижу, ты мучаешься. Скажи мнѣ, тебѣ легче будетъ. Что бы ни было, все лучше этихъ твоихъ страданій. Вѣдь я знаю, что ничего дурного.

— Ты знаешь? Пока...

— Скажи, скажи, скажи. Не пущу тебя.

Онъ улыбнулся жалкой улыбкой.

«Сказать? Нѣтъ, это невозможно. Да и нечего говорить».

Можетъ быть, онъ сказалъ бы ей, но въ это время вошла кормилица, спрашивая, можно ли идти гулять. Лиза вышла одѣть ребенка

— Такъ ты скажешь? Я сейчасъ приду.

— Да, можетъ быть...

Она никогда не могла забыть улыбки страдальческой, съ которой онъ сказалъ это. Она вышла.

Поспѣшно, крадучись, какъ разбойникъ, онъ схватилъ револьверъ, вынулъ изъ чехла. «Онъ заряженъ, да, но давно, и одного заряда недостаетъ».

«Ну, что будетъ?» Онъ приставилъ къ виску, замялся было, но какъ только вспомнилъ Степаниду, — рѣшеніе не видѣть, борьбу, соблазнъ, паденіе, опять борьбу, такъ вздрогнулъ отъ ужаса. «Нѣтъ, лучше это», и пожалъ гашетку...

Когда Лиза вбѣжала въ комнату,—она только что успѣла спуститься съ балкона,—онъ лежалъ ничкомъ на полу; черная, теплая кровь хлестала изъ раны, и трупъ еще подрагивалъ.

Было слѣдствіе. Никто не могъ понять и объяснить причины самоубійства. Дядюшкѣ даже ни разу не пришло въ голову, что причина имѣла что-нибудь общее съ тѣмъ признаніемъ, которое два мѣсяца тому назадъ ему дѣлалъ Евгеній.

Варвара Алексѣевна увѣряла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда онъ спорилъ. Лиза и Марья Павловна обѣ никакъ не могли понять, отчего это случилось, и все-таки не вѣрили тому, что говорили доктора, что онъ былъ душевнобольной, психопатъ. Онѣ не могли никакъ согласиться съ этимъ, потому что знали, что онъ былъ болѣе здравомыслящій, чѣмъ сотни людей, которыхъ онѣ знали.

И дѣйствительно, если Евгеній Иртеневъ былъ душевно-больной, то всѣ люди такіе же душевно-больные; самые же душевнобольные это, несомнѣнно, тѣ, которые въ другихъ людяхъ видятъ признаки сумасшествія, которыхъ въ себѣ не видятъ.

10—19 ноября 1889 г.
Ясная Поляна.

Варіантъ конца повѣсти „Дьяволъ“ [1]).

...сказалъ онъ себѣ и, подойдя къ столу, досталъ изъ него револьверъ и, осмотрѣвъ его, — одного заряда не доставало — положилъ его въ карманъ штановъ.

— Боже мой! Что я дѣлаю?—вдругъ вскрикнулъ онъ. И, сложивъ руки, онъ сталъ молиться.

— Господи, помоги мнѣ, избавь меня. Ты знаешь, что я не хочу дурного, но не могу одинъ. Помоги мнѣ, — говорилъ онъ, крестясь на образъ.

«Да я могу же владѣть собой; пойду, похожу и обдумаю».

Онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ полушубокъ, калоши и вышелъ на крыльцо. Не замѣчая этого, шаги его направились мимо сада по полевой дорогѣ къ хутору. На хуторѣ все еще гудѣла молотилка и слышались крики погонщиковъ-мальчиковъ. Онъ вошелъ въ ригу. Она была тутъ. Онъ тотчасъ же увидалъ ее. Онъ сгребала колосъ и, увидавъ его, она, смѣясь глазами, бойкая, веселая, рысью побѣжала по раскиданному колосу, ловко сдвигая его. Евгеній не хотѣлъ, но не могъ не смотрѣть на

---

1) См. стр. 186.

нее. Онъ опомнился только, когда она перестала быть видима. Приказчикъ доложилъ, что теперь домолачиваютъ слежавшійся, и что отъ этого дольше и выхода меньше. Евгеній подошелъ къ барабану, изрѣдка стучавшему при пропускѣ плохо распластанныхъ сноповъ, и спросилъ приказчика, много ли такихъ слежавшихся сноповъ?

— Возовъ пять будетъ.

— Такъ вотъ что... — началъ Евгеній и не договорилъ. Она подошла вплоть къ барабану, изъ-подъ него выгребая колосъ, и обожгла его своимъ смѣющимся взглядомъ.

Взглядъ этотъ говорилъ о веселой, беззаботной любви между ними, о томъ, что она знаетъ, что онъ желаетъ ее, что онъ приходилъ къ ея сараю, и что она, какъ всегда, готова жить и веселиться съ нимъ, не думая ни о какихъ условіяхъ и послѣдствіяхъ. Евгеній почувствовалъ себя въ ея власти, но не хотѣлъ даваться.

Онъ вспомнилъ свою молитву и попытался повторить ее. Онъ сталъ про себя говорить ее, но тотчасъ же почувствовалъ, что это было безполезно. Одна мысль теперь поглотила его всего: какъ незамѣтно отъ другихъ назначить ей свиданіе?

— Если нынче кончимъ, прикажете начинать новый скирдъ или уже до завтрова? — спросилъ приказчикъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Евгеній, невольно направляясь за нею къ вороху, къ которому она съ другой бабой пригребала колосъ.

«Да неужели я не могу овладѣть собою? — говорилъ онъ себѣ. — Неужели я погибъ? Господи! Да нѣтъ никакого Бога. Есть дьяволъ. И это она. Онъ овладѣлъ мною. А я не хочу, не хочу. Дьяволъ, да, дьяволъ».

Онъ подошелъ вплоть къ ней, вынулъ изъ кармана револьверъ и разъ, два, три раза выстрѣлилъ ей въ спину. Она побѣжала и упала на ворохъ.

— Батюшки! родимые! что же это? — кричали бабы.

— Нѣтъ, я не нечаянно. Я нарочно убилъ ее, — закричалъ Евгеній. — Посылайте за становымъ.

Онъ пришелъ домой и, ничего не сказавъ женѣ, вошелъ въ свой кабинетъ и заперся.

— Не ходи ко мнѣ, — кричалъ онъ женѣ черезъ дверь, — узнаешь все.

Черезъ часъ онъ позвонилъ и у пришедшаго лакея спросилъ:

— Поди, узнай, жива ли Степанида.

Лакей уже зналъ все и сказалъ, что померла съ часъ назадъ.

— Ну и прекрасно. Теперь оставь меня, — когда пріѣдетъ становой или слѣдователь, скажи.

Становой и слѣдователь пріѣхали на другое утро, и Евгеній, простившись съ женой и ребенкомъ, былъ отвезенъ въ острогъ.

Его судили. Это были первыя времена суда присяжныхъ. И его признали временно душевно-больнымъ и приговорили только къ церковному покаянію.

Онъ пробылъ въ острогѣ девять мѣсяцевъ и въ монастырѣ мѣсяцъ.

Онъ началъ пить еще въ острогѣ, продолжалъ въ монастырѣ и вернулся домой разслабленнымъ, невмѣняемымъ алкоголикомъ.

Варвара Алексѣевна увѣряла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда онъ спорилъ. Лиза и Марья Павловна, обѣ никакъ не могли понять, отчего это случилось, и все-таки не вѣрили тому, что говорили доктора, что онъ былъ душевнобольной, психопатъ. Онѣ не могли никакъ согласиться съ этимъ, потому что знали, что онъ былъ болѣе здравомыслящій, чѣмъ сотни людей, которыхъ онѣ знали.

И дѣйствительно, если Евгеній Иртеневъ былъ душевнобольной тогда, когда онъ совершалъ свое преступленіе, то всѣ люди также душевно-больные. Самые же душевно-больные это, несомнѣнно, тѣ, которые въ другихъ людяхъ видятъ признаки сумасшествія которыхъ въ себѣ не видятъ.

ПОСЛѢ БАЛА.

— Вотъ вы говорите, что человѣкъ не можетъ самъ по себѣ понять, что хорошо, что дурно, что все дѣло въ средѣ, что среда заѣдаетъ. А я думаю, что все дѣло въ случаѣ. Я вотъ про себя скажу...

Такъ заговорилъ всѣми уважаемый Иванъ Васильевичъ послѣ разговора, шедшаго между нами, о томъ, что для личнаго совершенствованія необходимо прежде измѣнить условія, среди которыхъ живутъ люди. Никто, собственно, не говорилъ, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвѣчать на свои собственныя, возникающія вслѣдствіе разговора мысли и по случаю этихъ мыслей разсказывать эпизоды изъ своей жизни. Часто онъ совершенно забывалъ поводъ, по которому онъ разсказывалъ, увлекаясь разсказомъ, тѣмъ болѣе, что разсказывалъ онъ очень искренно и правдиво.

Такъ онъ сдѣлалъ и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась такъ, а не иначе, не отъ среды, а совсѣмъ отъ другого.

— Отъ чего же? — спросили мы.

— Да это длинная исторія. Чтобы понять, надо много разсказывать.

— Вотъ вы и разскажите.

Иванъ Васильевичъ задумался, покачалъ головой.

— Да,—сказалъ онъ.—Вся жизнь перемѣнилась отъ одной ночи, или, скорѣе, утра.

— Да что же было?

— А было то, что былъ я сильно влюбленъ. Влюблялся я много разъ, но эта была самая моя сильная любовь. Дѣло прошлое; у нея уже дочери замужемъ. Это была Б..., да, Варенька Б. —Иванъ Васильевичъ назвалъ фамилію.—Она и въ пятьдесятъ лѣтъ была замѣчательная красавица, но въ молодости, во-

семнадцати лѣтъ, была прелестна: высокая, стройная, граціозная и величественная, именно величественная, держалась она всегда необыкновенно прямо, какъ будто не могла иначе, откинувъ немного назадъ голову, и это давало ей, съ ея красотой и высокимъ ростомъ, несмотря на ея худобу и даже костлявость, какой-то царственный видъ, который отпугивалъ бы отъ нея, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестныхъ, блестящихъ глазъ, и всего ея милаго, молодого существа.

— Каково Иванъ Васильевичъ расписываетъ!

— Да какъ ни расписывай, расписать нельзя такъ, чтобы вы поняли, какая она была. Но не въ томъ дѣло. То, что я хочу разсказать, было въ сороковыхъ годахъ. Былъ я въ то время студентомъ въ провинціальномъ университетѣ. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у насъ въ то время въ нашемъ университетѣ никакихъ кружковъ, никакихъ теорій, а были мы просто молоды и жили, какъ свойственно молодости—учились и веселились. Былъ я очень веселый и бойкій малый, да еще и богатый. Былъ у меня иноходецъ лихой, катался я съ горъ съ барышнями (коньки еще не были въ модѣ), кутилъ съ товарищами (въ то время мы ничего, кромѣ шампанскаго, не пили; не было денегъ—ничего не пили, а не пили, какъ теперь, водку). Главное же мое удовольствіе составляли вечера и балы. Танцовалъ я хорошо и былъ не безобразенъ.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна изъ собесѣдницъ. — Мы вѣдь знаемъ вашъ еще дагеротипный портретъ. Не то, что не безобразенъ, а вы были красавецъ.

— Красавецъ, такъ красавецъ, да не въ этомъ дѣло. А дѣло въ томъ, что во время моей этой самой сильной любви къ ней былъ я въ послѣдній день масленицы на балѣ у губернскаго предводителя, добродушнаго старичка, богача, хлѣбосола и камергера. Принимала такая же добродушная, какъ и онъ, жена его въ бархатномъ пюсовомъ платьѣ, въ брильянтовой фероньеркѣ на головѣ и съ открытыми старыми, пухлыми бѣлыми плечами и грудью, какъ портреты Елизаветы Петровны. Балъ былъ чудесный. Зала прекрасная, съ хорами, музыканты—знаменитые въ то время крѣпостные помѣщика любителя, буфетъ великолѣпный и разливанное море шампанскаго. Хоть я и охотникъ былъ до шампанскаго, но не пилъ потому, что безъ вина былъ пьянъ любовью, но зато танцовалъ до упаду и вальсы и польки, разумѣется, насколько возможно было, все съ Варенькой. Она была въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ поясомъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, немного не доходившихъ до худыхъ, острыхъ локтей, и въ бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ.

Мазурку отбилъ у меня противный инженеръ Анисимовъ — я до сихъ поръ не могу простить ему это — онъ пригласилъ ее, только что она вошла, а я заѣзжалъ къ парикмахеру за перчатками и опоздалъ. Такъ что мазурку я танцовалъ не съ нею, а съ одной нѣмочкой, за которой я немножко ухаживалъ прежде, но, боюсь, въ этотъ вечеръ былъ очень неучтивъ съ нею, не говорилъ съ нею, не смотрѣлъ на нее, а видѣлъ только высокую, стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ поясомъ и ея сіяющее, зарумянившееся, съ ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я одинъ, — всѣ смотрѣли на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила ихъ всѣхъ. Нельзя было не любоваться.

По закону, такъ сказать, мазурку я танцовалъ не съ нею, но въ дѣйствительности танцовалъ я почти все время съ ней. Она, не смущаясь, черезъ всю залу шла прямо ко мнѣ, и я вскакивалъ, не дожидаясь приглашенія, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда насъ подводили къ ней, и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мнѣ, пожимала худыми плечами и, въ знакъ сожалѣнія и утѣшенія, улыбалась мнѣ.

Когда дѣлали фигуры мазурки вальсомъ, я подолгу вальсировалъ съ нею, и она, часто дыша, улыбаясь, говорила мнѣ: «encore» [1]), и я вальсировалъ еще и еще и не чувствовалъ своего тѣла.

— Ну, какъ же не чувствовали, когда обнимали за талію; не только свое, но и ея тѣло чувствовали, я думаю, — сказалъ одинъ изъ гостей.

Иванъ Васильевичъ вдругъ покраснѣлъ и сердито закричалъ почти:

— Да, вотъ это вы, нынѣшняя молодежь. Вы, кромѣ тѣла, ничего не видите. Въ наше время было не такъ. Чѣмъ сильнѣе я былъ влюбленъ, тѣмъ безтѣлеснѣе становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздѣваете женщинъ, въ которыхъ влюблены, для меня же, какъ говорилъ Альфонсъ Карръ — хорошій былъ писатель — на предметѣ моей любви были всегда бронзовыя одежды. Мы не то, что раздѣвали, а старались прикрыть наготу, какъ добрый сынъ Ноя. Ну, да вы не поймете.

— Не слушайте его. Дальше что? — сказалъ одинъ изъ насъ.

— Да, такъ вотъ танцовалъ я больше съ нею и не видалъ, какъ прошло время. Музыканты уже съ какимъ-то отчаяніемъ

[1]) Еще.

усталости — знаете, какъ бываетъ въ концѣ бала — подхватывали все тотъ же мотивъ мазурки, изъ гостиныхъ поднялись уже изъ-за карточныхъ столовъ папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забѣгали, пронося что-то. Былъ третій часъ. Надо было пользоваться послѣдними минутами. Я еще разъ выбралъ ее, и мы въ сотый разъ прошли вдоль залы.

— Такъ послѣ ужина кадриль моя,—сказалъ я ей, отводя ее къ ея мѣсту.

— Разумѣется, если меня не увезутъ, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дамъ,—сказалъ я.

— Дайте же вѣеръ,—сказала она.

— Жалко отдавать, — сказалъ я, подавая ей бѣлый дешевенькій вѣеръ.

— Такъ вотъ вамъ, чтобы вы не жалѣли, — сказала она, оторвала перышко отъ вѣера и подала мнѣ.

Я взялъ перышко и только взглядомъ могъ выразить весь свой восторгъ и благодарность. Я былъ не только веселъ и доволенъ, — я былъ счастливъ, блаженъ, я былъ добръ, я былъ не я, а какое - то неземное существо, не знающее зла, и способное на одно добро. Я спряталъ перышко въ перчатку и стоялъ, не въ силахъ отойти отъ нея.

— Смотрите, папа̀ просятъ танцовать, — сказала она мнѣ, указывая на высокую, статную фигуру ея отца-полковника, съ серебряными эполетами, стоявшаго въ дверяхъ съ другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкій голосъ хозяйки въ брильянтовой фероньеркѣ и съ елизаветинскими плечами.

Варенька подошла къ двери, и я за ней.

— Уговорите же, ma chère, отца пройтись съ вами. Ну, пожалуйста, Петръ Владиславовичъ,—обратилась хозяйка къ полковнику.

Отецъ Вареньки былъ очень красивый, статный, высокій и свѣжій старикъ. Лицо у него было очень румяное, съ бѣлыми à la Nicolas I подвитыми усами, бѣлыми же, подведенными къ усамъ бакенбардами и съ зачесанными впередъ височками, и та же радостная улыбка, какъ и у дочери, была въ его блестящихъ глазахъ и губахъ. Сложенъ онъ былъ прекрасно, съ широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, съ сильными плечами и длинными, стройными ногами. Онъ былъ воинскій начальникъ типа стараго служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли къ дверямъ, полковникъ отказывался, говоря, что онъ разучился танцовать, но все-таки, улыбаясь, закинувъ на лѣвую сторону руку, вынулъ шпагу изъ портупей отдалъ ее услужливому молодому человѣку и, натянувъ замшевую перчатку на правую руку, — «надо все по закону», — улыбаясь, сказалъ онъ, взялъ руку дочери и сталъ въ четверть оборота, выжидая тактъ.

Дождавшись начала мазурочнаго мотива, онъ бойко топнулъ одной ногой, выкинулъ другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, съ топотомъ подошвъ и ноги объ ногу, задвигалась вокругъ залы. Граціозная фигура Вареньки плыла около него, незамѣтно, во-время укорачивая или удлиняя шаги своихъ маленькихъ, бѣлыхъ атласныхъ ножекъ. Вся зала слѣдила за каждымъ движеніемъ пары. Я же не только любовался, но съ восторженнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на нихъ. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками — хорошіе опойковые сапоги, но не модные — съ острыми, а старинные — съ четвероугольными носками и безъ каблуковъ,— очевидно, сапоги были построены батальоннымъ сапожникомъ. «Чтобы вывозить и одѣвать любимую дочь, онъ не покупаетъ модныхъ сапогъ, а носитъ домодѣльные», думалъ я, и эти четвероугольные носки сапогъ особенно умиляли меня. Видно было, что онъ когда-то танцовалъ прекрасно, но теперь былъ грузенъ, и ноги уже не были достаточно упруги для всѣхъ тѣхъ красивыхъ и быстрыхъ па, которыя онъ старался выдѣлывать. Но онъ все-таки ловко прошелъ два круга. Когда же онъ, быстро разставивъ ноги, опять соединилъ ихъ и, хотя и нѣсколько тяжело, упалъ на одно колѣно, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую онъ зацѣпилъ, плавно прошла вокругъ него, всѣ громко зааплодировали. Съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнявшись, онъ нѣжно, мило обхватилъ дочь руками за уши и, поцѣловавъ въ лобъ, подвелъ ее ко мнѣ, думая, что я танцую съ ней. Я сказалъ, что не я ея кавалеръ.

— Ну, все равно, пройдитесь теперь вы съ нею, — сказалъ онъ, ласково улыбаясь и вдѣвая шпагу въ портупею.

Какъ бываетъ, что вслѣдъ за одной вылившейся изъ бутылки каплей содержимое ея выливается большими струями, такъ и въ моей душѣ любовь къ Варенькѣ освободила всю скрытую въ моей душѣ способность любви. Я обнималъ въ то время весь міръ своей любовью. Я любилъ и хозяйку въ ферроньеркѣ, съ ея елизаветинскимъ бюстомъ, и ея мужа, и ея гостей, и ея лакеевъ, и даже дувшагося на меня инженера Анисимова. Къ отцу же ея, съ его домашними сапогами и ласковой, похо-

жей на нее, улыбкой, я испытывалъ въ то время какое - то восторженное, нѣжное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей къ ужину, но полковникъ Б. отказался, сказавъ, что ему надо завтра рано вставать, и простился съ хозяевами. Я было испугался, что и ее увезутъ, но она осталась съ матерью.

Послѣ ужина я танцовалъ съ нею обѣщанную кадриль, и, несмотря на то, что я былъ, казалось, безконечно счастливъ, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви; я не спрашивалъ ни ее, ни себя даже о томъ, любитъ ли она меня? Мнѣ достаточно было того, что я любилъ ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я пріѣхалъ домой, раздѣлся и подумалъ о снѣ, я увидалъ, что это совершенно невозможно. У меня въ рукѣ было перышко отъ ея вѣера и цѣлая ея перчатка, которую она дала мнѣ, уѣзжая, когда садилась въ карету, и я подсаживалъ ея мать и потомъ ее. Я смотрѣлъ на эти вещи и, не закрывая глазъ, видѣлъ ее передъ собой, то въ ту минуту, когда она, выбирая изъ двухъ кавалеровъ, угадываетъ мое качество, и слышу ея милый голосъ, когда она говоритъ: «Гордость, да?» и радостно подаетъ мнѣ руку, или когда за ужиномъ пригубливаетъ бокалъ шампанскаго и исподлобья глядитъ на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее въ парѣ съ отцомъ, когда она плавно двигается около него и съ гордостью и радостью и за себя и за него взглядываетъ на любующихся зрителей, и я невольно соединяю его и ее въ одномъ нѣжномъ, умиленномъ чувствѣ.

Жили мы тогда одни съ покойнымъ братомъ. Братъ и вообще не любилъ свѣта и не ѣздилъ на балы, теперь же готовился къ кандидатскому экзамену и велъ самую правильную жизнь. Онъ спалъ. Я посмотрѣлъ на его уткнутую въ подушку и закрытую до половины фланелевымъ одѣяломъ голову, и мнѣ стало любовно жалко его, жалко за то, что онъ не зналъ и не раздѣлялъ того счастья, которое я испытывалъ. Крѣпостной нашъ лакей Петруша встрѣтилъ меня со свѣчой и хотѣлъ помочь мнѣ раздѣваться, но я отпустилъ его. Видъ его заспаннаго лица съ спутанными волосами показался мнѣ умилительно трогательнымъ. Стараясь не шумѣть, я на цыпочкахъ прошелъ въ свою комнату и сѣлъ на постель. Нѣтъ, я былъ слишкомъ счастливъ, я не могъ спать. Притомъ мнѣ жарко было въ натопленныхъ комнатахъ, и я, не снимая мундира, потихоньку вышелъ въ переднюю, надѣлъ шинель, отворилъ наружную дверь и вышелъ на улицу.

Съ бала я уѣхалъ въ пятомъ часу: пока доѣхалъ домой, посидѣлъ дома, прошло еще часа два, такъ что, когда я вышелъ, уже было свѣтло. Была самая масленичная погода: былъ туманъ; насыщенный водою снѣгъ таялъ на дорогахъ, и со всѣхъ крышъ капало. Жили Б. тогда на концѣ города подлѣ большого поля, на одномъ концѣ котораго было гулянье, а на другомъ — дѣвическій институтъ. Я прошелъ нашъ пустынный переулокъ и вышелъ на большую улицу, гдѣ стали встрѣчаться и пѣшеходы и ломовые съ дровами на саняхъ, достававшихъ полозьями до мостовой. И лошади, равномѣрно покачивающія подъ глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепающіе въ огромныхъ сапогахъ подлѣ возовъ, и дома улицы, казавшіеся въ туманѣ очень высокими, все было мнѣ особенно мило и значительно.

Когда я вышелъ на поле, гдѣ былъ ихъ домъ, я увидалъ въ концѣ его, по направленію гулянья, что-то большое, черное и услыхалъ доносившіеся оттуда звуки флейты и барабана. Въ душѣ у меня все время пѣло и изрѣдка слышался мотивъ мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» подумалъ я и по проѣзжанной по срединѣ поля, скользкой дорогѣ пошелъ по направленію звуковъ. Пройдя шаговъ сто, я изъ-за тумана сталъ различать много черныхъ людей. Очевидно,—солдаты. «Вѣрно, ученье», подумалъ я и вмѣстѣ съ кузнецомъ въ засаленномъ полушубкѣ и фартукѣ, несшимъ что-то и шедшимъ передо мною, подошелъ ближе. Солдаты въ черныхъ мундирахъ стояли двумя рядами другъ противъ друга, держа ружья къ ногѣ, и не двигались. Позади ихъ стояли барабанщики и флейтщикъ и, не переставая, повторяли все ту же непріятную, визгливую мелодію.

— Что это они дѣлаютъ? — спросилъ я у кузнеца, остановившагося рядомъ со мной.

— Татарина гоняютъ за побѣгъ,—сердито сказалъ кузнецъ, взглядывая въ дальній конецъ рядовъ.

Я сталъ смотрѣть туда же и увидалъ посреди рядовъ что-то страшное, приближающееся ко мнѣ. Приближающееся ко мнѣ былъ оголенный по поясъ человѣкъ, привязанный къ ружьямъ двухъ солдатъ, которые вели его. Рядомъ съ нимъ шелъ высокій военный въ шинели и фуражкѣ, фигура котораго показалась мнѣ знакомой. Дергаясь всѣмъ тѣломъ, шлепая ногами по талому снѣгу, наказываемый, подъ сыпавшимися съ обѣихъ сторонъ на него ударами, подвигался ко мнѣ, то опрокидываясь назадъ — и тогда унтеръ-офицеры, ведшіе его за ружья, тол-

кали его впередъ, то падая напередъ — и тогда унтеръ-офицеры удерживая его отъ паденія, тянули его назадъ. И, не отставая отъ него, шелъ твердой, подрагивающей походкой высокій военный. Это былъ ея отецъ, съ своимъ румянымъ лицомъ и бѣлыми усами и бакенбардами.

При каждомъ ударѣ наказываемый, какъ бы удивляясь, поворачивалъ сморщенное отъ страданія лицо въ ту сторону, съ которой падалъ ударъ, и, оскаливая бѣлые зубы, повторялъ какія-то одни и тѣ же слова. Только, когда онъ былъ совсѣмъ близко, я разслышалъ эти слова. Онъ не говорилъ, а всхлипывалъ: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте». Но братцы не милосердствовали, и, когда шествіе совсѣмъ поравнялось со мною, я видѣлъ, какъ стоявшій противъ меня солдатъ рѣшительно выступилъ шагъ впередъ и, со свистомъ взмахнувъ палкой, сильно шлепнулъ ею по спинѣ татарина. Татаринъ дернулся впередъ, но унтеръ-офицеры удержали его, и такой же ударъ упалъ на него съ другой стороны, и опять съ этой, и опять съ той... Полковникъ шелъ подлѣ и, поглядывая то себѣ подъ ноги, то на наказываемаго, втягивалъ въ себя воздухъ, раздувая щеки, и медленно выпускалъ его черезъ оттопыренную губу. Когда шествіе миновало то мѣсто, гдѣ я стоялъ, я мелькомъ увидалъ между рядовъ спину наказываемаго. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не повѣрилъ, чтобы это было тѣло человѣка.

— О Господи!—проговорилъ подлѣ меня кузнецъ.

Шествіе стало удаляться. Все такъ же падали съ двухъ сторонъ удары на спотыкающагося, корчившагося человѣка, и все такъ же били барабаны и свистѣла флейта, и все такъ же твердымъ шагомъ двигалась высокая, статная фигура полковника рядомъ съ наказываемымъ. Вдругъ полковникъ остановился и быстро приблизился къ одному изъ солдатъ.

— Я тебѣ помажу, — услыхалъ я его гнѣвный голосъ.— Будешь мазать? Будешь?

И я видѣлъ, какъ онъ своей сильной рукой въ замшевой перчаткѣ билъ по лицу испуганнаго малорослаго, слабосильнаго солдата за то, что онъ недостаточно сильно опустилъ свою палку на красную спину татарина.

— Подать свѣжихъ шпицрутеновъ!—крикнулъ онъ, оглядываясь, и увидалъ меня. Дѣлая видъ, что онъ не знаетъ меня, онъ, грозно и злобно нахмурившись, поспѣшно отвернулся. Мнѣ было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотрѣть, какъ будто я былъ уличенъ въ самомъ постыдномъ поступкѣ, я опустилъ глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу въ

ушахъ у меня то била барабанная дробь и свистѣла флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердствуйте», то я слышалъ самоувѣренный, гнѣвный голосъ полковника, кричащаго: «Будешь мазать? Будешь?» А между тѣмъ на сердцѣ была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я нѣсколько разъ останавливался, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ меня вырветъ всѣмъ тѣмъ ужасомъ, который вошелъ въ меня отъ этого зрѣлища. Не помню, какъ я добрался домой и легъ. Но только сталъ засыпать, услыхалъ и увидалъ опять все и вскочилъ.

«Очевидно, онъ что-то знаетъ такое, чего я не знаю», думалъ я про полковника. «Если бы я зналъ то, что онъ знаетъ, я бы понималъ и то, что я видѣлъ, и это не мучило бы меня». Но, сколько я не думалъ, я не могъ понять того, что знаетъ полковникъ, и заснулъ только къ вечеру, и то послѣ того, какъ пошелъ къ пріятелю и напился съ нимъ совсѣмъ пьянъ.

Что же, вы думаете, что я тогда рѣшилъ, что то, что я видѣлъ, было дурное дѣло? Ничуть. «Если это дѣлалось съ такой увѣренностью и признавалось всѣми необходимымъ, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не зналъ», думалъ я и старался узнать это. Но сколько ни старался—и потомъ не могъ узнать этого. А не узнавъ, не могъ поступить въ военную службу, какъ хотѣлъ прежде, и не только не служилъ въ военной, но нигдѣ не служилъ и никуда, какъ видите, не годился.

— Ну, это мы знаемъ, какъ вы никуда не годились,—сказалъ одинъ изъ насъ.—Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы васъ не было.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупости,—съ искренней досадой сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь съ этого дня пошла на убыль. Когда она, какъ это часто бывало съ ней, съ улыбкой на лицѣ, задумывалась, я сейчасъ же вспоминалъ полковника на площади, и мнѣ становилось какъ-то неловко и непріятно, и я сталъ рѣже видаться съ ней. И любовь такъ и сошла на-нѣтъ. — Такъ вотъ какія бываютъ дѣла и отъ чего перемѣняется и направляется вся жизнь человѣка. А вы говорите...—закончилъ онъ.

20 августа 1903 г.
Ясная Поляна.

ФАЛЬШИВЫЙ КУПОНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Ѳедоръ Михайловичъ Смоковниковъ, предсѣдатель казенной палаты, человѣкъ неподкупной честности и гордящійся этимъ, мрачно либеральный и не только свободомыслящій, но ненавидящій всякое проявленіе религіозности, которую онъ считалъ остаткомъ суевѣрій, вернулся изъ палаты въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Губернаторъ написалъ ему преглупую бумагу, по которой можно было предположить замѣчаніе, что Ѳедоръ Михайловичъ поступилъ нечестно. Ѳедоръ Михайловичъ очень озлобился и тутъ же написалъ бойкій и колкій отвѣтъ.

Дома Ѳедору Михайловичу казалось, все дѣлалось ему наперекоръ.

Было безъ пяти минутъ пять часовъ. Онъ думалъ, что сейчасъ же подадутъ обѣдать, но обѣдъ не былъ еще готовъ. Ѳедоръ Михайловичъ хлопнулъ дверью и ушелъ въ свою комнату. Въ дверь постучался кто-то. «Кой чортъ еще тамъ», подумалъ онъ и крикнулъ:

— Кто тамъ еще?

Въ комнату вошелъ гимназистъ пятаго класса, пятнадцатилѣтній мальчикъ, сынъ Ѳедора Михайловича.

— Зачѣмъ ты?

— Нынче первое число.

— Что? Деньги?

Было заведено, что каждое первое число отецъ давалъ сыну жалованье на забавы — три рубля. Ѳедоръ Михайловичъ нахмурился, досталъ бумажникъ, поискалъ и вынулъ купонъ въ 2 руб. 50 коп., потомъ досталъ кошелекъ съ серебромъ и отсчиталъ еще пятьдесятъ копеекъ. Сынъ молчалъ и не бралъ.

— Папа, пожалуйста, дай мнѣ впередъ.

— Что?

— Я не просилъ бы, да я занялъ на честное слово, обѣщался. Я, какъ честный человѣкъ, не могу... мнѣ надо еще три рубля... я, право, не буду просить... не то, что не буду просить, а просто... пожалуйста, папа.

— Тебѣ сказано.

— Да, папа, вѣдь одинъ разъ.

— Ты получаешь жалованья три рубля, и все мало. Я въ твои года не получалъ и пятидесяти копеекъ.

— Теперь всѣ товарищи мои больше получаютъ. Петровъ, Иваницкій пятьдесятъ рублей получаютъ.

— А я тебѣ скажу, что если ты такъ поведешь себя, ты будешь мошенникъ. Я сказалъ.

— Да что же сказали. Вы никогда не войдете въ мое положеніе. Я долженъ буду подлецомъ быть. Вамъ хорошо.

— Пошелъ вонъ, шалопай. Вонъ!

Ѳедоръ Михайловичъ вскочилъ и бросился къ сыну.

— Вонъ! Сѣчь васъ надо

Сынъ испугался и озлобился, но озлобился больше, чѣмъ испугался, и, склонивъ голову, скорымъ шагомъ пошелъ къ двери. Ѳедоръ Михайловичъ не хотѣлъ бить его, но онъ былъ радъ своему гнѣву и долго еще кричалъ, провожая сына, бранныя слова.

Когда пришла горничная и сказала, что готово обѣдать, Ѳедоръ Михайловичъ всталъ.

— Наконецъ, — сказалъ онъ, — мнѣ уже и ѣсть не хочется.

И, насупившись, вышелъ къ обѣду.

За столомъ жена заговорила съ нимъ, но онъ такъ буркнулъ сердито короткій отвѣтъ, что она замолчала. Сынъ тоже не подымалъ глазъ отъ тарелки и молчалъ. Поѣли молча и молча встали и разошлись.

Послѣ обѣда гимназистъ вернулся въ свою комнатку, вынулъ изъ кармана купонъ и мелочь и бросилъ на столъ, а потомъ снялъ мундиръ, надѣлъ куртку. Сначала гимназистъ взялся за истрепанную латинскую грамматику, потомъ заперъ дверь на крючокъ, смелъ рукой со стола въ ящикъ деньги, досталъ изъ ящика гильзы, насыпалъ одну, заткнулъ ватой и сталъ курить.

Просидѣлъ онъ надъ грамматикой и тетрадями часа два, ничего не понимая, потомъ всталъ и сталъ, топая пятками, ходить по комнатѣ и вспоминать все, что было съ отцомъ. Всѣ ругательныя слова отца, особенно его злое лицо вспоминались ему, точно онъ сейчасъ слышалъ и видѣлъ его. «Шалопай, сѣчь надо». И что больше онъ вспоминалъ, то больше злился на отца.

Вспомнилъ онъ, какъ отецъ сказалъ ему: «Вижу, что изъ тебя выйдетъ мошенникъ. Такъ и знай». — «И выйдешь мошенникомъ, если такъ. Ему хорошо. Онъ забылъ, какъ былъ молодъ. Ну, какое же я сдѣлалъ преступленіе? Просто поѣхалъ въ театръ, не было денегъ, занялъ у Пети Грушецкаго. Что же тутъ дурного? Другой бы пожалѣлъ, разспросилъ, а этотъ только ругаться и о себѣ думать. Вотъ когда у него чего-нибудь нѣтъ—это крикъ на весь домъ, а я мошенникъ. Нѣтъ, хоть онъ и отецъ, а не люблю я его. Не знаю, всѣ ли такъ, но я не люблю».

Въ дверь постучалась горничная. Она принесла записку.

— Велѣли отвѣтъ непремѣнно.

Въ запискѣ было написано: «Вотъ уже третій разъ я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвиливаешь. Такъ не поступаютъ честные люди. Прошу немедленно прислать съ симъ посланнымъ. Мнѣ самому нужда до зарѣзу. Неужели же ты не можешь достать. Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирающій или уважающій тебя товарищъ

Грушецкій».

«Вотъ и думай. Экая свинья какая. Не можетъ подождать Попытаюсь еще».

И Митя пошелъ къ матери. Это была послѣдняя надежда. Мать его была добрая и не умѣла отказывать, и она, можетъ быть, и помогла бы ему, но нынче она была встревожена болѣзнью меньшого двухлѣтняго Пети. Она разсердилась на Митю за то, что онъ пришелъ и зашумѣлъ, и сразу отказала ему.

Онъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и пошелъ изъ двери. Ей стало жалко сына, и она воротила его.

— Постой, Митя, — сказала она. — У меня нѣтъ теперь, но завтра я достану.

Но въ Митѣ все еще кипѣла злоба на отца.

— Зачѣмъ мнѣ завтра, когда нужно нынче. Такъ знайте, что я пойду къ товарищу.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

«Больше дѣлать нечего, онъ научитъ, гдѣ часы заложить», подумалъ онъ, ощупывая часы въ карманѣ.

Митя досталъ изъ стола купонъ и мелочь, надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину.

II.

Махинъ былъ гимназистъ съ усами. Онъ игралъ въ карты, зналъ женщинъ, и у него всегда были деньги. Онъ жилъ съ теткой. Митя зналъ, что Махинъ нехорошій малый, но, когда онъ былъ съ нимъ, онъ невольно подчинялся ему. Махинъ былъ

дома и собирался въ театръ. Въ грязной комнаткѣ его пахло душистымъ мыломъ и одеколономъ.

— Это, братъ, послѣднее дѣло, — сказалъ Махинъ, когда Митя разсказалъ ему свое горе, показалъ купонъ и пятьдесятъ копеекъ и сказалъ, что ему нужно девять рублей. — Можно и часы заложить, а можно и лучше, — сказалъ Махинъ, подмигивая однимъ глазомъ.

— Какъ лучше?

— А очень просто .

Махинъ взялъ купонъ.

— Поставить единицу передъ 2.50, и будетъ 12.50.

— Да развѣ бываютъ такіе.

— А какъ же, а на тысячерублевыхъ билетахъ. Я одинъ спустилъ такой.

— Да не можетъ быть.

— Такъ что же, валить? — сказалъ Махинъ, взявъ перо и расправивъ купонъ пальцами лѣвой руки.

— Да вѣдь это нехорошо!

— И, вздоръ какой!

«И точно», подумалъ Митя, и ему вспомнились опять ругательства отца: мошенникъ. «Вотъ и буду мошенникъ». Онъ посмотрѣлъ въ лицо Махину. Махинъ смотрѣлъ на него, спокойно улыбаясь.

— Такъ что же, валить?

— Вали.

Махинъ старательно вывелъ единицу.

— Ну, вотъ теперь пойдемъ въ магазинъ. Вотъ тутъ на углу: фотографическія принадлежности. Мнѣ кстати рамка нужна, вотъ на эту персону.

Онъ досталъ фотографическую карточку большеглазой дѣвицы съ огромными волосами и великолѣпнымъ бюстомъ.

— Какова душка? А?

— Да, да. Какъ же...

— Очень просто. Пойдемъ.

Махинъ одѣлся, и они вмѣстѣ вышли.

III.

Въ входной двери фотографическаго магазина зазвонилъ колокольчикъ. Гимназисты вошли, оглядывая пустой магазинъ съ полками, уставленными принадлежностями, и съ витринами на прилавкахъ. Изъ задней двери вышла некрасивая, съ добрымъ лицомъ женщина и, ставъ за прилавкомъ, спросила, что нужно.

— Рамочку хорошенькую, мадамъ.

— На какую цѣну? — спросила дама, быстро и ловко перебирая руками въ митенкахъ, съ опухшими сочлененіями пальцевъ, рамки разныхъ фасоновъ. — Эти на 50 копеекъ, а эти подороже. А вотъ это очень миленькій, новый фасонъ, рубль двадцать.

— Ну, давайте эту. Да нельзя ли уступить? Возьмите рубль

— У насъ не торгуются, — достойно сказала дама.

— Ну, Богъ съ вами, — сказалъ Махинъ, кладя на витрину купонъ. — Давайте рамочку и сдачу, да поскорѣй, намъ въ театръ не опоздать.

— Еще успѣете, — сказала дама и стала близорукими глазами разсматривать купонъ.

— Мило будетъ въ этой рамочкѣ? А? — сказалъ Махинъ, обращаясь къ Митѣ.

— Нѣтъ ли у васъ другихъ денегъ, — сказала продавщица.

— То-то и горе, что нѣту. Мнѣ далъ отецъ, надо же размѣнять.

— Да неужели нѣтъ рубля двадцати?

— Есть 50 копеекъ. Да что же, вы боитесь, что мы васъ обманываемъ фальшивыми деньгами?

— Нѣтъ, я ничего.

— Такъ давайте назадъ, мы размѣняемъ.

— Такъ сколько вамъ?

— Да, стало быть, одинадцать съ чѣмъ-то.

Продавщица пощелкала на счетахъ, отперла конторку, достала десять рублей бумажкой и, пошевеливъ рукой въ мелочи, собрала еще шесть двугривенныхъ и два пятака.

— Потрудитесь завернуть, — сказалъ Махинъ, неторопливо взявъ деньги.

— Сейчасъ.

Продавщица завернула и завязала бечевкой.

Митя перевелъ дыханье только, когда колокольчикъ входной двери зазвенѣлъ за ними, и они вышли на улицу.

— Ну, вотъ тебѣ десять рублей, а эти дай мнѣ. Я тебѣ отдамъ.

И Махинъ ушелъ въ театръ, а Митя пошелъ къ Грушецкому и разсчитался съ нимъ.

IV.

Черезъ часъ послѣ ухода гимназистовъ хозяинъ магазина пришелъ домой и сталъ считать выручку.

— Ахъ, дура косолапая! Вотъ дура-то, — закричалъ онъ на свою жену, увидавъ купонъ и тотчасъ же замѣтивъ поддѣлку. — И зачѣмъ брать купоны?

— Да ты самъ, Женя, бралъ при мнѣ, и именно двѣнадцатирублевые, — сказала жена, сконфуженная, огорченная и готовая плакать. — Я и сама не знаю, какъ они меня обморочили, — говорила она, — гимназисты. Красивый молодой человѣкъ, казался такой комильфотный.

— Комильфотная дура, — продолжалъ браниться мужъ, считая кассу. — Я беру купонъ, такъ знаю и вижу, что на немъ написано. А ты, я чай, только рожу гимназистовъ разсматривала на старости лѣтъ...

Этого не выдержала жена и сама разсердилась.

— Настоящій мужчина. Только другихъ осуждать, а самъ проиграешь въ карты пятьдесятъ четыре рубля — это ничего.

— Я — другое дѣло...

— Не хочу съ тобой говорить, — сказала жена и ушла въ свою комнату и стала вспоминать, какъ ея семья не хотѣла выдавать ее замужъ, считая ея мужа гораздо ниже по положенію, и какъ она одна настояла на этомъ бракѣ, вспомнила про своего умершаго ребенка, равнодушіе мужа къ этой потерѣ и возненавидѣла мужа такъ, что подумала о томъ, какъ бы хорошо было, если бы онъ умеръ. Но, подумавъ это, она испугалась своихъ чувствъ и поторопилась одѣться и уйти. Когда ея мужъ вернулся въ квартиру, жены уже не было. Она, не дожидаясь его, одѣлась и одна уѣхала къ знакомому учителю французскаго языка, который звалъ нынче на вечеръ.

V.

У учителя французскаго языка, русскаго поляка, былъ парадный чай съ сладкими печеньями, а потомъ сѣли за нѣсколько столовъ въ винтъ.

Жена продавца фотографическихъ принадлежностей сѣла съ хозяиномъ, офицеромъ и старой, глухой дамой въ парикѣ, вдовой содержателя музыкальнаго магазина, большой охотницей и мастерицей играть. Карты шли къ женѣ продавца фотографическихъ принадлежностей, она два раза назначила шлемъ. Подлѣ нея стояла тарелочка съ виноградомъ и грушей и на душѣ у нея было весело.

— Что же Евгеній Михайловичъ не идетъ? — спросила хозяйка съ другого стола. — Мы его пятымъ записали.

— Вѣрно, увлекся счетами, — сказала жена Евгенія Михайловича, — нынче расчеты за провизію, за дрова.

И, вспомнивъ про сцену съ мужемъ, она нахмурилась, и ея руки въ митенкахъ задрожали отъ злобы на него.

— Да вотъ легокъ на поминѣ, — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ входившему Евгенію Михайловичу. — Что запоздали?

— Да разныя дѣла, — отвѣчалъ Евгеній Михайловичъ веселымъ голосомъ, потирая руки. И, къ удивленію жены, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— А знаешь, я купонъ-то спустилъ.

— Неужели?!

— Да, мужику за дрова.

И Евгеній Михайловичъ разсказалъ всѣмъ съ большимъ негодованіемъ,—въ разсказъ его включала подробности его жена,— какъ надули его жену безсовѣстные гимназисты.

— Ну-съ, теперь за дѣло, — сказалъ онъ, усаживаясь за столъ, когда пришелъ его чередъ, и тасуя карты.

VI.

Дѣйствительно, Евгеній Михайловичъ спустилъ купонъ за дрова крестьянину Ивану Миронову.

Иванъ Мироновъ торговалъ тѣмъ, что покупалъ на дровяныхъ складахъ одну сажень дровъ, развозилъ ее по городу и выкладывалъ такъ, что изъ сажени выходило пять четверокъ, которыя онъ продавалъ за ту же цѣну, какую стоила четверть на дровяномъ дворѣ. Въ этотъ несчастный для Ивана Миронова день онъ рано утромъ вывезъ осьмушку и, скоро продавъ, наложилъ другую осьмушку и надѣялся продать, но провозилъ до вечера, добиваясь покупателя, но никто не купилъ. Онъ все попадалъ на опытныхъ городскихъ жителей, которые знали обычныя продѣлки мужиковъ, продающихъ дрова, и не вѣрили тому, что онъ привезъ, какъ онъ увѣрялъ, дрова изъ деревни. Самъ онъ проголодался, иззябъ въ своемъ вытертомъ полушубкѣ и рваномъ армякѣ; морозъ къ вечеру дошелъ до двадцати градусовъ; лошаденка, которую онъ не жалѣлъ, потому что собирался продать ее драчамъ, совсѣмъ стала. Такъ что Иванъ Мироновъ готовъ былъ даже съ убыткомъ отдать дрова, когда ему встрѣтился ходившій за табакомъ въ магазинъ и возвращавшійся домой Евгеній Михайловичъ.

— Возьмите, баринъ, за-дешево, отдамъ. Лошаденка стала совсѣмъ.

— Да ты откуда?

— Мы изъ деревни. Свои дрова, хорошія, сухія.

— Знаемъ мы васъ. Ну, что возьмешь?

Иванъ Мироновъ запросилъ, сталъ сбавлять и, наконецъ, отдалъ за свою цѣну.

— Только для васъ, баринъ, что близко везти, — сказалъ онъ.

Евгеній Михайловичъ не очень торговался, радуясь мысли, что онъ спуститъ купонъ. Кое-какъ, самъ подтягивая за оглобли, Иванъ Мироновъ ввезъ дрова во дворъ и самъ разгрузилъ ихъ въ сарай. Дворника не было. Иванъ Мироновъ сначала замялся брать купонъ, но Евгеній Михайловичъ такъ улестилъ его и казался такимъ важнымъ бариномъ, что онъ согласился взять.

Войдя съ задняго крыльца въ дѣвичью, Иванъ Мироновъ перекрестился, оттаялъ сосульки съ бороды и, заворотивъ полу кафтана, досталъ кожаный кошелекъ и изъ него восемь рублей пятьдесятъ копеекъ и отдалъ сдачу, а купонъ завернулъ въ бумажку и положилъ въ кошелекъ.

Поблагодаривъ, какъ водится, барина, Иванъ Мироновъ, разгоняя уже не кнутомъ, а кнутовищемъ насилу передвигавшую ноги, объиндевѣвшую, обреченную на смерть клячонку, порожнемъ погналъ къ тактиру.

Въ трактирѣ Иванъ Мироновъ спросилъ себѣ на пять копеекъ вина и чая и, отогрѣвшись и даже распотѣвши, въ самомъ веселомъ расположеніи духа бесѣдовалъ съ сидѣвшимъ у его же стола дворникомъ. Онъ разговорился съ нимъ, разсказалъ ему всѣ свои обстоятельства. Разсказалъ, что былъ онъ изъ деревни Васильевскаго, въ двѣнадцати верстахъ отъ города, что онъ — отдѣленный отъ отца и братьевъ и живетъ теперь съ женой и двумя ребятами, изъ которыхъ старшій только ходилъ въ училище, а еще не помогалъ ничего. Разсказалъ, что онъ здѣсь стоитъ на фатерѣ и завтра пойдетъ на конную продастъ своего одра и присмотритъ, а если придется — купитъ лошадку. Разсказалъ, что у него собралось теперь безъ рубля четвертная, и что у него половина денегъ въ купонѣ. Онъ досталъ купонъ и показалъ дворнику. Дворникъ былъ безграмотный, но сказалъ, что онъ мѣнивалъ для жильцовъ такія деньги, что деньги хорошія, но бываютъ поддѣльныя, и потому совѣтовалъ для вѣрности отдать здѣсь, у стойки. Иванъ Мироновъ отдалъ половому и велѣлъ принести сдачи, но половой не принесъ сдачу, а пришелъ лысый, съ глянцевитымъ лицомъ, приказчикъ съ купономъ въ пухлой рукѣ.

— Деньги ваши не годятся, — сказалъ онъ, показывая купонъ, но не отдавая его.

— Деньги хорошія, мнѣ баринъ далъ.

— То-то, что не хорошія, а поддѣльныя.

— А поддѣльныя, такъ давай ихъ сюда.

— Нѣтъ, братъ, вашего брата учить надо. Ты съ мошенниками поддѣлалъ.

— Давай деньги, какую ты имѣешь полную праву?

— Сидоръ, кликни-ка полицейскаго, — обратился буфетчикъ къ половому.

Иванъ Мироновъ былъ выпивши. А выпивши онъ былъ неспокоенъ. Онъ схватилъ приказчика за воротъ и закричалъ:

— Давай назадъ, я пойду къ барину. Я знаю, гдѣ онъ.

Приказчикъ рванулся отъ Ивана Миронова, и рубаха его затрещала.

— А, ты такъ! Держи его!

Половой схватилъ Ивана Миронова, и тутъ же явился городовой. Выслушавъ, какъ начальникъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же рѣшилъ его:

— Въ участокъ.

Купонъ городовой положилъ себѣ въ портмонэ и вмѣстѣ съ лошадью отвелъ Ивана Миронова въ участокъ.

VII.

Иванъ Мироновъ переночевалъ въ участкѣ съ пьяными и ворами. Уже около полдня его потребовали къ околоточному. Околоточный допросилъ его и послалъ съ городовымъ къ продавцу фотографическихъ принадлежностей. Иванъ Мироновъ запомнилъ улицу и домъ.

Когда городовой вызвалъ барина и представилъ ему купонъ и Ивана Миронова, утверждавшаго, что этотъ самый баринъ далъ ему купонъ, Евгеній Михайловичъ сдѣлалъ удивленное, а потомъ строгое лицо.

— Что ты, видно съ ума спятилъ. Въ первый разъ его вижу.

— Баринъ! грѣхъ, умирать будемъ, — говорилъ Иванъ Мироновъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Да ты, вѣрно, заспалъ? Ты кому-нибудь другому продалъ,—говорилъ Евгеній Михайловичъ.— Впрочемъ, постойте, я пойду у жены спрошу, не брала ли она вчера дрова.

Евгеній Михайловичъ вышелъ и тотчасъ же позвалъ дворника, красиваго, необыкновенно сильнаго и ловкаго щеголя, веселаго малаго Василія, и сказалъ ему, что если у него будутъ спрашивать, гдѣ взяты послѣдвія дрова, чтобы онъ говорилъ, что въ складѣ, а что у мужиковъ дровъ не покупали.—А то тутъ мужикъ показываетъ, что я ему фальшивый купонъ далъ. Мужикъ безтолковый, Богъ знаетъ, что говоритъ, а ты человѣкъ съ понятіемъ. Такъ и говори, что дрова мы покупаемъ только въ складѣ. А это я тебѣ давно хотѣлъ дать на куртку, — прибавилъ Евгеній Михайловичъ, и далъ дворнику пять рублей.

Василій взялъ деньги, блеснулъ глазами на бумажку, потомъ на лицо Евгенія Михайловича, тряхнулъ волосами и слегка улыбнулся.

— Извѣстно, народъ безтолковый. Необразованность. Не извольте безпокоиться. Я ужъ знаю, какъ сказать.

Сколько и какъ слезно не умолялъ Иванъ Мироновъ Евгенія Михайловича признать свой купонъ и дворника подтвердить его слова, и Евгеній Михайловичъ и дворникъ стояли на своемъ: никогда не брали дрова съ возовъ. И городовой свелъ назадъ въ участокъ Ивана Миронова, обвиняемаго въ поддѣлкѣ купона.

Только по совѣту сидѣвшаго съ нимъ пьянаго писаря, отдавъ пятерку околоточному, Иванъ Мироновъ выбрался изъ-подъ караула безъ купона и съ семью рублями вмѣсто двадцати пяти, которые у него были вчера. Иванъ Мироновъ пропилъ изъ этихъ семи рублей три и съ разбитымъ лицомъ и мертвецки пьяный пріѣхалъ къ женѣ.

Жена была беременная на сносяхъ и больная. Она начала ругать мужа, онъ оттолкнулъ ее, она стала бить его. Онъ, не отвѣчая, легъ брюхомъ на нары и громко заплакалъ.

Только на другое утро жена поняла, въ чемъ было дѣло, и, повѣривъ мужу, долго кляла разбойника барина, обманувшаго ея Ивана. И Иванъ, протрезвившись, вспомнилъ, что ему совѣтовалъ мастеровой, съ которымъ онъ пилъ вчера, и рѣшилъ идти къ аблакату жалиться.

VIII.

Адвокатъ взялся за дѣло не столько изъ-за денегъ, которыя онъ могъ получить, сколько изъ-за того, что повѣрилъ Ивану и былъ возмущенъ тѣмъ, какъ безсовѣстно обманули мужика.

На судъ явились обѣ стороны, и дворникъ Василій былъ свидѣтелемъ. На судѣ повторилось то же. Иванъ Мироновъ поминалъ про Бога, про то, что умирать будемъ. Евгеній Михайловичъ, хотя и мучился сознаніемъ гадости и опасности того, что онъ дѣлалъ, не могъ уже теперь измѣнить показанія и продолжалъ съ внѣшне спокойнымъ видомъ все отрицать.

Дворникъ Василій получилъ еще десять рублей и съ улыбкой, спокойно утверждалъ, что видомъ не видалъ Ивана Миронова. И, когда его привели къ присягѣ, хотя и робѣлъ внутренно, наружно спокойно повторилъ за вызваннымъ старичкомъ священникомъ слова присяги, на крестѣ и святомъ Евангеліи клянясь въ томъ, что будетъ говорить всю правду.

Дѣло кончилось тѣмъ, что судья отказалъ Ивану Миронову въ искѣ, положилъ взыскать съ него пять рублей судебныхъ

издержекъ, которыя Евгеній Михайловичъ великодушно простилъ ему. Отпуская Ивана Миронова, судья прочелъ ему наставленіе о томъ, чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе въ возведеніи обвиненій на почтенныхъ людей и былъ бы благодаренъ за то, что ему простили судебныя издержки и не преслѣдуютъ его за клевету, за которую онъ отсидѣлъ бы мѣсяца три въ тюрьмѣ.

— Благодаримъ покорно,—сказалъ Иванъ Мироновъ и, покачивая головой и вздыхая, вышелъ изъ камеры.

Все это, казалось, кончилось хорошо для Евгенія Михайловича и дворника Василія. Но это только казалось такъ. Случилось то, чего никто не видѣлъ, но что было важнѣе всего того, что люди видѣли.

Василій уже третій годъ ушелъ изъ деревни и жилъ въ городѣ. Съ каждымъ годомъ онъ подавалъ отцу все меньше и меньше и не выписывалъ къ себѣ жену, не нуждаясь въ ней. У него здѣсь, въ городѣ, женъ, и не такихъ, какъ его нехалява, было сколько хочешь. Съ каждымъ годомъ Василій все больше и больше забывалъ деревенскій законъ и освоивался съ городскими порядками. Тамъ все было грубо, сѣро, бѣдно, неурядливо, здѣсь все было тонко, хорошо, чисто, богато, все въ порядкѣ. И онъ все больше и больше увѣрялся, что деревенскіе живутъ безъ понятія, какъ звѣри лѣсные, здѣсь же — настоящіе люди. Читалъ онъ книжки хорошихъ сочинителей, романы, ходилъ на представленія въ народный домъ. Въ деревнѣ и во снѣ того не видишь. Въ деревнѣ старики говорятъ: живи въ законѣ съ женой, трудись, лишнее не ѣшь, не щеголяй, а здѣсь люди умные, ученые, значитъ, знаютъ настоящіе законы, живутъ въ свое удовольствіе... И все хорошо. До дѣла съ купономъ Василій все не вѣрилъ, что у господъ нѣтъ никакого закона насчетъ того, какъ жить. Ему все казалось, что онъ не знаетъ ихъ закона, а законъ есть. Но послѣ дѣла съ купономъ и, главное, его фальшивой присяги, отъ которой, несмотря на его страхъ, ничего худого не вышло, а, напротивъ, вышло еще десять рублей, онъ совсѣмъ увѣрился, что нѣтъ никакихъ законовъ, и надо жить въ свое удовольствіе. Такъ онъ жилъ, такъ и продолжалъ жить. Сначала онъ пользовался на покупкахъ жильцовъ, но этого было мало для всѣхъ его расходовъ, и онъ, гдѣ могъ, сталъ таскать деньги и цѣнныя вещи изъ квартиръ жильцовъ и укралъ кошелекъ Евгенія Михайловича. Евгеній Михайловичъ уличилъ его, но не сталъ подавать въ судъ, а расчелъ его.

Домой Василію идти не хотѣлось, и онъ остался жить въ Москвѣ съ своей любезной, отыскивая мѣсто. Мѣсто нашлось

дешевое къ лавочнику въ дворники. Василій поступилъ. Но на другой же мѣсяцъ попался въ кражѣ мѣшковъ. Хозяинъ не сталъ жаловаться, а побилъ Василія и прогналъ. Послѣ этого случая мѣста уже не находилось, деньги проживались, потомъ стала проживаться одежа, и кончилось тѣмъ, что остался одинъ рваный пиджакъ, штаны и опорки. Любезная бросила его. Но Василій не утратилъ свое бодрое, веселое расположеніе и, дождавшись весны, пошелъ пѣшій домой.

IX.

Петръ Николаевичъ Свентицкій, маленькій, коренастенькій человѣчекъ въ черныхъ очкахъ (у него болѣли глаза, и ему угрожала полная слѣпота), всталъ по обыкновенію до свѣта и, выпивъ стаканъ чаю, надѣлъ крытый, отороченный мерлушкой полушубочекъ и пошелъ по хозяйству.

Петръ Николаевичъ былъ таможеннымъ чиновникомъ и нажилъ тамъ 18.000 рублей. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ онъ вышелъ въ отставку не совсѣмъ по своей волѣ и купилъ имѣньице промотавшагося юноши помѣщика. Петръ Николаевичъ былъ на службѣ еще женатъ. Жена его была бѣдная сирота стараго дворянскаго рода, крупная, полная, красивая женщина, не давшая ему дѣтей. Петръ Николаевичъ во всѣхъ дѣлахъ былъ человѣкъ основательный и настойчивый. Ничего не зная о хозяйствѣ (онъ былъ сынъ польскаго шляхтича), онъ такъ хорошо занялся хозяйствомъ, что разоренное имѣніе въ 300 десятинъ черезъ десять лѣтъ стало образцовымъ. Всѣ постройки у него, отъ дома до амбара и навѣса надъ пожарной трубой, были прочныя, основательныя, крытыя желѣзомъ и во-время крашеныя. Въ инструментномъ сараѣ стояли порядкомъ телѣги, сохи, плуги, бороны, сбруя была вымазана. Лошади были не крупныя, почти всѣ своего завода, саврасой масти, сытенькія, крѣпенькія, одна въ одну. Молотилка работала въ крытой ригѣ; кормъ убирался въ особенномъ сараѣ; навозная жижа стекала въ мощеную яму. Коровы были тоже своего завода, не крупныя, но молочныя; свиньи были аглицкія. Былъ птичникъ и особенно ноской породы куры. Садъ фруктовый былъ обмазанъ и подсаженъ. Вездѣ все было хозяйственно, прочно, чисто, исправно. Петръ Николаевичъ радовался на свое хозяйство и гордился тѣмъ, что всего этого онъ достигалъ не притѣсненіемъ крестьянъ, а, напротивъ, строгой справедливостью къ населенію. Онъ даже среди дворянъ держался средняго, скорѣе либеральнаго, чѣмъ консервативнаго взгляда и всегда передъ крѣпостниками защищалъ народъ. Будь

съ ними хорошъ, и они будутъ хороши. Правда, онъ не спускалъ промаховъ и ошибокъ рабочихъ, иногда и самъ подталкивалъ ихъ, требовалъ работы, но зато помѣщенія, харчи были самые хорошіе, жалованье всегда было выдано во-время, и въ праздники онъ подносилъ водку.

Ступая осторожно по талому снѣгу, — это было въ февралѣ, — Петръ Николаевичъ направился мимо рабочей конюшни къ избѣ, гдѣ жили рабочіе. Было еще темно. Еще темнѣе отъ тумана, но въ окнахъ рабочей избы былъ виденъ свѣтъ. Рабочіе вставали. Онъ намѣревался поторопить ихъ: по наряду имъ надо было на шестеромъ ѣхать за послѣдними дровами въ рощу.

«Это что?» подумалъ онъ, увидавъ отворенную дверь въ конюшню.

— Эй, кто тутъ?

Никто не отозвался. Петръ Николаевичъ вошелъ въ конюшню.

— Эй, кто тутъ?

Никто не отзывался. Было темно, подъ ногами мягко, и пахло навозомъ. Направо отъ двери въ стойлѣ стояла пара молодыхъ саврасыхъ. Петръ Николаевичъ протянулъ руку — пусто. Онъ тронулъ ногой. Не легла ли? Нога ничего не встрѣтила. «Куда же они ее вывели», подумалъ онъ. Запрягать — не запрягали, сани еще всѣ наружи. Петръ Николаевичъ вышелъ изъ двери и крикнулъ громко:

— Эй, Степанъ.

Степанъ былъ старшій рабочій. Онъ какъ разъ выходилъ изъ рабочей.

— Яу! — откликнулся весело Степанъ. — Это вы, Петръ Николаевичъ? Сейчасъ ребята идутъ.

— Что у васъ конюшня отперта?

— Конюшня? Не могу знать. Эй, Прошка, давай фонарь.

Прошка прибѣжалъ съ фонаремъ, вошли въ конюшню. Степанъ сразу понялъ.

— Это воры были, Петръ Николаевичъ. Замокъ сбитъ.

— Врешь!

— Свели, разбойники. Машки нѣту. Ястреба нѣтъ. Ястребъ здѣсь. Пестраго нѣтъ. Красавчика нѣтъ.

Трехъ лошадей не было. Петръ Николаевичъ ничего не сказалъ, нахмурился и тяжело дышалъ.

— Охъ, попался бы мнѣ. Кто караулилъ?

— Петька. Петька проспалъ.

Петръ Николаевичъ подалъ въ полицію, къ становому, земскому начальнику, разослалъ своихъ. Лошадей не нашли.

— Поганый народъ, — говорилъ Петръ Николаевичъ,—что сдѣлали! Я ли имъ добро не дѣлалъ. Погоди же ты! Разбойники, всѣ разбойники. Теперь я не такъ съ вами поведу дѣло.

X.

А лошади, тройка саврасыхъ, были уже на мѣстахъ. Одну, Машку, продали цыганамъ за восемнадцать рублей; другого, Пестраго, промѣняли мужику за сорокъ верстъ; Красавчика загнали и зарѣзали, продали шкуру за три рубля. Всему дѣлу этому былъ руководчикомъ Иванъ Мироновъ. Онъ служилъ у Петра Николаевича и зналъ порядки Петра Николаевича и рѣшилъ вернуть свои денежки. И устроилъ дѣло.

Послѣ своего несчастья съ фальшивымъ купономъ, Иванъ Мироновъ долго пилъ и пропилъ бы все, если бы жена не спрятала отъ него хомуты, одежу и все, что можно было пропить. Во время пьянства своего Иванъ Мироновъ не переставая думалъ не только о своемъ обидчикѣ, но о всѣхъ господахъ и господишкахъ, которые только тѣмъ живутъ, что обираютъ нашего брата. Пилъ одинъ разъ Иванъ Мироновъ съ мужиками изъ подъ Подольска. И мужики дорогой, пьяные, разсказали ему, какъ они свели лошадей у мужика. Иванъ Мироновъ сталъ ругать конокрадовъ за то, что они обидѣли мужика. — «Грѣхъ это, — говорилъ онъ; — у мужика лошадка — все равно братъ, а ты его обездолишь. Коли уводить, такъ у господъ. Эти собаки того стоятъ». — Дальше, больше — разговорились, и подольскіе мужики сказали, что у господъ свести лошадей хитро. Надо знать ходы, а безъ своего человѣка нельзя. Тогда Иванъ Мироновъ вспомнилъ про Свентицкаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ, вспомнилъ, что Свентицкій не додалъ при расчетѣ полтора рубля за сломанный шкворень, вспомнилъ и про саврасенькихъ лошадокъ, на которыхъ онъ работалъ.

Иванъ Мироновъ сходилъ къ Свентицкому какъ будто наниматься, а только затѣмъ, чтобы высмотрѣть и узнать все. И, узнавъ все: что караульщика нѣтъ, что лошади въ денникахъ, въ конюшнѣ, — подвелъ воровъ и сдѣлалъ все дѣло.

Подѣливъ съ подольскими мужиками выручку, Иванъ Мироновъ съ пятью рублями пріѣхалъ домой. Дома дѣлать нечего было, лошади не было, и съ той поры Иванъ Мироновъ сталъ водиться съ конокрадами и цыганами.

XI.

Петръ Николаевичъ Свентицкій изо всѣхъ силъ старался найти вора. Безъ своего не могло быть сдѣлано дѣло. И потому онъ сталъ подозрѣвать своихъ и, разузнавъ у рабочихъ, кто не ночевалъ въ эту ночь дома, узналъ, что не ночевалъ Прошка Николаевъ—молодой малый, только что пришедшій изъ военной службы солдатъ, красивый, ловкій малый, котораго Петръ Николаевичъ бралъ для выѣздовъ вмѣсто кучера. Становой былъ пріятель Петра Николаевича, онъ зналъ и исправника, и предводителя, и земскаго начальника, и слѣдователя. Всѣ эти лица бывали у него въ именины и знали его вкусныя наливки и соленые грибки—бѣлые, опенки и грузди. Всѣ жалѣли его и старались помочь ему.

— Вотъ, а вы защищаете мужиковъ, — говорилъ становой.— Правду я говорилъ, что хуже звѣрей. Безъ кнута и палки съ ними ничего не подѣлаешь. Такъ вы говорите, Прошка, тотъ, что съ вами кучеромъ ѣздитъ?

— Да, онъ.

— Давайте его сюда.

Прошку призвали и стали допрашивать.

— Гдѣ былъ?

Прошка тряхнулъ волосами, блеснулъ глазами.

— Дома.

— Какъ же дома, всѣ рабочіе показываютъ, что тебя не было.

— Воля ваша.

— Да не въ моей волѣ дѣло, а гдѣ ты былъ?

— Дома.

— Ну, хорошо же. Сотскій, сведи его въ станъ.

— Воля ваша.

Такъ и не сказалъ Прошка, гдѣ былъ. А не сказалъ потому, что ночь былъ у своего дружка, у Параши, и обѣщалъ не выдавать ее, и не выдалъ. Уликъ не было, и Прошку выпустили. Но Петръ Николаевичъ былъ увѣренъ, что это все дѣло Прокофія, и возненавидѣлъ его. Одинъ разъ Петръ Николаевичъ, взявъ Прокофія за кучера, выслалъ его на подставу. Прошка, какъ и всегда дѣлалъ, взялъ на постояломъ дворѣ двѣ мѣры овса. Полторы скормилъ, а на полмѣры выпилъ. Петръ Николаевичъ узналъ это и подалъ мировому судьѣ. Мировой судья приговорилъ Прошку на три мѣсяца въ острогъ. Прокофій былъ самолюбивъ. Онъ считалъ себя выше людей и гор-

дился собой. Острогъ сразу унизилъ его. Ему нельзя было гордиться передъ народомъ, и онъ упалъ духомъ.

Изъ острога Прошка вернулся домой не столько озлобленный противъ Петра Николаевича, сколько противъ всего міра.

Прокофій, какъ говорили всѣ, послѣ острога опустился, сталъ лѣниться работать, сталъ пить и скоро попался въ воровствѣ одежи у мѣщанки и попалъ опять въ острогъ.

Петръ же Николаевичъ узналъ о лошадяхъ только то, что была найдена шкура съ саврасаго мерина, которую Петръ Николаевичъ призналъ за шкуру Красавчика, и эта безнаказанность воровъ еще болѣе раздражила Петра Николаевича. Онъ не могъ теперь безъ злобы видѣть мужиковъ и говорить про нихъ и, гдѣ могъ, старался прижать ихъ.

XII.

Несмотря на то, что, спустивъ купонъ, Евгеній Михайловичъ пересталъ думать о немъ, жена его Марія Васильевна не могла простить ни себѣ, что поддалась обману, ни мужу за жестокія слова, которыя онъ сказалъ ей, ни, главное, тѣмъ двумъ мальчишкамъ негодяямъ, которые такъ ловко обманули ее.

Съ того самаго дня, какъ ее обманули, она приглядывалась ко всѣмъ гимназистамъ. Разъ она встрѣтила Махина, но не узнала его, потому что онъ, увидавъ ее, сдѣлалъ такую рожу, которая совсѣмъ измѣнила его лицо. Но Митю Смоковникова она, столкнувшись съ нимъ носъ съ носомъ на тротуарѣ, недѣли двѣ послѣ событія, тотчасъ же узнала. Она дала ему пройти и, повернувшись, слѣдомъ пошла за нимъ. Дойдя до его квартиры и узнавъ, чей онъ сынъ, она на другой день пошла въ гимназію и въ передней встрѣтила законоучителя Михаила Введенскаго. Онъ спросилъ, что ей нужно. Она сказала, что желаетъ видѣть директора.

— Директора нѣтъ, онъ нездоровъ, можетъ быть, я могу исполнить или передать ему.

Марія Васильевна рѣшила все разсказать законоучителю.

Законоучитель Введенскій былъ вдовецъ, академикъ и человѣкъ очень самолюбивый. Еще въ прошломъ году онъ встрѣтился въ одномъ обществѣ съ отцомъ Смоковникова и, столкнувшись съ нимъ въ разговорѣ о вѣрѣ, въ которомъ Смоковниковъ разбилъ его по всѣмъ пунктамъ и поднялъ на-смѣхъ, рѣшилъ обратить особенное вниманіе на сына, и найдя въ немъ такое же равнодушіе къ Закону Божію, какъ и въ невѣрующемъ отцѣ, сталъ преслѣдовать его и даже провалилъ его на экзаменѣ.

Узнавъ отъ Маріи Васильевны про поступокъ молодого Смоковникова, Введенскій не могъ не почувствовать удовольствія, найдя въ этомъ случаѣ подтвержденіе своихъ предположеній о безнравственности людей, лишенныхъ руководства Церкви, и рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, какъ онъ старался себя увѣрить, для показанія той опасности, которая угрожаетъ всѣмъ отступающимъ отъ Церкви, — въ глубинѣ же души для того, чтобы отомстить годрому и самоувѣренному атеисту.

— Да, очень грустно, очень грустно, — говорилъ отецъ Михаилъ Введенскій, поглаживая рукой гладкіе бока наперснаго креста. — Я очень радъ, что вы передали дѣло мнѣ; я, какъ служитель Церкви, постараюсь не оставить молодого человѣка безъ наставленій, но и постараюсь какъ можно болѣе смягчить назиданіе.

«Да, я сдѣлаю такъ, какъ подобаетъ моему званію», говорилъ себѣ отецъ Михаилъ, думая, что онъ, совершенно забывъ недоброжелательство къ себѣ отца, имѣетъ въ виду только благо и спасеніе юноши.

На слѣдующій день на урокѣ Закона Божія отецъ Михаилъ разсказалъ ученикамъ весь эпизодъ фальшиваго купона и сказалъ, что это сдѣлалъ гимназистъ.

— Поступокъ дурной, постыдный, — сказалъ онъ, — но запирательство еще хуже. Если, чему я не вѣрю, это сдѣлалъ одинъ изъ васъ, то лучше ему покаяться, чѣмъ скрываться.

Говоря это, отецъ Михаилъ пристально смотрѣлъ на Митю Смоковникова. Гимназисты, слѣдя за его взглядомъ, тоже оглядывались на Смоковникова. Митя краснѣлъ, потѣлъ, наконецъ расплакался и выбѣжалъ изъ класса.

Мать Мити, узнавъ про это, выпытала всю правду у сына, и побѣжала въ магазинъ фотографическихъ принадлежностей. Она заплатила 12 р. 50 коп. хозяйкѣ и уговорила ее скрыть имя гимназиста. Сыну же велѣла все отрицать и ни въ какомъ случаѣ не признаваться отцу.

И дѣйствительно, когда Ѳедоръ Михайловичъ узналъ о томъ, что было въ гимназіи, и призванный имъ сынъ отперся отъ всего, онъ поѣхалъ къ директору и, разсказавъ все дѣло, сказалъ, что поступокъ законоучителя въ высшей степени предосудителенъ, и онъ не оставитъ этого такъ. Директоръ пригласилъ священника, и между нимъ и Ѳедоромъ Михайловичемъ произошло горячее объясненіе.

— Глупая женщина вклепалась въ моего сына, потомъ сама отреклась отъ своего показанія, а вы не нашли ничего лучшаго, какъ оклеветать честнаго, правдиваго мальчика.

— Я не клеветалъ и не позволю вамъ говорить такъ со мной. Вы забываете мой санъ.

— . . . .

— Ваши превратныя понятія, — дрожа подбородкомъ, такъ что тряслась его рѣдкая бородка, заговорилъ законоучитель, — извѣстны всему городу.

— Господа! батюшка! — старался успокоить спорящихъ директоръ, но успокоить ихъ нельзя было.

— Я по долгу своего сана долженъ заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи.

— Полноте притворяться, развѣ я не знаю, что вы ни въ чохъ ни въ смерть не вѣрите.

— Я считаю недостойнымъ себя говорить съ такимъ господиномъ, какъ вы, — проговорилъ отецъ Михаилъ, оскорбленный послѣдними словами Смоковникова, въ особенности потому, что онъ зналъ, что они справедливы. Онъ прошелъ полный курсъ духовной академіи и потому давно уже не вѣрилъ въ то, что исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, а вѣрилъ только въ то, что всѣ люди должны принуждать себя вѣрить въ то, во что онъ принуждалъ себя вѣрить.

Смоковниковъ не только былъ возмущенъ поступкомъ законоучителя, сколько находилъ, что это хорошая иллюстрація того клерикальнаго вліянія, которое начинаетъ проявляться у насъ и всѣмъ разсказывалъ про этотъ случай.

Отецъ же Введенскій, видя проявленіе утвердившагося нигилизма и атеизма не только въ молодомъ, но [и въ] старомъ поколѣніи, все больше и больше убѣждался въ необходимости борьбы съ нимъ. Чѣмъ больше онъ осуждалъ невѣріе Смоковникова и ему подобныхъ, тѣмъ больше онъ убѣждался въ твердости и незыблемости своей вѣры и тѣмъ меньше чувствовалъ потребность провѣрять ее или согласовать ее съ своей жизнью. Его вѣра, признаваемая всѣмъ окружающимъ его міромъ, была для него главнымъ орудіемъ борьбы противъ ея отрицателей.

Эти мысли, вызванныя въ немъ столкновеніемъ съ Смоковниковымъ, вмѣстѣ съ непріятностями по гимназіи, происшедшими отъ этого столкновенія, — именно, выговоръ, замѣчаніе, полученное отъ начальства, — заставили его принять давно уже, со смерти жены манившее его къ себѣ рѣшеніе: принять монашество и избрать ту самую карьеру, по которой пошли нѣкоторые изъ его товарищей по академіи, изъ которыхъ одинъ былъ уже архіереемъ, а другой — архимандритомъ на вакансіи епископа.

Къ концу академическаго года Введенскій покинулъ гимназію, постригся въ монастырь подъ именемъ Мисаила и очень скоро получилъ мѣсто ректора семинаріи въ поволжскомъ городѣ.

XIII.

Между тѣмъ Василій дворникъ шелъ большой дорогой на югъ.

День онъ шелъ, а на ночь десятскій отводилъ его на очередную квартиру. Хлѣбъ ему вездѣ давали, а иногда и сажали за столъ ужинать. Въ одной деревнѣ Орловской губерніи, гдѣ онъ ночевалъ, ему сказали, что купецъ, снявшій у помѣщика садъ, ищетъ молодцовъ караульныхъ. Василію надоѣло нищенствовать, а домой идти не хотѣлось, и онъ пошелъ къ купцу садовнику и нанялся караульщикомъ за пять рублей въ мѣсяцъ.

Жизнь въ шалашѣ, особенно послѣ того, какъ стала поспѣвать грушевка, и съ барскаго гумна караульщики принесли большущія вязанки свѣжей, изъ-подъ молотилки, соломы, была очень пріятна Василію. Лежи цѣлый день на свѣжей, пахучей соломѣ подлѣ кучекъ, еще болѣе, чѣмъ солома, пахучихъ падали ярового и зимового яблока, поглядывай, не забрались ли гдѣ ребята за яблоками, посвистывая и распѣвая пѣсни. А пѣсни пѣть Василій былъ мастеръ. И голосъ у него былъ хорошій. Придутъ съ деревни бабы, дѣвки за яблоками, пошутитъ съ ними Василій, отдастъ, какъ какая приглянется, побольше или поменьше яблокъ за яйца или копеечки — и опять лежи, только сходи позавтракать, пообѣдать, поужинать.

Рубаха на Василіи была одна розовая ситцевая, и та въ дырахъ, на ногахъ ничего не было, но тѣло было сильное, здоровое, и, когда котелокъ съ кашей снимали съ огня, Василій съѣдалъ за троихъ, такъ что старикъ караульщикъ только дивился на него. По ночамъ Василій не спалъ и либо свисталъ, либо покрикивалъ и какъ кошка далеко въ темнотѣ видѣлъ. Разъ забрались съ деревни большіе ребята трясти яблоки. Василій подкрался и набросился на нихъ; хотѣли они отбиться, да онъ расшвырялъ ихъ всѣхъ, а одного привелъ въ шалашъ и сдалъ хозяину.

Первый шалашъ Василія былъ въ дальнемъ саду, а второй шалашъ, когда грушевка сошла, былъ въ сорока шагахъ отъ барскаго дома. И въ этомъ шалашѣ Василію еще веселѣе было. Цѣлый день Василій видѣлъ, какъ господа и барышни играли, ѣздили кататься, гуляли, а по вечерамъ и ночамъ играли на фортепьяно, на скрипкѣ, пѣли, танцовали. Видѣлъ онъ, какъ барышни съ студентами сидѣли на окнахъ и ласкались и по-

томъ одни шли гулять въ темныя липовыя аллеи, куда только полосами и пятнами проходилъ лунный свѣтъ. Видѣлъ онъ, какъ бѣгали слуги съ ѣдой и питьемъ, и какъ повара, прачки, приказчики, садовники, кучера — всѣ работали только затѣмъ, чтобы кормить, поить, веселить господъ. Заходили иногда молодые господа и къ нему въ шалашъ, и онъ отбиралъ имъ и подавалъ лучшія, наливныя и краснобокія яблоки, и барышни тутъ же, хрустя зубами, кусали ихъ и хвалили и что-то говорили—Василій понималъ, что объ немъ — по-французски и заставляли его пѣть.

И Василій любовался на эту жизнь, вспоминая свою московскую жизнь, и мысль о томъ, что все дѣло въ деньгахъ, все больше и больше западала ему въ голову.

И Василій сталъ все больше и больше думать о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы сразу захватить побольше денегъ. Сталъ онъ вспоминать, какъ онъ прежде пользовался, и рѣшилъ, что не такъ надо дѣлать, что надо не такъ, какъ прежде, ухватить, гдѣ плохо лежитъ, а впередъ обдумать, вызнать и сдѣлать чисто, чтобы никакихъ концовъ не оставить. Къ Рождеству Богородицы сняли послѣднюю антоновку. Хозяинъ попользовался хорошо и всѣхъ караульщиковъ и Василія расчелъ и отблагодарилъ.

Василій одѣлся — молодой баринъ подарилъ ему куртку и шляпу — и не пошелъ домой, — очень тошно ему было думать о мужицкой, грубой жизни, — а вернулся назадъ въ городъ съ пьющими солдатиками, которые вмѣстѣ съ нимъ караулили садъ. Въ городѣ онъ рѣшилъ ночью взломать и ограбить ту лавку, у хозяина которой онъ жилъ, и который прибилъ его и прогналъ безъ расчета. Онъ зналъ всѣ ходы, и гдѣ были деньги, солдатика приставилъ караулить, а самъ взломалъ окно со двора, пролѣзъ и выбралъ всѣ деньги. Дѣло было сдѣлано искусно, и слѣдовъ никакихъ не нашли. Денегъ вынулъ 370 рублей. Сто рублей Василій далъ товарищу, а съ остальными уѣхалъ въ другой городъ и тамъ кутилъ съ товарищами и товарками.

XIV.

Между тѣмъ Иванъ Мироновъ сталъ ловкимъ, смѣлымъ и успѣшнымъ конокрадомъ. Афимья, его жена, прежде ругавшая его за плохія дѣла, какъ она говорила, теперь была довольна и гордилась мужемъ, тѣмъ, что у него тулупъ крытый и у ней самой полушалокъ и новая шуба.

Въ деревнѣ и округѣ всѣ знали, что ни одна кража лошадей не обходилась безъ него, но доказать на него боялись, и,

когда бывало на него подозрѣніе, онъ выходилъ чистъ и правъ. Послѣдняя кража его была изъ ночного въ Колотовкѣ. Когда могъ, Иванъ Мироновъ разбиралъ, у кого красть, и больше любилъ брать у помѣщиковъ и купцовъ. Но и у помѣщиковъ и купцовъ было труднѣе. И потому, когда не подходили помѣщичьи и купеческія, онъ бралъ и у крестьянъ. Такъ онъ и захватилъ въ Колотовкѣ изъ ночного какихъ попало лошадей. Сдѣлалъ дѣло не онъ самъ, но подговоренный имъ ловкій малый Герасимъ. Мужики хватились лошадей только на зарѣ и бросились искать по дорогамъ. Лошади же стояли въ оврагѣ, въ казенномъ лѣсу. Иванъ Мироновъ намѣревался продержать ихъ тутъ до другой ночи, а ночью махнуть за сорокъ верстъ къ знакомому дворнику. Иванъ Мироновъ провѣдалъ Герасима въ лѣсу, принесъ ему пирога и водки и пошелъ домой лѣсной тропинкой, гдѣ надѣялся никого не встрѣтить. На бѣду его онъ столкнулся со сторожемъ солдатомъ.

— Али по грибы ходилъ? — сказалъ солдатъ.

— Да нѣтъ ничего нынче,—отвѣчалъ Иванъ Мироновъ, показывая на лукошко, которое онъ взялъ на всякій случай.

— Да, нынче не грибное лѣто,—сказалъ солдатъ;—нешто постомъ пойдутъ,—и прошелъ мимо.

Солдатъ понялъ, что тутъ что-то неладно. Незачѣмъ было Ивану Миронову ходить рано утромъ по казенному лѣсу. Солдатъ вернулся и сталъ шарить по лѣсу. Около оврага онъ услыхалъ лошадиное фырканье и пошелъ потихоньку къ тому мѣсту, откуда слышалъ. Въ оврагѣ было притоптано и былъ лошадиный пометъ. Дальше сидѣлъ Герасимъ и ѣлъ что-то, а двѣ лошади стояли привязанными у дерева.

Солдатъ побѣжалъ въ деревню, взялъ старосту, сотскаго и двухъ понятыхъ. Они съ трехъ сторонъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ Герасимъ, и захватили его. Гераська не сталъ запираться и тотчасъ же спьяна во всемъ сознался. Разсказалъ, какъ его напоилъ и подговорилъ Иванъ Мироновъ, и какъ обѣщался нынче прійти за лошадьми въ лѣсъ. Мужики оставили лошадей и Герасима въ лѣсу, а сами сдѣлали засаду, выжидая Ивана Миронова. Когда смерклось, послышался свистъ. Герасимъ откликнулся. Только Иванъ Мироновъ сталъ спускаться съ горы, на него набросились и повели въ деревню. На утро передъ старостиной избой собралась толпа.

Ивана Миронова вывели и стали допрашивать. Степанъ Пелагеюшкинъ, высокій, сутуловатый, длиннорукій мужикъ, съ орлинымъ носомъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, первый сталъ допрашивать. Степанъ былъ мужикъ одинокій, отбывшій воинскую

повинность. Только что отошелъ отъ отца, и сталъ справляться, какъ у него увели лошадь. Проработавъ годъ въ шахтахъ, Степанъ опять справилъ двухъ лошадей. Обѣихъ увели.

— Говори, гдѣ мои кони,—мрачно глядя то въ землю, то въ лицо Ивана, заговорилъ, поблѣднѣвъ отъ злобы, Степанъ.

Иванъ Мироновъ отперся. Тогда Степанъ ударилъ его въ лицо и разбилъ носъ, изъ котораго потекла кровь.

— Говори, убью!

Иванъ Мироновъ молчалъ, сгибая голову. Степанъ ударилъ своей длинной [рукой] разъ, другой. Иванъ все молчалъ, только откидывалъ то туда, то сюда голову.

— Всѣ бей!—закричалъ староста.

И всѣ стали бить. Иванъ Мироновъ молча упалъ и закричалъ:

— Варвары, черти, бейте на смерть. Не боюсь васъ.

Тогда Степанъ схватилъ камень изъ заготовленной сажени и разбилъ Ивану Миронову голову.

XV.

Убійцъ Ивана Миронова судили. Въ числѣ этихъ убійцъ былъ Степанъ Пелагеюшкинъ. Его обвинили строже другихъ, потому что всѣ показали, что онъ камнемъ разбилъ голову Ивана Миронова. Степанъ на судѣ ничего не таилъ, объяснилъ, что когда у него увели послѣднюю пару лошадей, онъ заявилъ въ стану, и слѣды по цыганамъ найти можно было, да становой его и на глаза не принялъ и не искалъ вовсе.

— Что же намъ съ такимъ дѣлать? Разорилъ насъ.

— Почему же другіе не били, а вы?—сказалъ обвинитель.

— Неправда, всѣ били, міръ порѣшилъ убить. А я только прикончилъ. Что же понапрасну мучить.

Судей поразило въ Степанѣ выраженіе совершеннаго спокойствія, съ которымъ онъ разсказывалъ про свой поступокъ и про то, какъ били Ивана Миронова, и какъ онъ прикончилъ его.

Степанъ дѣйствительно не видѣлъ ничего страшнаго въ этомъ убійствѣ. Ему на службѣ пришлось разстрѣливать солдата, и какъ тогда, такъ и при убійствѣ Ивана Миронова онъ не видалъ ничего страшнаго. Убили, такъ убили. Нынче его, завтра меня.

Степана приговорили легко, къ одному году тюрьмы. Одежу мужицкую съ него сняли, положили подъ номеромъ въ цейхгаузъ, а на него надѣли арестантскій халатъ и коты. . . . . .

. . . .

Въ острогѣ посѣщала его жена. Безъ него ей и такъ плохо было, а тутъ еще сгорѣла и совсѣмъ разорилась, стала съ дѣтьми побираться. Бѣдствія жены еще болѣе озлобили Степана. Онъ и въ острогѣ былъ золъ со всѣми и разъ чуть не зарубилъ топоромъ кашевара, за что ему былъ прибавленъ годъ. Въ этотъ годъ онъ узналъ, что жена его померла, и что дома его нѣтъ больше...

Когда Степану вышелъ срокъ, его позвали въ цейхгаузъ, достали съ полочки его одежу, въ которой онъ пришелъ, и дали ему.

— Куда же я пойду теперь,—сказалъ онъ, одѣваясь, каптенармусу.

— Извѣстно, домой.

— Дома нѣтъ. Должно, на дорогу идти надо. Людей грабить.

— А будешь грабить, опять къ намъ попадешь.

— Ну, это какъ придется.

И Степанъ ушелъ. Направился онъ все-таки къ дому. Больше идти некуда было.

Не доходя до дома, зашелъ онъ ночевать въ знакомый постоялый дворъ, съ кабакомъ. Дворъ держалъ толстый владимірскій мѣщанинъ. Онъ зналъ Степана, и зналъ, что попалъ онъ въ острогъ по несчастью. И оставилъ у себя Степана ночевать.

Мѣщанинъ этотъ богатый отбилъ у сосѣдняго мужика жену и жилъ съ ней какъ съ работницей и женой.

Степанъ зналъ все это дѣло, какъ обидѣлъ мѣщанинъ мужика, какъ эта скверная бабенка ушла отъ мужа и теперь разъѣлась и потная сидѣла за чаемъ и изъ милости угостила чаемъ и Степана. Проѣзжихъ никого не было. Степана оставили ночевать на кухнѣ. Матрена убрала все и ушла въ горницу. Степанъ легъ на печку, но спать не могъ и все трещалъ по лучинамъ, которыя сохли на печкѣ. Не выходило у него изъ головы толстое брюхо мѣщанина, торчавшее изъ-подъ пояса ситцевой мытой-перемытой, слинявшей рубахи. Все ему въ голову приходило ножомъ полоснуть это брюхо, сальникъ выпустить. И бабенкѣ тоже. То онъ говорилъ себѣ: «ну, чортъ съ ними, уйду завтра»; то вспоминалъ Ивана Миронова и опять думалъ о брюхѣ мѣщанина и бѣлой, потной глоткѣ Матрены. Ужъ убить, такъ обоихъ. Пропѣлъ второй пѣтухъ. Дѣлать, такъ теперь, а то разсвѣнетъ. Ножъ онъ примѣтилъ съ вечера и топоръ. Онъ сползъ съ печи, взялъ топоръ и ножъ и вышелъ изъ кухни. Какъ разъ онъ вышелъ — и за дверью щелкнула щеколда. Мѣщанинъ вышелъ изъ двери. Онъ сдѣлалъ не такъ, какъ хотѣлъ.

Ножомъ не пришлось, а онъ взмахнулъ топоромъ и разсѣкъ голову. Мѣщанинъ повалился на притолоку и наземь.

Степанъ вошелъ въ горницу. Матрена вскочила и въ одной рубахѣ стояла у кровати. Степанъ тѣмъ же топоромъ убилъ и ее.

Потомъ зажегъ свѣчу, вынулъ деньги изъ конторки и ушелъ.

XVI.

Въ уѣздномъ городѣ, въ отдаленіи отъ другихъ строеній, жилъ въ своемъ домѣ старикъ, бывшій чиновникъ, пьяница, съ двумя дочерьми и зятемъ. Замужняя дочь тоже пила и вела дурную жизнь; старшая же, вдова Марія Семеновна, сморщенная, худая, пятидесятилѣтняя женщина, одна только содержала всѣхъ: у нея была пенсія въ 250 рублей. На эти деньги кормилась вся семья. Работала же въ домѣ только одна Марія Семеновна. Она ходила за слабымъ, пьянымъ старикомъ отцомъ и за ребенкомъ сестры, и готовила и стирала. И, какъ это всегда бываетъ, на нее же наваливали всѣ дѣла, какія нужны были, и ее же всѣ трое и ругали и даже билъ зять въ пьяномъ видѣ. Она все переносила молча и съ кротостью, и, тоже какъ всегда бываетъ, чѣмъ больше у нея было дѣла, тѣмъ больше она успѣвала дѣлать. Она и бѣднымъ помогала, отрѣзывая отъ себя, отдавая свои одежды, и помогала ходить за больными.

Работалъ разъ у Маріи Семеновны хромой, безногій портной деревенскій. Перешивалъ онъ поддевку старику, покрывалъ сукномъ полушубокъ для Маріи Семеновны — зимой на базаръ ходить.

Хромой портной былъ человѣкъ умный и наблюдательный, по своей должности много видавшій разныхъ людей и, вслѣдствіе своей хромоты, всегда сидѣвшій и потому расположенный думать. Проживъ у Маріи Семеновны недѣлю, не могъ надивиться на ея жизнь. Одинъ разъ она пришла къ нему въ кухню, гдѣ онъ шилъ, застирать полотенца и разговорилась съ нимъ объ его житьѣ, какъ братъ его обижалъ и какъ онъ отдѣлился отъ него.

— Думалъ—лучше будетъ, а все то же, нужда.

— Лучше не мѣнять, а какъ живешь, такъ и живи,—сказала Марія Семеновна.

— Да я и то на тебя, Марія Семеновна, дивлюсь, какъ ты все одна да одна во всѣ концы на людей хлопочешь. А отъ нихъ добра, я вижу, мало.

Марія Семеновна ничего не сказала.

— Должно, ты по книгамъ дошла, что награда за это будетъ на томъ свѣтѣ.

— Про это намъ неизвѣстно, — сказала Марія Семеновна,— а только жить такъ лучше.

— А въ книгахъ это есть?

— И въ книгахъ есть,—сказала она и прочла ему нагорную проповѣдь изъ Евангелія. Портной задумался. И, когда разсчитался и пошелъ къ себѣ, все думалъ о томъ, что видѣлъ у Маріи Семеновны и что она сказала и прочла ему.

XVII.

Петръ Николаевичъ измѣнился къ народу, и народъ измѣнился къ нему. Не прошло и года, какъ они срубили двадцать семъ дубовъ и сожгли не застрахованную ригу и гумно. Петръ Николаевичъ рѣшилъ, что жить съ здѣшнимъ народомъ нельзя.

Въ это же время Ливенцовы искали управляющаго на свое имѣніе, и предводитель рекомендовалъ Петра Николаевича, какъ лучшаго хозяина въ уѣздѣ. Имѣніе Ливенцовское, огромное, не давало ничего дохода, и крестьяне пользовались всѣмъ. Петръ Николаевичъ взялся привести все въ порядокъ и, отдавъ свое имѣніе въ аренду, переѣхалъ съ женой въ дальнюю поволжскую губернію.

Петръ Николаевичъ и всегда любилъ порядокъ и законность, а теперь тѣмъ болѣе не могъ допустить того, чтобы этотъ дикій, грубый народъ могъ бы, противно закону, завладѣть не принадлежащей имъ собственностью. Онъ былъ радъ случаю поучить ихъ и строго взялся за дѣло. Одного крестьянина онъ за покражу лѣса засудилъ въ острогъ, другого собственноручно избилъ за то, что тотъ не свернулъ съ дороги и не снялъ шапку. О лугахъ, про которые шелъ споръ и [которые] крестьяне считали своими, Петръ Николаевичъ объявилъ крестьянамъ, что если они выпустятъ на нихъ скотину, то онъ заарестуетъ ее.

Пришла весна, и крестьяне, какъ они дѣлали это въ прежніе года, выпустили скотину на барскіе луга. Петръ Николаевичъ собралъ всѣхъ работниковъ и велѣлъ загнать скотину на барскій дворъ. Мужики были на пахотѣ, и потому работники, несмотря на крики бабъ, загнали скотину. Вернувшись съ работы, мужики, собравшись, пришли на барскій дворъ требовать скотину. Петръ Николаевичъ вышелъ къ нимъ съ ружьемъ за плечами (онъ только что вернулся съ объѣзда), и объявилъ имъ, что скотину онъ отдастъ не иначе, какъ по уплатѣ пятидесяти копеекъ съ рогатой и десяти съ овцы. Мужики стали кричать,

что луга ихніе, что ихъ отцы и дѣды ими владали, и что нѣтъ такихъ правовъ забирать чужую скотину.

— Отдай скотину, не то худо будетъ,—сказалъ одинъ старикъ, наступая на Петра Николаевича.

— Что худо будетъ?—весь блѣдный, подступая къ старику, закричалъ Петръ Николаевичъ.

— Отъ грѣха отдай, шаромыжникъ.

— Что? — крикнулъ Петръ Николаевичъ и ударилъ въ лицо старика.

— Ты драться не смѣешь. Ребята, бери силомъ скотину.

Толпа надвинулась. Петръ Николаевичъ хотѣлъ уйти, но его не пускали. Онъ сталъ пробиваться. Ружье выстрѣлило и убило одного изъ крестьянъ. Сдѣлалась крупная свалка. Петра Николаевича смяли. И черезъ пять минутъ изуродованное тѣло его стащили въ оврагъ.

Надъ убійцами назначили военный судъ, и двоихъ приговорили къ повѣшенію.

XVIII.

Въ селѣ, изъ котораго былъ портной, пять богатыхъ крестьянъ снимали у помѣщика за 1.100 рублей 105 десятинъ пахотной, черной, какъ деготь, жирной земли и раздавали ее мужичкамъ же, кому по 18, кому по 15 рублей. Ни одна земля не шла ниже 12. Такъ что барышъ былъ хорошій. Сами покупщики брали себѣ по пяти десятинъ, и земля эта приходилась имъ даромъ. Умеръ у этихъ мужиковъ товарищъ, и предложили они хромому портному идти къ нимъ въ товарищи.

Когда стали наемщики дѣлить землю, портной не сталъ пить водку, и когда рѣчь зашла о томъ, кому сколько земли дать, портной сказалъ, что обложить всѣхъ надо поровну, что не надо брать лишняго съ наемщиковъ, а сколько придется.

— Какъ такъ?

— Да али мы нехристи. Вѣдь это хорошо господамъ, а мы христіане. По Божьему надо. Такой законъ Христовъ.

— Гдѣ же законъ такой?

— А въ книгѣ. Въ Евангеліи. Вотъ приходи воскресенье, я почитаю и потолкуемъ.

И [въ] воскресенье пришли не всѣ, но трое къ портному, и сталъ онъ имъ читать.

Прочелъ пять главъ Матѳея, стали толковать. Всѣ слушали, но принялъ только одинъ Иванъ Чуевъ? И такъ принялъ, что сталъ во всемъ жить по-Божьему. И въ семьѣ его такъ

жить стали. Отъ земли лишней отказался, только свою долю взялъ.

И стали къ портному и къ Ивану ходить, и стали понимать, и поняли, и бросили курить, пить, ругаться скверными словами, стали другъ другу помогать. . . . .
И стало такихъ дворовъ семнадцать. Всѣхъ шестьдесятъ пять душъ. И испугался священникъ и донесъ архіерею. Архіерей подумалъ, какъ быть, и рѣшилъ послать въ село архимандрита Мисаила, бывшаго законоучителемъ въ гимназіи.

XIX.

Архіерей посадилъ Мисаила съ собою и сталъ говорить о томъ, какія новости проявились въ его епархіи.

— Все отъ слабости духовной и отъ невѣжества. Ты человѣкъ ученый, я на тебя надѣюсь. Поѣзжай, созови и при народѣ разъясни.

— Если владыка благословитъ, буду стараться, — сказалъ отецъ Мисаилъ. Онъ былъ радъ этому порученію. Все, гдѣ онъ могъ показать, что онъ вѣритъ, радовало его. А обращая другихъ, онъ сильнѣе всего убѣждалъ себя, что онъ вѣритъ.

— Постарайся, очень я страдаю за свою паству, — сказалъ архіерей, неторопливо принимая бѣлыми, пухлыми руками стаканъ чаю, который подавалъ ему служка.

— Что же одно варенье, принеси другого, — обратился онъ къ служкѣ. — Очень, очень мнѣ больно, — продолжалъ онъ рѣчь къ Мисаилу.

Мисаилъ былъ радъ себя заявить. Но, какъ человѣкъ небогатый, попросилъ денегъ на расходы поѣздки и, опасаясь противодѣйствія грубаго народа, попросилъ еще распоряженія губернатора о томъ, чтобы мѣстная полиція, въ случаѣ надобности, оказывала ему содѣйствіе.

Архіерей все устроилъ ему, и Мисаилъ, собравши съ помощью своего служки и кухарки, погребецъ и провизію, которою нужно было запастись, отправляясь въ глухое мѣсто, поѣхалъ къ мѣсту назначенія. Отправляясь въ эту командировку, Мисаилъ испытывалъ пріятное чувство сознанія важности своего служенія и притомъ прекращенія всякихъ сомнѣній въ своей вѣрѣ, а, напротивъ, совершенную увѣренность въ истинности ея.

Мысли его были направлены не на сущность вѣры — она признавалась аксіомой,—а на опроверженіе тѣхъ возраженій, которыя дѣлались по отношенію ея внѣшнихъ формъ.

XX.

Священникъ села и попадья приняли Мисаила съ большимъ почетомъ и на другой день его пріѣзда собрали народъ въ церкви. Мисаилъ въ новой шелковой рясѣ, съ крестомъ наперснымъ и расчесанными волосами, вошелъ на амвонъ, рядомъ съ нимъ сталъ священникъ, поодаль дьячки, пѣвчіе, а у боковыхъ дверей полицейскіе. Пришли и сектанты, въ засаленныхъ, корявыхъ полушубкахъ.

Послѣ молебна Мисаилъ прочелъ проповѣдь, увѣщавая отпадшихъ вернуться въ лоно матери церкви, угрожая муками ада и обѣщая полное прощеніе покаявшимся.

Сектанты молчали. Когда ихъ стали спрашивать, они отвѣчали,

. . . .

. . . .

. . . .

Чуева судили, и за совращеніе и за богохульство приговорили къ ссылкѣ.

Отцу же Мисаилу дали награду.

XXI.

Два года тому назадъ изъ земли Войска Донского пріѣхала въ Петербургъ на курсы здоровая, восточнаго типа, красивая дѣвушка Турчанинова. Дѣвушка эта встрѣтилась въ Петербургѣ съ студентомъ Тюринымъ, сыномъ земскаго начальника Симбирской губерніи, и полюбила его, но полюбила она не обыкновенной женской любовью съ желаніемъ стать его женою и матерью его дѣтей, а товарищеской любовью, питавшейся преимущественно одинаковымъ возмущеніемъ и ненавистью не только къ существующему строю, но и къ людямъ, бывшимъ его представителями, и [сознаніемъ] своего умственнаго образовательнаго и нравственнаго превосходства надъ ними.

Она была способна учиться и легко запоминала лекціи и сдавала экзамены и, кромѣ того, поглощала новѣйшія книги въ огромномъ количествѣ. Она была увѣрена, что призваніе ея не въ томъ, чтобы рожать и воспитывать дѣтей,—она даже съ гадливостью и презрѣніемъ смотрѣла на такое призваніе, — а въ томъ, чтобы разрушить существующій строй, сковывающій лучшія силы народа, и указать людямъ тотъ новый путь жизни, который ей указывался европейскими новѣйшими писателями. Полная, бѣлая, румяная, красивая, съ блестящими черными глазами и большой черной косой, она вызывала въ мужчинахъ чув-

ства, которыхъ она не хотѣла, да и не могла раздѣлять, — такъ она была вся поглощена своей агитаціонной, разговорной дѣятельностью. Но ей все-таки было пріятно, что она вызывала эти чувства, и потому она хоть и не наряжалась, не пренебрегала своей наружностью. Ей пріятно было, что она нравится, а на дѣлѣ можетъ показать, какъ она презираетъ то, что такъ цѣнится другими женщинами. Въ своихъ взглядахъ на средства борьбы съ существующимъ порядкомъ [она] шла дальше большинства своихъ товарищей и своего друга Тюрина и допускала, что въ борьбѣ хороши и могутъ быть употребляемы всѣ средства, до убійства включительно. А между тѣмъ эта самая революціонерка Катя Турчанинова была въ душѣ очень добрая и самоотверженная женщина, всегда непосредственно предпочитавшая чужую выгоду, удовольствіе, благосостояніе своей выгодѣ, удовольствію, благосостоянію и всегда истинно радовавшаяся возможности дѣлать кому-нибудь—ребенку, старику, животному—пріятное.

Лѣто Турчанинова проводила въ приволжскомъ уѣздномъ городѣ, у товарки своей, сельской учительницы. Въ этомъ же уѣздѣ у отца жилъ и Тюринъ. Всѣ трое, вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ, часто видались, обмѣнивались книгами, спорили и возмущались. Имѣніе Тюриныхъ было рядомъ съ тѣмъ имѣніемъ Ливенцовыхъ, куда управляющимъ поступилъ Петръ Николаевичъ. Какъ скоро пріѣхалъ Петръ Николаевичъ и взялся за порядки, молодой Тюринъ, видя въ ливенцовскихъ крестьянахъ самостоятельный духъ и твердое намѣреніе отстаивать свои права, заинтересовался ими и часто ходилъ въ село и разговаривалъ съ крестьянами, развивая среди нихъ теорію соціализма вообще и въ частности національзаціи земли.

Когда случилось убійство Петра Николаевича, и наѣхалъ судъ, кружокъ революціонеровъ уѣзднаго города имѣлъ сильный поводъ для возмущенія судомъ и смѣло высказывался. То, что Тюринъ ходилъ въ село и говорилъ съ крестьянами, было выяснено на судѣ. У Тюрина сдѣлали обыскъ, нашли нѣсколько революціонныхъ брошюръ, и студента арестовали и свезли въ Петербургъ.

Турчанинова уѣхала за нимъ и пошла въ тюрьму для свиданія, но ее не пустили въ обыкновенный день, а допустили только въ день общихъ свиданій, и она видѣлась съ Тюринымъ черезъ двѣ рѣшетки. Свиданіе это еще усилило ея возмущеніе. Довело же до крайняго предѣла ея возмущеніе ея объясненіе съ красавцемъ жандармскимъ офицеромъ, который, очевидно, готовъ былъ на снисхожденіе въ случаѣ ея принятія его

предложеній. Это довело ее до послѣдней степени негодованія и злобы противъ всѣхъ начальствующихъ лицъ. Она пошла къ начальнику полиціи. Начальникъ полиціи сказалъ ей то же, что говорилъ и жандармскій, что они ничего не могутъ, что на это есть распоряженіе министра. Она подала докладную записку министру, прося свиданія: ей отказали. Тогда она рѣшилась на отчаянный поступокъ и купила револьверъ.

XXII.

Министръ принималъ въ свой обыкновенный часъ. Онъ обошелъ трехъ просителей и подошелъ къ черноглазой, красивой, молодой женщинѣ въ черномъ, стоявшей съ бумагой въ лѣвой рукѣ. Ласково-похотливый огонекъ загорѣлся въ глазахъ министра при видѣ красивой просительницы, но, вспомнивъ свое положеніе, министръ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Что вамъ угодно,—сказалъ онъ, подойдя къ ней.

Она, не отвѣчая, быстро вынула изъ-подъ пелеринки руку съ револьверомъ и, уставивъ его въ грудь министра, выстрѣлила, но промахнулась.

Министръ хотѣлъ схватить ея руку, она отшатнулась и выстрѣлила другой разъ. Министръ бросился бѣжать. Ее схватили. Она дрожала и не могла говорить. И вдругъ расхохоталась истерически. Министръ не былъ даже раненъ.

Это была Турчанинова. Ее посадили въ домъ предварительнаго заключенія. Министръ же, получивъ поздравленія и соболѣзнованія отъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ и даже самого государя, назначилъ комиссію [для] изслѣдованія того заговора, послѣдствіемъ котораго было это покушеніе.

Заговора, разумѣется, никакого не было, но чины тайной и явной полиціи принялись за разыскиваніе всѣхъ нитей несуществовавшаго заговора и добросовѣстно заслуживали свое жалованье и содержаніе: вставая рано утромъ, въ темнотѣ, дѣлали обыскъ за обыскомъ, переписывали бумаги, книги, читали дневники, частныя письма, дѣлали изъ нихъ на прекрасной бумагѣ прекраснымъ почеркомъ экстракты и много разъ допрашивали Турчанинову и дѣлали ей очныя ставки, желая вывѣдать у нея имена ея сообщниковъ.

Министръ былъ по душѣ добрый человѣкъ и очень жалѣлъ эту здоровую, красивую казачку, но онъ говорилъ себѣ, что на немъ лежатъ тяжелыя государственныя обязанности, которыя онъ исполняетъ, какъ онѣ ни труды ему. И когда его бывшій товарищъ, камергеръ, знакомый Тюриныхъ, встрѣтился съ нимъ

на придворномъ балѣ и сталъ просить его за Тюрина и Турчанинову, министръ пожалъ плечами, такъ что сморщилась красная лента на бѣломъ жилетѣ, и сказалъ:

— Je ne demanderais pas mieux que de lâcher cette pauvre fillette, mais vous savez — le devoir [1]). . . . .

А Турчанинова между тѣмъ сидѣла въ домѣ предварительнаго заключенія и иногда спокойно перестукивалась съ товарищами и читала книги, которыя ей давали, иногда же вдругъ впадала въ отчаяніе и бѣшенство, билась о стѣны, визжала и хохотала.

XXIII.

Получила разъ Марія Семеновна въ казначействѣ свою пенсію и, возвращаясь назадъ, встрѣтила знакомаго учителя.

— Что, Марія Семеновна, казну получили? — прокричалъ онъ ей съ другой стороны улицы.

— Получила, — отвѣтила Марія Семеновна, — только дыры заткнуть.

— Ну, денегъ много, и дыры заткнете, останется, — сказалъ учитель и, прощаясь, прошелъ.

— Прощайте, — сказала Марія Семеновна, и, глядя на учителя, совсѣмъ столкнулась съ высокимъ человѣкомъ съ очень длинными руками и строгимъ лицомъ.

Но, подходя къ дому, она удивилась, увидавъ опять этого же длиннорукаго человѣка. Увидавъ, какъ она вошла въ домъ, онъ постоялъ, повернулся и ушелъ.

Маріи Семеновнѣ стало сначала жутко, потомъ грустно. Но, когда она вошла въ домъ и раздала гостинцы и старику и маленькому золотушному племяннику Ѳедѣ и приласкала визжавшую отъ радости Трезорку, ей опять стало хорошо, и она, отдавъ деньги отцу, взялась за работу, которая никогда не переводилась у нея.

Человѣкъ, съ которымъ она столкнулась, былъ Степанъ.

Изъ постоялаго двора, гдѣ Степанъ убилъ дворника, онъ не пошелъ въ городъ. И, удивительное дѣло, воспоминаніе объ убійствѣ дворника, не только не было ему непріятно, но онъ по нѣскольку разъ въ день вспоминалъ его. Ему было пріятно думать, что онъ можетъ сдѣлать это такъ чисто и ловко, что никто не узнаетъ и не помѣшаетъ дѣлать это и дальше и надъ другими. Сидя въ трактирѣ за чаемъ и водкой, онъ приглядывался къ людямъ все съ той же стороны: какъ можно убить ихъ.

---

[1]) Я очень радъ былъ бы отпустить эту бѣдную дѣвочку, но вы знаете—долгъ.

Ночевать онъ зашелъ къ земляку, ломовому извозчику. Извозчика дома не было. Онъ сказалъ, что подождетъ, и сидѣлъ, разговаривая съ бабой. Потомъ, когда она повернулась къ печи, ему пришло въ голову убить ее. Онъ удивился, покачалъ на себя головой, потомъ досталъ изъ голенища ножъ и, поваливъ ее, перерѣзалъ ей горло. Дѣти стали кричать, онъ убилъ и ихъ и ушелъ, не ночуя, изъ города. За городомъ, въ деревнѣ, онъ вошелъ въ трактиръ и тамъ выспался.

На другой день онъ пришелъ опять въ уѣздный городъ и на улицѣ слышалъ разговоръ Маріи Семеновны съ учителемъ. Ея взглядъ испугалъ его, но все-таки онъ рѣшилъ забраться въ ея домъ и взять тѣ деньги, которыя она получила. Ночью онъ взломалъ замокъ и вошелъ въ горницу. Первая услыхала его меньшая, замужняя дочь. Она закричала. Степанъ тотчасъ же зарѣзалъ ее. Зять проснулся и сцѣпился съ нимъ. Онъ ухватилъ Степана за горло и долго боролся съ нимъ, но Степанъ былъ сильнѣе. И, покончивъ съ зятемъ, Степанъ взволнованный, возбужденный борьбой, пошелъ за перегородку. За перегородкой лежала въ постели Марія Семеновна и, поднявшись, смотрѣла на Степана испуганными, кроткими глазами и крестилась. Взглядъ ея опять испугалъ Степана. Онъ опустилъ глаза.

— Гдѣ деньги? — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Она молчала.

— Гдѣ деньги? — сказалъ Степанъ, показывая ножъ.

— Что ты, развѣ можно? — сказала она.

— Стало быть, можно.

Степанъ подошелъ къ ней, готовясь ухватить ее за руки, чтобы она не мѣшала ему, но она не подняла рукъ, не противилась и только прижала ихъ къ груди и тяжело вздохнула и повторила:

— Охъ, великій грѣхъ. Что ты, пожалѣй себя. Чужія души, а пуще свою губишь. О-охъ! — вскрикнула она.

Степанъ не могъ больше переносить ея голоса и взгляда и полоснулъ ее ножомъ по горлу. — «Разговаривать съ вами».— Она опустилась на подушку и захрипѣла, обливая подушку кровью. Онъ отвернулся и пошелъ по горницамъ, собирая вещи. Обобравъ, что нужно было, Степанъ закурилъ папироску, посидѣлъ, почистилъ свою одежу и вышелъ. Онъ думалъ, что и это убійство сойдетъ ему, какъ прежнія, но, не дойдя до ночлега, вдругъ почувствовалъ такую усталость, что не могъ двинуть ни однимъ членомъ. Онъ легъ въ канаву и пролежалъ въ ней остатокъ ночи, весь день и слѣдующую ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Лежа въ канавѣ, Степанъ не переставая видѣлъ передъ собою кроткое, худое, испуганное лицо Маріи Семеновны и слышалъ ея голосъ. «Развѣ можно», говорилъ ея особенный шепелявящій голосъ. И Степанъ опять переживалъ все то, что онъ сдѣлалъ съ ней. И ему становилось страшно, и онъ закрывалъ глаза и моталъ своей волосатой головой, чтобы вытряхнуть изъ нея эти мысли и воспоминанія. И на минутку онъ освобождался отъ воспоминаній, но на мѣсто ихъ являлся ему сначала одинъ, другой черный, и за другимъ шли еще другіе черные съ красными глазами, и дѣлали рожи, и всѣ говорили одно: «съ ней покончилъ—и себя покончи, а то не дадимъ покоя». Онъ открывалъ глаза и опять видѣлъ ее и слышалъ ея голосъ, и ему становилось жалко ее и гадко и страшно на себя. И онъ опять закрывалъ глаза, и опять черные.

Къ вечеру другого дня онъ поднялся и пошелъ въ кабакъ. Насилу добрелъ до кабака и сталъ пить. Но сколько ни пилъ, хмель не бралъ его. Онъ молча сидѣлъ за столомъ и пилъ стаканъ за стаканомъ. Въ кабакъ пришелъ урядникъ.

— Ты чей будешь? — спросилъ его урядникъ.

— А тотъ самый, я вчерась у Добротворова всѣхъ перерѣзалъ.

Его связали и, продержавъ день при становой квартирѣ, отправили въ губернскій городъ. Смотритель тюрьмы, узнавъ въ немъ прежняго своего арестанта, буяна и теперь великаго злодѣя, строго принялъ его.

— Смотри у меня не шалить,—нахмуривъ брови и выставивъ нижнюю челюсть, прохрипѣлъ смотритель.—Если только замѣчу что—запорю. Отъ меня не убѣжишь.

— Что мнѣ бѣгать,—отвѣчалъ Степанъ, опустивъ глаза,—я самъ въ руки отдался.

— Ну, со мной не разговаривать. А когда начальство говоритъ, смотри въ глаза, — крикнулъ смотритель и ударилъ его кулакомъ подъ челюсть.

Степану въ это время опять представилась она и слышался ея голосъ. Онъ не слыхалъ того, что говорилъ ему смотритель.

— Чаво? — спросилъ онъ, опомнившись, когда почувствовалъ ударъ по лицу.

— Ну, ну, маршъ, нечего прикидываться.

Смотритель ждалъ буйства, переговоровъ съ другими арестантами, попытокъ къ бѣгству. Но ничего этого не было. Когда ни заглядывалъ въ дырку его двери вахтеръ или самъ смотритель, Степанъ сидѣлъ на набитомъ соломой мѣшкѣ, подперевъ голову руками, и все что-то шепталъ про себя. На допросахъ слѣдователя онъ тоже былъ не похожъ на другихъ арестантовъ: онъ былъ разсѣянъ, не слушалъ вопросовъ, когда же понималъ ихъ, то былъ такъ правдивъ, что слѣдователь, привыкшій къ тому, чтобы бороться ловкостью и хитростью съ подсудимыми, здѣсь испытывалъ чувство, подобное тому, которое испытываешь, когда поднимаешь ногу на ступень, которой нѣтъ. Степанъ разсказывалъ про всѣ свои убійства, нахмуривъ брови и устремивъ глаза въ одну точку, самымъ простымъ, дѣловитымъ тономъ, стараясь вспомнить всѣ подробности: «вышелъ онъ, — разсказывалъ Степанъ про первое убійство,—босой, сталъ въ дверяхъ, я его, значитъ, долбанулъ разъ, онъ и захрипѣлъ, я тогда сейчасъ взялся за бабу» и т. п. При обходѣ прокуроромъ камеръ острога у Степана спросили, не имѣетъ ли онъ жалобъ и не нужно ли чего, и онъ отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, и что его не обижаютъ. Прокуроръ, пройдя нѣсколько шаговъ по вонючему коридору, остановился и спросилъ у сопутствующаго ему смотрителя, какъ себя ведетъ этотъ арестантъ.

— Не надивлюсь на него, — отвѣчалъ смотритель, довольный тѣмъ, что Степанъ похвалилъ обращеніе съ нимъ. — Второй мѣсяцъ онъ у насъ и примѣрнаго поведенія. Только боюсь, не задумываетъ ли чего. Человѣкъ отважный и силы непомѣрной.

II.

Первый мѣсяцъ тюрьмы Степанъ не переставая мучился все тѣмъ же; онъ видѣлъ сѣрую стѣну своей камеры, слышалъ звуки острога, гулъ подъ собой въ общей камерѣ, шаги часового по коридору, стукъ часовъ и вмѣстѣ съ [тѣмъ] видѣлъ ее съ ея кроткимъ взглядомъ, который побѣдилъ его еще при встрѣчѣ на улицѣ, и худой, морщинистой шеей, которую онъ перерѣзалъ, и слышалъ ея умильный, жалостный, шепелявый голосъ: «Чужія души и свою губишь. Развѣ это можно?» Потомъ голосъ затихалъ, и являлись черные. И являлись все равно, закрыты или открыты были глаза. При закрытыхъ глазахъ они являлись явственнѣе. Когда Степанъ открывалъ глаза, онѣ смѣшивались съ дверями, стѣнами и понемногу пропадали, но потомъ опять выступали и шли съ трехъ сторонъ, дѣлая рожи и

приговаривая: «покончи, покончи. Петлю можно сдѣлать, зажечь можно». И тутъ Степана прохватывала дрожь, и онъ начиналъ читать молитвы, какія зналъ: Богородицу, Вотче, и сначала какъ будто помогало. Читая молитвы, онъ начиналъ вспоминать свою жизнь: вспоминалъ отца, мать, деревню, Волчка собаку, дѣда на печкѣ, скамейки, на которыхъ катался съ ребятами, потомъ вспоминалъ дѣвокъ съ ихъ пѣснями, потомъ лошадей, какъ ихъ увели и какъ поймали конокрада, какъ онъ камнемъ добилъ его. И вспоминался первый острогъ, и какъ онъ вышелъ, и вспоминалъ толстаго дворника, жену извозчика, дѣтей и потомъ опять вспоминалъ ее. И ему становилось жутко, и онъ, спустивъ съ плечъ халатъ, вскакивалъ съ наръ и начиналъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, скорыми шагами ходить взадъ и впередъ по короткой камерѣ, быстро поворачиваясь у запотѣлыхъ сырыхъ стѣнъ. И онъ опять читалъ молитвы, но молитвы уже не помогали.

Въ одинъ изъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ, когда въ трубахъ свистѣлъ и гудѣлъ вѣтеръ, онъ набѣгавшись по камерѣ, сѣлъ на койку и почувствовалъ, что бороться больше нельзя, что черные одолѣли, и онъ покорился имъ. Онъ давно уже пригладывался къ отдушнику печи. Если обхватить его тонкими бечевками или тонкими лентами полотна, то не соскользнетъ. Но надо было это умно устроить. И онъ взялся за дѣло и два дня готовилъ полотняныя ленты изъ мѣшка, на которомъ спалъ (когда входилъ вахтеръ, онъ накрывалъ койку халатомъ). Ленты онъ связывалъ узлами и дѣлалъ ихъ двойными, чтобы онѣ не оборвались, а сдержали тѣло. Пока онъ готовилъ все это, онъ не мучился. Когда все было готово, онъ сдѣлалъ мертвую петлю, надѣлъ ее на шею, взлѣзъ на кровать и повѣсился. Но только что сталъ высовываться у него языкъ, какъ ленты оборвались, и онъ упалъ. На шумъ вошелъ вахтеръ. Позвали фельдшера и свели его въ больницу. На другой день онъ совсѣмъ оправился, и его взяли изъ больницы, и помѣстили уже не въ отдѣльную, а въ общую камеру.

Въ общей камерѣ онъ жилъ среди двадцати человѣкъ, какъ будто былъ одинъ, никого не видѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и все такъ же мучился. Особенно тяжело ему было, когда всѣ спали, а онъ не спалъ и попрежнему видѣлъ ее, слышалъ ея голосъ, потомъ опять являлись черные съ своими страшными глазами и дразнили его.

Опять, какъ прежде, онъ читалъ молитвы и, какъ прежде, онѣ не помогали.

Одинъ разъ, когда, послѣ молитвы, она опять явилась ему, онъ сталъ молиться ей, ея душенькѣ, о томъ, чтобы она отпу-

стила, простила его. И когда онъ къ утру повалился на примятый мѣшокъ, онъ крѣпко заснулъ, и во снѣ она, съ своей худой, сморщенной, перерѣзанной шеей пришла къ нему.

— Что жъ, простишь?

Она посмотрѣла на него кроткими глазами и ничего не сказала.

— Простишь?

И такъ до трехъ разъ онъ спросилъ ее. Но она все-таки ничего не сказала, и онъ проснулся. Съ тѣхъ поръ ему легче стало, и онъ какъ бы очнулся, оглянулся вокругъ себя и въ первый разъ сталъ сближаться и говорить съ своими товарищами по камерѣ.

III.

Въ одной камерѣ съ Степаномъ сидѣлъ Василій, опять попавшійся въ воровствѣ и приговоренный къ ссылкѣ, и Чуевъ, тоже приговоренный на поселеніе. Василій все время или пѣлъ пѣсни своимъ прекраснымъ голосомъ, или разсказывалъ товарищамъ свои похожденія. Чуевъ же или работалъ, что-нибудь шилъ изъ платья или бѣлья, или читалъ Евангеліе и Псалтырь.

На вопросъ Степана о томъ, за что его ссылали, Чуевъ объяснилъ ему . . . .
Когда же Степанъ спросилъ Чуева въ чемъ евангельскій законъ, Чуевъ разъяснилъ ему. . . . .
И разсказалъ, какъ онъ эту настоящую вѣру отъ безногаго портного узналъ на дѣлежкѣ земли.

— Ну, а за дурныя дѣла что будетъ? — спросилъ Степанъ.

— Все сказано.

И Чуевъ прочелъ ему.

«Когда же пріидетъ сынъ Человѣческій во славѣ своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ Славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, и поставитъ овецъ по правую сторону Свою, а козловъ — по лѣвую. Тогда скажетъ царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: «Пріидите, благословенные Отца моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня, былъ нагъ, и вы одѣли Меня, былъ боленъ и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ». Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: «Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили, или жаждущимъ и напоили? когда мы видѣли Тебя странникомъ и приняли, или

нагимъ и одѣли, когда мы видѣли Тебя больнымъ или въ темницѣ и пришли къ Тебѣ?» И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: «Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: «Идите отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и ангеламъ его: ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня». Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: «Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ?» Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: «Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ». И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники—въ жизнь вѣчную» (Матѳ. XXV, 31—46).

Василій, присѣвшій на полу противъ Чуева и слушавшій чтеніе, одобрительно кивнулъ своей красивой головой.

— Вѣрно,—рѣшительно проговорилъ онъ,—идите, молъ, проклятые, въ муку вѣчную, никого не кормили, а сами жрали. Такъ имъ и надо. Ну-ка, дай, я почитаю,—прибавилъ онъ, желая похвастаться своимъ чтеніемъ.

— Ну, а прощенія развѣ не будетъ?—спросилъ Степанъ, молча опустивъ свою мохнатую голову, слушавшій чтеніе.

— Погоди, помолчи,—сказалъ Чуевъ Василію, который все приговаривалъ о томъ, какъ богатые ни странника не накормили, ни въ темницѣ не посѣтили. — Погоди, что ль, — повторилъ Чуевъ, перелистывая Евангеліе. Найдя то, что искалъ, Чуевъ расправилъ большой, побѣлѣвшей въ острогѣ, сильной рукой листы.

«И вели съ Нимъ, съ Христомъ, значитъ,—началъ Чуевъ,— на смерть и двухъ злодѣевъ. И, когда пришли на мѣсто, называемое лобное, тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону.

«Іисусъ же говорилъ: «Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ»... И стоялъ народъ и смотрѣлъ. Насмѣхались же вмѣстѣ съ ними и начальники, говоря: «Другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя Самого, если Онъ Христосъ, избранникъ Божій». Такъ же и воины ругались надъ нимъ, подходя и поднося Ему уксусъ и говоря: «Если Ты царь іудейскій, спаси Себя Самого». И была надъ Нимъ надпись, надписанная словами греческими, римскими и еврейскими: «Сей есть царь іудейскій». Одинъ изъ повѣшенныхъ злодѣевъ злословилъ Его и говорилъ: «Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ». Другой же, напротивъ, унималъ

его и говорилъ: «Или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ». И сказалъ Іисусу: «Помяни меня, Господи, когда пріидешь во царствіе Твое». И сказалъ ему Іисусъ: «Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со мной въ раю» (Луки, XXIII, 32—43).

Степанъ ничего не сказалъ и сидѣлъ задумавшись, какъ будто слушая, но онъ ничего уже не слыхалъ изъ того, что дальше читалъ Чуевъ.

«Такъ вотъ она въ чемъ, истинная вѣра,—думалъ онъ.—Спасутся только тѣ, кто кормилъ, поилъ бѣдныхъ, посѣщалъ заключенныхъ, а въ адъ пойдутъ, кто не дѣлалъ этого. А все-таки разбойникъ только на крестѣ покаялся, а и то пошелъ въ рай». Онъ не видѣлъ тутъ никакого противорѣчія, а, напротивъ, одно подтверждало другое: что милостивые пойдутъ въ рай, а немилостивые въ адъ, значило то, что всѣмъ надо быть милостивыми, а что разбойника Христосъ простилъ, значитъ, что и Христосъ былъ милостивъ. Все это было совершенно ново для Степана, онъ только удивлялся, зачѣмъ это до сихъ поръ было скрыто отъ него. И онъ все свободное время проводилъ съ Чуевымъ, спрашивая и слушая. И слушая, онъ понималъ. Ему открылся общій смыслъ всего ученія въ томъ, что люди—братья, и что имъ надо любить и жалѣть другъ друга, и тогда всѣмъ хорошо будетъ. И когда онъ слушалъ, то воспринималъ, какъ что-то забытое и знакомое, все, что подтверждало общій смыслъ этого ученія, и пропускалъ мимо ушей то, что не подтверждало его, приписывая это своему непониманію.

И съ этого времени Степанъ сталъ другимъ человѣкомъ.

IV.

Степанъ Пелагеюшкинъ и прежде былъ смиренъ, но въ послѣднее время онъ поражалъ и смотрителя, и вахтеровъ, и товарищей происшедшей въ немъ перемѣной. Онъ безъ приказанія, внѣ очереди, совершалъ всѣ самыя тяжелыя работы, въ томъ числѣ и очищеніе параши. Но, несмотря на эту свою покорность, сотоварищи уважали и боялись его, зная его твердость и большую физическую силу, особенно послѣ случая съ двумя бродягами, которые напали на него, но отъ которыхъ онъ отбился, сломавъ одному изъ нихъ руку. Бродяги эти взялись обыгрывать молодого, богатенькаго арестанта и отобрали у него все, что у него было. Степанъ вступился за него и отнялъ у нихъ выигранныя деньги. Бродяги стали его ругать, потомъ бить,

но онъ осилилъ ихъ обоихъ. Когда же смотритель дознавался, въ чемъ ссора, бродяги объявили, что Пелагеюшкинъ сталъ бить ихъ. Степанъ не оправдывался и покорно принялъ наказаніе, состоящее въ трехдневномъ карцерѣ и въ перемѣщеніи въ одиночную камеру.

Одиночная камера была для него тяжела тѣмъ, что разлучала его съ Чуевымъ и Евангеліемъ, и, кромѣ того, онъ боялся, что возвратятся опять видѣнія ея и черныхъ. Но видѣній не было. Вся душа его была полна новымъ, радостнымъ содержаніемъ. Онъ былъ бы радъ своему уединенію, если бы онъ могъ читать и у него было бы Евангеліе. Евангеліе дали бы ему, но читать онъ не могъ.

Мальчикомъ онъ началъ учиться грамотѣ по-старинному: азъ, буки, вѣди, но не пошелъ по непонятливости дальше азбуки и никакъ не могъ тогда понять складовъ, и такъ и остался безграмотнымъ. Теперь же онъ рѣшилъ выучиться и попросилъ у вахтера Евангеліе. Вахтеръ принесъ ему, и онъ взялся за работу. Буквы онъ узнавалъ, но сложить ничего не могъ. Сколько онъ ни бился, чтобы понять, какъ изъ буквъ складываются слова, ничего не выходило. Онъ ночи не спалъ, все думалъ, ѣсть не хотѣлось, и отъ тоски на него такая вошь [напала], что онъ не могъ отгрестись отъ нея.

— Что же, все не дошелъ? — спросилъ его разъ вахтеръ.

— Нѣтъ.

— Да ты Отче знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, ну, вотъ читай ее, вотъ она, — и вахтеръ показалъ ему «Отче нашъ» въ Евангеліи.

Степанъ сталъ читать Отче, сличая знакомыя буквы съ знакомыми звуками. И вдругъ ему открылась тайна сложенія буквъ, и онъ сталъ читать. Это была большая радость. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ читать, и выдѣлявшійся понемногу смыслъ изъ трудно составляемыхъ словъ получалъ еще большее значеніе.

Одиночество теперь уже не тяготило, но радовало Степана. Онъ былъ весь полонъ своимъ дѣломъ и не обрадовался, когда его для того, чтобы освободить камеры для вновь прибывшихъ политическихъ, перевели опять въ общую камеру.

V.

Теперь уже не Чуевъ, а Степанъ часто въ камерѣ читалъ Евангеліе, и одни арестанты пѣли похабныя пѣсьи, другіе слушали его чтеніе и его разговоры о прочитанномъ. Такъ слушали

его молча и внимательно всегда двое: каторжникъ, убійца, палачъ Махоркинъ и Василій, который опять попался въ воровствѣ и, ожидая суда, сидѣлъ въ томъ же острогѣ. Махоркинъ два раза во время своего содержанія въ тюрьмѣ исполнялъ свои обязанности, оба раза въ отъѣздѣ, такъ какъ не находилось людей, которые бы исполняли то, что присуживали судьи. Крестьяне, убившіе Петра Николаевича, были судимы военнымъ судомъ, и два изъ нихъ были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Махоркина потребовали въ Симбирскъ для исполненія его обязанности. Въ прежнее время онъ въ этихъ случаяхъ тотчасъ же писалъ — онъ былъ хорошо грамотенъ — бумагу губернатору, въ которой объяснялъ, что онъ командированъ для исполненія своихъ обязанностей въ Симбирскъ и потому просилъ начальника губерніи о назначеніи ему причитающихся суточныхъ кормовыхъ денегъ; теперь же онъ, къ удивленію начальника тюрьмы, объявилъ, что онъ не поѣдетъ и не будетъ исполнять больше обязанности палача.

— А плети забылъ? — крикнулъ начальникъ тюрьмы.

— Что же, плети, такъ плети, а убивать закона нѣтъ.

— Что же это ты, отъ Пелагеюшкина набрался? Нашелся пророкъ острожный. Погоди же ты!

VI.

Между тѣмъ Махинъ, тотъ гимназистъ, который научилъ поддѣлать купонъ, кончилъ гимназію и курсъ въ университетѣ по юридическому факультету. Благодаря его успѣху у женщинъ, у бывшей любовницы старика товарища министра, его совсѣмъ молодымъ назначили судебнымъ слѣдователемъ. Онъ былъ нечестный человѣкъ въ долгахъ, соблазнитель женщинъ, картежникъ, но онъ былъ ловкій, смѣтливый, памятливый человѣкъ и умѣлъ хорошо вести дѣла. Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ въ томъ округѣ, гдѣ судился Степанъ Пелагеюшкинъ. Еще на первомъ допросѣ Степанъ удивилъ его своими отвѣтами простыми, правдивыми и спокойными. Махинъ безсознательно чувствовалъ, что этотъ стоящій передъ нимъ человѣкъ въ кандалахъ и съ бритой головой, котораго привели и караулятъ и отведутъ подъ замокъ два солдата, — что это человѣкъ вполнѣ свободный, нравственно недосягаемо высоко стоящій надъ нимъ. И потому, допрашивая его, онъ безпрестанно подбадривалъ себя и подстегивалъ, чтобы не смущаться и не путаться. Поражало его то, что Степанъ говорилъ про свои дѣла, какъ про что-то

давно прошедшее, совершонное не имъ, а какимъ-то другимъ человѣкомъ.

— И тебѣ не жалко было ихъ? — спрашивалъ Махинъ.

— Не жалко, я не понималъ тогда.

— Ну, а теперь?

Степанъ грустно улыбнулся.

— Теперь на огнѣ меня жги, того бы не сдѣлалъ.

— Отчего же?

— Оттого, что понялъ, что всѣ люди — братья.

— Что же, и я тебѣ братъ?

— А то какъ же.

— Какъ же, я — братъ, а сужу тебя въ каторгу?

— Отъ непонятія.

— Что же, я не понимаю?

— Не понимаете, коли судите.

— Ну, продолжаемъ. Потомъ ты куда пошелъ?..

Больше же всего поразило Махина то, что онъ узналъ отъ смотрителя о вліяніи Пелагеюшкина на палача Махоркина, который, рискуя быть наказаннымъ, отказался отъ исполненія своей обязанности.

VII.

На вечерѣ у Еропкиныхъ, гдѣ были двѣ барышни, богатыя невѣсты, за которыми обѣими ухаживалъ Махинъ, послѣ пѣнія романсовъ, въ которомъ особенно отличался очень музыкальный Махинъ, — онъ и вторилъ прекрасно и аккомпанировалъ на фортепьяно, — онъ разсказалъ очень вѣрно и подробно — у него была прекрасная память — и совершенно безучастно про страннаго преступника, который обратилъ палача. Махинъ потому такъ хорошо и помнилъ и могъ передать все, что онъ всегда былъ совершенно безучастенъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ не входилъ, не умѣлъ входить въ душевное состояніе другихъ людей и потому-то и могъ такъ хорошо запоминать все, что происходило съ людьми, что они дѣлали, говорили. Но Пелагеюшкинъ заинтерсовалъ его. Онъ не вошелъ въ душу Степана, но невольно задался вопросомъ: что у него въ душѣ? И, не найдя отвѣта, но чувствуя, что это что-то интересное, разсказалъ на вечерѣ все дѣло о совращеніи палача и разсказы смотрителя о томъ, какъ странно ведетъ себя Пелагеюшкинъ, и какъ читаетъ Евангеліе, и какое сильное вліяніе имѣетъ на товарищей.

Всѣхъ заинтересовалъ разсказъ Махина, но больше всѣхъ меньшую Лизу Еропкину, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, только

что вышедшую изъ института и только что опомнившуюся отъ темноты и тѣсноты ложныхъ условій, въ которыхъ она выросла, и точно вынырнувшую изъ воды, страстно вдыхавшую въ себя свѣжій воздухъ жизни. Она стала разспрашивать Махина о подробностяхъ, о томъ, какъ, почему произошла такая перемѣна въ Пелагеюшкинѣ, и Махинъ разсказалъ то, что онъ слышалъ отъ Степана о томъ, какъ кротость, покорность и безстрашіе смерти этой очень доброй женщины, которую онъ послѣднюю убилъ, побѣдили его, открыли ему глаза, и какъ потомъ чтеніе Евангелія докончило дѣло.

Долго въ эту ночь не могла Лиза Еропкина заснуть. Въ ней уже нѣсколько мѣсяцевъ шла борьба между свѣтской жизнью, въ которую увлекала ее сестра, и увлеченіе[мъ] Махинымъ, соединенн[ымъ] съ желаніемъ исправить его. И теперь послѣднее взяло верхъ. Она и прежде слышала про убитую. Теперь же, послѣ этой ужасной смерти и разсказа Махина со словъ Пелагеюшкина, она до подробностей узнала исторію Маріи Семеновны и была поражена всѣмъ тѣмъ, что узнала о ней.

Лизѣ страстно захотѣлось быть такой Маріей Семеновной. Она была богата и боялась, что Махинъ ухаживаетъ за ней изъ-за денегъ. И она рѣшила раздать свое имѣніе и сказала объ этомъ Махину.

Махинъ радъ былъ случаю выказать свое безкорыстіе и сказалъ Лизѣ, что онъ любитъ ее не изъ-за денегъ, и это, какъ ему казалось, великодушное рѣшеніе тронуло его самого. У Лизы между тѣмъ началась борьба съ ея отцомъ (имѣніе было материнское), не позволявшимъ раздавать имѣніе. И Махинъ помогалъ Лизѣ. И чѣмъ больше онъ поступалъ такъ, тѣмъ больше онъ понималъ совсѣмъ другой, чуждый ему до тѣхъ поръ міръ духовныхъ стремленій, который онъ видѣлъ въ Лизѣ.

VIII.

Все утихло въ камерѣ. Степанъ лежалъ на своемъ мѣстѣ на нарахъ и не спалъ еще. Василій подошелъ къ нему и, дернувъ его за ногу, мигнулъ ему, чтобы онъ всталъ и вышелъ къ нему. Степанъ сползъ съ наръ и подошелъ къ Василію.

— Ну, братъ, — сказалъ Василій, — ты ужъ потрудись, пособи мнѣ.

— Въ чемъ пособить-то?

— Да вотъ бѣжать хочу.

И Василій открылъ Степану то, что у него все готово, чтобы бѣжать.

— Завтра я ихъ взбаламучу, — онъ указалъ на лежащихъ. — На меня скажутъ. Переведутъ въ верхнюю, а ужъ тамъ я знаю, какъ быть. Только ты мнѣ пробой изъ мертвецкой выверни.

— Это можно. Куда пойдешь-то?

— А куда глаза глядятъ. Развѣ мало народа плохого.

— Это, братъ, такъ, только не намъ судить ихъ.

— Да что же, я развѣ душегубъ какой. Я ни одной души не погубилъ, а что воровать, что жъ тутъ плохого. Развѣ они не грабятъ нашего брата.

— Это ихъ дѣло, они отвѣчать будутъ.

— Да что жъ имъ въ зубы-то смотрѣть. Ну вотъ я церковь ѳобобралъ, кому отъ этого худо? Я теперь хочу такъ сдѣлать, чтобы не лавчонку, а хватить казну и раздавать. Добрымъ людямъ раздавать.

Въ это время поднялся съ наръ одинъ арестантъ и сталъ прислушиваться. Степанъ и Василій разошлись.

На другой день Василій сдѣлалъ, какъ хотѣлъ. Онъ сталъ жаловаться на хлѣбъ, что сыръ, подбилъ всѣхъ арестантовъ звать къ себѣ смотрителя, заявить претензію. Смотритель пришелъ, обругалъ всѣхъ, и узнавъ, что затѣйщикъ всего дѣла Василій, велѣлъ посадить его отдѣльно въ одиночную камеру верхняго этажа.

Этого только и нужно было Василію.

IX.

Василій зналъ ту верхнюю камеру, въ которую его посадили. Онъ зналъ полъ въ ней и, какъ только попалъ туда, такъ сталъ разбирать полъ. Когда можно было пролѣзть подъ полъ,— онъ разобралъ потолочины и спрыгнулъ въ нижній этажъ, въ мертвецкую. Въ этотъ день въ мертвецкой лежалъ одинъ мертвый на столѣ. Въ этой же мертвецкой были сложены мѣшки для сѣнниковъ. Василій зналъ это и на эту камеру разсчитывалъ. Пробой въ этой камерѣ былъ вытащенъ и вложенъ. Василій вышелъ изъ двери и пошелъ въ строющійся нужникъ въ концѣ коридора. Въ этомъ нужникѣ была сквозная дыра съ третьяго этажа до нижняго, подвальнаго. Ощупавъ дверь, Василій вернулся въ мертвецкую, снялъ съ холоднаго, какъ ледъ, мертвеца полотно (онъ коснулся его руки, когда снималъ), потомъ взялъ мѣшки, связалъ ихъ узлами такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ веревку, и снесъ эту веревку изъ мѣшковъ въ нужникъ; тамъ привязалъ веревку къ перекладинѣ и полѣзъ по ней внизъ. Ве-

рэвка не доставала до пола. Много ли, мало она не хватала — онъ не зналъ, но дѣлать нечего было, онъ повисъ и прыгнулъ. Ноги отбилъ, но ходить могъ. Въ подвальномъ этажѣ было два окна. Пролѣзть можно бы, но вдѣланы желѣзныя рѣшетки. Надо было выломать ихъ. Чѣмъ? Василій сталъ шарить. Въ подвальномъ этажѣ лежали отрѣзки досокъ. Онъ нашелъ одинъ отрѣзокъ съ острымъ концомъ и сталъ имъ выворачивать кирпичи, державшіе рѣшетки. Долго онъ работалъ. Пѣтухи второй разъ уже пѣли, а рѣшетка держалась. Наконецъ одна сторона вышла. Василій подсунулъ отрѣзокъ и понаперъ, рѣшетка выворотилась вся, но упалъ кирпичъ и загремѣлъ. Часовые могли услыхать. Василій замеръ. Все тихо. Онъ полѣзъ въ окно. Вылѣзъ. Бѣжать ему надо было черезъ стѣну. Въ углу двора была пристройка. Надо было взлѣзть на эту пристройку, а съ нея черезъ стѣну. Надо взять съ собой отрѣзокъ доски. Безъ него не взлѣзешь. Василій полѣзъ назадъ. Опять выползъ съ отрѣзкомъ и замеръ, слушая, гдѣ часовой. Часовой, какъ онъ и разсчиталъ, ходилъ по другой сторонѣ квадрата двора. Василій подошелъ къ пристройкѣ, приставилъ отрѣзокъ, полѣзъ. Отрѣзокъ соскользнулъ, упалъ. Василій былъ въ чулкахъ, онъ снялъ чулки, чтобы цѣпляться ногами, поставилъ опять отрѣзокъ, вскочилъ на него и ухватился рукой за желобъ. — Батюшка, не оторвись, выдержи. — Онъ схватился за желобъ, и вотъ колѣнка его на крышѣ. Часовой идетъ. Василій легъ и замеръ. Часовой не видитъ и опять отходитъ. Василій вскакиваетъ. Желѣзо трещитъ подъ ногами. Еще шагъ, два, вотъ стѣна. До стѣны легко достать рукой. Одна рука, другая, вытянулся весь, и вотъ на стѣнѣ. Только бы не расшибиться, спрыгивая. Василій переворачивается, виснетъ на рукахъ, вытягивается, пускаетъ одну руку, другую, — Господи благослови! — На землѣ. И земля мягкая. Ноги цѣлы, и онъ бѣжитъ.

Въ предмѣстьи Маланья отпираетъ, и онъ залѣзаетъ подъ стеганое изъ кусочковъ, теплое, пропитанное запахомъ пота, одѣяло.

X.

Крупная, красивая, всегда спокойная, бездѣтная, полная, какъ яловая корова, жена Петра Николаевича видѣла изъ окна, какъ убили ея мужа и потащили куда-то въ поле. Чувство ужаса при видѣ этого побоища, которое испытала Наталья Ивановна (такъ звали вдову Петра Николаевича), какъ это всегда бываетъ, было такъ сильно, что заглушило въ ней всѣ другія чувства. Когда же вся толпа скрылась за оградой сада, и гулъ го

лосовъ затихъ, и босая Маланья, прислуживавшая имъ дѣвка, съ выпяченными глазами прибѣжала съ извѣстіемъ, точно это было что-то радостное, что Петра Николаевича убили и бросили въ оврагѣ, изъ-за перваго чувства ужаса стало выдѣляться другое: чувство радости освобожденія отъ деспота съ закрытыми черными очками глазами, которые девятнадцать лѣтъ держали ее въ рабствѣ. Она сама ужаснулась этому чувству, сама себѣ не призналась въ немъ, а тѣмъ болѣе не высказала его никому. Когда обмывали изуродованное, желтое, волосатое тѣло и одѣвали и укладывали въ гробъ, она ужасалась и плакала и рыдала. Когда пріѣхалъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и какъ свидѣтельницу допрашивалъ ее, она видѣла тутъ же, въ квартирѣ слѣдователя, двухъ закованныхъ крестьянъ, признанныхъ главными виновниками. Одинъ былъ уже старый съ длинной, бѣлокурой бородой въ завиткахъ, съ спокойнымъ и строгимъ, красивымъ лицомъ, другой былъ цыганскаго склада, не старый человѣкъ съ блестящими черными глазами и курчавыми, взъерошенными волосами. Она показывала, что знала, признала въ этихъ самыхъ людяхъ тѣхъ, которые первые схватили за руки Петра Николаевича, и, несмотря на то, что похожій на цыгана мужикъ, блестя и поводя глазами изъ-подъ движущихся бровей, укоризненно сказалъ: «Грѣхъ, барыня, охъ, умирать будемъ», несмотря на это, ей нисколько не жалко было ихъ. Напротивъ, во время слѣдствія въ ней поднялось враждебное чувство и желаніе отомстить убійцамъ мужа.

Но когда, черезъ мѣсяцъ, дѣло, переданное въ военный судъ, было рѣшено тѣмъ, что восемь человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а двое, бѣлобородый старикъ и черномазый цыганокъ, какъ его звали, были приговорены къ повѣшенію, она почувствовала что-то непріятное. Но непріятное сомнѣніе это, подъ вліяніемъ торжественности суда, скоро прошло. Если высшее начальство признаетъ, что надо, то, стало быть, это хорошо.

Казнь должна была совершиться въ селѣ. И, вернувшись въ воскресенье отъ обѣдни, Маланья, въ новомъ платьѣ и новыхъ башмакахъ, доложила барынѣ, что строятъ висѣлицу и къ средѣ ждутъ палача изъ Москвы, и что воютъ семейные не переставая, по всей деревнѣ слышно.

Наталья Ивановна не выходила изъ дому, чтобы не видать ни висѣлицъ, ни народа, и одного желала — чтобы поскорѣе кончилось то, что должно быть. Она думала только о себѣ, а не о приговоренныхъ и ихъ семьяхъ.

XI.

Во вторникъ къ Натальѣ Ивановнѣ заѣхалъ знакомый становой. Наталья Ивановна угостила его водкой и солеными грибками ея приготовленія. Становой, выпивъ водки и закусивъ, сообщилъ ей, что казни завтра еще не будетъ.

— Какъ, отчего?

— Удивительная исторія. Палача не могли найти. Одинъ былъ въ Москвѣ, и тотъ, разсказывалъ мнѣ сынъ, начитался Евангелія и говоритъ: не могу убивать. Самъ за убійство приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а теперь вдругъ не можетъ по закону убивать. Ему грозили, что плетьми сѣчь будутъ. Сѣките, говоритъ, а я не могу.

Наталья Ивановна вдругъ покраснѣла, вспотѣла даже отъ мыслей.

— А нельзя ихъ простить теперь?

— Какъ же простить, когда приговорэны судомъ. Одинъ царь простить можетъ.

— Да какъ же царь узнаетъ?

— Имѣютъ право просить о помилованіи.

— Да вѣдь ихъ за меня казнятъ,—сказала глупая Наталья Ивановна. — А я прощаю.

Становой засмѣялся.

— Что же, просите.

— Можно?

— Извѣстно, можно.

— Да вѣдь теперь не успѣешь?

— Можно телеграммой.

— Къ царю?

— Что жъ, и къ царю можно.

Извѣстіе о томъ, что палачъ отказался и готовъ пострадать скорѣе, чѣмъ убивать, вдругъ перевернуло душу Натальи Ивановны, и то чувство состраданія и ужаса, которое просилось нѣсколько разъ наружу, прорвалось и захватило ее.

— Голубчикъ, Филиппъ Васильевичъ, напишите мнѣ телеграмму. Я хочу просить царя [о] помилованіи.

Становой покачалъ головой.

— Какъ бы намъ не влетѣло за это.

— Да вѣдь я въ отвѣтѣ. Я про васъ не скажу.

«Эка добрая баба,—подумалъ становой,—хорошая баба, Кабы моя такая была, рай бы былъ, а не то, что теперь».

И становой написалъ телеграмму царю: «Его Императорскому Величеству, Государю Императору. Вѣрноподданная Ва-

шего Императорскаго Величества, вдова убитаго крестьянами коллежскаго асессора Петра Николаевича Свентицкаго, припадая къ священнымъ стопамъ (это мѣсто телеграммы особенно понравилось составлявшему ее становому) Вашего Императорскаго Величества, умоляетъ васъ помиловать приговоренныхъ къ смертной казни крестьянъ такихъ-то, такой-то губерніи, уѣзда, волости, деревни».

Телеграмма была послана самимъ становымъ, и на душѣ у Натальи Ивановны было радостно, хорошо. Ей казалось, что если она, вдова убитаго, прощаетъ и проситъ помиловать, то царь не можетъ не помиловать.

XII.

Лиза Еропкина жила въ неперестающемъ восторженномъ состояніи. Чѣмъ дальше она шла по открывшемуся ей пути христіанской жизни, тѣмъ увѣреннѣе она была, что это путь истинный, и тѣмъ радостнѣе ей становилось на душѣ.

У ней были теперь двѣ ближайшія цѣли: первая — обратить Махина или, скорѣе, какъ она говорила это себѣ, вернуть къ себѣ, къ своей доброй, прекрасной натурѣ. Она любила его, и при свѣтѣ своей любви ей открывалось божественное его души, общее всѣмъ людямъ, но она видѣла въ этомъ общемъ всѣмъ людямъ началѣ жизни его, ему одному свойственную доброту, нѣжность, высоту. Другая цѣль ея была въ томъ, чтобы перестать быть богатой. Она захотѣла освободиться отъ имущества для того, чтобы испытать Махина, а потомъ для себя, для своей души, по слову Евангелія, захотѣла сдѣлать это. Сначала она начала раздавать, но ее остановилъ отецъ, и еще больше, чѣмъ отецъ, толпа нахлынувшихъ личныхъ и письменныхъ просителей. Тогда она рѣшила обратиться къ старцу, извѣстному своей святой жизнью, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ ея деньги и поступилъ съ ними, какъ найдетъ нужнымъ. Узнавъ это, отецъ разсердился и въ горячемъ разговорѣ съ ней назвалъ ее сумасшедшей, психопаткой и сказалъ, что онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы оградить ее, какъ сумасшедшую, отъ самой себя.

Сердитый, раздраженный тонъ отца передался ей, и она не успѣла опомниться, какъ злобно расплакалась и наговорила отцу грубостей, называя его деспотомъ и даже корыстолюбцемъ.

Она просила прощенія у отца, онъ сказалъ, что не сердится, но она видѣла, что онъ былъ оскорбленъ и въ душѣ не простилъ ей. Махину она не хотѣла говорить про это. Сестра, ревновавшая ее къ Махину, совсѣмъ отдалилась отъ нея. Ей не съ

кѣмъ было подѣлиться своимъ чувствомъ, не передъ кѣмъ покаяться.

«Богу надо покаяться», сказала она себѣ и, такъ какъ былъ великій постъ, рѣшила говѣть и на исповѣди сказать все духовнику, и попросить его совѣта о томъ, какъ ей поступать дальше.

Недалеко отъ города былъ монастырь, въ которомъ жилъ старецъ, прославившійся своей жизнью, поученіями, предсказаніями и исцѣленіями, которыя приписывали ему.

Старецъ получилъ письмо отъ стараго Еропкина, предупреждающее его о пріѣздѣ дочери и объ ея ненормальномъ, возбужденномъ состояніи и выражающее увѣренность въ томъ, что старецъ наставитъ ее на путь истинный — золотой середины, доброй христіанской жизни, безъ нарушенія существующихъ условій.

Усталый отъ пріема, старецъ принялъ Лизу и сталъ спокойно внушать ей умѣренность, покорность существующимъ условіямъ, родителямъ. Лиза молчала, краснѣла и потѣла, но, когда онъ кончилъ, она со слезами, стоящими въ глазахъ, начала говорить, сначала робко, о томъ, что Христосъ сказалъ: «оставь отца и мать и иди за мной», потомъ, все больше и больше одушевляясь, высказала все то свое представленіе о томъ, какъ она понимаетъ Христа. Старецъ сначала чуть улыбался и возражалъ обычными поученіями, но потомъ замолчалъ и сталъ вздыхать, только повторяя: «О, Господи».

— Ну, хорошо, приходи завтра исповѣдываться, — сказалъ онъ и сморщенной рукой благословилъ ее.

На другой день онъ исповѣдывалъ ее и, не продолжая вчерашній разговоръ, отпустилъ ее, коротко отказавшись взять на себя распоряженіе ея имуществомъ.

Чистота, полная преданность волѣ Бога и горячность этой дѣвушки поразили старца. Онъ давно уже хотѣлъ отречься отъ міра, но монастырь требовалъ отъ него его дѣятельности. Эта дѣятельность давала средства монастырю. И онъ соглашался, хотя смутно чувствовалъ всю неправду своего положенія. Его дѣлали святымъ, чудотворцемъ, а онъ былъ слабый, увлеченный успѣхомъ человѣкъ. И открывшаяся ему душа этой дѣвушки открыла ему его душу. И онъ увидалъ, какъ онъ былъ далекъ отъ того, чѣмъ хотѣлъ быть и къ чему влекло его его сердце.

Скоро послѣ посѣщенія Лизы онъ заперся въ затворъ и только черезъ три недѣли вышелъ въ церковь, служилъ и послѣ службы сказалъ проповѣдь, въ которой каялъ себя и уличалъ міръ въ грѣхѣ и призывалъ его къ покаянію.

Каждыя двѣ недѣли онъ говорилъ проповѣди. И на проповѣди эти съѣзжалось все больше и больше народа. И слава его, какъ проповѣдника, разглашалась все больше и больше. Было что-то особенное, смѣлое, искреннее въ его проповѣдяхъ, и отъ этого онъ такъ сильно дѣйствовалъ на людей.

XIII.

Между тѣмъ Василій сдѣлалъ все, какъ хотѣлъ. Съ товарищами онъ ночью пролѣзъ къ Краснопузову, богачу. Онъ зналъ, какъ онъ скупъ и развратенъ, и залѣзъ въ бюро и вынулъ деньгами 30.000. И дѣлалъ все, какъ хотѣлъ. Онъ даже пить пересталъ, а давалъ деньги бѣднымъ невѣстамъ, замужъ отдавалъ, изъ долговъ выкупалъ и самъ скрывался. И только то и заботы было, чтобы хорошо раздать деньги. Давалъ онъ и полиціи, и его не искали.

Сердце у него радовалось. И когда все-таки взяли его, онъ на судѣ смѣялся и хвалился, что деньги у толстопузаго дурно лежали, онъ и счета имъ не зналъ, а я ихъ въ ходъ пустилъ, ими добрымъ людямъ помогалъ.

И защита его была такая веселая, добрая, что присяжные чуть не оправдали его. Приговорили его въ ссылку.

Онъ поблагодарилъ и впередъ сказалъ, что уйдетъ.

XIV.

. . . .
. . . .
. . . .

Послѣ бесѣды съ митрополитомъ и оберъ прокуроромъ старичка отправили тотчасъ же въ монастырь, но не въ свой, а въ Суздальскій, гдѣ настоятелемъ и комендантомъ былъ отецъ Мисаилъ.

XV.

. . . .
. . . .
. . . .

XVI.

Отбывъ второй срокъ въ острогѣ, Прокофій, этотъ бойкій, самолюбивый щеголь-малый, вышелъ оттуда совсѣмъ конченнымъ человѣкомъ. Трезвый онъ сидѣлъ, ничего не дѣлалъ и,

сколько ни ругалъ его отецъ, ѣлъ хлѣбъ, не работалъ и, мало того, норовилъ стащить что-нибудь въ кабакъ, чтобы выпить. Сидѣлъ, кашлялъ, харкалъ и плевалъ. Докторъ, къ которому онъ ходилъ, послушалъ его грудь и покачалъ головой.

— Тебѣ, братъ, надо того, чего у тебя нѣтъ.

— Это, извѣстно, всегда надо.

— Пей молоко, не кури.

— Нынѣ и такъ постъ, да и коровы нѣту.

Разъ весной онъ всю ночь не спалъ, тосковалъ, хотѣлось ему выпить. Дома нечего захватить было. Надѣлъ шапку и вышелъ. Прошелъ по улицѣ, дошелъ до поповъ. У дьячка борона наружи стоитъ прислонена къ плетню. Прокофій подошелъ, вскинулъ борону на спину и понесъ къ Петровнѣ въ корчму. «Авось, дастъ бутылочку». Не успѣлъ онъ отойти, какъ дьячокъ вышелъ на крыльцо. Ужъ совсѣмъ свѣтло, — видитъ, Прокофій несетъ его борону.

— Эй, ты что?

Выслалъ народъ, схватили Прокофія, посадили въ холодную. Мировой судья присудилъ на 11 мѣсяцевъ въ тюрьму.

Была осень. Прокофія перевели въ больницу. Онъ кашлялъ, и вся грудь разрывалась. И не могъ согрѣться. Кто посильнѣе былъ, тѣ все-таки не дрожали. А Прокофій дрожалъ и день и ночь. Смотритель загонялъ экономію дровъ и не топилъ больницу до ноября. Больно страдалъ Прокофій тѣломъ, но хуже всего страдалъ духомъ. Все ему противно было, и ненавидѣлъ онъ всѣхъ: и дьячка, и смотрителя за то, что не топилъ, и вахтера, и сосѣда по койкѣ съ раздутой красной губой. Возненавидѣлъ и того новенькаго каторжнаго, котораго привели къ нимъ. Каторжный этотъ былъ Степанъ. Онъ заболѣлъ рожей на головѣ, и его перевели въ больницу и положили рядомъ съ Прокофіемъ. Сначала Прокофій возненавидѣлъ его, но потомъ полюбилъ его такъ, что ждалъ только того, когда поговорить съ нимъ. Только послѣ разговора съ нимъ утишалась тоска въ сердцѣ Прокофія.

Степанъ всегда всѣмъ разсказывалъ свое послѣднее убійство, и какъ оно подѣйствовало на него.

— Не то, что закричать или что, — говорилъ онъ, — а вотъ на̀, рѣжь. Не меня, себя пожалѣй.

— Ну, извѣстно, душу загубить страшно, я и барана разъ взялся рѣзать, самъ не радъ былъ. А вотъ никого не загубилъ, а за что они меня, злодѣи, погубили. Никому худого не дѣлалъ...

— Что же, это тебѣ все зачтется.

— Гдѣ тамъ.

— Какъ гдѣ. А Богъ?

— Что-то не видать Его, я, братъ, не вѣрю, — думаю, помрешь, трава выростетъ. Вотъ и вся.

— Какъ же думаешь. Я сколько душъ загубилъ, а она, сердечная, только людямъ помогала. Что же, думаешь, мнѣ съ ней одно будетъ. Нѣтъ, погоди.

— Такъ думаешь, помрешь, душа останется?

— А то какъ же. Это вѣрно.

Тяжело было Прокофію умирать, задыхался онъ. Но въ послѣдній часъ вдругъ легко стало. Позвалъ онъ Степана.

— Ну, братъ, прощай. Видно, пришла смерть моя. И вотъ боялся, а теперь ничего. Только скорѣй хочется.

И Прокофій померъ въ больницѣ.

XVII.

Между тѣмъ дѣла Евгенія Михайловича шли все хуже и хуже. Магазинъ былъ заложенъ. Торговля не шла, въ городѣ открылся другой магазинъ, а проценты требовали. Надо было занимать опять за проценты. И кончилось тѣмъ, что магазинъ и весь товаръ былъ назначенъ къ продажѣ. Евгеній Михайловичъ и его жена бросались повсюду и нигдѣ не могли достать тѣхъ четырехсотъ рублей, которые нужны были, чтобы спасти дѣло. Была маленькая надежда на купца Краснопузова, любовница котораго была знакома съ женой Евгенія Михайловича. Теперь же по всему городу было извѣстно, что у Краснопузова украли огромныя деньги. Разсказывали, что украли полмилліона.

— И кто же укралъ? — разсказывала жена Евгенія Михайловича. — Василій, нашъ бывшій дворникъ. Говорятъ, онъ швыряетъ теперь этими деньгами, и полиція подкуплена.

— Негодяй былъ, — сказалъ Евгеній Михайловичъ. — Какъ онъ тогда легко на клятвопреступленіе пошелъ. Я никакъ не думалъ.

— Говорятъ, онъ заходилъ къ намъ на дворъ. Кухарка говорила, что онъ. Она говорила, что онъ четырнадцать бѣдныхъ невѣстъ замужъ выдалъ.

— Ну, они выдумаютъ.

Въ это время какой-то странный пожилой человѣкъ въ казинетовой курткѣ вошелъ въ магазинъ.

— Что тебѣ?

— Вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Тамъ написано.

— Что же, отвѣта не надо? Да подожди.

— Нельзя.

И странный человѣкъ, отдавъ конвертъ, торопливо ушелъ.

— Чудно!

Евгеній Михайловичъ разорвалъ толстый конвертъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: сторублевыя бумажки. Четыре. Что это? И тутъ же безграмотное письмо Евгенію Михайловичу: «По Евангелію говорится, дѣлай добро за зло. Вы минѣ много зла исдѣлали съ купономъ, и мужичка я дюже обидѣлъ, а я вотъ тебя жилѣю. На, возьми 4 Екатеринки и помни своего дворника Василія».

— Нѣтъ, это удивительно, — говорилъ Евгеній Михайловичъ, говорилъ и женѣ и самъ себѣ. И когда вспоминалъ объ этомъ или говорилъ объ этомъ женѣ, слезы выступали у него на глаза, и на душѣ было радостно.

XVIII.

Въ Суздальской тюрьмѣ содержалось четырнадцать духовныхъ лицъ, всѣ преимущественно за отступленіе отъ православія; туда же былъ присланъ и Исидоръ [1]). Отецъ Мисаилъ принялъ Исидора по бумагѣ и, не разговаривая съ нимъ, велѣлъ помѣстить его въ отдѣльной камерѣ, какъ важнаго преступника. На третьей недѣлѣ пребыванія Исидора въ тюрьмѣ отецъ Мисаилъ обходилъ содержащихся. Войдя къ Исидору, онъ спросилъ: не нужно ли чего?

— Мнѣ многое нужно, не могу сказать при людяхъ. Дай мнѣ случай говорить съ тобою наединѣ.

Они взглянули другъ на друга, и Мисаилъ понялъ, что ему бояться нечего. Онъ велѣлъ привести Исидора въ свою келью и, когда они остались одни, сказалъ:

— Ну, говори.

Исидоръ упалъ на колѣни.

— Братъ, — сказалъ Исидоръ. — Что ты дѣлаешь. Пожалѣй себя. Вѣдь хуже тебя нѣтъ злодѣя, ты поругалъ все святое...

Черезъ мѣсяцъ Мисаилъ подалъ бумагу объ освобожденіи, какъ раскаявшихся, не только Исидора, но и семерыхъ другихъ и самъ попросился въ монастырь на покой.

---

1) Старецъ, къ которому обратилась Лиза Еропкина, и о которомъ упоминается въ выпущенной главѣ XIV.

Прим. ред.

XIX.

Прошло десять лѣтъ.

Митя Смоковниковъ кончилъ курсъ въ техническомъ училищѣ и былъ инженеромъ съ большимъ жалованьемъ на золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Ему надо было ѣхать по участку. Директоръ предложилъ ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

— Какъ каторжника? Развѣ не опасно?

— Съ нимъ не опасно. Это святой человѣкъ, спросите у кого хотите.

— Да за что онъ?

Директоръ улыбнулся.

— Шесть душъ убилъ, а святой человѣкъ. Ужъ я ручаюсь.

И вотъ Митя Смоковниковъ принялъ Степана, — плѣшиваго, худого, загорѣлаго человѣка, и поѣхалъ съ нимъ.

Дорогой Степанъ ходилъ, какъ онъ ухаживалъ за всѣми, гдѣ могъ, какъ за своимъ дѣтищемъ, за Смоковниковымъ, и дорогой разсказалъ ему всю свою исторію и то, какъ и зачѣмъ и чѣмъ онъ живетъ теперь.

И удивительное дѣло. Митя Смоковниковъ, жившій до тѣхъ поръ только питьемъ, ѣдой, картами, виномъ, женщинами, задумался въ первый разъ надъ жизнью. И думы эти не оставили его и разворачивали его душу все дальше и дальше. Ему предлагали мѣсто, гдѣ была большая польза, онъ отказался и рѣшилъ на то, что у него было, купить имѣніе, жениться и, какъ сумѣетъ, служить народу.

XX.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Но прежде пріѣхалъ къ отцу, съ которымъ у него были непріятныя отношенія за новую семью, которую завелъ отецъ. Теперь же онъ рѣшилъ сблизиться съ отцомъ. И такъ и сдѣлалъ. И отецъ удивлялся, смѣялся надъ нимъ, а потомъ самъ пересталъ нападать на него и вспомнилъ многіе и многіе случаи, гдѣ онъ былъ виноватъ передъ нимъ...

1889 (?); 1902—04 г.

АЛЕША ГОРШОКЪ.

Алешка былъ меньшой братъ. Прозвали его горшкомъ за то, что мать послала его снести горшокъ молока дьяконицѣ, а онъ споткнулся и разбилъ горшокъ. Мать побила его, а ребята стали дразнить его «горшкомъ». Алешка Горшокъ — такъ и пошло ему прозвище.

Алешка былъ малый худощавый, лопоухій, уши торчали, какъ крылья, и носъ былъ большой. Ребята дразнили: «У Алешки носъ, какъ кобель на бугрѣ». Въ деревнѣ была школа, но грамота не далась Алешѣ, да и некогда было учиться. Старшій братъ жилъ у купца въ городѣ, и Алешка сызмальства сталъ помогать отцу. Ему было шесть лѣтъ, ужъ онъ съ дѣвчонкой сестрой овецъ и корову стерегъ на выгонѣ, а еще подросъ, сталъ лошадей стеречь и въ денномъ, и въ ночномъ. Съ двѣнадцати лѣтъ ужъ онъ пахалъ и возилъ. Силы не было, а ухватка была. Всегда онъ былъ веселъ. Ребята смѣялись надъ нимъ; онъ молчалъ, либо смѣялся. Если отецъ ругалъ, онъ молчалъ и слушалъ. И какъ только переставали его ругать, онъ улыбался и брался за то дѣло, которое было передъ нимъ.

Алешѣ было девятнадцать лѣтъ, когда брата его взяли въ солдаты. И отецъ поставилъ Алешу на мѣсто брата къ купцу въ дворники. Алешѣ дали сапоги братнины старые, шапку отцовскую и поддевку и повезли въ городъ. Алеша не могъ нарадоваться на свою одежду, но купецъ остался недоволенъ видомъ Алеши.

— Я думалъ, и точно человѣка замѣсто Семена поставишь, — сказалъ купецъ, оглянувъ Алешу, — а ты мнѣ какого сопляка привелъ. На что онъ годится?

— Онъ все можетъ. И запречь, и съѣздить куда, и работать лютой; онъ только на видъ какъ плетень, а то онъ жилистъ.

— Ну, ужъ, видно, погляжу.

— А пуще всего — безотвѣтный. Работать завистливый.

— Что съ тобой дѣлать. Оставь.

И Алеша сталъ жить у купца.

Семья у купца была небольшая: хозяйка, старуха мать, старшій сынъ женатый, простого воспитанія, съ отцомъ въ дѣлѣ былъ, и другой сынъ ученый, кончилъ въ гимназіи и былъ въ университетѣ, да оттуда выгнали, и онъ жилъ дома; да еще дочь дѣвушка гимназистка.

Сначала Алешка не понравился — очень ужъ онъ былъ мужиковатъ: и одѣтъ плохо, и обхожденія не было, всѣмъ говорилъ «ты», но скоро привыкли къ нему. Служилъ онъ еще лучше брата, точно былъ безотвѣтный; на всѣ дѣла его посылали, и все онъ дѣлалъ охотно и скоро, безъ останова переходя отъ одного дѣла къ другому. И какъ дома, такъ и (у) купца на Алешу наваливались всѣ работы. Чѣмъ больше онъ дѣлалъ, тѣмъ больше всѣ на него наваливали дѣла. Хозяйка, и хозяйская мать, и хозяйская дочь, и хозяйскій сынъ, и приказчикъ, и кухарка, всѣ то туда, то сюда посылали его, то то, то это заставляли дѣлать. Только и слышно было: — «Сбѣгай, братъ», или: — «Алеша, ты это устрой. — Ты что жъ это, Алешка, забылъ, что ль? — Смотри, не забудь, Алеша». — И Алеша бѣгалъ, устраивалъ, и смотрѣлъ, не забывалъ, и все успѣвалъ, и все улыбался.

Сапоги братнины онъ скоро разбилъ, и хозяинъ разбранилъ его за то, что онъ ходилъ съ махрами на сапогахъ и голыми пальцами, и велѣлъ купить ему новые сапоги на базарѣ. Сапоги были новые, и Алеша радовался на нихъ, но ноги у него были все старыя, и онѣ къ вечеру ныли у него отъ бѣготни и онъ сердился на нихъ. Алеша боялся, какъ бы отецъ, когда пріѣдетъ за него получать деньги, не обидѣлся бы за то, что купецъ за сапоги вычтетъ изъ жалованья.

Вставалъ Алеша зимой до свѣта, кололъ дрова, потомъ выметалъ дворъ, задавалъ кормъ коровѣ, лошади, поилъ ихъ. Потомъ топилъ печи, чистилъ сапоги, одежу хозяевамъ, ставилъ самовары, чистилъ ихъ, потомъ либо приказчикъ звалъ его вытаскивать товаръ, либо кухарка приказывала ему мѣсить тѣсто, чистить кастрюли. Потомъ посылали его въ городъ, то съ запиской, то за хозяйской дочерью въ гимназію, то за деревяннымъ масломъ для старушки. — «Гдѣ ты пропадаешь, проклятый», — говорилъ ему то тотъ, то другой. — «Что вамъ самимъ ходить. Алеша сбѣгаетъ. Алешка! А Алешка!» — И Алеша бѣгалъ.

Завтракалъ онъ на ходу, а обѣдать рѣдко поспѣвалъ со всѣми. Кухарка ругала его за то, что онъ не со всѣми ходитъ,

но все-таки жалѣла его и оставляла ему горячаго и къ обѣду, и къ ужину. Особенно много работы бывало къ праздникамъ и во время праздниковъ. И Алеша радовался праздникамъ особенно потому, что на праздники ему давали на чай, хоть и мало,— собиралось копеекъ 60, — но все-таки это были его деньги, онъ могъ истратить ихъ, какъ хотѣлъ. Жалованья же своего онъ и въ глаза не видалъ. Отецъ пріѣзжалъ, бралъ у купца и только выговаривалъ Алешкѣ, что онъ сапоги скоро растрепалъ.

Когда онъ собралъ два рубля этихъ денегъ «на чайныхъ», онъ купилъ, по совѣту кухарки, красную вязаную куртку, и когда надѣлъ, то не могъ ужъ свести губы отъ удовольствія.

Говорилъ Алеша мало и, когда говорилъ, то всегда отрывисто и коротко. И когда ему что приказывали сдѣлать или спрашивали, можетъ ли онъ сдѣлать то и то, то онъ всегда безъ малѣйшаго колебанія говорилъ: — «Это все можно» и сейчасъ же дѣлалъ.

Молитвъ онъ никакихъ не зналъ; какъ его мать учила, онъ забылъ, а все-таки молился и утромъ, и вечеромъ — молился руками, крестясь.

Такъ прожилъ Алеша полтора года, и тутъ, во второй половинѣ второго года, случилось съ нимъ самое необыкновенное въ его жизни событіе. Событіе это состояло въ томъ, что онъ, къ удивленію своему, узналъ, что, кромѣ тѣхъ отношеній между людьми, которыя происходятъ отъ нужды другъ въ другѣ, есть еще отношенія совсѣмъ особенныя: не то, чтобы нужно было человѣку вычистить сапоги, или снести покупку, или запречь лошадь, а то, что человѣкъ такъ, ни зачѣмъ нуженъ другому человѣку, нужно ему послужить, его приласкать, и что онъ, Алеша, тотъ самый человѣкъ. Узналъ онъ черезъ кухарку Устинью. Устюша была сирота, молодая, такая же работящая, какъ и Алеша. Она стала жалѣть Алешу, и Алеша въ первый разъ почувствовалъ, что онъ, самъ онъ, не его услуги, а онъ самъ нуженъ другому человѣку. Когда мать жалѣла его, онъ не замѣчалъ этого, ему казалось, что это такъ и должно быть, что это все равно, какъ онъ самъ себя жалѣетъ. Но тутъ вдругъ онъ увидалъ, что Устинья — совсѣмъ чужая, а жалѣетъ его, оставляетъ ему въ горшкѣ каши съ масломъ и, когда онъ ѣстъ, подпершись подбородкомъ на засученную руку, смотритъ на него. И онъ взглянетъ на нее, и она засмѣется, и онъ засмѣется.

Это было такъ ново и странно, что сначала испугало Алешу. Онъ почувствовалъ, что это помѣшаетъ ему служить, какъ онъ служилъ. Но все-таки онъ былъ радъ и, когда смотрѣлъ свои штаны, заштопанные Устиньей, покачивалъ головой и улыбался.

Часто за работой или на ходу онъ вспоминалъ Устинью и говорилъ: «Ай да Устинья!» Устинья помогала ему, гдѣ могла, и онъ помогалъ ей. Она разсказала ему свою судьбу, какъ она осиротѣла, какъ ее тетка взяла, какъ отдали въ городъ, какъ купеческій сынъ ее на глупость подговаривалъ, и какъ она его осадила. Она любила говорить, а ему пріятно было ее слушать. Онъ слыхалъ, что въ городахъ часто бываетъ: какіе мужики въ работникахъ — женятся на кухаркахъ. Одинъ разъ она спросила его, скоро ли его женятъ? Онъ сказалъ, что не знаетъ, и что ему не охота въ деревнѣ брать.

— Что же, кого приглядѣлъ? — сказала она.

— Да я бы тебя взялъ. Пойдешь, что ли?

— Вишь, горшокъ, горшокъ, а какъ изловчился сказать, — сказала она, ударивъ его ручникомъ по спинѣ. — Отчего же не пойти.

На масленицѣ старикъ пріѣхалъ въ городъ за деньгами. Купцова жена узнала, что Алексѣй задумалъ жениться на Устиньѣ, и ей не понравилось это. «Забеременѣетъ, съ ребенкомъ куда она годится». Она сказала мужу.

Хозяинъ отдалъ деньги Алексѣеву отцу.

— Что жъ, хорошо живетъ мой-то? — сказалъ мужикъ. — Я говорилъ — безотвѣтный.

— Безотвѣтный-то, безотвѣтный, да глупость задумалъ. Жениться вздумалъ на кухаркѣ. А я женатыхъ держать не стану. Намъ это не подходяще.

— Дуракъ, дуракъ, а что вздумалъ, — сказалъ отецъ. — Ты не думай. Я прикажу ему, чтобы онъ это бросилъ.

Придя въ кухню, отецъ сѣлъ, дожидаясь сына, за столъ. Алеша бѣгалъ по дѣламъ и, запыхавшись, вернулся.

— Я думалъ, ты путный, а ты что задумалъ? — сказалъ отецъ.

— Да я ничего.

— Какъ ничего. Жениться захотѣлъ. Я женю, когда время подойдетъ, и женю на комъ надо, а не на шлюхѣ городской.

Отецъ много говорилъ. Алеша стоялъ и вздыхалъ. Когда отецъ кончилъ, Алеша улыбнулся.

— Что жъ, это и оставить можно.

— То-то.

Когда отецъ ушелъ, и онъ остался одинъ съ Устиньей, онъ сказалъ ей (она стояла за дверью и слушала, когда отецъ говорилъ съ сыномъ):

— Дѣло наше не того, не вышло. Слышала? Разсерчалъ не велитъ.

Она заплакала молча въ фартукъ.

Алеша щелкнулъ языкомъ.

— Какъ не послушаешь-то. Видно, бросать надо.

Вечеромъ, когда купчиха позвала его закрыть ставни, она сказала ему:

— Что жъ, послушалъ отца„ бросилъ глупости свои?

— Видно, что бросилъ, — сказалъ Алеша, засмѣялся и тутъ же заплакалъ.

Съ тѣхъ поръ Алеша не говорилъ больше съ Устиньей объ женитьбѣ и жилъ по-старому.

Постомъ приказчикъ послалъ его счищать снѣгъ съ крышъ. Онъ полѣзъ на крышу, счистилъ весь, сталъ отдирать примерзлый снѣгъ у желобовъ, ноги покатились, и онъ упалъ съ лопатой. На бѣду упалъ онъ не въ снѣгъ, а на крытый желѣзомъ выходъ. Устинья подбѣжала къ нему и хозяйская дочь.

— Ушибся, Алеша?

— Вотъ еще — ушибся. Ничёво.

Онъ хотѣлъ встать, но не могъ, и сталъ улыбаться. Его снесли въ дворницкую. Пришелъ фельдшеръ, осмотрѣлъ его и спросилъ, гдѣ больно.

— Больно вездѣ, да это ничего. Только что хозяинъ обидится. Надо батюшкѣ послать слухъ.

Пролежалъ Алеша двое сутокъ, на третьи послали за попомъ.

— Что же, али помирать будешь? — спросила Устинья.

— А то что же? Развѣ все и жить будемъ. Когда-нибудь надо, — быстро, какъ всегда, проговорилъ Алеша.

— Спасибо, Устюша, что жалѣла меня. Вотъ оно и лучше, что не велѣли жениться, а то бы ни къ чему было. Теперь все по-хорошему.

Молился онъ съ попомъ только руками и сердцемъ. А въ сердцѣ у него было то, что какъ здѣсь хорошо, коли слушаешь[ся] и не обижаешь, такъ и тамъ хорошо будетъ.

Говорилъ онъ мало. Только просилъ пить и все чему-то удивлялся.

Удивился чему-то, потянулся и померъ.

28 февраля 1905 г.

ДѢТСКАЯ МУДРОСТЬ.

О РЕЛИГІИ.

Мальчикъ *и* мама.

Мальчикъ. Отчего это няня нынче нарядилась и на меня надѣла вотъ новую рубашечку?

Мать. А оттого, что нынче праздникъ, и мы пойдемъ въ церковь.

Мальчикъ. Какой праздникъ?

Мать. Вознесенье.

Мальчикъ. Что значитъ «Вознесенье»?

Мать. Значитъ то, что Господь Іисусъ Христосъ вознесся на небо.

Мальчикъ. Что значитъ «вознесся»?

Мать. Значитъ — полетѣлъ.

Мальчикъ. Какъ же онъ полетѣлъ: на крыльяхъ?

Мать. Не на крыльяхъ, а просто полетѣлъ, потому что онъ — Богъ, и Богъ все можетъ.

Мальчикъ. Ну, а куда же онъ полетѣлъ? Мнѣ папа говорилъ, что небо только кажется, а что тамъ нѣтъ ничего, что тамъ звѣзды, и за звѣздами — еще звѣзды, и небу нѣтъ конца. Куда же онъ полетѣлъ?

Мать (*улыбается*). Всего нельзя понять, надо вѣрить.

Мальчикъ. Чему?

Мать. Тому, что говорятъ старшіе.

. . . .

. . . .

Мать. Такъ поди, скажи папѣ, что мы идемъ, и надѣнь шарфъ.

Мальчикъ. А послѣ обѣдни будетъ шоколадъ?

О ВОЙНАХЪ.

Карлхенъ Шмитъ—*9 лѣтъ*, **Петя Орловъ**—*10 лѣтъ и* **Маша Орлова**—*8 лѣтъ.*

Карлхенъ Шмитъ. Потому что наша Пруссія не позволитъ, чтобъ русскіе у насъ отнимали землю.

Петя Орловъ. А мы говоримъ, что эта земля наша, потому что мы ее завоевали прежде.

Маша Орлова. Чья «наша»?

Петя Орловъ. Ну, ты мала, не понимаешь. Наша — значитъ, нашего государства.

Карлхенъ Шмитъ. Всѣ люди такъ живутъ, что одни принадлежатъ одному государству, другіе — другому.

Маша Орлова. Кому я принадлежу?

Петя Орловъ. Такъ же, какъ и всѣ, — Россіи.

Маша Орлова. А коли я не хочу?

Петя Орловъ. Да это ужъ ты хочешь — не хочешь, ты все-таки русская. У каждаго народа свой царь, король...

Карлхенъ Шмитъ *(вставляетъ)*. Парламентъ...

Петя Орловъ. У каждаго свое войско, каждый собираетъ отъ своихъ подати.

Маша Орлова. Зачѣмъ же такъ — врозь?

Петя Орловъ. Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, что каждое государство особо.

Маша Орлова. Да зачѣмъ врозь?

Карлхенъ Шмитъ. Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, что каждый человѣкъ любитъ свое отечество.

Маша Орлова. Не понимаю, зачѣмъ врозь. Развѣ не лучше всѣмъ вмѣстѣ?

Петя Орловъ. Это играть въ игрушки лучше вмѣстѣ, а это не игрушки, а важныя дѣла.

Маша Орлова. Не понимаю.

Карлхенъ Шмитъ. Вырастешь — поймешь.

Маша Орлова. Такъ не хочу и вырастать.

Петя Орловъ. Маленькая, а ужъ упрямая, какъ всѣ онѣ.

ОБЪ ОТЕЧЕСТВѢ, ГОСУДАРСТВѢ.

Гаврила — *запасный солдатъ, прислуга.* **Миша** — *барчукъ.*

Гаврила. Ну, Мишенька, прощайте, милый баринъ. Теперь ужъ приведетъ ли Богъ повидаться...

Миша. Такъ ты и точно уходишь?

Гаврила. Да какъ же? Война опять. А я — запасный.

Миша. Съ кѣмъ же война? Кто съ кѣмъ воюетъ?

Гаврила. Да Богъ ихъ знаетъ. И не разберешь. Я хоть и читалъ въ газетахъ, да не пойму досконально. Сказываютъ, австріякъ на нашего обидѣлся за то, что онъ тѣхъ, какъ, бишь, ихъ... въ чемъ-то уважилъ...

Миша. Ты-то зачѣмъ идешь? . . . .
. . . .

Гаврила. А то какъ же? За царя, отечество, вѣру православную.

Миша. Да вѣдь тебѣ не хочется идти?

Гаврила. Кому же хочется жену, дѣтей побросать. Да и самому развѣ охота послѣ жисти хорошей.

Миша. Такъ зачѣмъ же ты идешь? Ты скажи, что «не хочу», и не иди. Что же они тебѣ сдѣлаютъ?

Гаврила *(смѣется)*. Что сдѣлаютъ? Силой потащатъ.

Миша. Да кто же тебя потащитъ?

Гаврила. Да такіе же вотъ, какъ я. . . . .
. . . .

Гаврила. . . . . .Велятъ — и потащатъ. . . .
. . . .
. . . .

Гаврила. И чудно вы говорите! Съ вами заболтаешься. Пойти напослѣдкахъ самоваръ поставить.

О ПОДАТЯХЪ.

Старшина *и* **Грушка** — *7 лѣтъ.*

Старшина *(входитъ въ бѣдную избу. Никого нѣтъ, кромѣ 7-лѣтней Грушки. Оглядывается)*. Али никого нѣтъ?

Грушка. Мамка ушла за коровой, а Ѳедька — на барскомъ дворѣ.

Старшина. Ну, такъ скажи мамкѣ, что старшина, молъ, заходилъ. Скажи,—въ третій разъ поминаю,—велѣлъ, скажи безпремѣнно принести къ воскресенью подати, а то корову сведу,

Грушка. Какъ корову сведешь? Ты развѣ воръ? А мы не дадимъ.

Старшина *(улыбается)*. Вишь, шустрая дѣвчонка какая! Какъ звать?

Грушка. Грушка.

Старшина. Ай, Грушка, молодецъ Такъ ты слухай: такъ и скажи матери, что я хоть и не воръ, а корову сведу.

Грушка. Зачѣмъ же ты корову сведешь, коли ты не воръ?

Старшина. А затѣмъ: что̀ положено, то плати. За подати сведу.

Грушка Какія такія подати?

. . . .

. . . .

Старшина. . . . . на насъ же, дураковъ, на наши нужды: на начальство, на войску, на ученье. Намъ же на пользу.

Грушка. Какая же намъ польза, что корову сведешь? Это не польза.

Старшина. Вырастешь, — поймешь. Такъ смотри, скажи мамкѣ.

. . . .

ОБЪ ОСУЖДЕНІИ.

Митя — *10 лѣтъ*, **Илюша** — *9 лѣтъ*, **Соня** — *6 лѣтъ*.

Митя. Я говорю Петру Семеновичу, что можно себя такъ пріучить, чтобъ не нужно было одѣваться. А онъ говоритъ: нельзя. А я ему говорю, что мнѣ Михаилъ Ивановичъ говорилъ, что мы пріучили же лицо такъ, что не холодно; такъ можно и все тѣло пріучить. Дуракъ, говоритъ, твой Михаилъ Ивановичъ. *(Смѣется.)* А Михаилъ Ивановичъ мнѣ только вчера говорилъ: много, говоритъ, вретъ вашъ Петръ Семеновичъ. Ну, говоритъ, дуракамъ законъ не писанъ. *(Смѣются.)*

Илюша. Я бы ему такъ и сказалъ: вы—его, а онъ—васъ.

Митя. Нѣтъ, сурьезно, я такъ и не знаю, кто изъ нихъ дуракъ.

Соня. Оба дураки. Кто кого дуракомъ ругаетъ, тотъ и дуракъ.

Илюша. А ты обоихъ обругала. Стало быть, ты самая дура и есть.

Митя. Нѣтъ, мнѣ то не нравится, что другъ про дружку такъ говорятъ, а въ лицо не скажутъ. Я выросту большой, такъ не буду дѣлать. Что думаю, то и буду говорить.

Илюша. И я тоже.

Соня. А я по-своему буду.

Митя. Какъ по-своему?

Соня. Да такъ. Когда захочу, — скажу, а не захочу, — не скажу.

Илюша. Вотъ и вышла дура.

Соня. А ты сказалъ, не будешь ругать.

Илюша. Да я не за глаза.

О ДОБРОТѢ.

Дѣти **Маша** *и* **Миша** *передъ домомъ строятъ для куколъ шалашъ.*

Миша *(съ сердцемъ на Машу)*. Да не то! Ту палку тащи. Непонятная!

Старуха *(выходитъ на крыльцо, крестится и приговариваетъ)*. Спаси ее Христосъ! Вотъ душа ангельская. Всѣхъ жалѣетъ.

(Дѣти перестаютъ играть, смотрятъ на старуху.)

Миша. Ты о комъ?

Старуха. Объ матушкѣ объ вашей. Помнитъ Бога. Насъ, бѣдныхъ, жалѣетъ. Вотъ и юбку дала, и чайку, и деньжонокъ. Спаси ее, Господь, Царица Небесная. Не такъ, какъ тотъ нехристь. «Много васъ, говоритъ, шляется». И собаки такія же злыя. Насилу ушла.

Маша. Это кто же?

Старуха. Да напротивъ винополки. Охъ недобрый баринъ. Ну да Богъ съ нимъ! Спасибо ей, голубушкѣ, наградила, утѣшила горемычную. И какъ бы жить намъ, кабы такихъ людей не было. *(Плачетъ.)*

Маша *(къ Мишѣ)*. Какая она добрая!

Старуха. Вырастете, дѣтки, также не оставляйте бѣдноту. И васъ Богъ не оставитъ. *(Уходитъ.)*

Миша. Какая она жалкая!

Маша. А я рада, что мама ей дала.

Миша. А я не знаю, отчего не давать, когда есть. Намъ не нужно, а ей нужно.

Маша. Ты помнишь, какъ Іоаннъ Креститель говорилъ: у кого двѣ одежды, отдай одну.

Миша. Да, когда выросту, я все буду отдавать.

Маша. Все нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Маша. А самъ какъ же?

Миша. А мнѣ все равно. Надо быть всѣмъ добрымъ. И всѣмъ хорошо будетъ.

(И Миша бросилъ играть и пошелъ въ дѣтскую, оторвалъ отъ тетради листокъ и написалъ что-то въ него и положилъ въ карманъ.

Въ листкѣ было написано:)

НАДА БУТЪ ДОБРУМ.

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ ЗА ТРУДЪ.

Отецъ *и* **Катя**—*9 лѣтъ и* **Ѳедя**—*8 лѣтъ.*

Катя. Папа, у насъ салазки сломались. Ты не можешь починить?

Отецъ. Не могу, голубчикъ. Не умѣю. Надо Прохору отдать, онъ вамъ починитъ.

Катя. Да мы были на дворнѣ. Онъ говоритъ, ему некогда. Онъ ворота дѣлаетъ.

Отецъ. Ну, что жъ дѣлать, — подождите.

Ѳедя. А ты, папа, совсѣмъ не умѣешь?

Отецъ *(улыбаясь)*. Совсѣмъ не умѣю, дружокъ.

Ѳедя. Ты и ничего не умѣешь?

Отецъ *(смѣется)*. Нѣтъ, кое-что умѣю. А того, что Прохоръ умѣетъ, того не умѣю.

Ѳедя. А самовары дѣлать умѣешь, какъ Василій?

Отецъ. Тоже не умѣю.

Ѳедя. А лошадей закладывать?

Отецъ. Тоже не умѣю.

Ѳедя. А я думаю: отчего мы ничего не умѣемъ дѣлать, а они все для насъ дѣлаютъ? Развѣ это хорошо.

Отецъ. Каждому свое. Ты вотъ учись и узнаешь, что̀ кому нужно умѣть дѣлать.

Ѳедя. Развѣ намъ не нужно умѣть кушанье готовить и лошадей закладывать?

Отецъ. Есть вещи нужнѣе этого.

Ѳедя. Да, я знаю: чтобы быть добрымъ, чтобъ не сердиться, не браниться. Да вѣдь можно и кушанье готовить, и лошадей закладывать, и быть добрымъ? Правда вѣдь, можно?

Отецъ. Разумѣется, можно. Погоди, выростешь, тогда поймешь.

Ѳедя. А коли я не выросту?

Отецъ. Какія ты глупости говоришь!

Катя. Такъ можно Прохору сказать?

Отецъ. Можно, можно. Подите къ Прохору, скажите, что я велѣлъ.

О ПЬЯНСТВѢ.

Вечеръ. Осень.

Макарка—*12 лѣтъ* и **Марѳутка**—*6 лѣтъ выходятъ изъ дому на улицу. Марѳутка плачетъ.* **Павлушка**—*10 лѣтъ стоитъ на крыльцѣ въ сосѣднемъ домѣ.*

Павлушка. Куда васъ нелегкая несетъ ночное дѣло?

Макарка. Опять закурилъ.

Павлушка. Дядя Прохоръ?

Макарка. А то кто жъ.

Марѳутка. Мамку бьетъ...

Макарка. И не пойду. Онъ и меня исколотитъ. *(Садится у порога.)* Тутъ и ночевать буду. Не пойду.

(Молчаніе. Марѳутка плачетъ.)

Павлушка *(на Марѳутку)*. Ну, буде. Ничего. Что жъ дѣлать. Буде.

Марѳутка *(сквозь слезы)*. Кабы я царь была, я бы тѣхъ исколотила, кто ему водку даетъ. Никому бы не велѣла эту водку держать.

Макарка. Какъ не такъ!. . . . .

Павлушка. Врё?

Макарка. Вотъ-те и «врё». Поди, спроси, за что Акулину въ тюрьму посадили? А за то, что не торгуй виномъ . . . .

Павлушка. Развѣ за это? Сказывали, она что-то противъ закону...

Макарка. То и противъ закону, что виномъ торговала.

Марѳутка. Я бы ей не велѣла. Все это вино. То ничего, а то бьетъ не судомъ всѣхъ.

Павлушка *(къ Макаркѣ)*. Чудно ты говоришь. Спрошу завтра у учителя. Ему нельзя не знать.

Макарка. Ну, и спроси.

(На другое утро Прохоръ, отецъ Макарки, выспавшись, ушелъ опохмеляться. Мать Макарки съ распухшимъ, подбитымъ глазомъ мѣсила хлѣбы. Павлушка пошелъ въ школу. Ребята еще не собрались. Учитель сидитъ на крылечкѣ и куритъ, пропуская ребятъ въ школу.)

Павлушка *(подходя къ учителю)*. А скажите, Евгеній Семенычъ, правда это мнѣ вчера одинъ человѣкъ сказывалъ, что . . . . и Акулину въ тюрьму посадили за это самое?

Учитель. И ты глупо спрашиваешь, и дуракъ тотъ, кто говорилъ тебѣ. . . . . А что Акулину подвергли тюремному заключенію, такъ это за то, что она безпатентно торговала виномъ, слѣдовательно, казнѣ убытокъ дѣлала.

Павлушка. Почему убытокъ?

Учитель. Потому что на вино наложенъ акцизъ. Ведро [казнѣ обходится два рубля], а въ продажѣ [стоитъ восемь сорокъ]. Вотъ этотъ лишекъ и составляетъ доходъ государству. И доходъ этотъ самый большой, [700] милліоновъ.

Павлушка. Стало быть, что больше пьютъ вино, то больше дохода?

Учитель. Извѣстно. Не будь этого дохода, не на что бы было содержать ни войска, ни училище, ни все то, что для васъ всѣхъ нужно.

Павлушка. Да если это всѣмъ нужно, такъ отчего же прямо бы [не] брать это на нужныя дѣла, а зачѣмъ черезъ вино?

Учитель. Какъ зачѣмъ черезъ вино? Затѣмъ, что, значитъ, такъ положено. Ну, ребята, — собрались, разсаживайтесь.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Петръ Петровичъ — *профессоръ*. **М. И.,** *жена профессора шьетъ*. **Ѳедя,** *ея сынъ*, *9 лѣтъ*, *слушаетъ разговоръ отца*. **Иванъ Васильевичъ** — *военный прокуроръ*.

Иванъ Васильевичъ. Но нельзя же отрицать опыта исторіи. Мы не только видѣли это во Франціи послѣ революціи и въ другихъ историческихъ моментахъ, но мы видимъ это теперь у насъ, что и пресѣченіе, т.-е. изъятіе извращенныхъ и опасныхъ для общества членовъ, достигаетъ цѣли.

Петръ Петровичъ. Нѣтъ, мы не можемъ знать этого, знать дальнѣйшихъ послѣдствій, и это не оправдываетъ исключительныхъ положеній.

Иванъ Васильевичъ. Но мы тоже не имѣемъ права предполагать, что послѣдствія исключительныхъ мѣръ будутъ дурныя, и что если бы они и были дурныя, чтобы причина ихъ заключалась именно въ примѣненіи исключительныхъ мѣръ. Это одно. Другое же то, что устрашеніе не можетъ не дѣйствовать на людей, потерявшихъ всякое человѣческое свойство и превратившихся въ звѣрей. Чѣмъ другимъ, кромѣ устрашенія, можете вы подѣйствовать на людей, какъ тотъ, который спокойно зарѣзалъ старуху и трехъ дѣтей только для того, чтобы украсть триста рублей?

Петръ Петровичъ. Но вѣдь я не отрицаю вообще примѣненія смертной казни, я отрицаю исключительные военные суды, такъ часто примѣняющіе ее. Если бы эти частыя смертныя казни производили только устрашеніе, но вмѣстѣ съ устрашеніемъ онѣ производятъ и развращеніе: пріучаютъ людей къ равнодушію къ убійству себѣ подобныхъ.

Иванъ Васильевичъ. Опять мы не знаемъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а, зная благотворность...

Петръ Петровичъ. Благотворность?!

Иванъ Васильевичъ. Да, благотворность ближайшихъ, не имѣемъ права отрицать ихъ. Какъ же можетъ общество не воздать по дѣламъ его такому злодѣю, какъ...

Петръ Петровичъ. Т.-е., что общество должно мстить?

Иванъ Васильевичъ. Не мстить, а, напротивъ, замѣнять личную месть общественнымъ возмездіемъ.

Петръ Петровичъ. Да, но тогда оно должно происходить въ разъ навсегда опредѣленныхъ закономъ формахъ, а не въ исключительныхъ положеніяхъ.

Иванъ Васильевичъ. Возмездіе общественное замѣняетъ ту месть случайную, преувеличенную, незаконную, часто необоснованную, ошибочную, которую могло бы употреблять частное лицо.

Петръ Петровичъ *(горячась)*. Что же, по вашему мнѣнію, это возмездіе примѣняется теперь всегда не случайно, всегда обоснованно, всегда безошибочно? Нѣтъ, никогда не соглашусь. Никакіе ваши доводы не могутъ убѣдить ни меня, ни кого бы то ни было, что эти исключительныя положенія, при которыхъ казнены тысячи и казни все продолжаются, чтобы

это было и разумно, и законно, и благотворно. *(Встаетъ и ходитъ въ волненіи.)*

Ѳедя *(къ матери)*. Мама, о чемъ папа споритъ?

М. И. О томъ, что папа думаетъ, что нехорошо, что такъ много смертныхъ казней.

Ѳедя. Какъ, что до смерти убиваютъ?

М. И. Да. Онъ думаетъ, что не надо этого дѣлать такъ часто.

Ѳедя *(подходитъ къ отцу)*. Папа, отчего же въ десяти заповѣдяхъ сказано: не убивать? Стало быть, совсѣмъ не надо?

Петръ Петровичъ *(улыбаясь)*. Это сказано не про то, про что мы говоримъ, а про то, чтобы одни люди не убивали другихъ.

Ѳедя. Да вѣдь если казнятъ, то убиваютъ все-таки людей?

Петръ Петровичъ. Разумѣется, но надо понимать, почему и когда можно.

Ѳедя. Когда же можно?

Петръ Петровичъ. Ну, какъ тебѣ сказать? Ну, война, ну, злодѣй всѣхъ убиваетъ. Какъ же его такъ и оставить и не наказывать?

Ѳедя. А какъ же въ Евангеліи сказано, чтобы всѣхъ любить, всѣхъ прощать?

Петръ Петровичъ. Хорошо бы было, если бы можно было такъ. Да нельзя.

Ѳедя. Отчего нельзя?

Петръ Петровичъ. А оттого. *(Обращается къ Ивану Васильевичу, который улыбается, слушая Ѳедю.)* Такъ вотъ я, почтенный Иванъ Васильевичъ, и не могу и не могу признать пользу исключительныхъ положеній и военныхъ судовъ.

О ТЮРЬМАХЪ.

Семка — *13 лѣтъ*, **Аксютка** — *10 лѣтъ*, **Митька** — *10 лѣтъ*, **Палашка** — *9 лѣтъ*, **Ванька** — *8 лѣтъ. Набравши грибовъ, сидятъ у колодца.*

Аксютка. И ужъ какъ убивалась тетка Матрена! А ребята — одинъ заголоситъ, всѣ зальются, зальются.

Ванька. Чего же они ревутъ?

Палашка. Чего ревутъ? Отца въ острогъ ведутъ. Кому жъ ревѣть?

Ванька. За что въ острогъ?

Аксютка. А кто ихъ знаетъ. Пришли, — собирайся, говорятъ, взяли, повели. Намъ все видать...

Семка. За то и ведутъ, что лошадей не уводи. У Демкина свели, у Краснова — тоже ихъ работа. Не миновалъ ихъ рукъ и нашъ меринъ. Что же его — по головкѣ гладить?

Аксютка. Да что и говорить, только ребятъ жалко. Четверо вѣдь ихъ. А бѣднота — хлѣба нѣтъ. Нынче къ намъ приходили.

Семка. А не воруй.

Митька. Да вѣдь онъ воровалъ, а не ребята. Имъ-то за что же по-міру идти?

Семка. А не воруй.

Митька. Да вѣдь не ребята, а онъ.

Семка. Эка заладилъ: «ребята, ребята». Зачѣмъ же онъ худо дѣлаетъ? Что же, — оттого, что много ребятъ, такъ ему и воровать?

Ванька. А что же съ нимъ тамъ, въ острогѣ, дѣлать будутъ?

Аксютка. Будетъ сидѣть, да и все.

Ванька. А кормить будутъ?

Семка. То-то они не боятся, конокрады проклятые. Что ему острогъ! На всемъ готовомъ, сиди, посиживай. Кабы я царь былъ, я бы зналъ, какъ съ этими конокрадами обойтись. Я бы ихъ отучилъ. А то ему что. Сидитъ, посиживаетъ съ такими же молодцами. Другъ друга научаютъ, какъ лучше воровать. Дѣдъ сказывалъ, что Петруха совсѣмъ хорошій былъ малый, а какъ разъ побывалъ въ острогѣ, такой отпѣтый оттелева вышелъ, что бѣда. Съ тѣхъ поръ и началъ...

Ванька. Такъ зачѣмъ ихъ сажаютъ?

Семка. А вотъ ты спроси.

Аксютка. Его посадятъ на готовый на хлѣбъ...

Семка (*вставляетъ*). Чтобъ онъ получше обучился...

Аксютка. А ребята съ мамкой помирай съ голоду. Сосѣди вѣдь, жалко. Что съ ними станешь дѣлать? Придутъ хлѣба просить, нельзя не дать.

Ванька. Такъ зачѣмъ же ихъ сажаютъ?

Семка. А что жъ съ ними дѣлать?

Ванька. Что? Что дѣлать? Какъ-нибудь такъ, чтобъ...

Семка. Вотъ то-то «какъ-нибудь», а какъ — и самъ не знаешь. Поумнѣй тебя думали, да не придумали.

Палашка. А я думаю, что если [бы] я была царица...

Аксютка (*смѣется*). Ну, что жъ ты, царица бы, сдѣлала?

П а л а ш к а. А то бы сдѣлала, чтобы никто не воровалъ, и чтобъ ребята не плакали.

А к с ю т к а. Да какъ же ты сдѣлаешь?

П а л а ш к а. А такъ и сдѣлала бы, чтобы всѣмъ давать все, что нужно, чтобъ никого не обижать, и чтобы всѣмъ хорошо было.

С е м к а. Ай, царица! Да какъ ты это сдѣлаешь?

П а л а ш к а. Да такъ и сдѣлаю.

М и т ь к а. Ну, а что же, частый березникъ пройдемъ? Тамъ анадысь много дѣвки набрали.

С е м к а. И то. Въ ходъ, ребята. Ты, царица, смотри, не разсыпь свои грибы, [а] то ужъ очень шустра.

(Встаютъ и уходятъ.)

О БОГАТСТВѢ.

Сидятъ на балконѣ за чаемъ **хозяинъ, хозяйка, дочь** *и шестилѣтній* **Вася.** *Дѣти взрослые играютъ въ теннисъ. Подходитъ молодой* **нищій.**

Х о з я и н ъ *(къ нищему).* Ты что?

Н и щ і й *(кланяется).* Извѣстно, что. Пожалѣйте безработнаго. Раздѣмши, не ѣмши идемъ. Въ Москвѣ былъ, теперь до дома пробираюсь. Помогите бѣдному человѣку.

Х о з я и н ъ. А отчего ты бѣдный?

Н и щ і й. Извѣстно отчего, — отъ нужды.

Х о з я и н ъ. Работалъ бы, не былъ бы бѣденъ.

Н и щ і й. И радъ бы работать, да работы нынче нѣтъ. Все позакрывали.

Х о з я и н ъ. Отчего же другіе работаютъ, а у тебя нѣтъ работы?

Н и щ і й. Вѣрьте совѣсти, всей душой радъ бы работать, — не берутъ. Пожалѣйте, баринъ, второй день не ѣмши иду.

Х о з я и н ъ *(смотритъ въ кошелекъ. Къ женѣ).* Avez-vous de la petite monnaie? Je n'ai que des assignats [1]).

Х о з я й к а *(къ Васѣ).* Поди, умникъ, у меня въ мѣшкѣ на столикѣ, подлѣ кровати, кошелекъ, — возьми и принеси.

В а с я *(не слышитъ матери, смотритъ, не спуская глазъ, на нищаго).*

---

[1]) Есть у тебя мелочь? У меня только бумажки.

Хозяйка. Вася, не слышишь? *(Дергаетъ его за рукавъ.)* Вася!

Вася. Что ты, мама?

(Хозяйка повторяетъ, куда идти, что взять.)

Вася *(вскакиваетъ)*. Сейчасъ. *(Все оглядывается на нищаго, уходитъ.)*

Хозяинъ. Подожди, сейчасъ. *(Нищій отходитъ къ сторонѣ.)* *(Къ женѣ по-французски.)* Это ужасно, сколько ихъ ходитъ безъ работы. Все лѣнь.

Хозяйка. Но все-таки ужасно, если онъ голоденъ.

Хозяинъ. Преувеличеніе.

Хозяйка. Говорятъ, то же и за границей. Я читала, въ Нью-Йоркѣ что-то около ста тысячъ безработныхъ. Хочешь еще чаю?

Хозяинъ. Налей послабѣе. *(Закуриваетъ. Молчаніе. Нищій смотритъ на нихъ, покачиваетъ головой и кашляетъ, очевидно, обращая на себя вниманіе.)*

(Вася прибѣгаетъ съ кошелькомъ и тотчасъ ищетъ глазами нищаго и, подавая кошелекъ матери, уставляется на него.)

Хозяинъ *(достаетъ гривенникъ изъ кошелька)*. Такъ вотъ ты, какъ тебя, получи.

Нищій *(снимаетъ шапку, кланяется, беретъ монету)*. Благодарю, спасибо и на этомъ. Благодаримъ за то, что пожалѣли бѣднаго человѣка.

Хозяинъ. Жалѣю, главное, о томъ, что не работаете. Работали бы, такъ не были бы бѣдны. Кто работаетъ, тотъ не будетъ бѣденъ.

Нищій *(получивъ деньги, надѣваетъ шапку и, повернувшись, говоритъ)*. Это точно, что отъ работы будешь не богатъ, а горбатъ. *(Уходитъ.)*

Вася. Что это онъ сказалъ?

Хозяинъ. А сказалъ ихнюю глупую мужицкую пословицу, что отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ.

Вася. Что это значитъ?

Хозяинъ. А то, что будто бы отъ работы только сгорбишься, а не разбогатѣешь.

Вася. Это неправда?

Хозяинъ. Разумѣется, неправда. Тѣ, кто такъ, какъ эти, шляются и не хотятъ работать, — тѣ всегда бѣдны. Богаты бываютъ только тѣ, кто работаетъ.

Вася. Отчего же мы не работаемъ, а богаты?

Хозяйка *(смѣется)*. Почемъ же ты знаешь, что папа не работаетъ?

Вася. Я не знаю, но вѣдь мы очень богаты, стало быть, папѣ надо ухъ какъ много работать. А развѣ онъ такъ много работаетъ?

Хозяинъ. Работа работѣ рознь. Можетъ, моя работа такая, что ее (не) всякій можетъ работать.

Вася. Какая же твоя работа?

Хозяинъ. Моя работа та, чтобъ васъ всѣхъ кормить, одѣвать, учить.

Вася. Да вѣдь и у него тоже. За что же ему надо ходить такимъ жалкимъ, а мы вотъ такъ...

Хозяинъ *(смѣясь)*. Вотъ такъ самородный соціалистъ!

Хозяйка. Да, говорится: «Ein Narr kann mehr fragen, als Tausend Weisen antworten»: всякій дуракъ задаетъ такіе вопросы, что и тысяча мудрыхъ не отвѣтятъ. Надо бы сказать: ein Kind, — не дуракъ, а всякій ребенокъ.

ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХЪ ВАСЪ.

Маша—*10 лѣтъ и* **Ваня**—*8* [*лѣтъ*].

Маша. А я сейчасъ думаю: вотъ если бы мама вернулась сейчасъ и взяла бы насъ съ собой, и мы всѣ бы поѣхали сначала въ пассажъ, а потомъ къ Настѣ. А тебѣ чего бы хотѣлось?

Ваня. Мнѣ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы было, какъ вчера.

Маша. Да что жъ такое вчера было? то, что тебя Гриша побилъ, и потомъ вы съ нимъ расплакались? Тутъ хорошаго мало.

Ваня. А вотъ это самое и хорошо было. Такъ хорошо было, что лучше ничего не бываетъ. Вотъ этого бы мнѣ и хотѣлось.

Маша. Не понимаю.

Ваня. А это вотъ что, я тебѣ растолкую, чего мнѣ хочется. Помнишь, какъ въ прошлое воскресенье дяденька П. И.... какъ я его люблю!

Маша. Кто жъ его не любитъ? Мама говоритъ, что онъ святой. Это и правда.

Ваня. Такъ помнишь, прошлое воскресенье онъ разсказывалъ исторію, какъ одного человѣка все обижали, и кто больше обижалъ, тѣхъ онъ больше и любилъ. Они его ругаютъ, а онъ ихъ хвалитъ. Они его бьютъ, а онъ имъ помогаетъ. Дяденька говоритъ, что если такъ дѣлать, такъ очень хорошо тому, кто

такъ дѣлаетъ. Мнѣ это понравилось, я и захотѣлъ такъ дѣлать. И вотъ, когда Гриша побилъ меня вчера, я вспомнилъ это, сталъ его цѣловать, а онъ заплакалъ. И такъ мнѣ стало весело. А съ няней вчера я ошибся: она меня стала бранить, а я забылъ, какъ надо, и самъ нагрубилъ ей. И вотъ мнѣ теперь хочется еще разъ попробовать, какъ съ Гришей было.

Маша. Такъ тебѣ хотѣлось [бы], чтобы тебя побилъ кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотѣлось. Я бы сейчасъ сдѣлалъ то же, что съ Гришей, и сейчасъ же мнѣ бы стало весело.

Маша. Вотъ глупости-то! Какъ былъ глупъ, такъ и остался.

Ваня. Ну, что жъ, глупъ, такъ глупъ, а только я знаю теперь, какъ надо дѣлать, чтобы всегда [было] хорошо.

Маша. Ужасный дуракъ! И точно хорошо отъ этого бываетъ?

Ваня. Очень.

О ПЕЧАТИ.

Классная.

Володя, *гимназистъ — 14 лѣтъ, читаетъ, готовитъ уроки.* **Соня** — *15* [*лѣтъ*], *пишетъ.* **Дворникъ** *входитъ съ тяжелой ношей за спиной, за нимъ* **Миша** — *8 лѣтъ.*

Дворникъ. Куда, баринъ, самую эту исторію сложить? Всѣ плечи оттянула.

Володя. Да куда тебѣ велѣли?

Дворникъ. Василій Тимоѳеевичъ сказалъ: неси пока въ классную, пока самъ пріѣдетъ.

Володя. Ну, такъ сюда, въ уголъ. *(Опять читаетъ.)*

Дворникъ *(сваливаетъ, вздыхаетъ).*

Соня. Это что?

Володя. «Правда», газета.

Миша. Какъ правда?

Соня. Какъ, такъ много?

Володя. За весь годъ. *(Продолжаетъ читать.)*

Миша. Все это писано?

Дворникъ. Ну, и сказать, что не гуляли тѣ, что писали.

Володя *(смѣется).* Какъ ты сказалъ?

Дворникъ. Да какъ сказалъ: писали, не гуляли, говорю. Такъ я пойду, вы скажите, что принесъ. *(Уходитъ.)*

Соня *(къ Володѣ).* Зачѣмъ же это папа̀ всю газету?

Володя. Онъ хочетъ выбрать статьи Большакова.

Соня. А дядя Михаилъ Ивановичъ говоритъ, что ему отъ Большакова тошно дѣлается.

Володя. Ну, то дяденька Михаилъ Ивановичъ. Онъ только одну «Истину для всѣхъ» читаетъ.

Миша. А эта дяденькина «Истина» такая же большая, какъ эта?

Соня. Еще больше. Да вѣдь это за одинъ годъ, а онѣ лѣтъ по двадцать выходятъ.

Миша. Такихъ двадцать, да еще двадцать?

Соня *(хочетъ удивить Мишу)*. Это что! Это двѣ газеты, а ихъ, выходитъ тридцать или больше.

Володя *(не поднимая головы)*. Тридцать? Пятьсотъ тридцать въ Россіи, а если взять всѣ, что за границей, — ихъ тысячи.

Миша. Въ эту комнату не уложатся?

Володя. Въ эту комнату?! Въ нашу улицу не уложатся. Ну да не мѣшайте мнѣ, пожалуйста. Завтра, навѣрно, спросятъ, а вы съ своими глупостями. *(Опять читаетъ.)*

Миша. А я думаю, что это не надо — такъ много писать.

Соня. Отчего не надо?

Миша. А оттого не надо, что если правда, такъ что же все одно и то же говорить, а если неправда, такъ не надо врать.

Соня. Вотъ такъ рѣшилъ?

Миша. Зачѣмъ же они такъ ужасно много пишутъ?

Володя *(отъ книги)*. А затѣмъ, что безъ свободы печати почемъ же узнали [бы], гдѣ правда.

Миша. Папа вотъ говоритъ, что въ «Правдѣ»—правда, а дядя Михаилъ Ивановичъ, — что ему отъ «Правды» тошно дѣлается. Какъ же они узнаютъ, гдѣ правда: въ «Правдѣ» или въ «Истинѣ»?

Соня. Это точно. Я думаю, что слишкомъ много газетъ, журналовъ, книгъ.

Володя. Вотъ и видна женщина, — всегда легкомысліе.

Соня. Нѣтъ, я говорю, что оттого, что слишкомъ много, нельзя узнать...

Володя. На это каждому умъ данъ, чтобы разсудить, гдѣ правда.

Миша. А если у каждаго умъ есть; такъ и можетъ каждый самъ разсудить.

Володя. Вотъ ты отъ большого ума и разсудилъ. Но, пожалуйста иди куда-нибудь и мнѣ не мѣшай.

РАСКАЯНІЕ.

Воля — *8 лѣтъ, стоитъ въ коридорѣ съ пустой тарелкой и плачетъ.* **Ѳедя** — *10 лѣтъ, вбѣгаетъ въ коридоръ и останавливается*

Ѳедя. Мама велѣла узнать, гдѣ ты. Да ты что же плачешь? Нянѣ снесъ? *(Видитъ пустую тарелку, свиститъ.)* Гдѣ же пирожное?

Воля. Я... я... я хотѣлъ, я... и вдругъ... у-у-у! нечаянно съѣлъ.

Ѳедя. Не донесъ до няни, съѣлъ? Вотъ такъ ловко! А мама думала, что ты радъ снести нянѣ.

Воля. Да я и радъ... да вдругъ... нечаянно... у-у-у!

Ѳедя. Попробовалъ, да и съѣлъ! Ловко! *(Смѣется.)*

Воля. Да, тебѣ... хорошо... смѣяться, а какъ я скажу?... И къ нянѣ нельзя, и къ мамѣ нельзя...

Ѳедя. Ну, братъ, надѣлалъ дѣла — ха-ха-ха! Такъ все и съѣлъ? Да что же плакать, надо придумать.

Воля. Что жъ я могу придумать? Что мнѣ теперь дѣлать?

Ѳедя. Ну, дѣла! *(Старается не смѣяться.)*

(Молчаніе.)

Воля. Что мнѣ теперь дѣлать? Пропалъ я. *(Реветъ.)*

Ѳедя. Объ чемъ же такъ огорчаться? Будетъ ревѣть-то. Просто, поди, скажи мамѣ, что снесъ.

Воля. Это еще хуже.

Ѳедя. Ну, такъ нянѣ признайся.

Воля. Какъ я ей скажу?

Ѳедя. Такъ слушай же: постой здѣсь, я сбѣгаю къ нянѣ, разскажу; она ничего.

Воля. Нѣтъ, не говори. Какъ я ей скажу?

Ѳедя. Вотъ пустяки! Ну, ошибся, что же дѣлать. Я сейчасъ ей скажу. *(Убѣгаетъ.)*

Воля. Ѳедя! Ѳедька! Постой! Убѣжалъ... Только попробовалъ, а потомъ и не помню, какъ, и вотъ надѣлалъ. Что теперь дѣлать?.. *(Реветъ.)*

(Прибѣгаетъ Ѳедя.)

Ѳедя. Да будетъ ревѣть. Я какъ и говорилъ тебѣ, что няня проститъ. Она только и сказала: «ахъ, мой голубчикъ!»

Воля. Что же и не сердится?

Ѳедя. И не думаетъ. «Богъ съ нимъ, съ пирожнымъ, я бы ему и такъ отдала».

Воля. Да вѣдь я нечаянно. *(Опять плачетъ.)*

Ѳедя. Ну, объ чемъ же теперь? Мамѣ не скажемъ, а няня простила.

Воля. Няня простила. Я знаю, что она хорошая, добрая. А я?.. Я — гадкій, гадкій, гадкій. Объ этомъ и плачу.

ОБЪ ИСКУССТВѢ

Лакей, экономка *и* **Наташа** — *8 лѣтъ.*

Лакей *(съ подносомъ).* Миндальнаго молока къ чаю и рому.

Экономка *(вяжетъ чулокъ и считаетъ петли).* Двадцать двѣ, двадцать три...

Лакей. Слышите, что ли, Авдотья Васильевна? а Авдотья Васильевна?

Экономка. Слышу, слышу, сейчасъ. Не разорваться мнѣ. *(Къ Наташѣ.)* Сейчасъ, маточка, и вамъ черносливцу принесу. Вотъ дай срокъ — молоко отпущу. *(Цѣдитъ молоко.)*

Лакей *(присаживается).* Ну, ужъ насмотрѣлся я. И за что только деньги платятъ?

Экономка. Это что же, въ театрѣ были? Что-то долго нынче.

Лакей. Опера всегда долго. Сидишь, сидишь. Спасибо, пустили посмотрѣть. Чудно.

(Буфетный мужикъ **Павелъ** *входитъ со сливками и останавливается слушать.)*

Экономка. Пѣніе, значитъ?

Лакей. Какое пѣніе! Такъ, дуромъ горланятъ. И не похоже вовсе. Я, говоритъ, ее очень какъ люблю. И все это на голосъ выводитъ, и не похоже совсѣмъ. А то повздорили, надо имъ драться, а они опять поютъ.

Экономка. А вѣдь, сказываютъ, дорого стоитъ абанентъ.

Лакей. За нашу ложу триста рублей за двѣнадцать приставленій.

Павелъ *(качаетъ головой).* Триста рублей! Кому же эти деньги-то идутъ?

Лакей. Извѣстно, кому: кто поетъ, тому и платятъ. Сказываютъ, пѣвица въ годъ пятьдесятъ тысячъ выручаетъ.

П а в е л ъ. Тутъ ужъ не до тысячъ рѣчь, а триста рублей по деревенскому быту, охъ, много денегъ. Другой всю жизнь бьется, не то что триста рублей, а и сотни не добьется.

(Гимназистка шестого класса, **Нина,** *приходитъ въ буфетъ.)*

Н и н а. Наташа тутъ? Что же ты пропала, мама спрашиваетъ.

Н а т а ш а *(жуетъ черносливъ)*. Я сейчасъ.

Н и н а *(къ буфетному мужику)*. Что это ты говоришь, сто рублей?

Э к о н о м к а. Да разсказывалъ Семенъ Николаевичъ *(указываетъ на лакея)*, какъ онъ нынче въ театрѣ пѣніе слушалъ, и что какъ много пѣвицамъ платятъ, такъ вотъ Павелъ дивится. Неужели и правда, Нина Михайловна, что пѣвица по пятидесяти тысячъ выручаетъ?

Н и н а. Еще больше. Одну пѣвицу пригласили въ Америку, полтораста тысячъ дали. Да не это одно. Вчера въ газетахъ было, что музыкантъ одинъ за ноготь двадцать пять тысячъ получилъ.

П а в е л ъ. Мало ли что пишутъ! Развѣ это можно.

Н и н а *(съ видимымъ удовольствіемъ)*. Вѣрно я тебѣ говорю.

П а в е л ъ. За что же за ноготь двадцать пять тысячъ?

Н а т а ш а. За что же?

Н и н а. А за то, что онъ — музыкантъ на фортепьяно и застрахованъ. Такъ что если что-нибудь съ рукой случится, и нельзя играть, такъ ему выплачиваютъ.

П а в е л ъ. Ну, дѣла!

С е н е ч к а *(гимназистъ шестого класса, входитъ)*. Вотъ у васъ какое засѣданіе здѣсь. О чемъ это?

Н и н а *(разсказываетъ)*.

С е н е ч к а *(еще съ большимъ удовольствіемъ)*. Мало того, что за ноготь. Въ Парижѣ танцовщица застраховала ногу за двѣсти тысячъ рублей, — значитъ, если свихнетъ и не можетъ работать.

Л а к е й. Это тѣ, что, съ позволенья сказать, безъ портокъ ногами работаютъ.

П а в е л ъ. Ну, ужъ и работа. Какъ не платить деньги!

С е н е ч к а. Да вѣдь не всякій можетъ, да и сколько лѣтъ училась.

П а в е л ъ. Чему училась-то? Добру или какъ ногами вертѣть?

С е н е ч к а. Ну, ты не понимаешь. Искусство — великое дѣло.

Павелъ. А я думаю, — пустяки одни, съ жиру дурашныя деньги платятъ. . . . .
. . . .
А то имъ и вся цѣна-то грошъ. Ну, да что...

Сенечка. Что значитъ необразованность! Для него и Бетховенъ, и Віардо, и Рафаэль, — все вздоръ.

Наташа. А я думаю, онъ правду говоритъ.

Нина. Пойдемъ, пойдемъ.

О НАУКѢ.

Два гимназиста: **реалистъ**—*15 лѣтъ и* **классикъ**—*16 лѣтъ, и два близнеца, братья классика:* **Володя** *и* **Петруша**—*8 лѣтъ.*

Реалистъ. Зачѣмъ же мнѣ и латинскій, и греческій, когда все, что есть важнаго, хорошаго, все ужъ переведено на новые языки?

Классикъ. Никогда не поймешь Иліаду, если не будешь читать ее по-гречески.

Реалистъ. Да мнѣ и вовсе читать ее не нужно, да и не хочу.

Володя. А что такое Иліада?

Реалистъ. Сказка.

Классикъ. Да, но такая, какой другой нѣтъ въ мірѣ.

Петруша. Чѣмъ же она такъ хороша?

Реалистъ. Да ничѣмъ; сказка, какъ сказка.

Классикъ. Да, только настоящаго пониманія древности никогда не достигнешь, если не будешь знать этихъ сказокъ.

Реалистъ. А по-моему, это . . . . суевѣріе . .
. . . .

Классикъ *(горячась)*. . . . .
Это — исторія и мудрость.

Володя. Развѣ . . . .

Классикъ. И что вы тутъ сидите? Вѣдь вы ничего не понимаете.

Оба *(обиженно)*. Отчего же не понимаемъ?

Володя. Можетъ быть, лучше вашего понимаемъ.

Классикъ. Ну, хорошо, хорошо, только не мѣшайтесь въ разговоры, сидите смирно. *(Къ реалисту.)* Ты говоришь, что нѣтъ приложенія къ жизни древнихъ языковъ. Да вѣдь то же самое можно сказать и про бактеріологію, и про химію, и про физику, и про астрономію. На что тебѣ знать о разстояніи

звѣздъ и ихъ объемѣ и всѣ эти никому ни на что ненужныя подробности?

Реалистъ. Почему ненужныя, — очень нужныя.

Классикъ. На что же?

Реалистъ Какъ на что? На все! А мореплаваніе?

[Классикъ.] Это и безъ астрономіи.

Реалистъ. Но зато практическія приложенія къ земледѣлію, къ медицинѣ, къ промышленности...

Классикъ. Да что же, эти самыя данныя прилагаются и къ бомбамъ, и на войнахъ, и [у] революціонеровъ. Если бы эти знанія дѣлали бы то, чтобы люди лучше жили...

Реалистъ. А развѣ отъ вашей науки люди лучше дѣлаются?

Володя. А какія науки, отъ какихъ люди лучше дѣлаются?

Классикъ. Я говорилъ тебѣ: не мѣшайся въ разговоръ съ большими. Все и говоришь глупости.

Володя и Петруша *(въ одинъ голосъ)*. Ну, глупости, не глупости, а только какія науки, чтобы жить хорошо?

Реалистъ. Такихъ нѣтъ. Это самъ всякій для себя дѣлаетъ.

Классикъ. Ну, что ты съ ними разговариваешь, ничего они не понимаютъ.

Реалистъ. Нѣтъ, отчего же. Этому, Володя, Петруша, въ гимназіяхъ не учатъ.

Володя. А этому не учатъ, такъ и не надо учиться.

Петруша. Мы выростемъ большіе, не станемъ учиться тому, что не нужно.

Володя. А будемъ сами жить лучше.

Классикъ *(смѣется)*. Вотъ такъ мудрецы, разсудили.

О СУДѢ ГРАЖДАНСКОМЪ.

Крестьянинъ, *его* **жена** *и* **кума, Ѳедоръ** — *сынъ, 19 лѣтъ,* **Петька** — *другой* [*сынъ*], *9 лѣтъ.*

Крестьянинъ *(входитъ въ избу, раздѣвается)*. Ну, и погодка, насилу добрался.

Жена. Рази ближній свѣтъ! Верстъ, я чай, пятнадцать будетъ?

Крестьянинъ. И всѣ двадцать. *(Къ сыну Ѳедору.)* Убери поди мерина-то.

Жена. Ну, что же, на нашу руку присудили?

Крестьянинъ. Чорта съ два присудили. Ничего толковъ нѣтъ.

Кума. Да въ чемъ, куманекъ, дѣло-то, я не разберу.

Крестьянинъ. А въ томъ дѣло, что захватилъ Аверьянъ мой огородъ и владаетъ, а я концовъ не найду.

Жена. Ужъ второй годъ судимся.

Кума. Знаю, знаю. Какъ же, тогда постомъ-то въ волости судились, мой сказывалъ, тебѣ присудили?

Крестьянинъ. То-то и дѣло, а Аверьянъ земскому подалъ. А земскій возьми да и поверни опять все дѣло назадъ. Я къ судьямъ, судьи мнѣ и присудили. Надо бы конецъ, такъ нѣтъ, опять ему присудили. Тоже судьи!

Жена. Ну, какъ же теперь быть?

Крестьянинъ. А такъ, что не дамъ я ему своего, на вышній судъ подамъ. Я ужъ и аблаката подговорилъ.

Кума. А ну, какъ и въ вышнемъ судѣ на его руку потянутъ?

Крестьянинъ. Еще выше подамъ. Хоть послѣднюю корову просужу, а не поддамся толстопузому дьяволу. Будетъ меня знать!

Кума. Охъ, горе, горе — суды эти. А ну, какъ и эти ему присудятъ?

Крестьянинъ. Царю подамъ. Пойти сѣна мерину дать. *(Уходитъ.)*

Петька. А коли царь присудитъ, тогда кому подавать?

Жена. Да ужъ послѣ царя некому.

Петька. Отчего же они такъ судятъ: одни на Аверьяна, а другіе на тятьку?

Мать. Должно, оттого, что сами не знаютъ.

Петька. Такъ зачѣмъ ихъ и спрашивать, коли они не знаютъ?

Жена. А затѣмъ, что никому не хочется своего отдавать.

Петька. А я, когда выросту, такъ такъ буду дѣлать: если поспорю съ кѣмъ объ чемъ, такъ кинемъ жеребій, кому достанется. Кому выйдетъ — и конецъ. Мы такъ завсегда съ Акулькой дѣлаемъ.

Кума. А что же, кума, пожалуй, что сходнѣе такъ-то, пра! Безъ грѣха.

Жена. Какъ есть. Что изъ-за этого истратились — и огородъ того не стоитъ. Ой, грѣхи, грѣхи!

О СУДѢ УГОЛОВНОМЪ.

Ребята: **Гришка**—*12 лѣтъ*. **Семка**—*10 лѣтъ*. **Тишка**—*13 лѣтъ*.

Тишка. А затѣмъ, что не залѣзай въ чужой закромъ. Вотъ посадятъ въ тюрьму, другой разъ и побоится.

Семка. Да хорошо, какъ за дѣло, а то дѣдъ Микита сказывалъ, Митрофана вовсе понапрасну посадили.

Тишка. Какъ же понапрасну? Что же ему, кто присудилъ, такъ ничего не будетъ за это?

Гришка. Тоже по головкѣ не погладятъ, если не по закону судитъ. Тоже накажутъ.

Семка. А кто же накажетъ?

[Тишка.] А кто выше его.

Семка. А кто выше?

Тишка. Начальство.

Семка. А коли и начальство ошибется?

Гришка. На то и еще выше есть. И тѣхъ накажутъ. На то и царь есть.

Семка. А если царь ошибется, тогда кто его накажетъ?

Тишка. Кто накажетъ, кто накажетъ. Извѣстно...

Гришка. Богъ накажетъ.

Семка. Такъ Богъ вѣдь и того накажетъ, кто корову укралъ. Такъ пускай бы Богъ и наказывалъ одинъ всѣхъ, кто виноваты. Богъ ужъ не ошибется.

Тишка. Видно, нельзя такъ.

Семка. Отчего?

Тишка. Оттого...

О СОБСТВЕННОСТИ.

*Старикъ-***плотникъ** *чинитъ перила балкона. Семилѣтній* **барчукъ** *смотритъ, любуется на работу плотника.*

Барчукъ. Какъ вы хорошо работаете! Васъ какъ звать?

Плотникъ. Насъ какъ звать? Звали Хролкой, а нынче ужъ Хроломъ да еще Савичемъ величаютъ.

Барчукъ. Какъ вы хорошо работаете, Хролъ Савичъ

Плотникъ. Работать, такъ ужъ хорошо. Зачѣмъ же плохо работать?

Барчукъ. А у васъ есть балконъ?

Плотникъ *(смѣется)*. У насъ? У насъ, паренекъ, такой балконъ, что этотъ вашъ никуда не годится. У насъ балконъ безъ оконъ, а войдешь, иди вонъ. Вотъ какой у насъ балконъ.

Барчукъ. Вы все шутите. Нѣтъ, точно. Есть у васъ такой балконъ? Я серьезно.

Плотникъ. Эхъ, паренекъ голубчикъ... Балконъ! Какой у нашего брата балконъ. Нашему брату дай Богъ крышу надъ головой. А то — балконъ! Съ весны затѣялъ строиться. Старую сломать — сломалъ, а новую все не доведу. И теперь безъ крыши стоитъ, прѣетъ.

Барчукъ *(удивленно)*. Отчего же?

Плотникъ. Вотъ и отчего же. А оттого, что силы не хватаетъ.

Барчукъ. Да какъ же силы не хватаетъ? Вѣдь вотъ вы у насъ работаете?

Плотникъ. Вамъ-то работаю, а себѣ не могу.

Барчукъ. Отчего? Я не понимаю, растолкуйте мнѣ.

Плотникъ. Вырастешь, молодчикъ, поймешь. На васъ работаю, а на себя нельзя.

Барчукъ. Отчего?

Плотникъ. А оттого, что лѣсу надо, а его нѣтъ, купить надо. А купила-то и нѣтъ. Вотъ у васъ поработаю, мамаша заплатитъ, — ты ей скажи, чтобъ побольше заплатила, — я въ рощу поѣду, осинъ пятокъ на верхъ возьму, тогда и крышу додѣлаю.

Барчукъ. А у васъ развѣ своего лѣса нѣтъ?

Плотникъ. У насъ лѣса такіе, что три дня иди, конца не найдешь. Одно горе — не наши.

. . . .

Плотникъ. . . . .
. . . . Ну, съ вами разболтался и работу забылъ, а нашего брата не хвалятъ за это. *(Берется за работу.)*

Барчукъ Я, когда выросту, сдѣлаю такъ, чтобы у меня ровно со всѣми, всего ровно со всѣми было.

Плотникъ. Вырастай поскорѣе, а то я не дождусь. Только мотри, не забывай. И куда это я рубанокъ дѣлъ?

О ДѢТЯХЪ.

Барыня, *ея дѣти:* **мальчикъ-гимназистъ** — *14 лѣтъ,* **Танечка**—*5 лѣтъ, ходятъ въ саду. Къ нимъ подходитъ* **крестьянка-старуха.**

Барыня. Ты что, Матрена?

Старуха. Къ вашей милости.

Барыня. Да объ чемъ?

Старуха. Да что, матушка-барыня, и говорить совѣстно, да что подѣлаешь. Опять родила кумушка-то ваша. Приказала просить, не приведете ли въ православную вѣру.

Барыня. Да вѣдь она недавно родила?

Старуха. Какъ сказать? Лѣтось постомъ годъ былъ.

Барыня. Сколько же у тебя внуковъ теперь?

Старуха. И, матушка, и не перечтешь, отдала бы половину. И всѣ малъ-мала меньше. Бѣда.

Барыня. У дочери сколько?

Старуха. Седьмой, матушка-барыня, и всѣ живы. Хоть бы прибралъ Богъ которыхъ.

Барыня. Что ты говоришь, какъ можно такъ говорить.

Старуха. Да что станешь дѣлать. И согрѣшишь, окаянная. Да ужъ нужды много. Что же, матушка, пожалѣете насъ, окрестите. А то, вѣрите Богу, барыня, не то что попу заплатить, а и хлѣба вволю нѣтъ. Мелкота все. Зять въ людяхъ, а мы съ бабой однѣ. Я старая, а она — то съ брюхомъ, то съ ребенкомъ. Какая же отъ нея работа? Во всѣ дѣла все я одна. А орава эта то и знаетъ, что ѣсть проситъ.

Барыня. Неужели семеро?

Старуха. Однова дыхнуть, семеро. Старшенькая только-только стала подсоблять, а то все мелкота.

Барыня. Да отчего же это уже такъ много?

Старуха. Что станешь дѣлать, матушка-барыня. Придетъ на побывку али на праздникъ,—дѣло молодое. А живетъ въ городѣ, близко. Хоть бы куда занесло его вдаль.

Барыня. Да, кто плачется, что дѣтей нѣтъ и что умираютъ, а вы плачетесь, что много слишкомъ.

Старуха. Много, много. Не подъ силу. Что же, матушка-барыня, обнадежить ее?

Барыня. Хорошо. Тѣхъ крестила и этого буду. Мальчикъ?

Старуха. Малый, да и здоровенный, не судомъ кричитъ.. Когда же прикажете?

Б а р ы н я. Когда хотите.

(Старуха благодаритъ и уходитъ.)

Т а н е ч к а. Мама, отчего у однихъ дѣти есть, а у другихъ нѣтъ? У тебя есть, у Матрены есть, а у Параши нѣтъ?

Б а р ы н я. Параша не замужемъ. Дѣти рожаются, когда женятся. Женятся, станутъ мужемъ съ женой, тогда рожаются.

Т а н е ч к а. Всегда рожаются?

Б а р ы н я. Нѣтъ, не всегда. Вотъ у повара жена есть, а дѣтей у нихъ нѣтъ.

Т а н е ч к а. А нельзя сдѣлать такъ, чтобъ кто хочетъ, чтобы у него были дѣти, чтобы они рожались, а кто не хочетъ, чтобъ они не рожались?

М а л ь ч и к ъ. Какія ты глупости спрашиваешь!

Т а н е ч к а. Совсѣмъ не глупости. Я думаю, что если Матрениной дочери не хочется дѣтей, такъ сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не было. Мама, можно такъ сдѣлать?

М а л ь ч и к ъ. Вотъ я и говорю, что ты глупости болтаешь, чего не знаешь.

Т а н е ч к а. Мама, можно такъ сдѣлать?

Б а р ы н я. Какъ тебѣ сказать? Мы этого не знаемъ. Это отъ Бога.

Т а н е ч к а. Да отчего дѣти рожаются?

М а л ь ч и к ъ. Отъ козла. *(Смѣется.)*

Т а н е ч к а *(обиженно)*. Ничего смѣшного нѣтъ. Я думаю, что если Матрена говоритъ, что имъ трудно отъ дѣтей, то надо такъ сдѣлать, чтобы они не рожались. Вотъ у няни нѣтъ и не было дѣтей.

Б а р ы н я. Да вѣдь она дѣвушка, не замужемъ.

Т а н е ч к а. Такъ и всѣмъ, кто не любитъ дѣтей, надо такъ. А то какъ же, — дѣти родятся, а ихъ кормить нечѣмъ. *(Барыня переглядывается съ мальчикомъ и молчитъ.)* Когда выросту большая, непремѣнно женюсь и сдѣлаю такъ, чтобы у меня была дѣвочка и мальчикъ, а больше чтобъ не было. А то развѣ хорошо: дѣти есть, а ихъ не любятъ. Я своихъ зато какъ любить буду. Правда, мама? Я пойду къ нянѣ, у ней спрошу. *(Уходитъ.)*

Б а р ы н я *(сыну)*. Да, какъ это говорится: изъ устъ младенцевъ... что-то — истина. Истинная правда, что она говоритъ. Если бы люди понимали, что женитьба — великое дѣло, а не забава, что жениться надо не для себя, а для дѣтей, не было бы этихъ ужасовъ подкинутыхъ, заброшенныхъ дѣтей, не было бы того, чтó у Матрениной дочери: что дѣти не радость, а горе.

О ВОСПИТАНІИ.

Дворникъ *чиститъ замки.* **Катя**—*7 лѣтъ, строитъ домики изъ кирпичиковъ.* **Николай**—*гимназистъ 15 лѣтъ, входитъ швыряетъ книгу.*

Николай. Чортъ ихъ дери и съ гимназіей треклятой!

Дворникъ. А что?

Николай. Опять палку закатили. Опять исторія будетъ. Чортъ бы ихъ подралъ! Очень мнѣ нужна географія проклятая. Какія-то Клифорніи. На чорта мнѣ ихъ знать!

Дворникъ. Да что же они вамъ сдѣлаютъ?

Николай. Опять оставятъ.

Дворникъ. Да отчего же вы не учитесь?

Николай. Отчего? Оттого, что не могу глупости учить. Эхъ, пропадай все! *(Кидается на стулъ.)* Пойду, скажу мамашѣ: не могу, да и все тутъ. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ, а я не могу. А не возьметъ меня изъ гимназіи, уйду. Ей-Богу, уйду.

Дворникъ. Куда же уйдете-то?

Николай. Изъ дома уйду. Наймусь въ кучера, въ дворники, — все лучше этой чертовской глупости.

Дворникъ. Да вѣдь въ дворникахъ тоже трудно. Рано вставать, дрова колоть, носить, топить...

Николай. Фю! *(Свищетъ.)* Это праздникъ. Дрова колоть любимое дѣло. Вотъ удивилъ! Да это самое любезное дѣло. Нѣтъ, ты [бы] попробовалъ географію учить.

Дворникъ. Это точно. Зачѣмъ же они васъ принуждаютъ?

Николай. А вотъ ты спроси, зачѣмъ, зачѣмъ? Ни зачѣмъ. Такъ заведено. Они думаютъ, что безъ этого нельзя.

Дворникъ. А затѣмъ, чтобы потомъ служить, чины получать, жалованье, какъ вотъ папаша, дядюшка.

Николай. А коли я не хочу?

Катя.. А коли онъ не хочетъ?

(Входитъ мать съ запиской въ рукѣ.)

Мать. А мнѣ директоръ пишетъ, у тебя опять единица. Этакъ нельзя, Николенька. Одно изъ двухъ: или учиться или не учиться.

Николай. Разумѣется, одно: не могу, не могу и не могу. Отпустите меня, ради Бога. Не могу я учиться.

Мать. Какъ не могу?

Николай. Такъ, не могу, не идетъ мнѣ это въ голову.

Мать. Не идетъ потому, что ты не о томъ думаешь. У тебя все глупости въ головѣ. Ты не думай о глупостяхъ, а думай о томъ, что тебѣ задаютъ.

Николай. Маменька, я серьезно говорю. Пустите меня. Мнѣ ничего не нужно, только избавьте меня отъ этого ужаснаго ученья, отъ этой каторги. Не могу.

Мать. Что жъ ты будешь дѣлать?

Николай. Это мое дѣло.

Мать. Нѣтъ, это не твое дѣло, а мое. Я дамъ Богу отвѣтъ за васъ, я должна воспитать васъ.

Николай. Да если я не могу?

Мать *(строго)*. Что за глупости — не могу. Я въ послѣднiй разъ говорю съ тобой, какъ мать, прошу тебя перемѣниться и исполнить то, что отъ тебя требуютъ. Если же ты не послушаешь меня теперь, я должна буду принять мѣры.

Николай. Я вамъ сказалъ, что не могу и не хочу.

Мать. Николай, берегись!

Николай. Нечего беречься. За что вы меня мучаете? Это вы не понимаете.

Мать. Не смѣй говорить такъ! Какъ ты смѣешь говорить? Вонъ отсюда! Смотри!

Николай. И уйду. Ничего не боюсь. Ничего мнѣ отъ васъ не нужно. *(Убѣгаетъ, хлопая дверью.)*

Мать *(сама съ собой)*. Ахъ, измучилъ онъ меня. Вѣдь я знаю, отчего все это. А все оттого, что онъ думаетъ не о томъ, что должно, а объ своихъ глупостяхъ: объ собакахъ, объ курахъ.

Катя. Да какъ же, мама, помнишь, ты сама мнѣ разсказывала, какъ нельзя не думать объ бѣломъ медвѣдѣ?

Мать. Не про то я говорю, а про то, что надо учиться, когда велятъ.

Катя. Да онъ говоритъ, что не можетъ.

Мать. Онъ говоритъ пустяки.

Катя. Да вѣдь онъ не говоритъ, что не хочетъ ничего дѣлать; онъ только учиться географiи не хочетъ. А онъ хочетъ работать, хочетъ въ кучера, въ дворники.

Мать. Если бы онъ былъ дворниковъ сынъ, онъ бы и былъ дворникомъ, а [онъ] — сынъ твоего отца, [такъ] ему надо учиться.

Катя. А онъ [не] хочетъ учиться.

Мать. Мало ли чего онъ хочетъ или не хочетъ, надо слушаться.

Катя. А если не можетъ?

Мать. Смотри, и ты такъ же не дѣлай.

Катя. А я именно такъ и хочу. Ни за что не стану учиться, чему не хочу.

Мать. И будешь дура.

(Молчаніе.)

Катя. Я, когда выросту большая и у меня будутъ дѣти, ни за что не стану ихъ заставлять учиться. Хотятъ — пускай учатся, а не хотятъ — и не надо.

Мать. Выростешь, не будешь такъ дѣлать.

Катя. Нѣтъ, непремѣнно буду.

Мать. Не будешь, когда выростешь.

Катя. Нѣтъ, буду, буду, буду.

Мать. Ну и будешь дура.

Катя. Няня говоритъ, что и дураки и дуры Богу нужны.

1909.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

1883 года, 20 октября. Сегодня возили меня свидѣтельствовать въ губернское правленіе, и мнѣнія раздѣлились. Они спорили и рѣшили, что я не сумасшедшій. Но они рѣшили такъ только потому, что я всѣми силами держался во время свидѣтельствованія, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому что боюсь сумасшедшаго дома,—боюсь, что тамъ мнѣ помѣшаютъ дѣлать мое сумасшедшее дѣло. Они признали меня подверженнымъ аффектамъ, и еще что-то гакое, но въ здравомъ умѣ. Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедшій. Докторъ предписалъ мнѣ лѣченіе, увѣряя меня, что если я буду строго слѣдовать его предписаніямъ, то это пройдетъ. Все, что безпокоитъ меня,—пройдетъ. О, что бы я далъ, чтобы это прошло! Слишкомъ мучительно. Разскажу по порядку, какъ и отчего взялось это освидѣтельствованіе, какъ я сошелъ съ ума и какъ выдалъ свое сумасшествіе.

До тридцати пяти лѣтъ я жилъ, какъ всѣ, и ничего за мной замѣтно не было. Нечто только въ первомъ дѣтствѣ, до десяти лѣтъ, было со мной что-то похожее на теперешнее состояніе, но и то только припадками, а не такъ, какъ теперь, постоянно. Въ дѣтствѣ находило оно на меня немножко иначе. А имечно вотъ какъ.

Помню, разъ я ложился спать, — мнѣ было пять или шесть лѣтъ. Няня Евпраксія, высокая, худая, въ коричневомъ платьѣ съ чаплыжкой на головѣ и съ отвисшей кожей подъ бородой, раздѣла меня и подсадила въ кроватку.

— Я самъ, самъ, — заговорилъ я и перешагнулъ черезъ перильца.

— Ну, ложитесь, ложитесь, Ѳеденька. Вонъ Митя, умникъ, уже легли,—сказала она, показывая головой на брата.

Я прыгнулъ въ кровать, все держа ея руку. Потомъ выпустилъ, поболталъ ногами подъ одѣяломъ и закутался. И такъ мнѣ хорошо. Я затихъ и думалъ: «я люблю няню, няня лю-

битъ меня и Митеньку; а я люблю Митеньку; а Митенька любитъ меня и няню. А няню любитъ Тарасъ; а я люблю Тараса, и Митенька любитъ. А Тарасъ любитъ меня и няню. А мама любитъ меня и няню. А няпя любитъ маму, и меня, и папу. И всѣ любятъ, и всѣмъ хорошо».

И вдругъ я слышу, вбѣгаетъ экономка и съ сердцемъ кричитъ что-то объ сахарницѣ, и няня съ сердцемъ говоритъ, что она не брала ея. И мнѣ становится больно, и страшно, и непонятно, и ужасъ, холодный ужасъ находитъ на меня, и я прячусь съ головой подъ одѣяло. Но и въ темнотѣ одѣяла мнѣ не легчаетъ. Я вспоминаю, какъ при мнѣ разъ били мальчика, какъ онъ кричалъ, и какое страшное лицо было у Фоки, когда онъ его билъ. — А, не будешь, не будешь! — приговаривалъ онъ и все билъ. Мальчикъ сказалъ: «Не буду». А тотъ приговаривалъ:—Не будешь?—и все билъ.

И тутъ на меня нашло. Я сталъ рыдать, рыдать, и долго никто не могъ меня успокоить. Вотъ эти-то рыданія, это отчаяніе были первыми припадками моего теперешняго сумасшествія.

Помню, другой разъ это нашло на меня, когда тетя разсказала про Христа. Она разсказала и хотѣла уйти, но мы сказали:

— Разскажи еще про Іисуса Христа.

— Нѣтъ, теперь некогда.

— Нѣтъ, разскажи.

И Митенька просилъ разсказать. И тетя начинала опять то же, что она разсказала намъ прежде. Она разсказала, что его распяли, били, мучили, а онъ все молился и не осудилъ ихъ.

— Тетя, за что же его мучили.

— Злые люди были.

— Да вѣдь онъ былъ добрый?

— Ну, будетъ, уже девятый часъ. Слышите?

— За что они его били? Онъ простилъ, да за что они били? Больно было? Тетя, больно ему было?

— Ну, будетъ, я пойду чай пить.

— А можетъ быть, это неправда, его не били?

— Ну, будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи.

И на меня опять нашло. Я рыдалъ, рыдалъ, потомъ сталъ биться головой объ стѣну.

Такъ это находило на меня въ дѣтствѣ. Но съ четырнадцати [лѣтъ], — съ тѣхъ поръ, какъ проснулась во мнѣ половая страсть, и я отдался пороку, все это прошло, и я былъ мальчикъ, какъ всѣ мальчики. Какъ всѣ мы, воспитанные на жирной, излиш-

ней пищѣ, изнѣженные, безъ физическаго труда и со всѣми возможными соблазнами для воспаленія чувственности, и въ средѣ такихъ же испорченныхъ дѣтей, мальчики моего возраста научили меня пороку, и я отдался ему. Потомъ этотъ порокъ замѣнился другимъ: я сталъ знать женщинъ. И такъ, ища наслажденій и находя ихъ, я жилъ до тридцати пяти лѣтъ. Я былъ совершенно здоровъ, и не было никакихъ признаковъ моего сумасшествія.

Эти двадцать лѣтъ моей здоровой жизни прошли для меня такъ, что я теперь ничего изъ нихъ почти не помню и вспоминаю теперь съ трудомъ и омерзѣніемъ [1]. Какъ всѣ мальчики моего круга умственно здоровые, я поступилъ въ гимназію, потомъ — въ университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету. Потомъ я служилъ немного, потомъ сошелся съ моей теперешней женой и женился, и жилъ въ деревнѣ, какъ говорится, воспитывалъ дѣтей, хозяйничалъ и былъ мировымъ судьей.

На десятомъ году моей женитьбы случился со мной первый припадокъ послѣ моего дѣтства.

Мы скопили съ женой деньги отъ ея наслѣдства и моихъ свидѣтельствъ за выкупъ и рѣшили купить имѣнье. Меня очень занимало, какъ и должно быть, увеличеніе нашего состоянія и желаніе увеличить его самымъ умнымъ способомъ, — лучше, чѣмъ другіе. Я узнавалъ тогда вездѣ, гдѣ продаются имѣнія, и читалъ всѣ объявленія въ газетахъ. Мнѣ хотѣлось купить такъ, чтобы доходъ или лѣсъ съ имѣнья покрылъ бы покупку, и я бы получилъ имѣнье даромъ. Я искалъ такого дурака, который бы не зналъ толку, и, какъ мнѣ показалось, что я нашелъ такого.

Имѣнье съ большими лѣсами продавалось въ Пензенской губерніи. По всему, что я разузналъ, выходило, что продавецъ именно такой дуракъ, и лѣса окупятъ цѣнность имѣнія. Я собрался и поѣхалъ.

Ѣхали мы сначала по желѣзной дорогѣ (я ѣхалъ со слугою), потомъ поѣхали на почтовыхъ, перекладныхъ. Поѣздка была для меня очень веселая. Слуга, молодой, добродушный человѣкъ, былъ такъ же веселъ, какъ и я. Новыя мѣста, новые люди, мы ѣхали, веселились. До мѣста намъ было двѣсти съ чѣмъ-то верстъ. Мы рѣшили ѣхать, не останавливаясь, только перемѣняя лошадей. Наступила ночь, мы все ѣхали. Стали дремать. Я задремалъ, но вдругъ проснулся: мнѣ стало чего-то страшно. И, какъ это часто бываетъ, проснулся испуганный, оживленный, — кажется, никогда не заснешь. «Зачѣмъ я ѣду? Куда я ѣду?» пришло мнѣ вдругъ въ голову. Не то, чтобы не нрави-

[1] См. приложеніе въ концѣ книги.

лась мысль купить дешево имѣніе, но вдругъ представилось, что мнѣ не нужно ни зачѣмъ въ эту даль ѣхать, что я умру тутъ, въ чужомъ мѣстѣ. И мнѣ стало жутко. Сергѣй, слуга, проснулся; я воспользовался этимъ, чтобъ поговорить съ нимъ. Я заговорилъ о здѣшнемъ краѣ; онъ отвѣчалъ, шутилъ, но мнѣ было скучно. Заговорилъ о домашнихъ, о томъ, какъ мы купимъ. И мнѣ удивительно было, какъ онъ весело отвѣчалъ. Все ему было хорошо и весело, а мнѣ все было постыло. Но все-таки, пока я говорилъ съ нимъ, мнѣ было легче. Но, кромѣ того, что мнѣ скучно, жутко было, я сталъ чувствовать усталость, желаніе остановиться. Мнѣ казалось, что войти въ домъ, увидать людей, напиться чаю, а главное, заснуть — легче будетъ.

Мы подъѣзжали къ городу Арзамасу.

— А что, не пережидать ли намъ здѣсь? Отдохнемъ немножко?

— Что же, отлично.

— Что, далеко еще до города?

— Отъ той версты—семь.

Ямщикъ былъ степенный, аккуратный и молчаливый. Онъ и ѣхалъ нескоро и скучно.

Мы поѣхали. Я замолчалъ, мнѣ стало легче, потому что я ждалъ впереди отдыха и надѣялся, что тамъ все пройдетъ. Ѣхали-ѣхали въ темнотѣ, — ужасно мнѣ казалось долго. Подъѣхали къ городу. Народъ весь ужъ спалъ. Показались въ темнотѣ домишки, зазвучалъ колокольчикъ и лошадиный топотъ, особенно отражаясь, какъ это бываетъ, около домовъ. Дома пошли кое-гдѣ большіе, бѣлые. И все это невесело было. Я ждалъ станціи, самовара и отдыха—лечь.

Вотъ подъѣхали, наконецъ, къ какому-то домику съ столбомъ. Домикъ былъ бѣлый, но ужасно мнѣ показался грустный. Такъ что жутко даже стало. Я вылѣзъ потихоньку.

Сергѣй бойко, живо вытаскалъ, что нужно, бѣгая и стуча по крыльцу. И звуки его ногъ наводили на меня тоску. Я вошелъ. Былъ коридорчикъ; заспанный человѣкъ съ пятномъ на щекѣ, — пятно это мнѣ показалось ужаснымъ, — показалъ комнату. Мрачная была комната. Я вошелъ, — еще жутче мнѣ стало.

— Нѣтъ ли комнатки, отдохнуть бы?

— Есть нумерокъ. Онъ самый.

Чисто выбѣленная квадратная комнатка. Какъ, я помню, мучительно мнѣ было, что комнатка эта была именно квадрат-

ная. Окно было одно, съ гардинкой красной. Столъ корельской березы и диванъ съ изогнутыми сторонами. Мы вошли. Сергѣй устроилъ самоваръ, залилъ чай. А я взялъ подушку и легъ на диванъ. Я не спалъ, но слушалъ, какъ Сергѣй пилъ чай и меня звалъ. Мнѣ страшно было встать, разгулять сонъ, и сидѣть въ этой комнатѣ страшно. Я не всталъ и сталъ задремывать. Вѣрно, и задремалъ, потому что когда я очнулся, никого въ комнатѣ не было и было темно. Я былъ опять такъ же пробужденъ, какъ на телѣгѣ. Заснуть, я чувствовалъ, не было никакой возможности. Зачѣмъ я сюда заѣхалъ? Куда я везу себя? Отъ чего, куда я убѣгаю? Я убѣгаю отъ чего-то страшнаго, и не могу убѣжать. Я всегда съ собою, и я-то и мучителенъ себѣ. Я — вотъ онъ, я весь тутъ. Ни пензенское, никакое имѣнье ничего не прибавитъ и не убавитъ мнѣ. А я-то, я-то надоѣлъ себѣ, несносенъ, мучителенъ себѣ. Я хочу заснуть, забыться, и не могу. Не могу уйти отъ себя.

Я вышелъ въ коридоръ. Сергѣй спалъ на узенькой скамьѣ, скинувъ руку, но спалъ сладко, и сторожъ съ пятномъ спалъ. Я вышелъ въ коридоръ, думая уйти отъ того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мнѣ такъ же, еще больше страшно было.

«Да что это за глупость,—сказалъ я себѣ.—Чего я тоскую, чего боюсь?»

Меня,—неслышно отвѣчалъ голосъ смерти.—Я тутъ.

Морозъ подралъ меня по кожѣ. Да, смерти. Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть. Если бы мнѣ предстояла дѣйствительно смерть, я не могъ испытывать того, что испытывалъ. Тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, а видѣлъ, чувствовалъ, что смерть наступаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что ея не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ совершающуюся смерть. И это внутреннее раздираніе было ужасно. Я попытался стряхнуть этотъ ужасъ. Я нашелъ подсвѣчникъ мѣдный со свѣчой обгорѣвшей и зажегъ ее. Красный огонь свѣчи и размѣръ ея, немного меньше подсвѣчника,—все говорило то же. Ничего нѣтъ въ жизни, есть смерть, а ея не должно быть.

Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, объ женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонялъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ было, но только что улегся, вдругъ вскочилъ отъ ужаса. И тоска и тоска, — такая же духовная тоска, какая бываетъ передъ рвотой, только духовная. Жутко,

страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Какъ-то жизнь и смерть сливались въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще разъ прошелъ посмотрѣть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть; все тотъ же ужасъ, — красный, бѣлый, квадратный. Рвется что-то и не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я въ себѣ не чувствовалъ, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сдѣлало.

Что меня сдѣлало? Богъ, говорятъ Богъ... Молиться, вспомнилъ я. Я давно, лѣтъ двадцать, не молился и не вѣрилъ ни во что, несмотря на то, что для приличія говѣлъ каждый годъ. Я сталъ молиться: «Господи, помилуй», «Отче нашъ», «Богородицу». Я сталъ сочинять молитвы. Я сталъ креститься и кланяться въ землю, оглядываясь и боясь, что меня увидятъ. Какъ будто это развлекло меня, — развлекъ страхъ, что меня увидятъ. И я легъ. Но стоило мнѣ лечь и закрыть глаза, какъ опять то же чувство ужаса толкнуло, подняло меня. Я не могъ больше терпѣть, разбудилъ сторожа, разбудилъ Сергѣя, велѣлъ закладывать, и мы поѣхали.

На воздухѣ и въ движеніи стало лучше. Но я чувствовалъ, что что-то новое легло мнѣ въ душу и отравило всю прежнюю жизнь.

Къ ночи мы пріѣхали на мѣсто. Весь день я боролся съ моей тоской и поборолъ ее; но въ душѣ былъ страшный осадокъ: точно случилось со мной какое-то несчастіе, и я только могъ на время забывать его, но оно было тамъ, на днѣ души, и владѣло мной.

Мы пріѣхали вечеромъ. Старичокъ-управляющій, хотя не радостно (ему досадно было, что продается имѣнье), но хорошо принялъ меня. Чистыя комнатки съ мягкой мебелью. Новый, блестящій самоваръ, крупная чайная посуда, медъ къ чаю. Все было хорошо. Но я какъ старый забытый урокъ, неохотно спрашивалъ его объ имѣніи. Все невесело было. Ночь, однако, я заснулъ безъ тоски. Я приписалъ это тому, что опять на ночь молился.

И потомъ началъ жить попрежнему, но страхъ этой тоски висѣлъ надо мной съ тѣхъ поръ всегда. Я долженъ былъ не останавливаясь и, главное, въ привычныхъ условіяхъ жить. Какъ ученикъ по привычкѣ, не думая, сказываетъ выученный наизусть урокъ, такъ я долженъ былъ жить, чтобы не попасть

опять во власть этой ужасной, появившейся въ первый разъ въ Армазасѣ тоски.

Домой я вернулся благополучно, имѣнья не купилъ, — денегъ не достало,—и началъ жить попрежнему, съ одной только разницей, что я сталъ молиться и ходить въ церковь. Попрежнему—мнѣ казалось; но уже не попрежнему, какъ я теперь вспоминаю. Я жилъ прежде начатымъ, продолжалъ катиться по проложеннымъ прежде рельсамъ прежней силой, но новаго ничего уже не предпринималъ. И въ прежде начатомъ было уже у меня меньше участія. Мнѣ все было скучно, и я сталъ набоженъ. И жена замѣчала это, и бранила, и пилила меня за это. Тоски не повторялось дома.

Но разъ я поѣхалъ неожиданно въ Москву, — днемъ собрался, вечеромъ поѣхалъ. Было дѣло о процессѣ. Я пріѣхалъ въ Москву весело. Дорогой разговорились съ харьковскимъ помѣщикомъ о хозяйствѣ, о банкахъ, о томъ, гдѣ остановиться, о театрахъ. Рѣшили остановиться вмѣстѣ на Московскомъ подворьѣ, на Мясницкой, и нынче же поѣхать въ «Фауста».

Пріѣхали. Я вошелъ въ маленькій номеръ. Тяжелый запахъ коридора былъ у меня въ ноздряхъ. Дворникъ внесъ чемоданъ, дѣвушка коридорная зажгла свѣчу. Свѣча зажглась, потомъ огонь поникъ, какъ всегда бываетъ. Въ сосѣднемъ номерѣ кашлянулъ кто-то, вѣрно, старикъ. Дѣвушка вышла, дворникъ стоялъ, спрашивая, не развязать ли. Огонь ожилъ и освѣтилъ синіе, съ желтыми полосками обои, перегородку, облѣзшій столъ, диванчикъ, зеркало, окно и узкій размѣръ всего номера. И вдругъ арзамасскій ужасъ шевельнулся во мнѣ. «Боже мой! какъ я буду ночевать здѣсь?» подумалъ [я].

— Развяжи, пожалуйста, голубчикъ, — сказалъ я дворнику, чтобы задержать его. «Одѣнусь поскорѣй, и въ театръ».

Дворникъ развязалъ.

— Пожалуйста, голубчикъ, зайди къ барину въ восьмой номеръ, со мной пріѣхалъ, скажи, что я сейчасъ готовъ и приду къ нему.

Дворникъ вышелъ, я сталъ торопиться одѣваться, боясь взглянуть на стѣны. «Что за вздоръ, — подумалъ я, — чего я боюсь, точно дитя. Привидѣній я не боюсь. Да, привидѣній? Лучше бы бояться привидѣній, чѣмъ того, чего я боюсь. Чего? Ничего. Себя.—Ну, вздоръ».

Я, однако, надѣлъ жесткую, холодную крахмальную рубашку, засунулъ запонки, надѣлъ сюртукъ, новыя ботинки и пошелъ къ харьковскому помѣщику. Онъ былъ готовъ. Мы поѣхали въ «Фауста». Онъ еще заѣхалъ завиться. Я остригся у фран-

цуза, поболталъ съ французомъ, купилъ перчатки. Все было хорошо. Я забылъ совсѣмъ номеръ продолговатый и перегородку. Въ театрѣ было тоже пріятно. Послѣ театра харьковскій помѣщикъ предложилъ заѣхать поужинать. Это было внѣ моихъ привычекъ, но когда мы вышли изъ театра и онъ предложилъ мнѣ это, я вспомнилъ о перегородкѣ [и] согласился.

Во второмъ часу мы вернулись домой. Я выпилъ непривычныхъ два стакана вина, но былъ веселъ. Но только что мы вошли въ коридоръ съ завернутой лампой, и меня охватилъ запахъ гостиницы, холодъ ужаса пробѣжалъ мнѣ по спинѣ. Но дѣлать было нечего. Я пожалъ руку товарищу и вошелъ въ номеръ.

Я провелъ ужасную ночь, хуже арзамасской. Только утромъ, когда уже за дверью сталъ кашлять старикъ, я заснулъ, и не въ постели, въ которую я ложился нѣсколько разъ, а на диванѣ. Всю ночь я страдалъ невыносимо; опять мучительно разрывалась душа съ тѣломъ. Я живу, жилъ, я долженъ жить, и вдругъ—смерть, уничтоженіе всего. Зачѣмъ же жизнь? Умереть?.. Убить себя сейчасъ же? Боюсь. Дожидаться смерти, когда придетъ? Боюсь еще хуже. Жить, стало быть. Зачѣмъ? Чтобъ умереть? Я не выходилъ изъ этого круга. Я бралъ книгу, читалъ, на минуту забывался, и опять тотъ же вопросъ и ужасъ. Я ложился въ постель, закрывалъ глаза,—еще хуже.

Богъ сдѣлалъ это. Зачѣмъ? Говорятъ: не спрашивай, а молись. Хорошо. Я молился, я и теперь молился, опять какъ въ Арзамасѣ. Но тамъ и послѣ я просто молился по-дѣтски. Теперь же молитва имѣла смыслъ: «Если Ты есть, открой мнѣ: зачѣмъ, что я такое?» Я кланялся, читалъ всѣ молитвы, которыя зналъ, сочинялъ свои и прибавлялъ: «Такъ открой же». И я затихалъ и ждалъ отвѣта. Но отвѣта не было, какъ будто и не было никого, кто бы могъ отвѣчать. И я оставался одинъ, самъ съ собой. И я давалъ себѣ отвѣты замѣсто Того, кто не хотѣлъ отвѣчать. «Затѣмъ, чтобы жить въ будущей жизни», отвѣчалъ я себѣ. Такъ зачѣмъ же эта неясность, это мученье? Не могу вѣрить въ будущую жизнь. Я вѣрилъ, когда не всей душой спрашивалъ, а теперь не могу, не могу. Если бы Ты былъ, Ты бы сказалъ—мнѣ, людямъ. А нѣтъ Тебя, есть одно отчаяніе. А я не хочу, не хочу его.

Я возмутился. Я просилъ Его открыть мнѣ истину, открыть мнѣ Себя; я дѣлалъ все, что всѣ дѣлаютъ, но Онъ не открывался. «Просите, и дастся вамъ», вспомнилось мнѣ, и я просилъ, и въ этомъ прошеніи и находилъ не утѣшеніе, а отдохновеніе. Можетъ быть, я не просилъ, я отказался отъ Него. «Ты на пя-

день, а Онъ отъ тебя на сажень». Я не вѣрилъ въ Него, но просилъ, и Онъ все-таки не открылъ мнѣ ничего. Я считался съ нимъ и осуждалъ его, — просто не вѣрилъ.

На другой день я всѣ силы употребилъ, чтобы покончить обыденкой всѣ дѣла и избавиться отъ ночи въ номерѣ. Я не кончилъ всего и вернулся домой въ ночь. Тоски не было. Эта московская ночь измѣнила еще больше мою жизнь, начавшую измѣняться съ Арзамаса. Я еще меньше сталъ заниматься дѣлами, и на меня находила апатія. Я сталъ слабѣть и здоровьемъ. Жена требовала, чтобы я лѣчился. Она говорила, что мои толки о вѣрѣ, о Богѣ происходили отъ болѣзни. Я же зналъ, что моя слабость и болѣзнь происходили отъ неразрѣшеннаго вопроса во мнѣ. Я старался не давать ходу этому вопросу и въ привычныхъ условіяхъ старался наполнять жизнь. Я ходилъ въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ, я говѣлъ, постился даже, какъ я это завелъ съ поѣздки въ Пензу, и молился, но больше какъ обычай. Я не ждалъ ничего отъ этого, какъ бы не разрывалъ векселя и протестовалъ его въ срокъ, несмотря на то, что зналъ невозможность получить по векселю. Дѣлалъ это только на всякій случай. Жизнь же свою я наполнялъ не хозяйствомъ,— оно отталкивало меня своей борьбой, энергіи не было,—а чтеніемъ журналовъ, газетъ, романовъ, картами по маленькой, и единственное проявленіе моей энергіи была охота по старой привычкѣ. Я всю жизнь былъ охотникъ.

Разъ пріѣхалъ зимой сосѣдъ-охотникъ съ гончими на волковъ. Я поѣхалъ съ нимъ. На мѣстѣ мы стали на лыжи и пошли на мѣсто. Охота была неудачна: волки прорвались сквозь облаву. Я услыхалъ это издалека и пошелъ по лѣсу сходить свѣжій заячій слѣдъ. Слѣдъ увелъ меня далеко на поляну. На полянѣ я нашелъ его. Онъ вскочилъ такъ, что я не видалъ. Я пошелъ назадъ. Пошелъ назадъ крупнымъ лѣсомъ. Снѣгъ былъ глубокій, лыжи вязли, сучки путались. Все глуше и глуше стало. Я сталъ спрашивать: гдѣ я? Снѣгъ измѣнялъ все.

И я вдругъ почувствовалъ, что я потерялся. До дома, до охотниковъ — далеко, ничего не слыхать. Я усталъ, весь въ поту. Остановиться — замерзнешь; идти — силы ослабѣютъ. Я покричалъ. Все тихо. Никто не откликнулся. Я пошелъ назадъ. Опять не то. Я поглядѣлъ кругомъ, лѣсъ; не разберешь, гдѣ востокъ, гдѣ западъ. Я опять пошелъ назадъ. Ноги устали. Я испугался, остановился, и на меня нашелъ весь арзамасскій и московскій ужасъ, но въ сто разъ больше. Сердце колотилось,

руки, ноги дрожали. Смерть здѣсь? Не хочу. Зачѣмъ смерть? Что смерть? Я хотѣлъ попрежнему допрашивать, упрекать Бога, но тутъ я вдругъ почувствовалъ, что я не смѣю, не долженъ, что считаться съ Нимъ нельзя, что Онъ сказалъ, что нужно, что я одинъ виноватъ. И я сталъ молить Его [о] прощеніи и самъ себѣ сталъ гадокъ.

Ужасъ продолжался недолго. Я постоялъ, очнулся и пошелъ въ одну сторону и скоро вышелъ. Я былъ недалеко отъ края. Я вышелъ на край, на дорогу. Руки и ноги все такъ же дрожали, и сердце билось. Но мнѣ радостно было. Я дошелъ до охотниковъ, мы вернулись домой. Я былъ веселъ, но зналъ, что у меня есть что-то радостное, что я разберу, когда останусь одинъ. Такъ и случилось. Я остался одинъ въ своемъ кабинетцѣ и сталъ молиться, прося прощенія и вспоминая свои грѣхи. Ихъ мнѣ казалось мало. Но я вспомнилъ ихъ, и они мнѣ гадки стали.

Съ тѣхъ поръ я началъ читать священное писаніе. Библія была мнѣ непонятна, соблазнительна; Евангеліе умиляло меня. Но больше всего я читалъ Житія святыхъ, и это чтеніе утѣшало меня, представляя примѣры, которые все возможнѣе и возможнѣе казались для подражанія. Съ этого времени еще меньше и меньше меня занимали дѣла и хозяйственныя и семейныя. Они даже отталкивали меня. Все не то казалось мнѣ. Какъ, что было тò, я не зналъ, но то, что было моей жизнью, переставало быть ею. Опять на покупкѣ имѣнія я узналъ это.

Продавалось недалеко отъ насъ очень выгодное имѣнье. Я поѣхалъ. Все было прекрасно, выгодно. Особенно выгодно было то, что у крестьянъ земли было только огороды. Я понялъ, что они должны были задаромъ, за пастьбу убирать поля помѣщика. Такъ оно и было. Я все это оцѣнилъ, все это мнѣ понравилось по старой привычкѣ. Но я поѣхалъ домой, встрѣтилъ старуху; спрашивая о дорогѣ, поговорилъ съ ней. Она разсказала о своей нуждѣ. Я пріѣхалъ домой и, когда сталъ разсказывать женѣ о выгодахъ имѣнья, вдругъ устыдился. Мнѣ мерзко стало. Я сказалъ, что не могу купить этого имѣнья, потому что выгода наша будетъ основана на нищетѣ и горѣ людей. Я сказалъ это и вдругъ меня просвѣтила истина того, что я сказалъ, — главное, истина того, что мужики такъ же хотятъ жить, какъ мы что они — люди, братья, сыны Отца, какъ сказано въ Евангеліи. Вдругъ какъ что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось. Жена сердилась, ругала меня. А мнѣ стало радостно.

Это было начало моего сумасшествія. Но полное сумасшествіе мое началось еще позднѣе, черезъ мѣсяцъ послѣ этого.

Оно началось съ того, что я поѣхалъ въ церковь, стоялъ обѣдню, и хорошо молился и слушалъ, и былъ умиленъ. И вдругъ мнѣ принесли просвиру; потомъ пошли къ кресту, стали толкаться; потомъ на выходѣ нищіе были. И мнѣ вдругъ ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, — что этого нѣтъ; а нѣтъ этого, то нѣтъ и смерти, и страха и нѣтъ во мнѣ больше прежняго раздиранія, и я не боюсь уже ничего.

Тутъ уже совсѣмъ свѣтъ освѣтилъ меня, и я сталъ тѣмъ, что есть. Если нѣтъ этого ничего, то нѣтъ прежде всего во мнѣ. Тутъ же, на паперти, я роздалъ, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищимъ и пошелъ домой пѣшкомъ, разговаривая съ народомъ...

1884.

ЧТО Я ВИДѢЛЪ ВО СНѢ....

I.

— Она, какъ дочь, не существуетъ для меня; пойми, не существуетъ; но не могу же я оставить ее на шеѣ чужихъ людей. Сдѣлаю такъ, чтобы она могла жить, какъ она хочетъ, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда въ голову не могло прійти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно!

Онъ пожалъ плечами, встряхнулъ головой и поднялъ глаза кверху. Говорилъ это шестидесятилѣтній князь Михаилъ Ивановичъ Ш. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу Ш., пятидесятилѣтнему губернскому предводителю въ дальнемъ губернскомъ городѣ.

Разговоръ происходилъ въ губернскомъ городѣ, куда пріѣхалъ старшій петербургскій братъ, узнавъ, что бѣжавшая изъ его дома годъ тому назадъ [дочь] поселилась съ ребенкомъ въ этомъ самомъ городѣ.

Князь Михаилъ Ивановичъ былъ красивый, бѣло-сѣдой, свѣжій, высокій старикъ съ гордымъ и привлекательнымъ лицомъ и пріемами. Семья его состояла изъ раздражительной, часто ссорившейся съ нимъ изъ-за всякихъ пустяковъ, вульгарной жены, сына не совсѣмъ удачнаго, мота и кутилы, но вполнѣ «порядочнаго», какъ понималъ отецъ, человѣка, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна, старшая, хорошо вышла замужъ и жила въ Петербургѣ [и] меньшая — любимая дочь Лиза, та самая, которая почти годъ тому назадъ исчезла изъ дома и только теперь нашлась съ ребенкомъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ.

Князь Петръ Ивановичъ хотѣлъ спросить брата, какъ, при какихъ условіяхъ ушла Лиза, кто могъ быть отцомъ ребенка, но не могъ рѣшиться спросить. Еще сегодня утромъ, когда жена Петра Ивановича стала выражать сочувствіе деверю, князь Петръ Ивановичъ видѣлъ, какое страданіе выразилось на лицѣ брата, и какъ онъ старательно скрылъ это страданіе подъ вы-

раженіемъ неприступной гордости и сталъ разспрашивать невѣстку о цѣнѣ ея квартиры. За завтракомъ, при всѣхъ семейныхъ и гостяхъ, онъ, какъ всегда, былъ ядовито и остроумно насмѣшливъ. Со всѣми, кромѣ дѣтей, съ которыми онъ былъ какъ-то почтительно ласковъ, онъ со всѣми былъ неприступно надмененъ. И притомъ былъ такъ естественъ, что всѣ какъ будто признавали за нимъ право быть надменнымъ.

Вечеромъ братъ составилъ ему партію въ винтъ. Когда онъ ушелъ въ приготовленную ему комнату, онъ только что взялся вынимать фальшивые зубы, какъ въ дверь слегка постучались двумя ударами.

— Кто тамъ?

— C'est moi, Michel [1]).

Князь Михаилъ Ивановичъ узналъ голосъ невѣстки, поморщился, вставилъ назадъ зубы и проговорилъ про себя: «Чего ей нужно?», и громко:

— Entrez [2]).

Невѣстка была тихое, кроткое существо, безропотно покорявшаяся мужу, но чудачка, какъ ее называли (нѣкоторые считали ее даже дурочкой), хотя и хорошенькая, всегда растрепанная, неряшливо, небрежно одѣтая, всегда разсѣянная и съ самыми странными, неподходящими къ предводительшѣ, не аристократическими мыслями, которыя она вдругъ выражала, къ удивленію всѣхъ — и знакомыхъ и мужа.

— Vous pouvez me renvoyer, mais je ne m'en irai pas, je vous le dis d'avance [3]),—начала она свою рѣчь съ свойственной ей нелогичностью.

— Dieu préserve [4]), — отвѣчалъ деверь, съ своей обычной, нѣсколько преувеличенной учтивостью подвигая ей кресло. — Ça ne vous dérange pas? [5]) — сказалъ онъ, вынимая папироску.

— Вотъ что, Мишель, я не буду говорить ничего непріятнаго, я только хотѣла сказать объ Лизанькѣ.

Михаилъ Ивановичъ вздохнулъ, очевидно отъ боли, но тотчасъ же справился и, улыбаясь усталой улыбкой, сказалъ:

— Разговоръ съ тобой можетъ быть для меня объ одномъ предметѣ, именно, о томъ, о которомъ ты хочешь говорить, — сказалъ онъ, не глядя на нее и, очевидно, избѣгая даже названія предмета разговора.

---

1) Это я, Миша.
2) Войдите.
3) Вы можете меня прогнать, но я не уйду, говорю вамъ это напередъ.
4) Боже сохрани.
5) Вамъ это не помѣшаетъ?

Но толстенькая, кругленькая, миловидная невѣстка не смутилась и, тѣмъ же добрымъ, умоляющимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ продолжая смотрѣть на Михаила Ивановича, сказала, такъ же и еще болѣе, чѣмъ онъ, тяжело вздыхая:

— Мишель, mon bon ami [1]), пожалѣйте ее! — Она, какъ всегда, говорила съ деверемъ, сбиваясь на «вы». — Вѣдь она человѣкъ.

— Я никогда не сомнѣвался въ этомъ, — съ непріятной улыбкой отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ.

— Она дочь.

— Была, да. Но, милая Алинъ, къ чему эти разговоры?

— Мишель, милый, повидайте ее! Я хотѣла сказать вамъ только то, что тотъ, кто виноватъ во всемъ...

Князь Михаилъ Ивановичъ вспыхнулъ, лицо его стало страшно.

— Ради Бога, не будемъ говорить! Довольно я перестрадалъ. Теперь ничего нѣтъ для меня, кромѣ желанія поставить ее въ такое положеніе, чтобы она никому не была въ тягость, чтобы ей не нужно было входить ни въ какія сношенія со мной, чтобы она могла жить своей отдѣльной жизнью и мы съ семьей — своей жизнью, не зная ея. Я не могу иначе.

— Мишель, все «я», вѣдь она тоже «я».

— Это несомнѣнно, но, милая Алинъ, пожалуйста, оставимъ это. Мнѣ слишкомъ тяжело.

Александра Дмитріевна помолчала, покачала головой.

— И Маша (жена Михаила Ивановича) такъ же смотритъ?

— Совершенно такъ же.

Александра Дмитріевна пощелкала языкомъ.

— Brisons là-dessus. Et bonne nuit [2]), — сказалъ онъ.

Но Александра Дмитріевна не уходила. Она помолчала.

— Петя мнѣ говорилъ, что вы хотите оставить деньги той женщинѣ, у которой она живетъ. Вы знаете адресъ?

— Знаю.

— Такъ не дѣлайте это черезъ насъ, а съѣздите сами. Вы только посмотрите, какъ она живетъ. Если вы не захотите видѣть ее, то навѣрное не увидите. Его тамъ нѣтъ, никого нѣтъ.

Михаилъ Ивановичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ! за что, за что вы меня мучаете? Это негостепріимно.

Александра Дмитріевна встала и, съ слезами въ голосѣ, умиляясь сама надъ собой, проговорила:

---

1) Мой добрый другъ.
2) Остановимся на этомъ. И покойной ночи.

— Она такая жалкая и такая хорошая.

Онъ всталъ и стоялъ, дожидаясь, пока она кончитъ. Она протянула ему руку.

— Мишель, это нехорошо, — сказала она и вышла.

Долго послѣ нея ходилъ Михаилъ Ивановичъ по ковру комнаты, превращенной для него въ спальню, и морщился, и вздрагивалъ, и вскрикивалъ: «Охъ, охъ!» и, услыхавъ себя, пугался и замолкалъ.

Мучила его оскорбленная гордость. Его дочь, его, выросшаго въ домѣ своей матери, знаменитой Авдотьи Борисовны, принимавшей посѣщенія императрицъ, его, знакомство съ которымъ считалось за великую честь, его, проведшаго свою жизнь рыцаремъ безъ страха и упрека... То, что у него былъ побочный сынъ отъ француженки, котораго онъ устроилъ за границей, не уменьшало въ немъ его высокаго мнѣнія о себѣ. И вотъ его дочь, для которой онъ не только сдѣлалъ все, что можетъ и долженъ сдѣлать отецъ: далъ прекрасное воспитаніе, далъ ей возможность выбирать себѣ партію въ высшемъ и лучшемъ русскомъ обществѣ, но не только та дочь, которой онъ далъ все то, чего только можетъ желать дѣвушка, но которую онъ прямо любилъ, которой любовался, гордился, — эта дочь опозорила его, сдѣлала съ нимъ то, что онъ не можетъ смотрѣть въ глаза людямъ, что ему стыдно всѣхъ.

И онъ вспоминалъ тѣ времена, когда онъ не только относился къ ней, какъ къ своей дочери, къ члену его семьи, но когда онъ нѣжно любилъ ее, радовался на нее, гордился ею. Онъ вспоминалъ ее, какою она была, когда ей было восемь-девять лѣтъ: умненькая, все понимающая, живая, быстрая, граціозная дѣвочка, съ черными, блестящими глазами и распущенными русыми волосами на костлявой спинкѣ. Вспоминалъ онъ, какъ она вскакивала къ нему на колѣни и обнимала за шею и щекотала его, заливаясь хохотомъ, и, несмотря на его крикъ, не переставала, и потомъ цѣловала въ ротъ, въ глаза, въ щеки. Онъ былъ врагъ всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его, и онъ иногда отдавался ей, и вспоминалъ теперь, какъ было пріятно ласкать ее.

И это-то, когда-то милое существо могло сдѣлаться тѣмъ, что оно стало теперь, — существомъ, про которое онъ не могъ думать безъ отвращенія.

Онъ вспоминалъ теперь тоже то время, когда она становилась женщиной, и то особенное чувство страха и оскорбленія, которое онъ испытывалъ къ ней, когда замѣчалъ, что мужчины смотрятъ на нее какъ на женщину. Онъ вспоминалъ объ этомъ

своемъ ревнивомъ отношеніи къ дочери, когда она, съ кокетливымъ чувствомъ, зная, что она хороша, приходила къ нему въ бальномъ платьѣ, и когда онъ видѣлъ ее на балахъ. Онъ боялся нечистыхъ взглядовъ на нее, а она не только не понимала этого, но радовалась этому. «Да, — думалъ онъ, — какое суевѣріе чистота женщинъ. Напротивъ, онѣ не знаютъ стыда, у нихъ нѣтъ стыда».

Онъ вспомнилъ, какъ она, непонятно для него, почему, отказала двумъ очень хорошимъ женихамъ и какъ, продолжая ѣздить въ свѣтъ, все болѣе и болѣе увлекалась не кѣмъ-нибудь, но увлекалась своимъ успѣхомъ. Но успѣхъ этотъ не могъ продолжаться долго. Прошли годъ, два, три. Всѣ приглядѣлись къ ней, она была красива, но уже не первой молодости, и стала какъ бы обычнымъ аксессуаромъ баловъ. Михаилъ Ивановичъ вспоминалъ, какъ онъ видѣлъ, что она засидится, и желалъ для нея одного: выдать поскорѣе замужъ, хоть не такъ хорошо, какъ можно было прежде, но хоть какъ-нибудь прилично. Но она какъ-то особенно вызывающе-гордо держала себя, ему казалось, и, вспоминая это, еще болѣе злое чувство поднялось въ немъ противъ нея. Отказала сколькимъ порядочнымъ людямъ, чтобы потомъ этотъ ужасъ... — О, охъ! — опять застоналъ онъ и, остановившись, закурилъ папиросу и хотѣлъ думать о другомъ: какъ онъ перешлетъ ей деньги, не допустивъ ея до себя; но опять встало воспоминаніе о томъ, какъ она уже недавно — ей было уже больше двадцати лѣтъ — затѣяла какой-то романъ съ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, пажемъ, гостившемъ у нихъ въ деревнѣ. Какъ она довела мальчика до сумасшествія, какъ онъ разливался-плакалъ, и какъ она серьезно, холодно и даже грубо отвѣчала отцу, когда онъ, чтобъ прекратить этотъ глупый романъ, велѣлъ мальчику уѣхать; и какъ съ тѣхъ поръ у него и прежде довольно холодныя отношенія къ дочери стали совсѣмъ холодными и съ ея стороны. Она какъ будто считала себя чѣмъ-то оскорбленной.

«А какъ я былъ правъ», думалъ онъ теперь. «Это безстыдная и недобрая натура».

И вотъ опять послѣднее ужасное воспоминаніе письма изъ Москвы, въ которомъ она писала, что она не можетъ вернуться домой, что она несчастная, погибшая женщина, проситъ простить и забыть ее. И ужасныя воспоминанія о разговорахъ съ женой и догадкахъ, циническихъ догадкахъ, перешедшихъ, наконецъ, въ достовѣрность, что несчастіе случилось въ Финляндіи, куда ее отпустили гостить къ теткѣ, и что виновникъ его — ничтожный студентъ шведъ, пустой, дрянной человѣкъ и женатый.

Все это онъ вспоминалъ теперь и ходилъ, ходилъ взадъ и впередъ по ковру комнаты, вспоминая и прежнюю свою любовь къ ней, гордость за нее и ужасаясь на это непонятное для него паденіе и ненавидя ее за ту боль, которую она ему сдѣлала. Онъ вспоминалъ то, что говорила ему невѣстка, и старался представить себѣ, какъ бы онъ могъ простить ее, но стоило ему только вспомнить *«его»*, и ужасъ, отвращеніе, оскорбленная гордость наполняли его сердце. И онъ вскрикивалъ: — Охъ, охъ! — и старался думать о другомъ.

«Нѣтъ, это невозможно. Отдамъ Петѣ деньги, чтобы онъ давалъ ей ежемѣсячно. А у меня нѣтъ, нѣтъ дочери»...

И онъ попалъ опять на прежнюю колею того страннаго, смѣшаннаго чувства, которое не переставая мучило его: чувства умиленія передъ воспоминаніемъ о его любви къ ней и чувства мучительной злобы за то, что она могла сдѣлать ему такъ больно.

II.

Лиза въ этотъ одинъ послѣдній годъ пережила безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ она пережила во всѣ прежніе двадцать пять лѣтъ. Въ этотъ годъ ей вдругъ открылась вся пустота ея прежней жизни: ясна стала вся низменность, вся гадость той жизни, которую она вела въ своемъ богатомъ петербургскомъ обществѣ и домѣ, гдѣ она вмѣстѣ со всѣми играла животной жизнью, касаясь только верховъ ея, пользуясь всѣми прелестями ея, но не спускаясь до глубины ея. Хорошо было годъ, два, три, но когда это: вечера, балы, концерты, ужины, бальныя платья, прически, выставляющія красоту тѣла, молодые и немолодые ухаживатели, всѣ одинакіе, всѣ что-то какъ будто знающіе, имѣющіе какъ будто право всѣмъ пользоваться и надо всѣмъ смѣяться, когда лѣтніе мѣсяцы на дачахъ съ такой же природой, тоже только дающіе верхи пріятности жизни, когда и музыка и чтеніе, тоже такія же — только задирающія вопросы жизни, но не разрѣшающія ихъ, — когда все это продолжалось семь, восемь лѣтъ, не только не обѣщая никакой перемѣны, но, напротивъ, все больше и больше теряя прелести, она пришла въ отчаяніе, и на нее стало находить состояніе отчаянія, желанія смерти. Подруги направили ее на дѣятельность благотворительности. Она увидала, съ одной стороны, нищету, настоящую, отталкивающую, и — притворную, еще болѣе жалкую и отталкивающую, и увидала страшную холодность дамъ патронессъ, пріѣзжающихъ на своихъ тысячныхъ экипажахъ и въ тысячныхъ нарядахъ, и ей становилось все тяжелѣе и тя-

желѣе. Хотѣлось чего-нибудь настоящаго, хотѣлось жизни, а не игры съ ней, не сниманія пѣнокъ. И не было никакой. Лучшее изъ ея воспоминаній была любовь къ кадету Коко, какъ его звали. То было хорошее, честное, прямое; но ничего подобнаго теперь не было и не могло быть. Она все больше и больше тосковала и въ этомъ тоскливомъ положеніи поѣхала къ теткѣ въ Финляндію. Новая обстановка, новая природа, новые люди какіе-то особенные показались ей особенно привлекательными.

Какъ и когда это началось, она не могла дать себѣ отчета. У тетки гостилъ шведъ. Онъ говорилъ о своихъ работахъ, о своемъ народѣ, о новомъ шведскомъ романѣ. и она сама не знаетъ, какъ и когда началось это страшное зараженіе взглядами и улыбками, смыслъ которыхъ нельзя было выразить словами, но которые имѣли значеніе, какъ ей казалось, превосходящее всякія слова. Эти взгляды и улыбки открывали другъ другу ихъ души, не только ихъ души, но какія-то общія всему человѣчеству, великія и самыя важныя тайны. Всякое сказанное ими слово получало отъ этихъ улыбокъ величайшее и блаженнѣйшее значеніе. Такое же значеніе получала и музыка, когда они слушали ее вмѣстѣ или пѣли дуэты. Такое значеніе получали слова читаемыхъ вслухъ книгъ. Иногда они спорили, каждый отстаивалъ свое мнѣніе, но стоило имъ встрѣтиться глазами и блеснуть улыбкѣ, и споръ оставался гдѣ-то внизу, а они поднимались надъ нимъ въ какой-то возвышенной, доступной только имъ области.

Какъ это сдѣлалось, какъ, когда изъ-за этихъ взглядовъ и улыбокъ выступилъ дьяволъ, въ одно и то же время схватившій ихъ, она не могла бы сказать; но когда она почувствовала страхъ передъ дьяволомъ, невидимыя нити, связывающія ихъ, были ужъ такъ переплетены, что она чувствовала свое безсиліе вырваться изъ нихъ и всю надежду возлагала уже на него, на его благородство. Она надѣялась, что онъ не воспользуется своей силой, но и смутно не желала этого.

Безсиліе ея въ борьбѣ усиливалось еще тѣмъ, что ей не за что было держаться. Жизнь ея свѣтская съ своей поверхностностью и фальшью опротивѣла ей. Мать свою она не любила, отецъ, какъ ей казалось, оттолкнулъ ее отъ себя; и ей страстно хотѣлось не игры съ жизнью, а самой жизни; и въ любви, въ совершенной женской любви къ мужчинѣ, она предчувствовала эту жизнь. И страстная, здоровая натура влекла ее туда же. И эта жизнь представлялась ей въ немъ, въ его высокой, сильной фигурѣ, въ его бѣлокурой головѣ и бѣлыхъ поднятыхъ усахъ, изъ-подъ которыхъ [сіяла] притягивающая, всемогущая

улыбка. [Въ этомъ] она видѣла обѣщаніе чего-то самаго лучшаго, что есть на свѣтѣ. И вотъ, улыбки и взгляды, надежды и обѣщанія чего-то невозможно-прекраснаго привели къ тому, къ чему они должны были привести, но чего она боялась и чего смутно, безсознательно ожидала. И вдругъ все прекрасное, духовное, радостное, полное надеждъ на будущее, вдругъ все стало отвратительнымъ, животнымъ и не только печальнымъ, но отчаяннымъ.

Она смотрѣла въ глаза ему, старалась улыбаться, старалась притворяться, что она не боится ничего, что это такъ и должно быть, но она въ глубинѣ души знала, что теперь все пропало, что въ немъ нѣтъ того, чего она искала, что было въ ней, что было въ Коко. Она сказала ему, что онъ долженъ написать теперь ея отцу, прося ея руки. Онъ сказалъ, что сдѣлаетъ это. Потомъ, при второмъ свиданіи, сказалъ, что не можетъ сдѣлать этого сейчасъ. Въ глазахъ его было что-то робкое, неясное, и она еще больше усомнилась въ немъ. На другой день онъ прислалъ ей письмо, въ которомъ объявилъ, что онъ женатъ, что жена давно оставила его, что онъ погибъ теперь въ ея глазахъ, что онъ виноватъ, умоляетъ ее о прощеніи... Она позвала его и на словахъ сказала ему, что она любитъ его и, все равно, женатъ онъ былъ или нѣтъ, чувствуетъ себя навѣки связанной съ нимъ и не оставитъ его.

Въ слѣдующее свиданіе онъ сказалъ, что у него ничего нѣтъ, что родители его бѣдные, и что онъ можетъ предложить ей только самую бѣдную жизнь. Она сказала, что ей ничего не нужно, и что она сейчасъ же готова ѣхать съ нимъ, куда онъ хочетъ. Онъ отговаривалъ ее, совѣтовалъ подождать. Она согласилась. Но жизнь съ скрываніемъ отъ домашнихъ, съ случайными свиданіями и тайной перепиской была ей мучительна, и она настаивала на отъѣздѣ и бѣгствѣ.

Когда она переѣхала въ Петербургъ, онъ писалъ ей, обѣщая пріѣхать, потомъ пересталъ писать и исчезъ. Она попыталась жить попрежнему, но не могла. Она стала болѣть, ее лѣчили, но положеніе ея становилось хуже и хуже. Когда же она убѣдилась, что ей надо будетъ скрыть то, что она хотѣла скрыть, она рѣшила убить себя. Но какъ сдѣлать это такъ, чтобы смерть казалась естественной?.. Она хотѣла убить себя, ей казалось, что она окончательно рѣшила это, и достала яду, всыпала его въ рюмку и готова была выпить... Она и выпила бы его, если бы въ это время не вбѣжалъ къ ней пятилѣтній племянникъ, сынъ сестры, показывая ей подаренную бабушкой игрушку. Она остановилась, приласкала мальчика и вдругъ расплакалась.

Ей пришла мысль, что она могла бы быть матерью, если бы онъ не былъ женатъ; и мысль о материнствѣ въ первый разъ заставила ее вернуться въ себя, думать не о томъ, что подумаютъ и скажутъ о ней другіе, а о своей, настоящей своей жизни. Убить себя ради мнѣнія другихъ людей казалось легко, но убить себя для себя было невозможно. Онъ вылила ядъ и перестала думать о самоубійствѣ, а стала жить сама въ себѣ, и жизнь эта была мучительна, но была жизнь, она не хотѣла и не могла разстаться съ нею. Она стала молиться, чего она давно уже не дѣлала, но это не облегчало. Она страдала не за себя, а за страданія отца, которыя она понимала и жалѣла его; но знала, что страданія эти будутъ, и она виною ихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ такъ шла ея жизнь, и вдругъ съ ней случилось событіе никому незамѣтное, даже ей почти незамѣтное, но такое, которое уже совсѣмъ перевернуло ея жизнь. Она вдругъ, сидя за работой, — она вязала одѣяло — почувствовала странное ощущеніе движенія въ себѣ.

— Да нѣтъ, не можетъ быть! — Она замерла съ крючкомъ и одѣяломъ въ рукахъ. И вдругъ опять то же удивительное колебаніе. Неужели это онъ или она? И она, забывъ про все, про его гадость и ложь, и про раздражительность матери, про горе отца, просіяла улыбкой, но не той гнусной улыбкой, которой она отвѣчала на такія же улыбки его, а свѣтлой, чистой, радостной улыбкой.

Она ужасалась теперь мысли, что она могла думать убить *его* вмѣстѣ съ собой, и теперь всѣ свои мысли направила на то, какъ уйти изъ дома, куда, и гдѣ сдѣлаться матерью, несчастной, жалкой матерью, но все-таки матерью. И она все это придумала и устроила, и ушла, и поселилась въ далекомъ губернскомъ городѣ, гдѣ никто не могъ бы найти ее, и гдѣ онъ думала быть вдали отъ своихъ, и гдѣ на ея бѣду, былъ выбранъ предводителемъ братъ ея отца, чего она никакъ не ожидала.

Она жила у акушерки Маріи Ивановны уже четвертый мѣсяцъ и, узнавъ о томъ, что дядя въ томъ же городѣ, собиралась уѣхать куда-нибудь дальше.

III.

Михаилъ Ивановичъ проснулся рано и въ это же утро, войдя въ кабинетъ брата, отдалъ ему приготовленный чекъ на деньги, которыя онъ оставлялъ брату, прося его помѣсячно выдавать ихъ дочери, и спросилъ, когда отходитъ въ Петербургъ курьерскій. Поѣздъ отходилъ въ семь часовъ вечера, такъ что Миха-

илъ Ивановичъ могъ успѣть пообѣдать раннимъ обѣдомъ до отъѣзда. Напившись кофе съ невѣсткой, которая ничего не говорила больше о томъ, что такъ было тяжело ему, а только робко взглядывала на него, онъ, по своей обыкновенной гигіенической привычкѣ пошелъ сдѣлать обычную прогулку.

Александра Дмитріевна проводила его до передней.

— Вы пройдите, Мишель, въ городской садъ, тамъ прекрасно ходить и отъ *всего* близко,—сказала она, жалостно глядя ему въ сердитое лицо.

Михаилъ Ивановичъ послушался ея совѣта и пошелъ въ городской садъ, откуда было все близко, и съ досадой думалъ о глупости, упорствѣ и безсердечности женщинъ. «Ей не жалко меня,—думалъ онъ о невѣсткѣ.—Она и понять не можетъ моихъ страданій. А она? — онъ подумалъ о дочери. — Она знаетъ, что это для меня, какая это мука! Какой ужасный ударъ въ концѣ жизни, которую укоротитъ навѣрное она же. Ну, да и лучше конецъ, чѣмъ эти мученія. И все это pour les beaux yeux d'un chenapan [1]). О-о-о,—громко простоналъ онъ, и такое чувство ненависти и злобы поднялось въ немъ при мысли о всемъ томъ, что теперь будутъ говорить въ городѣ, когда всѣ узнаютъ (навѣрное всѣ уже знаютъ), такое чувство злобы поднялось въ немъ противъ нея, что захотѣлось все сказать ей, дать ей понять все значеніе того, что она сдѣлала. «Онѣ не понимаютъ».

«Оттуда все близко», подумалъ онъ и, доставъ записную книжку, прочелъ ея адресъ: «Кухонная улица, д. Абрамова, Вѣра Ивановна Селиверстова». Она жила подъ этимъ именемъ. Онъ подошелъ къ выходу и кликнулъ извозчика.

— Вамъ кого, господинъ? — спросила его Марія Ивановна, акушерка, когда онъ вошелъ на узкую площадку крутой, вонючей лѣстницы.

— Госпожа Селиверстова здѣсь?

— Вѣра Ивановна? Здѣсь, пожалуйте. Она вышедши, въ лавочку пошла, должно, сейчасъ придетъ.

Михаилъ Ивановичъ вошелъ за толстой Марьей Ивановной въ маленькую гостиную, и его какъ ножомъ рѣзнулъ, какъ ему показалось, отвратительный, злой крикъ ребенка изъ сосѣдней комнатки.

Марья Ивановна извинилась, ушла въ комнатку, и слышно было, какъ [она] успокаивала ребенка. Ребенокъ затихъ, и она вышла.

---

1) Ради прекрасныхъ глазъ шалопая.

— Это ея ребеночекъ. Она сейчасъ придетъ. Вы кто же будете?

— Я—знакомый. Да я лучше послѣ приду,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ, готовясь уйти. Такъ мучительно ему было готовиться къ встрѣчѣ съ ней и такъ невозможно казалось какое бы то ни было объясненіе.

Онъ только повернулся и хотѣлъ уйти, какъ по лѣстницѣ послышались легкіе, быстрые шаги, и онъ узналъ голосъ Лизы.

— Марья Ивановна, что, не кричалъ безъ меня? А я...

И она вдругъ увидала отца. Кулекъ, который она держала въ рукѣ, выпалъ у нея изъ рукъ.

— Папà?!—вскрикнула она и, вся блѣдная и трясущаяся всѣмъ тѣломъ, остановилась въ дверяхъ.

Онъ смотрѣлъ на нее и не двигался съ мѣста. Она похудѣла, глаза стали больше, носъ завострился, руки тонкія, костлявыя. И не зналъ, что сказать и что сдѣлать. Онъ забылъ теперь все то, что думалъ о своемъ срамѣ, и ему только жалко, жалко было ее, жалко и за ея худобу, и за ея плохую, простую одежду, и, главное, за жалкое лицо ея съ умоляющими о чемъ-то, устремленными на него глазами.

— Папà, прости,—сказала она, подвигаясь къ нему.

— Меня,—проговорилъ онъ, — меня прости, — и онъ захлюпалъ, какъ ребенокъ, цѣлуя ея лицо, руки и обливая ихъ слезами.

Жалость къ ней открыла ему самого себя. И, увидавъ себя, какой онъ былъ дѣйствительно, онъ понялъ, какъ онъ виноватъ передъ ней, виноватъ за свою гордость, холодность, даже злобу къ ней. И онъ радъ былъ тому, что виноватъ, что ему нечего прощать, а самому нужно прощеніе.

Она повела его въ свою комнату, разсказала ему, какъ она живетъ, но не показывала ему ребенка и ничего не говорила о прошедшемъ, зная, что это было бы мучительно для него. Онъ сказалъ ей, что ей надо устроиться иначе.

— Да, если бы въ деревнѣ,—сказала она.

— Мы все обдумаемъ это,—сказалъ онъ.

Вдругъ за дверью сначала запищалъ, а потомъ закричалъ ребенокъ. Она открыла широко глаза и, не спуская ихъ съ отца, замерла въ нерѣшительности.

— Что жъ, тебѣ кормить надо,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ, шевеля бровями отъ явнаго внутренняго усилія.

Она поднялась, и ей вдругъ пришла безумная мысль показать тому, кого она такъ давно любила, того, кого она теперь любила больше всего на свѣтѣ. Но, прежде чѣмъ сказать то, что

хотѣла, она взглянула въ лицо отца: разсердится онъ или нѣтъ? Лицо отца выражало не сердитость, но одно страданіе.

— Да иди, иди,—сказалъ онъ.—Слава Богу. Да, я завтра приду опять, и мы рѣшимъ. Прощай, голубушка. Да, прощай.— И опять ему трудно было удержать поднявшійся комокъ въ горлѣ.

Когда Михаилъ Ивановичъ вернулся къ брату, Александра Дмитріевна тотчасъ спросила его:

— Ну, что?

— Да ничего.

— Видѣли? — спросила она, по лицу его догадываясь, что что-то случилось.

— Да, — скороговоркой проговорилъ онъ и вдругъ заплакалъ.

— Да, и глупъ и старъ сталъ,—сказалъ онъ, успокаиваясь.

— Нѣтъ, уменъ, очень уменъ.

Михаилъ Ивановичъ простилъ дочь, совсѣмъ простилъ и ради прощенія побѣдилъ въ себѣ весь страхъ передъ славой людской. Онъ устроилъ дочь у сестры Александры Дмитріевны, жившей въ деревнѣ, и видался съ дочерью и любилъ ее не только попрежнему, но еще больше, чѣмъ прежде, и часто пріѣзжалъ къ ней и гостилъ у нея. Но ребенка онъ избѣгалъ видѣть и не могъ побѣдить въ себѣ чувства отвращенія, омерзѣнія къ нему. И это было источникомъ страданій дочери.

13 ноября 1906 г.
Ясная Поляна.

Двѣ различныя версіи исторіи улья съ лубочной крышкой.

Первая версія [исторіи] улья съ лубочной крышкой была составлена трутнемъ-исторіографомъ Прупру. Другая же версія составлена одной изъ рабочихъ пчелъ.

Исторія улья съ лубочной крышкой, составленная трутнемъ, начинается перечисленіемъ матеріаловъ и источниковъ. Матеріалы и источники слѣдующіе: Записки знаменитыхъ трутней. Переписка Его Высочества трутня Дебе Старшаго съ его свѣтлостью Куку Младшимъ. Гофъ-Фурьерскій журналъ. Устныя преданія, пѣсни и романсы трутней. Уголовныя и гражданскія дѣла между трутнями и пчелами. Описанія путешествій жуковъ, мошекъ и трутней чужихъ ульевъ. Статистическія свѣдѣнія о количествѣ меда въ различные періоды жизни улья.

Исторія улья съ лубочной крышкой исторіографа Прупру начинается со времени перваго роенія и появленія первыхъ трутней. По описаніямъ трутня Прупру, время это, отъ 6-го іюня до Петрова дня, было самымъ цвѣтущимъ временемъ улья съ лубочной крышкой. Сила и богатство улья обращали на себя въ это время вниманіе всѣхъ другихъ ульевъ, возбуждали зависть сосѣдей и привлекали къ себѣ знаменитыхъ посѣтителей. И самъ улей находился подъ особымъ покровительствомъ самого дѣда Анисима. Ульи всѣ работали въ это время, работали и обитатели улья съ лубочной крышкой; но главное отличіе и преимущество улья съ лубочной крышкой были въ томъ, что онъ первый успѣлъ произвести на свѣтъ трутней, составившихъ его славу и внутреннимъ управленіемъ, и внѣшними сношеніями. Есть и было много ульевъ неисторическихъ. Они живутъ, сами не зная о томъ, — живутъ и умираютъ въ неизвѣстности; но не то было въ ульѣ съ лубочной крышкой.

Во второмъ часу дня, въ то время, какъ рабочая пчела, какъ вьючная лошадь, продолжала свою безостановочную, обыч-

ную, низменную работу, таская медъ и пергу для дѣтей, въ первый разъ вылетѣли трутни. Тѣ, которые видѣли этотъ выходъ, единогласно утверждаютъ, что міръ никогда не видѣлъ зрѣлища великолѣпнѣе этого. Большіе, черные, мохнатые, гладкіе трутни, одинъ великолѣпнѣе другого, появлялись изъ летка и, вмѣсто того, чтобы, какъ простыя пчелы, тотчасъ же летѣть черезъ заборъ въ лѣсъ и луга за кормомъ, тотчасъ же тутъ же взвивались кверху, заворачивали кругомъ и, какъ орлы, носились надъ ульями. Зрѣлище было столь поразительно своей величественностью, что нельзя было безъ слезъ умиленія созерцать его; но еще болѣе оно было поразительно своимъ глубокимъ значеніемъ

. . . .

. . . .

. . . .

Такъ же усердно работали и другіе дѣятели, и улей, благодаря ихъ трудамъ, благоденствовалъ все болѣе и болѣе. Каждый день правители-трутни вылетали, кружились, обсуждая и рѣшая важные государственные вопросы, и по ночамъ возвращались въ улей, облѣпляли соты и подкрѣпляли свои силы заготовленнымъ для нихъ медомъ. Благоденствіе какъ ихъ, такъ и всего улья было полное. Произошла, правда, небольшая пертурбація, состоящая въ томъ, что часть рабочей пчелы нашла нужнымъ вдругъ почему [-то] вылетѣть съ маткой изъ улья и повиснуть на суку рябины. И такое самовольное дѣйствіе пчелъ могло бы нарушить вліяніе трутней, если бы не догадались въ то самое время, какъ совершался этотъ полетъ, предписать его, такъ чтобы пчелы не могли думать, что онѣ сдѣлали это по своей волѣ и безъ высшаго указанія правителей. Отроившіяся пчелы были признаны изгнанниками, оставшіяся же въ ульѣ пчелы продолжали попрежнему повиноваться и заботиться о содержаніи своихъ правителей. Но къ концу августа стали проявляться признаки возмущенія.

Однажды трутни послѣ пролета явились въ соты и, къ удивленію, нашли соты занятыми рабочей пчелой, которая не пустила ихъ. Они съ негодованіемъ удалились и полетѣли въ другіе ульи. Но въ другихъ ульяхъ было то же. Ихъ не пускали. Очевидно, погибало все. Трутни сдѣлали послѣднюю попытку: влетѣли въ свой улей, но пчелы не пустили ихъ наверхъ, а сбили внизъ, гдѣ было холодно, и не было корма. И такъ было и на другой и на третій день. Трутни худѣли, высыхали и помирали одинъ за другимъ. Ни одинъ изъ нихъ не унизился до работы для своего пропитанія.

Пчелы что-то дѣлали, гудѣли наверху на сотахъ, но, какъ говорятъ историки-трутни, очевидно, погибали въ анархіи, лишившись своихъ руководителей.

Неповиновеніе пчелъ трутнямъ погубило ихъ. Они погибли. Этимъ кончалась исторія улья съ лубочной крышкой, написанная трутнями.

Исторія, написанная пчелой, не сходилась съ этой исторіей. Въ исторіи, написанной пчелой, значилось, что жизнь улья началась съ ранней весны, когда улей былъ выставленъ на солнце, и пчела тотчасъ же, опорожнившись, полетѣла на цвѣтущую вербу и, жужжа, осыпала ее, собирая съ цвѣтовъ пергу на лапки и медъ въ желудки. Жизнь пчелы, по описанію пчелинаго историка, была не перестающей радостью труда. Не переставая, расцвѣтали одни цвѣты за другими—и на яблоняхъ, и на кустахъ, и на поляхъ, и наслажденіе труда соединялось съ наслажденіемъ цвѣтущей природой. Въ ульѣ быстро росли хорошо питаемые черви и рабочихъ пчелъ, и трутней, и матки, и наполнились ячейки душистымъ медомъ. Было такъ всего много, такъ богато, что нужно было найти новое мѣсто, и пчелы выпустили на свѣтъ трутней, изъ которыхъ имъ только одинъ на время былъ нуженъ для сплодотворенія новой матки, и выкормили, на всякій случай, трехъ матокъ, хотя имъ нужна была только одна. Наступило самое важное время—необходимость раздѣлиться отъ слишкомъ большого размноженія. Работа въ это время шла усиленная. И въ это-то время появились трутни и стали послѣ полдня трубить, летать надъ ульями. Пчелы и не знали, и не думали о томъ, какое значеніе приписывали себѣ трутни, но допускали ихъ праздность и обжорство, потому что думали, во - первыхъ, что одинъ изъ нихъ понадобится, во-вторыхъ, потому, что всего было много, и можно было не жалѣть добра даже для праздныхъ и ненужныхъ трутней. Вотъ что въ то самое время, когда трутни думали, что управляютъ пчелами, писала одна пчела въ своихъ запискахъ (4-я тетрадь, стр. 5):

«Въ концѣ мая совершилось великое событіе: пчелы отпустили старую матку въ новое царство, сами же остались съ новой оплодотворенной царицей, которая тотчасъ же стала класть яйца. Зацвѣла липа, и надо было и кормить дѣтву и, пользуясь короткимъ цвѣтеніемъ, запасать медъ на зиму. Цвѣтъ былъ сильный, не омытый дождемъ, и пчелы набрали много, но и на зиму нужно было много . . . .

. . . .

. . . . Такъ шло нѣкоторое время.

но требованія внутреннія стали болѣе обильны, цвѣтъ кончился, остались одни репьи, и, не сговариваясь, не рѣшая ничего, пчелы единовременно всѣ перестали пускать трутней къ меду, стали сбивать ихъ и даже подсѣкать дерзкихъ и ненужныхъ. Трутни всѣ были уничтожены, но улей не только не погибъ, но въ самомъ цвѣтущемъ состояніи приготовился къ зимѣ. Наступила зима. Пчелы затихли, сѣли на мѣста, поддерживая тепло въ дѣтяхъ, и дождались опять весны и опять радости жизни».

1889 (?); 1900 (?).

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ѣхали въ коляскѣ дѣвочка и мальчикъ изъ одной деревни въ другую. Дѣвочкѣ было пять лѣтъ, мальчику—шесть. Они были не родные, а двоюродные, и ихъ матери были родныя сестры. Матери остались въ гостяхъ, а дѣтей съ няней послали домой. Проѣзжая деревню, въ коляскѣ сломалось колесо, и кучеръ сказалъ, что дальше ѣхать нельзя, что нужно починить, и онъ скоро починитъ.

— Оно и кстати,—сказала няня,—мы такъ долго ѣхали, и у меня дѣтки проголодались, напою ихъ молокомъ съ хлѣбомъ, благо съ нами отпустили.

Дѣло было осенью, на дворѣ было холодно, и пошелъ дождь. Няня съ дѣтьми вошла въ первую попавшуюся избу. Изба была черная, топилась безъ трубы. Въ такихъ избахъ, когда ихъ топятъ зимой, отворяютъ дверь, и дымъ идетъ въ дверь до тѣхъ поръ, пока печь совсѣмъ не истопится. Такая была эта изба: грязная, старая; въ полу свѣтились щели. Въ одномъ углу былъ образокъ и подъ образкомъ—лавки и столъ и противъ него—большая печка.

Дѣти прежде всего увидали въ избѣ своихъ ровесниковъ: босоногую дѣвочку въ одной грязной рубашонкѣ и толстопузаго мальчика, почти голаго. Еще третій ребенокъ — годовалая дѣвочка лежала на коникѣ и заливалась-плакала. Хозяйка утѣшала ее, но бросила, когда вошла няня съ дѣтьми, и стала прибирать для нихъ мѣсто въ переднемъ углу на лавкахъ и столѣ. Няня принесла изъ коляски мѣшокъ съ блестящимъ замкомъ; крестьянскія дѣти дивились на этотъ замокъ и показывали его другъ другу. Няня достала бутылку термосъ съ теплымъ молокомъ и хлѣбъ, и чистую салфетку, и разложила на столъ:

— Ну, дѣтки, идите, вы, чай, проголодались

Но дѣтки не шли. Соня, дѣвочка, уставилась на полуголыхъ крестьянскихъ дѣтокъ и, не отрывая отъ нихъ глазъ, смотрѣла то на того, то на другого. Она никогда не видывала такихъ грязныхъ рубахъ и такихъ голыхъ дѣтей и дивилась на нихъ. А Петя смотрѣлъ то на нее, то на крестьянскихъ дѣтей и не зналъ, что нужно: смѣяться или удивляться. Особенно пристально смотрѣла Соня на ту дѣвочку на коникѣ, которая громко кричала.

— Отчего она кричитъ?—спросила она.

— Ѣсть хочетъ,—сказала мать.

— Такъ дайте же ей.

— И дала бы, да нѣту.

— Ну, ну, идите, же,—говорила няня, занятая раскладкой хлѣба на столѣ.—Идите, идите,—сердито повторила няня.

Дѣти послушались ея и подошли. Няня налила имъ молоко въ стаканчики и подала съ ломтемъ хлѣба, но Соня не стала ѣсть, отодвинула отъ себя стаканъ. То же, посмотрѣвъ на нее, сдѣлалъ и Петя.

— Развѣ это правда?—сказала Соня, указывая на женщину.

— Что̀ правда?—спросила няня.

— Что у нея молока нѣтъ,—сказала Соня.

— Кто ее знаетъ, не наше это съ вами дѣло, а вы кушайте.

— Не стану,—сказала Соня.

— Не стану и я,—сказалъ Петя.

— Ей отдай,—сказала Соня, не спуская глазъ съ дѣвочки.

— Ну, будетъ вамъ пустое говорить,—сказала няня,—кушайте, а то простынетъ.

— Не буду кушать, не буду,—вдругъ закричала Соня,—и дома не буду, если ей не дашь!

— Кушайте вы сначала, а останется—и ей дамъ.

— Не стану, пока ей не дашь.

— И я тоже и я тоже,—повторилъ Петя.—Ни за что не буду.

— Пустое это вы затѣяли и пустое говорите,—сказала няня.—Развѣ можно всѣхъ уровнять? Кому Богъ далъ... Вамъ, вашему папашѣ Богъ далъ.

— Отчего Онъ имъ не далъ?—сказала Соня.

— Не намъ это судить, такъ Богу угодно,—сказала няня и отлила въ чашку молока и подала бабѣ, чтобы она дала ребенку. Ребенокъ сталъ пить и затихъ, но дѣти не угомонились, и Соня все не хотѣла ни пить, ни ѣсть.

— Богу угодно,—повторила она.—Зачѣмъ же Ему такъ угодно? . . . .

— И нехорошо вы говорите,—качая головой, сказала няня,—такъ нехорошо. Вотъ я папашѣ скажу.

— И скажи,—сказала Соня,—я теперь рѣшила, все рѣшила: не нужно и не нужно.

— Чего не нужно?—спросила няня.

— А того, чтобы у однихъ было много, а у другихъ ничего.

— А можетъ быть, онъ нарочно,—сказалъ Петя.

— Нѣтъ . . . . . . Не буду ни пить, ни ѣсть . . . .

Вдругъ съ печи заговорилъ хриплый голосъ и закашлялся:

— Эхъ, ребятки, ребятки, хорошіе вы ребятки, да неладно говорите.

И опять закашлялся. Дѣти уставились на печку и увидали, что съ нея свѣшивалась сморщенная, въ сѣдыхъ волосахъ, голова и, покачиваясь, говорила:

— Богъ не злой, ребята. Богъ добрый, ребята. Онъ, ребята, всѣхъ любитъ. А что одни колачи ѣдятъ, а у другихъ хлѣба нѣтъ, это не Онъ установилъ, а люди сдѣлали. А потому сдѣлали, что Его-то забыли.—И опять закашлялся.—Забыли, оттого такъ и сдѣлали. Забыли, что одни живутъ, а другіе маются. А жили бы по-Божьи, у всѣхъ бы всего было.

— А какъ же сдѣлать, чтобы у всѣхъ всего было?—спросила Соня.

— Какъ сдѣлать?—прошамкалъ старикъ.—Сдѣлать, какъ Богъ велитъ. А Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

— Какъ, какъ?—спросилъ Петя.

— Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

— Велитъ пополамъ дѣлить,—повторилъ Петя.—Выросту большой, такъ и сдѣлаю.

— И я сдѣлаю,—подтвердила Соня.

— Я прежде тебя сказалъ, что сдѣлаю,—сказалъ Петя,—такъ сдѣлаю,чтобы никого бѣдныхъ не было.

— Ну, будетъ, будетъ пустое болтать,—сказала няня.—Кушайте послѣднее молоко.

— Не будемъ, не будемъ и не будемъ, — въ одинъ голосъ заговорили дѣти,—а выростемъ большіе, непремѣнно сдѣлаемъ.

— Ну, молодцы дѣтки, — сказалъ старикъ и улыбнулся такъ, что только два нижніе зуба были видны.—Ужъ мнѣ не видать, какъ сдѣлаете. Хорошо задумали, помогай Богъ.

— Что хотятъ, пусть съ нами дѣлаютъ,—сказала Соня,— а мы сдѣлаемъ.

— Сдѣлаемъ,—подтвердилъ Петя.

— Вотъ и ладно, ладно,—проговорилъ старикъ и засмѣялся, и закашлялся.—Видно, ужъ я оттелева на васъ полюбуюсь,—проговорилъ онъ, когда кашель угомонился.—Смотрите же, не забывайте.

— То-то. Чтобъ вѣрно было.

Кучеръ пришелъ сказать, что колесо сладили, и дѣти уѣхали.

А что будетъ дальше, мы всѣ увидимъ.

28 августа 1910 г.
Кочеты.

ДВА СПУТНИКА.

Два человѣка съ котомками на плечахъ шли по пыльной шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Москвы въ Тулу. Одинъ, молодой человѣкъ, былъ одѣтъ въ короткій зипунъ и плисовыя шаровары. На глазахъ, подъ мужицкой новой шляпой, у него были надѣты очки. Другой былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, замѣчательной красоты, съ длинной сѣдѣющей бородой, въ монашеской рясѣ подпоясанной ремнемъ, и въ кругломъ, высокомъ черномъ колпакѣ, которые носятъ служки въ монастыряхъ, надѣтомъ на сѣдѣющіе длинные волосы.

Молодой человѣкъ былъ желтъ, блѣденъ, грязно-пыленъ и, казалось, едва волочилъ ноги; старый человѣкъ шелъ бодро, выпячивая грудь и размахивая руками. Къ красивому лицу его, казалось, не смѣла приставать пыль, и тѣло его не смѣло знать усталости.

Молодой человѣкъ былъ магистръ Московскаго университета, Василій Сергѣевичъ Борзинъ; старый человѣкъ — отставной подпоручикъ, александровскихъ временъ, пѣхотнаго полка, бывшій монахомъ и за неприличное поведеніе выгнанный изъ монастыря, но удержавшій монашеское одѣяніе. Его звали Николай Петровичъ Серповъ.

Вотъ какъ сошлись эти два человѣка. Василій Сергѣевичъ, окончивъ диссертацію и написавъ нѣсколько статей въ московскихъ журналахъ, уѣхалъ въ деревню, какъ онъ говорилъ, окунуться въ рѣку народной жизни и освѣжиться въ струяхъ бытового потока. Пробывъ мѣсяцъ въ деревнѣ въ совершенномъ одиночествѣ, онъ написалъ слѣдующее письмо къ своему литературному другу и редактору журнала:

«Государь мой и другъ Иванъ Финогеичъ, мы не должны и не можемъ предвидѣть и предрѣшать развязку вопроса, разрѣшающагося въ тайникахъ строя бытовой жизни русскаго народа. Необходимо глубокое изученіе многоразличныхъ сторонъ

русскаго духа и его проявленій. Оторванность жизни... Петровскій переворотъ...» и т. д.

Смыслъ и значеніе письма было то, что Василій Сергѣевичъ, проникнувшись строемъ бытовой жизни народа, убѣдился, что задача опредѣленія назначенія русскаго народа глубже и труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому для разрѣшенія этой задачи онъ считалъ необходимымъ предпринять путешествіе пѣшкомъ по Россіи и просилъ своего друга подождать уясненіемъ вопроса до окончанія своего путешествія, обѣщая рядомъ длинныхъ статей тогда выяснить все, что онъ узнаетъ.

Написавъ это письмо, Василій Сергѣевичъ занялся матеріальной стороной приготовленій къ путешествію. И какъ ни тяжело это было ему, онъ углубился даже въ подробности наряда, досталъ зипунъ, сапоги съ гвоздями, шляпу и, запершись отъ слугъ, долго глядѣлся въ зеркало. Очки онъ не могъ снять: онъ былъ слишкомъ близорукъ. Другая часть приготовленій состояла въ взятіи денегъ, по крайней мѣрѣ, трехсотъ рублей, на дорогу. Денегъ въ конторѣ не было. Василій Сергѣевичъ позвалъ старосту и конторщика и, найдя въ реестрѣ сто восемьдесятъ четвертей овса, велѣлъ продать ихъ. Но староста замѣтилъ, что овесъ оставленъ на сѣмена. Тогда Василій Сергѣевичъ, просмотрѣвъ графу ржи и найдя тамъ сто шестьдесятъ четвертей ржи, спросилъ, достаточно ли будетъ этой ржи на сѣмена, на что староста отвѣтилъ вопросомъ, — не прикажутъ ли они сѣять старой.

Разговоръ кончился тѣмъ, что староста понялъ, что Василій Сергѣевичъ меньше малаго дитяти знаетъ въ хозяйствѣ, а Василій Сергѣевичъ понялъ, что рожь уже посѣяна, и сѣется обыкновенно изъ новаго урожая, и что потому сто шестьдесятъ четвертей, исключая на мѣсячину десять четвертей, можно продать.

Деньги были получены, и Василій Сергѣевичъ собрался идти на другой день, когда вечеромъ онъ заслышалъ голосъ незнакомый въ лакейской, и къ нему вошелъ старый, отцовскій слуга, Степанъ.

— Николай Петровичъ Серповъ, — сказалъ Степанъ.

— Кто такой — Николай Петровичъ?

— А какъ же, Николай Петровичъ, что къ папашѣ еще ѣздили монахомъ.

— Не помню. Что же онъ?

— Васъ желаетъ видѣть. Кажется, не въ своемъ видѣ.

Въ комнату вошелъ Николай Петровичъ, расшаркался, топнулъ ногой: — Вояжеръ Серповъ... — Пожалъ руку.

— Все невѣжество. Нѣтъ образованія, сколько я ни учу Россію. Россія — дура. Мужикъ — трудолюбецъ, а Россія —

дура. Такъ ли, Василій Сергѣевичъ? Я вашего батюшку зналъ. Мы, бывало, съ нимъ сидимъ, онъ и говоритъ: «Этотъ пойдетъ». Вы зачѣмъ въ костюмѣ? Я люблю по-суворовски. Зачѣмъ?

— Я иду путешествовать.

— Я самъ путешествую. Я вояжеръ, я былъ въ Греціи, на Аѳонѣ; но лучше и праведнѣе мужика не видалъ.

Николай Петровичъ сѣлъ, попросилъ водки и легъ спать. Василій Сергѣевичъ остался въ недоумѣніи. На другой день Николай Петровичъ слушалъ, а такъ [какъ] Василій Сергѣевичъ любилъ говорить, Николай Петровичъ услыхалъ всю теорію Василія Сергѣевича и цѣль его путешествія. Николай Петровичъ одобрилъ все и предложилъ свое товарищество. Василій Сергѣевичъ принялъ отчасти потому, что не могъ отдѣлаться, отчасти потому, что Николай Петровичъ, несмотря на свое полусумасшествіе, умѣлъ льстить, отчасти, и главное, потому, что Василій Сергѣевичъ видѣлъ въ монахѣ проявленіе замѣчательной, хотя и спутавшейся, ширины русской жизни.

Они пошли. И въ то время, какъ мы застали ихъ на большой дорогѣ, они подходили къ первому по маршруту ночлегу, пройдя первыя двадцать двѣ версты своего путешествія.

Николай Петровичъ выпилъ рюмочку въ кабакѣ. Онъ былъ веселъ...

187?

ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ.

I.

Была осень. И еще не разсвѣтало, когда къ небольшому, крытому соломой дому въ двѣ связи священника Василія Давыдовича, гремя по замерзшимъ колчушкамъ, подъѣхала телѣга. Изъ телѣги вышелъ мужикъ въ кафтанѣ съ поднятымъ воротникомъ и шапкѣ и, завернувъ лошадь, сталъ стучаться кнутовищемъ въ окно одной изъ связей, тамъ, гдѣ, онъ зналъ, живутъ работница и кухарка.

— Кто тутъ?

— Къ батюшкѣ.

— Чего надо?

— Къ боли.

— Да ты чей будешь?

— Изъ Воздрема.

Работникъ засвѣтилъ огонь, вышелъ въ сѣни и на дворъ и впустилъ мужика въ ворота

Изъ горницы въ кацавейкѣ, платкѣ и валенкахъ вышла матушка, толстая, приземистая женщина, и заговорила сердитымъ, хриплымъ голосомъ.

— Это еще кого нелегкая принесла?

— За батюшкой пріѣхалъ.

— А вы чего дрыхнете? И печь еще не затапливали.

— Развѣ время?

— Я бы не говорила, коли не время.

Воздремскій мужикъ вошелъ въ людскую избу, перекрестился на иконы, поклонился матушкѣ и сѣлъ у двери на лавкѣ.

Жена его долго мучилась въ родахъ, родила мертваго и теперь сама помирала.

Мужикъ сидѣлъ и, глядя на то, что дѣлалось въ избѣ, думалъ о томъ, какъ онъ повезетъ попа: прямо, или черезъ Косое, какъ онъ сюда ѣхалъ, или въ объѣздъ. «Ужъ очень плохо подъ

селомъ. Ручей замерзъ, а не держитъ. Насилу выбрался». Вошелъ работникъ и, сваливъ вязанку березовыхъ дровъ у печи, попросилъ мужика наколоть лучину изъ сухого полѣна. Мужикъ раздѣлся и сталъ работать.

Священникъ проснулся, какъ онъ всегда просыпался, веселый и бодрый; еще лежа въ постели, перекрестился и прочелъ свою любимую молитву: «Царю небесный», и нѣсколько разъ проговорилъ: «Господи, помилуй!» Потомъ, спустивъ ноги, обулся, умылся, расчесалъ длинные волосы, надѣлъ старый подрясникъ и сталъ передъ иконами на молитву. Въ серединѣ чтенія «Отче нашъ», на словахъ: «и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», онъ остановился и вспомнилъ отца дьякона, который вчера, въ пьяномъ видѣ, встрѣтивъ его, бормоталъ, но такъ, что было слышно: «Фарисеи, лицемѣры». Слова: «фарисеи, лицемѣры», особенно обидѣли Василія Давыдовича именно потому, что онъ считалъ себя подверженнымъ всякимъ порокамъ, но только не лицемѣрію. И онъ былъ сердитъ на дьякона. «Да, оставляемъ», проговорилъ онъ въ душѣ, «Богъ съ нимъ», и продолжалъ дальше. При словахъ: «не введи насъ во искушеніе», онъ вспомнилъ, какъ вчера послѣ домашней всенощной, которую онъ служилъ у богатаго помѣщика Молчанова, ему было пріятно пить чай съ ромомъ.

II.

Помолившись, онъ посмотрѣлся въ кривящее лицо зеркальце, расправилъ на обѣ стороны растущіе вокругъ уже большой лысины, расчесанные бѣлокурые волосы, съ удовольствіемъ взглянулъ на свое широкое доброе, съ рѣдкой бородкой, моложавое, несмотря на его сорокъ два года, лицо и вышелъ въ зальце, въ которое матушка только-что поспѣшно, съ трудомъ вносила готовящійся уйти самоваръ.

— Что же ты сама? А Ѳекла?

— Что же сама, — передразнила матушка. — А то кому жъ?

— Что же рано такъ?

— Пріѣхалъ за тобой изъ Воздрема къ боли. Женщина умираетъ.

— Давно?

— Да еще даве.

— Что жъ вы меня не разбудили.

Отецъ Василій напился постнаго чаю (была пятница), взялъ дары, надѣлъ шубу, шапку и вышелъ твердой походкой въ сѣнцы. Воздремскій мужикъ ждалъ его въ сѣняхъ.

— Здорово, Митрій, — сказалъ отецъ Василій и, поддерживая рукавъ, перекрестилъ мужика и далъ поцѣловать свою небольшую, твердую руку съ коротко обстриженными ногтями и вышелъ на крыльцо.

Солнце взошло, но его не видно было изъ-за низко нависшихъ тучъ. Мужикъ вывелъ изъ воротъ телѣгу и подалъ къ крыльцу. Василій Давыдовичъ легко поднялся съ чеки задняго колеса на телѣгу и сѣлъ на обернутое дерюжкой сѣно на сидѣньѣ. Митрій сѣлъ рядомъ, тронулъ утробистую, лопоухую кобылу, и телѣга загремѣла по замерзшимъ колчамъ. Попархивалъ снѣжокъ.

III.

Семейство Василія Давыдовича Можайскаго состояло изъ жены, ея матери, старой попадьи, и трехъ дѣтей: двухъ сыновей и дочери. Старшій сынъ кончалъ курсъ въ семинаріи и готовился въ студенты; второй, любимецъ матери, меньшой, пятнадцатилѣтній Алеша, былъ еще въ духовномъ училищѣ; дочь Леня, шестнадцати лѣтъ, жила дома, плохо помогала матери и тяготилась своей жизнью. Самъ Можайскій въ свое время учился въ семинаріи такъ хорошо, что, окончивъ курсъ въ 1840 году одинъ изъ первыхъ, готовился въ академію и мечталъ, и о профессорствѣ и объ архіерействѣ. Но мать его, вдова дьячка, съ однимъ сыномъ-пьяницей и тремя дочерьми, была въ великой нуждѣ; и то рѣшеніе, которое онъ тогда принялъ, незамѣтно дало направленіе жертвы и самоотреченія всей его жизни. Чтобы не огорчить старуху-мать, онъ рѣшилъ бросить мечты объ академіи и поступить въ сельскіе священники. Онъ сдѣлалъ это изъ любви къ матери, но самъ себѣ онъ совсѣмъ не такъ объяснялъ свой поступокъ: онъ объяснялъ себѣ его своей лѣнью и нелюбовью къ наукѣ.

Мѣсто священника было въ небольшомъ селѣ и получалось при условіи женитьбы на дочери прежняго священника. Мѣсто было небогатое, и прежній священникъ былъ бѣденъ, и бѣдно было семейство изъ вдовы и двухъ дочерей. Та дочь Анночка, съ которой было связано полученіе мѣста, была некрасивая, но очень бойкая дѣвица и въ истинномъ смыслѣ слова плѣнила Василія Давыдовича, заставила его безъ размышленія жениться на себѣ. Василій Можайскій женился и сталъ отцомъ Василіемъ, сначала съ короткими, а потомъ съ длинными волосами и счастливо прожилъ съ своей женой Анной Тихоновной двадцать два года, и теперь, несмотря на короткое романическое увлеченіе Анны Тихоновны студентомъ, сыномъ прежняго дьякона,

все такъ же былъ добръ къ ней, какъ и прежде, какъ будто еще нѣжнѣе любилъ ее за то недоброе чувство, которое онъ имѣлъ къ ней во время ея увлеченія. Увлеченіе это было для него поводомъ такого же чувства самоотреченія и забвенія себя, вслѣдствіе котораго онъ отказался отъ академіи, и дало ему такую же незамѣтную внутреннюю, тихую радость.

IV.

Сначала попъ и мужикъ ѣхали молча. Да и дорога по жилью была такая колчеватая, что, несмотря на то, что ѣхали шагомъ, телѣгу бросало изъ стороны въ сторону, и попъ то и дѣло съѣзжалъ съ сидѣнья и поправлялся и запахивался.

Только когда выѣхали за село, и, переѣхавъ черезъ перекопъ, мужикъ поѣхалъ лугомъ, попъ заговорилъ:

— Что жъ, или очень плоха хозяйка - то? — спросилъ онъ.

— Не чаемъ живой быть, — неохотно отвѣтилъ мужикъ.

— Божью власть не руками скласть. Божья воля, — сказалъ попъ. — Что же дѣлать? Терпѣть надоть.

Мужикъ поднялъ голову и взглянулъ въ лицо попа. Онъ, видно, хотѣлъ сказать что-то сердитое, но, увидавъ ласково смотрѣвшее на него лицо, смягчился, мотнулъ головой и только проговорилъ:

— Божья воля - то воля. Да ужъ дюже трудно, батюшка. Одинъ вѣдь. Что съ ребятами станешь дѣлать?

— А ты не впадай духомъ, Богъ подниметъ.

Мужикъ не отвѣчалъ и только обругалъ кобылу, перешедшую съ рыси на шагъ, и задергалъ ее веревочными вожжами.

Въѣхали въ лѣсъ, гдѣ разъѣзженная во всѣ стороны дорога была вездѣ одинаково дурна, и долго ѣхали молча, выглядывая мѣста, гдѣ лучше проѣхать. Только когда выѣхали на дорогу, шедшую яркими, уклочившимися зеленями, попъ опять заговорилъ:

— Хороши зеленя, — сказалъ онъ.

— Ничего, — сказалъ мужикъ и больше ничего не отвѣчалъ на заговариванія попа.

Въ ранній завтракъ подъѣхали къ двору больной.

Баба была еще жива. Страданія кончились, и она, безсильная поворотиться, лежала на кровати и только движеніемъ глазъ проявляла присутствіе жизни. Она призывающе смотрѣла на священника, и только на священника. Старуха стояла подлѣ нея, дѣти были на печкѣ. Старшая, десяти лѣтъ, въ одной рубашонкѣ,

простоволосая, стояла у стола, точно большая, подпершись правой рукой, поддерживаемой лѣвой, молча смотрѣла на мать.

Попъ подошелъ къ больной, прочелъ молитвы, далъ причастіе, перекрестилъ ее и помолился на иконы.

Старуха подошла къ умирающей, поглядѣла на нее, покачала головой и накрыла полотномъ лицо умирающей. Отъ умирающей она подошла къ попу и подала ему въ руку монетку. Онъ зналъ, что это пятакъ, и взялъ его.

Хозяинъ вошелъ въ избу.

— Кончилась? — спросилъ онъ.

— Кончается, — сказала старуха.

Услыхавъ это, дѣвочка завыла, что-то приговаривая. Заревѣли въ три голоса и дѣти на печкѣ.

Мужикъ перекрестился, подошелъ къ женѣ и, открывъ полотно, посмотрѣлъ на нее. Безкровное лицо было спокойно и неподвижно. Мужикъ постоялъ надъ умершей минуты двѣ, потомъ осторожно накрылъ лицо опять полотномъ и, опять перекрестившись нѣсколько разъ, повернулся къ попу и сказалъ:

— Что жъ, ѣхать, что ль?

— Что жъ, поѣдемъ.

— Ладно. Попоить кобылу надо.

И мужикъ вышелъ изъ избы.

Старуха причитала и голосила, поминая о сиротахъ безъ родимой матушки, о томъ, что некому накормить, одѣть ихъ, что какъ пташечки выпали изъ гнѣздышка, такъ и дѣтушки безъ родимой матушки. И за каждымъ стихомъ причитанья она съ шумомъ втягивала въ себя воздухъ и, слушая себя, все больше и больше расходилась. Попъ слушалъ, и ему становилось грустно и жалко дѣтей и хотѣлось что-нибудь сдѣлать для нихъ. Онъ нащупалъ кошелекъ въ карманѣ подрясника и вспомнилъ, что у него остался въ кошелькѣ полтинникъ, полученный вчера за всенощную у Молчанова. Онъ не успѣлъ передать его женѣ, какъ онъ дѣлалъ со всѣми деньгами, и, не думая о послѣдствіяхъ, досталъ полтинникъ и, указавъ старухѣ, положилъ его на окно.

Хозяинъ вошелъ раздѣтый и сказалъ, что попросилъ кума свезть батюшку, а самъ пойдетъ разживаться тесу на домовище.

V.

Кумъ Митрія, везшій домой Василія Давыдовича, былъ бородатый, рыжій здоровенный мужикъ, общительный и веселый. Онъ по случаю проводовъ сына уже выпилъ и былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа.

— Митюхина кобыла вовсе стала, — сказалъ онъ. — Что жъ человѣку не пособить. Пожалѣть надо. Вѣрно я говорю? Но, ты, милокъ, — крикнулъ онъ на гнѣдого меринка съ круто подвязаннымъ хвостомъ, настегивая его.

— А ты полегче,—сказалъ Василій Давыдовичъ, трясясь по колчамъ дороги.

— Что жъ, можно и полегче. Что жъ, померла?

— Да, кончилась, — сказалъ попъ.

Рыжему хотѣлось и пожалѣть, хотѣлось и посмѣяться.

— Что жъ: бабу взялъ, дѣвку дастъ, — сказалъ онъ, поддаваясь голосу веселья.

— Нѣтъ, жалко сердечнаго, — сказалъ попъ.

— Какъ не жалко. Бѣднота. Одинъ. Пришелъ, говоритъ: свези попа, моя кобыла стала. Что жъ, пожалѣть надо. Такъ я говорю, батюшка?

— А ты, я вижу, уже выпилъ, а? Это напрасно, Θедоръ. Нынче будни.

— Развѣ я на чужія? Я на свои. Сына провожалъ. Прости, батюшка, Христа ради.

— Мнѣ что прощать. Я только къ тому, что лучше не пить.

— Извѣстно, лучше, да какъ же быть. Кабы я какой-нибудь, а то вѣдь живешь слава Богу... Передъ людьми нельзя. А я Митрія жалѣю. Какъ не жалѣть. Лѣтось у него же мерина увелъ какой-то. Тоже народъ нынче сталъ.

И Θедоръ сталъ разсказывать длинную исторію, какъ съ ярмарки лошадей угнали, какъ одну зарѣзали на шкуру, а другую перехватили мужики.

— И уже били, такъ били, — съ удовольствіемъ разсказывалъ Θедоръ.

— Что же бить-то, зачѣмъ?

— А что же его, гладить, что ли?

Въ такихъ разговорахъ доѣхали до дома Василія Давыдовича.

Василій Давыдовичъ надѣялся отдохнуть, но, на его несчастье, безъ него была получена бумага отъ благочиннаго и письмо отъ сына. Бумага отъ благочиннаго была не важная, но письмо сына вызвало семейную бурю, усиленную еще тѣмъ, что попадья потребовала отъ него деньги за вчерашнюю всенощную, а полтинника не было. Потеря этого полтинника только усилила гнѣвъ жены; но главная причина гнѣва было письмо сына и невозможность исполнить его желаніе, невозможность, причину которой попадья видѣла въ беззаботности своего мужа...

1906 г.

КТО УБІЙЦЫ.

Павелъ Кудряшъ.

1.

Это было 17 іюня 1906 года.

Овсы взошли хорошо, всходила и гречиха; рожь выколосилась и сбиралась цвѣсть. Народъ взялся за навозъ. Стояла жара. Подходило къ полдню. Семенъ Бурылинъ свалилъ послѣднія кучи на свое паровое поле и на двоемъ возвращался домой, дремля на передкѣ передней телѣги. Дорога шла овсами.

— Дядя! Гей! дядя Семенъ! — кричалъ звонкій дѣвичій голосъ.

Семенъ очнулся и увидалъ встрѣчные два воза съ навозомъ и здоровую, босую дѣвку въ красномъ платкѣ, съ утыканными васильками, въ синей кофтѣ и сѣрой юбкѣ. Дѣвка стояла подлѣ воза и, смѣясь, окликала Семена.

— Задремалъ, дядя Семенъ? А?

— И то. А! Графена Марковна,—шутливо проговорилъ Семенъ, раскрывая глаза. — А что же Ванька - то? (Ванька былъ братъ Аграфены, а Аграфена была пропита, образована за Павла, сына Семена).

— Въ Москву, шелудивый, ушелъ, тоже на мѣсто поставили.

— Ну? — отозвался Семенъ. — Что же, велѣла Павлушку провѣдать? Соскучилась, я чай?

— Что мнѣ твой Павлушка? Очень онъ мнѣ нуженъ. Ну его къ лѣшему. Сворачивай, что ль.

Дѣвка нахмурилась и покраснѣла.

— Эка ты щекотлива, погладиться не дастся. Что гнѣваешься? Хозяинъ не пущаетъ. Дай разговѣемся. Онъ въ письмѣ пишетъ тебѣ поклонъ.

Семенъ объѣхалъ.

— Ладно, ладно!

Дѣвка улыбнулась и все лицо ея разсіяло.

Задняя лошадь Семенова не заворотила совсѣмъ, и заднее колесо было на дорогѣ. Грушка зашла сзади телѣги и сильнымъ движеніемъ откинула задъ вправо. Ея возъ прошелъ.

— Что жъ, я не обижаюсь, — сказала она.

— То - то, мы тебя какъ жалѣемъ.

— Но, стала! — крикнула дѣвка на свою лошадь и, быстро сѣменя загорѣлыми ногами, догнала ее.

— Ахъ, хороша дѣвка! — проговорилъ Семенъ, покачивая головой. — Охъ, Павлушка, мотри. Упустишь — не воротишь.

Семенъ отпрягъ на подчищенномъ дворѣ, кликнулъ малаго и послалъ его съ лошадьми въ денное. Навозъ былъ довоженъ, но работы было много. Надо было заплести плетень у огорода, надо было картошку пропахать, надо было косу отбить,— сказывали, завтра къ купцу косить зовутъ,—надо было и рѣшетнику на сарай либо купить, либо выпросить, либо такъ, крадучи, взять въ лѣсу; надо было и письмо Павлу писать.

Еще дорогой домой онъ передумалъ всѣ эти дѣла и рѣшилъ лошадей не трогать, «заморилъ ужъ ихъ, пущай вздохнутъ», и письмо трудно писать, а за косу взяться, отбить.

Аксинья собрала обѣдать. Семенъ перекрестился на иконы и сѣлъ за столъ со старухой-матерью, дѣвкой и малымъ. Похлебавъ щей, Семенъ заговорилъ о Павлѣ.

2.

Павелъ жилъ конторщикомъ въ Москвѣ на «пафемерной» (парфюмерной) фабрикѣ, получалъ восемнадцать рублей и покамѣстъ хорошо присылалъ; прислалъ и послѣдній мѣсяцъ, да обѣщался побывать, а не пріѣхалъ.

— Ужъ не заболтался ли? По нонѣшнимъ временамъ того гляди. Ослабъ народъ.

Такъ толковалъ Семенъ за обѣдомъ, пережевывая хлѣбъ и картошку. Старуха поддакивала объ опасностяхъ теперешнихъ временъ. Аксинья, весело, бодро служа, присаживалась, ѣла и живо собирала на столъ и со стола и, радостно подмигивая глазами, — а глаза у нея были блестящіе, умные, — хвалила сына, улыбалась при одной мысли о немъ и ждала отъ него всего только хорошаго.

Разговоръ о сынѣ зашелъ потому, что Семенъ разсказалъ про Аграфену, съ которой Пашка былъ образованъ, и говорилъ о томъ, какъ онъ думаетъ теперь же, послѣ Петрова, до рабочей поры, женить.

— Хорошее дѣло, ахъ, хорошее дѣло!—говорила Аксинья.— Что жъ, пошли ему письмо. Авось—пріѣдетъ. Даве Матрена сказывала,—видали его. Такой щеголь, говоритъ, ровно баринъ.

— Что жъ,—сказала старуха, отвѣчая не на слова, а на мысли, главное, чувства, которыя, она знала, поднялись въ сердцѣ ея невѣстки: чувства нѣжной любви, главной радости ея жизни—Пашки.—Что же,—какъ бы оправдывая Аксинью, сказала она,—малый ничего, хоть всякому отцу лестно. Не буянъ, не пьяница. Малый — что говорить.

Такъ говорила бабка и точно одобряла внука.

«Ну его къ лѣшему», сказала Аграфена Семену. Она считала, что такъ нужно сказать. Но когда она одна, отпрягши лошадь, пошла съ дѣвками купаться, она не переставая думала о Пашкѣ, вспоминая его статную фигуру, усики, веселое лицо, его выходку подъ гармонію и улыбку, когда онъ не могъ удержаться отъ удовольствія о томъ, что можетъ такъ плясать хорошо. Потомъ вспомнила, какъ онъ на Рождествѣ, на засидкахъ, подошелъ къ ней, выбралъ ее изъ всѣхъ дѣвокъ и робко, и уважительно, вытянутыми губами поцѣловалъ ее.

Такъ думали о Павлѣ въ этотъ день, 17 - го іюня въ деревнѣ. Съ Павлушкой же наканунѣ этого дня случилось, казалось бы, неважное событіе, но такое, отъ котораго измѣнилась вся его жизнь.

3.

Полтора года тому назадъ отецъ Павла привезъ его въ городъ, поладилъ съ евреемъ хозяиномъ парфюмерной фабрики и, оставивъ ему посланныя Аксиньей рубахи и жилетку, самъ уѣхалъ.

Павелъ жилъ въ деревнѣ, какъ живутъ всѣ въ молодые годы и огромное большинство людей до смерти: руководясь въ своей жизни только тѣмъ, что дѣлали всѣ вокругъ него, всѣ его близкіе. Если онъ отклонялся отъ того, что дѣлали всѣ, то только когда увлекался страстью. Но, отклоняясь, зналъ, что дѣлаетъ дурно; такъ что считалъ хорошимъ то, что люди считали хорошимъ, и дурнымъ то, что люди считали таковымъ. Въ деревнѣ руководствомъ его поведенія былъ общій деревенскій складъ жизни; хорошо было не болтаться, а работать, и умѣть работать; не робѣть ни передъ чѣмъ, быть выносливымъ, не поддаваться въ обиду; ко времени и повеселиться, и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ». Если выйдетъ случай попользоваться отъ богачей—не зѣвать; но своего брата не обижать, а по чести. Во всякомъ же случаѣ, объ

душѣ и о Богѣ помнить: мало того, что къ попу ходить и молитву творить въ свое время, но и нищаго не отгонять, а помогать по силѣ, по мочи. Пока молодъ — веселись, не грѣхъ, но не воруй, не распутничай, не напивайся безъ времени, а главное, дѣло понимай и стариковъ слушай...

Таковы были требованія деревни и опредѣленія хорошаго и дурного. И Павлушка держался ихъ, не разбирая ихъ. Но и въ деревнѣ, отдаваясь требованіямъ окружающихъ, онъ по книгамъ, которыя онъ любилъ читать и читалъ, понималъ, что есть какая-то другая жизнь, предъявляющая свои какія-то, другія требованія. Но въ чемъ они состояли, онъ не могъ понять, и это смутно интересовало его. Читая все, что попадало ему, онъ ждалъ отвѣта на этотъ вопросъ; но читанныя имъ книги не давали этого отвѣта.

. . . .
. . . .
. . . .

1808 — 1909 гг.

ІЕРОМОНАХЪ ИСИДОРЪ.

I.

Іеромонахъ Исидоръ, опустивъ голову и закрывъ глаза, сидѣлъ во время службы въ алтарѣ скитской церкви. Сейчасъ ему надо будетъ встать, подойти къ престолу, стать лицомъ къ царскимъ дверямъ и сдѣлать руками извѣстныя движенія, произнести извѣстныя слова и потомъ подойти къ алтарю, взять въ руки серебряную золоченую чашу и начать совершать таинство причащенія тѣломъ и кровью Христа - Бога.

Прошло уже три съ половиной года съ тѣхъ поръ, какъ онъ, князь Иванъ Тверской, пересталъ быть княземъ Тверскимъ и отставнымъ гвардіи полковникомъ, а сталъ смиреннымъ инокомъ Исидоромъ, — и никогда еще не было съ нимъ того, что было сейчасъ.

Первые послѣ постриженія три года его жизни въ уединенной кельѣ въ лѣсу жизни, во время которой онъ видѣлся только съ старцемъ-руководителемъ и съ сестрой, разъ въ годъ пріѣзжавшей къ нему, и братіею въ церкви, съ которой онъ не имѣлъ никакихъ сношеній, жизнь его была сплошной восторгъ. Все большее и большее сознаніе въ своей душѣ Бога, по мѣрѣ все большаго и большаго освобожденія себя отъ страстей тѣла, давало ему полное удовлетвореніе. И бесѣды съ древнимъ, кроткимъ, простодушнымъ и глубоко - религіознымъ старцемъ, и чтеніе священныхъ книгъ, пророчествъ, Евангелій, посланій и особенно близкаго его сердцу посланія Павла, и одинокая молитва не только по опредѣленнымъ временамъ, но постоянное молитвенное настроеніе: памятованіе о временности тѣлесной жизни и о сознаніи въ себѣ Бога, — давали ему не только удовлетвореніе, но сознаніе свободы отъ узъ тѣла и радость, доходящую до восторга.

Такъ это продолжалось почти три года. Но въ концѣ этихъ трехъ лѣтъ съ нимъ случилось то, что вмѣстѣ съ этими мину-

тами, часами, днями восторга стали повторяться и минуты, и часы, и дни упадка духа, слабости, унынія. Исидоръ сообщилъ объ этомъ старцу, и старецъ посовѣтовалъ—а совѣтъ старца былъ для Исидора повелѣніемъ—служить въ церкви по очереди съ братьею и принимать приходящихъ. Про отца Исидора уже давно говорили тѣ, кто посѣщали монастырь; и какъ только стало извѣстно, что онъ принимаетъ, посѣтители осадили его. Въ первое время и сознаніе послушанія старцу, и той пользы, которую онъ могъ принести людямъ, и той физической усталости, которую онъ испытывалъ при исполненіи всѣхъ новыхъ, возникшихъ для него обязанностей, совершенно избавили его отъ тѣхъ часовъ и дней унынія, которые онъ прежде испытывалъ. Ему пріятна бывала и самая тѣлесная, и душевная усталость, которыя онъ испытывалъ, исполняя всѣ возлагавшіяся на него обязанности. Служеніе еженедѣльное въ церкви, которое совѣтовалъ старецъ, тоже возбудительно дѣйствовало на него.

Сейчасъ, сидя въ алтарѣ въ креслѣ и ожидая своего времени, онъ, какъ это всегда бываетъ, совершенно неожиданно и неумѣстно думалъ о томъ разговорѣ, который у него былъ нынче утромъ съ посѣтительницей-исповѣдницей. Старая дѣвица, институтская классная дама, очевидно, восторженно-преданная ему, говорила ему о томъ великомъ добрѣ, которое онъ дѣлаетъ людямъ своей жизнью и своими поученіями, и что ее онъ спасъ отъ невѣрія, погибели. Когда она утромъ говорила ему это, онъ не обратилъ вниманія на эти слова. Сейчасъ же онъ, по случаю молитвы... [1]) вспомнилъ о нихъ и ужаснулся на то, какъ они польстили, порадовали его; понялъ, насколько эта похвала, насколько вообще слава людская еще важна, дорога для него. И, вспомнивъ о словахъ этой женщины, онъ вспомнилъ и о томъ, что ему говорилъ льстивый казначей; о томъ удовольствіи, которое онъ испыталъ, когда добродушный старецъ, поговоривъ о тѣхъ посѣтителяхъ, которые ходятъ къ нему, къ Исидору, улыбаясь сказалъ ему, что онъ теперь еще веселѣй помретъ, зная, что есть ему замѣститель. Вспомнилъ разъ за разомъ случаи, гдѣ онъ, забывая душу и Бога, весь отдавался славѣ людской. И онъ ужаснулся и сталъ молиться, прося Бога помочь ему. И подумалъ, что сейчасъ избавитъ его отъ этого соблазна та важная минута совершенія таинства, которая предлежала ему . . . .

. . . .

. . . .

[1]) Многоточіе въ оригиналѣ. *Ред.*

— Или вамъ не по себѣ, батюшка? — сказалъ Евменій.

— Да, что-то... да, да, нездоровится, — солгалъ онъ.

Многіе, замѣтивъ его волненіе, приписывали это особому, сверхъестественному религіозному настроенію. Поклонницы его толпились у его кельи; но онъ никого не принялъ и заперся въ своей кельѣ.

II.

Въ этотъ же день Исидоръ побывалъ у старца и, вернувшись въ келью, безвыходно пробылъ въ ней двѣнадцать дней. Рыжій Митрій приносилъ ему съ трапезы обѣдъ и ужинъ и все съѣдалъ самъ. Исидоръ ничего не ѣлъ и питался во всѣ эти дни просфорами и водой. Митрій слышалъ его вздохи, его плачъ и его громкую молитву.

. . . .
. . . .
. . . .

1909 г.

НѢТЪ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ.

Первый варіантъ.

I.

Порхуновъ, Иванъ Ѳедоровичъ, предводитель дворянства большого, богатаго уѣзда одной изъ великорусскихъ губерній, вчера еще на ночь пріѣхалъ изъ деревни въ уѣздный городъ и, выспавшись на своей городской квартирѣ, въ одиннадцать часовъ утра пріѣхалъ въ присутствіе. Дѣлъ оказалось пропасть: и земское собраніе, и по опекѣ, и воинское присутствіе, и санитарный, и тюремный комитеты, и училищный совѣтъ.

Порхуновъ былъ потомкомъ стариннаго рода Порхуновыхъ, владѣвшихъ съ древнихъ временъ большимъ селомъ Никольскимъ-Порхуновымъ. Воспитывался онъ въ Пажескомъ корпусѣ, но не пошелъ въ военную службу, а поступилъ въ университетъ и кончилъ тамъ курсъ по словесному факультету. Потомъ служилъ недолго при генералъ-губернаторѣ въ Кіевѣ, женился тамъ по любви на дѣвушкѣ, стоявшей ниже его по общественному положенію и бѣдной, баронессѣ Клодъ, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ деревню, гдѣ его на первыхъ же выборахъ выбрали въ предводители,—должность, которую онъ исполнялъ третье трехлѣтіе.

Порхуновъ былъ человѣкъ и умный и образованный; онъ много читалъ и обладалъ большой памятью и умѣньемъ выражать мысли ясно и кратко. Главная же хорошая черта его, вызывавшая почти общую любовь къ нему, была его скромность. Мнѣніе его о своихъ внѣшнихъ качествахъ: образованіе, честность, доброта, правдивость, [было] очень низко именно потому, что [онъ] постоянно старался, не переставая, какъ можно больше образовать себя, старался быть какъ можно честнѣе, добрѣе, правдивѣе. Такъ что видимый знаменатель своего мнѣнія о себѣ былъ очень малъ въ Иванѣ Ѳедоровичѣ, и людямъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, онъ представлялся именно такимъ, какимъ и долженъ и не можетъ быть инымъ — всегда

пріятный, добрый, честный, правдивый Иванъ Ѳедоровичъ. Жизнь велъ Иванъ Ѳедоровичъ, по понятіямъ того круга, въ которомъ онъ жилъ, нравственную — не дѣлалъ невѣрности женѣ, не кутилъ (періодъ кутежей прошелъ для него очень быстро во время его жизни въ Кіевѣ до женитьбы), съ крестьянами своего имѣнія и вообще работниками былъ только настолько требователенъ, насколько это было необходимо для того, чтобы могло идти хозяйство. Въ политическихъ вопросахъ былъ просвѣщеннымъ консерваторомъ, считая, что лучше вносить свою долю просвѣщеннаго и либеральнаго вліянія въ существующій строй, чѣмъ желать того, чего нѣтъ, всѣхъ и все осуждать и самому не участвовать въ дѣлахъ правительства. Онъ долженъ былъ быть выбранъ въ Думу, если бы не появился болѣе привлекательный для избирателей кандидатъ, бывшій профессоръ, хорошій ораторъ, который и былъ выбранъ вмѣсто Ивана Ѳедоровича.

Въ самомъ главномъ для каждаго человѣка, въ религіозномъ вопросѣ, Иванъ Ѳедоровичъ былъ также просвѣщеннымъ консерваторомъ. Онъ не позволялъ себѣ и тѣни сомнѣнія, хотя въ догматахъ православной Церкви и допускалъ съ точки зрѣнія науки изслѣдованіе, въ особенности историческое, о вопросахъ вѣры, и былъ очень начитанъ въ этой области, но въ высшей степени былъ остороженъ по отношенію самыхъ догматовъ. Всякія разсужденія въ бесѣдахъ или въ книгахъ проходилъ молчаніемъ; въ жизни же регулярно и неуклонно исполнялъ всѣ церковныя правила, не говоря уже [о] совершеніи таинствъ, но и крестнаго знаменія въ опредѣленныхъ случаяхъ и ежедневно утромъ и вечеромъ молитвы, которой онъ былъ наученъ еще матерью. Вообще онъ съ особенной осторожностью оберегалъ тотъ фундаментъ, на которомъ свойственно стоять человѣческой жизни, но самъ не становился на него, какъ бы сомнѣваясь въ его твердости.

Въ жизни, въ бесѣдахъ, въ разговорахъ былъ въ высшей степени пріятенъ, умѣлъ кстати вспомнить цитату, анекдотъ. Вообще былъ остроуменъ, умѣлъ шутить и разсказывать самое смѣшное съ спокойнымъ и серьезнымъ видомъ. Любилъ охоту и всякаго рода игры, шахматы, карты, и игралъ хорошо.

II.

Въ серединѣ занятій съ секретаремъ вошелъ предсѣдатель земской управы, крайній реакціонеръ, но съ которымъ Порхуновъ былъ, несмотря на различіе взглядовъ, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Потомъ пришелъ докторъ, — совершенно противоположныхъ взглядовъ, демократъ, чуть не революціонеръ. Съ нимъ Порхуновъ былъ въ еще лучшихъ отношеніяхъ и, добродушно посмѣиваясь, спрашивалъ его иногда о томъ, скоро ли объявленіе россійской соціалистической республики, на что докторъ также отвѣчалъ шуткой.

— Ну что, Иванъ Ивановичъ (это былъ предсѣдатель управы), какъ поигрываете? не попадаетесь, какъ тотъ разъ, безъ шести? — обратился онъ къ предсѣдателю управы. — Но шутки шутками, а пора начинать. Дѣла пропасть.

— Да, пора.

— Только у меня къ вамъ обоимъ, любезные сотрудники, просьба; выскажу вамъ, а потомъ и въ присутствіе. — И на вопросъ доктора, о чемъ просьба, Порхуновъ разсказалъ, что бывшій у его дѣтей учитель-студентъ уходитъ, и ему нуженъ учитель. — Знаю, — къ предсѣдателю управы, — у васъ люди знакомые въ этой области, и у васъ также, — къ доктору. — Такъ не можете ли мнѣ рекомендовать?

— Да вѣдь мои знакомые слишкомъ, какъ сказать... прогрессивны для васъ.

— Ну, вотъ, вѣдь уживался же съ Неустроевымъ, а ужъ на что красенъ.

— А что же вашъ Неустроевъ?

— Уходитъ. Вы говорите, ваши знакомые слишкомъ красны для моего дома. Уже на что краснѣй Неустроева, а уживался же я. И даже искренно полюбилъ его. Славный юноша; разумѣется, какъ должно по нынѣшнимъ временамъ, въ головѣ каша, да еще сырая, не упрѣвшая, не съѣдобная, но онъ по душѣ хорошій малый, и мы съ нимъ дружили.

— Отчего же онъ уходитъ?

— Онъ мнѣ не говоритъ правды. Необходимость лгать входитъ вѣдь въ программу революціонеровъ. Но не въ томъ дѣло. Пріѣзжалъ къ нему какой-то его другъ. Останавливался на деревнѣ у Соловьева, видѣлся съ нимъ. Очевидно, его партія или фракція, гру*пп*а (Иванъ Ѳедоровичъ особенно выставилъ два *п*), или какъ это у васъ называется? — потребовала его, и онъ заявилъ, что не можетъ больше оставаться. А хорошій былъ, добросовѣстный учитель и, повторяю, малый прекрасный, несмотря на то, что вашъ братъ революціонеръ и, очевидно, принадлежитъ къ гру*пп*ѣ, — прибавилъ Порхуновъ, улыбаясь и похлопывая по колѣнкѣ доктора.

Докторъ, какъ и почти всѣ, подчинился ласковой улыбкѣ и самъ улыбнулся. «Баричъ, аристократъ, реакціонеръ въ душѣ, а не могу не любить его», подумалъ докторъ.

— Отчего бы не взять Соловьева? — сказалъ пресѣдатель управы.

Соловьевъ былъ сельскій учитель въ школѣ имѣнія Ивана Ѳедоровича, человѣкъ очень образованный, бывшій семинаристъ и потомъ студентъ.

— Соловьева, — улыбаясь сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, — я бы взялъ, да Александра Николаевна (жена Порхунова) не допускаетъ и мысли взять его.

— Отчего? Что пьетъ? Вѣдь это только рѣдко съ нимъ бываетъ.

— Пьетъ — это бы еще ничего. А за нимъ болѣе важныя нарушенія высшихъ законовъ, — сказалъ Порхуновъ, дѣлая то спокойное и серьезное лицо, при которомъ онъ высказывалъ свои шутки. — Для Александры Николаевны онъ невозможенъ; онъ, страшно сказать, съ ножа ѣстъ.

Собесѣдники засмѣялись.

— Есть у меня семинаристъ, просящій мѣста, да онъ вамъ не понравится. Слишкомъ ужъ онъ консерваторъ.

— Вотъ то-то и бѣда: мой — слишкомъ либеральный, а Ивана Ивановича — слишкомъ отсталый. Впрочемъ, у меня есть одинъ юноша. Я напишу ему.

— Ну, вотъ, это дѣло если не кончено, то начато, пойдемте начинать другое. Степанъ Степановичъ, — обратился онъ къ секретарю, — собрались?

— Собрался, пожалуйте.

Началось съ воинскаго присутствія. Одинъ за другимъ входили молодые парни; были холостые, но большинство были женатые. Задавались обычные вопросы, записывали и, не теряя времени, такъ какъ много было работы впереди, выпроваживали однихъ и призывали другихъ. Были такіе, которые не скрывали своего огорченія и насилу отвѣчали на вопросы, какъ бы не понимая ихъ,—такъ они были подавлены. Были и такіе, которые притворялись довольными и веселыми. Были и такіе, которые притворялись больными, и были и такіе, которые были точно больны. Былъ и одинъ такой, который, къ удивленію присутствующихъ, попросилъ позволенія сдѣлать, какъ онъ сказалъ, заявленіе.

— Какое заявленіе? Что тебѣ нужно?

Просившій сдѣлать заявленіе былъ бѣлокурый, курчавый человѣкъ съ маленькой бородкой, длиннымъ носомъ и нахмуреннымъ лбомъ, на которомъ во время рѣчи постоянно содрогались мускулы надъ бровями.

— Заявленіе о томъ, что я въ солдатахъ, — онъ поправился, — въ войскѣ служить не могу. — И, сказавъ это, у него задрожали не только мускулы лба и лѣвая бровь, но и щеки, и онъ поблѣднѣлъ.

— Что же, ты нездоровъ чѣмъ? — сказалъ Порхуновъ. — Докторъ, пожалуйста...

— Я здоровъ, а не могу присягать, оружія брать не могу по своей убѣжденіи.

— Какое убѣжденіе?

. . . .

Иванъ Ѳедоровичъ оглянулся на сотоварищей, помолчалъ, лицо его сдѣлалось серьезно.

— Такъ, — сказалъ онъ. — Я вамъ (онъ сказалъ уже «вамъ», а не «тебѣ») доказывать не могу и не считаю себя къ этому обязаннымъ, можете или не можете вы служить. Мое дѣло зачислить васъ какъ принятаго. А свое убѣжденіе вы выразите ужъ своему начальству. Слѣдующій!

Воинское присутствіе протянулось до двухъ часовъ. Позавтракавъ, опять взялись за дѣла: съѣздъ земскихъ начальниковъ, потомъ тюремное, и такъ дальше до пяти часовъ.

Вечеръ Иванъ Ѳедоровичъ провелъ на своей квартирѣ, сначала подписывая бумаги, а потомъ за винтомъ съ предсѣдателемъ, докторомъ и воинскимъ начальникомъ. Поѣздъ шелъ рано утромъ. Не выспавшись, онъ всталъ рано утромъ, сѣлъ въ поѣздъ, вышелъ на своей станціи, гдѣ ждала его прекрасная, съ бубенчиками тройка караковыхъ своего полурысистаго завода и старый кучеръ Ѳедотъ, другъ дома, и къ девяти часамъ утра подъѣзжалъ мимо парка къ большому двухъэтажному дому въ Порхуновѣ-Никольскомъ.

III.

Семья Егора Кузьмина состояла изъ отца, уже старѣющаго и пьющаго человѣка, и меньшого брата, и старухи-матери, и своей молодой жены, на которой его женили, когда ему было только восемнадцать лѣтъ. Работать ему приходилось много. Но работа не тяготила его, и онъ, какъ и всѣ люди, хотя и безсознательно, но любилъ земледѣльческій трудъ. Онъ былъ способный къ умственной дѣятельности человѣкъ и въ школѣ былъ хорошимъ ученикомъ и пользовался всякимъ часомъ досуга, особенно зимой, чтобы читать. Учитель любилъ его и давалъ ему книги — образовательныя, научныя — и по естественнымъ наукамъ и по астрономіи. И когда ему еще было только семнадцать лѣтъ, въ душѣ его совершился измѣнившій все его отношеніе

къ окружающему переворотъ. Ему вдругъ открылась совершенно новая для него вѣра, разрушившая все то, во что онъ прежде вѣрилъ, — открылся міръ здраваго смысла. Поражало его не то, что поражаетъ многихъ людей изъ народа, когда для нихъ открывается область науки, — величіе міра, разстояній, массы звѣздъ, не глубина изслѣдованій, остроумныхъ догадокъ, но поразило, главное, больше всего здравый смыслъ, признаваемый обязательнымъ для всякаго познанія. Поразило то, что надо вѣрить не тому, что старики сказываютъ . . . .
. . . . ни даже тому, что написано въ какихъ бы то ни было книгахъ, а тому, что говоритъ разумъ. Это было открытіе, измѣнившее все его міровоззрѣніе, а потому и всю его жизнь.

Скоро послѣ этого къ нимъ пріѣхавшіе на праздникъ изъ Москвы жившіе тамъ на заводѣ молодые люди ихъ деревни привезли революціонныя книги и свободныя рѣчи. . . . . . .
. . . .
. . . . И книги эти подѣйствовали на него теперь особенно сильно . . . .
. . . .
. . . .

IV.

На зиму Егоръ поѣхалъ въ Москву, товарищи обѣщали ему мѣсто на фабрикѣ. Онъ поѣхалъ, и мѣсто вышло, двадцать рублей въ мѣсяцъ, и обѣщали прибавку. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Но онъ не дожилъ въ Москвѣ и мѣсяца. Его арестовали въ собраніи рабочихъ, судили и присудили на три мѣсяца тюрьмы.

Въ тюрьмѣ, въ общей камерѣ, онъ сначала сошелся съ такими же соціалъ-революціонерами, какъ и онъ, но потомъ чѣмъ ближе онъ узнавалъ ихъ, тѣмъ больше его отталкивало отъ нихъ ихъ самолюбіе, честолюбіе, тщеславіе, задоръ. Онъ еще серьезнѣе, строже къ себѣ сталъ думать. И тутъ случилось то, что въ ихъ камеру былъ посаженъ крестьянинъ за поруганіе святыни, т.-е. иконъ, и общеніе съ этимъ кроткимъ, всегда спокойнымъ и ко всѣмъ любовнымъ человѣкомъ открыло и еще болѣе простое и разумное пониманіе жизни. Человѣкъ этотъ, Митечка, какъ его прозвали всѣ уважавшіе его сожители, объяснилъ ему то, что все зло, всѣ грѣхи міра не оттого, что злые люди людей обижаютъ, отняли землю, труды отбираютъ, а от-

того, что сами люди не по-Божьи живутъ. Живи только по-Божьи, и «никто табѣ ничего не сдѣлаетъ», что вѣра вся въ Евангеліи. . . . . Надо жить по Евангелію . . . .

. . . .

И Егоръ сталъ понимать все больше и больше и, когда вышелъ изъ тюрьмы, разошелся съ прежними товарищами и сталъ совсѣмъ по-иному жить. На мѣсто прежнее его не взяли, и Егоръ поѣхалъ къ отцу и женѣ и сталъ, какъ прежде, работать. И все бы было хорошо. . . . .

. . . .

И, когда отецъ и мать укоряли его, старался толковать имъ, но они не понимали. Отецъ даже разъ пьяный побилъ его. Егоръ сдержался, но отпросился опять въ Москву и уѣхалъ. Въ Москвѣ долго не было мѣста, и потому не могъ посылать денегъ, а отецъ сердился и писалъ ему такъ [1]):

«вопервихъ строкахъ моего писма дорогому моему сыну Егору Иванову отъ матушки вашей Авдотьи Ивановни посылаю я тибе свое родитилское благословения которое можетъ служить погробъ вашей жизни навеки нирушимай и посылаю я тибе ниской поклонъ и желаю быт здоровымъ навсегда благополучнимъ дорогому нашему братцу Егору Ивановичу отъ сестрицив вашех варвари и Анни и Алексаднри Ивановыхъ посылаем мы тибе понискому поклону и желаемъ быть здоровымъ дорогому моему супругу Егору Иванову отъ супруги вашей варвари михаиловни и здочкою нашей катеринои егоровни посылаю я тибе свое супружское почтения ниской поклонъ и желаю я тибе быт здоровымъ и навьсегда благо получнимъ милой мой сынъ Егоръ Иванычъ пополученiѣ моего писма Абирай свою жену и Ачищай мою квартеру чтобы ей небыло. А я сней жить нимогу и она нажаловалась своем роднимъ бывто я не учаю что ты деникъ нишлеш и Атымаю весноряд которой мы купили и Астрамили мою сестру навсю диревню смеху наделали Ая и ничево и низнаю Я ей слова ниговорила ни проденьги ни пронорядъ. А если ты ее ни возьмеш тоя своемъ судомъ ее выгоню вонъ чтобы небыло ей у насъ вдому наетои нидели Ачситит квортеру А еще повистку принесъ урядникъ тибе на ставкуиттить».

Получивъ это письмо, Егоръ пріѣхалъ домой и, молча выслушавъ ругательства отца и жалобы жены, пѣшій пошелъ въ городъ на ставку.

---

[1]) Письмо это подлинное. Оно было получено однимъ изъ корреспондентовъ Л. Н-ча, который переслалъ ему его вмѣстѣ съ своей просьбой о денежной помощи.

V.

Въ тотъ самый поздній вечеръ, во время котораго Иванъ Ѳедоровичъ Порхуновъ не могъ удержаться отъ охватившей его радости о томъ, что онъ такъ искусно передалъ доктору, бывшему его партнеромъ, семерку бубенъ съ тѣмъ, чтобы онъ, отыгравъ свои, передалъ ему въ руку, и большой шлемъ безъ козырей былъ бы выигранъ, и что все совершилось такъ, какъ онъ предвидѣлъ, — въ это самое время въ большой гостиной его стариннаго дома въ Порхуновѣ-Никольскомъ жена Ивана Ѳедоровича, Александра Николаевна Порхунова, бесѣдовала съ уѣзжавшимъ отъ нихъ, прожившимъ у нихъ десять мѣсяцевъ учителемъ, тѣмъ самымъ Неустроевымъ, о которомъ Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ въ городѣ съ своими сослуживцами.

Александра Николаевна, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ и шестерыхъ дѣтей, была еще красива той вечерней или осенней красотою сильной женщины передъ закатомъ женской жизни. Большіе сѣрые глаза, прямой носъ, густые, вьющіеся волосы, чувственный ротъ еще со всѣми, чужими или своими, но бѣлыми зубами, бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица и такія же прекрасныя, выхоленныя руки съ двумя перстнями. Нехорошо было въ ней только — излишняя полнота и чрезмѣрно развитая грудь. Одѣта она была въ простое, но модное шелковое платье съ бѣлымъ воротничкомъ. Она сидѣла на диванѣ и горячо, взволнованно говорила, внимательно и напряженно вглядываясь въ глаза молодому человѣку, сидѣвшему противъ нея.

Онъ былъ невысокій, худощавый, правильно сложенный человѣкъ, съ неразвитыми мускулами и добрымъ, умнымъ лицомъ, съ узко прорѣзанными глазами, густыми, коротко обстриженными волосами, рѣзкими черными бровями и такими же усами и бородкой. Невольно бросающейся въ глаза чертой его лица былъ его выдающійся подбородокъ съ ямочкой посерединѣ.

— То, что я говорю, я говорю вамъ не для себя, какъ мнѣ ни жалко лишиться васъ, — для дѣтей, — сказала она и покраснѣла.—Но я для васъ, любя, принимая участіе въ васъ, совѣтую, очень совѣтую не уѣзжать... Ну, сдѣлайте это... для меня, — сказала она съ тѣмъ выраженіемъ женщины, вѣрящей въ свою силу.

Лицо его всегда было серьезно и строго, и потому улыбка на этомъ строгомъ лицѣ, особенно среди черноты волосъ и загорѣлаго лица выставлявшая яркіе бѣлые зубы, была прекрасная, притягивающая и заражающая. Онъ и сейчасъ улыбнулся этой улыбкой, не могъ удержаться не улыбнуться отъ удовольствія,

которое доставили ему ея слова, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть того, что въ нихъ было нѣчто большее, чѣмъ простое участіе, — не могъ не видѣть того, чего онъ всегда боялся: вызова чувственности, противъ которой онъ зналъ, что не въ силахъ устоять. Но это было совершенно безсознательное чувство. Онъ не только самъ себѣ, но никому бы не повѣрилъ въ то[мъ], что эта гордая женщина, аристократка, эта хозяйка большого дома, мать дѣтей, можетъ имѣть къ нему, къ врагу аристократовъ, буржуа, — она знаетъ это, — такое чувство. Онъ не вѣрилъ этому, но чувствовалъ то, во что не вѣрилъ.

— Не могу, Александра Николаевна. Не могу и не могу, какъ мнѣ ни дорого ваше доброе чувство ко мнѣ.

— Доброе... Не доброе, а гораздо больше и совсѣмъ дру... Ну, да все равно. Только не ѣздите.

Онъ опять улыбнулся.

— Хотите, я скажу правду, всю правду, игнорируя всю относительную разницу нашихъ положеній. Если бы я любилъ васъ, какъ любитъ мужчина женщину, я бы не отдался этой любви въ виду различія нашихъ міровоззрѣній.

— Да почему вы думаете, что я не всей душой съ вами? Я не могу не быть съ вами. — Она помолчала. — Прошедшаго не воротишь, но и чувство не удержишь. Послушайте, еще разъ прошу васъ: не уѣзжайте. Не уѣдете? Да?

И она протянула ему руку. Онъ взялъ [ее] за руку.

— Александра Николаевна, вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ узналъ васъ, понималъ васъ, любилъ (онъ съ трудомъ выговорилъ это слово), любилъ васъ.

Онъ самъ не зналъ, что онъ говорилъ. Онъ лгалъ, но все теперь казалось ему позволено для достиженія вдругъ представившейся и неудержимо манившей цѣли.

— Да?

— Да и да, всѣми силами души, какъ можетъ любить пролетарій, какъ я, снизу вверхъ.

— Не говорите, не говорите...

Они были одни, и случилось то, чего не ожидалъ ни онъ, ни она, и что въ одинъ часъ погубило всю ея восемнадцатилѣтнюю замужнюю счастливую и чистую жизнь, и что для него осталось навсегда мучительнымъ воспоминаніемъ.

Было два часа ночи. Она все еще не спала и вспоминала то, что было, съ ужасомъ и наслажденіемъ, и сознаніе ужаса своего положенія увеличивало наслажденіе воспоминанія объ его любви.

VI.

Михаилъ Неустроевъ былъ сынъ умершаго отъ пьянства ветеринарнаго фельдшера. Мать его, необразованная женщина, была жива и жила у его брата Степана, магистра государственнаго права, оставленнаго при университетѣ.

Самъ онъ былъ студентомъ университета уволенъ вмѣстѣ съ другими товарищами за революціонную дѣятельность.

Какъ и не могло быть [иначе] въ то время, въ которое онъ жилъ. Неустроевъ, особенно послѣ изгнанія изъ университета, какъ даровитый, нравственный и рѣшительный человѣкъ, попалъ въ кружокъ революціонеровъ. Кружокъ этотъ ставилъ своей задачей измѣненіе существующаго правительства . . . .

. . . .

. . . . Въ самомъ началѣ участія Неустроева провокаторъ, шпіонъ, выдалъ членовъ кружка. Захватили нѣкоторыхъ, но самые важные скрылись. Неустроевъ же и вовсе не былъ привлеченъ къ суду. Оставшись на свободѣ, Неустроевъ рѣшилъ пожить въ деревнѣ среди народа и для этого согласился, по совѣту Соловьева, принять на время мѣсто учителя у Порхуновыхъ. Такъ онъ и прожилъ у нихъ десять мѣсяцевъ, но три дня тому назадъ пріѣзжалъ къ Соловьеву, гдѣ Неустроевъ видѣлся съ нимъ, его товарищъ по партіи и привезъ ему отъ исполнительнаго комитета требованіе пріѣхать въ Москву для важнаго дѣла, въ которомъ онъ былъ нуженъ. Дѣло это было завладѣніе деньгами казначейства для расходовъ партіи. Нужны были энергическіе люди, и приглашали Неустроева. Это-то и вызвало его отказъ отъ мѣста и то странное, случившееся съ нимъ въ этотъ вечеръ, неожиданное событіе, которое еще больше, чѣмъ все другое, поощряло его къ немедленному отъѣзду. Поѣздъ шелъ только на другой день утромъ, и онъ рѣшилъ зайти къ другу своему, сельскому учителю Соловьеву, переночевать у него, отъ него послать за своими вещами и, не возвращаясь въ домъ, уѣхать.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Соловьевъ жилъ въ самой школѣ, въ задней комнаткѣ съ однимъ окошкомъ. Неустроевъ никого, кромѣ сторожа, не встрѣтилъ на деревнѣ. Ночь была темная, и сторожъ строго окликнулъ его.

— Я, Неустроевъ.

— Кто я?

— Да съ барскаго двора.

— А! Куда же Богъ несетъ?

— Да къ Петру Өедоровичу. Что онъ дома?

— А гдѣ же ему быть. Спитъ, я чай.

Неустроевъ подошелъ къ окнышку и началъ стучать. Долго никто не отзывался. Потомъ вдругъ совсѣмъ бодрый, энергичный, веселый голосъ прокричалъ:

— Кого Богъ даетъ? Говори, не то оболью.

И слышно было, какъ босыя ноги подошли по скрипучимъ доскамъ къ окну.

— А, Миша! Ты чего же по ночамъ бродишь? Иди, иди въ дверь, я отопру.

Соловьевъ впустилъ Неустроева, засвѣтилъ лампочку и, усѣвшись на примятую — лодкой — кровать, потирая одну босую ногу о другую, сталъ разспрашивать Неустроева о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ и что ему нужно. Въ комнатѣ, кромѣ кровати, былъ столъ въ красномъ углу, и въ углу иконы, — много иконъ, — лампадка, и у стола два стула; одинъ уголъ былъ занятъ книгами, другой — чемоданомъ съ бѣльемъ. Неустроевъ сѣлъ у стола и разсказалъ Соловьеву, что онъ простился со всѣми и уѣзжаетъ по тому дѣлу, о которомъ Соловьевъ знаетъ. Соловьевъ слушалъ, сгибая голову на сторону и кося глазами.

Соловьевъ былъ немного постарше Неустроева и совсѣмъ другого склада. Онъ былъ повыше ростомъ, немного сутуловатъ, съ длинными руками, которыми онъ, разговаривая, особенно часто и широко размахивалъ. Лицо же Соловьева было уже совсѣмъ другое, чѣмъ лицо Неустроева. Прежде всего останавливали на себѣ въ лицѣ Соловьева большіе, почти круглые, лазурно-голубые, добрые глаза подъ нависшимъ широкимъ лбомъ. Волосъ у него было много, и всѣ они курчавились и на головѣ и на бородѣ; носъ скорѣе широкій и ротъ большой. Улыбка очень частая открывала гнилые зубы.

— Ну, что жъ, — сказалъ Соловьевъ, когда Неустроевъ разсказалъ все, что хотѣлъ. — Ну, что жъ, пошлемъ. Только знаешь что... — началъ Соловьевъ, махая правой рукой, а лѣвой поддерживая сползающее одѣяло.

— Знаю, знаю, знаемъ твои теоріи, да только очень ужъ онѣ медлительны.

— Тише ѣдешь...

— И безъ Бога ни до порога? Такъ вѣдь это все мы знаемъ

— Вотъ и не знаешь. Не знаешь, потому что Бога не знаешь. Не знаешь, что такое Богъ.

И Соловьевъ началъ излагать свое пониманіе Бога, точно какъ будто это было не въ два часа ночи, когда его разбудили среди перваго сна, и не одинъ на одинъ съ человѣкомъ, съ ко

торымъ онъ уже говорилъ объ этомъ же десятки разъ и про котораго зналъ, что онъ, какъ онъ самъ выражался, непромокаемъ для религіозной жидкости. Неустроевъ слушалъ и улыбался, а Соловьевъ говорилъ и говорилъ. Онъ зналъ, что вызываютъ Неустроева на какое-нибудь террористическое дѣло, и, хотя не отказывался быть посредникомъ между нимъ и его товарищами, считалъ своимъ долгомъ сдѣлать все, что можетъ для того, чтобы отговорить его.

Неустроевъ слушалъ его, иногда улыбался и, когда Соловьевъ на минуту остановился, сказалъ:

— Все это хорошо тебѣ говорить, когда у тебя есть ожидаемая награда вотъ отъ нихъ (онъ указалъ на иконы), а нашему брату надо только дѣлать, что можешь, пока живешь, и дѣлать не для себя.

Соловьевъ въ это время вертѣлъ папиросу.

— Ты говоришь, — горячо заговорилъ Соловьевъ, — награда моя тамъ, — онъ указалъ на потолокъ. — Нѣтъ, братъ, награда моя вотъ гдѣ! — Онъ кулакомъ ударилъ себя въ грудь.— Тутъ она, и дѣлать, что я дѣлаю, я дѣлаю не для другихъ, — чортъ съ ними, съ другими, — а для Бога и для себя, для того себя, который заодно съ Богомъ.

И онъ закурилъ папиросу и жадно сталъ затягиваться.

— Ну, эта метафизика мнѣ не по силамъ. Такъ я засну.

— Ложись, ложись.

VII.

Неустроевъ, какъ рѣшилъ, рано утромъ послалъ сторожа за своими вещами и, получивъ ихъ, нанялъ телѣгу и уѣхалъ на станцію. Соловьевъ же спалъ и не слыхалъ, какъ онъ ушелъ.

Проснувшись же, онъ, какъ и всегда, всталъ передъ иконами и прочелъ всѣ съ дѣтства произносимыя молитвы: «Отче нашъ», «Вѣрую», помянулъ родителей (они уже умерли), «Богородицу» и послѣднюю «Царю Небесный», которую онъ особенно любилъ. «Пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наши» онъ произнесъ нынче съ особеннымъ чувствомъ, вспоминая свой разговоръ съ Неустроевымъ.

На душѣ ему было очень хорошо. Спать уже не хотѣлось. Было воскресенье, школы не было, и онъ рѣшилъ самъ снести письма на почту. Почтовая контора была за двѣ версты. Онъ умылся, посображалъ, на сколько времени еще станетъ ему обмылокъ, начатый на праздникахъ. «Если дотянетъ до Пасхи, то все хорошо будетъ», думалъ онъ, не опредѣляя того, что будетъ

хорошо. Потомъ надѣлъ сапоги большіе, потомъ пиджачокъ, очень требующій починки, такъ какъ правая рука попадала всегда въ дыру вмѣсто рукава. «Надо будетъ вдову Аѳанасьевну попросить», подумалъ онъ и тотчасъ же вспомнилъ о Натальѣ. дочери Аѳанасьевны, и за тѣ мысли, которыя пришли ему о Натальѣ, самъ на себя укоризненно помоталъ головой. Чудесный бѣлый снѣгъ, прикрывшій все, и свѣжій, холодный воздухъ еще болѣе радостно возбудили его. На станціи онъ отдалъ свое одно письмо и получилъ письмо очень нерадостное для него. Письмо было отъ его брата меньшого, несчастнаго 26-лѣтняго малаго, не кончившаго семинаріи (Соловьевъ былъ сынъ дьякона), поступившаго въ лавку къ купцу, уличеннаго тамъ въ кражѣ, поступившаго потомъ въ писцы къ становому и тамъ сдѣлавшаго что-то нечестное. Братъ описывалъ свое бѣдственное положеніе, что онъ по два дня не ѣстъ, и просилъ денегъ.

У Петра Ѳедоровича денегъ было мало; онъ получалъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ и много раздавалъ и тратилъ на книги, такъ что теперь у него было всего семь рублей шестьдесятъ копеекъ, — онъ пересчиталъ ихъ тутъ же, — а надо было Аѳанасьевнѣ за харчи отдать. Нечего дѣлать, рѣшилъ трешницу послать, а съ Аѳанасьевной какъ-нибудь справлюсь. Но грустно было то, что Вася (такъ звали брата) пропадаетъ, и помочь нельзя. Не послать деньжонокъ нельзя, а послать — онъ повадится. Надо отказать не столько для себя, сколько для него; и отказать нельзя.

Такъ съ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ онъ пошелъ домой, разсуждая иногда вслухъ самъ съ собою. Ужъ и бѣлый снѣгъ не такъ радовалъ его. По пути нагналъ его мужичокъ изъ Никольскаго, — той деревни, въ которой училъ Соловьевъ, на санкахъ и, поздоровавшись, предложилъ подвезти. Петръ Ѳедоровичъ сѣлъ, и они разговорились. Мужичокъ не безъ умысла предложилъ подвезти учителя. Мужикъ ѣздилъ къ земскому по судебному дѣлу. Его сестру, вдову, старую женщину, въ сосѣднемъ селѣ земскій приговорилъ на три мѣсяца въ тюрьму за то, что она просила господъ отсрочить оброкъ, а они не отсрочили, и старшина пріѣхалъ къ вдовѣ, потребовалъ оброкъ. Сестра сказала:

— И рада бы отдать, да нечѣмъ, повремените, молъ, справлюсь, отдамъ.

Старшина слушать не сталъ.

— Давай сейчасъ!

— Да говорю, что нѣту.

— Нѣту, корову веди.

— Корову не поведу, у меня ребята, намъ безъ коровы нельзя.

— А я приказываю — веди.

— Не поведу, — говоритъ, — сама. Если, — говоритъ, — ваша власть, ведите, а я не поведу.

— Такъ вотъ [за] эти самыя слова земскій призвалъ, приговорилъ на высидку. А ей какъ дѣтей оставить? Такъ вотъ ѣздилъ просить за сестру.—Нельзя, говоритъ. Состоялся, значитъ, и крышка.—Нельзя ли, Петръ Ѳедоровичъ, батюшка, похлопочите какъ... —

Соловьевъ выслушалъ, ему еще грустнѣй стало.

— Надо,—говоритъ,—попытаться на съѣздъ подать. Я напишу.

— Батюшка, отецъ родной.

Слѣзъ въ деревнѣ Соловьевъ съ саней, пошелъ домой къ себѣ. Сторожъ ему самоваръ поставилъ. Только сѣлъ чай пить съ Ѳедотомъ и закурилъ, какъ пришла баба отъ сосѣдей, вся въ крови. Избилъ ее мужъ за то, что холстовъ ему пропить не дала.

— Усовѣсти ты его, ради Христа, онъ, можетъ, тебя послушаетъ. Мнѣ и домой не велѣлъ приходить.

Пошелъ Петръ Ѳедоровичъ, баба за нимъ, а мужикъ въ дверяхъ стоитъ. Началъ Петръ Ѳедоровичъ говорить:

— Нехорошо ты, Парменъ, дѣлаешь, развѣ это можно?

Не далъ ему Парменъ и слова договорить.

— Ты свое дѣло помни, ребятъ учи, а [я] какъ знаю, такъ и учу, кого мнѣ надо.

— Побойся ты Бога!

— Бога-то я боюсь, тебя не боюсь. Ступай себѣ своей дорогой, а то поди, какъ намесь, набузуйся пьянъ, тогда и учи самого себя, а не людей. Такъ-то. Буде толковать. Иди домой, что ль!—крикнулъ мужикъ на жену, и оба вошли въ избу и захлопнули дверь.

Петръ Ѳедоровичъ постоялъ, покачалъ головой и пошелъ не домой, а къ Аринѣ, торговавшей виномъ, взялъ полбутылки и началъ пить и курить, и когда напился и накурился, уже совсѣмъ пьяный пошелъ къ Аѳанасьевнѣ.

Аѳанасьевна покачала головой, увидавъ его.

— Что же ты сомнѣваешься, что я пьянъ? Не сомнѣвайся,— пьянъ, а пьянъ потому, что слабъ, а слабъ потому, что нѣтъ во мнѣ Бога. Нѣту. А Наталья гдѣ?

— Наташа на улицу пошла.

— Ахъ, Аѳанасьевна, хороша твоя дѣвушка, я люблю ее. Только бы поняла она жизнь настоящую, я бы посватался. Отдашь?

— Ну, будетъ болтать пустое. Ложись лучше, поспишь до обѣда.

— Можно.

И Петръ Ѳедоровичъ залѣзъ на полати и довольно долго что-то внушалъ Аѳанасьевнѣ о праведной жизни, но, когда Аѳанасьевна вышла изъ избы, онъ заснулъ и проспалъ до обѣда.

VIII.

Петръ Ѳедоровичъ Соловьевъ былъ сынъ дьякона Костромской губерніи, большого села Ильинскаго. Отецъ отдалъ его въ духовное училище. Изъ училища онъ первымъ ученикомъ поступилъ въ семинарію. И въ семинаріи все время шелъ и кончилъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Какъ всѣмъ кончающимъ курсъ въ семинаріи, предстоитъ выборъ: монашество, съ возможностью высшихъ церковныхъ должностей, или священство, связанное съ обязательной женитьбой.—Соловьевъ, выйдя изъ семинаріи, выбралъ первое. Въ выборѣ этомъ руководило имъ никакъ не честолюбіе, а, напротивъ, желаніе жить для души, для Бога. Но еще до постриженія мысли его вдругъ измѣнились,—измѣнились преимущественно потому, что не только товарищи его, но и начальство прямо высказывали ему увѣренность въ томъ, что онъ достигнетъ высшихъ іерархическихъ степеней. Болѣе всего въ этомъ отношеніи подѣйствовало на него увѣщаніе архіерея, узнавшаго о томъ богословскомъ спорѣ, который велъ Соловьевъ съ преподавателемъ о значеніи вселенской Церкви,—спорѣ, въ которомъ владыка признавалъ правымъ Соловьева. Архіерей, призвавъ къ себѣ Соловьева, сказалъ ему слѣдующее:

— Знаю и слышалъ про тебя все похвальное, и, хотя въ преніи твоемъ съ отцомъ Макаріемъ истина на твоей сторонѣ, ты не долженъ былъ предаваться своей горячности и долженъ былъ сдерживать себя, дабы не оскорбить старшаго. Помни всегда, что въ томъ положеніи церковнаго первенства, къ которому ты стремишься и котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, достигнешь, нужна осторожность и мудрая сдержанность. Иди теперь.

И, выслушавъ эти слова, Соловьевъ вдругъ понялъ, что въ душѣ его рядомъ съ желаніемъ служить Богу и жить для души жило другое, гнусное чувство: желаніе чести и славы людской. И, понявъ это, онъ вдругъ сталъ самъ себѣ такъ противенъ, что рѣшилъ оставить путь монашескій. Но, оставляя путь монашескій, неизбѣжное условіе вступленія на путь священства

было — женитьба. Отецъ, еще жившій тогда, приготовилъ ему уже невѣсту и приходъ. Но мысль женитьбы только для того, чтобы стать священникомъ, была такъ непріятна Петру Ѳедоровичу, такъ казалась ему противна нравственности, что онъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ и отказался, къ великому огорченію родителей, и отъ священническаго мѣста.

Оставалось одно — народное учительство. И Соловьевъ поступилъ на мѣсто народнаго учителя въ село Никольское-Порхуново. Мѣсто, доставленное ему полюбившимъ его учителемъ — Соловьевъ имѣлъ всегда счастье быть любимымъ очень многими — было очень выгодно, такъ какъ, кромѣ жалованья по школѣ, онъ получалъ хорошо оплачиваемые уроки дѣтямъ въ домѣ уѣзднаго предводителя Порхунова. Соловьевъ и поступилъ въ домъ Порхуновыхъ и жилъ тамъ, уча дѣтей, но очень скоро онъ не понравился Александрѣ Николаевнѣ и за то, что онъ былъ грязенъ, ѣлъ съ ножа и, главное, раза два напивался пьянъ съ крестьянами. Александра Николаевна какъ-то сказала ему, что, живя въ порядочномъ домѣ, нельзя позволять себѣ... Она не успѣла докончить, какъ онъ перебилъ ее:

— Очень благодарю васъ, Александра Николаевна, за вашу ко мнѣ снисходительность, что вы такъ долго терпѣли меня. Простите, я не буду больше срамить... нѣтъ, нѣтъ, просто утруждать васъ.

И, проживъ еще нѣсколько недѣль до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ новый учитель, Неустроевъ, онъ переѣхалъ въ школу, къ великому сожалѣнію дѣтей, особенно двухъ маленькихъ: восьмилѣтней Тани и десятилѣтняго тезки Пети.

Съ тѣхъ поръ уже болѣе года онъ жилъ въ деревнѣ и не заходилъ къ Порхуновымъ, а отвѣчалъ дружбой на выказываемую ему дружбу Неустроевымъ.

Неустроевъ никакъ не могъ понять и куда-нибудь причислить Соловьева. Онъ былъ ужъ никакъ не консерваторъ, не монархистъ, напротивъ, но не былъ и революціонеромъ, а между тѣмъ по убѣжденіямъ былъ народникъ и ни въ чемъ не расходился съ соціалистами. И вмѣстѣ съ тѣмъ былъ какъ-то странно православный, соблюдалъ посты, праздники, ходилъ въ церковь, причащался и любилъ Евангеліе и часто поминалъ его и зналъ наизусть. Въ деревнѣ тоже мало уважали его за его чудачество, а главное, за то, что онъ зашибалъ. Харчился онъ у Аѳанасьевны, и между нимъ и здоровой, круглолицей, веселой Наташкой установились какія-то странныя отношенія: онъ любилъ быть съ нею, говорить не столько съ ней,—потому что она мало говорила, больше смѣялась, — любилъ говорить ей о доброй

жизни, разсказывать ей о святыхъ и, главное, о Христѣ, училъ ее грамотѣ. Грамота плохо давалась ей, но [она] старалась, желая угодить ему, старалась также и слушать то, что онъ разсказывалъ ей, дѣлая видъ, что это занимаетъ ее, и что она понимаетъ то, что онъ разсказываетъ.

То, что онъ сказалъ въ это воскресенье о томъ, что онъ посватался [бы] за нее, онъ сказалъ спьяна то, что у него было на умѣ. «Здоровая, простая женщина, будетъ добрая хозяйка, мать. Можетъ, когда-нибудь заведусь землицей, домомъ. А главное дѣло, одинъ не проживешь безъ грѣха. А ужъ этого грѣха нѣтъ хуже», думалъ онъ.

Такъ онъ думалъ и въ это воскресенье, обѣдая у Аѳанасьевны вмѣстѣ съ Натальей и ласково разговаривая съ ней.

IX.

Иванъ Ѳедоровичъ Порхуновъ вернулся на другой день позднимъ утромъ. Александра Николаевна заснула только передъ утромъ, и дочь Александра, которую звали Лина, и англичанка-гувернантка съ тремя малышами, — два у няни, — встрѣтили его въ передней.

Перецѣловавъ дѣтей и, кромѣ поцѣлуя, ласково коснувшись курчавившагося затылка Лины, очень хорошенькой, съ открытымъ, веселымъ, здоровымъ лицомъ 16-лѣтней дѣвочки, онъ улыбнулся ей.

— Ну, что мама? — сказалъ онъ.

— Она, кажется, очень поздно легла. А то была здорова.

— А что Неустроевъ? не остался?

— Нѣтъ, нынче Петръ Васильевичъ (это былъ старый слуга дома) сказалъ, что совсѣмъ уѣхалъ и вещи взялъ.

— Жалко, хорошій былъ и учитель и человѣкъ хорошій, даромъ что революціонеръ. Я все надѣялся. Ну, и ты молодецъ, все такой же забіяка, — сказалъ онъ сынишкѣ Петѣ и прошелъ къ себѣ.

Возвращеніе домой, въ свою семью, къ привычной не только вещественной, но и духовной обстановкѣ, всегда было не то, что радостно, а было что-то въ родѣ того, что снялъ узкій мундиръ, надѣлъ халатъ и туфли, пересталъ приглядываться, выбирать, а пустилъ поводья и спокойно, привычно подвигаешься, куда надо. Сильныя, какъ на подборъ, дѣти, хорошія, спокойныя отношенія съ крестьянами, прислугой, привычные часы принятія пищи, отдыхъ, диванъ, письменный столъ, всегда интересное чтеніе и, главное, та же добрая, съ своими недостат-

ками, восторженностью, легкомысленностью, несмотря на годы, но хорошая, съ золотымъ сердцемъ, любимая и любящая жена, другъ, болѣе чѣмъ другъ, а именно alter ego [1]), которое разнообразило его одно свое однообразное ego [2]).

Онъ самъ задремалъ у себя въ кабинетѣ. Разбудила его жена.

— Ахъ, прости, я не думала, что ты спишь.

— Что за бѣда; спасибо, что пришла. Дѣтей я видѣлъ. Ты какъ?

— Да я... я хорошо.

Они поцѣловались. Онъ замѣтилъ, что она была какъ бы взволнована чѣмъ-то, но это часто съ ней бывало, и потому онъ, какъ и всегда дѣлалъ, когда замѣчалъ, что она взволнована, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и разсказалъ ей про свою поѣздку.

— Ну, а что нашъ Неустроевъ, уѣхалъ?

— Думаю, что уѣхалъ. Онъ...

— Такъ ты не удержала его?

— Что же я могла,—сказала она.

«Боже мой, какъ я отвратительна!» думала она про себя.

«И какъ я гадокъ,—думалъ про себя Иванъ Ѳедоровичъ,—что позволялъ себѣ думать про нее, что она могла увлечься имъ. Да, очень мы гадкіе люди, не жившіе чисто въ своей молодости.

— Ну, что же дѣлать. Я напишу Мишѣ, онъ найдетъ тамъ студента.

— Да, надо будетъ. Звонокъ къ завтраку, я пойду. Ты придешь?

— Только просмотрю письма и приду. Ты не можешь себѣ представить, какъ хорошо вернуться домой, къ тебѣ, къ дѣтямъ, къ дивану своему.

«Неужели я буду имѣть силу продолжать жить въ этой лжи, въ этой... гадости. Сказать нельзя. За что погубить его спокойствіе? А молчать тоже нельзя», думала она, выходя. Но тутъ же вспомнила «его», его восторженно-влюбленное лицо и почувствовала, что счастье «его» любви такъ велико, что можно страдать за него. «Только бы онъ не погубилъ себя, остался бы живъ. Это навѣрное какое-нибудь отчаянное дѣло, и онъ возьмется за него. И тюрьма, смерть. Охъ, не могу думать!»

---

[1]) Второе «я».
[2]) Я.

Стыдъ, раскаяніе ея были такъ велики, что она не могла бы перенести ихъ, если бы не вѣрила въ непреодолимость своей любви, и она невольно преувеличивала свою любовь. Это одно избавляло ее отъ муки стыда и раскаянія.

Она не то что воображала его человѣкомъ такимъ, подобныхъ которому она никогда не встрѣчала въ своей жизни, даже такимъ, лучше котораго не могло быть человѣка, но она дѣйствительно видѣла въ немъ всѣ высшія совершенства. А видѣла она ихъ оттого, что она любила его. Все не только нехорошее, что было въ немъ, исчезало для нея, а весь онъ былъ для нея составленъ изъ тѣхъ добрыхъ чертъ, которыя были въ немъ: и умъ, тонкость пониманія, художественное чутье, и доброта, и правдивость, и, главное, самоотверженіе,—то самое самоотверженіе, которое и погубитъ его.

Она вышла къ завтраку, и обычныя заботы поглотили ее и отвлекли на время—только отвлекли—и отъ ужаса раскаянія, и отъ любви къ нему, и страха за него.

Но тѣмъ-то и страшна жизнь, что тѣлесныя пораненія, всякія болѣзни не забываются и заставляютъ страдать и бороться; пораненія же нравственныя, духовныя сглаживаются для людей, не живущихъ духовной жизнью, сглаживаются просто обычнымъ теченіемъ жизни, мелкими интересами обихода, засыпаются мелкимъ соромъ обыденной жизни. Такъ это было для Александры Николаевны.

Прошло три мѣсяца. Жизнь шла обычнымъ обиходомъ, одно время усложнилась коклюшемъ дѣтей. Съ мужемъ были прежнія, обычныя, добрыя отношенія, съ дѣтьми—тоже; учитель новый, рекомендованный предсѣдателемъ управы, былъ смирный человѣкъ. Пріѣзжала семья брата мужа. Приходилось ѣздить въ городъ нѣсколько разъ и въ столицу, гдѣ видѣлась съ старыми друзьями. Про *него* ничего не было извѣстно. Она слѣдила внимательно за тѣмъ, что дѣлалось въ революціонномъ мірѣ. Шли экспропріаціи, террористическія дѣла, но про него не было слышно. Главное же, невидное, но самое ужасное для нея событіе было то, что она теперь безъ сомнѣнія узнала то, что она готовится быть матерью его ребенка.

X.

Въ бѣдномъ кварталѣ большого университетскаго города, въ домѣ вдовы Перепелкиной, уже второй года жилъ Матвѣй Семеновичъ Николаевъ, по мірскому званію своему—земскій статистикъ, по революціонному же положенію своему членъ исполни-

тельнаго комитета народовольцевъ и глава кружка распространенія соціалистическихъ идей между рабочими. Ему было тридцать два года, и онъ уже восемь лѣтъ, съ четвертаго курса университета, изъ котораго онъ вышелъ, не окончивъ, весь отдался дѣлу революціи и занималъ среди революціонеровъ видное положеніе......

1909.

НѢТЪ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ.

Второй варіантъ.

I.

Какая странная, удивительная моя судьба. Едва ли есть какой бы то ни было забитый, страдающій. . . . . . .
. . . . бѣднякъ, который бы въ сотой долѣ чувствовалъ, какъ я чувствую теперь всю ту несправедливость, жестокость, весь ужасъ . . . .
. . подавленности, униженности, бѣдственности положенія большинства людей . . . .
. . . . . Чувствовалъ я это давно, и чувство это съ годами росло и росло и дошло въ послѣднее время до высшей степени. Мучительно чувствую теперь все это и, несмотря на то, живу въ этой развращенной, преступной средѣ . . . .
и не могу, не умѣю, не имѣю силъ уйти изъ нея, не могу, не умѣю измѣнить свою жизнь такъ, чтобы удовлетвореніе потребности тѣла: ѣда, сонъ, одежда, передвиженіе, не сопровождалось сознаніемъ грѣха и стыда за свое положеніе.

Было время, когда я пытался измѣнить это мое, несогласное съ требованіями души положеніе, но сложныя условія прошедшаго, семья и ея требованія не выпускали меня изъ своихъ тисковъ, или, скорѣе, я не умѣлъ и не имѣлъ силъ отъ нихъ освободиться. Теперь же, на девятомъ десяткѣ, ослабѣвшій тѣлесными силами, я уже и не пытаюсь освободиться и, странное дѣло, по мѣрѣ ослабленія тѣлесныхъ силъ, все сильнѣе и сильнѣе сознавая всю преступность своего положенія, я все болѣе и болѣе страдаю отъ этого положенія.

И вотъ мнѣ приходитъ мысль, что положеніе это мое не даромъ, что положеніе это требуетъ отъ меня того, чтобы я высказалъ правдиво то, что я испытываю, и этимъ высказываніемъ противодѣйствовалъ бы, можетъ быть, тому, что такъ

сильно мучаетъ меня, открылъ бы, можетъ быть, глаза тѣмъ или хотя бы нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые не видятъ еще того, что я такъ ясно вижу, и облегчилъ бы, можетъ быть, хотя отчасти положеніе того огромнаго большинства . . . . которое страдаетъ и тѣлесно и духовно . . . . . .

. . . .

. . . . И въ самомъ дѣлѣ, то положеніе, въ которомъ я нахожусь, для того, чтобы обличить всю ложь и преступность установившихся между людьми отношеній, едва ли не самое лучшее и выгодное,—для того, чтобы сказать объ этомъ положеніи всю настоящую правду, не затемненную ни желаніемъ оправдать себя, ни завистью бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ богатыхъ и угнетателей. Я нахожусь именно въ этомъ положеніи: я не только не желаю оправдываться, но мнѣ нужно усиліе, чтобы не преувеличить обличеніе преступности . . . . среди которыхъ я живу, общенія съ которыми стыжусь, положеніе которыхъ ненавижу всѣми силами души и отъ участія въ жизни которыхъ не могу освободиться. Точно такъ же я не могу впасть въ обычную ошибку людей угнетеннаго и порабощеннаго народа и демократовъ, его защитниковъ, которые не видятъ недостатковъ и ошибокъ этого народа, а также не хотятъ видѣть тѣ смягчающія вину обстоятельства, сложныя условія прошедшаго, которыя дѣлаютъ почти невмѣняемымъ большинство людей властвующихъ классовъ. Безъ желанія оправданія себя и страха передъ освобожденнымъ народомъ, а также безъ зависти и озлобленія народа . . . . я нахожусь въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для того, чтобы видѣть истину и умѣть сказать ее. Можетъ-быть, для этого самаго я и былъ поставленъ судьбой въ это странное положеніе. Постараюсь, какъ умѣю, использовать его. Хоть это хотя отчасти облегчитъ мое положеніе.

II.

Въ богатомъ деревенскомъ домѣ владѣльца болѣе тысячи десятинъ земли гостилъ двоюродный братъ его жены, Александръ Ивановичъ Волгинъ, уважаемый въ своемъ мірѣ холостякъ, служащій въ московскомъ банкѣ съ жалованьемъ въ восемь тысячъ.

Съ вечера, уставъ отъ игры съ домашними по тысячной въ винтъ, Александръ Ивановичъ, войдя въ спальню, выложилъ на покрытый салфеточкой столикъ золотые часы, серебряный портсигаръ, портфель, большой замшевый кошелекъ, щеточку и гребенку, потомъ снялъ пиджакъ, жилетъ, крахмальную рубашку, двое панталонъ, шелковые носки, англійской работы бо-

тинки и, надѣвъ ночную рубашку и халатъ, вынесъ все это за дверь, а самъ легъ на чистую, нынче перестеленную пружинную кровать, съ двумя матрацами, тремя подушками и подшитымъ простыней одѣяломъ. Часы показывали двѣнадцать. Александръ Ивановичъ закурилъ папиросу, полежалъ навзничь минутъ пять, перебирая впечатлѣнія дня, потомъ задулъ свѣчу и повернулся на бокъ и, хотя и долго ворочался, все-таки заснулъ около часа.

Проснувшись утромъ въ восемь, онъ надѣлъ туфли, халатъ, позвонилъ. Старый, уже тридцать лѣтъ служащій въ домѣ, отецъ семейства, дѣдъ шести внуковъ, лакей Степанъ поспѣшно, на согнутыхъ ногахъ, вошелъ къ нему съ вычищенными до блеска вчера снятыми ботинками, выбитой и вычищенной парой и сложенной крахмальной рубашкой. Гость поблагодарилъ, спросилъ, какова погода,—шторы были задернуты, чтобы солнце не мѣшало спать хотя бы до одиннадцати, какъ спали нѣкоторые изъ хозяевъ. Александръ Ивановичъ взглянулъ на часы: еще не поздно, и началъ чиститься, умываться и одѣваться. Вода была приготовлена, приготовлены, т.-е. вымыты и вычищены, вчера запачканныя умывальныя и чесальныя принадлежности: мыло, щеточки—для зубовъ, для ногтей, для волосъ, для бороды, ножички и пилки для ногтей. Не торопясь, умывши лицо, руки, вычистивъ старательно ногти и оттянувъ полотенцемъ кожу на ногтяхъ, потомъ обмывши губкой бѣлое, жирное тѣло и вымывъ ноги, Александръ Ивановичъ сталъ чесаться. Сначала двойной англійской щеткой расчесалъ передъ зеркаломъ курчавую, сѣдѣющую по сторонамъ бороду на обѣ стороны, потомъ пробралъ рѣдкимъ черепаховымъ гребнемъ, потомъ уже рѣдѣющіе волосы на головѣ. Потомъ частымъ гребнемъ вычесалъ голову, выкинулъ нечистую вату и задѣлалъ свѣжей. Надѣлъ нижнее бѣлье, носки, ботинки, штаны, поддерживаемые блестящими помочами, жилетъ и, не надѣвая пиджака, чтобы отдохнуть послѣ одѣванія, присѣлъ на мягкое кресло и, закуривъ папиросу, задумался о томъ, куда онъ направитъ сегодняшнюю прогулку. «Можно въ паркъ, а можно и въ Порточки (такое смѣшное названіе лѣсу). Должно бы въ Порточки. Да еще Семенъ Н. письмо нужно отвѣтить. Ну, да это послѣ».

Онъ рѣшительно всталъ, взялъ часы,—было уже безъ пяти девять,—положилъ въ карманъ жилета, въ карманъ штановъ—кошелекъ съ деньгами,—то, что оставалось отъ ста восьмидесяти рублей, которые онъ взялъ для дороги и мелкихъ расходовъ у пріятеля во время тѣхъ двухъ недѣль, которыя онъ намѣренъ былъ прожить у него. Серебряный портсигаръ и элек-

трическую машинку для зажиганія папиросъ и два платка положилъ въ пиджакъ, вышелъ, оставивъ, какъ это само собою разумѣлось, убирать весь безпорядокъ и всю нечистоту, произведенные имъ, Степану, пятидесятилѣтнему лакею, ожидавшему, какъ это всегда бывало, хорошій «гонораръ», какъ онъ называлъ это, отъ Александра Ивановича, и до такой степени привыкшему къ этому дѣлу, что при исполненіи его не чувствовалъ уже ни малѣйшаго отвращенія.

Посмотрѣвшись въ зеркало и одобривъ свою наружность, Александръ Ивановичъ пошелъ въ столовую. Тамъ заботами другого лакея, экономки и буфетнаго мужика, успѣвшаго до зари уже сбѣгать къ себѣ на деревню, чтобы наладить малому косу, въ столовой на чистой, камчатно-бѣлой скатерти уже блестѣлъ и кипѣлъ серебряный, или серебрянаго вида самоваръ, стоялъ кофейникъ, горячее молоко, сливки, масло и всякаго рода бѣлый хлѣбъ и печенье. За столомъ былъ только студентъ, учитель второго сына, и этотъ мальчикъ, и переписчица статей земскаго дѣятеля—хозяина дома и большого сельскаго хозяина. Онъ уже съ восьми часовъ ушелъ по хозяйству.

За кофеемъ Александръ Ивановичъ поговорилъ съ учителемъ и переписчицей о погодѣ, о вчерашнемъ винтѣ и о Ѳеодоритѣ, о вчерашней его выходкѣ, что онъ безъ всякаго повода нагрубилъ отцу. Ѳеодоритъ былъ взрослый, неудавшійся сынъ хозяевъ. Звали его Ѳедоромъ, но кто-то, какъ-то шутя, или нарочно назвалъ его Ѳеодоритомъ, и это показалось смѣшно, и такъ продолжали называть его и тогда, когда то, что онъ дѣлалъ, было уже совсѣмъ не смѣшно. Такъ это было теперь. Былъ онъ въ университетѣ, со второго курса бросилъ, потомъ пошелъ въ кавалергарды и тоже бросилъ, и теперь жилъ въ деревнѣ, ничего не дѣлая и все осуждая, и всѣмъ былъ недоволенъ. Ѳеодоритъ этотъ еще спалъ, и спали всѣ домашніе, а именно: сама хозяйка, Анна Михайловна, сестра хозяйки, вдова бывшаго губернатора, и пишущій пейзажъ живописецъ, жившій въ домѣ.

Александръ Ивановичъ взялъ въ передней шляпу панама (она стоила двадцать рублей), трость съ слоновой кости рѣзнымъ набалдачникомъ (пятьдесятъ рублей) и пошелъ изъ дома. Выйдя черезъ обставленную цвѣтами террасу, мимо партера, въ которомъ въ серединѣ была конусообразная клумба, убранная правильными полосами бѣлыхъ, красныхъ, синихъ цвѣтовъ, и по бокамъ которой изъ цвѣтовъ же были сдѣланы вензеля,—инициалы имени, отчества и фамилія хозяйки,—мимо этихъ цвѣтовъ Александръ Ивановичъ вошелъ въ вѣковыя аллеи липъ. Аллеи эти чистили крестьянскія дѣвушки съ лопатами и метлами; садовникъ же

что-то вымѣрялъ, а молодой малый везъ что-то на телѣгѣ. Пройдя ихъ, Александръ Ивановичъ вошелъ въ паркъ старыхъ деревъ, на разстояніи не менѣе пятидесяти десятинъ изрѣзанный прочищенными дорожками. Покуривая папиросу, Александръ Ивановичъ прошелъ по своимъ любимымъ дорожкамъ мимо бесѣдки и вышелъ въ поле.

Въ паркѣ было хорошо, а въ полѣ еще лучше. Направо такъ красиво красно-бѣлыми пятнами виднѣлись собирающія картофель женщины, налѣво—лугъ и жнивье и пасущееся стадо, а впереди, немного вправо, темно-темно-зеленые дубы Порточекъ. Александръ Ивановичъ дышалъ полной грудью и радовался на свою жизнь вообще и особенно теперь, здѣсь, у сестры, гдѣ онъ такъ пріятно отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ банкѣ.

«Счастливые люди, живутъ въ деревнѣ», думалъ онъ. «Правда, Николай Петровичъ и здѣсь, въ деревнѣ, не можетъ быть покоенъ съ своими агрономическими затѣями и земствомъ, да вольно же ему». И Александръ Ивановичъ, покачивая головой, закуривая новую папироску и бодро шагая сильными ногами въ твердой, толстой, англійской работы обуви, думалъ о томъ, какъ онъ по зимамъ трудится въ своемъ банкѣ. «Отъ десяти и до двухъ, а то и до пяти, иногда и каждый день. Вѣдь это легко сказать! А потомъ засѣданія, а потомъ частныя просьбы. А потомъ Дума. То ли дѣло здѣсь. Я такъ доволенъ. Положимъ, она скучаетъ, ну, да это не надолго». И онъ улыбнулся.

Погулявъ въ Порточкахъ, онъ пошелъ назадъ прямикомъ, пошелъ по тому самому пару, который пахали. По пару ходила скотина крестьянская,—коровы, телята, овцы, свиньи. Прямой путь къ парку шелъ прямо черезъ стадо. Овцы испугались его, одна за другой кинулись бѣжать, свиньи—тоже, худыя, небольшія двѣ коровы уставились на него. Пастушонокъ-мальчикъ крикнулъ на овецъ и хлопнулъ кнутомъ. «Какая отсталость, однако, у насъ въ сравненіи съ Европой», подумалъ онъ, вспоминая свои частыя поѣздки за границу. «Во всей Европѣ не найдешь ни одной такой коровы». И Александру Ивановичу захотѣлось спросить, куда ведетъ та дорога, которая подъ угломъ сходилась съ той, по которой онъ шелъ, и чье это стадо. Онъ подозвалъ мальчика.

— Чье это стадо?

Мальчикъ съ удивленіемъ, близкимъ къ ужасу, смотрѣлъ на шляпу, расчесанную бороду, а главное, на золотыя очки, и не могъ сразу отвѣтить. Когда Александръ Ивановичъ повторилъ вопросъ, мальчикъ опомнился и сказалъ:

— Наше.

— Да чье «наше»?—покачивая головой и улыбаясь, сказалъ Александръ Ивановичъ.

Мальчикъ былъ въ лаптяхъ и онучахъ, въ прорванной на плечѣ, грязной суровой рубашонкѣ и въ картузѣ съ оторваннымъ козырькомъ.

— Чье «наше»?

— А пироговское.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Не знаю.

— Грамотѣ знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Что жъ, развѣ нѣтъ училища?

— Я ходилъ.

— Что жъ, не выучился?

— Нѣтъ.

— А дорога эта куда?

Мальчикъ сказалъ, и Александръ Ивановичъ пошелъ къ дому, размышляя о томъ, какъ онъ подразнитъ Николая Петровича тѣмъ, какъ, все-таки, плохо, несмотря на всѣ его хлопоты, стоитъ дѣло народнаго образованія.

Подходя къ дому, Александръ Ивановичъ взглянулъ на часы и, къ досадѣ своей, увидалъ, что былъ уже двѣнадцатый часъ, а онъ вспомнилъ, что Николай Петровичъ ѣдетъ въ городъ, а онъ съ нимъ хотѣлъ отправить письмо въ Москву, а письмо еще не написано. Письмо же было очень нужное — о томъ, чтобы пріятель и сотоварищъ его оставилъ бы за нимъ картину, Мадонну, продававшуюся съ аукціона. Подходя къ дому, онъ увидалъ, что четверня крупныхъ, сытыхъ, выхоленныхъ, породистыхъ лошадей, запряженныхъ въ блестящую на солнцѣ чернымъ лакомъ коляску, съ кучеромъ въ синемъ кафтанѣ съ серебрянымъ поясомъ, стояла уже у подъѣзда, изрѣдка побрякивая бубенцами.

Передъ входной дверью стоялъ крестьянинъ, босой, въ прорванномъ кафтанѣ и безъ шапки. Онъ поклонился. Александръ Ивановичъ спросилъ, что ему нужно.

— Къ Николай Петровичу.

— Объ чемъ?

— По нуждѣ своей: лошаденка пала.

Александръ Ивановичъ сталъ разспрашивать. Мужикъ сталъ разсказывать о своемъ положеніи, сказалъ, что пятеро дѣтей и лошаденка одна и была, и заплакалъ.

— Что же ты?

— Да милости просить.

И сталъ на колѣни, и прямо стоялъ и не поднялся, несмотря на уговоры Александра Ивановича.

— Какъ тебя звать?

— Митрій Судариковъ,—отвѣчалъ мужикъ, не вставая съ колѣнъ.

Александръ Ивановичъ досталъ три рубля и далъ мужику. Мужикъ сталъ кланяться въ ноги. Александръ Ивановичъ вошелъ въ домъ. Въ передней стоялъ хозяинъ, Николай Петровичъ.

— А письмо?—спросилъ хозяинъ, встрѣчая его въ передней.—Я сейчасъ ѣду.

— Виноватъ, виноватъ. Если можно, я сейчасъ напишу. Совсѣмъ изъ головы вонъ. Ужъ такъ хорошо у васъ,—все забудешь. Такъ хорошо.

— Можно-то можно, но только, пожалуйста поскорѣе. Лошади и такъ ждутъ съ четверть часа. А мухи злыя.

— Можно подождать, Арсентій?—обратился Александръ Ивановичъ къ кучеру.

— Отчего же не подождать?—сказалъ кучеръ, а самъ думалъ: «И чего велятъ закладать, когда не ѣдутъ. Спѣшилъ съ ребятами, не знаю какъ, а теперь корми мухъ».

— Сейчасъ, сейчасъ.

Александръ Ивановичъ пошелъ было къ себѣ, но вернулся и спросилъ у Николая Петровича про крестьянина, просившаго помочь:

— Ты видѣлъ его?

— Онъ—пьяница, но, правда, жалкій. Пожалуйста, поскорѣе.

Александръ Ивановичъ пошелъ къ себѣ, досталъ бюваръ со всѣми письменными принадлежностями и написалъ письмо, вырѣзалъ чекъ изъ книжки, надписалъ на сто восемьдесятъ рублей и, вложивъ въ конвертъ, вынесъ Николаю Петровичу.

— Ну, до свиданія.

До завтрака Александръ Ивановичъ занялся газетами. Онъ читалъ однѣ «Русскія Вѣдомости», «Рѣчь», иногда «Русское Слово», но «Новое Время», выписываемое хозяиномъ, не бралъ въ руки.

Переходя спокойно и привычно отъ политическихъ извѣстій—о поступкахъ царей, президентовъ, министровъ, рѣшеній парламентовъ—къ театрамъ, и научнымъ новостямъ, и самоубійствамъ, и холерѣ, и стишкамъ, Александръ Ивановичъ услыхалъ звонокъ къ завтраку. Трудами болѣе, чѣмъ десяти, занятыхъ исключительно только этимъ людей, считая всѣхъ—отъ прачекъ, огородниковъ, истопниковъ, поваровъ, помощниковъ, лакеевъ,

экономокъ, судомоекъ,—столъ былъ накрытъ на восемь серебряныхъ приборовъ съ графинами, бутылками водъ, квасу, винъ, минеральныхъ водъ, съ блестящимъ хрусталемъ, скатертью, салфетками, и два лакея, не переставая, бѣгали туда, сюда, принося, подавая, убирая закуски, кушанья, холодныя и горячія.

Хозяйка, не переставая говорила, разсказывала про все то, что она дѣлала, думала, говорила, и все то, что она дѣлала, думала и говорила,—все это, какъ она явно думала, было прекрасно и всегда доставляло величайшее удовольствіе всѣмъ, кромѣ самыхъ глупыхъ людей. Александръ Ивановичъ чувствовалъ и зналъ, что все, что она говоритъ, глупо, но не могъ показать этого и поддерживалъ разговоръ. Ѳеодоритъ мрачно молчалъ, учитель говорилъ изрѣдка съ вдовой. Иногда наступало молчаніе, и тогда Ѳеодоритъ выступалъ на первый планъ, и становилось мучительно скучно. Тогда хозяйка требовала какого-нибудь новаго, не поданнаго кушанья, и лакеи летали туда и назадъ, въ кухню и къ экономкѣ. Ни ѣсть, ни говорить никому не хотѣлось, но всѣ, хотя и черезъ силу, ѣли и говорили. Такъ шло все время завтрака.

III.

Крестьянина, который приходилъ просить на падшую лошадь, звали Митрій Судариковъ. Наканунѣ того дня, когда онъ приходилъ къ барину, онъ весь день прохлопоталъ съ дохлымъ мериномъ. Первое дѣло—ходилъ къ Санину, драчу, въ Андреевку. Драча Семена не было дома. Пока дожидался, уговорился въ цѣнѣ за шкуру, дѣло было уже къ обѣду. Потомъ выпросилъ у сосѣда лошадь свезти мерина на погостъ,—не велятъ закапывать, гдѣ сдохъ. Андреянъ не далъ лошади: самъ картошки возилъ; насилу у Степана выпросилъ. Степанъ пожалѣлъ, подсобилъ и взвалить на телѣгу мерина. Отодралъ Митрій подковы съ переднихъ ногъ, отдалъ бабѣ. Одна—половинка только была, другая—хорошая. Пока вырылъ могилу,—заступъ тупой былъ,—и Санинъ пришелъ. Ободралъ мерина, свалили въ яму, засыпали. Уморился Митрій, съ горя зашелъ къ Матренѣ, выпилъ съ Санинымъ полбутылки, поругался съ женой и легъ спать въ сѣняхъ. Спалъ онъ, не раздѣваясь, въ порткахъ, покрывшись рванымъ кафтаномъ. Жена была въ избѣ съ дѣвками. Ихъ было четверо, меньшая у груди, пяти недѣль.

Проснулся Митрій, по привычкѣ, до зари и такъ и ахнулъ, вспомнилъ про вчерашнее: какъ бился меринъ, вскакивалъ, па-

далъ, и какъ нѣтъ лошади, осталось только четыре рубля восемь гривенъ за шкуру. Онъ поднялся, оправилъ портки, вышелъ сначала на дворъ, а потомъ вошелъ въ избу. Изба, вся кривая, грязная, черная, уже топилась. Баба одной рукой подкладывала солому въ печь, другой держала дѣвку у выставленной изъ грязной рубахи отвислой груди.

Митрій перекрестился три раза на уголъ. . . . .
. . . .
. . . .

— Что жъ, воды нѣтъ?

— Пошла дѣвка. Я чай, принесла. Что жъ, пойдешь въ Угрюмую, къ барину?

— Да, надо идти.

Онъ закашлялся отъ дыма и, захвативъ съ лавки тряпку, вышелъ въ сѣни. Дѣвка только что принесла воду. Митрій досталъ воды изъ ведра, забралъ въ ротъ и полилъ руки, еще забралъ въ ротъ и лицо обмылъ, обтерся тряпкой и пальцами, разодралъ и пригладилъ волосы на головѣ и курчавую бороду, и вышелъ въ дверь. По улицѣ шла къ нему дѣвочка лѣтъ десяти, въ одной грязной рубашонкѣ.

— Здорово, дядя Митрій. Велѣли приходить молотить.

— Ладно, приду,—сказалъ Митрій.

Онъ понялъ, что Калушкины, такіе же, почитай, бѣдняки, какъ и онъ самъ, звали отмолачивать за то, что на прошлой недѣлѣ у него работали на наемной конной молотилкѣ.

— Ладно, приду, скажи, въ завтракъ приду. Надо въ Угрюмую сходить.

И Митрій вошелъ въ избу, досталъ онучи, лапти, обулся и пошелъ къ барину.

Получивъ три рубля отъ Александра Ивановича и столько же отъ Николая Петровича, онъ вернулся домой, отдалъ деньги бабѣ и, захвативъ лопату и грабли, пошелъ къ [Калушкинымъ].

У Калушкиныхъ молотилка уже давно равномѣрно гудѣла, только изрѣдка заминаясь отъ застревавшей соломы. Кругомъ погоняльщика ходили худыя лошади, натягивая постромки. Погоняльщикъ однимъ и тѣмъ же голосомъ покрикивалъ на нихъ: «Ну, вы, миленькія!» Однѣ бабы развязывали снопы, другія сгребали солому и колосъ, третьи бабы и мужики собирали большія охапки соломы и подавали ихъ мужику на ометъ. Работа кипѣла. На огородѣ, мимо котораго проходилъ Митрій, босая, въ одной рубашонкѣ, дѣвочка руками выкапывала и собирала въ плетушку картошку.

— А дѣдъ гдѣ?—спросилъ Митрій.
— На гумнѣ дѣдъ.

Митрій прошелъ на гумно и тотчасъ же вступилъ въ работу. Восьмидесяти[лѣтній] старикъ-хозяинъ зналъ горе Митрія. Онъ поздоровался съ нимъ и указалъ, куда становиться—къ омету, подавать солому.

Митрій раздѣлся, свернулъ и положилъ къ сторонкѣ свой прорванный кафтанъ подъ плетень, а самъ особенно усердно взялся за работу, набирая вилами солому и вскидывая ее на ометъ.

Работа безъ перерыва шла такъ до обѣда. Пѣтухи уже раза три перекликнулись, но имъ не то что не вѣрили, но не слышали ихъ за работой и переговорами о работѣ. Но вотъ съ барскаго гумна за три версты послышался свистокъ паровой молотилки, и тутъ же подошелъ къ гумну хозяинъ, высокій восьмидесятилѣтній, прямой старикъ Масей.

— Что же, шабашъ,—сказалъ онъ, подходя къ погоняльщику.—Обѣдать.

Еще живѣй пошла работа. Въ мигъ убрали солому того, что было вымолочено, на ометъ и очистили зерно съ мякиной на току отъ колоса, и пошли въ избу.

Изба топилась тоже по-черному, но была ужъ прибрана, и вокругъ стола стояли лавки, такъ что весь народъ, помолившись на иконы,—всѣхъ было безъ хозяевъ девять человѣкъ,—[сѣлъ за столъ]. Похлебка съ хлѣбомъ, картошка вареная съ квасомъ.

Во время обѣда въ избу вошелъ нищій безрукій, съ мѣшкомъ за плечами и съ большимъ костылемъ.

— Миръ дому сему. Хлѣбъ да соль, подайте, Христа ради.
— Богъ подастъ,— сказала хозяйка, уже старуха, невѣстка старикова,—не взыщи.

Старикъ стоялъ у двери въ чуланъ.

— Отрѣжь, Марѳа, нехорошо.
— Я только гадаю, какъ бы хватило.
— Охъ, нехорошо, Марѳа. Богъ велитъ пополамъ дѣлить. Отрѣжь.

Марѳа послушалась. Нищій ушелъ. Молотильщики встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли отдохнуть.

Митрій не ложился, а сбѣгалъ въ лавочку купить табаку. Страсть курить хотѣлось. И покуда покалякалъ съ деменскимъ мужикомъ, разспросилъ о цѣнахъ на скотъ,—не миновать было продавать корову,—и когда вернулся, уже люди становились опять на работу. Такъ шла работа до вечера.

И вотъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . . . живутъ спокойно люди, считающіе себя одни—христіанами, другіе—настолько просвѣщенными, что имъ не нужно уже христіанство или какая бы то ни было другая религія—настолько выше ея они считаютъ себя. И живутъ среди этихъ ужасовъ, видя и не видя ихъ, спокойно доживающіе свой вѣкъ, часто добрые по сердцу старики, старухи, молодые люди, матери, дѣти,—несчастныя, развращаемыя, приготавливаемыя къ нравственной слѣпотѣ дѣти.

Вотъ старикъ, владѣтель тысячъ десятинъ, холостякъ, всю жизнь прожившій въ праздности, обжорствѣ и блудѣ, который, читая статьи «Новаго Времени», удивляется на неразумность правительства, допускающаго евреевъ въ университеты. Вотъ гость его, бывшій губернаторъ съ оставленнымъ окладомъ, сенаторъ, который читаетъ съ одобреніемъ свѣдѣнія о собираніи юристовъ, признавшихъ необходимость смертной казни. Вотъ противникъ ихъ Н. П., читающій «Русскія Вѣдомости», удивляющійся на слѣпоту правительства, допускающаго союзъ русскаго народа, и... [1]). Вотъ милая, добрая мать дѣвочки, читающая ей исторію собаки Фукса, пожалѣвшаго кроликовъ, и вотъ эта милая дѣвочка, которая видитъ на гуляньѣ босыхъ, голодныхъ, грызущихъ зеленую падаль—яблоки [дѣтей] и привыкающая видѣть въ этихъ дѣтяхъ не себя, а что-то въ родѣ обстановки, пейзажа.

Отчего это?

Августъ—сентябрь 1910.
Кочеты.

---

[1]) **Многоточіе въ оригиналѣ.** ***Ред.***

ХОДЫНКА.

— Не понимаю этого упрямства. Зачѣмъ тебѣ не спать и идти «въ народъ», когда ты можешь спокойно ѣхать завтра съ тетей Вѣрой прямо въ павильонъ. И все увидишь. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что Беръ мнѣ обѣщалъ провести тебя. Да ты, какъ фрейлина, и имѣешь право.

Такъ говорилъ извѣстный всему высшему свѣту подъ прозвищемъ «Пижонъ» князь Павелъ Голицынъ своей 23-лѣтней дочери Александрѣ, по признанному за нею прозвищу «Рина».

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ 17-го мая 1896 года, въ Москвѣ, наканунѣ народнаго праздника коронаціи. Дѣло было въ томъ, что Рина, красивая, сильная дѣвушка, съ характернымъ голицынскимъ профилемъ, горбатымъ носомъ хищной птицы, уже пережила періодъ увлеченій свѣтскими балами и была или, по крайней мѣрѣ, считала себя передовой женщиной и была народницей. Она была единственная дочь и любимица отца и дѣлала, что хотѣла. Теперь ей взбрела мысль, какъ говорилъ отецъ, идти на народное гулянье съ своимъ кузеномъ не въ полдень съ Дворомъ, а вмѣстѣ съ народомъ, съ дворникомъ и помощникомъ кучера, которые шли изъ ихъ дома и собирались выходить рано утромъ.

— Да мнѣ, папà, хочется не смотрѣть на народъ, а быть съ нимъ. Мнѣ хочется видѣть его отношеніе къ молодому царю. Неужели нельзя хоть разъ...

— Ну, дѣлай, какъ хочешь. Я знаю твое упрямство.

— Не сердись, милый папà. Я тебѣ обѣщаюсь, что буду благоразумна, и Алекъ будетъ неотступно со мной.

Какъ ни странна и дика казалась эта затѣя отцу, онъ не могъ не согласиться.

— Разумѣется, возьми, — отвѣтилъ онъ на ея вопросъ, можно ли взять коляску. — Доѣдешь до Ходынки и пришлешь назадъ.

— Ну, такъ та̀къ.

Она подошла къ нему. Онъ, по обычаю, перекрестилъ ее, она поцѣловала его большую бѣлую руку, и они разошлись.

Въ этотъ же вечеръ въ квартирѣ, сдававшейся извѣстной Марьей Яковлевной рабочимъ съ папиросной фабрики, шли также разговоры о завтрашнемъ гуляньѣ. Въ квартирѣ Емельяна Ягоднаго сидѣли зашедшіе къ нему товарищи и сговаривались, когда выходить.

— Въ пору ужъ и не ложиться, а то того гляди проспишь, — говорилъ Яша, веселый малый, жившій за перегородкой.

— Отчего не поспать, — отвѣчалъ Емельянъ. — Съ зарей выйдемъ. Такъ и ребята сказывали.

— Ну, спать, такъ спать. Только ужъ ты, Семенычъ, разбуди, коли что.

Семенычъ (Емельянъ) обѣщалъ и самъ досталъ изъ стола шелковыя нитки, подвинулъ къ себѣ лампу и занялся пришивкой оторванной пуговицы къ лѣтнему пальто. Окончивъ дѣло, приготовилъ лучшую одежу, выложивъ на лавку, вычистилъ сапоги, потомъ помолился, прочтя нѣсколько молитвъ: «Отче», «Богородицу», значенія которыхъ онъ не понималъ, да и никогда не интересовался, и, снявъ сапоги и портки, легъ на примятый тюфячокъ скрипучей кровати.

«Отчего же? — думалъ онъ. — Бываетъ же людямъ счастье. Може, и точно попанется выигрышный билетъ». (Среди народа былъ слухъ, что, кромѣ подарковъ, будутъ раздавать еще и выигрышные билеты.) «Ужъ что тамъ десять тысячъ. Хушь бы пятьсотъ рублей. То-то бы надѣлалъ дѣловъ: старикамъ бы послалъ, жену бы съ мѣста снялъ. А то какая жизнь врозь. Часы бы настоящіе купилъ. Шубу бы себѣ и ей сдѣлалъ. А то бьешься, бьешься и все изъ нужды не выбьешься».

И вотъ стало ему представляться, какъ онъ съ женой идетъ по Александровскому саду, а тотъ самый городовой, что лѣтось его забралъ за то, что онъ пьяный ругался, что этотъ городовой ужъ не городовой, а генералъ, и генералъ этотъ ему смѣется и зоветъ въ трактиръ органъ слушать. И органъ играетъ, и играетъ, точно какъ часы бьютъ. И Семенычъ просыпается и слышитъ, что часы шипятъ и бьютъ, и хозяйка, Марья Яковлевна, за дверью кашляетъ, а въ окнѣ ужъ не такъ темно, какъ было вчера.

«Какъ бы не проспать».

Емельянъ встаетъ, идетъ босыми ногами за перегородку, будитъ Яшу, одѣвается, маслитъ голову, причесывается, глядитъ въ разбитое зеркальце.

«Ничего, хорошо. За то и дѣвки любятъ. Да не хочу баловаться»...

Идетъ къ хозяйкѣ. Какъ вчера уговорено, беретъ въ мѣшочекъ пирога, два яйца, ветчины, полбутылки водки, и, чуть занимается заря, они съ Яшей выходятъ со двора и идутъ къ Петровскому парку. Они не одни: и впереди идутъ, и сзади догоняютъ, и со всѣхъ [сторонъ] выходятъ и сходятся и мужчины, и женщины, и дѣти, всѣ веселые и нарядные, на одну и ту же дорогу.

И вотъ дошли до Ходынскаго поля. А тутъ ужъ народъ по всему полю чернѣетъ, и изъ разныхъ мѣстъ дымъ идетъ. Заря была холодная, и люди раздобываютъ сучьевъ, полѣньевъ и раздуваютъ костры. Сошелся Емельянъ съ товарищами; тоже костеръ развели, сѣли, достали закуску, вино. А тутъ и солнце взошло, чистое, ясное, и весело стало. Играютъ пѣсни, болтаютъ, шутятъ, смѣются, всему радуются, радости ожидаютъ. Выпилъ Емельянъ съ товарищами, закурилъ, и еще веселѣй стало.

Всѣ были нарядны, но и среди нарядныхъ рабочихъ и ихъ женъ замѣтны были богачи и купцы съ женами и дѣтьми, которые попадались промежъ народа. Такъ замѣтна была Рина Голицына, когда она, радостная, сіяющая отъ мысли, что она добилась своего и съ народомъ, среди народа, празднуетъ восшествіе на престолъ обожаемаго народомъ царя, ходила съ братомъ Алекомъ между кострами.

— Проздравляю, барышня хорошая! — крикнулъ ей молодой фабричный, поднося ко рту стаканчикъ. — Не побрезгуй нашей хлѣба-соли.

— Спасибо.

— Кушайте сами, — подсказалъ Алекъ, щеголяя своимъ знаніемъ народныхъ обычаевъ, и они прошли дальше.

По привычкѣ всегда занимать первыя мѣста, они, пройдя по полю между народомъ, гдѣ становилось ужъ тѣсно (народу было такъ много, что, несмотря на ясное утро, надъ полемъ стоялъ густой туманъ отъ дыханія народа), они пошли прямо къ павильону. Но полицейскіе не пустили ихъ.

— И прекрасно. Пожалуйста, пойдемъ опять туда, — сказала Рина. И они опять вернулись къ толпѣ.

— Врё, — отвѣчалъ Емельянъ, сидя съ товарищами вокругъ разложенной [на] бумагѣ закуски, на разсказъ подошедшаго знакомаго фабричнаго о томъ, что выдаютъ. — Врё.

— Я тебѣ сказываю. Не по закону, а выдаютъ. Я самъ видѣлъ. Несетъ и узелокъ и стаканъ.

— Извѣстно, шельмы артельщики. Имъ что. Кому хотятъ, тому даютъ.

— Да это что же? Развѣ это можно — противу закону?

— Вотъ-те можно.

— Да идемъ, ребята. Чего смотрѣть на нихъ.

Всѣ встали. Емельянъ убралъ свою бутылочку съ оставшейся водкой и пошелъ впередъ вмѣстѣ съ товарищами.

Не прошелъ онъ двадцати шаговъ, какъ народъ стѣснилъ такъ, что идти стало трудно.

— Чего лѣзешь?

— А ты чего лѣзешь?

— Что жъ ты — одинъ?

— Да буде.

— Батюшки, задавили, — послышался женскій голосъ. Дѣтскій крикъ слышался съ другой стороны.

— Ну тебя къ матери...

— Да ты что? Али тебѣ одному нужно?

— Всю разберутъ. Ну, дай доберусь до нихъ. Черти, дьяволы!

Это кричалъ Емельянъ и, напруживая здоровыя, широкія плечи и растопыривая локти, раздвигалъ, какъ могъ, и рвался впередъ, хорошенько не зная, зачѣмъ, потому только, что всѣ рвались и что ему казалось, что прорваться впередъ непремѣнно нужно. Сзади его, съ обоихъ боковъ были люди, и всѣ жали его, а впереди люди не двигались и не пускали впередъ. И всѣ что-то кричали, кричали, стонали, охали.

Емельянъ молчалъ и, стиснувъ здоровые зубы и нахмуривъ брови, не унывая, не ослабѣвая и толкая переднихъ, хоть медленно, но двигался.

Вдругъ все всколыхнулось и, послѣ ровнаго движенія, шарахнулось впередъ и въ правую сторону. Емельянъ взглянулъ туда и увидалъ, какъ пролетѣло что-то одно, другое, третье и упало въ толпу. Онъ не понялъ, что это такое, но близко около него чей-то голосъ закричалъ:

— Черти проклятые, въ народъ швырять стали.

И тамъ, куда летѣли мѣшочки съ подарками, слышны были крики, хохотъ, плачъ и стоны. Емельяна кто-то больно толкнулъ подъ бокъ. Онъ сталъ еще мрачнѣе и сердитѣе. Но не успѣлъ онъ опомниться отъ этой боли, какъ кто [-то] наступилъ ему на

ногу. Пальто, его новое пальто, зацѣпилось за что-то и разорвалось. Въ сердце ему вступила злоба, и онъ изъ всѣхъ силъ сталъ напирать на передовыхъ, толкая ихъ передъ собой.

Но тутъ вдругъ случилось что-то такое, чего онъ не могъ понять. То онъ ничего не видалъ передъ собой, кромѣ спинъ людскихъ, а тутъ вдругъ все, что было впереди, открылось ему. Онъ увидалъ палатки, тѣ палатки, изъ которыхъ должны были раздавать гостинцы. Онъ обрадовался, но радость его была только одну минуту, потому что тотчасъ же онъ понялъ, что открылось ему то, что было впереди, только потому, что они всѣ подошли къ рву, и всѣ передніе, кто на ногахъ, кто котомъ, свалились въ него, и самъ онъ валится туда же, на людей. Валится самъ на людей, а на него валятся другіе, задніе. Тутъ въ первый разъ на него напалъ страхъ. Онъ упалъ. Женщина въ ковровомъ платкѣ навалилась на него. Онъ стряхнулъ ее съ себя, хотѣлъ вернуться, но сзади давили, и не было силъ. Онъ подался впередъ, но ноги его ступали по мягкому — по людямъ. Его хватали за ноги и кричали. Онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, и продирался впередъ, ступая по людямъ.

— Братцы, часы возьмите, золотые. Братцы, выручьте, — кричалъ человѣкъ подлѣ него.

«Не до часовъ теперь», подумалъ Емельянъ и сталъ выбираться на другую сторону рва.

Въ душѣ его было два чувства, и оба мучительныя: одно — страхъ за себя, за свою жизнь, другое — злоба противъ всѣхъ этихъ ошалѣлыхъ людей, которые давили его. А между тѣмъ та сначала поставленная себѣ цѣль: дойти до палатокъ и получить мѣшокъ съ гостинцами и въ немъ выигрышный билетъ, съ самаго начала поставленная имъ себѣ, влекла его.

Палатки уже были въ виду. Видны были артельщики, слышны были крики тѣхъ, которые успѣли дойти до палатокъ, слышенъ былъ и трескъ дощатыхъ проходовъ, въ которыхъ спиралась передняя толпа.

Емельянъ понатужился, и ему оставалось ужъ не больше двадцати шаговъ, когда онъ вдругъ услышалъ подъ ногами, скорѣе, между ногъ дѣтскій крикъ и плачъ. Емельянъ взглянулъ подъ ноги. Мальчикъ простоволосый, въ разорванной рубашонкѣ, лежалъ навзничь и, не переставая голося, хваталъ его за ноги. Емельяну вдругъ что-то вступило въ сердце. Страхъ за себя прошелъ, прошла и злоба къ людямъ. Ему стало жалко мальчика. Онъ нагнулся, подхватилъ его подъ животъ, но задніе такъ наперли на него, что онъ чуть не упалъ, выпустилъ изъ рукъ мальчика, но тотчасъ же напрягши всѣ силы, опять под-

хватилъ его и вскинулъ себѣ на плечо. Напиравшіе менѣе стали напирать, и Емельянъ понесъ мальчика.

— Давай его сюда! — крикнулъ шедшій вплоть съ Емельяномъ кучеръ и взялъ мальчика и поднялъ его выше толпы.

— Бѣги по народу.

И Емельянъ, оглядываясь, видѣлъ, какъ мальчикъ, то ныряя въ народѣ, то поднимаясь надъ нимъ, по плечамъ и головамъ людей уходилъ все дальше и дальше.

Емельянъ продолжалъ двигаться. Нельзя было не двигаться, но теперь его уже не занимали ни подарки, ни то, чтобы дойти до палатокъ. Онъ думалъ объ мальчикѣ и о томъ, куда дѣлся Яша, и о тѣхъ задавленныхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ когда проходилъ по валу. Добравшись до палатки, онъ получилъ мѣшочекъ и стаканъ, но это уже не радовало его. Порадовало его въ первую минуту то, что здѣсь кончалась давка, можно было дышать и двигаться. Но тутъ же, сейчасъ и эта радость прошла отъ того, что онъ увидалъ здѣсь. А увидалъ онъ женщину въ полосатомъ, разорванномъ платьѣ, съ растрепанными русыми волосами и въ ботинкахъ съ пуговками. Она лежала навзничь; ноги въ ботинкахъ прямо торчали кверху. Одна рука лежала на травѣ, другая была съ сложенными пальцами, ниже грудей. Лицо было не блѣдное, а съ синевой бѣлое, какое бываетъ только у мертвыхъ. Эта женщина была первая задавлена на-смерть и была выкинута сюда, за ограду, передъ царскимъ павильономъ.

Въ то время, когда Емельянъ увидалъ ее, надъ ней стояли два городовыхъ, и полицейскій что-то приказывалъ. И тутъ же подъѣхали казаки, и начальникъ что-то приказалъ имъ, и они пустились на Емельяна и другихъ людей, стоявшихъ здѣсь, и погнали ихъ назадъ въ толпу. Емельянъ опять попалъ въ толпу. Опять давка, и давка еще худшая, чѣмъ прежде. Опять крики, стоны женщинъ, дѣтей, опять одни люди топчутъ другихъ и не могутъ не топтать. Но у Емельяна ужъ не было теперь ни страха за себя, ни злобы къ тѣмъ, кто давилъ его, — было одно желаніе уйти, избавиться, разобраться въ томъ, что поднялось въ душѣ, закурить и выпить. Ему страшно хотѣлось закурить и выпить, и онъ добился своего: вышелъ на просторъ и закурилъ и выпилъ.

Но не то было съ Алекомъ и съ Риной. Не ожидая ничего, они шли между сидящимъ кружками народомъ, разговаривая съ женщинами, дѣтьми, какъ вдругъ народъ весь ринулся къ палат-

камъ, когда прошелъ слухъ, что артельщики не по закону раздаютъ гостинцы.

Не успѣла Рина оглянуться, какъ она уже была оттерта отъ Алека, и толпа понесла ее куда-то. Ужасъ охватилъ ее. Она старалась молчать, но не могла, и вскрикивала, прося пощады. Но пощады не было, ее давили все больше и больше, платье обрывали, шляпа слетѣла. Она не могла утверждать, но ей казалось, что съ нея сорвали часы съ цѣпочкой. Она была сильная дѣвушка и могла бы еще держаться, но душевное состоянiе ея — ужаса — было мучительно, она не могла дышать. Оборванная, измятая, она кое-какъ держалась; но въ тотъ часъ, когда казаки бросились на толпу, чтобы разогнать ее, она, Рина, отчаялась, и какъ только отчаялась, ослабѣла, и съ ней сдѣлалось дурно. Она упала и ничего больше не помнила.

Когда она опомнилась, она лежала навзничь на травѣ. Какой-то человѣкъ, въ родѣ мастерового, съ бородкой, въ разорванномъ пальто, сидѣлъ на корточкахъ передъ нею и брызгалъ ей въ лицо водою. Когда она открыла глаза, человѣкъ этотъ перекрестился и выплюнулъ воду. Это былъ Емельянъ.

— Гдѣ я? Кто вы?

— На Ходынкѣ. А я кто? Человѣкъ я. Тоже помяли и меня. Да нашъ братъ все вытерпитъ, — сказалъ Емельянъ.

— А это что? — Рина указала на деньги мѣдныя у себя на животѣ.

— А это, значитъ, такъ думалъ народъ, что померла, такъ на похороны. А я приглядѣлся, думаю: нѣтъ, жива. Сталъ отливать.

Рина оглянулась на себя и увидала, что она вся растерзанная, и часть груди ея голая. Ей стало стыдно. Человѣкъ понялъ и закрылъ ее.

— Ничего, барышня, жива будешь.

Подошелъ еще народъ, городовой. Рина приподнялась и сѣла, и объявила, чья она дочь и гдѣ живетъ. А Емельянъ пошелъ за извозчикомъ.

Народу ужъ собралось много. Когда Емельянъ прiѣхалъ на извозчикѣ, Рина встала. Ее хотѣли подсаживать, но она сама сѣла. Ей только было стыдно за свою растерзанность.

— Ну, а братецъ-то гдѣ? — спрашивала одна изъ подошедшихъ женщинъ у Рины.

— Не знаю. Не знаю, — съ отчаянiемъ проговорила Рина.

(Прiѣхавъ домой, Рина узнала, что Алекъ, когда началась давка,

успѣлъ выбраться изъ толпы и вернулся домой безъ всякаго поврежденія.)

— Да, вотъ онъ спасъ меня, — говорила Рина. — Если бы не онъ, не знаю, что бы было. Какъ васъ зовутъ? — обратилась она къ Емельяну.

— Меня-то? Что меня звать.

— Княжна вѣдь она, — подсказала ему одна изъ женщинъ,— бога-а-а-атая.

— Поѣдемте со мной къ отцу. Онъ васъ отблагодаритъ.

И вдругъ у Емельяна на душѣ что-то поднялось такое сильное, что не промѣнялъ бы на двухсотысячный выигрышъ.

— Чего еще. Нѣтъ, барышня, ступайте себѣ. Чего еще благодарить.

— Да нѣтъ же, я не буду спокойна.

— Прощай, барышня, съ Богомъ. Только пальто мою не увези.

И онъ улыбнулся такой бѣлозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала, какъ утѣшеніе, въ самыя тяжелыя минуты своей жизни.

25 февр. 1910 г.

О СУДѢ.

— Да что же, есть у васъ, наконецъ, комната или нѣтъ? Есть или нѣтъ? — говорилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Михаилъ Михайловичъ, входя въ сѣни постоялаго двора уѣзднаго города, въ которомъ назавтра назначено было засѣданіе окружного суда, въ которомъ онъ былъ присяжнымъ.

— Пожалуйте, пожалуйте, — говорилъ хозяйскій племянникъ, — сейчасъ, сію, сію минутую.

И хозяйскій племянникъ, несмотря на раздражительный тонъ Михаила Михайловича, не отвѣчая ему, убѣжалъ въ комнатку съ кіотомъ и большими иконами, одну оставленную себѣ хозяевами, и что-то тамъ сталъ шептаться съ толстой старухой, сидѣвшей тамъ за самоваромъ. Михаилъ Михайловичъ видѣлъ это и злился. Онъ усталъ и перемерзъ съ дороги. Но взялъ на себя и молчалъ, осторожно оттаивая и отлѣпляя ледышки съ усовъ и бороды, примерзшей къ воротнику, и сбрасывая ихъ на грязный, затоптанный полъ.

Вошелъ увязанный платкомъ по воротнику Ефимъ, его кучеръ.

— Прикажете вносить вещи?

— Да не добьюсь толку. Будетъ или не будетъ комната?

Худой, вертлявый племянникъ выскочилъ изъ хозяйской комнаты, юркнулъ въ сосѣдній номеръ, гдѣ тотчасъ послышался ропотъ и настоянія племянника. Онъ, очевидно, выгонялъ недостойнаго жильца. Старушка, перекачиваясь своимъ тяжелымъ тѣломъ и вся дрожа, какъ желе, подъ широкой ситцевой кофтой, вышла къ Михаилу Михайловичу.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, пожалуйте. Есть, есть комнатка. Какъ не быть. Пожалуйте. Вася, что же онъ?

— Идетъ, идетъ.

Изъ комнаты вывели какого-то лохматаго человѣка и увели куда-то. А Михаила Михайловича ввели въ номеръ, накуренный, наплеванный и надышанный.

. . . . [1]

[1] Строка точекъ въ оригиналѣ. *Ред.*

Черезъ полчаса, однако, все устроилось, и Михаилъ Михайловичъ сидѣлъ за самоваромъ, разложивъ на свою чистую салфетку домашній бѣлый хлѣбъ, сыръ, масло и альбертъ-бисквитъ. Онъ уже напился, согрѣлся, и уже дурное расположеніе духа замѣнилось самымъ хорошимъ.

— Позови кучера.

— Ефимъ, пей чай.

— Благодарю покорно, сейчасъ, только сѣна задамъ.

Когда Ефимъ вернулся, Михаилъ Михайловичъ аккуратно свернулъ и вставилъ въ черешневый пахучій мундштучокъ папироску и, со вкусомъ закуривъ душистый, свѣжій табакъ, пуская большой струей синеватый дымъ, поднялся.

— Садись, пей, — сказалъ онъ Ефиму и вышелъ въ коридоръ узнать, кто пріѣхалъ, кого нѣтъ, что слышно, нѣтъ ли знакомыхъ, — разогнать скуку.

Разумѣется, были знакомые. Знакомый былъ и толстый Савельевъ, бывшій предводитель, и новый помѣщикъ Эвановъ, недавно купившій имѣніе, и докторъ. Михаилъ Михайловичъ былъ холостой, помѣщикъ средней руки (800 десятинъ чернозему), бывшій мировой судья, назначенный присяжнымъ на эту сессію. Знакомый былъ и купецъ Берескитовъ, торговецъ хлѣбомъ, недавно разбогатѣвшій и водившій компанію съ дворянами. Все это были присяжные. Тутъ же стоялъ и товарищъ прокурора Матвѣевъ, тоже знакомый.

Съ Михаиломъ Михайловичемъ всѣ обращались осторожно, какъ бы боясь оскорбить его. Онъ былъ такой застѣнчивый, тихій, робкій и самъ осторожный и до крайности учтивый въ обращеніи. Даже громогласный толстякъ Савельевъ и то былъ остороженъ съ нимъ. Такое онъ производилъ впечатлѣніе, заражая своимъ «не тронь меня».

— Ну, вотъ, хоть на судъ васъ вытащило, — сказалъ онъ, отдуваясь своими толстыми щеками. — А то сидите — онъ хотѣлъ [сказать]: какъ медвѣдь, но остановился и, сказалъ:—дома.

— А холодно нынче.

— Да, двадцать шесть было утромъ. Милости прошу ко мнѣ,— сказалъ Эвановъ. — Да не хотите ли закусить?

— Нѣтъ, благодарю.

Не прошло еще получаса, какъ Михаилъ Михайловичъ уже сидѣлъ за карточнымъ столомъ и соображалъ, назначить черви или трефы, и можно ли довѣрить показанію доктора, сказавшаго безкозырнаго, но невѣрно назначающаго.

Послѣ трехъ робберовъ закусили; потомъ еще сѣли, еще сыграли; потомъ поужинали, поговорили о цѣнахъ на хлѣбъ,

о завтрашнихъ дѣлахъ. Одно дѣло интересное, объ убійствѣ. Поговорили еще о сосѣдяхъ, выборахъ и разошлись. Веселаго, разумѣется, ничего не было, но было то самое, что требовалось: убить время. Эта цѣль была достигнута, и Михаилъ Михайловичъ не видалъ, какъ прошли эти шесть часовъ, отъ пяти до одиннадцати.

Войдя въ свой номеръ, Михаилъ Михайловичъ раздѣлся и слышалъ, какъ безъ него начался громкій хохотъ и говоръ въ номерѣ Эванова. Очевидно, онъ стѣснялъ ихъ. И ему стало грустно. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ стѣснять и никого не осуждалъ, напротивъ, хотѣлъ бы съ ними и поврать, но какъ-то это не шло, и гдѣ онъ былъ, всѣмъ было неловко и скучно, и ему тоже. Онъ раздѣлся, убрался, похвалилъ Ефима за то, что онъ такъ все разложилъ хорошо, и, оставивъ на перевернутомъ днѣ стакана откушенный сахаръ и доставъ начатую книгу, легъ въ постель, приготовивъ папироску, мармеладину, и приготовился наслаждаться: лежа читать (это былъ романъ Мопассана начатый,— онъ очень любилъ Мопассана), лежа ѣсть мармеладъ круглый рябинный и потомъ закуривъ славную папироску, аккуратно закрученную и заклеенную слюной.

— Славно! — сказалъ онъ себѣ, самъ не зная, что славно.

Онъ почиталъ, доѣлъ, выкурилъ и потушилъ свѣчу, но долго не заснулъ: ему мѣшалъ женскій голосъ, что-то шептавшій за дверью. И по случаю этого женскаго голоса онъ вспомнилъ, какъ Савельевъ спрашивалъ его, давно ли онъ видѣлъ Виденеевыхъ. Это были сосѣдки, двѣ дочери были. И если Савельевъ подозрѣвалъ, что Михаилъ Михайловичъ былъ влюбленъ въ нихъ, то это была правда: онъ былъ влюбленъ въ меньшую, и очень даже. Но то робость, что она откажетъ, то робость, что она только этого и ждетъ и приметъ, оттолкнули его, и онъ пересталъ ѣздить. «Поздно уже, поздно, тридцать пять лѣтъ, поздно жениться, — думалъ Михаилъ Михайловичъ. — Проживу и такъ, только бы не увлекаться, — глупо».

Михаилъ Михайловичъ давалъ себѣ такой совѣтъ потому, что онъ, очень цѣломудренный по натурѣ человѣкъ, ведшій очень воздержную жизнь, постоянно влюблялся и въ влюбленномъ состояніи мучился, хотя и не дѣлалъ внѣшнихъ глупостей. Женщины были для него какими-то богинями, и это главное мѣшало ему жениться. Онъ считалъ себя недостойнымъ ихъ...

1891.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ „ИСТОРІИ МАТЕРИ".

Я зналъ Марью Александровну съ дѣтства. Случилось такъ, какъ это часто случается между молодыми людьми, что между нами были дружескія отношенія, никогда ничего похожаго на влюбленіе, если не считать одного вечера, когда они были у насъ и играли «въ дамы и кавалеры», и она пятнадцатилѣтней дѣвочкой, съ красными толстыми руками и черными прекрасными глазами и толстой, длинной черной косой, подѣйствовала на меня такъ, что я вообразилъ на одинъ вечеръ, что влюбленъ въ нее. Но это было только одинъ вечеръ; а остальное время, всѣ сорокъ лѣтъ нашего знакомства, мы были въ тѣхъ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ мужчины и женщины, уважающихъ другъ друга, которыя особенно пріятны, если они совершенно чисты отъ влюбленія, какими были мои отношенія съ Марьей Александровной.

Дружескія отношенія эти доставили мнѣ много пріятныхъ минутъ и многому научили меня. Я не зналъ женщины, болѣе полно олицетворявшей типъ хорошей жены и матери. Многое я понялъ и узналъ отъ нея, многому научился.

Послѣдній разъ я видѣлся съ нею годъ тому назадъ, за мѣсяцъ до ея смерти, которую ни я, ни она не предвидѣли. Она только-что устроилась жить при мужскомъ монастырѣ одна съ своей кухаркой Варварой. Такъ странно было видѣть ее, мать восьми дѣтей и [бабку] чуть не полсотни внучатъ, одинокою женщиной, очевидно, безповоротно рѣшившей, несмотря на болѣе или менѣе искреннія приглашенія къ себѣ дѣтей, доживать свой вѣкъ одной. Сначала мнѣ показалось необъяснимо ея поселеніе въ монастырѣ. Я зналъ ея — не скажу свободомысліе (она никогда не выставляла его), но смѣлость и здравомысліе . . . .

. . . .

Когда мы свидѣлись, она, очевидно, избѣгала разговоровъ о томъ, почему она избрала такую жизнь. Но я думаю, что я понялъ. Она была человѣкъ сердца, а по уму — совершенный скептикъ. Но безъ дѣтей, безъ заботъ о нихъ, послѣ своей сорокалѣтней трудовой жизни въ семьѣ, ей нужно было, на что направить свое чувство. Въ семьяхъ дѣтей она не нашла этого и рѣшила уединиться; а при уединеніи она надѣялась найти утѣшеніе въ томъ, въ чемъ другіе находили его: въ религіи. Очевидно, ей было очень тяжело на сердцѣ, но она была горда и за себя, и за дѣтей и только чуть намеками показала мнѣ свое положеніе. Когда я спрашивалъ о ея дѣтяхъ, — я всѣхъ зналъ ихъ, — она отвѣчала мнѣ неохотно, не осуждая ихъ. Но я видѣлъ, какая — не драма, а сколько разныхъ драмъ было скрыто въ ея сердцѣ.

— Да, Володя очень хорошо устроился, — говорила она мнѣ, — онъ предсѣдателемъ палаты и купилъ имѣніе. Да, растутъ и дѣти: три мальчика, двѣ дѣвочки.

И она замолчала, нахмуривъ свои черныя брови, очевидно, удерживая выраженіе мысли и отгоняя ее.

— Ну, а Василій?

— Василій — все то же; вы вѣдь знаете его?

— Все свѣтскость?

— Да, да.

— Тоже дѣти?

— Трое.

Такого рода разговоры были о всѣхъ сыновьяхъ и дочеряхъ. Больше всѣхъ она любила говорить о Петѣ. Это былъ неудавшійся членъ семьи, промотавшій все, что имѣлъ, не платившій долговъ и мучившій больше всѣхъ другихъ свою мать. Но она больше всѣхъ любила его, сквозь его гадости видя и любя его «золотое сердце», какъ она говорила.

Увлекалась она разговоромъ только тогда, когда мы касались ея молодого, беззаботнаго времени, о которомъ съ особенною прелестью воспоминанія говорятъ люди, измученные невысказанными страданіями. Самый же увлекательный разговоръ нашъ, вслѣдствіе котораго я засидѣлся у нея за двѣнадцать, и послѣдній мой разговоръ съ нею, трогательный и умилительный, былъ разговоръ о Петрѣ Никифоровичѣ. Это былъ кандидатъ Московскаго университета, первый учитель ея дѣтей, умершій чахоткой въ ихъ же домѣ, человѣкъ замѣчательный, имѣвшій на нее большое вліяніе и едва ли не единственный человѣкъ, котораго она послѣ мужа могла полюбить или полюбила, сама не зная этого. Мы говорили о немъ, о его взглядахъ на жизнь,

которые я зналъ и раздѣлялъ въ то время. Онъ былъ — не сказать: поклонникъ Руссо, хотя зналъ и любилъ его, — но былъ человѣкомъ того же склада ума. Это былъ человѣкъ такой, какими мы представляемъ себѣ древнихъ мудрецовъ, при этомъ съ кротостью и смиреніемъ безсознательнаго христіанства. Онъ былъ увѣренъ, что онъ терпѣть не можетъ христіанскаго ученія, а между тѣмъ вся его жизнь была самоотверженіемъ. Ему, очевидно, было скучно жить, если онъ не могъ чѣмъ-нибудь жертвовать для кого-нибудь, и жертвовать такъ, чтобы ему было трудно и больно. Только тогда онъ былъ доволенъ. При этомъ онъ былъ невиненъ, какъ ребенокъ, нѣженъ, какъ женщина.

Въ томъ, что она любила его, могло быть сомнѣніе, но въ томъ, что она была единственной его любовью и божествомъ, не могло быть сомнѣнія для того, кто видѣлъ его въ ея присутствіи. Надо было видѣть его большіе, круглые голубые глаза, какъ они смотрѣли на нее и слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и отражали въ себѣ всякое ея выраженіе лица; надо было видѣть эту бодрящуюся, слабую фигуру въ расходящемся, дурно сшитомъ пиджачкѣ, какъ она склонялась и тянулась къ тому мѣсту, гдѣ была она, чтобы не было въ этомъ никакого сомнѣнія.

Это зналъ и Алексѣй Николаевичъ, ея покойный мужъ, зналъ и не смущался, оставляя ихъ по цѣлымъ вечерамъ наединѣ, т.-е. съ ней и съ дѣтьми, это знали и дѣти, любившія и учителя, и мать и считавшія естественнымъ, чтобы учитель и мать любили другъ друга.

Единственная предосторожность, которую принялъ Алексѣй Николаевичъ противъ Петра Никифоровича, состояла въ томъ, что онъ называлъ его «Петряй Мудрый». Алексѣй Николаевичъ любилъ и уважалъ Петра Никифоровича, потому что не могъ не уважать его за необыкновенную любовь и преданность дѣтямъ и за необыкновенно высокія нравственныя качества, но не могъ допустить возможности любви между его женою и Петряемъ. А между тѣмъ я склоненъ думать, что она любила его. Его смерть была для нея не только большимъ горемъ, но и лишеніемъ. Были стороны ея души, лучшія, главныя, основныя, которыя потомъ она уже не открывала никому и которыя такъ и заглохли послѣ его смерти.

Такъ вотъ, мы говорили про него и про его взгляды на жизнь, какъ онъ считалъ, что вся нравственность жизни сводится къ тому, чтобы какъ можно меньше брать отъ людей и какъ можно больше давать себя, свою душу, и какъ для того, чтобы меньше брать, надо держаться первой платоновской добродѣтели —

воздержанія: спать на доскахъ, носить одинъ плащъ зимой и лѣтомъ, ѣсть хлѣбъ съ водой и — величайшая роскошь — молоко. (Онъ жилъ такъ, и Марья Александровна считала, что онъ этимъ погубилъ свое здоровье). А чтобы быть въ состояніи давать другимъ, надо развить въ себѣ духовныя силы, изъ которыхъ главная — любовь, дѣятельная любовь, служеніе жизни, улучшеніе ея. Онъ такъ и хотѣлъ вести дѣтей, но требованія родителей, подчинявшихся обычаямъ, были другія, и изъ этого выходило нѣчто среднее, но и то было хорошо. Къ несчастью, это продолжалось недолго: онъ прожилъ у нихъ всего четыре года.

Вспоминала Марья Александровна многія мнѣнія и слова его.

— Да, представьте себѣ, — говорила она, — я часто читаю теперь духовныя поученія, слушаю наставленія отца Никодима, и — повѣрите ли? — она блеснула на меня своими улыбающимися глазами, и я вспомнилъ ея обычную смѣлость сужденій, — и повѣрите ли: какъ всѣ эти духовныя поученія много-много ниже того, что я слышала отъ Петра Никифоровича. То же, но ниже. А главное, онъ говорилъ и дѣлалъ. Да какъ дѣлалъ — горѣлъ! И сгорѣлъ. Помните, когда у Митечки съ Вѣрой была скарлатина, — вы еще пріѣзжали тогда, — онъ ночи просиживалъ у больныхъ, а днемъ не откладывалъ своихъ занятій съ старшими. Это было для него святое дѣло. А потомъ, когда заболѣлъ мальчикъ у Варвары, онъ то же самое дѣлалъ и ужасно разсердился, когда не хотѣли перевести ея мальчика въ домъ. Мнѣ Варвара недавно напомнила, какъ ему разбилъ Ваня, мальчикъ-слуга, бюстъ, не помню какого-то мудреца, и онъ разбранилъ его, и какъ не зналъ потомъ, какъ загладить свою досаду: и прощенія просилъ, и въ циркъ посылалъ. Удивительный былъ человѣкъ! Онъ говорилъ, что жить, какъ мы живемъ, не стоитъ, и предлагалъ мужу отдать всю землю крестьянамъ, а самимъ жить трудами. Алексѣй Николаевичъ только смѣялся. А онъ серьезно это совѣтовалъ, считалъ долгомъ сказать, до чего онъ додумался. И былъ правъ. Ну, мы жили, какъ всѣ живутъ, ну и что же? Вотъ мои дѣти... Я объѣздила ихъ всѣхъ, кромѣ Пети, прошлаго года. Ну, что же? Развѣ они счастливы? Но, впрочемъ, нѣтъ, нельзя же все перевернуть, какъ онъ хотѣлъ. Видно, недаромъ палъ первый человѣкъ, и грѣхъ вошелъ въ міръ.

Таковъ былъ нашъ послѣдній разговоръ. И тутъ же она сказала мнѣ:

— Многое, многое я передумала въ своемъ одиночествѣ, не только передумала, но написала. — И она улыбнулась стыд-

ливой улыбкой, придавшей такое милое и жалкое выраженіе ея старческому лицу. — Записала мои мысли объ этомъ, скорѣе, мой опытъ. Я прежде, давно, дѣвушкой и замужемъ, вела свой дневникъ. Потомъ уже, какъ началось, лѣтъ десять тому назадъ... — она не сказала, что̀ началось, но я понялъ, что это касалось ея отношеній съ взрослыми дѣтьми: столкновенія, борьба (она осталась послѣ мужа одна, и состояніе было въ ея рукахъ) — я не писала больше. И вотъ теперь, перебирая свои вещи, здѣсь ужъ, нашла эти тетрадки, перечитала ихъ, и много тамъ глупаго, а много и хорошаго, право, — опять та же улыбка, — и поучительнаго. Думала сжечь и нѣтъ; посовѣтовалась съ батюшкой, онъ велѣлъ сжечь. Знаете, онъ не понимаетъ. Это—глупости, я не сожгла.

Я такъ узналъ ея нелогичную какую-то своего рода послѣдовательность въ этихъ словахъ. Никодима она во всемъ слушается, поселилась, чтобы быть руководимой имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сужденіе его считаетъ глупостью и дѣлаетъ по-своему.

— Такъ не сожгла, а еще приписала цѣлыхъ двѣ тетради. Здѣсь одной дѣлать нечего; написала, что думаю обо всемъ этомъ. И вотъ, когда умру — я еще не собираюсь, мать моя жила до девяноста лѣтъ, а отецъ до восьмидесяти, — чтобы тетради передали вамъ, вы прочтете и рѣшите, есть ли тамъ что нужное. Если есть что нужное, то пусть и другіе знаютъ. А то вѣдь никто этого не знаетъ; мучаемся, мучаемся, страдаемъ за нихъ, отъ беременности и до тѣхъ поръ, пока они начинаютъ заявлять свои права, и всѣ эти безсонныя ночи, и муки, и безпокойство, и отчаяніе. И все бы это хорошо, коли бы была любовь, кабы они были счастливы. А то и этого нѣтъ. Какъ хотите, а тутъ что-то не такъ. Вотъ я все записала. Вы прочтите послѣ моей смерти. Такъ та̀къ?

Я обѣщался, хотя сказалъ, что никакъ не ожидаю пережить ее. На томъ мы разстались, а черезъ мѣсяцъ я узналъ, что она скончалась. Съ ней сдѣлалось дурно у всенощной, она сѣла на складной стулъ, который былъ съ ней, прислонилась къ стѣнѣ и такъ умерла. Что-то съ сердцемъ. Я пріѣхалъ на похороны. Дѣти почти всѣ собрались, кромѣ Елены, которая была за границей, и Митечки, того самаго, у котораго была скарлатина, который не могъ пріѣхать потому, что въ это самое время лѣчился на Кавказѣ отъ дурной болѣзни.

Похороны были богатыя, внушившія монахамъ бо̀льшее уваженіе, чѣмъ то, которое они испытывали къ ней при ея жизни. Вещи, бывшія у нея, раздѣлили между собой больше какъ сувениры, и мнѣ дали въ память нашей дружбы ея малахитовый

прессъ-папье и шесть старыхъ сафьяновыхъ тетрадей и четыре новыхъ простыхъ учебныхъ тетради, которыя она исписала въ монастырѣ «обо всемъ этомъ», какъ она сказала.

Въ этихъ тетрадяхъ — вся трогательная и поучительная исторія этой прекрасной и замѣчательной женщины.

Такъ какъ я зналъ сорокъ лѣтъ ее и ея мужа и на моихъ глазахъ рожались, росли и воспитывались и переженились ея дѣти, я вездѣ, гдѣ это можетъ быть нужно для ясности разсказа, могу дополнить своими воспоминаніями то, что не досказано въ ея запискахъ.

189?

ЗАПИСКИ МАТЕРИ.

Нынче, 1857 года 3 мая, начинаю новый дневникъ. Старый давно не писала, да и то, что писала, было не то: много лишняго копанья въ себѣ, много чувствительнаго и просто глупаго: влюбленье въ Иванъ Захарыча, желанье прославиться, уйти въ монастырь (я сейчасъ перечла), много и милаго, 15—16-лѣтняго. Теперь другое. Двадцать лѣтъ, и я люблю, точно люблю,—не восхищаясь собою, не подзадоривая себя съ страхомъ, что это — не настоящее, что это не такъ, какъ любятъ по настоящему, что я недостаточно люблю, а, напротивъ, съ страхомъ, что *это — настоящее*, роковое, что я слишкомъ люблю и не могу, не могу... не любить. И мнѣ страшно. Что-то серьезное, торжественное связано съ нимъ, съ его лицомъ, съ его звукомъ голоса, съ его каждымъ словомъ, несмотря на то, что онъ веселъ и все смѣется и все умѣетъ такъ перевернуть, что выйдетъ граціозно, умно и смѣшно. Всѣмъ смѣшно, и мнѣ смѣшно; смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно. Встрѣтятся наши глаза, углубятся другъ въ друга, дальше, дальше, и страшно, и я вижу, что и ему тоже.

Но опишу все по порядку. Онъ — сынъ Анны Павловны Лутковской, родня и Облонскимъ и Микашнымъ. Старшій братъ его, извѣстный Лутковскій, герой севастопольскій, и онъ, Петръ, мой — да, мой — были въ Севастополѣ, но только для того, чтобы не быть дома, когда люди гибнутъ тамъ. Онъ выше честолюбія. Послѣ компаніи онъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и служилъ чѣмъ-то въ Петербургѣ, а теперь пріѣхалъ въ нашу губернію и [работаетъ] въ комитетѣ. Онъ молодъ, но его цѣнятъ и любятъ. Къ намъ его привезъ Миша. Онъ сразу сталъ своимъ у насъ. Мамà полюбила его и приласкала; папà, какъ всегда къ женихамъ, съ нѣкоторой холодностью принялъ его. Онъ сейчасъ сталъ ухаживать за Надей, какъ ухаживаютъ за 15-лѣтней дѣвочкой, но я сразу въ глубинѣ души рѣшила, что это я; но сама себѣ не смѣла признаться. Онъ часто сталъ

ѣздить къ намъ, и съ первыхъ же дней, хотя ничего не было сказано, я знала, что все кончено, что это онъ.

Вчера, уѣзжая, онъ пожалъ мнѣ руку. Мы были на площадкѣ лѣстницы. Не знаю, отчего, — я почувствовала, что покраснѣла. Онъ взглянулъ на меня и также еще больше покраснѣлъ и такъ растерялся, что повернулся, побѣжалъ внизъ, уронилъ шляпу, поднялъ ее и остановился на крыльцѣ. Я вошла наверхъ, смотрѣла въ окно. Лошадей ему подали, но онъ не садился. Я заглянула на крыльцо, — онъ стоялъ и не садился, заправляя рукой свою бороду въ ротъ и кусая ее. Я боялась, чтобы онъ не оглянулся, и отстранилась отъ окна, но въ эту самую минуту я услыхала его шаги по лѣстницѣ наверхъ. Онъ быстро, смѣло бѣжалъ. Какъ я узнала, я не знаю, но я подошла къ двери и остановилась, ожидая. Сердце не билось, стояло и радостно и мучительно давило мнѣ грудь.

Почемъ я знала? Но я знала. Вѣдь могло же случиться, что онъ, вбѣжавъ, сказалъ бы: «Виноватъ, я забылъ папиросы», или что-нибудь подобное. Вѣдь могло же это случиться. Что бы со мной было, если бы это случилось?.. Но нѣтъ, этого не могло случиться. Случилось то, что должно было быть. Лицо его было и восторженно, и робко, и рѣшительно, и радостно; глаза блестѣли, щека дрожала. Онъ былъ въ пальто и держалъ шляпу въ рукѣ. Никого не было тутъ, всѣ были на террасѣ.

— Варвара Николаевна, — сказалъ онъ, останавливаясь на послѣдней ступенькѣ. — Лучше уже заодно, сразу, чѣмъ мучиться, можетъ быть, и васъ тревожить...

Какъ мнѣ было тяжело, мучительно, радостно! Эти милые глаза, этотъ славный лобъ, эти дрожащія, такъ привыкшія улыбаться губы, и эта робость во всей энергической, сильной фигурѣ. Я почувствовала, что мнѣ подступаютъ рыданія къ горлу. Онъ увидалъ, вѣроятно, выраженіе моего лица.

— Варвара Николаевна, вѣдь вы знаете, что я хочу сказать вамъ, вамъ. Да?

— Не знаю, — начала было я. — Нѣтъ, знаю.

— Да?—сказалъ онъ.—Вы знаете, о чемъ я хочу и не смѣю просить васъ... — Онъ замялся и потомъ вдругъ какъ будто разсердился на себя. — Да ну, что будетъ, то будетъ. Можете вы полюбить меня, какъ я васъ люблю, быть женой? Нѣтъ? Да?

Я не могла говорить: радость захватила мнѣ горло. Я протянула руку. Онъ взялъ ее и поцѣловалъ.

— Неужели да?.. Точно? Да?.. Вѣдь вы знали, я давно мучаюсь... Такъ я не уѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ.

И я сказала, что люблю его, и мы поцѣловались. И мнѣ странно, и скорѣй непріятенъ, чѣмъ пріятенъ былъ этотъ поцѣлуй куда-то попавшихъ губъ. И онъ пошелъ, отослалъ лошадей, а я побѣжала къ мама̀. Она пошла къ папа̀, и онъ вышелъ. Все кончилось, и мы женихъ съ невѣстой, и онъ уѣхалъ во второмъ часу ночи и завтра пріѣдетъ, и свадьба будетъ черезъ мѣсяцъ. Онъ хотѣлъ черезъ недѣлю, но мама̀ настояла...

МАТЬ.

Это было въ 57-мъ году, только что кончилась кампанія.

Въ домѣ у Вороновыхъ готовилась свадьба: помолвлена была средняя дочь, Варвара, за Евграфа Лотухина. Они знались дѣтьми, играли, танцовали вмѣстѣ; а теперь онъ вернулся изъ Севастополя поручикомъ уланскаго полка. Въ самый разгаръ войны онъ вышелъ изъ министерства, въ которомъ служилъ, и поступилъ въ полкъ юнкеромъ. Теперь онъ вернулся и былъ въ нерѣшительности, куда поступить. Онъ относился къ военной службѣ, особенно гвардейской съ презрѣніемъ и не хотѣлъ оставаться въ ней въ мирное время. Но дядя его звалъ къ себѣ въ адъютанты въ Кіевъ; другой, двоюродный, предлагалъ мѣсто въ Константинополѣ; прежній начальникъ звалъ къ себѣ.

Родныхъ, друзей было много, и всѣ любили Евграфа Лотухина. Не то, чтобы точно любили, замѣчали его отсутствіе, но любили такъ, что когда онъ входилъ, всѣ большей частью говорили: «А, Граша! Ну, и отлично». Никогда никому онъ не былъ въ тягость, а пріятенъ былъ многимъ и самыми разнообразными способами. И разсказать, и спѣть, и на театрѣ играть, — на все онъ былъ мастеръ. А главное, не претенціозный, умный, красивый, понятливый и добродушный.

Пока онъ приглядывался, куда, къ кому поступить, и приглядывался серьезно взвѣшивая, несмотря на свою кажущуюся безпечность, онъ встрѣтилъ въ Москвѣ Вороновыхъ. Они пригласили его къ себѣ въ деревню. Онъ пріѣхалъ, пробылъ недѣлю, уѣхалъ и черезъ недѣлю опять пріѣхалъ и сдѣлалъ предложеніе. Его съ радостью приняли. Это была хорошая партія. И онъ сталъ женихомъ.

— Да ничего особенно радостнаго нѣтъ, — говорилъ отецъ Вороновъ женѣ, стоявшей у его стола и жалобно смотрѣвшей на него. — Добрый! Добрый! Не въ добротѣ дѣло, а онъ уже пожившій, и очень, — я знаю эту лотухинскую породу. Да и что же онъ? Ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній, — служба. А то, что мы дадимъ, не обезпечитъ.

— Но они любятъ другъ друга. И они такъ откровенно приступили, — говорила она, тихая, кроткая.—Да, разумѣется, Фениковъ ничего, они всѣ такіе, но я лучшаго желала для Вари. Эта такая прямая, нѣжная натура. Лучшаго можно бы желать для нея.

— Ну, да что дѣлать, пойдемъ.

И они вышли.

Папа̀ былъ въ первую минуту какъ будто недоволенъ. Не то что недоволенъ, но грустенъ, ненатураленъ. Я знаю его. Точно онъ не нравится ему. Этого я не могу понять. Не мнѣ одной, не потому что я — его невѣста, но такая ясность благородства, главное, правдивости и чистоты, которыя написаны на всемъ его существѣ, — нельзя найти большей. Видно, что̀ на душѣ у него, то и на языкѣ, ему нечего скрывать. И скрываетъ онъ только свои высокія черты. Про свое севастопольское похожденіе онъ не хочетъ, не любитъ говорить, про Мишу — тоже, онъ покраснѣлъ, когда я заговорила.

Благодарю Тебя, Господи! Ничего, ничего не хочу больше.

Лотухинъ уѣхалъ въ Москву готовиться къ свадьбѣ. Онъ остановился у Шевалье и тутъ же столкнулся на лѣстницѣ съ Сущевымъ.

— А, Граша! Правда, что ты женишься?

— Правда.

— Ну, поздравляю. Я ихъ знаю. Милая семья. И твою невѣсту знаю. Красавица... Такъ обѣдаемъ вмѣстѣ?

Они обѣдали, выпили одну, а потомъ и другую бутылку.

— Ну, поѣдемъ. Пройдешься, а то что же дѣлать.

И они поѣхали въ Эрмитажъ, тогда только что открывшійся.

Только что они подошли къ театру—Анночка. Анночка не знала, да если бы и знала, что онъ женится, не измѣнила бы своего поведенія и еще радостнѣе улыбнулась бы своими ямочками.

— Да ну, скучный какой, пойдемъ.

И она взяла его подъ руку

— Смотри,—сказалъ сзади Сущевъ.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Лотухинъ прошелся съ ней до театра и сдалъ ее Василію, котораго встрѣтилъ тутъ же.

«Нѣтъ не хорошо. Ѣду домой. И зачѣмъ я пріѣхалъ?»

Несмотря на задерживанье, онъ уѣхалъ одинъ домой. Дома, въ номерѣ, онъ выпилъ стакана два сельтерской воды и сѣлъ за столъ сводить свои счеты. Утромъ онъ ѣздилъ по дѣламъ—занимать деньги. Братъ не далъ ему, и онъ занялъ у ростовщика. Онъ сидѣлъ, дѣлая расчеты, и съ непріятнымъ чувствомъ вспоминалъ Анночку и то, что надо было отказаться отъ нея, и гордился тѣмъ, что онъ отказался. Онъ вынулъ портретъ Вари: полная, стройная, румяная, сильная русская красавица. Полюбовавшись и поставивъ передъ собой, онъ продолжалъ работу счетовъ.

Вдругъ въ коридорѣ онъ услышалъ голосъ Анночки и Сущева. Онъ велъ ее прямо къ его двери.

— Граша! что же это ты сдѣлалъ?

И она вошла къ нему...

На другое утро Лотухинъ пришелъ пить чай къ Сущеву и упрекалъ его.

— Ты понимаешь, что это могло бы страшно огорчить ее.

— Ну, еще бы. Будь спокоенъ. Я нѣмъ, какъ рыба.

ДНЕВНИКЪ ВАРИ.

7 мая. Граша вернулся изъ Москвы. Все та же свѣтлая, дѣтская душа. Я вижу, что его мучаетъ то, что онъ не богатъ, для меня, только для меня. Вечеромъ зашелъ разговоръ о дѣтяхъ, о нашихъ будущихъ дѣтяхъ. Я не могу вѣрить, чтобъ у меня были дѣти, а хоть дитя. Не можетъ быть! Я умерла бы отъ счастья. Да если бы они были, какъ бы я успѣла любить ихъ и его? Это нельзя вмѣстѣ. Ну, да что будетъ, то будетъ.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Къ осени Евграфъ Матвѣевичъ получилъ мѣсто въ министерствѣ, и они переѣхали въ Петербургъ. Въ сентябрѣ она узнала, что она беременна, и въ мартѣ Варвара Николаевна родила перваго сына.

Первые роды, какъ и большей частью бываетъ, были неожиданные, безтолковые, именно потому, что все всѣ хотѣли предвидѣть, и все вышло совсѣмъ навыворотъ...

8 апрѣля 1891 г.

Посмертныя записки старца Өедора Кузьмича,

умершаго 20 января 1864 года въ Сибири, близъ города Томска на заимкѣ купца Хромова.

Еще при жизни старца Өедора Кузьмича, появившагося въ Сибири въ 1836 году и прожившаго въ разныхъ мѣстахъ 27 лѣтъ, ходили про него странные слухи о томъ, что это—скрывающій свое имя и званіе, что это—не кто иной, какъ императоръ Александръ I; послѣ же смерти его слухи еще болѣе распространились и усилились. И тому, что это былъ дѣйствительно Александръ I, вѣрили не только въ народѣ, но и въ высшихъ кругахъ, и даже въ царской семьѣ въ царствованіе Александра III. Вѣрилъ этому и историкъ царствованія Александра I, ученый Шильдеръ.

Поводомъ къ этимъ слухамъ было, во-первыхъ, то, что Александръ умеръ совершенно неожиданно, не болѣвъ передъ этимъ никакой серьезной болѣзнью; во-вторыхъ, то, что умеръ онъ вдали отъ всѣхъ, въ довольно глухомъ мѣстѣ—Таганрогѣ; въ-третьихъ, то, что, когда онъ былъ положенъ въ гробъ, тѣ, кто видѣли его, говорили, что онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали; въ-четвертыхъ, то, что Александръ неоднократно говорилъ, писалъ (и особенно часто въ послѣднее время), что онъ желаетъ только одного: избавиться отъ своего положенія и уйти отъ міра, въ-пятыхъ,—обстоятельство мало извѣстное,—то, что въ протоколѣ описанія тѣла Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красныя, что̀ никакъ не могло быть на изнѣженномъ тѣлѣ императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александромъ, то поводомъ къ этому было, во-первыхъ, то, что старецъ былъ ростомъ, сложеніемъ и наружностью такъ похожъ на императора, что люди (камеръ-лакеи, признавшіе

Кузьмича Александромъ), видавшіе Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и одинъ и тотъ же возрастъ, и та же характерная сутуловатость; во-вторыхъ, то, что Кузьмичъ, выдававшій себя за непомнящаго родства бродягу, зналъ иностранные языки и всѣми пріемами своими—величавой ласковости обличалъ человѣка, привыкшаго къ самому высокому положенію; въ-третьихъ, то, что старецъ никогда никому не открылъ своего имени и званія, а между тѣмъ невольно прорывающимися выраженіями выдавалъ себя за человѣка, когда-то стоявшаго выше всѣхъ другихъ людей; въ-четвертыхъ, то, что онъ передъ смертью уничтожилъ какія-то бумаги, изъ которыхъ остался одинъ листокъ съ шифрованными странными знаками и иниціалами А. и П.; въ-пятыхъ, то, что несмотря на всю набожность, старецъ никогда не говѣлъ. Когда же посѣтившій его архіерей уговаривалъ его исполнить долгъ христіанина, старецъ сказалъ: «Если бы я на исповѣди не сказалъ про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказалъ, кто я,—удивилась бы земля».

Всѣ догадки и сомнѣнія эти перестали быть сомнѣніями и стали достовѣрностью вслѣдствіе найденныхъ записокъ Кузьмича. Записки эти слѣдующія. Начинаются онѣ такъ.

I.

Спаси Богъ безцѣннаго друга Ивана Григорьевича [1]) за это восхитительное убѣжище. Не стою я его доброты и милости Божіей. Я здѣсь спокоенъ. Народа ходитъ меньше, и я одинъ съ своими преступными воспоминаніями и съ Богомъ. Постараюсь воспользоваться уединеніемъ, чтобы подробно описать свою жизнь. Она можетъ быть поучительна людямъ.

Я родился и прожилъ сорокъ семь лѣтъ своей жизни среди самыхъ ужасныхъ соблазновъ и не только не устоялъ противъ нихъ, но упивался ими, соблазнялся и соблазнялъ другихъ, грѣшилъ и заставлялъ грѣшить. Но Богъ оглянулся на меня и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ, открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ. Какія душевныя муки я пережилъ, и что совершилось въ моей

1) Иванъ Григорьевичъ Латышевъ — это крестьянинъ села Краснорѣчинскаго, съ которымъ Ѳедоръ Кузьмичъ познакомился и сошелся въ 1839 году и который, послѣ разныхъ перемѣнъ мѣста жительства, построилъ для Кузьмича въ сторонѣ отъ дороги, въ горѣ, надъ обрывомъ въ лѣсу келью. Въ этой кельѣ и началъ Кузьмичъ свои записки. *Прим. автора.*

душѣ, когда я понялъ всю свою грѣховность и необходимость искупленія (не вѣры въ искупленіе, а настоящаго искупленія грѣховъ своими страданіями),—я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу только самыя дѣйствія мои: какъ я успѣлъ уйти изъ своего положенія, оставивъ вмѣсто своего трупа трупъ замученнаго мною до смерти солдата, и приступлю къ описанію своей жизни съ самаго начала.

Бѣгство мое совершилось такъ.

Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ жилъ всѣ эти послѣдніе двадцать четыре года. Я величайшій преступникъ. . . . .

. . . .

. . . . . . вѣрилъ тому, что мнѣ про меня говорили, считалъ себя спасителемъ Европы, благодѣтелемъ человѣчества, исключительнымъ совершенствомъ, un heureux hasard [1]), какъ я сказалъ это m-me Stael. Я считалъ себя такимъ, но Богъ не совсѣмъ оставилъ меня, и недремлющій голосъ совѣсти, не переставая, грызъ меня. Все мнѣ было нехорошо, всѣ были виноваты. Одинъ я былъ хорошъ, и никто не понималъ этого. Я обращался къ Богу, молился то православному Богу съ Фотіемъ, то католическому, то протестантскому съ Парротомъ, то иллюминатскому съ Крюденеръ; но и къ Богу я обращался только передъ людьми, чтобы они любовались мною. Я презиралъ всѣхъ людей; а эти-то презрѣнные люди, ихъ мнѣніе только и было для меня важно, только ради его я жилъ и дѣйствовалъ. Одному мнѣ было ужасно. Еще ужаснѣе съ нею, съ женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство,—она хуже всего отравляла мою жизнь. Nous etions censés проживать [2]) нашу новую lune de miel [3]), а это былъ адъ въ приличныхъ формахъ, притворный и ужасный [4]).

---

[1]) Счастливой случайностью.

[2]) Полагали, что мы проживали.

[3]) Медовый мѣсяцъ.

[4]) По изданной В. К. Николаемъ Михайловичемъ обширной перепискѣ жены Александра, императрицы Елизаветы Алексѣевны, Левъ Николаевичъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что изобразилъ ее въ своихъ «Запискахъ Ѳедора Кузьмича» не такой, какой она въ дѣйствительности была. Судя по этимъ письмамъ, она представляется личностью высокихъ душевныхъ качествъ, замѣчательно умной, сердечной и благородной. Левъ Николаевичъ говорилъ, что, въ виду этого, онъ, быть можетъ, и измѣнилъ бы свою характеристику Елизаветы Алексѣевны, если бы сталъ продолжать свою работу надъ Ѳедоромъ Кузьмичомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не скрывалъ и того, что ему жалко было бы разстаться съ своимъ первоначальнымъ представленіемъ о ней и о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими супругами, важнымъ для художественнаго обоснованія «ухода» Александра I. *Прим. В. Г. Черткова.*

Одинъ разъ мнѣ особенно было гадко. Я получилъ наканунѣ письмо отъ Аракчеева объ убійствѣ его любовницы. Онъ описывалъ мнѣ свое отчаянное горе. И удивительное дѣло: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая, собачья преданность, начавшаяся еще при отцѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ, тайно отъ бабушки, присягали ему,—эта собачья преданность его дѣлала то, что, если я любилъ въ послѣднее время кого изъ мужчинъ, то любилъ его; хотя и напрасно употреблять это слово «любилъ», относя его къ этому извергу. Связывало меня съ нимъ еще и то, что онъ не только не участвовалъ въ убійствѣ отца, какъ многіе другіе, которые именно за то, что они были участники . . . . мнѣ были ненавистны,—онъ не только не участвовалъ, но былъ преданъ моему отцу и преданъ мнѣ. Впрочемъ, про это послѣ.

Я спалъ дурно. Странно сказать, убійство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива), вызвало во мнѣ похоть, и я не спалъ всю ночь. То, что черезъ комнату лежитъ чахоточная, постылая жена, ненужная мнѣ, злило и еще больше мучило меня. Мучили и воспоминанія о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожнаго дипломата. Видно, и мнѣ и отцу суждено было ревновать къ Гагаринымъ. Но я опять увлекаюсь воспоминаніями. Я не спалъ всю ночь. Стало разсвѣтать. Я поднялъ гардину, надѣлъ свой бѣлый халатъ и крикнулъ камердинера. Всѣ еще спали. Я надѣлъ сюртукъ, штатскую шинель и фуражку и вышелъ мимо часовыхъ на улицу.

Солнце только что поднималось надъ моремъ, былъ свѣжій осенній день. На воздухѣ мнѣ сейчасъ же стало лучше. Мрачныя мысли исчезли, и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю. Не доходя до угла съ зеленымъ домомъ, я услыхалъ съ площади барабаны и флейты. Я прислушался и понялъ, что на площади происходила экзекуція: прогоняли сквозь строй. Я, столько разъ разрѣшавшій это наказаніе, никогда не видалъ этого зрѣлища. И странное дѣло (это, очевидно, было дьявольское вліяніе), мысли объ убитой чувственной красавицѣ Настасьѣ и объ разсѣкаемомъ шпицрутенами тѣлѣ солдата сливались въ одно раздражающее чувство. Я вспомнилъ о прогнанныхъ сквозь строй семеновцахъ и о военнопоселенцахъ, сотни которыхъ были загнаны на-смерть, и мнѣ вдругъ пришла странная мысль посмотрѣть на это зрѣлище. Такъ какъ я былъ въ штатскомъ, я могъ это сдѣлать.

Чѣмъ ближе я шелъ, тѣмъ явственнѣе слышались барабанная дробь и флейта. Я не могъ ясно разсмотрѣть безъ лорнета

своими близорукими глазами, но видѣлъ уже ряды солдатъ и движущуюся между ними высокую, съ бѣлой спиной фигуру. Когда же я сталъ въ толпѣ людей, стоявшей позади рядовъ и смотрѣвшей на зрѣлище, я досталъ лорнетъ и могъ разсмотрѣть все, что дѣлалось. Высокій человѣкъ съ привязанными къ штыку обнаженными руками и съ голой, кое-гдѣ алѣвшей уже отъ крови, разсѣченной бѣлой, сутулой спиной, шелъ по улицѣ солдатъ съ палками. Человѣкъ этотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутулая спина, та же лысая голова, тѣ же баки, безъ усовъ; тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза: но ротъ не улыбающійся, а раскрывающійся и искривляющійся отъ вскрикиванія при ударахъ, и глаза не умильные, ласкающіе, а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся.

Когда я вглядѣлся въ лицо этого человѣка, я узналъ его. Это былъ Струменскій, солдатъ, лѣво-фланговый унтеръ-офицеръ 3-ей роты Семеновскаго полка, въ свое [время] извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мной. Его шутя называли Александромъ II.

Я зналъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ бунтовавшими семеновцами переведенъ въ гарнизонъ, и понялъ, что онъ, вѣроятно, здѣсь въ гарнизонѣ, сдѣлалъ что-нибудь, вѣроятно, бѣжалъ, былъ пойманъ, и вотъ наказывается. Какъ я потомъ узналъ, такъ это и было.

Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагалъ этотъ несчастный, и какъ его били, и чувствовалъ, что что-то во мнѣ дѣлается. Но вдругъ я замѣтилъ, что стоявшіе со мной люди, зрители, смотрятъ на меня; одни сторонятся, другіе приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидавъ это, я повернулся и быстро пошелъ домой. Барабаны все били, флейта играла; стало быть, казнь все продолжалась. Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому, что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ. Если не сочувствовать, то признавать, что дѣлается то, что должно; и я чувствовалъ, что я не могъ. А между тѣмъ, я чувствовалъ, что если я не признаю, что это такъ, что это должно быть, что это хорошо, то я долженъ признать, что вся моя жизнь, всѣ мои дѣла — все дурно, и мнѣ надо сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: все бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня. Я боролся съ нимъ; я то признавалъ, что это такъ и должно быть, что это печальная необходимость, то признавалъ, что мнѣ надо было быть на мѣстѣ этого несчастнаго. Но, странное дѣло, мнѣ не жалко было его, и я,

вмѣсто того, чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнаютъ, и ушелъ домой.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и, вернувшись домой, я какъ будто освободился отъ охватившаго меня тамъ чувства и выпилъ свой чай, и принялъ докладъ отъ Волконскаго. Потомъ обычный завтракъ, обычныя, привычныя, тяжелыя, фальшивыя отношенія съ женой; потомъ Дибичъ и докладъ, подтверждавшій свѣдѣнія о тайномъ обществѣ. Въ свое время, описывая всю исторію своей жизни, опишу, если Богу будетъ угодно, все подробно; теперь же скажу только, что и это я внѣшнимъ образомъ принялъ спокойно. Но это продолжалось только до конца обѣда. Послѣ обѣда я ушелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

Едва ли я проспалъ пять минутъ, какъ толчокъ во всемъ тѣлѣ разбудилъ меня, и я услыхалъ барабанную дробь, флейту, звуки ударовъ, вскрикиванія Струменскаго и увидалъ его или себя, — я самъ не зналъ, онъ ли былъ я, или я былъ я — увидалъ его страдающее лицо и безнадежныя подергиванія и хмурыя лица солдатъ и офицеровъ. Затменіе это продолжалось не долго; я вскочилъ, застегнулъ сюртукъ, надѣлъ шляпу и шпагу и вышелъ, сказавъ, что пойду гулять.

Я зналъ, гдѣ былъ военный гошпиталь, и прямо пошелъ туда. Какъ всегда, всѣ засуетились. Запыхавшись прибѣжалъ главный докторъ и начальникъ штаба. Я сказалъ, что хочу пройти по палатамъ. Во второй палатѣ я увидалъ плѣшивую голову Струменскаго. Онъ лежалъ ничкомъ, положивъ голову на руки, и жалобно стоналъ. — Былъ наказанъ за побѣгъ, — доложили мнѣ.

Я сказалъ: «А!» и сдѣлалъ свой обычный жестъ того, что слышу и одобряю, и прошелъ мимо.

На другой день я послалъ спросить: что Струменскій? Мнѣ сказали, что его причастили, и онъ умираетъ.

Это былъ день именинъ брата Михаила. Былъ парадъ и служба. Я сказалъ, что нездоровъ послѣ крымской поѣздки, и не пошелъ къ обѣднѣ. Ко мнѣ опять пришелъ Дибичъ и докладывалъ опять о заговорѣ во второй арміи, напоминая то, что говорилъ мнѣ объ этомъ графъ Витте еще до крымской поѣздки, и донесеніе унтеръ-офицера Шервуда.

Тутъ только, слушая докладъ Дибича, приписывавшаго такую огромную важность этимъ замысламъ заговора, я вдругъ почувствовалъ все значеніе и всю силу того переворота, который произошелъ во мнѣ. Они дѣлаютъ заговоръ, чтобы измѣнить

образъ правленія, ввести конституцію, — то самое, что я хотѣлъ сдѣлать двадцать лѣтъ тому назадъ. Я дѣлалъ и раздѣлывалъ конституціи въ Европѣ, и что и кому отъ этого стало лучше? И главное, кто я, чтобы дѣлать это? Главное было то, что вся внѣшняя жизнь, всякое устройство внѣшнихъ дѣлъ, всякое участіе въ нихъ, — а ужъ я ли не участвовалъ въ нихъ и не перестраивалъ жизнь народовъ Европы? — было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдругъ понялъ, что все это не мое дѣло, что мое дѣло — я, моя душа. И всѣ мои прежнія желанія отреченія отъ престола, — тогда съ рисовкой, съ желаніемъ удивить, опечалить людей, показать имъ свое величіе души, — вернулись теперь, вернулись съ прежней силой и съ полной искренностью, уже не для людей, а только для себя, для души. Какъ будто весь этотъ пройденный мной, въ свѣтскомъ смыслѣ, блестящій кругъ жизни былъ пройденъ для того, чтобы вернуться къ тому юношескому, вызванному раскаяніемъ, желаніемъ уйти отъ всего; но вернуться безъ тщеславія, безъ мысли о славѣ людской, а для себя, для Бога. Тогда это были неясныя желанія; теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь.

Но какъ? Не такъ, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротивъ, надо было уйти такъ, чтобы никто не зналъ и чтобы пострадать. И эта мысль такъ обрадовала, такъ восхитила меня, что я сталъ думать о средствахъ приведенія ея въ исполненіе; всѣ силы своего ума, своей, свойственной мнѣ, хитрости употребилъ на то, чтобы привести ее въ исполненіе.

И, удивительное дѣло, исполненіе моего намѣренія оказалось гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ я ожидалъ. Намѣреніе мое было такое: притвориться больнымъ, умирающимъ и, подговоривъ и подкупивъ доктора, положить на мое мѣсто умирающаго Струменскаго и самому уйти, бѣжать, скрыть отъ всѣхъ свое имя.

И все дѣлалось какъ бы нарочно для того, чтобы мое намѣреніе удалось. 9-го я, какъ нарочно, заболѣлъ лихорадкой. Я проболѣлъ около недѣли, во время которой я все больше и больше укрѣплялся въ своемъ намѣреніи и обдумывалъ его. 16-го я всталъ и чувствовалъ себя здоровымъ.

Въ этотъ день, я, какъ обыкновенно, брился и, задумавшись, сильно обрѣзался около подбородка. Пошло много крови, мнѣ сдѣлалось дурно, и я упалъ. Прибѣжали, подняли меня. Я тотчасъ же понялъ, что это можетъ мнѣ пригодиться для исполненія моего намѣренія и, хотя чувствовалъ себя хорошо, притворился, что я очень слабъ, и слегъ въ постель и велѣлъ позвать

къ себѣ помощника Виміе. Виміе не пошелъ бы на обманъ, этого же молодого человѣка я надѣялся подкупить. Я открылъ ему свое намѣреніе и планъ исполненія и предложилъ ему восемьдесятъ тысячъ, если онъ сдѣлаетъ все то, что я отъ него требовалъ. Планъ мой былъ такой: Струменскій, какъ я узналъ, въ это утро былъ при смерти и долженъ былъ кончиться къ ночи.

Я ложился въ постель и, притворившись раздраженнымъ на всѣхъ, не допускалъ къ себя никого, кромѣ подкупленнаго врача. Въ эту же ночь врачъ долженъ былъ привезти въ ваннѣ тѣло Струменскаго и положить его на мое мѣсто и объявить о моей неожиданной смерти. И, удивительное дѣло, все было исполнено такъ, какъ мы предполагали. И 7-го ноября я былъ свободенъ.

Тѣло Струменскаго въ закрытомъ гробу похоронили съ величайшими почестями. Братъ Николай вступилъ на престолъ, сославъ въ каторгу заговорщиковъ,—я видѣлъ потомъ въ Сибири нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я пережилъ ничтожныя, въ сравненіи съ моими преступленіями, страданія и незаслуженныя мною величайшія радости, которыя разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Теперь же, стоя по поясъ въ гробу, 72-лѣтнимъ старикомъ, понявшимъ тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я живу и жилъ бродягой, постараюсь разсказать повѣсть своей старой жизни.

Моя жизнь.

12 декабря 1849 года.

Сибирская тайга, близъ Краснорѣчинска.

Сегодня день моего рожденія, мнѣ семьдесятъ два года. Семьдесятъ два года тому назадъ, я родился въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ моей матери императрицы, тогда великой княгини, Маріи Ѳедоровны.

Спалъ я сегодня ночью довольно хорошо. Послѣ вчерашняго нездоровья мнѣ стало нѣсколько легче. Главное, прекратилось сонное духовное состояніе, возобновилась возможность всей душой общаться съ Богомъ. Вчера ночью въ темнотѣ молился. Ясно сознавъ свое положеніе въ мірѣ; я, вся моя жизнь есть нѣчто нужное Тому, Кто меня послалъ. И я могу дѣлать это нужное Ему, и могу не дѣлать. Дѣлая нужное Ему, я содѣйствую благу своему и всего міра. Не дѣлая этого, лишаюсь своего блага, — не всего блага, а того, которое могло быть моимъ,

но не лишаю міръ того блага, которое предназначено ему (міру). То, что я долженъ бы былъ сдѣлать, сдѣлаютъ другіе. И Его воля будетъ исполнена. Въ этомъ свобода моей воли. Но если Онъ знаетъ, что будетъ, если все опредѣлено Имъ, то нѣтъ свободы. Не знаю. Тутъ предѣлъ мысли и начало молитвы, простой, дѣтской и старческой молитвы: «Отче, не моя воля да будетъ, но Твоя. Помоги мнѣ. Пріиди и вселися въ ны». Просто: «Господи, прости и помилуй. Да, Господи, прости помилуй и прости и помилуй. Словами не могу сказать, а сердце Ты знаешь. Ты самъ въ немъ».

И я заснулъ хорошо. Просыпался, какъ всегда, по старческой слабости разъ пять и видѣлъ сонъ о томъ, что купаюсь въ морѣ и плаваю, и удивляюсь, какъ меня вода держитъ высоко, такъ, что я совсѣмъ не погружаюсь въ нее; и вода зеленоватая, красивая, и какіе-то люди мѣшаютъ мнѣ, и женщины на берегу, и я нагой, и нельзя выйти. Смыслъ сновидѣнія тотъ, что мѣшаетъ мнѣ еще крѣпость моего тѣла, но выходъ близокъ.

Всталъ до разсвѣта, высѣкъ огня и долго не могъ зажечь сѣрничка; надѣлъ свой лосиный халатъ и вышелъ на улицу. Изъ-за осыпанныхъ снѣгомъ лиственницъ и сосенъ краснѣла красно-оранжевая заря. Внесъ вчера наколонныя дрова и затопилъ, и сталъ еще колоть. Разсвѣло. Поѣлъ размоченныхъ сухарей, печь истопилась, закрылъ трубу и сѣлъ писать.

Родился я ровно семьдесятъ два года тому назадъ, 12-го декабря 1777 года въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Имя дано мнѣ было, по желанію бабки, Александра, въ предзнаменованіе того, какъ она сама говорила мнѣ, чтобы я былъ столь же великимъ человѣкомъ, какъ Александръ Македонскій, и столь же святымъ, какъ Александръ Невскій. Крестили меня черезъ недѣлю въ Большой церкви Зимняго дворца. Несла меня на глазетовой подушкѣ герцогиня курляндская; покрывало поддерживали высшіе чины. Крестной матерью была императрица; крестнымъ отцомъ былъ императоръ австрійскій и король прусскій. Комната, въ которую помѣстили меня, была устроена по плану бабушки (я ничего этого не помню, но знаю по разсказамъ).

Въ большой комнатѣ этой, съ тремя высокими окнами, по серединѣ ея, среди четырехъ колоннъ прикрѣпленъ къ высокому потолку бархатный балдахинъ съ шелковыми занавѣсами до полу. Подъ балдахиномъ поставлена кроватка желѣзная, съ кожанымъ тюфячкомъ, подушечкой и легкимъ англійскимъ одѣяломъ. Кругомъ балдахина балюстрада въ два аршина вышины, — такъ, чтобы посѣтители не могли близко подходить.

Въ комнатѣ никакой мебели, только позади балдахина постель кормилицы. Всѣ подробности моего тѣлеснаго воспитанія были обдуманы бабушкой: запрещено было меня укачивать; пеленали особеннымъ образомъ; ноги были безъ чулокъ; купали сначала въ теплой, потомъ въ холодной водѣ; одежда была особенная, надѣвалась сразу, — безъ швовъ и завязокъ; какъ только я началъ ползать, такъ меня клали на коверъ и предоставляли самому себѣ. Первое время мнѣ разсказывали, что бабушка часто сама садилась на коверъ и играла со мной. Я ничего этого не помню, не помню и кормилицу.

Кормилицей моей была жена садовникова молодца, Авдотья Петрова изъ Царскаго Села. Я не помнилъ ея. Я увидалъ ее въ первый разъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и она въ Царскомъ подошла ко мнѣ въ саду и назвала себя. Было это въ то мое хорошее время моей первой дружбы съ Чарторижскимъ и искренняго отвращенія ко всему тому, что дѣлалось при обоихъ Дворахъ: какъ несчастнаго отца, такъ и ставшей мнѣ ненавистной тогда бабки. Я былъ еще человѣкомъ тогда, и даже недурнымъ человѣкомъ, съ добрыми стремленіями. Я шелъ съ Адамомъ по парку, когда изъ боковой аллеи вышла хорошо одѣтая женщина, съ необыкновенно добрымъ, очень бѣлымъ, пріятнымъ, улыбающимся и взволнованнымъ лицомъ. Она быстро подошла ко мнѣ и, упавъ на колѣни, схватила мою руку и стала цѣловать ее.

— Батюшка, выше высочество!.. Вотъ когда Богъ привелъ...

— Кто вы?

— Кормилка ваша, Авдотья, Дуняша, одиннадцать мѣсяцевъ кормила. Привелъ Богъ взглянуть.

Я насилу поднялъ ее, спросилъ, гдѣ она живетъ, и обѣщалъ зайти къ ней. Милый intérieur [1]) ея чистенькаго домика: ея милая дочка, совершенная русская красавица, моя молочная сестра, [которая] была невѣстой берейтора придворнаго; отецъ ея, садовникъ, такой же улыбающійся, какъ и жена, и куча дѣтей, тоже улыбающихся, — всѣ они точно освѣтили меня въ темнотѣ. «Вотъ настоящая жизнь, настоящее счастье,—думалъ я.—Какъ все просто, ясно, никакихъ интригъ, зависти, ссоръ».

Такъ вотъ, эта милая Дуняша и кормила меня. Главной няней моей была нѣмка Софья Ивановна Бенкендорфъ, а няней — англичанка Гесслеръ. Софья Ивановна Бенкендорфъ, нѣмка, была толстая, бѣлая, прямоносая женщина, съ величественнымъ видомъ, когда она распоряжалась въ дѣтской, и удивительно уни-

---

[1]) Семейная жизнь.

женной, низкопоклонной, низкоприсѣдающей при бабушкѣ, которая была на голову ниже ея ростомъ. Она ко мнѣ относилась особенно раболѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго: То она была царицей въ своихъ широкихъ юбкахъ и съ своимъ величественнымъ прямоносымъ лицомъ; то вдругъ дѣлалась притворяющейся дѣвчонкой.

Прасковья Ивановна Гесслеръ, англичанка, была длиннолицая, рыжеватая, всегда серьезная англичанка. Но зато, когда она улыбалась, она разсіявала вся, и нельзя было удержаться отъ улыбки. Мнѣ нравилась ея аккуратность, чистота, твердая мягкость. Мнѣ казалось, что она знаетъ что-то такого, чего не зналъ никто: ни маменька, ни батюшка, даже сама бабушка.

Мать свою я помню сначала, какъ какое-то странное, печальное, сверхъестественное и прелестное видѣніе. Красивая, нарядная, блестящая брильянтами, шелкомъ, кружевами и обнаженными полными, бѣлыми руками, она входила въ мою комнату и съ какимъ-то страннымъ, чуждымъ мнѣ, относящимся ко мнѣ грустнымъ выраженіемъ лица, ласкала меня, брала на свои бѣлыя, прекрасныя руки, подносила къ еще болѣе прекрасному лицу, откидывала густые, пахучіе волосы, и цѣловала меня, и плакала, и разъ даже спустила меня съ рукъ и упала въ дурнотѣ...

Странное дѣло: внушено ли мнѣ это было бабушкой, или таково было обхожденіе со мною матери, или я дѣтскимъ чутьемъ проникъ ту дворцовую интригу, которой я былъ центромъ, но у меня не было простого чувства, даже никакого чувства любви къ матери. Что-то натянутое чувствовалось въ ея обращеніи ко мнѣ. Она какъ-будто что-то выказывала черезъ меня, забывая меня, и я это чувствовалъ. Такъ это и было. Бабка отняла меня отъ родителей, взяла меня въ свое полное распоряженіе для того, чтобы передать мнѣ престолъ, лишивъ его ненавидимаго ею сына, моего несчастнаго отца. Я, разумѣется, долго ничего не зналъ этого; но съ первыхъ же дней сознанія я, не понимая причинъ, сознавалъ себя предметомъ какой-то вражды, соревнованія, игрушкой какихъ-то замысловъ и чувствовалъ холодность и равнодушіе къ себѣ, къ своей дѣтской душѣ, не нуждавшейся ни въ какой коронѣ, а только въ простой любви. И ея-то и не было. Была мать, всегда грустная въ моемъ присутствіи. Одинъ разъ, поговоривъ о чемъ-то по-нѣмецки съ Софьей Ивановной, она расплакалась и выбѣжала почти изъ комнаты, заслышавъ шаги бабушки. Былъ отецъ, который иногда входилъ въ нашу комнату, и къ которому потомъ водили меня съ братомъ; но отецъ этотъ, мой несчастный отецъ, еще больше и рѣшительнѣе, чѣмъ мать,

при видѣ меня выражалъ свое неудовольствіе, сдержанный гнѣвъ даже.

Помню, какъ разъ насъ съ братомъ Константиномъ привели на ихъ половину. Это было передъ отъѣздомъ его въ путешествіе за границу въ 1781 году. Онъ вдругъ отстранилъ меня рукой и съ страшными глазами вскочилъ съ кресла и, задыхаясь, заговорилъ что-то обо мнѣ и бабушкѣ. Я не понялъ что, но помню слова:

— Après 62 tout est possible [1]).

Я испугался, заплакалъ. Матушка взяла меня на руки и стала цѣловать, и потомъ поднесла ему. Онъ быстро благословилъ меня и, стуча своими высокими каблуками, почти выбѣжалъ изъ комнаты. Уже долго потомъ я понялъ значеніе этого взрыва. Они съ матушкой ѣхали путешествовать подъ именемъ Comte, et Comtesse du Nord [2]). Бабушка хотѣла этого. И онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе онъ бы не былъ объявленъ лишеннымъ права на престолъ и я призванъ наслѣдникомъ...

Боже мой, Боже мой! И онъ дорожилъ тѣмъ, что погубило тѣлесно и духовно и его и меня, — и я, несчастный, дорожилъ тѣмъ же!

Кто-то стучится, произнося молитву: «Во имя Отца и Сына». Я сказалъ: «Аминь». Уберу писаніе, пойду, отопру. И если Богъ велитъ, буду продолжать завтра.

---

13 декабря.

Спалъ мало и видѣлъ нехорошіе сны. Какая-то женщина непріятная, слабая, жмется ко мнѣ, и я не ея боюсь, не грѣха, а боюсь, что увидитъ жена, и будутъ опять упреки. Семьдесятъ два года, и я все еще не свободенъ. Наяву можно себя обманывать, но сновидѣніе даетъ вѣрную оцѣнку той степени, до которой ты достигъ. Видѣлъ еще, — и это опять подтвержденіе той низкой степени нравственности, на которой я стою, — что кто-то принесъ мнѣ здѣсь во мху конфеты, какія-то необыкновенныя конфеты, и мы разобрали ихъ изъ моха и раздѣлили. Но послѣ раздачи остались еще конфеты, и я отбираю ихъ еще для себя; а тутъ мальчикъ, въ видѣ сына турецкаго султана, черномазый, непріятный, тянется къ конфетамъ, беретъ ихъ въ руки, и я отталкиваю его и между тѣмъ знаю, что ребенку гораздо свой-

1) Послѣ 62-го года все возможно.
2) Графъ и графиня Сѣверные.

ственнѣе ѣсть конфеты, чѣмъ мнѣ, и все-таки не даю ему и чувствую къ нему недоброе чувство и въ то же время знаю, что это дурно.

И, странное дѣло, наяву со мной случилось нынче то же самое. Пришла Марья Мартемьяновна. Вчера стучался отъ нея посолъ съ запросомъ, можетъ ли она побывать. Я сказалъ, что можно. Мнѣ тяжелы эти посѣщенія, но я знаю, что ее огорчилъ бы отказъ. И вотъ нынче она пріѣхала. Полозья издалека слышно, какъ визжали по снѣгу. И она, войдя въ своей шубѣ и платкахъ, внесла кульки съ гостинцами и такой холодъ, что я одѣлся въ халатъ. Она привезла оладей, масла постнаго и яблокъ. Она пріѣхала спросить о дочери: сватается богатый вдовецъ, — отдавать ли? Очень мнѣ тяжело это ихъ представленіе о моей прозорливости. Все, что я говорю противъ, они приписываютъ моему смиренію. Я сказалъ, что всегда говорю: что цѣломудріе лучше брака, но по слову Павла, лучше жениться, чѣмъ разжигаться. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ ея зять Никаноръ Ивановичъ,— тотъ самый, который звалъ меня поселиться въ его домѣ, и потомъ, не переставая, преслѣдовалъ меня своими посѣщеніями.

Никаноръ Ивановичъ этотъ — великое для меня искушеніе. Не могу преодолѣть антипатіи, отвращенія къ нему. «Ей, Господи, даруй мнѣ зрѣти прегрѣшенія моя и не осуждать брата моего». А я вижу всѣ его согрѣшенія, угадываю ихъ съ проницательностью злобы, вижу всѣ его слабости и не могу побѣдить антипатіи къ нему, къ брату моему, къ носителю, такъ же, какъ и я, божественнаго начала.

Что значатъ такія чувства? Я въ моей долгой жизни не разъ испытывалъ ихъ. Но самыя сильныя мои двѣ антипатіи это были: Людовикъ XVIII, съ его животомъ, горбатымъ носомъ, противными бѣлыми руками, съ его самоувѣренностью, наглостью, тупостью (вотъ я сейчасъ уже начинаю ругать его) и другая антипатія — этого Никанора Ивановича, который вчера два часа мучилъ меня. Все мнѣ, отъ звука его голоса до волосъ и ногтей, вызывало во мнѣ отвращеніе, и я, чтобъ объяснить свою мрачность Марьѣ Мартемьяновнѣ, солгалъ, сказавъ, что мнѣ нездоровится. Послѣ нихъ сталъ на молитву и послѣ молитвы успокоился. Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мнѣ, въ моей власти. Вспомнилъ, что Никаноръ Ивановичъ былъ младенцемъ и будетъ умирать, тоже вспомнилъ и о Людовикѣ XVIII, зная, что онъ уже умеръ, и пожалѣлъ, что Никанора Ивановича уже не было, чтобы я могъ выразить ему мое доброе къ нему чувство.

Марья Мартемьяновна привезла много свѣчей, и я могу писать вечеромъ. Вышелъ на дворъ. Въ лѣвой сторонѣ потухли яркія звѣзды въ удивительномъ сѣверномъ сіяніи. Какъ хорошо, какъ хорошо. Итакъ, продолжаю.

Отецъ съ матерью уѣхали въ заграничное путешествіе, и мы съ братомъ Константиномъ, родившимся два года послѣ меня, перешли на все время отсутствія родителей въ полное распоряженіе бабки. Брата назвали Константиномъ въ ознаменованіе того, что онъ долженъ былъ быть греческимъ императоромъ въ Константинополѣ.

Дѣти всѣхъ любятъ, особенно тѣхъ, которые любятъ и ласкаютъ ихъ. Бабка ласкала, хвалила меня, и я любилъ ее, несмотря на отталкивающій меня дурной запахъ, который, несмотря на духи, всегда стоялъ около нея, особенно когда она меня брала на колѣни. И еще непріятны были мнѣ ея руки, чистыя желтоватыя, сморщенныя, какія-то скользкія, глянцевитыя, съ пальцами, загибающимися внутрь, съ далеко, неестественно оттянутыми, обнаженными ногтями. Глаза у нея были мутные, усталые, почти мертвые, что вмѣстѣ съ улыбающимся беззубымъ ртомъ производило тяжелое, но не отталкивающее впечатлѣніе. Я приписывалъ это выраженіе глазъ . . . . ея трудамъ о своихъ народахъ, какъ мнѣ внушили это, и я жалѣлъ ее за это томное выраженіе глазъ. Видѣлъ я раза два Потемкина. Этотъ кривой, косой, огромный, потный, грязный человѣкъ былъ ужасенъ. Особенно же ужасенъ онъ мнѣ былъ тѣмъ, что онъ одинъ не боялся бабки и говорилъ своимъ трескучимъ голосомъ громко при ней и смѣло, хотя и называлъ меня высочествомъ, ласкалъ и тормошилъ меня.

Изъ тѣхъ, кого я видалъ у нея въ это мое первое время дѣтства, былъ еще Ланской. Онъ всегда былъ съ ней, и всѣ замѣчали его, всѣ ухаживали за нимъ. [Главное, сама императрица безпрестанно оглядывалась на него.] Я не понималъ, разумѣется, тогда, что такое былъ Ланской, и онъ очень нравился мнѣ. Нравились мнѣ его букли, нравились обтянутыя въ лосины красивыя ляжки и икры, нравилась его счастливая, веселая, беззаботная улыбка и брильянты, которые повсюду блестѣли на немъ.

Время это было очень веселое. Насъ возили въ Царское; мы катались на лодкахъ, копались въ саду, гуляли, катались на лошадяхъ. Константинъ, толстенькій, рыженькій, un petit Bacchus, какъ его называла бабушка, веселилъ всѣхъ своими шутками, смѣлостью и выдумками. Онъ всѣхъ передразнивалъ: и Софью Ивановну и даже саму бабушку.

Важнымъ событіемъ за это время была смерть Софьи Ивановны Бенкендорфъ. Случилось это вечеромъ въ Царскомъ, при бабушкѣ. Софья Ивановна только что привела насъ послѣ обѣда и что-то говорила, улыбаясь, какъ вдругъ лицо ея стало серьезно, она зашаталась, прислонилась къ двери, скользнула по ней и тяжело упала. Сбѣжались люди, насъ увели. Но на другой день мы узнали, что она умерла. Я долго плакалъ и скучалъ и не могъ опомниться. Всѣ думали, что я плакалъ объ Софьѣ Ивановнѣ, а я плакалъ не о ней, а о томъ, что люди умираютъ и что есть смерть. Я не могъ понять этого, не могъ повѣрить тому, чтобы это была участь всѣхъ людей. Помню, что тогда въ моей дѣтской пятилѣтней душѣ возстали во всемъ своемъ значеніи вопросы о томъ, что такое смерть, что такое жизнь, кончающаяся смертью, — тѣ главные вопросы, которые стоятъ передъ всѣми людьми и на которые мудрые ищутъ и находятъ отвѣты и легкомысленные стараются отстранить, забыть. Я сдѣлалъ, какъ это свойственно ребенку и особенно въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ, я отстранилъ отъ себя эту мысль, забылъ про смерть, жилъ такъ, какъ будто ея нѣтъ, [и вотъ дожилъ до того], что она стала страшна мнѣ.

Другое важное событіе въ связи съ смертью Софьи Ивановны былъ переходъ нашъ въ мужскія руки и назначеніе къ намъ въ воспитатели Николая Ивановича Салтыкова, — не того Салтыкова, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ. . . . . . . , а Николая Ивановича, служившаго при Дворѣ отца, маленькаго человѣчка съ огромной головой, глупымъ лицомъ и всегдашней гримасой, которую удивительно представлялъ маленькій братъ Костя. Переходъ этотъ въ мужскія руки былъ для меня горемъ разлученія съ милой Прасковьей Ивановной, прежней няней.

. . . .
. . . .
. . . .

Какой-то торжественный день, и мы ѣдемъ по Невскому въ огромномъ, высокомъ ландо; мы—два брата и Николай Ивановичъ Салтыковъ. Мы сидимъ на первомъ мѣстѣ. Два напудренныхъ лакея въ красныхъ ливреяхъ стоятъ сзади. Весенній яркій день. На мнѣ разстегнутый мундиръ, бѣлый жилетикъ и на немъ голубая андреевская лента, такъ же одѣтъ и Костя; на головахъ шляпы съ перьями, которыя мы то и дѣло снимаемъ и кланяемся. Народъ вездѣ останавливается, кланяется, нѣкоторые бѣгутъ за нами.— On vous salue, — повторяетъ Николай Ивановичъ. — A droite [1]).

[1]) Васъ привѣтствуютъ. Направо.

Проѣзжаемъ мимо гауптвахты, и выбѣгаетъ караулъ. Этихъ я всегда вижу. Любовь къ солдатамъ, къ военнымъ экзерциціямъ у меня была съ дѣтства. Намъ внушали, — особенно бабушка, та самая, которая менѣе всѣхъ вѣрила въ это, — что всѣ люди равны, и что мы должны помнить это. Но я зналъ, что тѣ, кто говорятъ такъ, не вѣрятъ въ это.

Помню, разъ Саша Голицынъ, игравшій со мной въ бары, толкнулъ меня и сдѣлалъ больно.

— Какъ ты смѣешь!

— Я нечаянно. Что за важность!

Я чувствовалъ какъ кровь прилила мнѣ къ сердцу отъ оскорбленія и злобы. Я пожаловался Николаю Ивановичу и мнѣ не было стыдно, когда Голицынъ просилъ у меня прощенія.

На нынче довольно. Свѣча догораетъ. И надо еще нащепать лучины, а топоръ тупъ и наточить нечѣмъ, да и не умѣю.

---

16 декабря.

Три дня ничего не писалъ. Былъ нездоровъ. Читалъ Евангеліе, но не могъ вызвать въ себѣ того пониманія его, того общенія съ Богомъ, которое испытывалъ прежде. Прежде много разъ думалъ, что человѣкъ не можетъ не желать. Я всегда желалъ и желаю. Желалъ прежде побѣды надъ Наполеономъ, желалъ умиротворенія Европы, желалъ освобожденія себя отъ короны; и всѣ желанія мои или исполнялись, и какъ только исполнялись, такъ переставали влечь меня къ себѣ, или дѣлались неисполнимы, и я переставалъ желать. Но пока исполнялись или становились неисполнимыми прежнія желанія, зарождались новыя, и такъ шло, и идетъ до конца. Теперь я желалъ зимы, — она настала; желалъ уединенія, — почти достигъ этого; теперь желаю описать свою жизнь и сдѣлать это наилучшимъ образомъ, такъ, чтобы принести пользу людямъ. И если исполнится и если не исполнится, явятся новыя желанія. Вся жизнь въ этомъ.

И мнѣ пришло въ голову, что если вся жизнь — въ зарожденіи желаній, и радость жизни — въ исполненіи ихъ, то нѣтъ ли такого желанія, которое свойственно бы было человѣку, всякому человѣку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорѣе, приближалось бы къ исполненію? И мнѣ ясно стало, что это было бы такъ для человѣка, который желалъ бы смерти. Вся жизнь его была бы приближеніемъ къ исполненію этого желанія, и желаніе это навѣрное исполнилось бы.

Сначала это мнѣ показалось страннымъ. Но, вдумавшись, я вдругъ увидалъ, что это такъ и есть, что въ этомъ одномъ, въ приближенiи къ смерти, разумное желанiе человѣка. Желанiе, не въ самой смерти, а въ томъ движенiи жизни, которое ведетъ къ смерти. Движенiе же это есть освобожденiе отъ страстей и соблазновъ того духовнаго начала, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Я чувствую это теперь, освободившись отъ большей части того, что скрывало отъ меня сущность моей души, ея единство съ Богомъ, скрывало отъ меня Бога. Я пришелъ къ этому безсознательно. Но если бы я поставилъ своимъ высшимъ благомъ (а это не только возможно, но такъ и должно быть), считалъ бы своимъ высшимъ благомъ освобожденiе отъ страстей, приближенiе къ Богу, то все, что придвигало бы меня къ смерти: старость, болѣзни, было бы исполненiемъ моего единаго и главнаго желанiя. Это такъ, и это я чувствую, когда я здоровъ. Но когда я, какъ вчера и третьяго дня, болѣю желудкомъ, я не могу вызвать этого чувства и, хотя и не противлюсь смерти, не могу желать приближаться къ ней.

Да, такое состоянiе есть состоянiе сна духовнаго. Надо спокойно ждать.

Продолжаю вчерашнее. То, что я пишу про свое дѣтство, я пишу больше по разсказамъ, и часто то, что мнѣ про меня разсказывали, перемѣшивается съ тѣмъ, что я испыталъ, такъ что я не знаю иногда, что я пережилъ, и что слышалъ отъ людей.

Жизнь моя, вся, отъ рожденiя моего и до теперешней старости, напоминаетъ мнѣ мѣстность, всю покрытую густымъ туманомъ или даже поле сраженiя подъ Дрезденомъ, — когда все скрыто, ничего не видно, и вдругъ тутъ и тамъ открываются островки, des éclaircies [1]), въ которыхъ видишь ни съ чѣмъ не соединенныхъ людей, предметы, со всѣхъ сторонъ окруженные непроницаемой завѣсой. Таковы мои дѣтскiя воспоминанiя. Эти éclaircies въ дѣтствѣ только рѣдко, рѣдко открываются среди безконечнаго моря тумана или дыма, потомъ чаще и чаще; но даже у меня есть времена, не оставляющiя ничего въ воспоминанiи. Въ дѣтствѣ же ихъ чрезвычайно мало, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше.

Я говорилъ объ этихъ просвѣтахъ перваго времени: смерть Бенкендорфъ, прощанье съ родителями, передразниванья брата Кости; но и еще нѣсколько воспоминанiй того времени, которыя

---

[1]) Просвѣты.

теперь, когда я думаю о прошедшемъ, открываются передо мной. Такъ, напримѣръ, я совершенно не помню, когда появился Костя, когда мы стали жить вмѣстѣ; а между тѣмъ живо помню, какъ мы разъ, когда мнѣ было не болѣе семи, а Костѣ — пяти лѣтъ, мы послѣ всенощной наканунѣ Рождества пошли спать и, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ вышли изъ нашей комнаты, соединились въ одной кроваткѣ. Костя въ одной рубашкѣ перелѣзъ ко мнѣ и началъ какую-то веселую игру, состоящую въ томъ, чтобы шлепать другъ друга по голому тѣлу, и мы хохотали до боли живота, и были очень счастливы, когда вдругъ вошелъ въ своемъ расшитомъ кафтанѣ съ орденами Николай Ивановичъ съ своей огромной, напудренной головой и, выпучивъ глаза, бросился на насъ и съ какимъ-то ужасомъ, котораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, разогналъ насъ и гнѣвно обѣщалъ наказать насъ и пожаловаться бабушкѣ.

Другое памятное мнѣ воспоминаніе, уже нѣсколько позже— мнѣ было около девяти лѣтъ — это происшедшее у бабушки почти при насъ столкновеніе Алексѣя Григорьевича Орлова съ Потемкинымъ. Было это незадолго до поѣздки бабушки въ Крымъ и нашего перваго путешествія въ Москву. Какъ обыкновенно, Николай Ивановичъ приводитъ насъ къ бабушкѣ. Большая, съ лѣпнымъ и расписнымъ потолкомъ комната полна народомъ. Бабушка ужъ причесанная. Волосы ея зачесаны кверху надо лбомъ и какъ-то особенно искусно заложены на темени. Она сидитъ въ бѣломъ пудромантѣ передъ золотымъ туалетомъ. Горничныя ея стоятъ надъ нею и убираютъ ея голову. Она, улыбаясь, смотритъ на насъ, продолжая говорить съ большимъ, высокимъ, широкимъ генераломъ съ андреевской лентой и страшно развороченной щекой отъ рта до уха. Это—Орловъ, «Le balafré» [1]).

Я тутъ въ первый разъ видѣлъ его. Около бабушки — Андерсоны, левретки. Моя любимица Мими соскакиваетъ съ подола бабушки и вскакиваетъ на меня лапами и лижетъ лицо. Мы подходимъ къ бабушкѣ и цѣлуемъ ея бѣлую, пухлую руку. Рука переворачивается, и загнутые пальцы ловятъ меня за лицо и ласкаютъ. Несмотря на духи, я чувствую непріятный бабушкинъ запахъ. Но она продолжаетъ глядѣть на «Balafré» и говорить съ нимъ.

— Какофъ младенецъ, — говоритъ она, указывая на меня.— Вы еще не видали его, графъ? — говоритъ [она].

---

1) Человѣкъ со шрамомъ.

Молодцы оба,—говоритъ графъ, цѣлуя руки мою и Костину.

— Карашо, карашо, — говоритъ она горничной, Марьѣ Степановнѣ, надѣвающей ей на голову чепецъ.—набѣленной, нарумяненной, добродушной женщинѣ, которая всегда ласкаетъ меня.

— Ou est ma tabatière? [1]).

Ланской подходитъ, подаетъ открытую табакерку. Бабушка нюхаетъ и, улыбаясь, глядитъ на подходящую шутиху Матрену Денисовну. . . . .

1905.

---

[1]) Гдѣ моя табакерка?

БЛАГО ЛЮБВИ.

(Обращеніе къ людямъ-братьямъ).

Милые братья, особенно тѣ, кто теперь у насъ въ Россіи борется за такое или иное никому ненужное государственное устройство. Нужно тебѣ, милый братъ, кто бы ты ни былъ: царь, министръ, работникъ, крестьянинъ — нужно тебѣ одно. Это одно—прожить тотъ неопредѣленно короткій мигъ жизни такъ, какъ этого хочетъ отъ тебя Тотъ, Кто послалъ тебя въ жизнь.

Мы всѣ знаемъ, и я всегда смутно чувствовалъ это, и чѣмъ дальше въ жизни, тѣмъ яснѣе; теперь же, съ нынѣшняго дня, когда я въ первый разъ ясно почувствовалъ такую же, какъ для живого человѣка близость завтрашняго дня, естественную близость смерти, не только не страшной, но такой переходъ, который такъ же естественenъ и благъ, какъ переходъ къ завтрашнему дню, — теперь почувствовавъ это, мнѣ и страшно и, главное, странно думать о той ужасной, ненавистнической жизни, которой живетъ теперь большинство изъ насъ, людей, рожденныхъ для любви и блага.

Кто мы, что мы? Вѣдь только ничтожныя, всякую минуту могущія исчезнуть слабыя существа, выскочившія на мгновеніе изъ небытія въ жизнь прекрасную, радостную съ небомъ, солнцемъ лѣсами, лугами, рѣками, птицами, животными, блаженствомъ любви и къ близкимъ, и къ своей душѣ, къ добру, и ко всему живому... И что же? Мы, существа эти, не находимъ ничего лучшаго, какъ то, чтобы этотъ короткій, неопредѣленный, каждую минуту могущій прерваться мигъ жизни отдавать на то, чтобы, изуродовавъ [его] двадцатиэтажными домами, мостовыми, дымомъ, копотью, зарыться въ эти трущобы, лѣзть подъ землю добывать камни, желѣзо для того, чтобы строить желѣзныя дороги, развозящія по всему міру ненужныхъ никому людей и ненужные товары и, главное, вмѣсто радостной жизни, жизни любви, нена-

видѣть, бояться, мучить, мучиться, убивать, запирать, казнить, учиться убивать и убивать другъ друга.

Вѣдь это ужасно!

Тѣ, кто дѣлаютъ это, говорятъ, что все это они дѣлаютъ для того, чтобы избавиться отъ всего дурного, и, — что еще лживѣе,—говорятъ, что они дѣлаютъ это для того, чтобы избавить людей отъ зла, что они, дѣлая это, руководятся любовью къ людямъ.

Милые братья, опомнитесь, оглянитесь, подумайте о своей слабости, мгновенности, о томъ, что въ этотъ неопредѣленный короткій срокъ жизни между двумя вѣчностями, или, скорѣе, безвременностями, — жизни, не знающей высшаго блага, чѣмъ любовь, — подумайте о томъ, какъ безумно не дѣлать, что вамъ свойственно дѣлать, а дѣлать то, что вы дѣлаете.

Вамъ въ вашемъ невольномъ, поддерживаемомъ общественнымъ мнѣніемъ затемнѣніи кажется, что все то, что вы дѣлаете, есть неизбѣжное условіе жизни людей нашего времени; что то, что вы дѣлаете, это — участіе въ всемірной жизни человѣчества; что вы не можете не дѣлать того, что всѣ дѣлали и дѣлаютъ и считаютъ необходимымъ дѣлать.

Но вѣдь хорошо было бы думать такъ, если бы то, что вы дѣлаете, совпадало съ требованіями вашей души, если бы это давало благо вамъ и другимъ людямъ. Да вѣдь этого нѣтъ. Жизнь міра, человѣчества всего, какъ она идетъ теперь, требуетъ отъ васъ злобы, участія въ дѣлахъ нелюбви къ однимъ братьямъ ради другихъ, не даетъ блага ни другимъ, ни вамъ.

«Но мы работаемъ для будущаго», говорятъ на это. Но почему жизнью любви въ настоящемъ, сейчасъ, жертвовать ради неизвѣстной намъ жизни будущей?

Развѣ не очевидно, какое это странное губительное суевѣріе. Я знаю, несомнѣненно знаю, что жизнь — въ любви и законѣ Бога и требованіи моего сердца, и даетъ благо мнѣ и другимъ, и вдругъ какія-то отвлеченныя разсужденія заставятъ меня отказаться отъ вѣрнаго, несомнѣннаго блага моего, обязанности, закона моего... ради чего? Ничего. Ради обычая, привычки, подражанія.

Пусть только борецъ за «свободу» или «порядокъ» положитъ одну сотую тѣхъ усилій, тѣхъ жертвъ, которыя онъ полагаетъ на борьбу ради своихъ цѣлей, на увеличеніе любви къ себѣ и другихъ, и онъ — не такъ, какъ при дѣятельности борьбы, гдѣ не видны послѣдствія, а только ожидаются, а тотчасъ же и увидитъ плоды своей любовной дѣятельности не только въ себѣ, въ великой радости любви, но и въ слѣдахъ, которые неизмѣнно на другихъ людяхъ оставляетъ эта дѣятельность.

Милые братья, опомнитесь, освободитесь отъ ужасной инерціи этого заблужденія (заблужденія, что борьба, животная борьба, можетъ быть свойственна и не губительна человѣку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, ненарушимыя ничѣмъ: ни нападками другихъ людей, потому что нападки эти будутъ только поводомъ усиленія любви, ни страхомъ смерти, потому что для любви нѣтъ смерти.

Милые братья, не смѣю говорить: «повѣрьте, повѣрьте мнѣ»,— не вѣрьте, но провѣрьте то, что я говорю, провѣрьте хоть одинъ день, хоть одинъ день, оставаясь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ засталъ васъ день, поставьте себѣ задачей во всякомъ дѣлѣ этого дня руководиться одной любовью. И я знаю, что сдѣлай это вы, вы ужъ не вернетесь къ старому, ужасному, губительному заблужденію.

Объ одномъ прошу васъ, милые братья, усомнитесь въ томъ, что та жизнь, которая сложилась среди насъ, есть та, какая должна быть (жизнь эта есть извращеніе жизни), и повѣрьте, что любовь, только любовь выше всего; любовь есть назначеніе, сущность, благо нашей жизни; что то стремленіе къ благу, которое живетъ въ каждомъ сердцѣ, та обида за то, что нѣтъ того, что должно быть: блага,—что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только бы люди не считали, какъ теперь, жизнью то, что есть извращеніе ея.

Милые братья, ради вашего блага, сдѣлайте это: усомнитесь въ той кажущейся вамъ столь важной внѣшней жизни, которой вы живете, поймите, что, не говоря уже о личныхъ славѣ, богатствѣ и т. п., всѣ тѣ воображаемыя вами устройства общественной жизни милліоновъ и милліоновъ людей, все это ничтожные и жалкіе пустяки въ сравненіи съ той душой, которую вы сознаете въ себѣ въ этотъ короткій мигъ жизни между рожденіемъ и смертью и которая, не переставая, заявляетъ вамъ свои требованія. Живите только для нея и ею, тою любовью, къ которой она зоветъ васъ,—и всѣ тѣ блага и вамъ и всѣмъ людямъ, о которыхъ вы только можете мечтать, въ безчисленное число разъ больше приложатся вамъ.

Только повѣрьте открытому и зовущему васъ къ себѣ благу любви.

21 августа 1908 г. Ясная Поляна.

Я думалъ, что умираю, въ тотъ день, когда писалъ это. Я не умеръ, но вѣра моя въ то, что я высказалъ здѣсь, остается та же, и я знаю, что не измѣнится до моей смерти, которая, во всякомъ случаѣ, должна наступить очень скоро.

Примѣчанія къ XIX тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Въ этотъ томъ вошли произведенія Л. Н-ча, помѣщенныя въ трехъ томахъ посмертнаго изданія, за исключеніемъ драматическихъ произведеній, вошедшихъ въ XIV томъ. Всѣ произведенія исправлены по послѣдней редакціи, при чемъ приняты во вниманіе корректурныя ошибки и опечатки, исправленныя составителями этихъ трехъ томовъ уже послѣ выхода въ свѣтъ второго (удешевленнаго) изданія.

Въ приложеніи мы даемъ нѣсколько варіантовъ, частью уже помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ посмертному изданію, частью извлеченныхъ нами изъ оригинальныхъ рукописей, хранящихся въ Академіи Наукъ.

Кромѣ того, въ этомъ же томѣ мы помѣщаемъ разсказъ «Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича», напечатанныя въ первый разъ въ журналѣ «Русское Богатство», и статью «Благо любви»—послѣднее изъ появившихся въ печати произведеній Льва Николаевича, чуднымъ аккордомъ братской любви завершающее все великое зданіе, созданное его творчествомъ.

Ниже мы помѣщаемъ примѣчанія В. Г. Черткова къ разсказу «Посмертныя записки...» и къ статьѣ «Благо любви».

Въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ встрѣчались пропуски, которые для сохраненія смысла необходимо было пополнить тѣми или иными словами, вездѣ слова эти, какъ не принадлежащія Л. Н-чу, взяты въ прямыя скобки.

Примѣчаніе къ „Посмертнымъ запискамъ старца Ѳедора Кузьмича“.

Въ своемъ предисловіи къ сборнику «Цвѣтникъ» Л. Н. Толстой высказываетъ нѣкоторыя весьма характерныя мысли о

художественномъ творчествѣ. Онъ говоритъ, что «правду узнаетъ не тотъ, кто узнаетъ только то, что̀ было, есть и бываетъ, а тотъ, кто узнаетъ, что̀ должно быть»... «Всѣ словесныя сочиненія,—говоритъ онъ,—и хороши и нужны не тогда, когда они описываютъ, что̀ было, а когда показываютъ, что̀ должно быть; не тогда, когда они разсказываютъ то, что̀ дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное... Отъ этого и бываетъ то, что есть горы книгъ, въ которыхъ говорится о томъ, что̀ точно было или могло быть; но книги эти всѣ — ложь... И бываетъ, что есть сказки, притчи, басни, легенды, въ которыхъ описывается... такое, что̀ никогда не бывало и не могло быть, и легенды сказки, басни эти — правда, потому что онѣ показываютъ... въ чемъ правда Царствія Божія».

«Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича» могутъ служить яркимъ подтвержденіемъ такого отношенія Толстого къ своему художественному творчеству. Хотя онѣ и касаются дѣйствительнаго историческаго лица, но интересовало Льва Николаевича, главнымъ образомъ, не то, что̀ на самомъ дѣлѣ произошло или не произошло съ этимъ лицомъ, а то, въ чемъ была бы правда Божія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно было поставлено. Легенда, которую Толстой взялся разработать, трогала и волновала его не какъ болѣе или менѣе правдоподобное освѣщеніе дѣйствительнаго событія, а какъ глубоко поразившее его выраженіе простонароднаго отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ жизни. Записки эти написаны такъ живо, что, читая ихъ, забываешь, что онѣ вымышлены, и ловишь себя на томъ, что принимаешь ихъ за подлинную исповѣдь умершаго старца. А между тѣмъ старецъ этотъ не только ничего похожаго на эти «записки» послѣ себя не оставилъ, но самъ онъ, какъ выясняется послѣдними историческими изслѣдованіями, по всей вѣроятности, вовсе не былъ тѣмъ лицомъ, какимъ представило его себѣ въ поэтической легендѣ народное воображеніе.

Настроеніе Льва Николаевича по отношенію къ своей работѣ надъ «Ѳедоромъ Кузьмичемъ» часто мѣнялось, какъ и вообще съ нимъ нерѣдко бывало при его художественныхъ работахъ. Въ дневникѣ его за 1905 г. отъ 6 октября мы находимъ слѣдующую запись: «Кончилъ «Конецъ Вѣка» и читаю съ отмѣтками Александра I. Ужъ очень слабое и путанное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о немъ». 12 октября: «Ѳедоръ Кузьмичъ все больше и больше захватываетъ. Читалъ Павла. Какой предметъ! Удивительный»... 22 ноября: «Началъ Александра I... очень хочется писать Александра. Читалъ Павла и декабристовъ. Очень живо воображаю». 9 декабря: «Вчера продолжалъ Алексан-

дра I». 16 декабря: «Писалъ немного Александра I, но плохо». 18 декабря: «Нынче началъ писать Александра I, но плохо, неохотно». Послѣдняя запись въ дневникѣ объ этой работѣ сдѣлана 23 декабря 1905 г.: «Не дотрогивался въ это время ни до Александра I, ни до воспоминаній».

Послѣ того Левъ Николаевичъ, повидимому, больше не возвращался къ «Запискамъ старца Өедора Кузьмича», и произведеніе это, къ сожалѣнію, осталось въ совершенно неоконченномъ видѣ.

В. Чертковъ.

Герой повѣсти Л. Н. Толстого [1]).

...Итакъ, даже послѣ вскрытія чисто исторической невѣрности гипотезы, которая легла въ основаніе «Записокъ Өедора Кузьмича», — великій художникъ считалъ самый образъ прелестнымъ и внутренно правдивымъ. И дѣйствительно, — кто бы ни скрывался подъ именемъ отшельника Өедора, — Императоръ Александръ или незаконный сынъ Павла, разметавшій бурную жизнь по океанамъ и, наконецъ, ушедшій отъ міра въ глушь сибирскихъ лѣсовъ... Можетъ быть, еще кто-нибудь третій, — во всякомъ случаѣ драма этой жизни глубоко родственна основнымъ, самымъ глубокимъ и интимнымъ стремленіямъ собственной души великаго писателя...

Вл. Короленко.

Примѣчаніе къ статьѣ Л. Н. Толстого „Благо любви“.

Это обращеніе Льва Николаевича Толстого къ людямъ-братьямъ было передано мнѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ, съ которыми считаю своимъ долгомъ познакомить читателей.

Въ августѣ 1908 года — какъ разъ передъ той восьмидесятой годовщиной со дня его рожденія, которая вызвала такія восторженныя привѣтствія со стороны всего мыслящаго человѣчества,— Левъ Николаевичъ былъ тяжело боленъ. Болѣзнь эта, какъ и всѣ почти его серьезныя заболѣванія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія его жизни, явилась прямымъ послѣдствіемъ потрясенія, вынесеннаго отъ одного изъ тѣхъ душевныхъ кризисовъ, которые у него періодически наступали въ связи съ мучительно тяжелыми условіями его семейной жизни и окружавшей его обстановки.

---

1) «Русское Богатство» 1912 г. № 2.

Условія эти, вообще требовавшія отъ него усиленнаго напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ, по временамъ такъ усложнялись и обострялись, что становились ему почти невмоготу. Въ эти критическіе періоды, длившіеся иногда цѣлыя недѣли, у Льва Николаевича возникали сомнѣнія относительно того, правильно ли онъ поступаетъ, оставаясь жить въ своей семьѣ; и онъ не разъ бывалъ на краю того, чтобы ее покинуть. Но въ то время для него не обнаружились еще достаточно ясно тѣ обстоятельства, которыя впослѣдствіи освободили его отъ нравственной обязанности оставаться при семьѣ и убѣдили его въ необходимости немедленнаго ухода. А потому во время тогдашнихъ приступовъ томленія и колебаній онъ боялся, какъ бы стремленіе его къ освобожденію не было вызываемо побужденіями слишкомъ эгоистическаго характера; и сомнѣнія его, въ концѣ-концовъ, разрѣшались тѣмъ, что онъ оставался на своемъ посту и продолжалъ нести свой крестъ. Но, оставаясь дома въ той же самой гнетущей обстановкѣ, онъ все больше и больше убѣждался въ невозможности малѣйшей перемѣны къ лучшему въ окружающей его жизни. Тогда, подъ вліяніемъ почти полнаго истощенія силъ, онъ начиналъ мечтать о смерти, какъ о единственномъ доступномъ для него избавленіи; а тѣломъ его, изнуреннымъ отъ нервнаго и сердечнаго переутомленія, овладѣвала болѣзнь, развивавшаяся въ той части его организма, которая въ данную минуту оказывалась наиболѣе слабою.

Таковы были дѣйствительныя причины большинства тѣхъ тяжелыхъ заболѣваній Л. Н—ча, которыя въ свое время такъ волновали общество. Въ настоящемъ случаѣ, т.-е. въ 1908 году, Л. Н. переживалъ періодъ особенно острыхъ душевныхъ страданій.

«Все такъ же мучительно, — писалъ онъ въ то время въ своемъ дневникѣ: — жизнь здѣсь, въ Ясной Полянѣ, вполнѣ отравлена... Все дѣлается хуже и хуже, тяжелѣе и тяжелѣе. Не могу забыть, не видѣть... Я не могу долѣе переносить этого, не могу и долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія. Нельзя такъ жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу такъ жить, не могу и не буду...»

И онъ чуть было не ушелъ. Но и на этотъ разъ онъ не осуществилъ еще своей давнишней мечты. Удержало его, какъ онъ мнѣ тогда говорилъ, глубоко взволновавшая и обрадовавшая его мысль о томъ, что «когда не знаешь, какъ поступить, то слѣдуетъ выбирать тотъ исходъ, въ которомъ больше самоотверженія».

Онъ остался въ Ясной и, подавленный своимъ безвыходнымъ положеніемъ, черезъ нѣсколько дней заболѣлъ воспаленіемъ венъ, принявшимъ самый угрожающій характеръ. Одно время сильно опасались за исходъ его болѣзни. Самъ же Л. Н., подъ впечатлѣ-

ніемъ своего физическаго истощенія и равнодушія къ продленію жизни, предполагалъ, что смерть его приближается.

Въ этомъ настроеніи и написалъ онъ то обращеніе къ людямъ, которое здѣсь напечатано. Это было утромъ 21 августа. Того же числа днемъ онъ продиктовалъ слѣдующую запись въ свой дневникъ:

«Не писалъ съ 12-го числа. Здоровье все то же. Нѣтъ, лучше. Общее состояніе хуже, т.-е. ближе къ смерти.

«Нынче ночью испыталъ безъ всякой внѣшней причины особенно сильное и, мало сказать — пріятное, а серьезное, радостное чувство совершеннаго отпаденія не страха даже, а несогласія со смертью. Очень радуюсь этому, потому что это чувство, я знаю, не случайное, преходящее, а оно можетъ, не будучи испытываемо безпрестанно, оставаться въ глубинѣ души. И это очень хорошо. Чувство это подобно тому, что̀ бы испыталъ человѣкъ, узнавъ неожиданно для себя, что тамъ, гдѣ онъ считалъ себя вдали отъ дома, онъ подлѣ него, и что то, что̀ онъ считалъ чѣмъ-то страннымъ и чуждымъ, есть самый домъ его...» [1]).

Нѣсколько дней спустя Л. Н., сдѣлавъ къ своему «Обращенію къ людямъ» приписку о томъ, при какихъ обстоятельствахъ оно было написано, вручилъ его мнѣ для сохраненія, прося никому не показывать этой рукописи до его смерти. Меня тронуло то, что при этомъ у него былъ нѣсколько сконфуженный видъ, какъ будто онъ стѣснялся того, что, написавши предсмертное обращеніе къ людямъ, онъ, тѣмъ не менѣе, остался живъ.

Въ этомъ приведенномъ здѣсь обращеніи къ людямъ-братьямъ Л. Н. говоритъ о любви въ общихъ выраженіяхъ, какъ о чемъ-то вполнѣ извѣстномъ и понятномъ его читателямъ. И дѣйствительно, тѣ, кто близко знакомы съ жизнепониманіемъ Толстого, не ошибутся въ томъ, что̀ именно онъ разумѣетъ подъ словомъ «любовь». Но, съ другой стороны, выраженіе это было такъ затаскано и опошлено людьми, что многимъ оно ничего опредѣленнаго не говоритъ.

Помню, какъ въ бесѣдѣ съ однимъ ученымъ профессоромъ Л. Н. упомянулъ о томъ, что «люби ближняго, какъ самого себя» есть положеніе, происхожденіе котораго нѣтъ никакой надобности изучать, а требуется только изучать то, какъ его приложить. Профессоръ замѣтилъ, разводя руками:

— Ну, это — такое элементарное положеніе!

[1]) Строки эти были Л. Н—мъ продиктованы своему помощнику Н. Н. Гусеву, который уже цитировалъ ихъ въ своей книгѣ: «Два года съ Л. Н. Толстымъ».

— Какъ элементарное! — возразилъ Л. Н. съ жаромъ. — Да всѣхъ университетовъ на свѣтѣ не хватитъ для того, чтобы развить все, что̀ вытекаетъ изъ этого положенія.

Оба были правы. Для большинства людей «любовь къ ближнему» дѣйствительно стала понятіемъ настолько «элементарнымъ», что они считаютъ излишнимъ надъ нимъ призадуматься. Но для Л. Н. это было краеугольнымъ камнемъ всего его жизнепониманія, и когда онъ говорилъ о любви къ людямъ, то въ его устахъ это не было пустымъ звукомъ.

О тѣхъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, которыми была обставлена жизнь Л. Н-ча, я здѣсь упомянулъ единственно для того, чтобы отмѣтить особенное значеніе приведеннаго его обращенія къ людямъ. Когда станетъ общеизвѣстнымъ все то, что̀ Л. Н-чу пришлось перенести въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій его жизни, то его великій подвигъ выступитъ передъ людьми, какъ поразительный примѣръ послѣдовательности и жертвы собой. И тогда станетъ для всѣхъ очевиднымъ, что, говоря о дѣятельной любви и умоляя насъ повѣрить «зовущему насъ благу любви», Л. Н. стремился подѣлиться съ нами тѣмъ, что̀ составляло самую сущность его собственной жизни. Этотъ призывъ его къ людямъ-братьямъ, неудержимо вырвавшійся изъ самой глубины его изстрадавшейся, но просвѣтленной души, особенно намъ дорогъ, какъ подтвержденіе того, что, пожертвовавши своей жизнью ради любви, Л. Н., хотя и изнемогая физически подъ своей тяжелой ношей, до конца непоколебимо вѣрилъ въ конечное торжество того вѣчнаго Начала, служенію которому онъ себя всецѣло посвятилъ.

В. Чертковъ.

Приложенія къ XIX тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

I. Къ повѣсти „Хаджи-Муратъ“.

1. Къ главѣ XI. Пропущенный авторомъ отрывокъ. Объясненіе слова „хазаватъ“.

Въ первомъ наброскѣ «Хаджи-Мурата», сдѣланномъ Л. Н-чемъ въ 1896 г., это мѣсто разсказа Хаджи-Мурата заключаетъ въ себѣ объясненіе слова «хазаватъ». Приводимъ его полностью:

— Что такое хазаватъ и что такое мюридъ? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— А ты не знаешь?

— Я зналъ, да желалъ бы знать все сначала.

— А сначала былъ мулла Махомедъ. Я не видалъ его. Онъ былъ святымъ человѣкомъ, мюридъ. Онъ говорилъ:

«Народъ! Мы — ни магометане, ни христіане, ни идолопоклонники. Истинный магометанскій законъ вотъ въ чемъ: магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; магометанинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить подати, даже магометанину. Кто мусульманинъ, долженъ быть свободный человѣкъ, и между всѣми мусульманами должно быть равенство. Кто считаетъ себя мусульманиномъ, для того первое дѣло хазаватъ, война противъ невѣрныхъ, а потомъ исполненіе шаріата. Народъ! Мы отвергнуты закономъ, мы гости въ этомъ свѣтѣ, мы всѣ должны будемъ переселиться въ настоящее наше мѣсто, чтобы тамъ найти спасеніе. Вотъ что говоритъ пророкъ: «Тотъ мой мусульманинъ, кто не щадитъ ни жизни, ни имѣнья, ни семейства, кто исполняетъ волю Корана и исполняетъ шаріатъ. Поступающій согласно моимъ повелѣніямъ станетъ на томъ свѣтѣ выше всѣхъ святыхъ, до меня бывшихъ».

«Народъ! Клянитесь оставить свои прежніе пороки и удаляться отъ грѣховъ. Дни и ночи проводите въ молитвѣ, молитесь

Богу съ усердіемъ и плачьте и просите Его, чтобы Онъ васъ помиловалъ. Когда же настанетъ время вооружиться противъ невѣрныхъ, о томъ я узнаю по вдохновенію свыше и объявлю вамъ. Но до тѣхъ поръ рыдайте и молитесь. Я — самый грѣшный человѣкъ во всемъ мірѣ. Простите меня, я же отказываюсь отъ всего мірского».

— Такъ онъ сказалъ сначала, а потомъ, когда Магометъ открылъ ему все, онъ сказалъ:

«Именемъ пророка повелѣваю вамъ: ступайте на свою родину, соберите народъ, прочтите ему наставленія мои, вооружитесь и идите на хазаватъ, истребите враговъ и освободите братій нашихъ мусульманъ. Кто убилъ врага или самъ погибнетъ въ битвѣ—рай тому награда; если же вы убѣжите съ поля сраженія, или черезъ деньги и ложныя обѣщанія покорятъ васъ, тогда ваши мечети будутъ обращены въ церкви, вы будете навсегда прокляты, для васъ нѣтъ спасенія, и бойтесь гнѣва Божьяго. Вы живете въ крѣпкихъ мѣстахъ, вы храбры. Одинъ мусульманинъ долженъ идти противъ десяти невѣрныхъ и не поворачиваться спиной къ непріятелю. Кто такъ будетъ поступать, тотъ будетъ святымъ и вкуситъ всѣ наслажденія рая. Вотъ ваша обязанность! На нихъ благословляю васъ!»

— И вотъ Кази-Мулла повелъ хазаватъ, а за нимъ Гамзатъ, а за нимъ Шамиль.

— Такъ вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я убилъ мюрида, я сталъ думать о хазаватѣ. Тогда я еще не сталъ мюридомъ. Я и забылъ о словахъ этого мюрида. Я вспомнилъ ихъ только послѣ. Но тутъ вскорѣ Кази-Мулла былъ убитъ, и на мѣсто его сталъ Гамзатъ.

---

2. Къ главѣ XV. Отрывокъ, пропущенный авторомъ.

Чернышовъ этотъ былъ тотъ самый, котораго Растопчинъ заклеймилъ своей шуткой, когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о передачѣ всѣхъ имѣній Захара Чернышова, сосланнаго за 14-е декабря на каторгу, Александру Чернышову, военному министру. Къ удивленію всѣхъ членовъ Совѣта, знавшихъ, что Александръ Чернышовъ, участвуя въ судѣ надъ декабристами, болѣе всѣхъ другихъ старался погубить Захара Чернышова, Растопчинъ высказался за передачу имѣній сосланнаго Александру Чернышову. Когда же у Растопчина спросили, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, онъ сказалъ, что существуетъ старинный обычай, по которому палачъ всегда получаетъ кушакъ и шапку казненнаго.

Чернышовъ зналъ это, зналъ, что его вообще не любятъ, но никакъ не думалъ, что его не любятъ за его недостатки. Напротивъ, онъ думалъ, что его не любятъ за его высокія качества, доставившія ему успѣхъ, которому завидуютъ.

Думалъ онъ это потому, что онъ завидовалъ всѣмъ стоящимъ выше его. Такъ, онъ завидовалъ Воронцову.

---

3. Варіантъ къ главѣ XXI.

Но когда въ серединѣ обѣда рѣчь зашла о бывшемъ пріѣздѣ наслѣдника Александра Николаевича на Кавказъ и о томъ дѣлѣ, за которое онъ получилъ георгіевскій крестъ и Барятинскій сталъ разсказывать о томъ, какъ это было, они затихли и слушали, что говорилось. Были слухи о томъ, что это дѣло подготовилъ услужливый Воронцовъ старшій. Но по разсказу Барятинскаго выходило другое. Онъ разсказывалъ, что горцы, съ которыми столкнулся наслѣдникъ, были, хотя и не мирные, но выѣхавшіе съ мирными намѣреніями, только изъ желанія посмотрѣть на наслѣдника великаго царя, къ которому всѣ горцы питаютъ особенное уваженіе, почти обожаніе. Выѣхали горцы кучками изъ горъ и стояли поодаль, вдоль пути наслѣдника. Наслѣдникъ ѣхалъ впереди отряда — оказіи верхомъ. Съ нимъ рядомъ ѣхалъ переводчикъ Бата, и Бата сказалъ ему, что эти виднѣвшіеся горцы не мирные. Узнавъ, что это не мирные, наслѣдникъ вмѣстѣ съ переводчикомъ и казаками, сопутствующими ему, поскакалъ на нихъ. Казаки стали стрѣлять и убили одного горца, остальные скрылись.

— Когда я подъѣхалъ, — разсказывалъ Барятинскій, — наслѣдникъ хотѣлъ гнаться за ускакавшими, но я удержалъ его.

— Такъ ли было, ваше сіятельство? — сказалъ Козловскій.— Я слышалъ другое. Горцы, какъ, могли, какъ, стрѣлять по его высочеству. Можетъ быть, какъ, и посланы были.

— Нѣтъ, это были, навѣрное, только любопытные,—сказалъ Барятинскій.

— Вотъ какъ, — сказалъ Полторацкій Бутлеру, — а посмотри на Козловскаго, осрамится онъ.

— А что, — спросилъ Бутлеръ.

— А какъ же, сейчасъ будутъ пить его здоровье, ему надо будетъ говорить рѣчь.

— Ну, какъ-нибудь скажетъ, — сказалъ Бутлеръ.

— А вотъ увидишь, что осрамится, — говорилъ Полторацкій, испытывая истинное чувство страха за храбраго генерала.

Но случилось то, чего никто не ожидалъ.

---

4. Выпущенное авторомъ мѣсто изъ главы XXIII.

Хаджи-Муратъ не спалъ уже третью ночь. Какъ только онъ уходилъ въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ спалъ, ему тотчасъ же представлялось то, что было имъ пережито, и то, что могло ожидать теперь его близкихъ. То живо представлялась ему его жена — чеченка, тонкая, нѣжная Сампанета, въ рукахъ грубаго аварца, которому отдадутъ ее; то сынъ, которому кинжаломъ вырвутъ глаза и бросятъ на полъ, какъ это на его глазахъ сдѣлалъ Керимъ. И онъ представлялъ себѣ сына такимъ, какимъ онъ видѣлъ его послѣдній разъ. Это было наканунѣ выхода его изъ горъ. Все было уже у него готово. Пять вѣрныхъ его друзей выходили съ нимъ и должны были вывести его лошадь къ Аргуну. Онъ пѣшкомъ, въ одномъ бешметѣ, долженъ былъ выйти изъ дома. И вотъ въ этотъ-то день онъ въ послѣдній разъ спустился изъ сакли къ ручью, обмылъ ноги и въ тѣни зашедшаго за горы солнца разостлалъ коверъ и сталъ молиться. Онъ только что сѣлъ на колѣни, закрылъ большими пальцами уши и указательными глаза, какъ услыхалъ шаги, и не хотѣлъ оглядываться; но услыхалъ чмоканье, какимъ призываютъ соколовъ, и по этому звуку узналъ своего сына, Магому, и не могъ удержаться, и оглянулся.

Магома шелъ въ гору, легко поднимаясь своими длинными, тонкими ногами, и на одной лѣвой рукѣ, подогнутой къ плечу, несъ на перчаткѣ сокола, а другой, ловко размахиваясь, пускалъ высоко вверхъ поднимаемые съ земли камешки. Магома былъ въ одномъ синемъ бешметѣ, подпоясанный ремнемъ и кинжаломъ, и въ папахѣ, заломленной назадъ. И румяное, молодое пятнадцатилѣтнее лицо и вся высокая, тонкая фигура мальчика (онъ былъ только немного ниже отца) была очень красива особенной красотой горцевъ. Широкія, несмотря на молодость, плечи, очень широкій юношескій тазъ, и тонкій длинный станъ, длинныя, стройныя, сильныя ноги, и сила, гибкость, ловкость во всѣхъ движеніяхъ. Собираясь бросить камень, онъ останавливался, откидывая назадъ красивую голову, и, винтообразно развернувшись всѣми суставами, слегка подпрыгивая, далеко, высоко запускалъ камень — выше горы. Въ то время, какъ онъ вскинулъ камень, соколъ сорвался съ его руки и повисъ на ремняхъ, трепеща крыльями, пища̀, позванивая бубенцами. Магома ловкимъ движеніемъ опять вскинулъ его, зачмокалъ и опять нагнулся, выбирая получше камень. Тотчасъ онъ поднялся выше, и Хаджи-Муратъ уже не видалъ его. Онъ слышалъ звукъ голоса его сестры и веселый, звонкій хохотъ Вали-Магома.

Такъ видѣлъ онъ и слышалъ его въ послѣдній разъ, этого милаго, красавца, беззаботнаго юношу. Хаджи-Муратъ прослѣдилъ его глазами до поворота дороги и тогда сталъ молиться, и, помолившись, пошелъ внизъ къ своимъ, дожидавшимся его, нукерамъ. И съ тѣхъ поръ не видалъ ни жены, ни сына.

II. Къ разсказу „Отецъ Сергій".

Варіантъ конца.

Въ редакціи повѣсти 1891 года послѣ словъ: «Вотъ онъ тотъ топоръ, которымъ я рубилъ палецъ» (гл. VII, стр. 139), слѣдуетъ:

«Онъ схватилъ топоръ и вбѣжалъ въ избу. Она лежала раскинувшись и спала. Онъ подошелъ, примѣрился и, взмахнувъ топоромъ, ударилъ ее вдоль головы ниже темени. Она не крикнула, но вся привскочила и тотчасъ же опять упала, а онъ выбѣжалъ и пошелъ внизъ, къ рѣкѣ, у которой онъ не былъ четыре года. Вдоль рѣки шла дорога. Онъ пошелъ по ней и прошелъ до обѣда. Въ обѣдъ онъ вошелъ въ рожь и легъ въ ней. Къ вечеру онъ пришелъ къ деревнѣ на рѣкѣ. Онъ не пошелъ въ деревню, а къ рѣкѣ, къ обрыву. «Да, надо кончить. Нѣтъ Бога».

Этимъ кончалась первоначальная редакція повѣсти. Впослѣдствіи Л. Н. выкинулъ это мѣсто и написалъ приведенный нами въ текстѣ новый, болѣе пространный конецъ повѣсти.

III. Къ разсказу „Послѣ бала".

Варіантъ начала.

Былъ я студентомъ. Обыкновенно на провинціальные университеты смотрятъ свысока, а по-моему, провинціальные университеты лучше столичныхъ (имѣютъ свои преимущества). И тебѣ совѣтую отдать сыновей куда-нибудь въ Харьковъ, Казань, Кіевъ, не въ Москву. Не знаю какъ теперь, а въ наше время никакихъ въ нашемъ университетѣ и тѣмъ паче политическихъ теорій и демонстрацій не было. Были профессора нѣкоторые очень хорошіе, были и студенты, которые любили науку для науки, учились подъ руководствомъ старшихъ, какъ и свойственно юношамъ отъ 16 до 25—30 лѣтъ, были и такіе, которые, какъ вездѣ, учились затѣмъ, чтобы получить дипломъ и жалованье (этихъ было самое большое число) и были студенты, къ которымъ я принадлежалъ,

которые учились только настолько, чтобы переходить съ курса на курсъ и занимались тѣмъ, чтобы какъ можно веселѣе проводить время: шалить, пѣть, играть, иногда выпить, а главное влюбляться. Хорошо было во всѣхъ то, что мы не лгали, представляя изъ себя людей, озабоченныхъ только рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, мучениками принциповъ—это въ 20-ть-то лѣтъ. И были просто молодые люди, какіе всегда были и бываютъ молодые люди. Были такіе, что интересовались точно наукой. Были — большинство— такіе, которые учились для карьеры и для того, чтобы папаша съ мамашей не сердились, и были такіе, къ которымъ и я принадлежалъ, которые были заняты только тѣмъ, чтобы какъ можно веселѣе проводить время.

IV. Къ статьѣ „Фальшивый купонъ".

Излагая постепенное развитіе и ростъ зла, проистекшаго изъ одного проступка, Л. Н. вначалѣ хотѣлъ, на ряду съ ходомъ разсказа, изобразить эту эволюцію зла символически, въ видѣ чертей, растущихъ и увеличивающихся въ числѣ, при каждомъ новомъ проявленіи зла.

Такъ, напримѣръ, изображая ссору отца съ сыномъ, Л. Н. писалъ: «И въ ту минуту, какъ Ѳедоръ Михайловичъ всталъ изъза стола и закричалъ, чертенокъ, сидѣвшій у него на плечѣ, надулся, раздвоился, и тотъ, который былъ поближе, перескочилъ на плечо гимназисту».

Отецъ продолжаетъ кричать и осыпаетъ сына бранными словами, которыя страшно озлобляютъ гимназиста. «Чертенокъ, значительно прибавившійся въ ростѣ, ставъ величиною съ жука, весело танцовалъ на плечѣ гимназиста, дѣлая странныя гримасы».

Гимназистъ сбываетъ фальшивый купонъ въ магазинъ фотографическихъ принадлежностей и уходитъ. «Между тѣмъ, чертенокъ, сидѣвшій на плечѣ Мити, распухъ до порядочной величины, раздвоился и двойника своего оставилъ въ лавкѣ фотографическихъ принадлежностей».

Хозяинъ магазина бранитъ жену, принявшую фальшивый купонъ за настоящій. «Чертенокъ, оставшійся въ лавкѣ, сначала не зналъ, гдѣ пристроиться, но какъ только хозяинъ закричалъ, онъ уже сидѣлъ у него на плечѣ и радостно смѣялся».

Описывается сытая, барская жизнь, которой завидуетъ садовый сторожъ Василій. «Около всѣхъ этихъ господъ, и старыхъ

и молодыхъ, вились въ большомъ количествѣ, какъ мошки въ жаркій день, маленькіе чертенята, и всякій разъ, какъ Василій говорилъ себѣ: «Хорошо бы такъ пожить», чертенята эти раздваивались, перелетали къ нему на плечо и превращались въ одного увеличивающагося, большого, пухлаго дьявола».

Впослѣдствіи Л. Н-чъ выпустилъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминалось о чертяхъ.

V. Къ статьѣ „Записки сумасшедшаго“.

Выпущенное авторомъ мѣсто во 2-мъ отдѣлѣ (см. стр. 289).

Это была пустыня, черезъ которую я проходилъ, — пустыня наслажденій плотскихъ, отупѣнія душевнаго и мертвенности. И вступленіе въ эту пустыню и выходъ изъ нея сопровождались одинаково борьбой и страданіями. Четырнадцать лѣтъ — это были борьба и страданія смерти; тридцать пять лѣтъ — это были борьба и страданія родовъ. Четырнадцати лѣтъ, когда я узналъ порокъ тѣлеснаго наслажденія, я ужаснулся ему. Все существо мое стремилось къ нему, и все же существо, казалось, противилось ему.

VI. Къ разсказу „Іеромонахъ Исидоръ“.

Заглавіе дано редакціей. Въ рукописи произведеніе не озаглавлено

Въ рукописи автора имѣется слѣдующій конспектъ этого неоконченнаго разсказа:

1. Служба обѣдни. Сомнѣнія.
2. Бесѣда съ старцами. Сознаніе недостаточности для себя достаточнаго для нихъ.
3. Опять уединеніе. Дневникъ.
4. Мужики живутъ. Появляется Иванъ. Его хватаютъ.
5. Тюрьма, политическіе. Проповѣдь. Сестра выкупаетъ.
6. У сестры обличаетъ.
7. Къ революціонерамъ.
8. Къ товарищу-начальнику.
9. За границей.
10. Къ государю.
11. Беретъ на себя.
12. Казнь съ двумя разбойниками.

ОБЪЯСНЕНІЯ

нѣкоторыхъ восточныхъ и народныхъ словъ и спеціальныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ повѣсти „Хаджи-Муратъ".

Адатъ — обычай, неписаный законъ.

Айда — ступай, пошелъ.

Алейкумъ селямъ — см. Селямъ алейкумъ.

Аманатъ — заложникъ.

Арба — телѣга различной постройки, на Кавказѣ на двухъ колесахъ. Въ повѣсти арбы названы скрипящими, потому что кавказскіе народы никогда не смазываютъ осей.

Аулъ — село, деревня.

Байрамъ — главный мусульманскій праздникъ.

Балка — долина, ложбина, длинный и широкій природный оврагъ.

Баранчукъ — ребенокъ.

Баръ — есть.

Бекъ — старшина, начальникъ, почетный по роду или богатству обыватель.

Бешметъ — стеганая или суконная поддевка, надѣваемая подъ тулупъ или кафтанъ.

Буйволъ — азіатскій быкъ.

Бурка — большой плащъ изъ тонкаго войлока.

Веретье — грубый холстъ, сшитый въ нѣсколько полотнищъ.

Волоть — верхняя часть снопа.

Гурда — особый родъ очень цѣнимыхъ старыхъ шашекъ.

Гяуръ — презрительное названіе у турокъ для всѣхъ не мусульманъ.

Джигитовка — исполненіе верхомъ на лошади требующихъ чрезвычайной ловкости движеній: поднятія съ земли, на всемъ скаку лошади, разныхъ предметовъ и т. п. Джигитовкой горцы встрѣчали почетныхъ гостей и пословъ.

Джигитъ — молодецъ, лихой, храбрый, ловкій человѣкъ.

Заводная лошадь — запасная верховая лошадь.

Игреневый — (названіе масти лошадей) рыжій, съ гривой и хвостомъ свѣтлѣе туловища.

Имамъ — высшій руководитель духовной и общественной жизни народа.

Ишакъ — оселъ.

Іокъ — нѣтъ.

Кизякъ — сухой навозъ, употребляемый для топлива.

Кисты — кавказская народность, живущая по ущельямъ Макалдона и Аргуна.

Коранъ — священная книга мусульманъ.

Кошкильды — добро пожаловать.

Кумганъ — высокій глиняный кувшинъ.

Кумыки — народъ, живущій въ Дагестанской области.

Кунакъ — гость, другъ.

Кунацкая — комната для гостей.

Куртина — часть вала между двумя бастіонами (выступами въ укрѣпленіи).

Лезгины — горскія племена, населяющія южный Дагестанъ.

Лука — изгибъ сѣдла.

Ля илляхъ иль Алла — нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

Мечеть — мусульманскій храмъ.

Минаретъ — башня при мечети (см. мечеть).

Муталимъ — ученикъ.

Муэдзинъ — прислужникъ при мечети (см. мечеть), на обязанности котораго лежитъ три раза въ сутки, въ извѣстные часы, выходить на минаретъ (см. минаретъ) и пѣть громкимъ голосомъ молитву, что служитъ для всѣхъ вѣрующихъ сигналомъ для совершенія въ это же время молитвы у себя дома.

Мюридъ — послѣдователь тариката (см. тарикатъ).

Мюршидъ — наставникъ въ ученіи тариката.

Наибъ — начальникъ области.

Намазъ — молитва, совершаемая мусульманами три раза въ день.

Натруска — небольшая порошница для насыпки пороха на полку.

Ноговицы — отдѣльная часть обуви, покрывающая голень и доходящая до колѣнъ.

Нукеръ — тѣлохранитель, служитель.

Перевязь (солдатская) — кожаный ремень, на которомъ виситъ патронная сума.

Пешкешъ — подарокъ.

Пильгиши — клецки.

Пловъ — вареный рисъ, поджаренный вмѣстѣ съ кусочками баранины, лука и т. п.

Подсошка — подпора, подставка.

Полка — выступъ для насыпки пороха у кремневаго ружейнаго замка.

Сакля — избушка, хижина, землянка.

Сардарь — намѣстникъ.

Саубулъ — будь здоровъ.

Свясло — соломенный жгутъ для вязки сноповъ.

Селямъ алейкумъ—привѣтъ тебѣ, здравствуй,—татарское привѣтствіе, на которое обыкновенно отвѣчаютъ: Алейкумъ селямъ.

Сераль — дворецъ.

Тавлинцы — горскія племена, населяющія сѣверный Дагестанъ.

Тарикатъ — высшее духовное ученіе Магомета, состоящее въ томъ, чтобы отказываться отъ всѣхъ мірскихъ благъ, быть постоянно душою съ Богомъ, любить своихъ братьевъ.

Тулумбасъ — большой турецкій барабанъ, въ который бьютъ одной колотушкой.

Уланъ якши — молодецъ, хорошъ.

Фонтанъ — колодецъ.

Хаджи — арабское названіе тѣхъ, кто совершилъ паломничество въ Каабу, главное святилище мусульманъ.

Хазаватъ — война противъ невѣрныхъ.

Хозыри — помѣщенія для ружейныхъ патроновъ, нашитыя на черкескѣ по обѣимъ сторонамъ груди.

Чалма — головной уборъ бѣлаго цвѣта, употребляемый мусульманами, совершившими паломничество въ священныя мѣста. Чалма представляетъ собою кусокъ матеріи, которою обертывается шапка или папаха.

Чапракъ — подстилка подъ сѣдло.

Черкеска — верхняя одежда горцевъ изъ сукна.

Чеченцы — кавказская народность, обитающая въ Терской области.

Чихирь — крѣпкое кавказское красное вино.

Чувяки — мягкія туфли безъ каблуковъ, съ загнутыми носами.

Чурекъ — лепешки изъ кукурузной муки.

Шаріатъ — писаный законъ мусульманъ, основанный на Коранѣ.

Шейхъ — святой.

Якши — ладно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Художественныя произведенія посмертнаго изданія.

Опечатки.

При печатаніи 7 листа *XVI т.* «Полнаго собранія сочиненій» произошла осыпка набора, замѣченная уже послѣ отпечатанія. На стр. 100, первая строка сверху, слѣдуетъ читать:

пѣснѣ, симфоніи, нельзя вынуть одинъ стихъ, одну сцену, одну

